

Коллективная монография посвящена 25-летию кафедры географии мирового хозяйства МГУ им. М.В. Ломоносова. Раскрыты этапы ее формирования и научные достижения, намечены перспективы исследований. Рассмотрены новейшие сдвиги в географии ведущих отраслей и акторов глобальной экономики; рост взаимосвязанности и взаимозависимости регионов и стран мира.

Для специалистов по общественной географии, мировой экономике и регионоведению, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

ISBN 978-5-93520-088-0

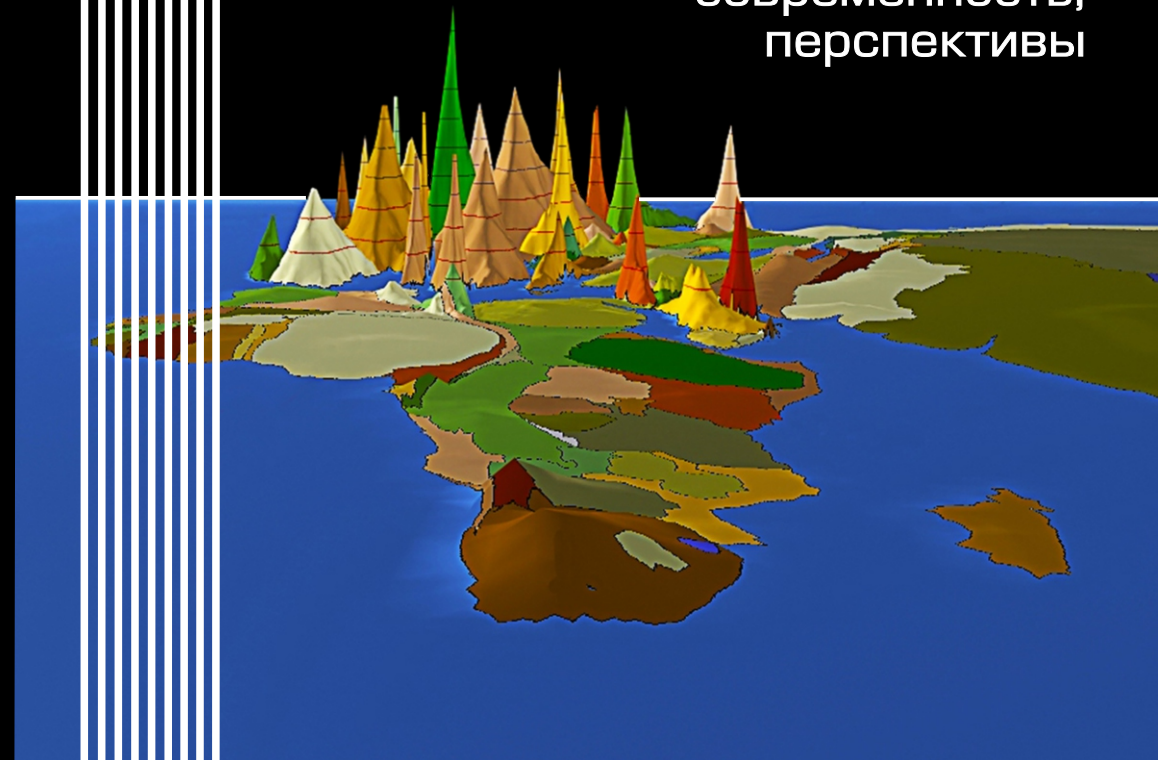
9 785935 200880

ГЕОГРАФИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА: традиции, современность, перспективы

ГЕОГРАФИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА:

традиции,
современность,
перспективы

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра географии мирового хозяйства

ГЕОГРАФИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА: традиции, современность, перспективы

Коллективная монография

Под редакцией В.А. Колосова и Н.А. Слуки

Издательство «Ойкумена»

Москва–Смоленск

2016

УДК 911.3
ББК 65.04
М64

*Печатается по решению
Ученого совета географического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

доктор географических наук А.П. Горкин,
кандидат географических наук Л.М. Синдеров

География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В.А. Колосова, Н.А. Слуки. Коллективная монография. – М.–Смоленск: Ойкумена, 2016. – 400 с.

Выпускающие редакторы: к.г.н. Е.А. Гречко и к.г.н. Д.В. Заяц.

Обложка В.А. Ерохиной.

На первой странице обложки: анаморфоза Африки и Европы, на которой площади стран соответствует численности населения, а высота пирамид – ВВП на душу населения. Автор – проф. В.С. Тикунов (географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова).

Коллектив авторов:

Акопян А.А., Алешковский И.А., Алисов Н.В., Бабурин В.Л., Бусыгина И.М., Вардомский Л.Б., Гитер Б.А., Глинкина С.П., Гречко Е.А., Грчич М., Евсеев В.А., Ерохина В.А., Заяц Д.В., Иванов Д.С., Иванов П.Н., Ионцев В.А., Ковалев Ю.Ю., Колосов В.А., Коробков А.В., Куликова Н.В., Лобанов М.М., Мироненко К.В., Мироненко Н.С., Мьяльздин Т.Н., Нагирная А.В., Недаев Г.В., Окунев И.Ю., Перевезенцев Д.С., Пилька М.Э., Родионова И.А., Романова Е.В., Руднева Я.А., Рябова Н.В., Самбурова Е.Н., Сафонов С.А., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю., Ханукаева П.Я., Хохлов А.В., Хубулов С.М., Шабалина Н.В., Янгаев П.А.

ISBN 978-5-93520-088-0

Монография – плод труда солидного пула авторов, ядро которого составляют сотрудники и выпускники кафедры географии мирового хозяйства Московского университета, отмечающей в 2016 г. 25-летний юбилей. Раскрыты этапы формирования и достижения отечественной школы географических исследований мирового хозяйства, обоснованы их приоритетные направления на ближайшую перспективу. Охарактеризованы тенденции пространственного развития мировой промышленности. Оценены новейшие сдвиги в географии нематериальной сферы – финансового и туристского рынков, НИОКР, авиаперевозок, телефонной связи и др. Освещены изменения места стран и регионов в мировой политике и экономике. Проанализированы международные миграции населения на разных территориальных уровнях.

Издание предназначено для широкой аудитории специалистов в области экономической и социальной географии, географии мирового хозяйства, преподавателей и научных сотрудников вузов, студентов и аспирантов.

Ключевые слова: МГУ, географический факультет, география мирового хозяйства, промышленность, нематериальная сфера, регионализация, акторы, ТНК, международные миграции.

Lomonosov Moscow State University
FACULTY OF GEOGRAPHY
Department of Geography of World Economy

GEOGRAPHY OF WORLD ECONOMY: Traditions, Present, Perspectives

Edited by Vladimir A. Kolosov and Nikolay A. Sluka

Associate editors Dr. Elena A. Grechko and Dr. Dmitry V. Zayats

Oykumena Publisher
2016

Geography of World Economy: Traditions, Present, Perspectives. Ed. by V.A. Kolosov and N.A. Sluka. Moscow – Smolensk: Oykumena, 2016. – 400 p.

The monograph belongs to a group of authors, mainly professors, research associates and former graduates from the Department of Geography of World Economy at Lomonosov Moscow State University celebrating in 2016 its 25th anniversary. They consider the stages of development, the achievements and the perspectives of this branch of human geography in Russia, shed light on the recent trends of the world industry's spatial dynamic and assess the shifts in the geography of nonmaterial sphere – the financial and tourist markets, R&D, air transportation, telecommunications, etc. They also analyze the change in the role of different global economic actors (in particular, TBC) and in the place of China, BRICS and some other countries in world economy. Few chapters are devoted to contemporary international migrations, especially the migratory crisis in Europe.

The book is destined to specialists in human geography, world economy, regional studies, university teachers, post- and under graduate students..

Key words: Moscow State University, Faculty of Geography, geography of world economy, industry, nonmaterial sphere, regionalization, actors, TNC, international migrations.

ISBN 978-5-93520-088-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (В.А. КОЛОСОВ, Н.А. СЛУКА)	5
РАЗДЕЛ 1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ШКОЛА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА	
Цели, задачи, проблемы географии мирового хозяйства (Н.В. АЛИСОВ)	11
Н.С. Мироненко как организатор школы географических исследований мирового хозяйства Т.Х. ТКАЧЕНКО)	20
Этапы становления школы географии мирового хозяйства (Н.А. СЛУКА).....	32
Мирохозяйственный переход в начале XXI в.: макротехнологические и пространственные трансформации (Н.С. МИРОНЕНКО, Б.А. ГИТЕР).....	40
Промышленный вектор исследований на кафедре географии мирового хозяйства Московского университета (Т.Х. ТКАЧЕНКО, С.А. САФОНОВ).....	49
Корпоративная география как проблемная область научных исследований мирового хозяйства (Н.А. СЛУКА)	59
Системы управления в современных транснациональных компаниях (Е.А. ГРЕЧКО)	70
Геополитика и мировое хозяйство: традиции и новые междисциплинарные направления исследований (В.А. КОЛОСОВ)	81
Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства (Б.А. ГИТЕР, Е.А. ГРЕЧКО, В.А. ЕРОХИНА, В.А. КОЛОСОВ, К.В. МИРОНЕНКО, М.Э. ПИЛЬКА, Е.Н. САМБУРОВА, Н.А. СЛУКА, Н.В. РЯБОВА, И.Н. ТИКУНОВА, Т.Х. ТКАЧЕНКО, А.В. ФЕДОРЧЕНКО, П.Ю. ФОМИЧЕВ)	95
РАЗДЕЛ 2. ДИНАМИЧНО МЕНЯЮЩАЯСЯ ГЕОГРАФИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	
Макротренды развития промышленности мира в эпоху глобализации (И.А. РОДИОНОВА, Н.А. СЛУКА)	102
Географические сдвиги на важнейших товарных рынках в начале XXI в. (А.В. ХОХЛОВ)	113
Пространственные сдвиги в мировой цветной металлургии в начале XXI в. (Д.В. ЗАЯЦ)	123
Сдвиги в пространственной структуре мирового рынка редкоземельных металлов (Т.Х. ТКАЧЕНКО, П.А. ЯНГАЕВ)	135
Основные характеристики развития промышленности стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы в 1990–2015 гг. (М.М. ЛОБАНОВ)	143
РАЗДЕЛ 3. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ ОТРАСЛЕЙ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В XXI ВЕКЕ	
Новейшие сдвиги в географии финансовых рынков мира (П.Ю. ФОМИЧЕВ)	156
География НИОКР и трансфер технологий в мировом хозяйстве (А.В. ФЕДОРЧЕНКО, Е.А. ГРЕЧКО, Н.В. РЯБОВА).....	170

География перехода отрасли авиационных перевозок к глобальной структуре (В.А. ЕВСЕЕВ)	185
Революционные изменения в географии мировой телефонной связи (А.В. НАГИРНАЯ)	191
Потребительская Интернет-торговля как объект исследования экономико-географической науки (Т.Н. МЯЛЬДЗИН)	202
Современные процессы и явления на международном туристском рынке (Н.В. ШАБАЛИНА, И.Н. ТИКУНОВА).....	213

РАЗДЕЛ 4. РЕГИОНЫ И СТРАНЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Постсоветское пространство: итоги и перспективы трансформации (Л.Б. ВАРДОМСКИЙ)	225
Постсоциалистические страны Европы: политические и экономические преобразования (С.П. ГЛИНКИНА, Н.В. КУЛИКОВА).....	238
Страны БРИКС в инновационной системе мира (Ю.Ю. КОВАЛЕВ).....	245
Изменение роли Китая в мировой экономике в пореформенный период (с 1979 г.) (Е.Н. САМБУРОВА, К.В. МИРОНЕНКО).....	255
Регионализация «макро» и регионализация «мезо»: фазы регионального строительства в Западной Европе (И.М. БУСЫГИНА).....	268
Микрогосударства в мировом хозяйстве (И.Ю. ОКУНЕВ)	280
Проблемы экономического районирования в условиях глобализации (В.Л. БАБУРИН)	291

РАЗДЕЛ 5. МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ: УСИЛЕНИЕ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ СТРАН И РЕГИОНОВ МИРА

Основные тенденции развития международной миграции в условиях глобализации (И.А. АЛЕШКОВСКИЙ, М. ГРЧИЧ, Д.С. ИВАНОВ).....	301
Крупнейшие миграционные системы мира: общие тренды и различия (А.В. КОРОБКОВ)	313
Масштабы и проблемы нелегальной миграции в глобальном мире (И.А. АЛЕШКОВСКИЙ, В.А. ИОНЦЕВ, Я.А. РУДНЕВА).....	328
Миграционный кризис: испытание европейской солидарности (Е.В. РОМАНОВА).....	336
Чешская Республика в системе международных студенческих миграций (Б.А. ГИТЕР, А.А. АКОПЯН, П.Н. ИВАНОВ, Г.В. НЕДАЕВ, Д.С. ПЕРЕВЕРЗЕНЦЕВ, П.Я. ХАНУКАЕВА, С.М. ХУБУЛОВ)	347

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (В.А. КОЛОСОВ)	355
--	------------

ЛИТЕРАТУРА	358
-------------------------	------------

ОБ АВТОРАХ	391
-------------------------	------------

CONTENTS	395
-----------------------	------------

ABSTRACT	397
-----------------------	------------

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография посвящена 25-летию юбилею кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ. Юбилей этот важный, но достаточно условный. История кафедры берет свое начало в далеком 1959 г., когда было принято решение о создании кафедры экономической географии зарубежных социалистических стран, существовавшей под этим названием до переломного в истории нашей страны 1991 г. Она располагала сильным коллективом преподавателей и научных сотрудников, большинство которых проработали на ней многие годы, и славными традициями, но потеряла преобладающую часть объекта своих исследований. Результатом длительной и нелегкой дискуссии о ее дальнейшей судьбе стало основание нынешней кафедры географии мирового хозяйства – единственного в нашей стране учебно-научного подразделения, специализирующегося в этой актуальной отрасли общественной географии. Несмотря на все более глубокое вовлечение стран и регионов мира в процессы глобализации, растущую глобальную взаимозависимость, мирохозяйственная тематика – сравнительно новая и малоизученная и в зарубежной географии. Тем более важно активизировать исследования и расширять междисциплинарные контакты в этой области.

Авторы книги – в основном сотрудники и известные ученые-выпускники кафедры, а также профессора и ведущие специалисты других факультетов и учреждений: МГУ, МГИМО, Института экономики РАН, Института географии РАН, РУДН и др. Книга нацелена на решение трех главных задач: обобщить опыт становления отечественной школы географических исследований мирового хозяйства, формирования методологических подходов и научных традиций кафедры; обсудить результаты последних изысканий; определить приоритеты исследований на ближайшую перспективу, видение новых пространственных процессов в глобальной экономике.

Основу книги составляет анализ нескольких сквозных тем. Это, во-первых, проявление в разных отраслях и сферах деятельности очередной эпохи перемен, вызванных одновременным реформированием геополитического пространства и «мирохозяйственным переходом», повлекшими явную дестабилизацию процессов глобализации, до последнего времени трактовавшихся как устойчивые и безальтернативные направления мирового развития. Во-вторых, революционные преобразования в территориально-отраслевых пропорциях мирового хозяйства, произошедших в чрезвычайно сжатые сроки. В-третьих, радикальные сдвиги в соотношении движущих сил и ключевых субъектов мирового хозяйства: дальнейшее усиление ТНК и смещение полюсов роста в Азиатско-Тихоокеанский регион, тон в котором задает Китай. В-четвертых, углубление различий в темпах и качественных трендах развития национальных и региональных экономик. Быстрый рост и перестройка хозяйства одних стран и регионов сопровождается упадком других.

Монография состоит из пяти разделов. В первом разделе показаны истоки, этапы становления и традиции отечественной школы географии мирового хозяйства, в частности, географии промышленности. Приведены ставшие классическими тексты двух статей заведующих кафедрой профессоров Н.В. Алисова (1921–2001 гг.) и Н.С. Мироненко (1941–2014 гг.), в которых намечены цели, объект и предмет, исследовательские задачи этой отрасли общественной географии. Анализируется вклад ученых-лидеров в развитие ее основных идей. В том же разделе нашли отражение новые перспективные и актуальные направления исследований в области географии мирового хозяйства: закономерности выстраивания цепочек добавленной стоимости, пространственная асинхронность глобализации, соотношение геополитических и мирохозяйственных процессов, формирование новой проблемной области – корпоративной географии, изучение сетеузловых структур, использование геоинформационных технологий и атласных информационных систем. Отмечается, что в связи с ростом транснациональных корпораций и процессами «надгосударственной» регионализации в существенной ревизии нуждается основополагающее для общественной географии и других дисциплин понятие международного разделения труда. Необходима переоценка возможностей и важнейшей для географии модели «центр-периферия».

Впервые в отечественной географической литературе дискутируется вопрос о неоиндустриализации – переходе к наукоемкому, высокотехнологичному, трудозамещающему и природосберегающему промышленному производству, обеспечивающему новый, более высокий уровень материального базиса экономики. Наиболее ощутим этот тренд в самых развитых странах мира, в частности, в Германии. Но масштабы потенциальных сдвигов и изменения конкурентоспособности отдельных стран под воздействием неоиндустриализации пока остаются неясными.

Два последующих раздела книги посвящены анализу трендов динамично меняющегося мирового хозяйства. Он базируется на комплексном использовании отраслевого и полимасштабного подходов. Это позволяет должным образом оценить как последние изменения в отраслях материальной и нематериальной сфер глобальной экономики, так и соотношение сдвигов в отдельных странах и регионах, их место в различных процессах.

Во втором разделе охарактеризованы основные черты развития мировой индустрии, которая остается решающим фактором эффективности всего экономического механизма. Естественно, в рамках монографии невозможно рассмотреть современную географию всех даже укрупненных отраслей промышленности, да такой задачи и не стояло. Важно было выявить наиболее существенные общие направления произошедших сдвигов, новые явления и процессы. Тем не менее, прослежены кардинальные изменения на многих мировых товарных рынках – нефти и газа, нефтепродуктов, стали, цветных металлов, в том числе алюминия и редкоземельных элементов, важных для производства высокотехнологичной продукции, пластмасс, круглого леса, зерна. Из анализа этих отраслей четко следует, что одна из

генеральных мирохозяйственных тенденций – рост доли развивающихся стран в производстве, потреблении и обмене промышленной продукцией.

В третьем разделе раскрыты особенности развития и оценены новейшие сдвиги в географии ряда секторов и отраслей нематериальной сферы мирового хозяйства. Особое внимание уделено финансовым рынкам, сфере НИОКР и международному туристскому рынку. Пионерный характер имеет глава, посвященная географии мировой телефонной связи, испытывающей революционные изменения, обусловленные формированием интегрированной системы глобальных цифровых коммуникаций. Выявлена, в частности, активная миграция как внутреннего, так и международного трафика из стационарной телефонной связи в сети мобильной телефонии, интернет-телефонии и альтернативных видов связи нового поколения. Впервые рассмотрена география растущей бурными темпами потребительской Интернет-торговли: установлены основные факторы и механизмы формирования межстрановых потоков товаров, приобретенных посредством Интернета, стратегии компаний, мировые лидеры. Специальная глава посвящена радикальной смене бизнес-модели международных перевозок воздушным транспортом, связанной переходом к глобальным структурам – формированию глобальных авиационных групп.

Четвертый раздел касается сдвигов в роли ряда крупных и малых стран и регионов мира в мировой политике и экономике, вызванных фундаментальными структурными сдвигами в мировом хозяйстве в условиях глобализации. На основе анализа масштабов, состава и географического распределения внешней торговли и инвестиций показано стремительно растущее влияние Китая – главной движущей силы включения в международное разделение труда многих развивающихся стран. При этом авторы обсуждают постепенную потерю этой страной сравнительных преимуществ в производстве трудоемкой продукции с невысокой добавленной стоимостью и возможность сохранения Китаем и в будущем роли «мировой фабрики». Очевидно, ключевое значение для дальнейших изменений соотношения экономической мощи ведущих стран и регионов имеет их инновационный потенциал. Проведено сопоставление инновационных ресурсов стран БРИКС и формирование в них наиболее перспективных отраслей, значение государственной политики и иностранных инвестиций в развитии национальных инновационных систем. Наиболее успешно они росли в Китае и Индии. России пока не удалось совершить инновационный прорыв, что, в частности, влияет на интеграционный потенциал постсоветского пространства. Аргументированно доказано, что он сильно ограничен противоречивыми интересами бывших партнеров. Представлены сценарии развития постсоветского пространства, которые определяются современными представлениями входящих в него стран о своем будущем, глобальной и региональной миссии, отражающимися в национальных проектах, программах, концепциях, стратегиях развития.

Значительное место в разделе отведено рассматриваемым на примере Европы процессам регионализации как одному из важнейших проявлений глобализации. Под ними понимается формирование регионов

разного генезиса, территориального охвата и зрелости, в том числе включающим целые страны и межгосударственным, то есть «секущим» государственные границы.

Наконец, в заключительном, пятом разделе предпринимается попытка аргументировать рост значимости человеческого капитала в глобальном экономическом развитии, а также взаимосвязи и взаимозависимости регионов и стран мира. Она посвящена комплексной характеристике современной международной миграции населения на разных территориальных уровнях. Показаны растущий масштаб и динамика явления, подробно рассмотрены основные тенденции международной миграции в условиях глобализации и изменения в составе мигрантов. На основе специальной методики впервые приведены оценки нелегальной миграции по странам. Выделены и сопоставлены общие тренды и различия крупнейших миграционных систем мира. Большое внимание уделено миграционному кризису в Европе, в том числе как острому вызову европейской интеграции. Особый сюжет – феномен современной международной образовательной миграции, проанализированной на примере Чешской Республики. Один из ключевых выводов раздела состоит в том, что стремительный рост обмена людскими ресурсами сочетается с попытками стран и регионов-реципиентов регулировать его на системной основе, отдавая предпочтение необходимым им категориям мигрантов, прежде всего, имеющим высокий уровень образования и квалификации. Наблюдается переход к модели целенаправленной подготовки, привлечения и концентрации человеческого капитала, что считается залогом конкурентоспособности страны на далекую перспективу.

В монографии отражены новые знания в области современного мирового хозяйства, что создает основу для повышения роли общественной географии и интеграции различных дисциплин в изучении глобального экономического пространства. Авторы выражают надежду, что книга вызовет интерес не только академических и университетских географов, но и представителей смежных дисциплин, преподавателей экономических и других вузов и что в определенной мере она может служить учебным пособием для студентов, изучающих мировое хозяйство.

Авторы выражают сердечную благодарность Н.В.Рябовой за составление и редактирование ряда карт, вошедших в настоящую книгу.

В.А. Колосов, Н.А. Слуга

РАЗДЕЛ 1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ШКОЛА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ ГЕОГРАФИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА ¹

Н.В. АЛИСОВ

География мирового хозяйства наряду с общей, отраслевой и региональной является составной частью экономической, социальной и политической географии. Все они в разной степени взаимосвязаны и ставят своей целью всестороннее исследование пространственной организации хозяйства. Это обуславливает необходимость выявления особенностей его формирования и структурных различий и изменений на разных этапах исторического развития. Однако география мирового хозяйства имеет свои специфические цели, задачи, методологию и методику изучения пространственных объектов и структур, отличающих ее от других направлений географии.

География мирового хозяйства и страноведение (составная часть региональной географии) – два наиболее близких направления экономической, социальной и политической географии. Однако у каждого из них свои собственные объекты, цели и задачи исследования. У них разный теоретический (прежде всего методологический и методический) подход к анализу проблем географии хозяйства страны, региона и мира. Вместе с тем они служат выполнению общей учебно-познавательной задачи в процессе изучения экономической, социальной и политической географии (как и в географической науке в целом с ее отдельными частями – физической и экономической).

География мирового хозяйства – самостоятельное и целостное направление научного исследования. Ее основная цель пространственный анализ составляющих это хозяйство отраслей и входящих в них производств. Она ставит своей задачей выявление воздействий географических условий, социально-экономических предпосылок и технико-экономических факторов развития производства и других видов деятельности, в настоящее время чаще всего организационных, формирующих их современную и будущую географию. Главными пространственными объектами анализа при этом являются страны и регионы.

¹ Опубликовано в журнале «Вестник Московского университета». Серия 5. География. – 1999. № 2. – С. 3–8.

В них складываются основополагающие отраслевые, территориальные и организационные структуры хозяйства мира.

Второй важнейшей задачей географии мирового хозяйства был и остается всесторонний пространственный анализ разветвленной и всеохватывающей системы разнообразных потоков товаров, финансовых средств, и в том числе предоставляемых международных услуг. Они образуют широкие, одновременно идущие внешнеэкономические связи между всеми государствами и регионами мира. Все это отражает суть процессов международной специализации последних на производстве и поставках продукции. Географическое исследование межстрановых и межрегиональных хозяйственных связей наиболее полно может раскрыть особенности интернационализации и глобализации мировой экономики.

В страноведении, также самостоятельном и целостном направлении географического исследования, основной целью является каждая конкретная страна мира. Оно ставит своей задачей в соответствии с современным представлением о страноведении анализ широкого круга вопросов физической, экономической, социальной и политической географии (в том числе населения, культуры, всех отраслей хозяйства и т.д.), касающихся рассматриваемого государства. Одна из главных проблем страноведения – районирование: изучение внутренних географических различий в государстве (физико-географических, социально-экономических и т.д.). Оно призвано выявить роль каждого района в государстве, его функции, взаимосвязи с другими районами.

Анализ внешнеэкономических проблем имеет для страноведения подчиненное значение. Хотя хозяйство целого ряда государств очень сильно зависит от внешней торговли и предоставления международных услуг, однако они, как правило, замыкаются на контактах со сравнительно ограниченным количеством партнеров. Практически каждая из стран мира экономически мало взаимосвязана с большинством других стран. На главных партнеров обычно приходится подавляющая часть внешнеторгового оборота любого государства. Задачи страноведения обращены на анализ преимущественно внутригосударственных отраслевых и территориальных проблем.

В то же время география мирового хозяйства и страноведение, кроме исследования присущих каждому из этих направлений своих специфических закономерностей, имеют и ряд общих целей. Помимо учебных задач они призваны решать и общие для них практические (прикладные) проблемы. Это четко прослеживается при размещении новых объектов в международной хозяйственной деятельности (предприятий, транспортных путей, телекоммуникаций и т.д.). Проектирование таких объектов должно учитывать интересы как каждой конкретной страны, так и целых регионов. Например, сооружение подводного железнодорожного тоннеля под Ла-Маншем отвечало экономическим интересам не только Великобритании и Франции, но и всей континентальной Европы. Такого рода исследования и разработки в настоящее время часто предпринимает ТНК, создающие предприятия и другие объекты своих дочерних фирм и филиалов во многих странах и регионах мира.

Мировое хозяйство является также объектом исследования не только географии, но и других наук: истории, экономики, политэкономии, политологии, юриспруденции, философии и т.д. Они рассматривают мировое хозяйство как совокупность отдельных стран с их различного вида взаимоотношениями и взаимосвязями на международном уровне. Национальные, экономические, политические, военные, религиозные и другие интересы отдельных государств зачастую чрезвычайно противоречивы и могут служить источником разного рода тяжелых конфликтов. Решение спорных межгосударственных проблем, выработка взаимоприемлемых условий экономического, политического и других подходов в сосуществовании стран планеты требует их детального исследования этими направлениями наук.

«Экономика мирового хозяйства» как отрасль экономической науки ставит своей целью исследование закономерностей идущих или ожидаемых международных процессов. В ней также анализируются отдельные отрасли производственной сферы и услуг, как и экономика государств в целом. Современное капиталистическое («рыночное») хозяйство жестко регулируется как в пределах национальных границ каждого государства, так и все чаще и сильнее испытывает мощное давление системы международных экономических и политических организаций. Все это позволяет выявить источники повышения эффективности и доходности в тех или иных отраслях хозяйства или всего экономического комплекса государства, как и причины, их тормозящие.

Результаты исследований этих общественных наук в области мирового хозяйства в ряде случаев совершенно необходимы для понимания целого ряда его пространственных проблем. Формирование и развитие географии мирового хозяйства на протяжении даже короткого исторического периода после окончания второй мировой войны испытало сильное воздействие разных экономических и общественно-политических событий. Содержащаяся в них информация и многие выводы представляют определенный интерес для географических исследований, однако требуют очень четкого пространственного анализа.

Исследования в географии мирового хозяйства отличаются рядом принципиально важных методологических особенностей. Сущность методологического подхода в географии мирового хозяйства состоит в первоочередном и приоритетном анализе специфики отраслевых и организационных его структур, например ТНК, с последующей их проекций на пространственные структуры – территорию стран и регионов. В страноведении последовательность анализа обратная: исходный объект исследования – государство или его составные части (республики, экономические районы и т.д.). После выбора объекта приступают к рассмотрению его «содержимого» (полезные ископаемые, климат, население, хозяйство).

Хозяйственные структуры мира в целом, его отдельных регионов и государств чрезвычайно сложны. В них обычно выделяют макро-, мезо- и микроструктуры, по которым оценивают и характеризуют основные параметры экономики. Такое членение используют и в географических исследованиях при анализе хозяйства стран, регионов, мира. Однако в отличие от экономической науки, спецификой географии является также

рассмотрение пространственных или территориальных структур хозяйства. Все своеобразие экономической и социальной географии стран, регионов и мира образует переплетение отраслевых, пространственных и организационных структур с их тем или иным внутренним членением.

В исследованиях по географии мирового хозяйства необходимо определить достаточность для анализа такого трехчленного деления отраслевой и территориальной структур. Для рассмотрения особенностей географии мирового хозяйства выделение таких объектов, как страна в целом и регион, вполне отвечает задачам анализа, имея в виду, что третьим объектом исследования остается мир в целом. В страноведении, где основным изучаемым объектом является государство, требуется более детальный анализ территории. Поэтому в нем наряду с экономическими районами (в крупных по площади странах их объединяют в зоны или регионы) выделяют также подрайоны, города и т.д.

Выбор страны как одного из главных объектов анализа пространственных проблем географии мирового хозяйства определяется, как правило, четкостью присущих ему экономических и других показателей в рамках национальной территории. Длительное историческое развитие большинства стран способствовало формированию в каждой из них своей специфики хозяйства. Последнее испытывало воздействие мировой экономики и в свою очередь оказывало на нее то или иное влияние. Эти процессы взаимодействия разных территорий на разных исторических этапах были неодинаковы, например, в связи с изменением национальных границ стран.

В послевоенную эпоху сложился ряд разделенных государственными границами и другими разграничительными (демаркационными) линиями прежде единых стран (Вьетнам, Германия, Китай, Корея). В конце XX в. прошли процессы объединения некоторых из них: Южный Вьетнам (или Республика Вьетнам) с Социалистической Республикой Вьетнам (СРВ), Федеративной Республики Германия (ФРГ) с Германской Демократической Республикой (ГДР), включение Сянган (Гонконг) в состав своей исторической родины – КНР. Однако продолжают существовать Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Республика Корея (Южная Корея), историческая провинция Китая, о. Тайвань сохраняет свою политическую и экономическую независимость.

В 1990-е гг. произошли самые крупные изменения на политической карте мира: расчленение СССР на 15 самостоятельных республик и ряд территорий с неопределенным статусом (Приднестровская Молдавская Республика и др.). Большинство из этих новых республик образовало Содружество Независимых Государств (СНГ) также с неопределенным международным и политическим и экономическим статусом. В те же годы Чехословакия распалась на два государства. Сложная перекройка территории и установление новых государственных границ имели место в Югославии, где возник ряд новых республик и нечетких в политическом отношении территорий. Все это изменило политический и экономический рейтинг указанных государств в мире, существенно отразилось на исследовании объектов в географии мирового хозяйства.

Все происходящие изменения в государствах – в их национальных границах, составе территории и особенно в хозяйстве – учитываются в стра-

новедении и в не меньшей степени в географии мирового хозяйства, ибо касаются не только одной страны, но затрагивают все мирохозяйственные процессы. Так, в результате распада СССР другие государства вместо него заняли ведущее место в мире по добыче нефти и железной руды, производству тракторов, цемента, шерстяных тканей, животного масла, молока и т.д. Это коренным образом изменило рейтинги отдельных стран в разных отраслях мирового хозяйства.

Значение географического исследования регионов обусловлено растущей ролью процессов интернационализации и глобализации в мировом хозяйстве. Во второй половине XX в. они все шире и шире шли проявляться в форме интеграции хозяйства групп государств. В ней отмечается ряд стадий, отличающихся глубиной своего развития: зоны свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический и политический союзы. Их общей чертой становится стремление к ликвидации тех или иных экономических межгосударственных барьеров с целью повышения эффективности производства у каждого из участвующих в этих интеграционных процессах государств.

Анализ уже сложившихся интеграционных групп (Европейский союз – ЕС, Североамериканское соглашение о свободной торговле – НАФТА, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество – АТЭС и общие рынки ряда стран Южной Америки, Африки и т.д.) показывает, что они охватывают целые части света. Их можно рассматривать как экономические интеграционные регионы: Северная Америка, Южная Америка; почти все страны Западной Европы входят в ЕС или ЕАСТ; в такие региональные объединения вошло большинство государств Юго-Восточной Азии. Географические условия (общность территории части света или близость разделенных морями стран АТЭС) и предпосылки экономического, исторического характера оказали существенное влияние на формирование интеграционных групп в каждом из этих регионов.

Выделение региона Восточной Европы требует особого рассмотрения. Он занимает значительную часть Евразии, особенно в Европе. В состав данного экономического региона входят все страны бывшего Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ): территория бывшего СССР (современная группа государств СНГ и Прибалтики), Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария, формально не вышедшая из него Албания. К данному региону относятся и все новые государства, вышедшие из состава бывшей Югославии. Они имели много общих географических, этнических, исторических, геополитических закономерностей развития.

Главным критерием для выделения Восточной Европы в качестве одного из регионов мира является общность экономического развития после второй мировой войны указанной группы государств. Она выразилась в необходимости:

- 1) восстановления разрушенного как нигде в Европе в ходе войны народного хозяйства;
- 2) широкомасштабной индустриализации слаборазвитых в прошлом в большинстве своем стран региона;

3) поиска путей решения этих сложнейших экономических проблем при очень ограниченных сырьевых, топливных, финансовых и других ресурсах в целом ряде стран региона;

4) осуществления важнейших очень тяжелых социальных задач трудоустройства населения, создания систем образования, здравоохранения и т.д.

Общность экономического и политического строя государств региона обусловила возможность перехода к плановому ведению народного хозяйства в каждом из них. Высшим достижением межгосударственного сотрудничества социалистических стран региона было создание СЭВ. Он стал органом по координации и проведению социалистической экономической интеграции во вступивших в СЭВ государствах Восточной Европы, среди которых была и ГДР. Эти обширные интеграционные процессы в государствах-членах СЭВ в условиях планового ведения народного хозяйства со всеми его крупными достижениями, просчетами и нерешенными экономическими проблемами охватили период более 40 лет. Они проходили в обстановке постоянного идеологического, политического и внешнеэкономического жесткого давления блока государств НАТО.

Зарубежные государства Восточной Европы благодаря преимуществам планового ведения хозяйства, активному участию в интеграционных процессах в рамках СЭВ и многосторонней помощи СССР в короткие исторические сроки преобразовали свою экономику. В них была создана крупная многоотраслевая промышленность, произошел мощный рост сельскохозяйственного производства. Через их территорию прошли самые большие (мирового значения) системы газопроводов и нефтепроводов из СССР, обеспечивших эти страны дешевым углеводородным сырьем и топливом. Создание уникальной Объединенной энергетической системы европейских стран СЭВ решило острые проблемы устойчивого и высокоэффективного снабжения их электрической энергией. Зарубежные социалистические страны Восточной Европы превратились в индустриально-аграрные.

Политическое и экономическое единство государств Восточной Европы резко изменилось после распада СССР и СЭВ. На всем народном хозяйстве зарубежных стран региона тяжело отразилась потеря доступа к топливным и сырьевым ресурсам бывшего СССР и особенно его обширного рынка для сбыта своих товаров. Это привело к сильному падению промышленного и сельскохозяйственного производства, вергло страны Восточной Европы в состояние глубокого экономического, а в некоторых – и политического кризиса. Не оправдалось стремление каждого из государств региона переориентировать свои экономические связи на западные страны: сельскохозяйственная продукция восточноевропейских производителей (чаще всего не соответствующая стандартам ЕС) Западной Европе практически не нужна. Не могут эти страны предложить и высокотехнологичных промышленных изделий.

В Западной Европе все более усиливается Европейский союз, экономический потенциал которого становится ведущим в мире. Однако его минерально-сырьевая база ограничена, а внешняя торговля в основном замыкается в пределах Западной Европы. Их можно расширить в первую очередь за счет

более тесных взаимосвязей с СНГ и другими государствами Восточной Европы. Для России ФРГ уже стала главным внешнеэкономическим партнером. При этом ФРГ – наиболее мощный член Европейского союза – первой поняла все выгоды экономических отношений с Россией, несмотря на тяжелейший кризис ее хозяйства.

Транзитные потоки западноевропейских товаров (особенно германских) и топлива, и сырья через территорию зарубежных государств Восточной Европы в обратном направлении из России продолжает расти. Последние подвергают себя риску остаться вне этих взаимоотношений общеевропейского значения. Поэтому ряд восточноевропейских государств начинает осознавать новые тенденции развития экономических взаимосвязей в Европе. Для этих, пока немногих, стран Россия постепенно становится важным торговым партнером. Усиление внутрорегиональных хозяйственных отношений одинаково выгодно всем государствам Восточной Европы.

Отраслевые структуры народного хозяйства в силу далеко зашедшего разделения общественного труда являются наиболее сложными для экономического и особенно географического анализа. Чаще всего анализируют макроструктуры всего народного хозяйства страны или мира. Они включают промышленность, сельское и лесное хозяйства, строительство, транспорт, сферу услуг. Макроотраслевая структура дает лишь самые общие характеристики хозяйства мира, отдельных государств и их районов, но именно эти показатели чаще всего используют в страноведческих сравнениях или для оценки идущих экономических изменений в хозяйстве.

Мезоотраслевые структуры более детально раскрывают особенности хозяйства. Так, в индустрии наряду с ее технологическим делением на добывающую и обрабатывающую, в последней рассматривают ряд ее подотраслей: электроэнергетику, металлургию, машиностроение, химическую и т.д. По показателям мезоструктуры можно дать более полную качественную оценку хозяйства, его развитость, совершенство. Показатели мезоотраслевых структур хозяйства находят широкое применение как в исследовательских анализах, так и в учебных курсах по экономике, географии.

Однако в составе мезоотраслевых структур отдельных стран есть различия, искажающие межстрановые и отраслевые сравнения. Так, коксохимическая промышленность в одних странах входит в металлургическую, в других – в химическую, в третьих – в топливную. То же самое имеет место с промышленностью химических волокон (она дается или в химической, или в легкой); резинотехническую часто не включают в состав химической и т.д. Все это имеет место и в других отраслях хозяйства.

В специальных научно-исследовательских работах, в проектных разработках при создании новых производств и предприятий, а также во всех видах торговой и рекламной деятельности применяют гораздо более дробные структуры. В них подотрасль промышленности рассматривается как макроотраслевая структура, в которой выделяют очень конкретные производства, вплоть до анализа конкретного вида продуктов.

Намечаемое размещение производства продукта или оказания услуг являются практической реализацией технических, экономических, географических и других исследований. Результаты таких научных работ

закладываются в проект будущего нового предприятия или соответствующей реконструкции действующего.

Продукт, как и предоставленная определенная услуга, – исходные объекты, основа всех проектных исследований, экономических анализов. По ним устанавливается на рынках цена данного товара или величина тарифа на предлагаемую услугу. При разработках новых видов продукции или услуг выявляют возможный круг их потребителей. Это предопределяет вероятные издержки производства, его объемы, рентабельность и т.д. Выявленные показатели вкладываются в проект создаваемого предприятия или учреждения сферы обслуживания.

Продукт и услуга как основа экономического и географического анализа определяют все проблемы «задачи исследования международного разделения труда. Специализация стран и регионов на поставках конкретных их видов обуславливает сущность мировой внешнеэкономической деятельности, ее разветвленные торговые связи и предоставление услуг международного значения. Страна не может специализироваться на промышленности в целом, как и на сельском хозяйстве и других отраслях экономики. Она специализируется на тех и только тех видах продукции и услуг, для производства которых в ней, по сравнению с другими странами, имеются соответствующие географические условия, экономические и научно-технические предпосылки. Они не могут быть в равной степени благоприятными для всех отраслей и производств народного хозяйства любой страны и региона мира.

В исследованиях по географии мирового хозяйства очень важен исторический подход в анализе изменений всех его структур. В страноведении, как правило, дается только современная характеристика хозяйства государства без детального анализа поэтапных особенностей его формирования. В географическом исследовании отраслей мирового хозяйства, изменений их роли по странам и регионам необходимо проследить этот процесс хотя бы на протяжении второй половины XX в. В этот период шло активное внедрение технических и технологических достижений, оказавших сильнейшее воздействие на географию мирового хозяйства.

Наиболее удобными для анализа являются десятилетние периоды (1950, 1960, 1970, 1980, 1990 и последний год, по которому опубликована информация). Обычно эти «ключевые» даты хорошо представлены в различных статистических справочниках, что упрощает получение информации. Такие десятилетние периоды достаточно полно и четко позволяют рассмотреть реализованные достижения в научно-техническом прогрессе разных стран и мира в целом. За такой период осуществляется весь цикл разработки инновационной техники и технологии, ее внедрение в производство, освоение изготовления изделий и сбыт их на внутреннем и внешнем рынках.

Одна из труднейших проблем в исследованиях экономической географии – определение эффективности происходящих изменений в хозяйстве по мере его развития. В страноведении и в экономике мирового хозяйства с этой целью используют показатели валового национального продукта (ВНП) и валового внутреннего продукта (ВВП). При всей условности исчисления данных показателей и присущих им недостатков они позволяют

сопоставить эти стоимостные показатели хозяйства отдельных государств мира. В географии мирового хозяйства применить их для оценки отдельных отраслей, а тем более продуктов, невозможно: из них нельзя выделить стоимостные оценки каждого из них.

В географии мирового хозяйства чрезвычайно важен анализ стоимостных показателей производства тех или иных видов продукции или оказываемых услуг. Это хорошо отражают показатели их себестоимости в разных странах, однако они, как правило, являются коммерческой тайной и практически не публикуются. Лишь изредка проскальзывают отдельные, несопоставимые, по странам данные. Кроме того, в условиях рыночной экономики цены подвержены периодическим, весьма существенным колебаниям в зависимости от соотношения спроса и предложения на продукцию и услуги. Такие конъюнктурные влияния искажают реальную ситуацию с затратами на выпуск аналогичной продукции в разных странах мира. Поэтому для сравнительных показателей затрат приходится прибегать к экспертным оценкам, несмотря на их условность.

При исследованиях географии мирового хозяйства следует иметь в виду неполноту, непредставительность, несравнимость и даже искажение статистических показателей по отдельным государствам. Это объясняется рядом причин: слабостью статистических служб целого ряда стран, стремлением других государств закрыть публикацию некоторых данных в силу их военной, экономической, политической тайны и т.д. Особенно много закрывалось статистической информации в СССР. Многие натуральные показатели без их стоимостного эквивалента искажают представление о степени развития производства (например, разные типы металлорежущих станков, отличающихся своими техническими характеристиками, а значит, и ценой, дают в «штуках» или «единицах»). В силу экономических особенностей статистические данные приводятся на разные периоды (календарный год, сельскохозяйственный год, финансовый год). Как правило, официальные статистические сборники публикуют информацию по показателям мировой экономики с опозданием на три-четыре года.

Информация международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ФАО и др.) охватывает лишь ограниченный круг данных, а структурные показатели настолько обобщены, что для исследовательских экономических и географических целей совершенно непригодны.

Отличительной особенностью географии мирового хозяйства является обязательный одновременный охват ее исследованиями отраслевой структуры экономики, включающей все государства и регионы мира. Последние как самостоятельные объекты оказались в известной степени вне интересов экономической географии. Поэтому такое крупное территориальное образование как регион должно стать особым объектом анализа географии мирового хозяйства. Все ее методологические и методические подходы полностью применимы и к исследованию экономики регионов и выявлению их роли в мире. Они должны стать связующим звеном в триаде: хозяйство мира – хозяйство региона – хозяйство страны.

Н.С. МИРОНЕНКО КАК ОРГАНИЗАТОР ШКОЛЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА¹

Н.А. СЛУКА, Т.Х. ТКАЧЕНКО

Невосполнимая утрата. 6 декабря 2014 г. ушел из жизни Николай Семенович Мироненко, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный профессор Московского университета, доктор географических наук, свыше 20 лет заведовавший кафедрой географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Каждый раз, вспоминая или с печалью провозжая в последний путь своих учителей-географов, специалистов по зарубежному миру, удивляешься, с одной стороны, непредсказуемости и тернистости их жизненного пути, а с другой – богатству страны талантами и широкой географии происхождения элиты Московского университета, его профессорского корпуса. Иван Александрович Витвер – уроженец с. Ильино, Тверская губерния; Исаак Моисеевич Маергойз – с. Янов, Подольская губерния; Виктор Вацлавович Вольский – ст. Злынка (ныне – поселок Вышков), Брянская область; Александр Евгеньевич Слукa – город Горки, Могилевская область...

Вот и Николай Семенович Мироненко, выходец из небольшого села Придорожное Джанкойского района Крыма, трудовую биографию которого, излагая при желании в телеграфном стиле, можно уложить в несколько строк. Обучение в семилетней школе (1948–1956 гг.), Херсонском гидрометеорологическом техникуме по специальности «метеорология» (1956–1960 гг.); экстернат и окончание с золотой медалью полной средней школы с последующей службой в армии (1960–1963 гг.); студент естественно-географического факультета (1963–1968 гг.); ассистент на кафедре экономической географии Крымского государственного педагогического института (1968–1970 гг.); аспирант (1970–1973 гг.) и в дальнейшем сотрудник географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова [Николаю Семеновичу Мироненко 70 лет, 2011, с. 144]. Однако сухие анкетные данные биографии совершенно не могут отразить ни масштаба личности Н.С. Мироненко, ни значимости таланта и колоссального объема, выполненной им работы организационного, учебного, исследовательского характера.

Учителя и научные школы. Трудно переоценить роль учителей в формировании ученого. И в этом плане Н.С. Мироненко очень повезло. В определение его научной, да и жизненной судьбы важную лепту привнес первый, крымский период. На молодого ассистента обращает внимание и «берет под свое крыло» на кафедре экономической географии Крымского государственного педагогического института профессор И.Т. Твердохлебов – признанный специалист в области экономической географии зарубежных стран, основной сферой научных интересов которого с конца 1960-х гг. становится новое направление – рекреационная география.

¹ Опубликовано в журнале «Региональные исследования». – 2015. – № 1 (47). – С. 160–168.

Обладая научной интуицией, И.Т. Твердохлебов точно уловил возможности экономической географии в исследовании данной проблематики. Теоретические основы развития рекреационной географии были заложены V съездом Географического общества СССР (1970 г.). Знаменательно, что на этом съезде авторами доклада «Проблемы рекреационной географии», в котором было заявлено о появлении фактически новой науки, сформулированы ее основные задачи и направления, были не только маститый профессор И.Т. Твердохлебов, Н.В. Багров, но и совсем юный Н.С. Мироненко [Продолжаем начатое..., 2011, с. 21]. Оказавшись у истоков формирования отечественной научной школы рекреационной географии, Н.С. Мироненко оставался верен ей на протяжении всей своей жизни, породив немало идей, учеников, работ, в том числе изданных за рубежом. Отчасти символично, что одним из последних трудов профессора стал новый учебник по географии туризма¹. С именем и непосредственным участием И.Т. Твердохлебова связаны также истоки глубокого интереса Николая Семеновича к зарубежному страноведению, но помимо этого и важнейший поворот в научной судьбе и жизненной карьере.

Профессор И.Т. Твердохлебов открывает аспирантуру, в которой осуществляется подготовка специалистов, исследующих проблемы страноведческого характера, и, пользуясь авторитетом в научной и академической среде Москвы и Ленинграда, организует научные стажировки своих аспирантов в МГУ имени М.В. Ломоносова. Одним из первых стажеров-крымчан стал Н.С. Мироненко, направленный по личной просьбе и рекомендации И.Т. Твердохлебова на кафедру экономической географии зарубежных социалистических стран к И.М. Маергойзу. «Сам провинциал порождению, он (*Маергойз – авт.*) был особенно чуток к «иногородним»: это ему стажер и аспирант Коля Мироненко из Симферополя обязан тем, что остался в Москве, где дорос до профессора Николая Семеновича Мироненко, заведующего «маергойзовской» кафедрой [Полян, Трейвиш, 2012, с. 27].

«Попав в лапы» И.М. Маергойза, выдающегося мыслителя и учителя, в «маергойзовскую школу», начинается очень важный, наверное, решающий этап формирования и становления личности, обретения нового уровня мышления, «уплотнения таланта» и одновременно укладки спектра исследовательских направлений. Страноведческая струна, заложенная на крымском этапе и развитая под руководством и в тесном сотрудничестве с И.М. Маергойзом, никогда не угасала потом в творчестве Н.С. Мироненко. Под влиянием идей профессора, в частности, под влиянием разработки концепции территориальной структуры хозяйства, закладываются основы системно-структурного анализа в научном мышлении Н.С. Мироненко.

Еще одна удача в судьбе, что во «времена Маергойза» кафедрой экономической географии зарубежных социалистических стран МГУ заведовал профессор О.Т. Богомоллов, симпатизировавший и приветствовавший ре-

¹ Кружалин В.И., Мироненко Н.С., Зигерн-Корн Н.В., Шабалина Н.В., Аигина Е.В., Голубчиков Ю.Н., Тульская Н.И. География туризма: учебник. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. – 336 с.

форматорские движения в странах «социалистического лагеря». Под его влиянием формируются основные мировоззренческие и гражданские позиции Николая Семеновича. Так получилось, что им он не изменял на протяжении всех последующих лет жизни. Уже навсегда – после «богомоловской прививки» – ученый остается приверженцем либеральных реформ, «рыночником», хотя и понимая, естественно, что в реальной жизни не существует правления только чистого рынка либо только государственного управления.

К своей школе в географии. Наступивший в 1990-е гг. системный перелом в жизни страны оказался поворотным моментом и в жизненном, и в творческом пути Н.С. Мироненко. Только сейчас, по прошествии времени, как бы издалека, приходит осознание громадности задачи, перед которой оказался профессор, возглавив в 1992 г. по сути новую, а по составу исследовательского и преподавательского коллектива – прежнюю (!) кафедру. Как переориентировать исследовательский интерес оставшихся людей, перестроить учебные планы в соответствии с новой тематикой, какие должны быть новые приоритеты собственного научного интереса?

Под влиянием внешних мощных факторов в творческом пути Н.С. Мироненко происходит своеобразный скачок в новое исследовательское поле – географию мирового хозяйства. Определив главное направление научно-исследовательской работы кафедры как изучение пространственной структуры мирового хозяйства в качестве глобальной системы, основанной на международном разделении труда, стержневым направлением его собственных научных устремлений становится задача теоретизации избранного направления науки, концептуальное обоснование мирового пространственного развития.

Им подробно разрабатывается и, что особенно важно, внедряется в учебный процесс концепция цикличности мирохозяйственного развития как основы понимания сдвигов в пространственных структурах мироустройства. Он дает современную трактовку международного разделения труда как основы пространственного развития мирового хозяйства. Исходя из реально происходящих процессов в сфере мировых обменов, сформулировано представление о двух видах международного разделения труда: собственно международном (ему соответствует поле связей между странами) и транснациональном разделении труда (ему соответствует поля связей между транснациональными фирмами с их внутренними системами информации, доминирующей глобальной или региональной стратегией). При этом налицо мощная динамика в углублении изысканий. Если на начальном этапе на кафедре изучались пространственные интегральные отношения в мировом хозяйстве с помощью центрально-периферического подхода, то следующим шагом стал переход к регионально-типологическому анализу мировой системы, в частности в рамках теории модернизации и постмодернизации. Позднее профессор всячески поддерживает развитие градоцентрической модели пространственной структуры мирового хозяйства, отводя мировым (глобальным) городам роль важнейших акторов в системе мирового хозяйства.

Особым направлением исследований Н.С. Мироненко становится изучение взаимодействия мирохозяйственных и глобальных геополитических процессов. Было введено понятие геополитической динамики в смене мировых порядков. За основу взята идея известного американского социолога И. Валлерстайна о взаимосвязи основных геополитических (гегемонистских) циклов с кондратьевскими циклами мировой экономики, что внесло новый элемент в исследования и учебный процесс на кафедре. На основе этих исследований, в частности, был осуществлен проект РФФИ, на материалах которого издан двухтомник «Проблемы геоконфликтологии»¹.

Все перечисленные теоретические и методологические подходы применяются на кафедре в рамках изучения отраслей мирового хозяйства – промышленности, сельского хозяйства, финансовой сферы и других отраслей нематериального производства. Особое внимание уделяется исследованию новейших производств и энергетического комплекса – именно эти две сферы в первую очередь определяют сегодня расстановку «экономических» сил в мировом хозяйстве, основные сложившиеся пропорции в нем и будущие сдвиги. Не менее важно изучение мировой финансовой системы, которая выступает «флагманом» глобализации, но в тоже время – при ее несбалансированном развитии – способна выступать мощным фактором дестабилизации не только национальных экономик, но и мировой [<http://www.msu.ru>].

В такой системе научных координат функционирует созданная ученым почти за 25 лет неустанный труд кафедре географии мирового хозяйства.

Н.С. Мироненко был исследователем в очень трудной сфере – сфере междисциплинарности: экономика, геополитика и география в их взаимном сложном сопряжении, но еще и философия как объяснительная опора в его работах. В наши дни многие ученые являются квалифицированными экспертами в своих, часто узких областях. По И. Канту – это «одноглазые чудовища», у которых отсутствует «философский глаз». У Н.С. Мироненко, несомненно, присутствовал «философский глаз». Многие труды по философии – но и по истории, религии, культуре – он пропускал через себя, искал, что могло бы дать полезные аналогии для понимания феноменов развития и географии глобальной экономики.

Ученый и учитель. Нельзя не сказать и еще об одной красной нити, органично связывающей Н.С. Мироненко с его учителями. Помимо высокой заряженности на научные свершения, он впитал от своих наставников любовь к ученикам. Можно и даже нужно интерпретировать выше: забота о будущем поколении оказалась глубоко встроена в структуру его личности! Профессор формировал такой способ связи учителя и ученика, когда учитель не просто перекладывает свои знания в голову обучаемого, а пробуждает собственные силы ученика к обучению. Ведь главное на современном этапе – это овладение способами самообразования, способами пополнения знаний. Он подталкивал учеников к работе не только с интернетовскими

¹ Проблемы геоконфликтологии. В 2 т. / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: «Пресс-Солю», 2004.

базами данных, но и постоянно требовал «вернуться в библиотеки». Заведующий кафедрой без устали тормозил и своих коллег, рассматривал их как учеников: сколько работ, проводя заседания кафедры, он рекомендовал прочесть...

У каждого талантливого исследователя всегда в запасе, а точнее в подсознании – новые аспекты, проблемы, задачи, которые требуют развития. Задачу труднее поставить, чем ее решить. Н.С. Мироненко – мастер постановки задач! Его студенты и аспиранты щедро получали эти «окна развития» – конкурентоспособность стран, география диффузии инноваций, геоконфликтология, проблемы освоения пространства и ресурсов Мирового океана и т.д. Считается, что профессор часто перехваливал отдельных учеников, впадал в превозношение любимчиков. Представляется, что это не эмоциональный «перехлест», скорее это любовь к тем темам, научным задачам, которые он находил и ставил и над которыми вместе с «любимчиками» углубленно работал. И хотя эти «перехваленные» и не оставались потом в лоне науки, но в формировании их личностей доля Н.С. Мироненко очень значительна.

Библиометрический подход к анализу научного творчества.

Профессор Н.С. Мироненко – крупный ученый, внесший немалый вклад в развитие отечественной экономической, социальной, политической и рекреационной географии, признанный лидер целого ряда инновационных направлений исследований; автор более 200 научных и учебно-методических работ, в том числе целого ряда фундаментальных монографий, учебников и учебных пособий. Изучение этого богатого научного наследия позволяет не только выявить этапы творческого пути, но и проследить их взаимосвязь, взаимообусловленность, качественную и содержательную интенсивность.

Не претендуя на всю полноту и глубину исследования, предлагаем анализ с использованием библиометрического метода на базе данных только формирующихся, несовершенных, но вполне официальных систем – Истина МГУ, «Интеллектуальная система тематического исследования научно-технической информации МГУ имени М.В. Ломоносова» и РИНЦ, «Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU» [<http://elibrary.ru>; <http://istina.msu.ru>].

Количество и ритмия. Всего в системе Истина МГУ, согласно нашим подсчетам, зафиксировано 185 научных и учебно-методических произведений Н.С. Мироненко, в том числе 73 в журналах, включая 51 из списка ВАК. И этому, вероятно, надо верить, так как профессор собственноручно готовил материалы для очередного переиздания на должность заведующего кафедрой в начале 2014 г., для чего ныне требуется предоставление распечатки из Истины МГУ. Хотя, наверняка есть и упущения, неполнота данных, что связано, например, с трудностями отслеживания частоты переиздания книг. Кроме того, ученый, очевидно, утратил информацию или просто забыл внести целый ряд материалов, которые готовил для различных энциклопедических изданий, включая «Энциклопедия туриста», 1993; «Новая российская энциклопедия», с 2003; словарь-спра-

вочник «Социально-экономическая география: понятия и термины», 2013¹; и ряд других.

Анализ общего числа публикаций – без учета масштаба произведений – показывает высокую научную «продуктивность» профессора и постоянную заряженность на поиск. В среднем за 43 года научной карьеры (1971–2014 гг.) выходило по 4,3 труда в год! И это, еще раз подчеркнем, включая и крупные достижения – монографии, учебники, учебно-методические пособия. Но за средними показателями закономерно стоит столь типичная для любой творческой личности неравномерность активности, хорошо вписывающаяся в хронологию «жизненного цикла» ученого.

Первый небольшой всплеск в публикационной активности отмечается в период подготовки Николаем Семеновичем диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук на тему «Проблемы рекреационного районирования Причерноморья социалистических стран» (рис. 1.1). После ее защиты в 1974 г. и сразу последовавшей длительной командировки для работы на Кубе наблюдается некоторый спад, но далее, после возвращения на Родину, налицо уже многолетний повышательный тренд. Он, кстати, фиксирует и своего рода отложенную отдачу наработок в виде целого ряда материалов по «стране вечного лета»².

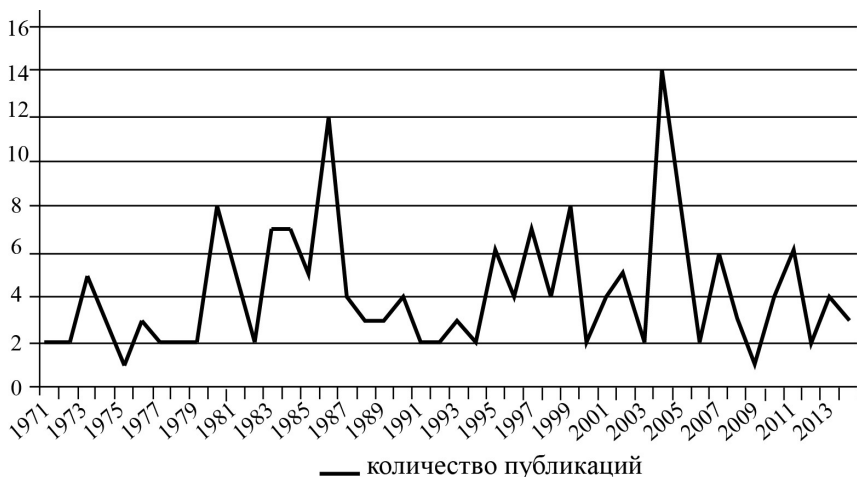

Рис. 1.1. Общая публикационная активность Н.С. Мироненко, 1971–2014 гг.
Составлено по: [Истина МГУ].

¹ Энциклопедия туриста. – М.: Большая российская энциклопедия, 1993. – 607 с.; Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.

² Мироненко Н.С. Развитие туризма на Кубе // Бюллетень Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. – М.: ИЭМСС, 1997. – С. 17–25; Миланова Е.В., Мироненко Н.С., Иньигес Л. Опыт ландшафтно-рекреационного анализа на примере района Виньялес (Западная Куба) // Вестн. Моск. ун-та, Сер. 5, География, 1980, № 5. – С. 41–50; и др.

Второй максимум в карьере ученого отмечается в 1986 г. (12 публикаций), в преддверии защиты диссертации на соискание ученой степени уже доктора географических наук на тему «Рекреационная среда зарубежных европейских стран-членов СЭВ (принципы и методы социально-географического исследования)». После успешной в 1987 г. реализации этого проекта в публикационной активности Н.С. Мироненко наступает пятилетка относительного затишья, хотя и с традиционным выполнением стандартной нормы – не менее 2–4 статей в год. Такое затишье тесно связано с эпохой реформаторства в стране в «лихие 90-е», переходным периодом в жизни всей кафедры – от страноведения к глобалистике; от изучения экономической географии стран только «социалистического лагеря» к гораздо большему и практически неисследованному отечественными географами объекту – мирового хозяйства.

Энтузиазм в освоении неизведанного в пору наступления истинной зрелости ученого находит выражение в очередном сильном повышательном тренде в числе публикаций. Оно достигает пика в 2004 г., когда вышло в свет 14 материалов как сольных, так и в соавторстве. Последние были подготовлены, в том числе с завершающими диссертации аспирантами И.В. Пилипенко, И.Л. Прыгуновой, М.Ю. Сорокиным, А.В. Федорченко¹. В последующие годы после такого апофеоза и вплоть до ухода из жизни, несмотря ни на что, публикационная активность профессора остается в пределах средней многолетней нормы – 4,3 труда в год.

Многообразие научных интересов – одна из важных сторон Н.С. Мироненко как истинного ученого. Его талант раскрылся в апробации и развитии целого ряда исследовательских направлений. При тематическом анализе общего числа публикаций, безусловно, выделяется первая любовь профессора – рекреационная география (рис. 1.2). Не случайно на ее долю приходится почти треть всех публикаций. Ровно ¼ материалов посвящена изучению проблем в области географии мирового хозяйства, закономерностям формирования территориальной структуры глобальной экономики. Отчасти «не повезло» двум другим направлениям, традиционно пестуемым Николаем Семеновичем, – страноведению и геополитике. Каждый из разделов занимает около 10% в суммарном реестре трудов. И если вторым направлением профессор увлекался и в 2000-е гг., то страноведение, по которому долгое время читал курс лекций на географическом факультете МГУ, подготовил сериал статей и ряд учебных пособий, практически оставил. Но понятно, что все его произведения по изучению проблематики географии мирового хозяйства строились с учетом глубокого знания социальной, экономической и политической географии многих стран, особенно крупных.

¹ Например, Мироненко Н.С., Пилипенко И.В. Конкурентоспособность малых высокоразвитых стран Западной Европы на мировом рынке прямого инвестирования // Вестн. Моск. ун-та, Сер. 5, География, 2004, № 1. – С. 11–17; Мироненко Н.С., Денисенцев А.С. О политической геоконфликтологии как области географического знания // Проблемы геоконфликтологии. В 2 т. Т 1. – М.: Пресс-Соло, 2004. – С. 12–24; и др.

Рис. 1.2. Распределение публикаций Н.С. Мироненко по исследовательским направлениям, 1971–2014 гг.
Составлено по: [Истина МГУ].

На фоне генеральных исследовательских линий профессора как бы в тени остается раздел «Прочие направления», хотя аккумулирует практически $\frac{1}{4}$ всех публикаций. Дело в том, что в него пришлось включить разнородные по тематике и одновременно разнокалиберные по качественной и смысловой нагрузке материалы. Это, с одной стороны, журнальные статьи из раздела «Хроника», посвященные, например, официальным юбилеям отдельных персоналий и кафедр географического факультета МГУ; различные методические разработки¹, учебные программы отдельных курсов, рецензии на книги и т.п. Но, с другой стороны, в раздел вошли многие фундаментальные произведения, в том числе по изучению теоретических аспектов социально-экономической географии². Так или иначе, но весомость раздела «Прочие направления» лишний раз и однозначно подчеркивает разносторонность интересов Николая Семеновича в области социально-экономической географии.

Эволюция структуры научных интересов. Понятно, что сферы научных интересов Н.С. Мироненко с течением времени видоизменялись. Первый, самый ранний этап – с 1971 г. – момента появления первой публикации «Географические проблемы Причерноморского рекреационного района (Крыма)» в соавторстве с И.Т. Твердохлебовым³ – до начала 1980-х гг. – однозначно можно именовать монотематическим. Подавляющая часть научной

¹ Например, Мироненко Н.С., Полян П.М., Трейвиш А.И. Исаак Моисеевич Маергойз (к 100-летию со дня рождения) // Вестн. Моск. ун-та, Сер. 5, География, 2009, № 4. – С. 3–6; Бабурин В.Л., Мироненко Н.С. К методике маршрутных наблюдений // Вестн. Моск. ун-та, Сер. 5, География, 1986, № 5. – С. 98–102.

² Мироненко Н.С. Концепция синтеза в современной географии // Глобус, 1992, № 2; Вольский В.В., Мироненко Н.С., Хрущев А.Т. Экономическая, социальная и политическая география в Московском университете: состояние и пути развития // Вестн. Моск. ун-та, Сер. 5, География, 1997, № 4. – С. 3–12; Мироненко Н.С. Глобализация и география // Сб. тр. Труды XII съезда РГО. Т. 1. – СПб, 2005. – С. 61–67; и многие др.

³ Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т. Географические проблемы Причерноморского рекреационного района (Крыма) // Сб. науч. тр. «Проблемы географии Крыма». – Симферополь: Таврида, 1971. – С. 18–25.

продукции в это время посвящена изучению проблем в рамках рекреационной географии. Хотя на протяжении периода налицо нарастание интереса к познанию и иных областей социальной и экономической географии, что выражается в росте значимости в структуре публикаций раздела «Прочие направления» (рис. 1.3).

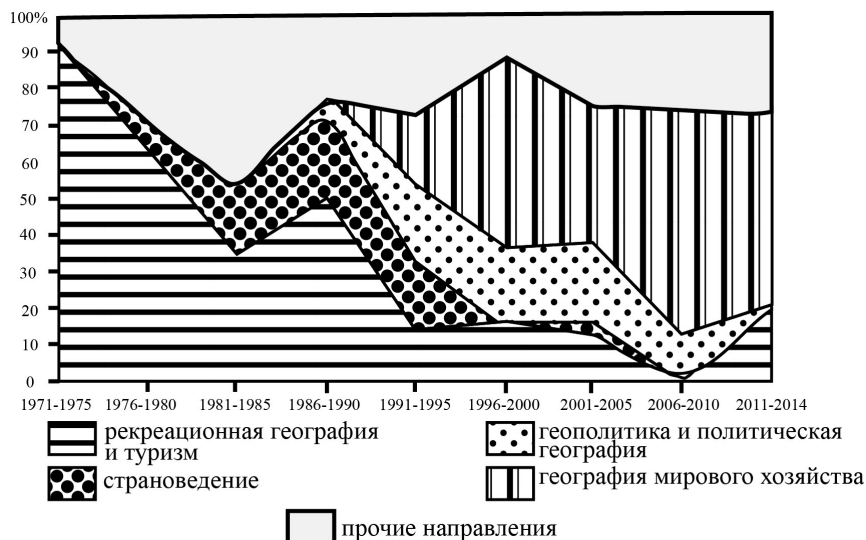

Рис. 1.3. Изменение тематической структуры публикаций Н.С. Мироненко по пятилетним периодам, 1971–2014 гг.

Составлено по: [Истина МГУ].

Второй этап, замыкающийся рамками 1980-х гг., ознаменовывается дополнением рекреационно-географического блока исследований, очевидно, не без влияния авторитета и идейного багажа И.М. Маергойза, страноведческим. Третий этап – период первой половины 1990-х гг. – с одной стороны, судя по сокращению общего количества публикаций, сложный, переломный, а с другой – поисковый, информационно-накопительный и одновременно наиболее разнообразный по тематике статей. На схеме хорошо читается максимум научной многовекторности деятельности уже полновесного профессора Московского университета. В это время выходят новые работы и по рекреационной географии, и по страноведению, и уже появляются первые творения по геополитике и географии мирового хозяйства.

С конца 1990-х гг. в творчестве заведующего кафедрой географии мирового хозяйства Н.С. Мироненко открывается новый этап – «эра глобалистики». Интересы к исследованиям в сфере геополитики, в сфере географии глобальной экономики постепенно вытесняют и перекрывают все прочие. На данную проблематику в структуре публикаций приходится уже до 4/5 всех материалов. Условный пятый этап научных исследований, начиная со второй половины 2000-х гг., характеризуется постепенным затуханием

интереса к геополитике. В этот период уже до 2/3 всех публикаций выполняется исключительно по проблематике географии мирового хозяйства.

Венцы поисковых периодов. В контексте периодизации научного творчества Н.С. Мироненко любопытно отметить, что практически все этапы он закреплял фундаментальными трудами, как бы ставил жирную точку. Причем всегда подводил определенную черту исследованиям учебными изданиями, отражающими в определенной мере связь университетской науки и образования, нацеленность на передачу накопленных знаний потомкам. Так, первый этап, завершился изданием в 1981 г. в соавторстве с И.Т. Твердохлебовым учебного пособия «Рекреационная география», в котором «заложены научные основы миграционной рекреации, исследуются факторы формирования этой новой отрасли хозяйства и специфика ее территориальной организации» [Мироненко, Твердохлебов, 1981, с. 2]. Эта работа привлекла внимание своим интегративным характером, поскольку в ней впервые была сделана попытка обобщения понятийного аппарата рекреационной географии и проанализированы методологические вопросы этой науки [Продолжаем начатое..., 2011, с. 22–23]. Она доньяне остается настольной книгой обучающихся во многих вузах по специальностям, связанным с туризмом и отдыхом.

Второй этап ознаменовался выходом в свет в 1993 г. учебного пособия «Методика страноведческого исследования» в соавторстве с С.С. Каринским и Н.А. Слуккой, годом позже отмеченного премией Д.Н. Анучина. В его основе, как указывал в предисловии сам Н.С. Мироненко, лежат методические разработки И.М. Маергойза, который особое внимание уделял формированию представлений о территориальной структуре хозяйства страны как предмета экономико-географического страноведения. Основная идея, которой подчинены все темы книги, состоит в раскрытии пространственной организации (структуры) страны как результата взаимодействия ее территориальных элементов общественного и природного характера [Методика страноведческого исследования, 1993, с. 3].

Определенные итоги третьего и четвертого этапов творческой деятельности Н.С. Мироненко зафиксированы в неоднократно переиздававшемся учебнике для вузов «Геополитика и политическая география», подготовленного в соавторстве с В.А. Колосовым¹. Причем во многих рецензиях, например, профессора С.Н. Раковского, отмечается, что это очень своевременная и, прежде всего, крупная научная работа [Раковский, 2011]. В своем разделе «Геополитика. Модели и процессы формирования геополитического пространства мира» Н.С. Мироненко развивает подход, который называет «геополитикой взаимодействия, а не конфронтации», касается фактически большинства главных актуальных проблем мировой политики и экономики; предлагает ряд новых или по-новому сформулированных геополитических сценариев, принципиальных положений мирового развития в конце XX в. При этом концепции, модели, теоретические построения и обобщения подкреплены

¹ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 479 с.

тщательно подобранными фактами, что в сумме выводит на новый уровень систематизации и периодизации развития геополитической мысли. Самостоятельное значение имеет создание обобщенной картины геополитического положения России.

Последний этап «увенчивается» изданием в 2006 г. редкостной книги «Введение в географию мирового хозяйства. Международное разделение труда», основанной на многолетнем опыте чтения профессором одноименного курса лекций; а в 2012 г. – учебника «География мирового хозяйства», подготовленного всем коллективом кафедры под общей редакцией и авторстве важнейших разделов Н.С. Мироненко¹. Эти работы служат единым проводником в раскрытии теоретических, методических, отраслевых и пространственных проблем мирового хозяйства на основе развития международного разделения труда в условиях процессов интернационализации и глобализации.

Открытия в оценке результативности изысканий. Очень высокий авторитет Н.С. Мироненко как ученого, значимость и результативность его исследований хорошо отражает реакция профессиональной аудитории через ссылочный аппарат. Несмотря на то, что система РИНЦ на 07.02.2015 фиксирует у профессора в графе «Число публикаций автора с учетом статей, найденных в списках литературы» только 33 работы, а в графе «Число публикаций автора в РИНЦ» – всего 19, «Суммарное число цитирований автора» составляет более 700 (!), а величина Индекса Хирша – 5. Его труды цитируются в публикациях 271 журнала самой разной тематики, в десятках диссертаций, научных сборников, трудов конференций и пр. При этом совершенно очевидный тренд – перманентный рост популярности произведений. Отметим, что данные на последние даты, 2013–2014 гг., не показательны, так как сведения об упоминаниях работ традиционно поступают в систему с большим опозданием.

Определенной неожиданностью стали результаты анализа рейтинга популярности отдельных трудов профессора Н.С. Мироненко по числу ссылок. Максимальное количество баллов набирает его совместный труд с В.А. Колосовым «Геополитика и политическая география: учебник для вузов» разных лет издания. Очевидно, такое первенство связано с пионерностью тематики для новой России, особой востребованностью произведения среди многочисленного студенческого контингента, как географического профиля, так и новообразованных факультетов вузов, готовящих политологов, и, конечно, особым качеством, четкостью и ясностью изложения непростого материала. Второе место занимает «старинное» учебное пособие «Рекреационная география», подготовленное вместе с И.Т. Твердохлебовым более тридцати лет назад, которое смело можно отнести к классике жанра. На этом фоне несколько озадачивает меньший

¹ Мироненко Н.С. Введение в географию мирового хозяйства. Международное разделение труда: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 239 с.; География мирового хозяйства: учебник для студентов высших учебных заведений / Ред. проф. Н.С. Мироненко. – М.: Трэвэл Медиа Интернэшнл, 2012. – 352 с.

интерес читательской аудитории к работам последней (по срокам) разрабатываемой Н.С. Мироненко темы – географии мирового хозяйства. Отчасти объяснение этому можно найти, с одной стороны, в уникальности и элитарности направления, а с другой – в малом тираже изданий и слабой доступности для массового читателя основных его работ. Очевидно, что форма чисто кафедральных, «внутренних» сборников трудов далеко не оправдывает себя с точки зрения распространения идей и популяризации проблематики. И это урок на будущее!

Вместо заключения. Профессор Н.С. Мироненко, запомнившийся прежде всего как большой труженик, добрый, скромный и отзывчивый человек, в многочисленных авторских трудах оставил мощный «задел», «точки опоры» для дальнейших размышлений и проведения изысканий в широком поле экономической, социальной, политической и рекреационной географии, для совершенствования программ учебно-образовательной деятельности на так любимой им кафедре географии мирового хозяйства. Заданные им векторы ждут своих «драйверов». Из числа совершенно конкретных «заветов» учителя явно выделяется вопрос подготовки к переизданию учебника по географии мирового хозяйства, о котором он неоднократно говорил на протяжении последних месяцев. Причем переиздание, по его мысли, должно быть не обычным обновлением и расширением, а созданием новой версии учебника, который отразит новую эру глобализационного развития. Можно считать это главным научным завещанием нам, его коллегам и ученикам.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ШКОЛЫ ГЕОГРАФИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Н.А. СЛУКА

Кафедра географии мирового хозяйства – единственное и уникальное по учебно-научному профилю в России подразделение, ориентированное на изучение динамично меняющегося глобального экономического пространства. Кафедра молода и одновременно имеет большую историю. Ее «гносеологические корни» тесно связаны с созданием в Московском университете в 1929 г. Н.Н. Баранским кафедры экономической географии и последующим ее разделением по страноведческим направлениям [Агирре-чу, 2009(а); Университетская география..., 2016]. Абстрагируясь от весьма сложной истории структурных преобразований на географическом факультете, можно констатировать, что подразделение является непосредственным правопреемником кафедры экономической географии зарубежных социалистических стран, существовавшей с 1959 г.¹ В результате кардинальных общественно-политических пертурбаций в мире и распада «лагеря социалистических стран» в конце 1980-х гг. для кафедры остро встал вопрос выбора новой платформы научно-исследовательской и учебной деятельности. По сути, перед коллективом возникла проблема не просто «смены вывески», а проблема выживания.

Предлагались многие варианты модернизации². В ходе бурных дискуссий был достигнут относительный консенсус. Выбор пал на принципиально новый исследовательский полигон – мировое хозяйство. Хотя многими предлагалось включить в «сферу интересов» и народонаселение с потенциальным выходом на изучение не только чисто количественных демографических характеристик, но и качественных в виде человеческого капитала. Стронником этого выступал Н.В. Алисов и еще ряд коллег. Но в условиях сжатых сроков в решении организационных вопросов как всегда «человека забыли...»! Датой новообразования, согласно решению Ученого Совета Московского университета, считается 25 февраля 1991 г.; через три месяца, 29 мая ректором МГУ был подписан приказ о структуре географического факультета МГУ, в котором значилось новое название кафедры [Глобальная социально-экономическая география, 2011, с. 11].

Периодизация и наработки отечественной школы географии мирового хозяйства Московского университета тесно связаны с именами лидеров – ученых-генераторов и организаторов. Знаменательно,

¹ Ее поочередно возглавляли: доцент И.Х. Овдиенко – крупный востоковед (1959–1968 гг.), академик О.Т. Богомолов – известный экономист-международник и общественный деятель (1969–1978 гг.), профессор Н.В. Алисов (1979–1991 гг.) [Валев, Слукa, 1985].

² Один из них – «узкий», чисто страноведческий, вбирающий все лучшее из прошлого и предполагающий развитие пласта имеющихся наработок по государствам ныне Восточной Европы, Кубе и Китаю; т.е., по сути, традиционалистский, «географически сборочный». Второй вариант – «региональный», с акцентом на изучении и подготовке специалистов исключительно по странам Центрально-Восточной Европы и потенциально СНГ. Третий – «широкий» вариант, предложенный Н.В. Алисовым, – географическое исследование глобального мира.

что четвертьвековой юбилей кафедры совпадает с 95-летием со дня рождения ее основателя – Заслуженного профессора МГУ Н.В. Алисова (1921–2001 гг.) – и 75-летием его преемника, многолетнего заведующего подразделением – Заслуженного профессора МГУ Н.С. Мироненко (1941–2014 гг.). Таланты и достижения ученых получили должное освещение в фундаментальных трудах их учеников и последователей [Гитер и др., 2015; Глобальная социально-экономическая география, 2011; Николай Мироненко. Страницы жизни..., 2015; Слука, Ткаченко, 2015].

Первый этап становления отечественной школы географии мирового хозяйства замыкается рамками 1990-х гг., является, по сути, поисковым. На момент получения нового и звучного названия – «география мирового хозяйства» – кафедра реально располагала весьма скромным кругом наработок по отраслевой географии и страноведческому направлению преимущественно по Восточной Европе, традиционной и уникальной в стране школе географического китаеведения. Вот, пожалуй, и все. С учетом этого, а также в условиях ограниченности людских и иных ресурсов роста, масштабное переключение на глобалистскую тематику давалось не просто и долго. Переход с чисто странового уровня до общепланетарного охвата, перестройка всей концептуальной и содержательной части учебно-научного процесса потребовали почти целое десятилетие; он происходил с большими проблемами и кадровыми потерями. По возрасту кафедру покинули ведущий в стране полоновед, доцент, к.г.н. Ю.В. Илинич; промышленник и румыновед, старший научный сотрудник, к.г.н. А.Ю. Круковский. Ушел на повышение в Институт экономики РАН доцент, к.г.н. Л.Б. Вардомский; эмигрировал в США научный сотрудник, к.г.н. А.А. Кутузов; перешли на работу в другие организации младшие научные сотрудники, к.г.н. А.В. Петров и С.Л. Матыцин и т.д. Единственное, пожалуй, серьезное «приобретение» в этот период – трудоустройство на должность доцента, к.э.н., а ныне – профессора, д.г.н. А.Ю. Александровой.

Тем не менее, в сложных условиях руководству новой кафедры удалось сохранить интеллектуальное ядро, не только довести до ума многие результаты в рамках чисто страноведческих исследований [например, Мироненко и др., 1993], но и приумножить идейный багаж, заложить новые направления исследований (например, география международного туризма). На самом начальном этапе освоения глобальной тематики, пока коллеги размышляли о возможных перспективах и собирали первичную статистику по глобальным темам, лидерские качества проявил профессор Н.В. Алисов. Он четко сформулировал объект, предмет и основные задачи географического исследования мирового хозяйства [Алисов, 1999(с)]; создал учебную программу [Алисов, 1994(а); Алисов и др., 1989]; подготовил и много лет читал авторский курс лекций «География мирового хозяйства»; разработал методологические основы исследования отдельных отраслей и сфер глобальной экономики. Их емкая характеристика дана в целом сериале публикаций. При этом в географическом анализе, помимо столь близких по изначальной специализации классических отраслей промышленности, профессор особый интерес уделял инновационным и географически практически неосвоенным на тот момент видам деятельности [Алисов, Валькова, 1997; Алисов,

Гапоненко, 1994; Алисов, 1993; Алисов, 1994; Алисов, 1999; Алисов, Мазо, 2000; Алисов, 1999(a,b) и др.]. Все эти труды составили первичный научный фундамент новой кафедры.

Второй этап – период развития (конц 1990-х – 2010-х гг.) – очень плодотворен, знаменателен ростом популярности новой школы географических знаний и реализацией инновационных идей. В это время колоссальный вклад в формирование направления внес профессор Н.С. Мироненко. На кафедру были привлечены новые специалисты из числа как выпускников географического факультета Московского университета, так и иных вузов: Е.В. Аигина, Е.А. Гречко, Ю.Ю. Ковалев, В.А. Колосов, Т.М. Красовская, К.В. Кружалин, Д.Л. Лопатников, К.В. Мироненко, В.И. Пилипенко, М.Ю. Сорокин, А.В. Федорченко, Н.В. Шабалина. В итоге образовался мощный пул сил, генерирующих четыре основных научно-образовательных направления: «страноведение» с историческим ядром в виде географического китаеведения, «геополитика и политическая география», «рекреационная география и туризм»¹ при закономерной центральности собственно «географии мирового хозяйства». На волне теоретизации и концептуального обоснования мирового пространственного развития в разных сферах кафедрой подробно разработаны и, что важно, внедрены в учебный процесс многие новые положения, а каждое из направлений стало «закрываться» большим объемом печатной продукции.

Со временем широта темы исследований коллектива, подкрепленная амбициями персоналий при накоплении материалов и опыта междисциплинарного взаимодействия, реализовывалась в постоянном открытии все новых горизонтов познания, фактически фиксируемых в докторских диссертациях. «Первая ласточка» на этом пути – А.Ю. Александрова, защитившая в 2002 г. труд по теме «Территориальная организация социально-экономической системы международного туризма». В 2004 г. состоялась защита доцента, к.г.н. Д.Л. Лопатникова на тему «Эколого-географический анализ постиндустриальных тенденций в развитии мирового хозяйства», предложившего в дальнейшем концепцию «экологического перехода» [Лопатников, 2013]. В 2006 г. докторский подиум освоил к.г.н., старший научный сотрудник, а ныне профессор Н.А. Слука по теме «Современные геодемографические процессы в мировых городах». Он обеспечил принципиальную смену вектора и содержания «городских» исследований на кафедре – от канонов классической географии населения с созданием комплексных характеристик крупнейших центров планеты [Самбунова и др., 2002; Слука, 2002; Слука, Синюгин, 2004; Слука, Ткаченко, 2003; Слука, 2000] к познанию города в мировой оболочке,

¹ В данном плане отметим только два момента: 1. При кафедре активно действовало и пользовалось большой популярностью среди молодежи отделение «Международный туризм» в рамках платной образовательной программы специалитета «Региональная политика и международный туризм», открытой на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 1996 г.; 2. В 2004 г. кафедра географии мирового хозяйства на волне своих научных наработок и подготовки профильных специалистов «дала жизнь» еще одному подразделению географического факультета Московского университета – кафедре рекреационной географии и туризма.

как участника многих международных дел. На стыке изучения глобальной экономики и георурбанистики им сформулирована градоцентрическая концепция пространственной организации мирового хозяйства [Глобальный город, 2007; Город в контексте глобальных процессов, 2011; Слука, 2006; Слука, 2005; Слука, Ткаченко, 2009; Грчић, Слука, 2006 и др.].

Особое завоевание Н.С. Мироненко – организация и выдача научных достижений коллектива в форме регулярного издания кафедральных научных сборников. Их история восходит к 1997 г., когда появился первый, скромный труд «География мирового хозяйства» [География мирового хозяйства, 1997]. В нем на базе идей А. Франка, Ф. Броделя, Н.Д. Кондратьева, А.Дж. Тойнби, Й. Шумпетера, И. Валлерстайна и др. раскрывается ряд фундаментальных вопросов: генезис и эволюция мирового хозяйства, механизм функционирования мирохозяйственной системы. Однако основное внимание уделяется отдельным факторам и нюансам развития некоторых отраслей и сфер мирового хозяйства. Второе коллективное произведение аналогичного формата – «Пространственные структуры мирового хозяйства» [Пространственные структуры мирового хозяйства, 1999], квинтэссенция которого заключается в стремительном росте роли географии мирового хозяйства как науки и обосновании его трехъярусной «центр-периферической» структуры. Большое внимание уделяется исследованию пространственных экономических отношений между субъектами (странами, фирмами) мировой экономической системы, таким явлениям как транснационализация и глобализация. В дальнейшем, в 2000–2008 гг., в том числе в рамках выполнения научно-исследовательских работ по проектам РФФИ, под редакцией Н.С. Мироненко увидели свет еще пять сборников: «География инновационной сферы мирового хозяйства», «Конкурентоспособность в системе мирового хозяйства: пространственный анализ», «Направления географии мирового развития», «Проблемы геоконфликтологии» в двух томах и «Общественно-географические проблемы освоения пространства и ресурсов мирового океана» [География инновационной сферы..., 2000; Конкурентоспособность..., 2002; Направления географии мирового развития, 2003; Общественно-географические проблемы..., 2008; Проблемы геоконфликтологии, 2004]. Заключительный аккорд в этом славном ряду – издание в 2011 г. уже под редакцией Н.А. Слуки сборника научных трудов памяти Н.В. Алисова «Глобальная социально-экономическая география» [Глобальная социально-экономическая география, 2011].

Под руководством Н.С. Мироненко была выстроена стройная система базового образования по специализации «география мирового хозяйства». Она и поныне опирается на пять основных блоков дисциплин: 1) вводные, 2) теоретические, 3) отраслевые и проблемные, 4) региональные, 5) вспомогательные¹. Начиная с конца 1990-х гг., по инициативе доцента, к.г.н. Т.Х. Ткаченко активно действовала система учебных курсов с приглашением зарубежных лекторов из университетов и специализированных институтов

¹ Более полную информацию о составе блоков дисциплин можно почерпнуть на официальном сайте географического факультета МГУ, раздел «Кафедра географии мирового хозяйства. Учебный план» [<http://www.geogr.msu.ru/about/history>].

Германии. На кафедре проводили занятия профессора из университетов Гейдельберга, Мангейма, Штутгарта (Р. Хан, С. Лентц, Й. Штадельбауэр, В. Гебе). Она успешно дополнялась регулярными научными семинарами с привлечением крупных ученых из ведущих отечественных вузов и академических институтов: Института мировой экономики и международных отношений РАН (Ю.В. Шишков, Е.С. Хесин), Института экономики РАН (Р.С. Гринберг), Института географии РАН (Б.Н. Зимин) и многих других. С 1995 г. кафедра совместно с лабораторией географии мирового развития Института географии РАН проводит ежегодный декабрьский семинар для молодых ученых «Новые точки роста географии мирового развития».

Динамично развивался комплекс учебных и производственных практик и стажировок¹ студентов в зарубежных вузах. В рамках учебно-ознакомительной практики студентов второго курса кафедры со временем сформировался вектор взаимодействия с Карловым университетом (Чехия), ответственными – старший научный сотрудник, к.г.н. Е.А. Гречко, младший научный сотрудник Б.А. Гитер). Ее российскую часть традиционно и успешно дополняли разнообразные маршруты, разработанные, как правило, тандемом доцентов, к.г.н. Е.Н. Самбуровой и П.Ю. Фомичевым². Инновационный подход способствовал росту престижности обучения на кафедре, традиционно отличавшейся на рубеже веков очень высоким конкурсом при поступлении и большими студенческими группами – до 25–28 человек.

Естественно, что в течение «периода развития» кафедры, всегда считавшей образовательную функцию приоритетной, немало сил и средств вкладывалось в обеспечение учебного процесса необходимой литературой. И здесь по комплексности проблематики первенство уверенно удерживает Н.В. Алисов, венцом творчества которого заслуженно считается издание в соавторстве с Б.С. Хоревым в 2000 г. фундаментального учебника для вузов «Экономическая и социальная география мира (общий обзор)» [Алисов, Хорев, 2000]. На этом фоне особое место занимает учебное пособие для студентов вузов Н.С. Мироненко «Введение в географию мирового хозяйства: Международное разделение труда» [Мироненко, 2006]. В предметно-тематическом плане, согласно индексу цитирований РИНЦ, первенствует вышедший в самом начале 2000-х гг. учебник для вузов – Колосов В.А., Мироненко Н.С. «Геополитика и политическая география», востребованный широкой аудиторией и поныне [Колосов, Мироненко, 2001]. Немалую популярность обрели многие монографические издания и учебные пособия по основным научно-образовательным направлениям кафедры [Александрова, 2001; Гречко, 2006; Мироненко, 2001; Пилипенко, 2005; Слука, 2000; Слука, 2009; Сорокин, 2004; Федорченко, 2003; Фомичев, 2001 и др.].

¹ Изначально это были разовые контакты с университетами стран Восточной Европы, затем преимущественно Германии. Чуть позже, на базе решения межправительственных кругов России и КНР, возникло звено ежегодных стажировок обучающихся во многих китайских университетах.

² Отметим, что в юбилейный для кафедры 2016 г. впервые за многие годы удалось провести практику в «едином формате» – от Москвы до Владивостока с посещением КНР (ответственные – П.Ю. Фомичев, научный сотрудник К.В. Мироненко).

Важно, что все разработанные кафедрой методологические, концептуальные и методические подходы применены в вышедшем в 2012 г. учебнике для вузов «География мирового хозяйства» [География мирового хозяйства, 2012]. В нем последовательно отражена логика формирования глобального хозяйства, превращения мира в единое экономическое целое – от теоретического обоснования до характеристики глобализирующихся отдельных отраслей – промышленности, сельского хозяйства, финансовой сферы. Особое внимание уделено исследованию новейших производств и энергетического комплекса – именно эти две сферы в первую очередь определяют сегодня расстановку «экономических» сил в мировом хозяйстве, основные сложившиеся пропорции в нем и будущие сдвиги. Не менее важно изучение мировой финансовой системы, которая выступает «флагманом» глобализации, но в тоже время, при ее несбалансированном развитии, способна выступать мощным фактором дестабилизации не только национальных экономик, но и мировой.

В целом за «период развития» на кафедре сложилась система знаний о географии мирового хозяйства, представленной подходом от общего к частному и воплощенной во многих авторских и коллективных произведениях. Научные статьи и идеи взаимосвязаны и, как правило, расширяют и углубляют идеи предыдущих работ. Поставленный перед кафедрой в свое время Н.С. Мироненко широкий спектр задач, многие из которых решаются и по сей день, сформировал своеобразные точки роста и в исследованиях, и в карьере сотрудников, аспирантов и студентов. Ценность созданных материалов заключается еще и в том, что, несмотря на существенные изменения в мире за последние десятилетия, они остаются актуальными и в значительной степени отражают как многообразие процессов в мировом хозяйстве, так и вектор их географических исследований [География мирового хозяйства, 1997].

Третий этап – «зрелости» коллектива, но с вынужденной сменой лидерства и осуществления реноваций. Увы, в реальной жизни ничего не бывает вечного... В 2014 г. из коллектива выбыли профессора Н.С. Мироненко и Э.Б. Валев (1921–2014 гг.). В силу ряда обстоятельств смена заведования отечественной школой географии мирового хозяйства оказалась неподготовленной. С 1 апреля 2015 г. руководством факультета бразды правления кафедрой возложены на профессора, д.г.н. В.А. Колосова, Президента Международного географического союза, вице-президента Русского географического общества. Ориентированный на западные стандарты, он привнес совершенно новый стиль менеджмента – полный уход от единоначалия, столь присущего Н.С. Мироненко, к демократии и плюрализму мнений. Получили живой отклик инновационные предложения сотрудников в самых различных сферах жизнедеятельности кафедры, но при соблюдении формулы: «инициирующий отвечает». Под его руководством в состав коллектива влились свежие людские ресурсы: научные сотрудники – к.г.н. Д.В. Заяц¹ и выпускница НИУ

¹ Д.В. Заяц, много лет бывший одним из редакторов газеты «География», прекрасно зарекомендовал себя в качестве руководителя зимней экспедиции НСО кафедры, которая на подскеекции «Экспедиционные исследования» XXIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2016» заняла почетное 4-е место.

ВШЭ Е.В. Михайлова, подготовившая кандидатскую диссертацию. Предполагается, что вкупе со студентами и аспирантами они существенно усилят одно из тематических направлений кафедры – изучение глобальных геополитических процессов и политической географии.

Новейший этап в развитии отечественной школы географии мирового хозяйства тесно связан с решением ряда актуальных задач [Колосов и др., 2016(а), Колосов и др., 2016(б)]. Важнейший по значимости пласт задач сопряжен с предметным, углубленным и многоуровневым изучением, с одной стороны, процессов, структуры и функций глобальной экономики, характера и перспектив «мирохозяйственного перехода» [Мироненко, Гитер, 2013]. С другой стороны, вызывают к исследованию свойства, параметризация и строение экономического пространства мира, в том числе с использованием возможностей полимасштабного анализа и опорой на изучение сете-узловых структур. Остро стоит вопрос об углублении, совершенствовании понятийно-терминологического аппарата – как об уточнении содержания, адаптации и модернизации существующих понятий и терминов, так и выработке новых, наиболее точно отражающих исследовательскую специфику и содержание географии мирового хозяйства. Самостоятельное значение, с одной стороны, сохраняют многие «старые» задачи, включая, например, налаживание организации сбора, систематизации и первичного анализа информации¹, модернизацию представлений об участии в международном разделении труда крупных национальных экономик, особенно стран-гигантов и т.п., а с другой – генерации новых поисковых направлений. В частности, требуют детального географического изучения современное переформатирование процессов глобализации и регионализации, историческое наложение «переходов» в мировой системе (демографического, урбанистического, геополитического, мирохозяйственного, экологического и др.), внезапно возникший феномен «закрытости территорий»; разработка новой проблемной области – корпоративной географии и многие другие.

Вместо заключения. Вероятно, отчасти бессмысленно, хотя и назидательно потомкам излагать этапы и проблемы деятельности коллектива, устремленного в будущее. Многое постигнуто, но еще больше предстоит освоить. Главное, как представляется, кафедра доказала свою жизнестойкость и способность к саморазвитию. При этом особо привлекает не столько ее «внешняя», официальная, сколько «внутренняя» сторона. Завоеваниями коллектива, так исторически сложилось, были, есть и, надеемся, будут не только авторитетность лидера, но и профессионализм сотрудников; органичное внутрикафедральное разделение труда; взаимоуважение и творче-

¹ На сегодняшний день существует немало источников данных о глобальной экономике. Однако далеко не все они отличаются полнотой и сопоставимостью данных, в том числе приводимых на разные даты; немало из них грешат закрытостью или ограниченностью, существенно запаздывают с публикацией по времени. Более того, информация, предоставляемая в том числе многими международными организациями (ООН, Всемирный банк и др.), часто оказывается малоприспособленной для целей не только географии мирового хозяйства, но и в целом экономических и географических исследований.

ский климат в коллективе, каждый член которого болеет за общее дело; атмосфера взаимопонимания и готовности «подставить плечо». Вероятно, во многом из-за этого сохраняются теплые и тесные связи с выпускниками. Многие из них трудятся в престижных государственных и коммерческих структурах, российских и зарубежных университетах и вузах, международных исследовательских центрах и институтах РАН; занимают серьезные должности в отечественных и зарубежных компаниях. Ряд воспитанников коллектива совмещает основную работу с чтением спецкурсов лекций на кафедре (кандидаты географических наук В. Евсеев, Д. Гавриков, Т. Валькова) и проведением регулярных семинарских занятий¹. Знания практиков неопределимы для молодого поколения географов-«мирхозников», потребность в подготовке которых, как и 25 лет назад, очень высока. Это самое весомое основание для дальнейшего и успешного развития отечественной школы географии мирового хозяйства Московского университета.

¹ В этом плане особо показателен пример первого выпуска кафедры географии мирового хозяйства. В рамках семинарских занятий на кафедре по курсу «Актуальные проблемы географии мирового хозяйства» уже не первый год активное участие принимают Н. Малашенко, Н. Нубарян, Е. Ветрова, а также выпускники иных групп – к.г.н И. Попов; С. Ильин, Т. Кузина, А. Федорова и др.

МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПЕРЕХОД В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: МАКРОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Н.С. МИРОНЕНКО, Б.А. ГИТЕР

Мирохозяйственные (глобализационные процессы), как и другие исторические процессы, имеют не только поступательную, но и циклическую составляющую, которая отражает подъемы и спады планетарной интеграции. В первом десятилетии XXI в. на глобализационные процессы наложились глубокие кризисные явления. В связи с этим чрезвычайно важно объяснить современные социально-экономические и географические трансформации в мировом хозяйстве. Интерпретация происходящих сложных для объяснения процессов строится на циклической теории, адекватной для изучения сложившейся ситуации, а современный мирохозяйственный переход трактуется как смена инфратраекторий развития в переходной точке от 5-го к 6-му циклу Кондратьева.

Постановка проблемы. С конца первого десятилетия XXI в. глубокие и разнонаправленные трансформационные процессы в рамках глобализации мирового хозяйства столкнулись с кризисными явлениями, которые, как считает большинство исследователей, стали следствием слабо регулируемого (или даже вырвавшегося из «узды») финансового капитализма, сформировавшегося в последнее тридцатилетие.

Под влиянием такого неблагоприятного сочетания серьезной критике подвергается глобализация как объективный процесс мирового развития, вектор которого – интеграция различных государств и цивилизаций; явным становится пессимизм в отношении эффективности европейской региональной интеграции; ведущей технологической и экономической роли США в мировом развитии; преувеличение роли китайского опыта, сочетающего бюрократический опыт, следует признать, высокого класса, с успешным выходом на мировые рынки и многое другое.

В связи с этим научной проблемой остается понимание транснационализации и ее непрерывности (на основе глобализации), но с фазами подъемов и спадов. Сегодняшняя критика глобализации в экономически развитых странах связана, как правило, лишь в качестве мобилизации наций не в рамках упрощенного протекционизма, а глубокого их участия в международном разделении труда.

Процесс интернационализации охватывает всю общественную сферу, включая культуру. По С.Н. Булгакову [Булгаков, 2008], М. Веберу [Вебер, 1990] и согласно современным представлениям, чисто экономическая сфера менее инерционна, чем другие культурные основы общества (религия, право и т.д.), потому что это базис выживания и роста благосостояния человечества. Даже в весьма несхожих экономических системах прослежи-

¹ Опубликовано в журнале «Вестник Московского университета». Серия 5. География, 2013. – № 2. – С. 12–18.

вается общий измеритель их эффективности – рентабельность. Поэтому, на наш взгляд, научные проблемы глобализации нужно обсуждать в рамках рационального знания.

Термином «реальная глобализация» классически обозначают этап интернационализации мирового хозяйства с конца Первой промышленной революции. При этом прослеживается два подхода к ней как конечному результату: первый – глобализация как гомогенизация и универсализация мира; второй – глобализация как транспарентность национальных границ. Пока же глобализация, по крайней мере в экономической сфере – это планетарное явление, проявляющееся, во-первых, в свободном движении по миру капитала (овеществленного и финансового); во-вторых, во все возрастающем влиянии (фактически господствующем) глобального рынка в качестве института международного ценообразования и, в-третьих, в общепланетарном влиянии транснациональных корпораций ведущих высокотехнологичных стран мира.

Современный этап глобализации связан с очередным мирохозяйственным переходом, который несет в себе потенциал существенного изменения пространственной конфигурации мира. Исходя из политэкономической концепции «центр–полупериферия–периферия», исходный пункт анализа – выделение и определение места (в рамках объема статьи) доминантных и сателлитных (второстепенных и зависимых) макрорегионов, а также сетевых геоэкономических структур в международном разделении труда.

Материалы и методы. Диапазон научных взглядов на проблему мирохозяйственного перехода очень велик: от откровенно пристрастных антиглобалистских до глубоко объективных аналитических. Авторы статьи опирались на профессиональную аналитическую информацию о происшедших на стыке XX и XXI вв. изменениях в мировом хозяйстве в целом и в его пространственной структуре в частности. Выявлен определенный всплеск прагматических публикаций, исходящих из теоретических и методических подходов в рамках теории длинных циклов мирового развития, т.е. из научных построений Н.Д. Кондратьева [Кондратьев, 1993, 2002] и его последователей, в частности, японского ученого М. Хироока [Хироока, 2011; Hirooka, 2006]. В последние годы им разработаны такие важные понятия, как «магистральные инновации» и «долгосрочные инфратраектории».

М. Хироока выявил, что ключевые магистральные инновации для всех пяти циклов Кондратьева индуцируют последующие долгосрочные инфратраектории развития мирового хозяйства.

Японский исследователь на основе идей Н.Д. Кондратьева пришел к выводу о том, что повышательная фаза цикла может быть обусловлена одновременным развитием нескольких инноваций, образующих кластер (по Кондратьеву – семейство). «Более того, эти инновации продолжают развиваться в течение повышательной фазы (*временной лаг от 25 до 30 лет.* – Прим. авторов) следующего цикла Кондратьева, способствуя более устойчивому развитию, которое обогащает инфраструктуру экономики» [Хироока, 2011, с. 114]. Эту длинную траекторию мирового развития, проходящую не менее чем через два цикла Кондратьева, М. Хироока назвал *инфратраекторией*.

При переходе от одного цикла к другому, как правило, подрывается равновесие прежней хозяйственной системы, что обусловлено уходом старых технологий, отживших организационных структур и появлением новых отраслей и производств, новых институциональных возможностей, в результате чего ускоряется мировое экономическое развитие [Клинов, 2010].

Исходя из широкого научного признания прогностичности теории длинных циклов и концепции долгосрочных инфратраекторий мирового развития в статье приводятся результаты анализа ряда основных современных трансформаций в системе мирового хозяйства с географических позиций.

Необходимые для дальнейшего объяснения *временные рамки рассмотренной переломного этапа* определены логикой отсчета начала утраты инновационности для своего «жизненного цикла» радикальных изменений, выражающихся через кризисы соответствующих отраслей и производств экономики. Но в то же время понимается, что фактический материал пока имеет только «предупреждающий» характер. Пройдет время и все поставит на свои места.

Экономическая и социальная ситуация в мировом хозяйстве.

Идеолого-политическим основанием мирового развития в последние 30 лет стала либеральная «революция сверху» Тэтчер–Рейгана. В мирохозяйственном аспекте под влиянием этой революции мир в целом стал намного более конкурентоспособным и глобализированным (в частности, более транснациональным). За этот период накоплено огромное мировое богатство, а в развивающихся и бывших социалистических странах появился растущий по численности средний класс, новые возможности технологических прорывов способствовали увеличению производительности и числа рабочих мест.

В то же время к первому десятилетию XXI в. средний класс в США и других высокоразвитых странах осознал, что эмпирическая реальность для его благосостояния стала приобретать противоположный характер. Неравенство между средним и топклассом стало усугубляться. На 1% предпринимателей в США в 2008 г. приходилось 23,5% доходов, тогда как в 1980 г. – 10% [Фукуяма, 2012, с. 4]. Протест среднего класса выразился в движении «Захвати Уолл-Стрит». Ф. Фукуяма считает, что это движение после некоторого перерыва будет набирать силу: «Серьезная интеллектуальная дискуссия совершенно необходима, поскольку нынешняя форма глобализованного капитализма разрушает социальную базу среднего класса, на котором держится либеральная демократия» [Фукуяма, 2012, с. 5]. Образно говоря, произошла трансформация: от «восстания масс» (по Ортега-и-Гассет) к «революции элит» (по Фукуяма).

В 2008 г. в странах-лидерах мирового хозяйства произошел финансовый кризис, начавшийся как ипотечный, а затем переросший в комплексный экономический. Последние события позволяют предположить, что кризис 2008 г. не закончился, а просто вступил в стадию ремиссии, и кризис последующих лет – это не столько самостоятельное явление, сколько логическое продолжение предыдущего и, скорее всего, как считают некоторые исследователи, связан с большими кондратьевскими циклами.

Сначала кризис 2008 г. считали результатом перегрева ипотечного рынка в США. (На наш взгляд, это поверхностное объяснение причин, в защиту нашего утверждения можно привести простой расчет: объем ипотечных

кредитов по отношению к объему мировых финансов составлял в 2008 г. ничтожную величину – 0,15% [A special report on globalisation, 2008]). Затем причиной кризиса назвали чрезмерное воплощение дериватов, в частности, кредитных дефолтных свопов¹.

Наконец, теоретическое обоснование кризисов первого десятилетия нашего века свели к более широкой концепции финансизма, согласно которой виртуальная (финансовая) система отрывается от реальной экономики. Финансизм действительно сопровождает мировую экономику на протяжении столетий и достаточно широко рассмотрен в экономической литературе.

Все объяснения кризисов с помощью гипотезы о том, что в период после либеральной революции тенденция к отрыву виртуальной экономики от реальной проявилась наиболее интенсивно, носили, казалось бы, убедительный, но все же несколько умозрительный характер. Мотивы обращения к «реальной» экономике весьма уязвимы. Прежний подход к реальности устаревает в связи с тем, что современные коммуникации дают не только возможность публиковать и читать информацию. Интернет (и интранет) способствует возникновению и динамичному развитию новых бизнес-структур, так называемой виртуальной экономики. Термин «виртуальное предприятие» используется в двойном смысле. В абстрагированном определении упор делается на коммуникационный аспект его организации и функционирования, что придает важнейшей проблеме виртуализации производства скорее метафорический, а не научный характер. В конкретном смысле виртуальное предприятие подразумевает сетевые, компьютерно-опосредованные структуры разработки, производства и распределения продукции. Это образования не мнимые, а имеющие все основные характеристики реального предприятия. Так, форексные биржи не нуждаются в специальных зданиях, но выполняют свои функции, а интернет-торговля развивается на основе информационных и коммуникационных технологий. Таким образом, виртуальность из возможности превращается в реальность.

В этом же русле развиваются и идеи электронного бизнеса, который, как предсказывают Г. Минс и Д. Шнайдер, будет со временем стимулировать беспрецедентный экономический рост и глубочайшую трансформацию экономической основы общества. Указанные авторы определяют их как метакapитализм («сообщества добавленной стоимости»). Пирамида бизнеса перевернется, и суть этого будет заключаться в том, что произойдет смена парадигмы мирового развития. Метакapитализм будет использовать технологии, связанные с активной ролью потребителя в производственном процессе [Минс, Шнайдер, 2011].

Подводя итог краткого анализа вклада определенных факторов в цепочку современных кризисов, можно достаточно обоснованно утверждать, что все эти флуктуационные «частные» воздействия все же не могут привести к

¹ Кредитный дефолтный своп (swop – дословно «менять», англ.) – это дериват, над которым не властна ни одна форма государственного контроля. Буквально – это структуры возмещения непоплаченных долгов. Если же наступает момент, когда обанкротилось большинство покупателей своп, то продавцы кредитов своп не могут выплатить потери сразу всем. В этом случае «мыльный пузырь» кредитов своп обязательно лопнет.

происходящим масштабным трансформациям. Проблема носит более фундаментальный характер и заключается в мирохозяйственном переходе от 5-го к 6-му циклу Кондратьева (ЦК). С помощью модели ЦК удастся научно объяснить волнообразные изменения экономики на абсолютной шкале времени, что весьма важно для ориентации в происходящих событиях в геоэкономическом пространстве.

По мере развития теории длинных циклов обнаружена строгая корреляция между технологическими инновациями и циклами развития. В теоретическом обосновании циклического экономического развития Й. Шумпетер привел следующие узловые инновации: 1) новые товары; 2) новые производственные процессы (технологии); 3) новые рынки; 4) новые источники энергии и сырья; 5) новая организация хозяйства [Шумпетер, 1982]. *Все перечисленные инновации сводятся воедино при переходе в ЦК от повышательной фазы (А) к понижательной фазе (В).* В результате исчерпания творческого потенциала в конце фазы А в мировой системе происходит не дающее мировому хозяйству окостенеть «созидательное разрушение» (термин Шумпетера), а затем последует переход к новым инфратраекториям (в понимании Хироока) при сохранении ряда традиционных, но не утративших общественной полезности инфратраекторий. Таким образом, инновации выступают в роли локомотива мирового экономического развития и поддерживаются большим объемом инвестиций.

Мирохозяйственный переход происходит в поворотных точках (на отрезках) кондратьевских волн, т.е. на «дне» понижательных фаз (В), как это произошло в 1974 г., а затем повторилось в начале 1980-х гг. – тоже на самом «дне» понижательной фазы 4-го ЦК. Это был системный кризис, а не узко энергетический, как его сначала характеризовали в научных публикациях. Это был кризис ресурсопожирающей экономики (тогда Римский клуб издал свой знаменитый труд «Пределы роста») и архаичных институциональных надстроек. В это время тэтчеризм и рейганомика закономерно, в такт мировому развитию способствовали тенденциям «созидательного разрушения».

Диффузия экономических, технологических, институциональных нововведений достаточно строго синхронизирована с повышательной фазой (А) каждого из пяти ЦК, причем ряд базисных инноваций зарождается на стадии депрессии, а достигает созревания на отрезке наибольшего пика повышательной волны (А) ЦК.

Отдельные макротехнологии распространяются за пределы одного ЦК, формируя длинную траекторию развития, которую, как уже отмечалось, М. Хироока назвал *инфратраекторией* (компьютеры, авиастроение, биотехнологии и т.д.). Инфратраектории образуют инновационные семейства, при этом каждое семейство имеет генеральную (стержневую) магистральную инновацию. В 5-м цикле в этом качестве выступали три магистральные инновации (макротехнологии): компьютерные технологии, интернет, мобильная связь.

На рисунке представлен период, охватывающий 4-й и 5-й циклы Кондратьева. Поворотная точка (отрезок) в конце 5-го цикла обозначилась кризисами, начавшимися в 2008 г. Мирохозяйственный переход к 6-му циклу

объясняется в ряде прогностических публикаций. Отдельные важные для мирового развития макротехнологии переходят из 5-го в 6-й ЦК: авиастроение, компьютеры и компьютерные системы, биотехнологии и т.п. Однако появляются и новые магистральные макротехнологии, например, нанотехнология и мультимедийная сфера (взаимосвязь визуальных и аудио-эффектов).

Ученый из ФРГ Л. Нефедов, написавший книгу «Шестой Кондратьев», пишет о том, что 6-й цикл будет связан с развитием социогуманитарных технологий, включающих оздоровление окружающей среды, высококачественное здравоохранение и всестороннее развитие человека [Nefiodov, 1996].

Многие исследователи и популяризаторы связывают 6-й цикл с эффективным использованием ресурсов биосферы. Потребитель будет ориентирован, вопреки «законам “Economics”», в постулатах которой запрограммирован быстрый износ товаров, на продукцию, долгосрочно служащую человеку, исчезнет расточительность и психологическая избыточность «гламурной» экономики, столь характерной для рубежа XX–XXI вв., когда ключевым активом для потребителя становится не полезность, а бренд и симулякр (от слова «симуляция», автор термина французский философ Ж. Бодрийяр). Поэтому в контексте нашей темы важно подчеркнуть, что следует различать аутентичные (оригинальные) инновации от модификаций, искусственно стимулирующих потребителей на исходе 5-го ЦК модификаций и создающих видимость инновационности.

Кстати, симулякрами могут быть и разные прогнозы, особенно «списки» долгосрочных приоритетных направлений развития науки. В конце 1940-х гг. был проведен опрос 3000 видных западных ученых о перспективных научных направлениях к середине XX в. Ответы показали следующее: не упоминались ядерная физика, выход в космос, полупроводники, лазеры, компьютеры и, естественно, интернет, мобильная связь [Жеребцов, 2008].

Особенности пространственной структуры мирового хозяйства в условиях мирохозяйственного перехода. Развитие глобализации и территориальная неравномерность диффузии магистральных инноваций в технологии, организации и использовании ресурсов в системе мирового хозяйства задают долговременную траекторию развития его наиболее инерционной структуре (трансформации) – пространственной.

Рассмотрим доминантные характеристики геоэкономического/мирохозяйственного пространства, сложившегося к настоящему времени.

Геоэкономические макрорегионы (зоны). Геоэкономический Север («Запад») со своей «штабной экономикой» (выражение, которое широко употребляют западные исследователи) охватывает своим экономическим влиянием все прочие регионы мира. Этот регион (Мировая Триада, включая незападную в физико-географическом и цивилизационном понимании Японию) генетически связан с североатлантическим союзом стран. Регион интернационален, обладает вынесенной за пределы собственных границ мощной «второй экономикой» (ТНК), большими возможностями финансового регулирования мировых экономических и внеэкономических операций. Здесь сосредоточена основная часть постиндустриальной сферы высококвалифицированных услуг, продуцентов масс-медиа. Интенсивно

развивается «гламурная экономика», в связи с чем этот регион прозвали «высокотехнологичным Версаче». Англосаксонская часть региона включает две родственные субцивилизации: Американскую и Западноевропейскую.

Геоэкономический Юг, основа мирохозяйственного профиля которого – производство разных видов сырья (в лучшем случае, углеводов). В целом регион отличается существенной архаичностью социальной структуры хозяйства, раздирающим целостность территории многих государств трайбализмом. В пределах Юга существует так называемый Глубинный Юг – страны, которые практически не входят в систему мирового хозяйства, получившие название «оторвавшегося вагона мирового хозяйства». В целом Юг – это регион с большой численностью населения и сопровождающими низкими показателями уровня жизни, с высокими негативными индикаторами состояния здоровья, огромной безработицей и т.д.

Макрорегион Новый Восток. Статистические данные свидетельствуют о геоэкономическом сдвиге в системе мирового хозяйства в направлении Китая и НИС (новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии). Преобладает информация о «китайском чуде» – в КНР положительный показатель экономического роста за последние 15 лет составил более 8% [A special report on globalization, 2008]. Страна обладает массовым промышленным производством, в том числе наукоемким. Проблема развития заключается прежде всего в том, что по модели развития Новый Восток в системе международного разделения труда – это имитационный геоэкономический макрорегион, в пределах которого выпускается продукция, тиражируемая по технологиям Запада.

Макрорегион Северная Евразия – «сухопутный океан», по В.П. Семенову-Тянь-Шанскому. Это пространство во многом связано с историческими судьбами России. Большая часть его – национальная территория России. В пределах всех стран СНГ макрорегион малоконсолидирован. Если бы речь шла о модели экономического развития, то структурообразующим ядром хозяйства макрорегиона должны были стать производство высокотехнологичных товаров и создание широкого круга технологических нововведений. На практике, однако, этого не произошло, хотя и появились отдельные «оазисы» современного производства. Макрорегион поразила «голландская болезнь». За счет интеллектуальных ресурсов производится 5–10% ВВП [Некlessа, 2008]. А. Мэддисон рассчитал временной лаг отставания России от ряда стран, экономических лидеров Западной Европы, он составил около 50 лет [Мэддисон, 2012].

Самый проблемный элемент пространственного мироустройства – *Мировой геоэкономический андеграунд*, территориально разобщенный и объединяющий спекулятивный квази Север с грабительской, криминальной экономикой Глубокого Юга. Это не только зоны производства наркотиков с сопровождающим наркотрафиком, но и «прачечная» для отмывки «грязных» денег, ареалы пиратства и т.п. Можно сказать, что это параэкономика трансграничного пространства, существующая в виде серых, полусерых, темных зон деятельности. Малоизученной остается проблема связей Андеграунда с геоэкономическим Севером, точнее с тем его сектором, который назван спекулятивным и криминальным квази Севером.

Точечные образования мирового хозяйства, в которых сверхбогатая мировая элита скрывается от уплаты налогов или прячет криминальные богатства – офшорные зоны, все более оцениваемые как сдерживающий фактор мирового развития.

Сетевые пространственные геоэкономические структуры. Мировое хозяйство, адаптируясь от цикла к циклу к пяти типам шумпетеровских инноваций, трансформирует и свое пространственное устройство. Один из основополагающих результатов в 5-м цикле Кондратьева – появление сетевых структур пространственной организации, сочетающееся с постепенно растущей экономической транспарентностью государственных границ. Сетевые трансграничные структуры сделали возможными на уровне единичного и частного разделения труда так называемые глобальные конвейеры, координация связей в которых происходит на уровне адаптивного, а не иерархического и строго регламентированного управления. Так называемое диссипативное управление основано на принципах самоорганизации и онлайн-овой системе коммуникаций. Этот тип управления приводит к снижению коррупционной нагрузки на мировой и внутристрановой бизнес¹.

Процессы сетевой модернизации как проявление современной трансформации пространственных структур затрагивает многие типы экономических систем и изучаются в основном в рамках менеджмента и системного анализа.

Географических исследований в данной области немного как за рубежом, так и в России. К наиболее разработанным относятся: модель Андерссонов «ворота в глобальный мир» [Андерссон, Андерссон, 2001] и концепция мировых/глобальных городов П. Тейлора [Taylor, 2004]. Эти два подхода взаимосвязаны².

Согласно модели «ворота в глобальный мир» в ряде взаимодействующих мировых городов концентрируется основной потенциал глобализации (в первую очередь, транснационализации), экономики знаний, высокоразвитых управленческих, финансовых и транспортных услуг. Число «ворот» в мире ограничено: в Северной Америке – Нью-Йорк, Бостон, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сиятл, Майами; в Европе – Лондон, коридор Милан–Венеция, ось Роттердам–Амстердам, а также Франкфурт-на-Майне, Париж; в Азии – ось Токио–Осака, Шанхай, Гонконг, Сингапур; в Австралии – Сидней; в Южной Америке – Сан-Паулу. В Африке «ворота в глобальный мир» отсутствуют. «Ворота» обеспечивают широкий доступ к экономикам обширных территорий. Далеко не у каждой страны есть такие «ворота», но в пределах зон притяжения они могут иметь более низкого ранга «региональные ворота», обеспечивающие определенное участие страны в принятии ключевых решений на мировом уровне и входение в «глобальные конвейеры». Формирование «ворот в глобальный мир» необходимо для стран для того, чтобы их национальные экономики не исчезли с геоэкономической карты мира.

¹ В Великобритании принята программа «Большое общество вместо большого государства», цель которой состоит в сокращении госаппарата на 40% и создании локальных гражданских сетей управления. В ЕС ведется дискуссия о переходе от принципа объединенных государств к кластерной модели интеграции на базе кооперации макрорегионов.

² В русскоязычной литературе концепция мировых городов детально изложена в монографии Н.А. Слуки «Геодемографические феномены глобальных городов». – М.–Смоленск: Ойкумена, 2009.

Выводы:

– состояние неопределенности и турбулентности в современном мировом хозяйстве – это транзитная ситуация, прохождение которой дело одного-полутора десятилетий. В первом и начале второго десятилетия на трансформационные процессы в рамках глобализации наложился глубокие кризисные явления в мировой экономике. Объяснение многих позитивных и негативных трансформаций, включая изменения в пространственной конфигурации мирового развития, возможно с помощью понятия мирохозяйственного перехода в макротехнологической структуре геоэкономики;

– мирохозяйственный переход можно объяснить исходя из теоретических подходов в рамках теории длинных циклов Н.Д. Кондратьева. На базе этой теории в начале XXI в. учеными обоснована концепция магистральных инноваций и введено понятие о длинных инфратраекториях мирохозяйственного развития. К последним относят траектории, проходящие не менее чем через две восходящие фазы циклов Кондратьева;

– современные кризисы и рецессии связаны с поворотной точкой мирового развития, лежащей в самом низу понижательной фазы 5-го цикла. Если на повышательной фазе этого цикла инфратраектории были связаны с тремя магистральными инновациями – компьютерные технологии, интернет и мобильная связь, то в предстоящей повышательной фазе 6-го цикла на первый план могут выйти нанотехнологии, мультимедийные инновации, социогуманитарные и экологические макротехнологии;

– шестой цикл вызовет уход старых технологий, отживших организационных структур и появление пропульсивных отраслей хозяйства и новых институциональных возможностей, в результате чего произойдет ускорение динамики мирового экономического развития;

– адаптируясь к новой ситуации, может существенно измениться и пространственное устройство мира. Сейчас он представлен взаимодействующими геоэкономическими макрорегионами, которые включают ведущий высокотехнологичный Север с его «штабной экономикой» (Мировая Триада); существенно отстающий по темпу развития и слабоглобализированный Юг с его Глубинным Югом («оторвавшимся вагоном мирового хозяйства»); промышленный и интенсивно глобализирующийся на основе западных технологий Новый Восток (Китай, азиатские новые индустриальные страны разных поколений); Северная Евразия (Россия) с ее «ресурсным проклятием»; мировой геоэкономический андеграунд с криминальной теневой экономикой;

– одна из новейших и быстроразвивающихся форм – сетевые пространственные структуры, основанные на новых организационных принципах управления, воплощенных в информационных потоках и сетеузловых трансграничных взаимодействиях. В сетевых структурах государство определяет лишь общую стратегию развития, а текущее управление становится функцией множества самоорганизующихся акторов мирового хозяйства: ТНК, мировых городов, «ворот в глобальный мир», виртуальных трансграничных фирм, выполняющих среднесрочные и долгосрочные проекты, а также предприятий интернет-торговли.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ВЕКТОР ИССЛЕДОВАНИЙ НА КАФЕДРЕ ГЕОГРАФИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Т.Х. ТКАЧЕНКО, С.А. САФОНОВ

На географическом факультете Московского университета предметное изучение географии промышленного производства особенно быстрое развитие получает с середины XX в., с началом мирного послевоенного строительства. С тех пор география промышленности сложилась здесь как значительная научно-образовательная школа. В феномене возникновения той или иной научной школы всегда особую роль играют выдающиеся лидеры-основоположники. В школе географии промышленности Московского университета много славных имен, начиная с Н.Н. Баранского, указавшего на центральное значение в экономической географии вопросов географического разделения труда и размещения производства, важность полевых экономико-географических исследований, непосредственного обследования промышленных предприятий, установления производственных связей. Выдающимся соратником Н.Н. Баранского был Н.Н. Колосовский, создавший теорию территориально-производственных комплексов (ТПК) и энергопроизводственных циклов (ЭПЦ), составляющих основу формирования экономических районов. Развивая теоретические основы экономической географии, совершенствованию теории ЭПЦ большое значение придавал Ю.Г. Саушкин. В тесном контакте с университетскими географами работал В.П. Максаковский, создавший фундаментальные характеристики географической картины мировой промышленности. Этот список можно продолжать.

Особое место как «промышленникам» принадлежит И.М. Маергойзу и Н.В. Алисову, профессорам кафедры экономической географии зарубежных социалистических стран, а ныне географии мирового хозяйства, отмечающей в 2016 г. 25-летний юбилей. Их таланты, исследовательские заслуги и достижения уже получили должное освещение в многочисленных мемориальных статьях и фундаментальных трудах [Географическое положение и..., 2012; Глобальная социально-экономическая география, 2011]. Но самое важное заключается в том, что они не только участвовали в создании теоретико-методологической базы и выпустили крупные работы по географии промышленности, но и подготовили целую плеяду учеников и последователей.

«Промышленное» направление в творчестве И.М. Маергойза. Исследователи научной деятельности этого ученого условно выделяют в ней четыре этапа: 1) градоведческий; 2) страноведческий; 3) промышленно-географический; 4) теоретический и картографический [Полян, Тревиш, 2012, с. 170]. Хорошо известно, что география промышленности – одно из важнейших направлений его исследований с 1960-х гг. «Проблемами промышленности, включая технические, в СССР в то время

занимались сотни институтов. Но здесь был важен абсолютный "географический слух" И.М. Маергойза» [Полян, Трейвиш, 2012, с. 37]: предметное изучение географии важнейших *отраслей* индустриального производства и *интегральных* индустриальных районов.

Больше всего его интересовала химическая индустрия. В вышедшем в 1967 г. сборнике «Вопросы географии», целиком посвященном развитию химической промышленности [География химической промышленности, 1967], статья И.М. Маергойза была заглавной. В ней были обозначены многие методически важные аспекты промышленно-отраслевого исследования: необходимость изучения *первичных* промышленно-географических объектов с обязательным использованием таких характеристик, как технология и специализация производств, преобладающие формы их организации, факторы размещения и др., необходимость применения *типологических* построений при характеристике сложных многообразных систем, проведение отраслевого районирования, применение *сравнительно-географического подхода*. Возможно, выбор химической индустрии в качестве «любимой» был в известной степени обусловлен фантастически высокими темпами ее развития в тот период (1960-е гг.), особенно в развитых капиталистических странах. Но возможно, это было и предвидение выдающихся перспектив этой отрасли. Ведь технология химической перестройки материала стала стержнем создания множества новых продуктов из самых разнообразных видов сырья. По существу, это сквозная технология, на которую «нализываются» многие и многие производства и виды экономической деятельности, образующие технологический кластер. Несмотря на замедление темпов развития мировой химической индустрии в последнее десятилетие, универсальность применения химических технологий, неисчерпаемые возможности получения с их помощью новых продуктов по-прежнему делают химико-технологические кластеры эффективной основой многих экономических структур. И.М. Маергойз был совершенно прав в нацеленности на изучение именно этих кластеров, во многом определяющих географию и территориальную организацию всего индустриального развития и в XXI в. [Ткаченко, 2012, с. 233].

Известно, что венцом творчества И.М. Маергойза является капитальная монография по Чехословакии [Маергойз, 1964]. Но так же хорошо известно, что это не только блестящее страноведческое исследование, но и огромный вклад в теорию и методике экономико-географической науки, в частности в географию промышленности. С «Чехословакии», например, в советской географии широко пошло изучение вопросов территориальной концентрации промышленности, приведшее в настоящее время к пониманию территориальной концентрации вообще как важнейшей формы организации экономического пространства [Ткаченко, 2012, с. 234]. Там же, в «Чехословакии», в качестве важного аспекта исследования введено рассмотрение «расселения промышленности», «урбанистической структуры промышленности» (термин предложен И.М.), то есть размещения промышленного производства по категориям городов разной людности. Эта методика, примененная, в частности, при современном изучении «расселения» производств ТНК в развивающихся странах, выявила «групповое» размещение филиа-

лов крупнейших промышленных корпораций в одних и тех же городских центрах принимающих стран. Идеи маергойзовской школы лежат в основе генерации нового знания в географии промышленности.

Роль Н.В. Алисова в промышленно-географических исследованиях. К исследованию географии химической промышленности И.М. Маергойз привлек целый ряд своих учеников, коллег-географов, для которых она пожизненно стала важнейшей областью научных интересов. Широко сотрудничая с тогдашним НИИТЭХИМом (Научно-исследовательский институт технико-экономических исследований химической промышленности), он приобщил к географии химической индустрии тамошних экономистов. В результате в экономическую географию, а потом и на тогдашнюю кафедру экономической географии зарубежных социалистических стран МГУ пришел выдающийся исследователь этой отрасли Н.В. Алисов, ставший с начала 1970-х гг. соратником и единомышленником И.М. Маергойза в развитии географии промышленности. В 1970-х гг. выходят его многочисленные работы по размещению разных отраслей промышленности [Глобальная социально-экономическая география, 2011]. Одна из основополагающих теоретических работ Н.В. Алисова «О соотношении и взаимосвязях факторов, условий и предпосылок размещения производства как категории разных систем» [Алисов, 1977], во многом сохраняет актуальность и цитируется до сих пор.

В 1983 г. кафедра выпустила под редакцией Н.В. Алисова учебное пособие «География промышленности зарубежных социалистических стран Европы» [География промышленности..., 1983], в котором ему принадлежал целый ряд разделов. В работе приняли участие доценты Ю.А. Круковский, Ю.В. Ильнич, Т.Х. Ткаченко и др. Пособие построено по уже отработанной методике географического анализа промышленных отраслей: от общей характеристики через подотраслевое структурирование, выявление технико-экономических особенностей производств, воздействующих на их размещение, к характеристике непосредственно территориальных структур отраслей с выделением в них промышленных *районов* в качестве основных таксонов.

В 1990-е гг. в творчестве профессора Н.В. Алисова наступает «мировой» период исследований. Готовятся и выходят публикации в различных журналах по отдельным отраслям промышленности – по развитию биоиндустрии [Алисов, 1991], электроники [Алисов, Гапоненко, 1994], промышленности минеральных удобрений [Алисов, 1994(b)], производству текстильных волокон [Алисов, Валькова, 1999] и др., защищаются курсовые, дипломные и кандидатские работы по этим темам. Параллельно готовится фундаментальный труд по географии мирового хозяйства, в 2000 г. увидел свет учебник «Экономическая и социальная география мира», написанный Н.В. Алисовым совместно с профессором экономического факультета МГУ Б.С. Хоревым [Алисов, Хорев, 2000]. В этом завершающем научный путь Н.В. Алисова труде центральное место отведено географии мировой промышленности, отдельных составляющих ее отраслей, рассматриваемых уже на мировом уровне. В его основе лежит накопленный теоретико-методологический арсенал промышленно-географических исследований, но существенной новацией следует считать отступление от традиционной схемы структурирования

промышленности. Н.В. Алисов всегда придавал большое значение структурированию объекта исследования, добираясь подчас до самых низовых (продуктовых) ступеней промышленного производства, особенно когда дело касалось его любимой химической промышленности. В учебнике на первое место выводятся новые отрасли и производства, в частности, биоиндустрия, о которых не было речи в «доперестроечных» реестрах и классификациях. Н.В. Алисов предвидел, что «старая» тема структурирования промышленного производства потребует новых подходов и разработок [Ткаченко, 2011, с. 74]. Важным методологическим признаком «мирового» уровня рассмотрения является определение в алисовском учебнике страны в качестве основного таксона пространственной структуры мировой промышленности. Этот подход на последующие два десятилетия сохранил свое значение в географии промышленности мира.

Продолжающиеся исследования географии промышленности мира. Заложенный корифеями фундамент географического исследования промышленности получил свое развитие в XXI веке. В 2012 г. – уже больше, чем через десятилетие после смерти Н.В. Алисова – кафедрой опубликован вузовский учебник «География мирового хозяйства» [География мирового хозяйства, 2012]. Более трети объема в нем отведено географии основных отраслей промышленного производства, рассматриваемых в соответствии со ставшей уже классической схемой, на протяжении не одного десятка лет формировавшейся в рамках университетской школы географии промышленности. Это своеобразная дань уважения И.М. Маергойзу и Н.В. Алисову со стороны их единомышленников и учеников. Ведь главной особенностью научной школы является наличие связи поколений, признаваемое учениками влияние учителей.

С последней четверти прошлого века известны стремительные процессы «терциаризации» мировой экономики. В настоящее время доля третичного сектора в мировом ВВП составляет 62,4% (удельный вес «вторичного» – 31,1%, сельского хозяйства и рыболовства – 6,5%, 2014 г.) [The World Factbook]. Однако позиция авторов учебника в том, что, несмотря на доминирование сферы обращения и услуг в создании мирового ВВП и в занятости населения, источником прогресса цивилизации и его измерителем выступает совершенствование форм и методов материального производства, в первую очередь – промышленного. Деиндустриализация, выражающаяся в сокращении занятости населения в мировой промышленности, вовсе не означает «ненужности» этой отрасли для экономики. Развитие промышленности – решающий фактор достижения высокой производительности и эффективности всего экономического механизма.

В учебнике подробно разобраны вопросы развития и географии важнейших отраслей материального производства за последнюю четверть века, и эти материалы составляют *объяснительный фундамент, ценную фактическую аргументацию* произошедшей к началу второго десятилетия XXI в. смене гегемона в пространственной структуре обрабатывающей индустрии мира (табл. 1.1): Китай вышел на абсолютно лидирующие позиции, хотя еще в 2005 г. его доля в мировой обрабатывающей промышленности была вдвое ниже, чем у США.

Таблица 1.1

Доля стран в мировой обрабатывающей промышленности, %

Страны	Годы	
	2005	2015
Китай	11,75	23,84
США	20,43	16,54
Япония	11,14	8,93
Германия	7,29	6,37
Республика Корея	2,54	3,09
Индия	1,74	2,45

Источник: [INDSTAT4-2015].

Важно отметить, что даже если оперировать данными развития только высокотехнологического сектора индустрии, то направления сдвигов в пространственной структуре остаются теми же (табл. 1.2). Китай, выпускавший в 2000 г. в этом секторе в 30 с лишним раз меньше продукции, чем США, к 2014 г. почти сравнялся с ними.

Но за макротерриториальной статистикой нельзя упускать из виду, что в высокотехнологическом секторе Китай занимает качественно иное место по сравнению с США. Американская промышленность особенно сильна в авиационно-ракетно-космическом комплексе, точном приборостроении (scientific instruments) и подотраслях, включенных в цепочки создания стоимости в аэрокосмическом секторе (например, в таких, как производство навигационной техники, оборудования связи и др.).

Таблица 1.2

Место стран и регионов в мировом производстве высокотехнологической продукции, 1999 г. и 2014 г.

Страны и регионы	Производство высокотехнологической продукции, млрд долл.		Доля в производстве высокотехнологической продукции в 2014 г., %
	1999 г.	2014 г.	
США	325	510	28,3
ЕС	200	300	16,6
Япония	180	90	5,0
Китай	10	490	27,2
Другие развивающиеся страны	80	180	10,0
Другие развитые страны	90	230	12,8

Источник: [National Science Board, 2016, p. 13].

В 2012 г., по отчету компании Boeing, 75% всех поставок по цепочке поступало от американских компаний, размещенных в большинстве своем на территории США [National Science Board, 2016, p. 14]. Что же касается Китая, то это страна – крупнейший производитель фармацевтических товаров и продукции информационно-коммуникационного сектора (компьютеры, средства мобильной связи, полупроводники). Его доля в этом секторе достигает 40% и более. Но в фармацевтике основная часть производимого объема – это либо дженерики, либо продукция фирм, расположенных на территории Китая, но контролируемых американскими или европейскими фармацевтическими ТНК. В производстве полупроводников, несмотря на достигнутые значительные объемы производства и высокую долю в мире, Китай остается сильно зависимым от поставок высокотехнологичной полупроводниковой продукции зарубежных поставщиков, в особенности для производства своих смартфонов и другой более сложной электроники. В целом Китай в высокотехнологичном секторе остается пока на технологических ступенях с более низкой добавленной стоимостью (например, на сборочных операциях сложных полупроводниковых приборов).

Эти наблюдения возвращают к одному из важнейших для географии промышленности выводов, сделанных за весь предшествующий этап развития: анализ *отраслевого* развития есть неотъемлемый инструмент (механизм) *географического* анализа; макрогеографическая тектоника промышленности складывается из суммы мезо- и даже микросдвигов в отраслевом развитии.

Революционными изменениями в территориальной организации мировой промышленности мир обязан, прежде всего, деятельности ТНК, которой в учебнике уделяется значительное место. Важно отметить, что в основе кратко изложенных в нем положений лежат непрерывно продолжающиеся на кафедре исследования ТНК и их роли в пространственной организации мировой экономики (табл. 1.3).

Взгляд в будущее. Несмотря на чрезвычайно высокий уровень неопределенности мирового развития даже в ближайшем будущем, на современном этапе одним из определенных прогнозов является «реабилитация» реального сектора экономики, очевидная тенденция реиндустриализации и девальвация самого понятия постиндустриализма, «репатриация промышленных производств, создание новых рабочих мест в экономически развитых странах по обе стороны Атлантики» [Гринберг, 2016]. В этом русле лежит одна из самых дискутируемых тем в современной географии промышленности – как повлияют на изменение пространственной структуры индустрии процессы реиндустриализации, «решор» промышленности в развитых странах, неоиндустриализация?

Термин «реиндустриализация» появился в мировом обиходе относительно недавно. В узком смысле слова чаще всего реиндустриализация понимается как совокупность мер по преодолению деиндустриализационного тренда в форме возрождения прежних производств, хозяйственных связей в рамках технологических цепочек и т.п.

Таблица 1.3

Диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук по промышленной тематике, защищенные аспирантами кафедры географии мирового хозяйства в XXI в.

ФИО соискателя	Название диссертационного исследования	Год защиты	Научный руководитель
Федорченко А.В.	Воздействие постфордизма на территориальную организацию промышленного производства (мировой опыт)	2002	Мироненко Н.С.
Ткаченко И.А.	Территориально-организационная структура автомобильной ТНК (на примере «Даймлер – Крайслер»)	2005	Мироненко Н.С.
Гречко Е.А.	Географические различия моделей управления транснациональными корпорациями в условиях глобализации	2005	Ткаченко Т.Х.
Черашев Д.В.	Территориальная структура мировой промышленности основных тяжелых цветных металлов	2005	Валев Э.Б.
Гавриков Д.А.	Трансформация территориально-отраслевой структуры промышленности Европы в XX в. – начале XXI в.	2006	Валев Э.Б.
Фокин С.О.	Роль мирового транснационализованного сектора в формировании конкурентоспособности стран	2007	Мироненко Н.С.
Егоров-Тисменко И.Ю.	Территориальная структура мировой нефтяной промышленности в системе международных отношений	2007	Мироненко Н.С.
Хохлов А.В.	Современные сдвиги в территориально-организационной структуре мирового лесопромышленного комплекса	2008	Фомичев П.Ю.
Лобанов М.М.	Трансформация отраслевой и территориальной структуры промышленности постсоциалистических стран Центрально-Восточной Европы	2010	Валев Э.Б.
Каминская Н.В.	Территориальная структура мирового производства и транспортировки сжиженного природного газа	2011	Ткаченко Т.Х.
Кротков А.И.	Региональные стратегии транснациональных корпораций на развивающихся фармацевтических рынках	2013	Ткаченко Т.Х.

Составлено по: [<http://istina.msu.ru>].

Но очевидно, что такие меры не могут служить основой эффективно-го выхода материального базиса экономики на новый уровень. Гораздо более широкое понятие – неоиндустриализация. Оно предлагается целым рядом экономистов, занимающихся разработкой этой концепции (см., в частности, дискуссию на страницах журнала «Экономист», развернувшуюся в 2014–2015 гг.). Неоиндустриализация – в отличие от реиндустриализации в узком смысле слова – рассматривается как закономерный процесс совершенствования производительных сил, ведущий к технотронной эре в развитии общества. Неоиндустриализация – это переход к наукоемкому, высокотехнологичному, массово-трудозамещающему, эколого-эффективному промышленному производству, которое и обеспечивает новый более высокий уровень материального базиса экономики. Флагманом процесса неоиндустриализации специалисты называют развитие концепции «Интернета вещей» (Internet of Things – IoT) – вычислительной сети физических объектов, оснащенных встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом или со внешней средой [Толкачев, 2015(a)].

Темпы роста «Интернета вещей» ошеломляющие. На сегодняшний день более 99% объектов реального мира не подсоединены к Интернету. Но по прогнозу Gartner, в 2016 г. «Интернет вещей» объединит 6,4 млрд объектов, а в 2020 г. «Интернет вещей» будет включать уже 20,8 млрд устройств. По прогнозам одной из ведущих компаний в этой области – CISCO, к 2020 г. к Интернету будут подсоединены 37 млрд интеллектуальных объектов. Следующим этапом развития данной концепции предположительно станет «Интернет всего» (Internet of Everything – IoE), который позволит подключить к всемирной сети буквально всё, что только возможно себе представить. Планетарная сеть станет развиваться самостоятельно и принимать решения по разработанным программистами алгоритмам. На пути к этой картине мироустройства «отрасли будут переделаны, экосистемы перекроены, возникнут новые игроки, некоторые исчезнут – предстоит огромный парадигмальный сдвиг» [LaWell, 2015].

В этой связи совершенно очевидные вопросы встают перед географией индустриального производства: какова *пространственная проекция* этого «парадигмального сдвига», как изменится соотношение сил в мировом хозяйстве, позиции стран? Не перевесят ли такие очевидные риски неоиндустриализации, как усиление безработицы, экономической власти ключевых корпораций ИТ-сферы, уязвимости сетей к кибератакам и др. ее преимущества и выгоды? Дает ли неоиндустриализация шанс развитому миру восстановить свой производственный потенциал и ослабить позиции Китая и других поднимающихся экономик?

Наиболее ощутим тренд неоиндустриализации в некоторых самых развитых экономиках мира. В макроэкономической перспективе иногда формулируется тезис, что за счет неоиндустриализационного развития экономически развитые общества стоят на пороге «прорывного экономического роста». Очевидно, что именно там, в развитых странах,

и в частности, в Германии, надо начинать поиск ответов на поставленные вопросы. С начала 2010-х гг. в Германии весьма популярной темой и в бизнес-сообществе, и в академических кругах выступает реализация концепции «Индустрия 4.0». При этом объединяющей всех фундаментальной исходной позицией в реализации этой концепции является видение именно промышленного сектора как основы германского экономического успеха, повышения конкурентоспособности страны в мировом масштабе [Industrie 4.0]. Концепция перестройки производственных систем и организации труда в условиях развития новой формы автоматизации производства знаменует четвертую волну промышленной революции (после третьей «цифровой»), когда производство будет представлять собой *сеть*, в которой киберфизические системы взаимодействуют друг с другом через уникальные схемы адресации. Очевидно, что в среднесрочной перспективе в промышленном секторе Германии будет складываться дифференцированный ландшафт «островков» применения системы «Индустрия 4.0». Основным географически важным постулатом должно стать предположение, что одним из результатов имплементации системы «Индустрия 4.0» станет изменение штандортных условий для развития производственной деятельности в стране в целом. Соответственно этому кардинальные изменения будут претерпевать нынешние стратегии аутсорсинга и выноса производства за территорию страны, уровень промышленной занятости, конкурентоспособность индустриального сектора Германии.

В экономической географии давно известно, что территориальный разрыв технологических цепочек в производстве продуктов (особенно в производстве продуктов так называемых «дискретных» отраслей, к которым в первую очередь относится весь огромный машиностроительный комплекс) возможен и что размещение отдельных звеньев цепочек по разным территориям экономически эффективно в соответствии со специфическими сравнительными преимуществами последних. В начале 2000-х гг. появляется научная концепция «глобальных цепочек добавленной стоимости» (ГЦС), поскольку возрастающий процесс дробления цепочек захватывает все большее число стран, территориальные масштабы цепочек стали практически глобальными. Пространственное строение мировой индустрии морфологически улавливается как очень сложная сеть взаимоперекрывающихся, переплетающихся и взаимодействующих цепочек создания стоимости продуктов. В этой глобальной мегасети промышленных цепочек отчетливы узлы переплетений. Выявление и изучение этих узлов – одна из важнейших, хотя и футуристических, задач в *географии* мирового промышленного развития.

На базе традиционной статистики анализ хитросплетений территориального движения добавленной стоимости до появления конечного продукта оказывается невозможным. В целях анализа ГЦС в современной статистике с первого десятилетия XXI в., ОЭСР и ВТО запустили совместную программу исследований «Made in the World Initiative»

(«Сделано в мире»), основной идеей которой стало создание методики исследований и сбора данных о международной торговле по принципу добавленной стоимости. На базе новой методики появились балансовые модели, позволившие анализировать транзакции между различными отраслями и странами в терминах показателей добавленной стоимости. Соответственно, перед географией промышленности открываются новые горизонты исследований, возможность найти более адекватный действительности ответ на вопрос кто, что, для кого и где производит. Хотя здесь же важно отметить, что измерение по добавленной стоимости предлагается не как замена, а как дополнение к обычной торговой статистике, и не предлагается как полная ломка прежних накопленных методик. География мировой индустрии традиционно пользуется анализом динамики промышленного развития разных стран и сопутствующим этой динамике модификациям пространственной структуры, понимаемой как соотношение долей разных стран. Однако усиленно прокладывают себе дорогу представления, что пространственное строение мировой индустрии отнюдь не тождественно ее страновой структуре.

Итак, усложнение, турбулентность социально-экономического развития современного мира, очевидные тенденции деглобализации как внешние условия развития промышленного производства, с одной стороны, и огромная скорость процессов неоиндустриализации, с другой стороны, предопределяют становление новой парадигмы промышленного и в целом экономического развития мира. Установление пространственных закономерностей в рамках этой парадигмы является актуальнейшей задачей для географии мирового хозяйства, географии промышленного производства. Такие задачи ставит перед собой кафедра географии мирового хозяйства, выступающая неотъемлемой частью университетской научно-образовательной школы географии промышленности.

КОРПОРАТИВНАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК ПРОБЛЕМНАЯ ОБЛАСТЬ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА ¹

Н.А. СЛУКА

В калейдоскопе новейших глобализационных процессов для географии мирового хозяйства и экономической географии в целом одним из наиболее ярких и фундаментально значимых является феномен ТНК. Неоспорим факт быстрого роста значимости и влияния крупнейших международных компаний во всех сферах мирового развития и во всех возможных масштабах, начиная с местного, локального и заканчивая глобальным уровнем. Хорошо известна мощь ТНК, которые обеспечивают около половины мирового промышленного производства, жестко контролируют многие глобальные рынки, выступая ключевым организующим звеном [Трифонова, 2013; Хесин, 2010; ЮНКТАД, 2013]. Более того, международные компании часто выходят за пределы компетенций чисто хозяйственной деятельности, «координируя» геополитическую, информационную, интеллектуально-инновационную, социокультурную и иного рода обстановку в мире.

По мнению экспертов ООН, масштабное и стремительное возвышение ТНК и расширение систем международного производства в современных условиях опирается на сочетание, по крайней мере, трех сил. Во-первых, либерализацию политики: открытие национальных рынков и введение свободного режима для всех видов прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и форм организации бизнеса без участия в капитале. Во-вторых, быстрый технологический прогресс, который, с одной стороны, приносит новые издержки и риски, а с другой – обеспечивает сокращение транспортных и коммуникационных затрат, стимулируя активизацию деятельности корпораций на мировых рынках. В-третьих, обострение конкуренции, которая вынуждает фирмы изыскивать новые пути повышения эффективности, в том числе посредством переориентации некоторых видов производственной деятельности и расширения географии операций с выходом на новые рынки. Это приводит к становлению новых форм как организации, так и дислокации международного производства [ЮНКТАД, 2002, с. 10–14].

Современное состояние исследований в области корпоративной географии и ее функции. Особая весомость ТНК в мирохозяйственном развитии и своего рода «переход» от международного разделения труда на уровне национальных государств к транснациональному вызывает острый исследовательский интерес. Однако на текущий момент феномен ТНК пока не нашел адекватного отражения в научном знании. Как ни парадоксально, но в специальной литературе отсутствуют даже общепринятое определение понятия и унифицированные критерии выделения ТНК. Эксперты предлагают как весьма лаконичные трактовки типа «любая компания, имеющая производственные мощности за границей» [ЮНКТАД,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 16-06-00492).

2002], так и развернутые, но все-таки недостаточно точные и емкие. К числу наиболее авторитетной, не раз модернизированной, но впитавшей немало компромиссов, относится дефиниция ТНК, подготовленная в результате многолетней работы специального подразделения ООН по транснациональным корпорациям¹. Согласно ей, «ТНК – это компания, обладающая следующими характеристиками: включающая единицы в двух и более странах, независимо от юридической формы и поля деятельности; оперирующая в рамках системы принятия решений, позволяющей проводить согласованную политику и осуществлять общую стратегию через один руководящий центр; в которой отдельные единицы связаны посредством собственности или каким-либо другим образом так, что одна или более из них могут иметь значительное влияние на деятельность других, в частности, делить знания, ресурсы и ответственность с другими» [Глобальная социально-экономическая география..., 2011, с. 33].

Транснационализация мировой экономики – процесс глубоко географический, пространственно выборочный, неравномерный, проявляющийся в разных местах с разной силой и в разных формах. Этим, в частности, диктуется необходимость создания нового научно-исследовательского и образовательного направления – корпоративной (или корпорационной) географии. При разработке новых научных направлений возникает немало проблем, в частности чисто лингвистических. Оба прилагательных – «корпоративная» и «корпорационная» – выступают как производные от новолатинского *corporatio* – объединение, единство. Согласно анализу литературных источников, второе наиболее употребительно в сфере финансов (например, такие устойчивые словосочетания как «корпорационная облигация» или «корпорационный налог»), но все-таки в большинстве случаев используется слово «корпоративный».

В самом общем виде под корпоративной географией понимается синтез глубокого знания, с одной стороны, собственно природы и особенностей функционирования ТНК, их взаимодействия, одновременно конкуренции и интеграции, вклада в прогресс и проблемное поле мирового развития, а с другой – колоссального, исключительного, эксклюзивного ресурса современного пространства, дающего новую энергетику/синергетику для развития транснациональных деловых структур [Потоцкая, Самусенко, 2009, с. 55]. Корпоративная география как важное подразделение географии мирового хозяйства, наряду с общей, отраслевой и региональной, является составной частью экономической, социальной и политической географии. Все они в разной степени связаны между собой и ставят целью всестороннее исследование пространственной организации

¹ Программа по транснациональным корпорациям создана в 1974 г. и до 1992 г. осуществлялась Центром ООН по транснациональным корпорациям; в 1992–1993 гг. – Отделом по транснациональным корпорациям и вопросам управления Департамента ООН по вопросам экономического и социального развития. В 1993 г. Программа была передана в ведение Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), ставящей перед собой задачу содействия более глубокому пониманию природы ТНК и их вклада в развитие, а также создания благоприятных условий для международных инвестиций и развития предпринимательства [28, с. 11].

хозяйства. Это обуславливает необходимость выявления особенностей его формирования и структурных различий и изменений на разных этапах исторического развития [Алисов, 1999(с)]. Однако корпоративная география имеет свои специфические цели, задачи, методологию и методику изучения пространственных объектов и структур.

Корпоративная география – важный и органичный раздел географии мирового хозяйства, но при всей своей экономической и социальной значимости представляет собой пока мало и слабо освоенную как отечественными, так и зарубежными географами сферу знаний. Научный поиск в этой области характеризуется раздробленностью и очень широким диапазоном рассматриваемых проблем. Основные направления корпоративной географии, разрабатываемые российскими учеными, можно объединить в несколько групп. Первая из них возникла на базе междисциплинарных исследований места ТНК в мировой экономике [Родионова, 2009; Самусенко, 2012 и др.] и отличается чрезвычайно широкой палитрой красок и интересов. Вторая линия, напротив, довольно узкая и связана с менеджментом. Она базируется на привнесенной в географию приоритетной идеологии экономической «классики» – восприятия ТНК и их мирохозяйственного разнообразия через призму управленческих моделей компаний [например, Гречко, 2006]. Третье направление – анализ транснационализации мирового хозяйства с позиций своего рода инвестиционного подхода [Кузнецов, 2012; Кузнецов, 2011; Кузнецова и др., 2013], когда в центр географического исследования выносятся масштабы, приоритеты и направленность потоков ПИИ. Четвертое и, пожалуй, наиболее сложное, не обеспеченное должным образом информацией течение – изучение транснациональной деятельности компаний как элемент отраслевого анализа; положение фирм на отдельных глобальных рынках [Потоцкая, 2006, 2009]. Пятое и довольно хорошо отработанное направление – исследование территориально-организационной структуры ТНК различных отраслей хозяйства [Кротков, 2013; Рыкунова, 2011; Ткаченко, 2005 и т. д.]. Шестое – своего рода расселенческое – с акцентированием внимания на характере размещения штаб-квартир и филиалов крупнейших ТНК [Денисенко, 2012; Пилька, Слука, 2014(a, b); Слука, 2005 и др.].

Очевидно, что корпоративная география нацелена на решение гораздо более широкого спектра научно-исследовательских задач динамического, количественного, структурного, функционального, территориального, организационного и иного вида. Наиболее глубокого изучения требуют, например, сочетание факторов, условий и предпосылок как благоприятствующих, так и тормозящих развитие транснационального бизнеса; характер отношений корпоративного и иных секторов экономики на разных иерархических уровнях; партнерство и противоречия в триумвирате сил бизнес-общество-власть; роль ТНК как двигателя прогресса и негативные последствия их деятельности; особенности строения, функционирования и расселения ТНК различных отраслей хозяйства; стратегия, тактика и специфика экспансии ТНК при освоении глобальных рынков. Помимо решения чисто научно-исследовательских задач, корпоративная география способна осуществлять

целый ряд функций, присущих любой науке: информационную, мировоззренческо-образовательную и прикладную.

– Коллекторское корпоративоведение нацелено на сбор данных, обработку, суммирование и передачу достоверных сведений о деятельности крупнейших ТНК мира. Это исходное звено для развития всех иных разделов дисциплины. Его рабочий выход – базы данных, ГИС ТНК, первичные обзоры, справки и пр.

– В модулировании учебной функции корпоративной географии важны исходная база и органично-дуалистический подход. С одной стороны, ощущима традиционная востребованность в новых «мозгах и руках» отечественных и зарубежных ТНК, испытывающих острый дефицит квалифицированных кадров, знающих и способных мыслить пространственными категориями. С другой стороны, налицо стремление выпускников вузов к трудоустройству в крупные международные компании, что, помимо статуса, престижности, материальных стимулов, социального пакета и пр., дает дополнительные возможности для самореализации. В этой дихотомии выражается одна из ключевых задач корпоративной географии – создание учебных программ, обеспечивающих эффективное взаимодействие ТНК и вузов в сфере подготовки высокопрофессиональных кадров.

– Корпоративная география призвана участвовать в решении прикладных проблем при размещении новых объектов международной хозяйственной деятельности (предприятий, транспортных путей, телекоммуникаций и т.д.). Такого рода исследования и разработки в настоящее время часто предпринимают сами ТНК, создающие предприятия и другие объекты своих дочерних фирм и филиалов во многих странах и регионах мира [Алисов, 1999(с)]. Другое дело, что привлечение фундаментальной науки в виде корпоративной географии, как представляется, позволит международным компаниям существенно сократить издержки на аналитику, избежать безответственности «мира консалтинга» и обеспечить квалифицированный сервис [например, Кротков, 2013], например, для корректировки стандартных стратегий и эффективного размещения подразделений зарубежных ТНК в условиях России.

Корпоративная география как важное подразделение географии мирового хозяйства. Корпоративная география – самостоятельное и целостное направление познания динамично глобализирующего мирового хозяйства. Ее основная цель – пространственный анализ ключевого сегмента мировой экономики – сферы крупного транснационального бизнеса, входящих в него видов деловой активности. Она ставит своей задачей выявление воздействия географических условий, социально-экономических предпосылок и технико-экономических факторов развития производства и других видов деятельности, формирующих их современную и будущую глобальную социально-экономическую географию [Алисов, 1999(с); Глобальная социально-экономическая география..., 2011]. Главными пространственными объектами анализа при этом являются не традиционные для экономической и социальной географии страны и регионы, в которых складываются основополагающие отраслевые, территориальные и организационные

структуры хозяйства мира, а сложный рисунок взаимодействия территориально-отраслевых структур ТНК в глобальном масштабе [Маергойз, 1986]. Вторая важнейшая задача корпоративной географии – всесторонний пространственный анализ разветвленной и всеохватывающей системы международных внутри- и межфирменных потоков товаров, услуг, инвестиций, информации, инноваций, рабочей силы и т.д. Географическое исследование трансграничных хозяйственных связей на уровне ТНК наиболее полно может раскрыть особенности интернационализации и глобализации мировой экономики.

При решении указанных задач корпоративная география опирается на самостоятельную, но пока еще относительно слабо сформированную методологическую базу. Ее теоретическую основу составляют фундаментальные положения как классической и современной географии, так и других наук (философии, экономики, глобалистики, политологии, социологии, теории международного права и др.), а практическую – уникальный набор понятий, принципов и методов исследования.

Своего рода современный тезаурус корпоративной географии строится из широкого числа понятий. К наиважнейшим среди них необходимо отнести, прежде всего, следующие: глобализация, интернационализация бизнеса, транснационализация производства и капитала, корпоративный сектор мирового хозяйства, глобальная экономика, транснациональное разделение труда, прямые иностранные инвестиции, меж- и внутрифирменные потоки, центр-периферическая модель, системы международных производителей кластеров и центров деловой активности, сете-узловые структуры, полюса роста, штаб-квартиры и филиальная сеть, ТНК.

Главными принципами и ориентирами изучения в рамках корпоративной географии выступают историзм, динамизм, многофакторность развития, унифицированность и одновременно индивидуальность, дистанционность, полимасштабность – от локальности до глобальности, разнообразие и дифференцированность, комплексность изучения, неординарность иерархичности корпораций, полиструктурность, факторы размещения, инновационность, эффективность бизнеса и моделей размещения подразделений ТНК, перспективность.

Чрезвычайно широка и палитра методов исследования корпоративной географии, которые тесно увязаны с различными ее функциями, как особой дисциплины. Реализация информационной функции опирается, прежде всего, на наблюдение, эксперимент, опрос, интервью, математико-статистические, библио- и интернет-метрические методы; исследовательской – большой арсенал известных общенаучных (анализ, синтез, обобщение, аналогия, моделирование) и конкретно-научных методов (геоинформационный, сравнительно-географический, историко-географический, картографический); образовательной – индуктивные, дедуктивные, репродуктивные, проблемно-поисковые. Особенно разнообразны приемы при выполнении прикладной функции «корпоративоведения» – начиная с художественного синтеза, живописания в рамках публицистической программы, сравнения, маркетинговых коммуникаций, позиционирования (в рамках брендинговой

программы) и заканчивая административными, экономическими, социально-психологическими аспектами (в рамках менеджментской программы).

Исследования в корпоративной географии отличаются рядом принципиально важных методологических особенностей. Сущность методологического подхода в корпоративной географии состоит в первоочередном и приоритетном анализе:

– ТНК как целостного хозяйственного организма, действующего для извлечения прибыли в общепланетарном масштабе. Обоснованная заинтересованность в достижении генеральной цели, отточенность внутренней организации и сопутствующих служб, особый способ взаимодействия с внешней средой придает этому субъекту мирового хозяйства немало уникальных свойств, обуславливающих способность к саморазвитию по пути повышения эффективности и отличающих его от структур внекорпоративного сектора экономики.

– ТНК как первичного элемента глобальной экономики – целостной системы, являющейся передовой и наиболее динамичной частью мирового хозяйства и формирующейся на основе транснационального разделения труда.

– ТНК как элемента глобальных отраслевых рынков, выстраивающих систему межотраслевых отношений в рамках глобальной экономики.

– ТНК как генераторов «правил игры» на глобальных рынках и участников острой конкуренции, заставляющей бизнес-структуры уменьшать издержки и риски, увеличивая масштабы производства и вводя новейшие технологии, искать новые рынки, дешевую рабочую силу, размещать производство на территориях с минимальным налогообложением и т.д. [Трифонова, 2013].

– ТНК как организаторов эволюционного перехода от эпохи жесткой конфронтации в межфирменной борьбе к взаимовыгодному сотрудничеству. Это ведет к сплочению, усилению взаимозависимости компаний и углублению консолидации системы глобальной экономики в целом. В то же время стремительное нарастание межкорпоративной контактности многократно усложняет географический анализ, требует знания уже не столько «разъединительных», сколько «объединительных» сил, платформ и технологий ТНК.

– Многослойности, жесткой соподчиненности и регламентированности отношений международных компаний. Иерархичность корпоративного сектора мировой экономики четко зафиксировали, в частности, исследования специалистов Швейцарского федерального института технологий в Цюрихе. Используя специальную методику и опираясь на базу данных Orbis 2007, они выявили, что менее 1% компаний фактически представляют собой глобальную экономическую суперструктуру, которая контролирует почти половину мировой экономики [40 процентов мирового..., 2011; Vitali и др., 2011].

– Колоссального числа связей и отношений ТНК: жестких и мягких, вертикальных и горизонтальных, ближних и дальних, устойчивых и временных, очевидных и скрытых. Огромно их видовое разнообразие, начиная от классических для географии хозяйства – организационно-управленческих, производственных, финансовых, сбытовых, информационных и заканчивая межличностными [Vitali и др., 2011].

– Основной гаммы системообразующих связей, что опирается, по крайней мере, на два важных момента. Восприятие ТНК, во-первых, как особой хозяйственной системы, элементы которой связаны жестким ритмом внутреннего взаимодействия, а, во-вторых, как открытой хозяйственной системы, полагающейся на рыночные механизмы.

– Системности не только внутри-, но и межфирменного взаимодействия, придающей особую целостность глобальной экономике, обеспечивая ее непрерывное функционирование, объединяя ее составные части в целостность как по горизонтали (зоны и районы разного ранга, города, локалитеты), так и по вертикали (сферы, отрасли, виды деятельности) [Маергойз, 1989, с. 41].

Основные подходы в корпоративной географии. Решение исследовательских задач и достижение главной цели корпоративной географии – дело весьма сложное, многотрудное. Оно требует применения, синтеза разнообразных научных подходов, в том числе из смежных с социально-экономической географией дисциплин. Но среди них особое место традиционно отводится историко-географическому, функционально-отраслевому и территориальному подходам.

Исторический подход принципиально важен в анализе фаз, во-первых, возникновения и становления ТНК, смен их поколений (своего рода узкий подход); во-вторых – формирования корпоративного сектора мирового хозяйства в целом и изменений всех структур глобальной экономики (широкий подход). Если первый аспект изучен и отражен в специальной литературе довольно хорошо [Воротнев, Дубнов, 2000; Мировая экономика и международный бизнес, 2008, и многие другие], то второй – гораздо скромнее. Глобальная экономика гораздо моложе мирового хозяйства, ее возраст – чуть более столетия: появление первых ТНК в форме картелей и синдикатов, занимавшихся в основном разработкой и добычей сырьевых ресурсов в колониальных странах Азии, Африки, Латинской Америки, а также их переработкой в метрополиях, обычно датируется концом XIX в. [Мировая экономика и международный бизнес, 2008]. Одна из актуальных и ближайших задач корпоративной географии – периодизация, вскрытие причинно-следственных взаимосвязей и характеристика хода процесса транснационализации мирового хозяйства – изменения роли ТНК в жизни городов, территорий, стран, регионов, мира в целом, возникновения и развития глобальной экономики на протяжении XX–XXI вв.

Отраслевой подход нацелен на выявление характера и динамику изменений строения глобальной экономики на макро-, мезо- и микроотраслевом уровнях. Организация и общий вектор развития собственно корпораций во многих случаях очевиден – по пути к полифункциональности и многопрофильности. Относительно понятны «портрет» отдельных глобальных отраслевых рынков, «курируемых» несколькими ТНК. Однако, вопросы, например, межотраслевого взаимодействия ТНК и оценки отраслевой структуры глобальной экономики в целом пока лежат в сфере «терра инкогнита» и ждут своих исследователей. Сейчас можно только предполагать различия в структуре видов деятельности, например, мирового хозяйства и глобальной экономики. Интуитивно прогнозируемая повышенная доля

в глобальной экономике отраслей, тесно взаимодействующих с наукой и техникой, инновационных, так называемых пропульсивных, видов деятельности вполне может быть нейтрализована весомостью сфер, отличающихся трудоемкостью и не требующих высокой технологичности.

Применение территориального подхода в корпоративной географии уже изначально сталкивается с немалыми трудностями, начиная с отсутствия должной обеспеченности первичной статистической информацией, ее сопоставимости и заканчивая слабой отражаемостью в количественных и качественных показателях многих особенностей транснационального бизнеса. Как показывает анализ, ТНК отличаются привязанностью к условиям материнской территории. Они априори нацелены на поиск успеха на внешних рынках, где возможности для деятельности гораздо шире, а риски и издержки часто ниже. Хотя формы подобного рода экономико-пространственных соотношений весьма различны. Не случайно в международной практике выделяется несколько типов ТНК по территориальной сфере приложения бизнеса, принципам взаимодействия материнской компании с дочерними предприятиями. Часть из них – «домашние» – только частично выносят производство за пределы страны, часть – балансирует на уровне «фифти-фифти», часть – максимально развернута вовне и сильно интегрирована в международное производство (глобальные корпорации). Такие типы компаний хорошо коррелируются с известным индексом интернационализации компаний, который отражает степень вовлеченности ТНК в производство товаров и услуг за рубежом¹.

Так или иначе, пространственная картина экономической активности на традиционном уровне субъектов хозяйствования (прежде всего, стран) и на уровне ТНК может и должна существенно различаться. В данном контексте важно отметить и еще одну особенность. ТНК, раскрыв особую маневренность бизнеса и гибкость действий в пространстве, зачастую определяют функциональную начинку, характер размещения, естественную и/или искусственную накачку мировых «полюсов роста» и «кластеров деловой активности». Вместе с тем, именно международные компании отвечают не только за характерную динамику, но и повышенную изменчивость экономического ландшафта городов, стран и регионов, сильно различающегося в условиях «тучных лет» и времен «пустых тарелок» [Родионова, Слука, 2014, с. 55].

При изучении территориальной выраженности деятельности ТНК и транснационализации мировой экономики целесообразно использовать два разных и органично взаимодополняющих друг друга территориальных подхода: континуально-пространственный и дискретно-ареальный. Первый отличается широтой элементной базы, глобальным охватом, позволяет упорядочить представления о степени вовлеченности стран и территорий в транснациональное разделение труда. В частности, он хорошо реализуется в рамках географического анализа известного индекса транснационализации

¹ Индекс интернационализации компаний рассчитывается как сумма трех величин: доли активов за рубежом в общем объеме активов ТНК, доли продаж за рубежом в общем объеме продаж этой корпорации, доли персонала за рубежом в общей численности персонала этой ТНК.

стран¹. Второй – менее однозначный и более сложный, исходящий из неоднородности экономического пространства, привлекательности природных и социально-экономических условий, возможностей формата действий и, соответственно, разорванности размещения деловой активности ТНК. Иными словами, дискретно-ареальный подход ориентирует корпоративную географию на анализ отдельных очагов и ареалов различного масштаба в виде, например, крупных зон скопления международного производства (экспортно-производственные площадки типа «макиладорас» с льготным режимом предпринимательства), мощных комплексных и отраслевых производственных или иного рода кластеров мирового значения (Силиконовая долина, туристский район Анталыя, стусок автопроизводителей различных фирм в Сан-Паулу), городских центров – резиденций штаб-квартир как материнских, так и зарубежных компаний.

Актуальные проблемы и насущные задачи корпоративной географии. Перед корпоративной географией, как перед любым новым научно-исследовательским и образовательным направлением, стоит немало проблем и требующих решения задач. Представляется целесообразным организация конструктивного поиска и концентрация усилий ученых разных поколений в рамках следующих ключевых компетенций и функций дисциплины.

1. Налаживание сбора, систематизации и первичного анализа информации. Известно, что на сегодняшний день существует немало источников данных о деятельности ТНК, начиная от ежегодных обязательств официальных отчетов корпораций, и заканчивая системой разнообразных международных рейтингов (например, рейтинг Форбс-2000 и др. [Сайт журнала *Forbes*, 2014]), позволяющих проводить сравнения успешности развития и экономической эффективности компаний. Однако далеко не все источники отличаются полнотой и сопоставимостью данных, грешат закрытостью или ограниченностью сведений в силу их военной, экономической, политической тайны и т.д., существенно запаздывают с их публикацией по времени. Более того, сама сложившаяся конструкция предоставляемой информации, в первую очередь многих международных организаций (ООН, Всемирный банк и др.), оказывается совершенно непригодной для целей не только корпоративной географии, но и в целом для экономических и географических исследований.

2. Необходимо определиться с временными рамками съема первичной фактической информации. Очевидно, что наиболее удобными для анализа мирового хозяйства, как указывал Н.В. Алисов, являются десятилетние периоды². В рамках корпоративной географии подобные временные отрезки

¹ Индекс транснационализации стран оценивает значение иностранных ТНК в экономике страны. Он рассчитывается как сумма четырех величин: доля прямых иностранных инвестиций во всех капитальных инвестициях страны; отношение накопленных в стране прямых иностранных инвестиций к ВВП страны; доля филиалов иностранных корпораций в производстве ВВП страны; доля занятых на этих филиалах во всей численности занятых в стране.

² «Обычно эти «ключевые» даты хорошо представлены в различных статистических справочниках, что упрощает получение информации. Такие периоды достаточно полно и четко позволяют рассмотреть реализованные достижения в научно-техническом прогрессе разных стран и мира в целом. За такой период осуществляется весь цикл разработки инновационной техники и технологии, ее внедрение в производство, освоение изготовления изделий и сбыт их на внутреннем и внешнем рынках» [Алисов, 1999(с)].

допустимы для исследований на высшем уровне всей глобальной экономики, но неприемлемы на низовом уровне. Способность ТНК к повышенной изменчивости внутренней структуры требует организации мониторинга и ежегодной сверки данных.

3. Самостоятельная и пока открытая проблема – совокупность базовых абсолютных и относительных показателей, комплексных индикаторов и характеристик, принятых в корпоративной географии. Они должны опираться на доступную статистическую информацию и одновременно быть пригодными для реального отражения весьма сложных явлений и процессов, в том числе чисто географических.

4. Остро стоит вопрос о разработке понятийно-терминологического аппарата по пути как уточнения содержания, адаптации и модернизации уже существующих понятий и терминов, так и выработки новых, более точно отражающих исследовательскую специфику и содержание корпоративной географии. Одна из ближайших и принципиальных задач в этом плане – выработка унифицированной и общепринятой дефиниции ТНК [Голикова, 2010; ЮНКТАД, 2001; UNCTAD, 2007].

5. Широко проблемное поле в рамках собственно научно-исследовательской функции корпоративной географии. Вероятно, это тема для самостоятельного и поискового произведения, в котором должно получить освещение много вопросов. Среди них, безусловно, целый ряд носит фундаментальный характер, включая развитие концептуальных основ корпоративной географии, создание ее пространственно-временной парадигмы, позволяющей оперировать волнами, циклами, фазами становления в контексте пространственных трансформаций под влиянием многочисленных и разнонаправленных природных, экономических и социально-политических условий и факторов; уточнение места дисциплины среди других направлений географической науки. Второй по значимости пласт задач тесно связан с предметным, углубленным и многоуровневым изучением, с одной стороны, процессов, структуры и функций глобальной экономики (отдельных отраслевых рынков, альянсов компаний, ТНК), а с другой – свойств, метризации и строения корпоративного пространства мира. Третий уровень – колоссальная масса более частных, но не менее важных вопросов, нацеленных на раскрытие многих нюансов обусловленности и пространственной выраженности характера и особенностей транснационализации мирового хозяйства.

6. Особая востребованность знаний в области корпоративной географии настойчиво требует ускоренного оформления и внедрения последних наработок в образовательный процесс в вузах. Уже сейчас необходима детальная проработка и подготовка программ учебных курсов для студентов, обучающихся на географических факультетах классических университетов, по следующей тематике: «Современное «корпорациеведение», «Корпоративная география», «Корпоративный сектор в географии мирового хозяйства», «Корпорациеведение» как новое направление исследований в географии мирового хозяйства», «Географические основы исследования глобальной экономики» и др. Подобного рода предложение в рамках учебного плана, как представляется, может позитивно сказаться на повышении конкурентоспособности географических факультетов вузов.

7. Большие резервы скрыты в определении основных направлений и первоочередных шагов практического применения исследований в области корпоративной географии. Это предполагает трезвую оценку сил исследовательского коллектива, а также тесный контакт и познание заинтересованности и конкретных нужд ТНК, прежде всего действующих на территории России. Необходимо также анализировать особенности развития инвестиционной активности отечественных компаний за рубежом, причем не только крупных ТНК сырьевого сектора. Инвестирование за рубеж, прежде всего в развитые страны, является способом вовлеченности российского бизнеса в международную кооперацию производства. Этот процесс в средне- и долгосрочной перспективе мог бы, по нашему глубокому убеждению, принести российской экономике немалые выгоды. Эффективное развитие большого круга отраслей без участия в международной кооперации, т.е. в рамках национального производства и рынка, в настоящее время практически невозможно. В связи с этим очевидна важность изучения зарубежной инвестиционной деятельности российских компаний с позиции возможностей их встраивания в международные технологические цепочки. Так, например, зарубежная деятельность российских компаний среднего бизнеса, сосредоточенных в высокотехнологичных отраслях, может выступить в качестве одного из наиболее существенных факторов модернизации российской экономики. Именно этим компаниям в первую очередь необходима поддержка со стороны государства. Использование различных мер поддержки должно дать ощутимый результат в плане повышения роли прямых зарубежных инвестиций российских компаний в трансформации отраслевой структуры российской экономики, географической и товарной структуры ее экспорта, в переводе экономики страны на инновационный путь развития [Родионова, Слуга, 2014].

Заключение. Должное оформление корпоративной географии в качестве фундаментального и одновременно самостоятельного подразделения географии мирового хозяйства способно внести немалый вклад в виде «добавленных знаний» (от англ. – added knowledge) в развитие как отечественной, так и зарубежной социально-экономической и политической географии. Видится ее достойная, но пока потенциальная лепта в теорию и практику обустройства быстро глобализирующегося общественного пространства. В современных условиях для исследований в рамках корпоративной географии открываются широкие просторы. А сам объект исследования – масштабы и пространственная организация деятельности ТНК, географические особенности и механизмы формирования отдельных глобальных отраслевых рынков и мировой экономики в целом – может привлечь молодых ученых, заинтересованных в усилении практической значимости своих исследований.

СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЯХ

Е.А. ГРЕЧКО

В последние десятилетия транснациональные корпорации приобрели огромное мирохозяйственное значение, оказывая большое влияние на развитие и продвижение инноваций разного уровня (технологических, маркетинговых, организационных). ТНК представляют собой мощную силу, организующую значительную часть мирового хозяйства за счет «перевода» большей части международного разделения труда во внутрикорпоративный сегмент. Важнейшую роль в этом играют системы управления транснациональными компаниями, которые опосредованно, через зарубежные филиалы, втягивают частички иных управленческих и трудовых культур в корпоративный транснациональный комплекс, где навязывают свои ценности, технологические процессы и т.д., представляя собой важный организационный фактор развития мирового хозяйства.

Транснациональный менеджмент. Система управления ТНК, подчиняясь тем же законам, что и система управления национальных компаний, имеет ряд отличий, связанных с разнообразием географических условий, в которых они ведут свою деятельность. Транснациональные компании, преодолевая границы государств, воссоздают в принимающей стране свою управленческую культуру с некоторыми изменениями, зависящими от интенсивности и качества взаимодействия с местной управленческой культурой. Элементы транснациональных компаний, располагаясь в различных странах и регионах, имеющих неодинаковое мирохозяйственное значение, взаимодействуют с культурами этих стран сразу по нескольким направлениям, например, потребители, поставщики. Разнообразие культур не всегда позитивно отражается на управлении. Так, анализ коэффициента корреляции критериев Хофстеда¹ и таких показателей, как отдача на вложенный капитал и отношение операционных затрат к объему продаж, дает основания говорить о снижении эффективности из-за культурного многообразия, в котором действуют ТНК. Различия в восприятии, интерпретации и оценке ситуации и коммуникационные проблемы ведут к росту операционных затрат и трудностям в принятии решений [Филинов, 2002]. Тем не менее, компании идут на подобное снижение эффективности, поскольку представляют собой очень сложную транснациональную систему, целью которой является максимизация прибыли и поддержание заданного уровня эффективности

¹ В настоящее время для оценки культурных различий пользуются критериями Г. Хофстеда. Среди которых: дистанция власти (неравномерность распределения власти), индивидуализм (степень подчинения индивидуальных интересов общим), степень избегания неопределенности (степень неопределенности, воспринимаемая как комфортная), маскулинность (преобладание в обществе ценностных установок, свойственных одному из полов), долгосрочность (ориентация на будущее при оценке настоящего). Значение каждого из критериев Хофстеда относительно и изменяется от 0 до 100, отражая ценностные предпочтения культуры. Подробнее [<http://geert-hofstede.com>].

всей системы в целом. Высокие издержки ряда подразделений нивелируются подразделениями с низкими издержками за счет других факторов, в том числе локализации.

В условиях глобализации в деятельности ТНК возрастает значение места, определяющего совокупность методов управления в каждом конкретном случае, т.е. число вариантов управленческих решений увеличивается, делая менеджмент с одной стороны более глобальным, а с другой – более зависимым от условий конкретной территории. По мнению У. Бека, «глобально, в буквальном смысле слова, производить не может никто. Именно те фирмы, что производят и продают свою продукцию в глобальных масштабах, вынуждены развивать локальные связи, во-первых, производя и совершенствуя свой товар в конкретных локальных условиях, и, во-вторых, изымая сырье для своих глобальных символов из локальных культур, благодаря чему эти символы получаются живыми, яркими и хорошо продаются» [Бек, 2001, с. 87].

Накопленный транснациональными компаниями опыт управленческой деятельности и взаимодействия с социально-экономическими и культурными условиями принимающих стран сложился за последние десятилетия в транснациональный менеджмент – отдельную систему, драйвером развития которой стала глобализация. Транснациональный менеджмент представляет собой совокупность управленческих достижений в мировом хозяйстве, каждый элемент которой доступен и может быть использован в определенное время компанией любой страны для наиболее полного соответствия конкретным географическим условиям. Эта система управления характеризуется высокой степенью адаптации как к глобальным, так и локальным процессам [Гречко, 2006].

Метафорически транснациональный менеджмент можно представить как платформу, на которой создается система управления ТНК, особенно ее зарубежный сегмент. Сложность организационных и территориально-организационных структур компаний, в частности сетевых, определяет возможность модульного использования элементов транснационального менеджмента. Важное значение в отборе элементов имеют: отрасль и положение компании в ней (определяет элементы технологии и маркетинговой стратегии); этап жизненного цикла, на котором находится компания и отдельные ее подразделения (менее зрелые подразделения и компании часто используют более агрессивные стратегии); организационная и территориально-организационная структуры (определяют кадровую политику, операционную модель). Глобальная ТНК в XXI в. должна иметь в своем арсенале не одну или две бизнес-модели широкого спектра действия, а целый набор практически равнозначных бизнес-моделей, эффективно работающих на всех региональных рынках компании¹. Транснациональный менеджмент позволяет успешно разрабатывать бизнес-модели, адаптированные

¹ Если для рынков развитых стран различия не столь велики, и управленческие модели ТНК могут быть легко применимы в широком спектре принимающих стран, то развивающиеся рынки характеризуются большим разнообразием условий, что предъявляет высокие требования к глобальной организации компаний [Березной, 2014].

к большому числу стран, принадлежащих как к развитым, так и развивающимся рынкам.

Наибольший вклад в развитие транснационального менеджмента на современном этапе внесли американские и японские ТНК¹, управленческие системы которых являются на сегодняшний день образцом эффективного управления. Нельзя отрицать их колоссальное влияние на системы управления компаний всего мира. С одной стороны, современный менеджмент в своей основе американский, с другой – трудно представить себе крупную современную компанию, в которой бы не слышали о системе «точно-в-срок», комплексном управлении качеством и управленческой системе корпорации Toyota. Интересно, что и американская, и японская модели развиваются в тесном взаимодействии. Впитавшая в себя многие достижения американских компаний японская модель принесла японским компаниям такой успех, что в дальнейшем «японизации» подверглись управленческие системы компаний всего мира, в том числе и американские, а дальнейшее развитие глобализации вновь привело к необходимости трансформировать системы управления японских ТНК по американскому образцу.

Глобально-интегрированные предприятия американских ТНК. Американские ТНК – признанные лидеры в сфере как маркетинговых, так и технологических инноваций – владеют значительными зарубежными активами. Например, General Electric в течение последнего десятилетия имеет крупнейшие зарубежные активы среди всех ТНК, занимающая пятое место среди наиболее инновационных компаний мира², восемь из десяти среди которых – американские.

Транснациональная система американских компаний, ориентированная на получение сверхприбыли, неотделима от достижений американского менеджмента и технологических преимуществ, использованию которых уделяется особое внимание при формировании хозяйственной стратегии. Свидетельство тому – стабильно высокие затраты на НИОКР у американских компаний. В первую десятку мирового рейтинга по затратам на НИОКР входят пять компаний из США – Pfizer, Microsoft, Merck, Intel и General Motors, причем у всех, кроме General Motors, затраты на НИОКР составляют более 10% от показателя продаж. Технологический фактор приобретает особое значение для корпора-

¹ Не имея возможности в рамках данной статьи охарактеризовать подробно все существующие управленческие системы, скажем, что их типология была разработана С. Роненом на основе анализа проведенных им транскультурных исследований с использованием критериев Г. Хофстеда и пирамиды А. Маслоу. В соответствии с полученными Роненом группами стран можно выделить несколько типов управления: 1) европейский (все страны Европы, кроме Великобритании); 2) англо-американский (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, Ирландия); 3) восточный (Иран, Турция, арабские страны); 4) латиноамериканский; 5) стран Юго-Восточной Азии и 6) японский. Имеет смысл дополнить эти типы показателями, характеризующими транснациональную деятельность компаний – индексами транснационализации, интернационализации и распространения сети, а также характеристикой взаимодействия компании с ее зарубежными филиалами.

² Под инновацией следует понимать не только новую технологию или продукт, но и бизнес-инновации различного уровня, которые определяют успех деятельности современных корпораций: 40% самых успешных компаний, возникших за последние 25 лет и попавших в список Fortune 500 (например, Apple, Wal-Mart) добились этого благодаря бизнес-инновациям [Березной, 2014].

ций «новой экономики» США, в основе которой лежат информационные технологии и выпуск наукоемкой продукции – Apple, Microsoft, Dell, Intel, Oracle.

Размещая производственные мощности за рубежом, корпорации США стремятся укрепить свое господствующее положение путем сохранения технологического превосходства над конкурентами, контролируя уровень внедряемых технологий: на зарубежных предприятиях внедряются лишь технологии, уровень которых не выше необходимого для производства выпускаемой продукции. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки традиционно концентрируются на специальных предприятиях материнских компаний в США: здесь по-прежнему оседает 84% средств, расходуемых американскими ТНК на НИОКР. Региональная структура затрат на НИОКР в зарубежных филиалах американских корпораций такова: 65% приходится на европейские филиалы, 17% – на страны АТР, 3% – на Латинскую Америку, 2% – на Китай, причем перераспределение идет в пользу развивающихся стран, особенно Индии и Китая [Богачевская, 2012, с. 57].

Примером корпоративного развития с акцентом на сохранение технологических преимуществ является корпорация Intel, вкладывающая в развитие НИОКР более 15% дохода от продаж. Основой стратегии Intel стала интернационализация производства за счет размещения практически идентичных производств в странах, которые имеют для этого приемлемые характеристики. В результате Intel разместила 16 заводов в 7 странах, разработав одну из лучших глобальных цепочек поставщиков¹. Важнейшими факторами при размещении трудоемких производств для Intel стали: наличие квалифицированной рабочей силы, поставщиков, инфраструктуры и логистики, а также инициатива местных властей. Так, предприятия, на которых производится основная добавленная стоимость (производство плат и микропроцессоров) размещены преимущественно в США (штаты Орегон, Аризона, Нью-Мексико и Массачусетс), Израиле и Ирландии, а более трудоемкие сборка и тестирование – в странах с меньшим уровнем издержек (Малайзия, Китай, Коста-Рика и Вьетнам). Таким образом, сформирована международная производственная система с жесткой иерархией и технологическим контролем за счет тщательного выбора условий размещения для минимизации издержек и полного контроля над зарубежными предприятиями. В результате технологические преимущества остаются на предприятиях в США, Израиле и Ирландии [UNCTAD, World Investment Report 2002; <http://www.intel.com>; <http://www.intc.com>].

¹ Глобальные цепочки поставок представляют собой совокупность связей и механизмов взаимодействия внутри фирмы, между ее подразделениями и внешними партнерами, включая интеграцию и управление трансграничными материальными, финансовыми и информационными потоками на всех этапах создания продукта вплоть до его поступления к конечному потребителю. Компании Intel удалось за счет оптимизации глобальной цепочки поставок сократить время выполнения заказа на 65% и ускорить на 300% ответ на обращение потребителей и высвободить 2000 рабочих часов за год [www.intel.com].

Новейшие организационно-управленческие концепции различного уровня – сфера деятельности американских компаний. Неудивительно, что именно в корпорации IBM, которая остается флагманом американского управления, сформулирована концепция «глобально интегрированной компании» или «глобально интегрированного предприятия». Этот термин хорошо отражает те изменения, которые неизбежно происходят в наиболее конкурентоспособных международных компаниях при их выходе на глобальный уровень. В той или иной степени это относится ко многим американским компаниям, среди которых Intel, Hewlett-Packard, General Electric, Coca-Cola, Procter&Gamble, Google, Apple.

Американские компании – пример глобальных корпораций по своей сути: размещая свои производственные, научные и сервисные подразделения по всему миру, они не ограничиваются выходом на рынки конкретных стран, а оптимизируют организацию собственной деятельности в глобальном пространстве. Отдельные производственные, управленческие и научно-технические функции осуществляются в любой точке мира, где это оказывается экономически целесообразным, т.е. наблюдается оптимальное сочетание факторов производства, наиболее важные из которых – наличие сырьевой базы и издержки по оплате труда, что дает возможность предельно снизить производственные расходы. При этом зарубежные филиалы становятся частью глобально интегрированного предприятия, проходя последовательно три стадии развития – создание, интеграция в технологическую цепочку ТНК, комплексная интеграция, в основе которой лежит использование новейших средств телекоммуникаций, а отношения между филиалом и ТНК приобретают характер партнерских.

Примером «глобально интегрированного предприятия» является корпорация IBM, которая ведет свою деятельность в более чем 170 странах, получая почти 65% своего дохода из источников за пределами США. Единые подразделения по продажам, маркетингу, информационным технологиям и управлению находятся в разных странах и обслуживают все подразделения компании вне зависимости от их расположения. Совместное использование централизованных служб привело к снижению издержек с 2005 по 2010 гг. на 4,8 млрд долл. Около трети сотрудников компании не имеют постоянного рабочего места и перемещаются, подстраивая свой график к потребностям производственного процесса (или клиентов) и оставаясь при этом на связи по телефону или Интернету. Ключевые вопросы деятельности компании также решаются во внутренней корпоративной электронной сети Интранет: в 2010 г. в ней было проведено четыре мозговых штурма, масштабы которых впечатляют – участниками стали более 500 тыс. сотрудников [<http://www-03.ibm.com>].

В основе системы управления ТНК США лежит стремление максимизировать прибыль путем оптимизации транснациональной системы в рамках глобально интегрированных предприятий. Следствие этой страте-

гии – глобальная сеть пространственно и функционально разобщенных, относительно независимых зарубежных предприятий, интегрированных в единую сеть за счет компьютерной координации информационных потоков. Производства, требующие квалифицированной рабочей силы, а в некоторых случаях и разработка проектов, размещаются в развитых странах (Западная Европа и Северная Америка), где создается более 70% добавленной стоимости, производства с меньшими требованиями к квалификации рабочей силы – в новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки; наиболее стандартизированные и простые производства – в странах с наименьшим уровнем индустриализации. То же касается и НИОКР: разработка новейших продуктов и технологий происходит на территории США или развитых стран Европы, а в индийских и китайских филиалах идет их доработка и адаптация для местных рынков.

Глобальная корпорация по-японски. Традиционно низкий индекс транснациональности японских компаний в последние десятилетия достиг среднемирового значения, что говорит о движении японских компаний в направлении глобализации. Больших успехов добилась корпорация Toyota¹, ставшая благодаря целенаправленной политике менеджеров по-настоящему глобальной. Компания перешла к активной глобализации производственной деятельности лишь с 1992 г., имея до этого самые низкие показатели транснационализации даже среди японских компаний. Так, в 2000 г. доля зарубежного производства Toyota составляла всего 30,3% (уровень General Motors 1980 г.), тогда как Honda (51,1%), и Nissan (48,6%) приближались по этому показателю к американским компаниям. В 2015 г. уже почти 60% автомобилей было произведено Toyota за рубежом, а индекс транснациональности составил 59,1% [UNCTAD, 2002, 2015].

Toyota представляет собой один из наиболее ярких примеров корпоративного управления в соответствии с японской моделью. Это по-настоящему глобальная компания с открытой корпоративной культурой, где представлены все главные принципы системы управления в японских компаниях: стратегия «глобальной локализации», гибко специализированные производственные системы, пространственная концентрация производства и НИОКР, комплексное управление качеством.

Стратегия «глобальной локализации» представляет собой управление производством и его размещением в соответствии с интересами конкретных корпораций, но с ориентацией на глобальные перспективы развития японской экономики. В основе этой стратегии лежат два принципа: 1) сохранение всех организационных и большей части технологических преимуществ на дочерних предприятиях японских корпораций за рубежом; 2) согласование стратегий развития отдельных компаний со стратегией развития страны. Стратегия «глобальной локализации» позволяет японским транснациональным кор-

¹ Toyota является лидером по размеру зарубежных активов, производства, доходам от продаж и затратам на НИОКР. В рейтинге наиболее инновационных компаний 2011 г., который учитывает не только затраты на НИОКР, Toyota заняла седьмое место, уступив Apple, Google, 3M, Samsung, General Electric и Microsoft.

порациям вписать зарубежное производство в транснациональную систему компании, сохраняя конкурентные преимущества на всех уровнях, что обусловлено большим адаптационным потенциалом японских компаний¹: элементы корпоративной системы, которые невозможно реализовать на зарубежных предприятиях, воспроизводятся в адаптированном виде, а гарантом успеха выступают менеджеры-японцы, контролирующие точность функционирования всей системы.

В основе хозяйственной стратегии японских компаний лежит создание гибко специализированных производственных систем с использованием прогрессивных методов оптимизации производства. Зарубежные филиалы Toyota организованы в соответствии со стратегией «глобальной локализации» и используют преимущества, характерные для производственной системы Toyota в Японии: гибко специализированное производство, ориентированное на потребительский спрос; единые спецификации внутри компании, позволяющие быстро переключаться на производство различных моделей; система поставок «точно-в-срок», обеспечивающая снижение издержек за счет минимизации складских помещений; система комплексного управления качеством (предотвращение брака в соответствии с концепцией «нулевых дефектов» происходит на каждом производственном этапе); тесные взаимоотношения в группе, определяющие высокий уровень коллективной ответственности в достижении целей компании; широкие обязанности работников, позволяющие свободно перемещать сотрудников между филиалами и должностями; тесные взаимоотношения с поставщиками, интегрирующие все производственные стадии в единую систему. Снижение издержек достигается в гибко специализированных системах за счет отказа от материальных запасов и содержания лишнего штата в результате применения системы поставок «точно-в-срок», позволяющей оперативно регулировать объем и номенклатуру производимого товара. Главный принцип системы «точно-в-срок» – обеспечение всех производств строго необходимым количеством комплектующих в строго определенные сроки: фактически материалы должны быть поставлены именно в тот момент, когда в этом возникает необходимость [Гречко, 2015].

Производственная эффективность главных сборочных конвейеров заводов корпорации Toyota обеспечивается за счет 168 прямых поставщиков, собирающих узлы, 47 тыс. субподрядчиков, изготавливающих детали, а также за счет более тысячи оптовых и 6,5 тыс. розничных дилеров в

¹ Honda Motor применила в Индии интересную стратегию, направленную на удовлетворение огромного неплатежеспособного спроса на электрогенераторы. Местные торговцы оказались не в состоянии самостоятельно купить даже дешевые генераторы, а местные банки отказывались выдавать кредиты без обеспечения. Honda Motor разработала организационное решение проблемы, связанной со слабостью местных кредитно-финансовых институтов, организовав торговцев в потребительский союз, участники которого каждый месяц вносили небольшой взнос в размере 22 долл., а один из участников посредством лотереи получал электрогенератор. В результате через 20 месяцев все участники смогли приобрести электрогенераторы. Опробовав такое организационное решение в штате Уттар-Прадеш, компания посчитала его эффективным и активно использует в других штатах [Березной, 2014].

Японии и за ее пределами [Леонтьева, 2009]. В основе производственной системы Toyota лежат 12 заводов в Японии, которые дополняют 52 завода в 27 странах вне Японии и 9 зарубежных центров НИОКР (в США, Бельгии, Германии, Франции, Таиланде, Австралии и Китае). Создание центров НИОКР за рубежом отражает глобальный характер производственной системы. Более того, компания стремится снизить зависимость зарубежных филиалов от японских производственных «ноу-хау»: открытое в 2006 г. предприятие в Техасе в производственном отношении практически полностью полагается на «ноу-хау» функционирующего уже более 20 лет предприятия компании в Кентукки.

Международная производственная система Toyota включает в себя как новейшие предприятия с высоким уровнем эффективности, так и менее эффективные, нацеленные на обеспечение локальных рынков развивающихся стран, таких как Аргентина, Бразилия, Индия, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Венесуэла, что является отражением одного из главных принципов компании – «производить там, где есть спрос». Отдельного внимания заслуживает активное проникновение японских ТНК в Китай. Еще в начале 2000-х гг. большинство японских компаний, несмотря на высокую привлекательность китайского рынка, по данным ЮНКТАД не планировали размещать производственные мощности в Китае. Тем более значительны результаты первого десятилетия. За период 1998–2009 гг. корпорацией Toyota организованы одиннадцать совместных предприятий в Китае¹, два из которых занимаются НИОКР. В 2010 г. открыт и производственно-технический центр Toyota, который будет заниматься проектированием.

Стремительное расширение международного производства (на 500 тыс. автомобилей каждый год) потребовало запуска полномасштабной программы обучения персонала: в 2003 г. на заводе Мотомачи в Тойота-Сити был открыт Глобальный производственный центр корпорации, где проводится обучение организационным и технологическим основам производственной системы компании, а также тестируются «пилотные» проекты. Функции этого центра постепенно распространились на зарубежные центры поддержки производства в Таиланде, Великобритании (2005 г.) и США (2006 г.). Для дальнейшей глобальной экспансии открывается Институт развития человеческих ресурсов, который играет ключевую роль в обучении менеджеров среднего звена как в Японии, так и за рубежом. Гарантом качества становится бренд «Сделано в корпорации Toyota». В настоящее время он во многом заменяет собой бренд страны происхождения, что подтверждает успешное распространение производственной философии компании на зарубежные филиалы [www.toyota-global.com].

Проблемы современных компаний. Современные глобальные компании – это не только огромные прибыли, транснациональный менеджмент, инновации, эффективное производство и маркетинг. Это и «транснациональные» проблемы, отражающие специфику самих компаний и их

¹ Наиболее тесно компания сотрудничает с одним из крупнейших китайских производителей – «ФАВ».

взаимодействия с экономикой стран базирования и принимающих стран, которые решаются компаниями по-разному в зависимости от отрасли, страны базирования, текущей экономической ситуации, этапа жизненного цикла компании и многих других факторов.

Для американских компаний чрезвычайно остро стоит вопрос получения прибыли в краткосрочном периоде. Среди акционеров американских ТНК преобладают частные лица (около 90% голосующих акций). При этом их число исчисляется сотнями тысяч и даже миллионами, что заставляет менеджеров принимать стратегические решения, пренебрегая долгосрочными контрактами в интересах частных лиц, зачастую нацеленных на получение максимальной отдачи от вложенного капитала в краткосрочном периоде и не желающих жертвовать сиюминутной выгодой. Поэтому главной целью американских компаний становится получение максимальной прибыли в кратчайшие сроки, а основной тактической задачей – ускорение оборота инвестируемых средств и увеличение стоимости акций. М. Портер пишет об этом: «действующая в Америке система порождает расхождение интересов акционеров, корпораций и их менеджеров... Не менее важно и то обстоятельство, что этой системе не удастся согласовать интересы индивидуальных инвесторов и корпораций с интересами экономики страны в целом» [Портер, 2005, с. 542]. Кроме того, в настоящее время наблюдается тенденция финансирования деятельности компаний США за счет долговых обязательств, а не акционерного капитала, поскольку выплачиваемые дивиденды не подлежат вычету из налогооблагаемой прибыли, в отличие от процентных платежей. Это значительно увеличивает риски, но позволяет снизить налоговые отчисления.

Проводимая американскими компаниями политика минимизации налоговых платежей не является в США формально противозаконной (не в пример уклонению от их уплаты) и позволяет компаниям получать немалую выгоду, ежегодно оставляя государство без значительной части налоговых поступлений. Исследования финансовой отчетности крупнейших американских компаний показали, что многие из них не только не платят налоги, но и получают субсидии от государства. Это происходит в результате сложной системы юридических хитростей и манипуляций с трансфертными ценами при заключении формальных сделок между филиалами компании в разных странах. Крупные компании содержат большой штат юристов, специально занимающихся вопросами налогообложения, что позволяет минимизировать налоги на легальной основе. Согласно материалам общественной организации «Граждане за налоговую справедливость», двенадцать крупнейших американских компаний различных отраслей из списка «Форчун 500», среди которых Boeing, DuPont, ExxonMobil, General Electric, IBM, получили в 2008–2010 гг. суммарные прибыли 175 млрд долл. Десять компаний из этого списка вообще не платили налогов в течение не менее одного года, несмотря на значительные прибыли в США. General Electric, имея за указанный период 10,5 млрд долл. прибыли, не только вообще не платила налоги, но и получила чистых налоговых льгот

на сумму 8,3 млрд долл. [Богаевская, 2012, с. 75–79]. Сложившаяся ситуация ставит под вопрос партнерские отношения американских компаний с государством и отражает негативную сторону воздействия американских ТНК на экономику США.

Перед японскими компаниями в условиях глобализации встала проблема демократизации системы управления. Чрезмерная централизация и регулирование, вмешательство правительства в деятельность компаний лишило их возможности новых нетрадиционных решений, мешая вовлечению Японии в глобальную систему мирового хозяйства. В силу своей консервативности японские организации с большим трудом принимают перемены, необходимые для повышения конкурентоспособности. Тем не менее, изменения коснулись самих основ японского управления – системы акционерства, трудовых отношений и, в частности, систем пожизненного найма и повозрастной оплаты труда.

Трансформация японской системы корпоративного управления идет в сторону американской модели. Для крупных компаний американская система с внешними директорами и аудиторами с 2006 г. стала обязательной, другие компании могут выбирать между американской и японской моделями. Это ведет к снижению традиционно высокой роли банков в деятельности японских компаний: 27% японских компаний не имеют «головных банков», в их числе, например, Toyota и Sony. Структура собственности японских компаний стала разнообразнее, появились компании, в которых иностранцам принадлежат контрольные и блокирующие пакеты акций. Их совокупная доля составляет около 30%, а средний размер пакета в иностранной собственности – 20%. С увеличением доли иностранного капитала в акционерной структуре японских компаний снижается связанная с ней роль управленческого звена и постепенно растет роль акционеров в процессе принятия управленческих решений, что характеризует американскую модель управления [Леонтьева, 2009]. Часто соображения сиюминутной прибыли вытесняют собой перспективы долгосрочного развития.

Отказ от повозрастной оплаты труда, негативно сказывающейся на притоке молодежи в японские компании, стал следствием усиления перетока рабочей силы в Японии из депрессивных секторов экономики в более доходные и повышения ее мобильности в целом. В борьбе за высококвалифицированные кадры усиливается роль материального стимулирования: компании стали нанимать работников «в середине карьеры». Крупные компании в той или иной степени отказываются от системы пожизненного найма. Если раньше при ухудшении конъюнктуры или при проведении реструктуризации была возможность перевода части работников в филиалы, то в соответствии с новой системой бухгалтерского учета филиалы больше не смогут быть своеобразным буфером, за счет которого более крупные компании могут гарантировать работникам рабочие места. В связи с этим доля компаний, приверженных системе пожизненного найма, сократилась с 1995 г. более чем вдвое, составив менее 10% [Леонтьева, 2009].

Тем не менее, преемственность традиций, характерная для японского бизнеса, и осознанное сохранение цельности системы управления японскими компаниями, настроенной на максимально эффективное использование ресурсов – материальных, территориальных, человеческих, позволяют сохранить основу японского управления. Успехи компаний, продолжающих после структурных изменений придерживаться японских методов управления, например, Toyota, говорят о приспособлении традиционной модели к рыночным условиям глобальной экономики.

Выводы. Транснациональный менеджмент оказывает все большее влияние на развитие мирового хозяйства. Создавая глобальные штаб-квартиры, часто в «виртуальном формате», глобальные ТНК, такие как, например, Toyota или General Electric, организуют сетевые структуры, по-разному использующие рынки развитых и развивающихся стран и распространяющие модель транснационального менеджмента в рамках всего мирового хозяйства. Огромные сходства и принципиальные различия в системах управления рассмотренными компаниями показывают насколько многоликим может быть транснациональный менеджмент и какое огромное влияние на его развитие оказывают современные компании разных стран.

ГЕОПОЛИТИКА И МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.А. КОЛОСОВ

Объяснить сдвиги в мировом хозяйстве невозможно без понимания глубоких изменений на политической карте мира, полимасштабного анализа политико-географических процессов и анализа внешнеполитических стратегий крупных мировых игроков. На кафедре географии мирового хозяйства еще с начала 1990-х гг. читается постоянно обновляемый курс политической географии и геополитики, инициатором создания которого был Н.С. Мироненко. Он был одним из авторов выдержавшего два издания и поныне используемого во многих университетах учебника [Колосов, Мироненко, 2001] и читал это курс с 2000 г. до последних дней. Н.С. Мироненко и другим сотрудникам кафедры принадлежит ряд научных публикаций в этой области (см. раздел 2). Однако взаимосвязь между мирохозяйственными и политико-географическими процессами остается одной из крайне слабо исследованной темой не только в отечественной, но и мировой науке. В России сохраняется одностороннее представление о современной геополитике.

При этом, как и в ряде других стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), геополитика уже более четверти века остается в нашей стране одним из самых популярных научных терминов, широко используемых как журналистами, так и специалистами по многим общественным дисциплинам. Геополитика преподается во многих университетах и других вузах на факультетах политологии и международных отношений, студентам исторических, географических, экономических и иных специальностей. Она занимает прочное место в учебных программах военных вузов. Не случайно полки отечественных книжных магазинов изобилуют учебными пособиями по геополитике, выпущенными не только в столицах, но и во многих региональных центрах.

Понятно, что между авторами учебников и других публикаций по геополитике нет согласия ни в определении ее содержания, ни в подходах и методах. Российская геополитика по-прежнему предстает весьма размытой предметной областью. В 1990-х гг. она была почти монополизирована представителями левых и праворадикальных идеологических течений [Kolossoff, Turovsky, 1999]. Они увидели в находившихся в советское время под запретом произведениях «классической» геополитики первой половины XX в. ключ к простому и почти не требующему специальных изысканий, расчетов и выкладок объяснению изменений на политической карте мира, определению союзников и поиску нового места страны в мировом хозяйстве и международном разделении труда, потенциальных рисков и угроз. Распад Советского Союза, многосторонний кризис переходного периода и потеря Россией былых позиций в мировой экономике и международных отношениях привели тогда к появлению не иссякающего и поныне пото-

ка «алармистских» публикаций, предрекавших расчленение страны в результате заговора США и других западных держав, захват обезлюдивших дальневосточных и сибирских регионов Китая и т.п. Практически во всех учебных пособиях многие десятки страниц посвящены повторяющемуся от издания к изданию, как правило, весьма поверхностному изложению концепций Х. Маккиндера, Р. Челлена, Н. Спикмена, К. Хаусхофера и других «отцов» геополитики первой половины прошлого века. Странники «классической» геополитики находят подкрепление в трудах современных западных консервативных авторов. Реакцией некоторых российских авторов на неопределенность предмета и «ненаучность» отечественной геополитики стало ее полное отрицание как современной и сколько-нибудь значимой дисциплины.

Как ни странно, одно из главных направлений современной геополитики – так называемая критическая геополитика, которая в нашей стране все еще мало известна. Между тем, за рубежом это уже вполне устоявшееся направление, завоевавшее значительный авторитет. Оно особенно важно тем, что в его рамках, наконец, более или менее четко сформулирован предмет геополитики, очерчен круг ее исследований и определена связь с другими социальными науками. Разумеется, было бы ошибочно видеть в критической политике новую догму, однако на ее счету немало принципиальных достижений.

В то время как «классическая» геополитика чаще всего предстает набором умозрительных спекуляций, опирающихся, как правило, лишь на отдельные факты и примеры, «критическое» направление оперирует большими массивами информации, анализируемой с помощью современных количественных методов. В новейших исследованиях, обойденных вниманием авторами российских учебников, удалось успешно преодолеть традиционный для «классической» геополитики разрыв между территориальными уровнями исследований. Рассмотрим происхождение критической геополитики, ее теоретические основания и идеи, сильные и слабые стороны, возможности ее применения в России.

Теоретические подходы в современной зарубежной геополитике и место в ней «критического» направления. В современной геополитике можно выделить несколько теоретических подходов. *Неоклассические* подходы основаны на популярной в первой половине XX в. идее об исторически предопределенном влиянии географического положения и других пространственных факторов на внешнюю политику государств и место страны в международном разделении труда, налагающих на нее неизбывные ограничения, о неизменности национальных интересов, которые могут быть надежно обеспечены только военно-политическими средствами. Еще Наполеон писал, что политика государства заключается в его географии. Государство представляется приверженцам этих подходов «черным ящиком», определенным образом реагирующим на внешние вызовы и выступающим на международной арене как единое целое. Соответственно, «национальные интересы» в понимании политической элиты на каждый исторический момент автоматически приписываются всей стране,

всему населению. Внутренняя и внешняя политика по-прежнему полагаются разными и почти не связанными между собой сферами.

Конечно, в современных трудах, основанных на неоклассических подходах, не найти одиозного уподобления государства живому организму. Разумеется, ушел в прошлое примитивный географический детерминизм. Однако географическое положение страны – данность, не подлежащая обсуждению. Особую роль играет политическая и военная значимость, характерные свойства и географическое положение ключевых территорий и акваторий – таких, как проливы, порты, столицы и др., а также размещение и степень обеспеченности страны топливно-энергетическими, минеральными, водными, природно-климатическими, трудовыми и прочими ресурсами. Географическое положение предоставляет некоторые возможности, но и порождает угрозы национальной безопасности.

Естественно, неоклассические подходы эволюционировали по мере изменений на мировой политической сцене. В эпоху биполярного мира на первом плане стояла геополитика ядерного устрашения – анализ размещения средств доставки ядерного оружия и степени уязвимости различных государств. Ныне все большее внимание уделяется глобальному потеплению климата и его воздействию на хозяйство и социум в целом, в том числе конфигурацию береговой линии и морских коммуникаций, а также нехватке питьевой воды, «мягким» угрозам национальной и региональной безопасности и т.д.

Уменьшение угрозы глобальной военной катастрофы, распад биполярного мира и наступление постиндустриальной эры подорвали популярность неоклассических подходов. Становилась все более ясной первостепенная значимость таких новых факторов, определяющих место страны в мировом хозяйстве и на политической карте, как научный и человеческий капитал, структура и конкурентоспособность национальной экономики, положение страны в глобальных сетевых структурах и «пространстве потоков» информации, капиталов, энергии, мигрантов. Уменьшение роли территориального фактора в его традиционных проявлениях и рост глобальной взаимозависимости привели к появлению новых направлений. На стыке неоклассической геополитики и других дисциплин родились *геоэкономика* (ее сторонники сделали акцент на экономическом соперничестве государств) и *экополитика*, изучающая связь между состоянием окружающей среды и геополитическими факторами.

Другое направление развития геополитики основывалось на стремлении сделать ее полноценной научной дисциплиной, имеющей собственный, четко очерченный объект исследований, систему категорий и закономерностей. В 1970-х гг. был обоснован социальный генезис геополитических представлений: государства, политические партии, социальные и региональные группы населения в разных странах по-разному трактуют одни и те же географические данности и пытаются обосновать свои интересы с помощью геополитических теорий.

Таким образом, у государства ныне нет монополии на разработку и распространение геополитических представлений. Нет и непреодолимого барьера

в изучении внутренней и внешней политики, между геополитикой и политической географией. Геополитику стали называть «*конструктивной*» или «*активной*» *политической географией*. Особое внимание стали уделять картам, предназначенным не только для узкого круга экспертов, но и для политических деятелей и широкой публики.

В развитие этого подхода особенно большой вклад внесла группа французских географов, политологов и историков, сформировавшаяся вокруг основанного в 1976 г. И. Лакостом журнала «Геродот». Для И. Лакоста и его единомышленников объект геополитического анализа – политический конфликт любого уровня, субъекты которого могут иметь самую разную природу. Тем не менее, значительная часть выпусков «Геродота» посвящена эволюции национальной идентичности, представлениям о национальных интересах различных стран в представлениях элит и общественного мнения, взаимосвязи территориальной структуры хозяйства и вовлеченности во внешние конфликты разного уровня, в том числе под влиянием процессов интеграции и миграций.

В странах Западной Европы вышло немало геополитических атласов. Разработаны оригинальные сюжеты геополитических карт и способы картографирования, связанные со специфическими проекциями, анаморфированными и трехмерными изображениями, другими графическими образами пространства и взаимного расположения объектов, складывающимися в представлениях политиков, экспертов, социальных групп. Карты конфликтных ситуаций, влияния различных стран и других политических игроков в мире обязательно содержат информацию об экономической подоплеке, показывают функциональные связи между территориями [Boniface, Védérine, 2015; Atlas géopolitique mondiale, 2016 и др.].

В англоязычной литературе в тот же период (в конце 1970–1980-х гг.) развернулась созвучная идеям французских авторов дискуссия о новой, «беспристрастной», научной геополитике, близкой к современной науке о международных отношениях. Известные политико-географы П. Тейлор и Дж. О'Локлин предложили проводить различие между «практической» геополитикой, развиваемой политическими деятелями, и «формальной» геополитикой специалистов по международным отношениям. *Практическая геополитика* нуждается в аргументации для краткосрочных действий. Сложные теоретические построения ей ни к чему, так как задача состоит в том, чтобы свести сложные и многообразные проблемы к упрощенным схемам, понятным даже «человеку с улицы» – конфликту между добром и злом, между «нами» и «ими». Задачи практической геополитики – определить возможные внешние угрозы и государственные интересы, сформулировать принципы политики, направленной на обеспечение их реализации.

Миссия *формальной геополитики* – критический разбор практической геополитики, а также разработка предложений по ее гуманизации. Претензии на возвращение геополитики в лоно географической науки стали протестом географов против профанации географических знаний государственной бюрократией и в особенности военной машиной.

На развитие западной геополитики в конце прошлого века большое влияние оказали идеи французских философов-постструктуралистов Ж. Дерриды и М. Фуко и английского географа Д. Харви. Они показали, что роль, восприятие и использование пространства отдельными людьми и социальными группами постоянно меняются в зависимости от социальной практики. В нее входит, в частности, политический дискурс, включающий общественно принятые способы видения и интерпретации окружающего мира, а также действия людей и институциональные формы организации общества, вытекающие из такого видения. Политический дискурс направлен на изменение или укрепление определенных социальных представлений, в том числе геополитических. Он играет большую роль в формировании политической карты и «территориальности» человека.

На основе идей постструктурализма и отрицания неоклассической геополитики как ненаучной и спекулятивной и родилась в начале 1990-х гг. критическая геополитика, быстро оформившаяся в признанный междисциплинарный научный подход.

Критическая геополитика: новая парадигма старой дисциплины. Под критической геополитикой вначале понимали изучение внешней политики с помощью анализа политического дискурса. Позже ее содержание было расширено, в особенности благодаря трудам канадского географа С. Далби и американского географа Дж. Тоала, который добавил к практической и формальной (называемой также высокой) геополитике еще и популярную, или низкую. Под ней подразумевается набор геополитических символов, образов и представлений о месте страны в мире, ее внешнеполитической ориентации, потенциальных союзниках и главных соперниках, содержащихся в сообщениях СМИ, рекламе и мультфильмах, кино и карикатурах. В современном демократическом обществе высокая и низкая геополитика не могут существовать друг без друга: одна постоянно подпитывает другую, хотя характер их взаимодействия варьирует от страны к стране и меняется со временем.

К настоящему времени достаточно хорошо разработаны основные категории критической геополитики. *Геополитическая культура* – это совокупность традиций взаимодействия страны с внешним миром, культура знаний о нем и интерпретации роли государства как субъекта международной деятельности. Это также совокупность институтов и культуры взаимодействия между общественными силами, занимающимися разработкой внешней политики. Так, американская геополитическая культура включает такие традиции, как изоляционизм (убеждение в необходимости сосредоточиться прежде всего на внутренних делах) и универсализм (уверенность в мессианском предназначении США и распространении на весь мир сферы их жизненных интересов), российская – западничество и евразийство и т.д.

Геополитическое видение мира (или картина мира) – нормативная ментальная политическая карта мира или региона в совокупности с представлениями о действующих в них силах, влияющих на внешнюю политику. Иначе говоря, это набор общественных представлений о соотношении

между различными элементами политического пространства, о национальной безопасности и угрозах ей, выгодах и невыгодах определенной внешнеполитической стратегии.

Неотъемлемый элемент геополитического видения мира – образ страны в представлении ее граждан, в том числе их взгляды на ее территорию, «естественные» или «исторические» границы, сферу жизненных интересов, предпочтительную модель развития, историческую миссию, внешние или внутренние силы, благоприятствующие или препятствующие ее осуществлению (*geopolitical imagination*). Различные социальные и региональные группы, как правило, имеют свое видение мира, которое совсем не обязательно совпадает с доминирующим.

Геополитическое видение мира имеет вполне осязаемое влияние на внешнеэкономические связи, туризм, миграции. Проведенный нами опрос около 750 студентов Балтийского федерального университета им. И. Канта в Калининграде, Гданьского и Клайпедского университетов показал, что 56% российских студентов побывало в соседней Польше хотя бы раз, а 22% бывают там ежегодно или даже несколько раз в год. Исследование было проведено еще до введения режима малого пограничного движения (МПД) между Калининградской областью и соседними воеводствами Польши, позволяющего по специальной карточке пересекать границу неограниченное число раз, оставаясь по другую сторону в совокупности до 90 дней за полугодие. Режим МПД способствовал резкому увеличению потока калининградцев в близлежащие польские города. В то же время 88% гданьских и 68% клайпедских респондентов ни разу в жизни не пересекали российскую границу. Более того, Калининград и в целом Россия выглядели в глазах молодых поляков и литовцев весьма непривлекательно. Так, негативные ассоциации с Калининградом высказало более 60% клайпедских студентов [Колосов, Вендина, 2014].

Геополитическое видение формируется под воздействием многочисленных факторов: семейных традиций, образования, личного опыта человека, в частности, размеров и конфигурации знакомой ему территории, рекламы, литературы и искусства, кино, СМИ, создающих и распространяющих набор мифов и стереотипных представлений о национальной истории и территории. Эти представления распространяются в ходе *политического дискурса*, синтезирующего информацию о политических и экономических событиях в мире в привязке к определенной территории. Политический дискурс чаще всего инициируют и поддерживают СМИ, обычно обслуживающие интересы определенных групп элиты. Он складывается из определенных сюжетов – *геополитических историй* (*geopolitical storylines*), формируемых элитами для обоснования своей политики. В плюралистическом обществе обычно складывается несколько *скриптов* каждого сюжета – способов его представления и медиатизации. Результатом становится создание или модификация геополитического видения мира, а затем геостратегии – понимания национальных интересов и путей их обеспечения и защиты.

Геополитическое видение мира имеет основания в *геополитических традициях* – исторически возникших национальных политико-философских школах, развивающих определенный нормативный и относительно формализованный набор взглядов на национальную идентичность, интересы и политические приоритеты.

«Низкая» геополитика и основывающееся на ней геополитическое видение мира – необходимый элемент национальной (этнической) и политической (государственной) идентичности, инструмент национального и государственного строительства. Это продукт национальной истории и культуры, результат синтеза взглядов, исповедуемых различными слоями политической элиты, академическими экспертами, творческой интеллигенцией и общественным мнением в целом [Колосов, 1996]. «Официальное» геополитическое видение мира как часть национальной идеологической доктрины не всегда разделяет большинство населения. Отношения России с рядом стран, особенно ближнего зарубежья, долгое время отчасти основывались на примордиалистских¹ мифах и стереотипах (типа «братья-славяне» или «православные»).

Дж. Тоал выделил три части критической геополитики: 1) изучение национальных геополитических традиций, 2) анализ политического дискурса; 3) исследование значения пространственных концепций в разных традициях и культурах – таких, как «место», «район» и т.п. Он предложил и апробировал на конкретном материале модель трансформации отдельных географических представлений и образов в геополитическое видение. Согласно этой модели, первый этап процесса – сведение информации и образов в сюжеты (например, конфликт в Косово). Второй этап – их перевод с помощью СМИ и распространяемых ими образов в определенные категории и формулирование в политическом дискурсе ответов на следующие вопросы: 1) *что?* (происходит): гражданская война, международный конфликт, экономический кризис и т.п.; 2) *где?* (дается геополитическая привязка места событий: «в сердце Европы», «в районе наших жизненных интересов»...); 3) *кто?* (участники событий): выработывается противопоставление «нас» и «их», «добра» и «зла» (например, террористы против цивилизованного мира, «отечественные» компании против компрадорского капитала или иностранных монополий); 4) *почему?* (кто виноват?): например, американские правящие круги, стремящиеся к гегемонии, или враги демократии, разжигающие национализм, чтобы удержаться у власти.

Геополитическое видение мира в целом и образы отдельных стран и территорий особенно важны в государственном строительстве в переходные исторические периоды. Развитие национальной (политической) идентичности в значительной степени происходит в результате противопоставления «своих» «чужим», жителям соседних и других зарубежных стран. Например, официальная украинская геополитическая доктрина основывается на исторических мифах, многие из которых прямо противоположны российским [Колосов, Мироненко, 2001].

¹ Примордиализм – понимание этнических групп как исторически неизменных социально-биологических общностей, основывающихся на единстве происхождения («кровном единстве»).

Иными словами, пространство – не нейтральная для человека категория. Национальные стереотипы обязательно включают образы пространства. Изучение интерпретации и использования символического капитала мест – один из элементов критической геополитики. Так, районы, относимые национальным сознанием к территории своего государства, как и страны, получают своего рода коды, а многие из них становятся национальными символами, как Косово для Сербии. Французы всегда считали Эльзас и Восточную Лотарингию частью Франции, но отказались полагать таковой Алжир. В массовом сознании существует единое, постоянно расширяющееся поле географических образов, причем и сами эти образы находятся в разной стадии эволюции [Петренко, Митина и Бердников, 2000; Замятина, 2006].

На географические образы опираются проекты государственного строительства, внешнеполитические стратегии. Для создания таких образов мобилизуются все историко-культурные ресурсы места.

Как заметил французский историк Ф. Мартен, история – это ящик с инструментами, среди которых всегда можно отыскать необходимый к случаю [Martin, 2009]. Яркий пример использования и изменения символического капитала как инструмента социализации и отражения геополитической ориентации – Молдова и Приднестровье. Символический ландшафт молдавской столицы превратился в поле битвы между различными историческими нарративами и сторонниками разных путей развития страны – строительства независимого государства и объединения с Румынией. Старый советский символический капитал сохранялся постольку, поскольку «работал» на укрепление государственности, ибо Молдавия была одной из советских республик, ставших самостоятельными государствами после распада СССР. Существовавшие ранее и новые памятники воспевают, в частности, период царствования Стефана Великого (1457–1504 гг.), когда Кишинев был центром крупного государства. В то же время многие топонимы, монументы и политические лозунги символизируют задачу воссоединения с Румынией. В Приднестровье символический капитал призван отразить особую, отличную от Молдовы идентичность и историю региона, показать славянское присутствие и в особенности принадлежность Приднестровья к «русскому миру» и ориентацию на Россию. Главный символ города, помещенный и на банкноты – памятник А.В. Суворову, командовавшему русскими войсками, освободившими при Екатерине II Бессарабию и территорию нынешнего Приднестровья от турецкого ига. В центре воздвигнуты новый памятник императрице и кафедральный собор, имитирующий древнюю русскую архитектуру. Полностью сохранены советские монументы и топонимия и в то же время открыты музейные экспозиции, посвященные кровавой попытке кишиневских властей восстановить контроль над Приднестровьем в 1992 г., сооружены памятники жертвам трагических событий.

Анализ географических представлений помогает ответить на отнюдь не только академический вопрос о границах так называемых неформальных регионов, или мезорегионов, «легитимизировать» процессы регионализации в общественном сознании и способствовать их институализации. Для этого подбирается и активно используется в политическом дискурсе на-

бор «объективных» критериев – природно-климатических, исторических, экономических, культурно-лингвистических и т.д. Так, единство евро-средиземноморского региона и его границы обосновывались рубежами завоеваний Римской империи, распространением олив как одной из типичных культур Средиземноморья, среднеянварской изотермой 0°, миграционными связями и т.п. [Kolossova, Galkina, 2000]. Это было необходимо в политическом дискурсе, сопровождавшем так называемый Барселонский процесс, инициированный в конце 1995 г. Он институализировал многосторонний диалог между Евросоюзом и странами Северной Африки и привел к образованию Средиземноморского союза, включающего 43 страны. ЕС заинтересован в экономическом и финансовом сотрудничестве с южными соседями, координации с ними энергетической и миграционной политики.

Теория конструирования пространства различными социальными силами способствовала переосмыслению на новой, более широкой основе методологических подходов в геополитике. В ней преодолен разрыв в изучении внутренней и внешней политики, характерный для позитивистских подходов и отразившийся в разделении между геополитикой и политической географией. Появившаяся в лоне географии критическая геополитика стала современной междисциплинарной областью, в которой широко применяются концепции и методы, развиваемые в экономической географии, социологии, политологии, культурной антропологии, политической психологии.

Вместе с тем, критическая геополитика и сама подверглась серьезной критике. Ее сторонников упрекали за чрезмерный акцент на анализ текстов, злоупотребление принципами конструктивизма в ущерб анализу институциональной и материальной базы политического дискурса, невнимание к мирохозяйственным процессам как материальной основе геополитики, игнорирование принципов историзма и др. Было предложено сосредоточить больше усилий на изучении пространства и времени политического дискурса – иными словами, экономического и технологического пространства, в котором разворачиваются геополитические события и передается геополитическая информация. Критическую геополитику предлагается обогатить анализом структурных экономических факторов, распределения в пространстве потоков информации, капиталов, товаров и мигрантов, такими категориями, как уязвимость и безопасность. Другая перспективная и пока еще мало разработанная тема критической геополитики – формирование «общепринятых» международно-правовых норм и институтов, через которые реализуется гегемония доминирующих государств, и их соотношение с интересами этих государств.

Принципиальное замечание в адрес критической геополитики первых полутора десятилетий ее существования касается, как ни странно, ее недостаточной «географичности». Наследие холодной войны до сих пор сказывается в анализе почти исключительно «глобального» политического дискурса и присущего ему применения общих, идеологизированных категорий «деконструкции» локальных конфликтов разной природы и размаха. Особенно это было свойственно американскому дискурсу, в котором весь мир рассматривался через призму «свой – чужой», в какие бы внешние формы

ни облекалась эта дихотомия. Это вело к интерпретации мира как глобальной шахматной доски, на которой немногие ведущие игроки передвигают свои «пешки», игнорированию переплетения глобальных и специфических локальных факторов нестабильности, понимание которых требует знания региона и «полевых» исследований. Социальные группы, вовлеченные в конфликт, представляются однородными группами, выделенными на основе умозрительных критериев и действующими как единое целое, а им самим приписываются определенные свойства («агрессивные сербы», «проникнутые неоимперским сознанием русские» и т.п.). В качестве примеров можно привести трактовку событий 2008 г. в Южной Осетии исключительно через призму отношений между Россией и Западом или отделения Приднестровья от Молдовы как этнического конфликта.

Эта критика вызвала двоякую реакцию: совершенствование критической геополитики и ее интеграцию с другими подходами и методами. В последние годы появились работы, в которых методы критической геополитики сочетаются с анализом потоков и более органично увязываются глобальные и локальные факторы конфликтов.

Применение подходов критической геополитики к изучению России. Эти тенденции проявились и в исследованиях России, основанных на концепциях критической геополитики. Такие исследования проводились как за рубежом (например, в США, Финляндии, Франции), так и в самой России. Рассмотрим коротко некоторые примеры.

Был изучен, например, *российский политический дискурс* по крупным внешне- и внутривнутриполитическим проблемам: реакция на атаку американских городов террористами 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ней попытка сближения России с Западом; политическая нестабильность на Северном Кавказе. При этом были выделены скрипты важнейших событий в доминирующем (правительственном) и других дискурсах, их связь с российскими геополитическими традициями и современной «высокой» геополитикой. Материалами для такого анализа послужили публичные выступления и интервью официальных лиц (президента, председателя правительства, спикеров Государственной думы и Совета Федерации, министра иностранных дел) и публикации за достаточно представительный период в газетах, отражающих взгляды определенной части политическо-го спектра [O'Loughlin, Ó Tuathail, Kolossov, 2004(a,b), 2005]. Другим опытом применения подходов критической геополитики к анализу российского материала было *сравнение политического дискурса с мнением рядовых граждан* на основе массовых опросов общественного мнения. Анкеты были составлены таким образом, чтобы выявить отношение респондентов к разным скриптам. При этом особое внимание уделялось «социальному портрету» носителей определенных взглядов на внешнюю политику страны – например, тех, кто одобрял меры, принятые В.Путиным в ответ на атаку террористов 11 сентября 2001 г., и присоединение России к международной антитеррористической коалиции, и тех, кто не согласился с этими мерами [O'Loughlin, Ó Tuathail, Kolossov, 2004(a), 2006].

Для политической целостности такой крупной и разнообразной страны, как Россия, чрезвычайно существенна дифференциация мнений населения отдельных районов и главных этноконфессиональных групп. Статистически установлены достоверные различия в реакции на события 11 сентября между титульным населением республик Северного Кавказа, Поволжья и другими регионами России. В ответах на некоторые вопросы они достигали десяти процентных пунктов, но все же невелики. При этом мнения титульного населения Татарии и Башкирии отличались от взглядов остальной части России больше, чем республик Северного Кавказа [O'Loughlin, Ó Tuathail, Kolossov, 2004(a), Колосов, Себенцов, 2014].

Интересным и практически значимым оказался *анализ образов зарубежных стран в представлениях российских граждан* на основе серии общероссийских опросов. Их совокупность отчетливо высветила геополитическое видение мира россиянами, их представления о союзниках, дружественных государствах и потенциальных угрозах. Характер возникавших у респондентов ассоциаций с названиями разных стран позволил с высокой степенью вероятности определить генезис образов разных стран и, в частности, долю ассоциаций, навеянных недавними телевизионными программами и рекламой [Мир глазами россиян..., 2003].

Количественное и качественное изучение публикаций о зарубежных странах в пяти ежедневных «качественных» газетах – российской «Независимой газете», американской «Вашингтон пост», французской «Монд», германской «Франкфуртер цайтунг» и индийской англоязычной «Хиндустан таймс» в течение 12 недель, взятых в случайной разбивке в течение года, дало возможность сопоставить и картографировать освещение различных стран и регионов мира, содержание и характер информации о них по трехбалльной шкале (позитивная – нейтральная – негативная), а также проанализировать образы ведущих стран в зеркале разных газет, в особенности России [Колосов и др., 2002].

Поток информации о разных странах и регионах оценивался с помощью анализа частоты публикаций в газете. За условную единицу рейтинга популярности страны или региона принималась отдельная статья, содержащая конкретный географический адрес или адреса. Соотношение между реальным весом страны в мире и ее освещением на страницах издания определялась с помощью сопоставления ее доли в населении и в валовом внутреннем продукте мира и долей в публикациях (коэффициентами локализации). Если коэффициент больше единицы, значит, что издание проявляет повышенное внимание к региону, если меньше – внимание газеты к региону не соответствует его доле в населении.

Равномерность поступления новостей оценивалась с помощью коэффициента вариации, исчисленного как отношение среднего отклонения к среднему значению. Чем он меньше, тем более постоянно и равномерно информационное освещение региона.

Качественный анализ касался насыщенности информационного потока: преобладающей тематики сообщений, их тональности, очередности подачи информации и, в конечном счете, образов стран, рисуемых разными

газетами, их «идеологической» составляющей, геополитической картины мира в целом.

Как правило, чем экономически мощнее регион, тем больше общезначимых новостей он «генерирует», тем лучше освещается на страницах газет. «Качественные» газеты интересуют, во-первых, главные акторы мировой политической сцены, а во-вторых – ближайшие соседи по региону. Преобладающая тематика западных газет – *экономическая*, доля которой наиболее весома в их информации о других странах западного сообщества, и *внешнеполитическая*. *Внутриполитическая жизнь* стран, не входящих в мировое «ядро», отражается ими преимущественно в тех случаях, когда данный регион сотрясают кризисы, конфликты и междуособицы. В целом на образы многих стран существенное влияние оказывают две постоянные составляющие: (а) спорт и (б) скандалы, конфликты, стихийные бедствия, террористические акции, криминал.

Страны, особенно «дальние», не играющие большой роли во внешней политике государства, где издается газета, освещаются преимущественно в нейтральном ключе. Однако у газет (а соответственно – и в национальной геополитической картине мира) есть своего рода оси «зла» и «добра», которые смещаются по мере изменения геополитических кодов страны.

Образ страны за рубежом зависит от того, что она может «экспортировать» вовне – от товаров и услуг до рисков, угроз и нестабильности. Что касается России, то зарубежные СМИ, как правило, рисуют ее как страну северную, бедную, нестабильную, недемократическую и мало гостеприимную, хотя и располагающую крупными запасами нефти и газа, как место частых социальных и природных катаклизмов. Преобладающая негативная информация о России касается больше ее внешней и внутренней политики, а не экономики, сравнительно мало значимой на мировом фоне. Восприятие России еще долго будет по инерции связано с канувшим в Лету Советским Союзом, десятилетия внушавшим страх западному миру. В ее образе чрезвычайно сильна культурно-символическая составляющая, отделившая Россию от Европы и остальных западных стран. Такой образ страны приходится учитывать во внешнеполитической деятельности, тем более, что геополитические представления обладают большой инерцией и их трудно изменить.

Большой интерес представило *сравнение социальных представлений о зарубежных странах с мировым «пространством потоков»* – географическим распределением внешней торговли, прямых иностранных инвестиций, миграций, международных авиарейсов, поставок оружия, политическими связями, выражающимися в солидарном голосовании в ООН, и т.д. Другими словами, была поставлена цель выяснить, насколько «заметность» и образ страны зависят от ее «объективного» места в мире, интенсивности и природы ее внешних контактов. Исходная гипотеза предполагала также, что видение мира зависит от физического расстояния и культурной дистанции (сходства языка и религии) между странами [Колосов, Туровский, 2000; Геополитическое положение России..., 2001; Колосов, Зотова, 2012; Kolosov, 2013].

Опрос 827 российских студентов в Москве, Екатеринбурге, Ставрополе и Хабаровске (конец 2009 г.) подтвердил гипотезу о том, что территориальная мобильность семей, более высокий уровень доходов, знание иностранных языков и личное знакомство с зарубежными странами способствуют формированию положительного настроя к внешнему миру, его более позитивного и «реалистического» геополитического видения, менее связанного со стереотипами, навязываемыми СМИ. Вполне естественно, эти факторы более значимы в Москве и Екатеринбурге, чем в Хабаровске и Ставрополе.

Респондентам, в частности, было предложено назвать по пяти наиболее и наименее привлекательных стран. Оригинальность опроса заключалась в том, что студентов просили нарисовать на контурных картах границы Европы и 3–10 культурных регионов мира. Эти карты были отсканированы, а результаты обобщены с помощью геоинформационных методов. Поскольку речь идет о мнении нового поколения россиян, выросшего уже после распада СССР, эти результаты позволяют судить о том, как может меняться российское общественное мнение в последующие годы.

Геополитическое видение мира описывалось двумя простыми индексами: «известности» (общее число упоминаний страны) и «асимметрии» (разница между числом упоминаний страны как привлекательной и непривлекательной, деленная на общее число ее упоминаний). Таким образом, каждая страна может быть охарактеризована на ментальной карте респондента как точка в системе координат, на оси абсцисс которой – индекс известности, на оси ординат – индекс асимметрии. Сгущения точек позволяют выделить разные группы стран и провести сравнения результатов опроса в разных странах.

Итоги опроса показали, что в России, как и в других странах, наиболее известны респондентам крупные мировые державы-«нюсмейкеры», соседние страны и регионы международных конфликтов, регулярно освещаемые СМИ. Страны Африки, значительная часть Азии и Латинской Америки упоминались редко. По сравнению с выборкой в целом российские студенты отличались еще большим тропизмом в отношении стран Западной Европы, особенно Франции, Италии и Германии. Франция более привлекательна для россиян, чем во всех остальных 17 странах. Страны Западной Европы привлекают российских граждан высоким уровнем жизни. Они отождествляются с отдыхом, потреблением товаров и услуг, но также с богатым культурным наследием и демократическими режимами. Такое видение подтверждается анализом открытого вопроса об ассоциациях со словом «Европа». Наименее привлекательны для российских студентов страны, охваченные гражданской войной или связываемые с мусульманским фундаментализмом, Китай и бывшие советские республики.

Выводы. Критическое направление значительно способствовало коренному обновлению, теоретизации геополитики и ее превращению в самостоятельную междисциплинарную предметную область, располагающую собственными категориями и методами. Геополитика начала XXI в. изучает положение страны в системе международных экономических, политических, культурных и иных связей, а также место в мире, отводимое ей в представле-

ниях внешних партнеров и собственных граждан. Это направление исследований тесно взаимодействует с географией мирового хозяйства. Геополитические представления – неотъемлемый элемент национальной, этнической и региональной идентичности. Геополитическое положение страны постоянно эволюционирует как под воздействием объективных глобальных и других внешних и внутренних факторов, так и вследствие переоценки гражданами своего отношения к разным уровням власти, в том числе государственному, абсолютно доминировавшему еще в недавнем прошлом, а ныне постепенно ослабевающему, хотя и в неодинаковой степени в разных регионах мира. Применение концепции критической геополитики к изучению современной России может внести заметный вклад в понимание закономерностей мирового развития, динамичной и усложняющейся связи между внешней и внутренней политикой, в частности особенностей геополитического видения мира российскими гражданами, их подверженности влиянию СМИ и возможного отношения к важным внешнеполитическим решениям.

ГОРИЗОНТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ГЕОГРАФИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Б.А. ГИТЕР, Е.А. ГРЕЧКО, В.А. ЕРОХИНА, В.А. КОЛОСОВ,
К.В. МИРОНЕНКО, М.Э. ПИЛЬКА, Е.Н. САМБУРОВА, Н.А. СЛУКА, Н.В. РЯБОВА,
И.Н. ТИКУНОВА, Т.Х. ТКАЧЕНКО, А.В. ФЕДОРЧЕНКО, П.Ю. ФОМИЧЕВ

В последнее время ощутим быстрый рост интереса в международном обществе к вопросам как локального, так и глобального устройства общественного пространства, организационно выливающийся в экспансию на традиционное «заповедное поле» социально-экономической географии со стороны представителей смежных с ней дисциплин, прежде всего экономической науки. Подтверждений тому множество. Один из самых, пожалуй, ярких примеров – изучение экономистами пространства хозяйствования и появление «новой экономической географии», родоначальником которой считается лауреат Нобелевской премии по экономике 2008 г. П. Кругман [Krugman, 1991]. Не менее значимая веха – подготовка в 2008 г. такой авторитетной организацией как Всемирный банк в рамках «Доклада о мировом развитии» специального материала – «Новый взгляд на экономическую географию» [The World Bank..., 2008]. Не обошли своим вниманием данную тематику и организаторы саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в 2014 г., которые предложили в предварительных материалах форума свой взгляд на «новую экономическую географию городов» (англ. – the new economic geography of cities), предполагающую особую значимость крупнейших центров региона как драйверов роста и инноваций [APES..., 2014]. Нарастание конкуренции в области изучения содержательно-территориального развития глобальной экономики ощутимо даже на уровне факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова. И это закономерно в современных условиях, выдвигающих особую значимость познания пространственного аспекта различных явлений и значимость междисциплинарного подхода в этом познании.

Постановка проблемы. В центре материала – размышления коллектива кафедры географии мирового хозяйства о приоритетных направлениях и проблемах исследования в области пространственной организации (архитектуры) современного мироустройства, о вопросе повышения конкурентоспособности общественной географии в изучении глобального экономического пространства. Видение полигона наиболее актуальных проблем – не только руководство к действию собственно подразделения, но и своего рода концепт конструктивной «площадки» для широкого обсуждения и роста взаимопонимания всех заинтересованных участников, для интенсификации интеграционных процессов как на уровне собственно географических, так и междисциплинарных исследований глобального общественного пространства. Представляется особенно важным, что хронологически это совпадает, с одной стороны, с наступлением эпохи

«мирохозяйственного перехода» и формированием многополярного мира с пока трудно предсказуемыми последствиями, что весьма существенно, а с другой – с подготовкой плана НИР на 2016–2020 гг. как географического факультета в целом, так и отдельных его подразделений, в частности.

Материалы и методы исследований. Научно-теоретическую основу данного исследования составляют труды ведущих зарубежных и отечественных теоретиков глобальной экономики, мирового хозяйства, апологетов мир-системного устройства, фундаментальные положения работ классиков отечественной социально-экономической географии и географии мирового хозяйства, специалистов из многих смежных с социально-экономической географией дисциплин [География мирового хозяйства, 2012; Шумпетер, 1995; Amin et al, 2006; Braudel, 1973; Frank, Gills, 1993; Wallerstein, 1987 и др.]. Немалую роль в формировании идейного ядра и в выработке перспективных направлений НИР кафедры географии мирового хозяйства на 2016–2020 гг. сыграли, с одной стороны, последние наработки многих международных организаций – ООН [например, ЮНКТАД, 2013], Всемирного банка, АТЭС; а с другой – оперативная информация, почерпнутая из полемических материалов ряда авторитетных журналов (например, «Economist») и крупных общественных и научных форумов последнего времени, включая: Международный дискуссионный клуб «Валдай», Сочи, 2015; Конференция Международного географического союза «География, культура и общество нашей будущей Земли», Москва, МГУ, 2015; Международный научный конгресс «Глобалистика – 2015», Москва, МГУ, 2015, и другие. В работе использованы преимущественно такие общенаучные методы как анализ и синтез, а также прогнозирование.

Обсуждение результатов исследования. Некоторые итоги исследований пространственной организации глобальной экономики, полученные коллективом кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова за последнюю четверть века, концептивно изложены в издании «Вестника МГУ», Сер. 5, географическая, 2015, № 6 [Гитер, Гречко, Колосов..., 2015]. Однако, очень многое и динамично меняется... Так, до последнего времени глобализационные процессы определялись как устойчивые, преимущественно позитивного свойства, как безальтернативное поле, в котором велись все географические исследования мировой экономики. На современном этапе условия мирового развития резко изменились. На нынешнем витке наблюдается явная дестабилизация и торможение широко понимаемого глобализационного движения, что связано с обострениями на геополитической «арене коллективного действия» и «кризисной ситуацией» эволюционно определенного цикла Н. Кондратьева «мирохозяйственного перехода» [Кондратьев, 2002; Мироненко, Гитер, 2013]. Подобное наложение процессов вызывает, по предварительным оценкам, решительный откат от завоеваний глобализации, усиление формата регионализма, все возрастающую диверсификацию и фрагментацию современного мира, увеличение рисков и угроз мировому развитию. Не случайно международные потоки иностранных прямых, портфельных инвестиций и банковских кредитов и депозитов в 2014 г. составили лишь 24% от уровня 2005 г. Иными словами, новая эпоха, дефинируемая многими экспертами, как

эпоха неопределенности, турбулентности и непредсказуемости развития – требует новых «идеологий» и направлений географических исследований.

В существенной ревизии нуждается основополагающее для науки понятие территориального разделения труда и всеобъемлющая оценка соотношения реальных сил ключевых акторов мирового хозяйства. В системе международного разделения труда в эпоху глобализации сложились взаимодействия в двух различных по природе «мировых» полях: в международном, отражающем торговые связи между государствами, и в транснациональном, отражающем связи в транснациональных структурах и сетях [География мирового хозяйства, 2012]. Выступая в современных условиях авангардом сдвигов в глобальной экономике, именно крупнейшие страны и ТНК способны задать генеральный вектор на перспективу мирохозяйственного развития: либо продолжение глобальной интернационализации, либо развитие вспять, сворачивание в сторону региональных и локальных территориальных процессов. Поэтому особую актуальность и научно-практическое значение получает детальный географический анализ роли и трансформационных возможностей в мироустройстве, с одной стороны, стран-гигантов, а с другой – крупнейших корпораций мира. Первые – выступают как реализаторы внутристрановых, национальных ресурсов, интересов и амбиций с учетом международных условий и отношений; вторые – как реализаторы сугубо частных экономических интересов, предоставляемых процессом глобализации, либо регионализации.

С позиций географических мирохозяйственных исследований среди стран-гигантов приоритетный интерес вызывает, безусловно, Китай, который в условиях глобализации стал «мировой фабрикой»¹ и в 2014 г. по предварительным данным МВФ по объему ВВП по паритету покупательной способности (17,6 трлн долл.) вышел на первое место в мире [World Economic..., 2015]. Не менее значимо место Китая в потреблении продукции, произведенной как в самой стране, так и за ее пределами. Растущие доходы огромного населения позволяют постепенно осуществить переход от внешнеориентированной модели к модели, ориентированной на внутренний спрос, который обеспечивается как производством внутри страны, так и импортными поставками. Рост емкости внутреннего рынка способствует сохранению привлекательности Китая для ТНК, несмотря на некоторую потерю конкурентных преимуществ из-за стремительного роста заработной платы.

Следствием стремительного развития этой страны – одного из главных полюсов роста – стало усложнение пространственной структуры мирового хозяйства, переход от дихотомии «центр – периферия» к расширению и росту значимости полупериферии. Та роль, которую взял на себя Китай в глобальной экономике, трансформирует всю хозяйственную структуру стран мира. Одной из главных тенденций мировой экономики является ее терциаризация, характерная для стран, находящихся на постиндустриальном этапе развития. Сохранение высокого уровня потребления в этих

¹ Китай обеспечивает весь мир разнообразной продукцией, в первую очередь, продукцией с высокой долей труда в структуре затрат. На него приходится около 40% мирового производства компьютеров, 60% – мобильных телефонов, более 1/3 мирового рынка одежды.

странах обеспечивается прежде всего импортом из Китая, взявшего на себя производственные функции. Включение Китая в формирующиеся цепочки добавленной стоимости определяется особенностями ведения вертикальной торговли со странами мира. Переход КНР на более высокие ступени цепочек добавленной стоимости, специализация на производстве высокотехнологичной продукции при росте заработной платы ведет к частичному переносу трудоемких производств в менее развитые азиатские страны. Таким образом, Китай играет роль локомотива включения в международное разделение труда развивающихся стран¹.

В отличие от традиционного для географии страноведческого направления большой интерес вызывает исследование в рамках корпоративной географии. ТНК, как мощные акторы глобальной экономики, представляя собой наднациональную форму организации и в неявной форме конкурирующие со странами, оказывают колоссальное и все большее влияние на мировую архитектуру. Они на протяжении уже достаточно длительного времени устойчиво занимают более 2/5 мест в списке ста крупнейших экономик мира, обеспечивают около 1/2 мирового промышленного производства, жестко контролируют, выступая ключевым организующим звеном, многие глобальные рынки [Трифопова, 2013; Хесин, 2010; ЮНКТАД, 2013]. Соответственно, основная цель корпоративной географии, как потенциального подразделения географии мирового хозяйства, – раскрытие пространственной обусловленности и выраженности транснационализации мировой экономики. В целом, можно говорить о том, что изучение пространственной структуры мирового хозяйства невозможно без такого инструмента, как корпоративная география, позволяющего всесторонне исследовать транснациональное разделение труда и его воздействие на территориально-организационную структуру мирового хозяйства на всех иерархических уровнях.

Глобализация и инновационное развитие привели, как известно, к глубоким изменениям в отраслевой структуре мирового хозяйства, главным из которых стала сервисизация экономики. Однако, развитие промышленности является решающим фактором для достижения высокой производительности и эффективности всего экономического механизма. Не случайно, что многие ведущие страны мира «пустившие» свои стратегии сначала по рельсам деиндустриализации, а после последнего глобального экономического кризиса по пути реиндустриализации – восстановления роли материального производства, активно участвуют в процессе неоиндустриализации – перехода к наукоемкому, высокотехнологичному, массово-трудозамещающему, эколого-эффективному промышленному производству. Каковы факторы, эффекты и риски выхода глобальной экономики на новый уровень современного материального базиса? Какова

¹ Как инструмент усиления влияния в мире можно рассматривать китайскую инициативу «один пояс и один путь», выдвинутую Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., предполагающую формирование «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Реализация этой инициативы позволит усилить многостороннее сотрудничество между странами вдоль древнего Великого Шелкового пути и приморскими странами к востоку и югу от Китая. Для реализации проекта китайской стороной учреждены Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути и Фонд морского сотрудничества Китай – АСЕАН.

пространственная проекция этого сдвига, как изменится в ближайшем будущем позиции отдельных стран и соотношение сил в мировом хозяйстве в целом? Как повлияют на становление новой парадигмы промышленного и в целом экономического развития мира, усложнение, турбулентность социально-экономического развития современного мира, очевидные тенденции деглобализации как внешние условия развития промышленного производства, с одной стороны, и огромная скорость развития процессов неоиндустриализации, с другой стороны?

Установление пространственных закономерностей в рамках новой геоэкономической парадигмы является актуальнейшей задачей для географии мирового хозяйства. По инерции пока по-прежнему сохраняется основной механизм эволюции пространственной структуры мировой экономики – центр-периферический. Он основан на высвобождении со временем (по концепции Р. Вернона, как правило, в третьей из пяти фаз цикла жизни товара) экономически высокоразвитых стран центра от экономически неэффективных производств и переносу их в страны полупериферии и периферии [Braudel, 1973; Wallerstein, 1987]. Явление мировой миграции производства – не новое: спираль неравномерности экономического развития раскручивалась при переходе от аграрной экономики к индустриальной. По существу, в Центре шло и продолжает идти, согласно Й. Шумпетеру [Шумпетер, 1995], циклическое «созидательное разрушение», постоянная качественная его трансформация, что обеспечивало развитие и воспроизводство системы отношений «центр-периферия».

Но модель «центр-периферия», очень удобная для анализа многих пространственных причинно-следственных зависимостей, достаточно схематична и нуждается на современном этапе в новых, хотя бы дополняющих, методологических подходах. В частности, центр-периферический подход к анализу, хотя и применим, но его исследовательские возможности стали относительными в условиях, когда пространственная структура мирового хозяйства все в большей степени приобретает анклавный характер. В международное разделение труда в пределах стран и регионов мира вовлекаются выборочные ареалы и центры, особенно обладающие выгодами географического положения, институциональными и инфраструктурными преимуществами, а также, если не в первую очередь, качеством трудовых ресурсов. Не природные ресурсы (исключая нефть и газ), а качество человека играет ключевую роль в развитии. Учитывая требования глобальной экономики, ряд стран и районов предпринимает активные усилия по повышению уровня привлекательности в системе мирового хозяйства, что, в частности, проявляется в формировании кластеров отраслей (типа Силиконовой долины, «Третьей Италии» и т.д.).

Однако каковы перспективные тренды в условиях формирования новейшего международного разделения труда, которое происходит не только и не столько между странами, сколько между иными экономическими агентами? Существенно углубить и одновременно расширить представления о современных пропорциях и новейших изменениях в пространственной архитектуре мировой экономики позволяет реализация подхода географи-

ческого исследования мирового воспроизводственного процесса с позиций методологии трансграничных цепочек добавленной стоимости, в том числе оценивая роль ТНК.

Консолидация международных сетевых структур на волне новейших процессов, с одной стороны, а с другой – преимущественно урбанистическая дислокация подразделений ТНК, имеет далеко идущие последствия. Это ведет к тому, что мировая экономика все в большей мере пространственно организуется в форме так называемого «архипелага городов» и контролирующихся его центров – глобальных городов, которые не имеют разделения труда с промежуточными зонами, практически не участвующими в процессах глобализации (своего рода закрытые территории). Под «архипелагом городов» подразумевается большая совокупность территориально дифференцированных, разнокалиберных по людности и функционально разнопрофильных, но тесно взаимодействующих в общепланетарном масштабе центров. Именно сетевой принцип строения, как вообще доминирующий принцип в социальной морфологии современных обществ, обеспечивает возможность наиболее широкого охвата и полного съема информации в любой территориальной системе.

Известен и другой принцип экономически эффективного построения сетевых структур – соподчиненности. Элита современного городского мира – глобальные города – представляют собой особые фокусные узлы, по меткому выражению М. Кастельса – «рубильники», которые выступают в качестве центров осуществления властных функций и стратегического управления в сети [Castells, 1989; 1996]. Они образуют своеобразное объединение, корпорацию, по многим признакам соответствующую системе олигополистического типа. Таким образом, пространственной проекцией глобализационных процессов стало обособление «архипелага городов» как опорно-узлового каркаса мирового хозяйства. Однако остается открытым вопрос о его прочности и устойчивости под воздействием геополитических и геоэкономических инноваций: открытость и дальнейшее углубление интеграции, или дезагрегация и региональное сегментирование?

Масштабность, динамика и сложность глобальной экономики как общепланетарной системы требует видения не только приоритетных поисковых инициатив, но и определения инструментария для облегчения процесса принятия решений в области географии мирового хозяйства. С нашей точки зрения перспективно объединение работ по всем перечисленным выше направлениям географического исследования глобальной экономики в среде атласных информационных систем (АИС). АИС по своим функциональным возможностям относятся к высшему классу электронных атласов и применяются в виде систем поддержки принятия решений, при разработке сценариев развития территорий и др. Они имеют развитые моделирующие функции, могут интегрировать экспертные системы и оформляться как полномасштабные мультимедийные конструкции. АИС позволяют интегрировать разнообразные информационные ресурсы, моделировать, визуализировать и проводить разнообразный анализ, вплоть до разработки сценариев и представления возможных вариантов развития пространственной орга-

низации глобальной экономики [Краак, Ормелинг, 2005; Ormeling, 1995]. В АИС реализуется ряд принципов [Тикун, 2004]: гипермедийности системы, когда сюжеты соединяются ассоциативными (смысловыми) связями, например, сюжеты более низкого иерархического уровня не только отображают какой-либо тематический сюжет в соответствующем масштабе, но и как бы раскрывают, разворачивают, детализируют его; блочности системы, поскольку отдельные логические блоки могут видоизменяться, пополняться или расширяться, не меняя структуры всей системы; эволюционности и динамичности, учитывая временной аспект отображения глобальной экономики; многовариантности и мультимедийности (многосредности), что облегчает процесс принятия решений в области географии мирового хозяйства. Кроме того, АИС являются хорошей средой для формирования механизмов управления геосервисами.

Выводы. Квинтэссенция размышлений коллективом кафедры географии мирового хозяйства о приоритетности направлений научных исследований на период 2016–2020 гг. заключается в выделении двух взаимопересекающихся генеральных проблемных полей: «старого» и «нового». Первое из них – «традиционное», оставшееся за рамками материала, объединяет ряд вопросов, требующих перманентной научной модернизации и применения в образовательном процессе. Это, прежде всего, совершенствование понятийно-терминологического аппарата дисциплины, обновление методики мирохозяйственных исследований, системы индикаторов, должное обеспечение исследований статистической базой, в том числе на основе международной информационной унификации, и многие другие. В пределах второго, вынесенного на обсуждение, – выделены направления с повышенной конкурентоспособностью пространственного подхода и отражающие приоритетность географической парадигмы в рамках современного междисциплинарного познания мирохозяйственной архитектуры. Как говорил профессор Н.С. Мироненко, «участь экономико-географа тяжела: надо быть профессионалом во многих областях, а потом – в географии».

Основу плана НИР кафедры географии мирового хозяйства на грядущую пятилетку кратко можно свести к следующим проблемным разделам: 1) углубленный анализ геополитических факторов в современном мирохозяйственном развитии; 2) адекватная оценка роли материального производства в формировании пространственной организации современного мироустройства; 3) переоценка значимости действующих акторов в процессе трансформации территориальной структуры мирового хозяйства; 4) методическая отработка характеристики роли отдельных региональных группировок и стран-гигантов в формировании новых территориальных реалий мирового хозяйства; 5) разработка концепции корпоративной географии как раздела географии мирового хозяйства; 6) изучение пространственной организации глобальной экономики с позиций формирования сете-узловых структур; 7) модернизация представлений о градоцентрической концепции как новой формы пространственной организации мирового хозяйства; 8) консолидация направлений мирохозяйственных исследований в среде атласных информационных систем.

РАЗДЕЛ 2. ДИНАМИЧНО МЕНЯЮЩАЯСЯ ГЕОГРАФИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

МАКРОТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МИРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.А. РОДИОНОВА, Н.А. СЛУКА

Изучение движущих сил и конкретных сдвигов в архитектуре мирового хозяйства, его отдельных сфер и отраслей – одна из традиционных задач для экономико-географов. Ее актуализирует существенно ускорившаяся динамика изменений в отраслевой и пространственной структурах мировой экономики в условиях процесса глобализации [Гитер..., 2015; Колосов..., 2016]. За последнее время на международной арене появилось много новых экономических лидеров – региональных и даже глобальных. Рейтинг стран по объему ВВП по паритету покупательной способности валют ныне возглавляет Китай (19,5 трлн долл., 2015 г.), опередивший США (18,0 трлн долл.). Далее за ними следуют Индия (8,0 трлн долл.), Япония (4,7 трлн долл.), Германия (3,8 трлн долл.), Россия (3,5 трлн долл.), Бразилия (3,2 трлн долл.), Индонезия, Великобритания, Франция. В самом начале второй десятки уже находятся Мексика (11-я позиция), Республика Корея (13-е место), Саудовская Аравия (14-е место) [The World Factbook...]. Многие развивающиеся страны становятся всё более встроенными в трансграничные цепочки производства добавленной стоимости и обеспечивают рост уровня конкуренции практически на всех глобальных рынках.

Ускорение и качество современных сдвигов в мировом хозяйстве – производная большой совокупности причин, факторов и обстоятельств. Среди них особое место занимают трансформации в основе мирового хозяйства – международном разделении труда (МРТ), которое выступает «как высшая ступень в развитии общественного разделения труда, прошедшего эволюцию от локального, районного, национального, зонального (в рамках торговли «метрополия-колония») до глобального, оказывающего влияние на отраслевые и региональные пропорции включенных в МРТ стран» [География..., 2012, с. 24]. На наших глазах происходит вызревание новых глобальных экономических реалий. Этот эпохальный переход, если угодно – тектонический сдвиг, заключается в кардинальном изменении соотношения двух видов, двух различных по природе «мировых» полей МРТ: собственно международного (ему соответствует поле связей между странами) и транснационально-

го (ему соответствует поле связей между транснациональными фирмами с их внутренними системами информации, доминирующей глобальной или региональной стратегией).

Феномен ТНК – одно из наиболее ярких и фундаментально значимых явлений, изучение которого важно не только для географии мирового хозяйства, но и экономической географии в целом. ТНК выступают как сравнительно новый, агрессивный, амбициозный и мощный актор в мирохозяйственном развитии [Sluka, 2015]. В настоящее время на предприятиях зарубежных филиалов ТНК трудится около 71 млн чел. Объемы продаж отдельных ТНК исчисляются несколькими миллиардами долларов, а суммарно достигают 34,5 трлн долл. Показатель добавленной стоимости продукции на зарубежных филиалах ТНК превысил в 2013 г. 7,5 трлн долл. Совокупные активы зарубежных филиалов приближаются к отметке 90 трлн долл. Экспорт продукции только из зарубежных филиалов ТНК оценивается в 7,7 трлн долл. (при общемировом показателе экспорта товаров и услуг 23,2 трлн долл., 2013 г.) [Родионова, Шувалова, 2014]. ТНК ныне контролируют около трети (а по некоторым оценкам – до половины) мирового промышленного производства и около двух третей международной торговли (причем треть мировой торговли приходится на внутрифирменный обмен) [Родионова, 2011]. Иными словами, международное производство в современной мировой экономике формируют именно ТНК с их сетью зарубежных филиалов. Ныне именно ТНК – главные инициаторы международных трансфертов капитала, технологий и управленческого мастерства, они непосредственно влияют на международное разделение труда через глобальные стратегии производства, распределения и снабжения. Рост масштабов транснационализации означает расширение сферы деятельности и ускорение оборота капитала, свободу конкурентного маневра в границах мирового рынка по сравнению с национальными компаниями и т.д. ТНК «разрушают» границы между национальными рынками товаров, капиталов, рабочей силы за счет информационных, технологических, производственных связей между предприятиями разных стран мира, что вызывает эффект интернационализации экономики.

Большинство «материнских» компаний с их штаб-квартирами базируется, как и прежде, в развитых странах (США, Япония, страны Западной Европы и др.), хотя за последние десятилетия их доля в мировом хозяйстве снижается. При этом все большее число новых ТНК возникает в странах, недавно включившихся в процессы международного производства (в том числе в странах с переходной экономикой). Если в 1980 г. доля развивающихся стран в мировых потоках ПИИ находилась на уровне 5,8 %, то к 2007 г. она составила 12,7 %, т.е. возросла более чем в 2 раза [Самусенко, 2014], а в 2013 г. достигла уже около 30 %. После спада в результате мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. общемировой объем ПИИ вновь стал увеличиваться. Приток ПИИ рос и почти достиг среднего докризисного показателя 1,49 трлн долл. в 2013 г. В 2014 г. их объем вновь сократился до 1,23 трлн долл. (за счет снижения инвестиций в развитые страны). Важно отметить, что с 2012 г. впервые в истории развивающиеся страны привлекли

больше ПИИ, чем развитые страны (свыше 50 %), а ныне на них уже приходится около 60 % ПИИ мира [UNCTAD. The World Investment Report, 2015].

Глобализация и ее ядро – процесс транснационализации экономики – вкупе с ускоренным инновационным развитием привели к глубоким изменениям в архитектуре всего мирового хозяйства, его сфер и отраслей. Произошла «сервисизация» экономики. В настоящее время доля третичного сектора в мировом ВВП составляет 62,4 % (удельный вес промышленности – 31,1 %, сельского хозяйства – 6,5 %, 2014 г.) [The World Factbook...]. Однако, несмотря на доминирование сферы услуг в создании мирового ВВП и занятости населения, источником прогресса цивилизации и его измерителем выступает совершенствование форм и методов материального, и в первую очередь промышленного, производства. Деиндустриализация, выразившаяся в сокращении занятости в мировой промышленности, не означает «ненужности» этой отрасли для экономики. Развитие промышленности – решающий фактор достижения высокой производительности и эффективности всего экономического механизма [Миرونенко, Слука, Ткаченко, 2011; Родионова, 2010; Слука, 2015].

При этом следует отметить, по крайней мере, два важных аспекта. Во-первых, в большинстве развивающихся стран и, в первую очередь, в Китае, Индии, Бразилии занятость во вторичном (индустриальном) секторе экономики с начала XXI в. растет довольно быстрыми темпами. Так, например, в Китае она уже превысила 30 % экономически активного населения, в Индии и Бразилии – 20 % при численности рабочей силы в Китае около 800 млн чел., в Индии – 500 млн, а в Бразилии – около 110 млн [The World Factbook]. Во-вторых, знаменательно, что многие ведущие страны мира в период после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. свои стратегии уже осуществляют или намерены «пустить» по рельсам реиндустриализации – восстановления роли материального производства. Так, многие американские компании возвращают производство из развивающихся стран на родину, чему способствуют низкие цены на энергоресурсы и наличие квалифицированной рабочей силы. Бренд «Сделано в США» вновь становится реальностью. Согласно прогнозам, возвращение производства в сочетании с ростом экспорта позволит к 2020 г. создать от 600 тыс. до 1 млн рабочих мест в промышленности страны [Кокшаров, 2014]. В Западной Европе процессы реиндустриализации происходят медленнее, но, например, каждое пятое торгово-промышленное предприятие стран Евросоюза планирует покинуть КНР. Реиндустриализация развитых стран – это не только возврат традиционных производств (решоринг); это и формирование новых отраслей промышленности, для которых характерны снижение доли труда в издержках и повышение значимости таких факторов, как оптимизация логистики, близость исследовательской базы и основного потребительского спроса [Толкачев, 2015(b)].

Обрабатывающая промышленность выступает мощным драйвером развития всей мировой экономики. Многие ее инновации и технологии с успехом используются в различных отраслях, усиливая эффект мультипликации. Благодаря широкому внедрению информационных технологий и новых материалов, повышению квалификации ра-

ботников производительность труда в обрабатывающей промышленности растет гораздо быстрее, чем в других секторах хозяйства – добывающей промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг.

Использование методики В.Б. Кондратьева [Кондратьев, 2013], объединившего основные подразделения обрабатывающей промышленности мира согласно факторам, влияющим на размещение производства и конкурентоспособность, в пять глобальных групп, дает возможность хорошо проследить крупные отраслевые сдвиги. На протяжении последних десятилетий устойчиво снижается роль трудо- (текстильная и легкая, мебельная, производство игрушек и пр.) и ресурсоемких (деревообработка, нефтепереработка, целлюлозно-бумажная, металлургия) отраслей, а также блока «региональное производство» (резинотехническая, металлообработка, пищевая, полиграфическая). Остается стабильным вес исторически сложившегося фундамента всей обрабатывающей промышленности – блока «глобальные инновации для местных рынков» (химическая, электротехническая, автомобильная и другие отрасли транспортного машиностроения). При этом стремительно нарастает значимость «глобальных инновационно-технологических отраслей» (компьютерная и офисная, электронная и полупроводниковая, производство медицинского инструмента и оптики). Из наукоемких отраслей невероятно высокими темпами развивалось производство средств связи (радио-, теле- и коммуникационное оборудование), доля которого в отраслевой структуре обрабатывающей промышленности мира только за период 2000–2010 гг. увеличилась с 4,4 до 18,8 %!

Вместе с тем, траектории развития отраслевой структуры промышленного производства в последние два десятилетия территориально сильно разнятся (табл. 2.1). В наиболее развитых странах ее изменения до начала финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. являли собой процесс постепенной перестройки и корректировки экономики за счет внедрения достижений НТП при переходе на постиндустриальную стадию развития и в связи с повышением уровня доходов населения. Приоритетными являлись наукоемкие отрасли и производства. В странах СНГ и во многих других государствах «с переходной экономикой» с начала 1990-х гг. изменения в отраслевой структуре промышленности определила трансформация всего хозяйственного механизма и структурная перестройка, что отражает общие экономические проблемы данного типа стран. Для группы развивающихся государств структурные изменения в индустриальном секторе экономики выражаются в процессе трансформации организации и способов производства вследствие их более глубокого вовлечения в международное разделение труда. В значительной степени на этот процесс влияет размещение производственных мощностей крупнейших ТНК, что особенно рельефно проявилось, например, в изменении структуры промышленности азиатских стран новой индустриализации с их экспортно-ориентированной экономикой. В самых отсталых странах мира в последние десятилетия значительных изменений в отраслевой структуре индустрии не отмечается. Многие из них по-прежнему находятся на начальной стадии процесса индустриализации [Родионова, 2011].

Таблица 2.1

Динамика отраслевой структуры обрабатывающей промышленности
в разных группах стран, 2000–2010 гг. (условно чистая продукция в ценах 2000 г.), %

Отрасль промышленности	Развитые страны		Развивающиеся страны		Страны с переходной экономикой		Мир	
	2000	2010	2000	2010	2000	2010	2000	2010
Пищевая	10,6	7,6	14,2	11,8	17,1	13,5	11,5	8,7
Табачная	0,7	0,4	3,1	2,5	0,6	0,6	1,2	0,8
Текстильная	2,2	1,2	6,2	4,6	3,0	2,2	3,0	2,0
Швейная	2,2	0,9	3,3	2,7	3,0	2,0	2,5	1,3
Кожевенно-обувная	0,6	0,3	1,5	1,3	1,2	0,6	0,8	0,5
Деревообрабатывающая	2,4	1,6	1,6	1,2	2,4	2,4	2,2	1,6
Целлюлозно-бумажная	3,7	2,5	2,3	2,2	2,6	2,8	3,4	2,4
Полиграфическая	5,8	4,3	2,2	1,6	2,3	2,7	5,0	3,6
Переработка нефти и угля, производство ядерного топлива	2,7	2,1	6,7	5,6	5,2	3,1	3,6	2,9
Химическая	10,1	8,7	9,9	10,3	8,1	6,6	10,0	9,0
Производство резиновых и пластмассовых изделий	3,4	2,8	3,7	3,8	2,5	3,7	3,4	3,0
Силикатно-керамическая	3,8	2,7	5,9	4,4	6,8	5,6	4,3	3,1
Металлургическая	6,6	3,8	7,1	7,0	10,8	8,7	6,0	4,7
Металлообрабатывающая	7,3	5,0	4,5	3,8	4,9	6,1	6,6	4,8
Общее машиностроение	8,5	6,3	6,0	5,6	10,9	9,3	8,1	6,2
Производство компьютеров и офисного оборудования	2,8	6,3	1,2	1,4	0,4	1,0	2,5	5,0
Производство средств связи	4,1	21,2	6,1	12,1	2,0	7,2	4,4	18,8
Высокоточное приборостроение, включая медицинское	2,6	2,6	0,9	0,7	1,7	3,3	2,2	2,2
Электротехническая	6,6	7,8	3,2	5,1	3,5	4,7	5,9	7,1
Автомобильная	7,8	7,1	4,2	4,9	3,8	6,8	7,0	6,6
Прочее транспортное машиностроение	2,5	2,1	3,2	5,0	4,0	3,5	2,7	2,8
Мебельная и прочие отрасли и производства	3,9	2,7	3,0	2,4	3,2	3,6	3,7	2,9

Составлено по: [International Yearbook ..., 2012].

«Разнотемповость» и разновекторность развития находят закономерное выражение в трансформации пространственной конфигурации мировой индустрии. При этом на глобальном уровне различия по-прежнему сохраняются по линии «Север – Юг» (развитые – развивающиеся страны). Очень важный индикатор уровня развития промышленности в странах мира – производство добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности (MVA), в том числе в расчете на душу населения. Среднегодовой рост добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности в индустриально развитых странах в период 2010–2014 гг. оставался на уровне 1 %. Рост промышленного производства в мире в основном обеспечивался развивающимися, в том числе новыми индустриальными странами. Здесь MVA вырос в 2014 г. почти на 5 %. Позитивные признаки, наблюдавшиеся в начале 2014 г., были утрачены в течение года и в 2015 г. из-за геополитической напряженности в мире и взаимных экономических санкций. На долю индустриально развитых стран приходилось 64 % мирового промышленного производства, что подчеркивает неравенство между странами в уровне индустриализации. MVA на душу населения в наименее развитых странах была в 2014 г. менее 60 долл. в постоянных ценах 2005 г., по сравнению с 4752 долл. в промышленно развитых странах. [International Yearbook..., 2015]. Анализ данных ЮНИДО свидетельствует, что разрыв между средними душевыми показателями промышленного производства в развитых и развивающихся странах пока не уменьшается [INDSTAT4 – 2015].

Однако роль и значение развивающихся стран, в первую очередь, ведущих – Китая, Бразилии, Индии, Индонезии, Мексики, Республики Корея и др., как в производстве, так и в экспорте промышленной продукции, неуклонно растет [Rodionova, 2014]. Более того, все больше фактов говорят о том, что сокращение разрыва в уровнях индустриального и в целом экономического развития между Центром и мировой Периферией в широком смысле слова становится необходимой предпосылкой для дальнейшего поступательного развития самого Центра, с одной стороны, и основой углубления глобализационных процессов, с другой [Мироненко, Слука, Ткаченко, 2011; Слука, Ткаченко, 2009].

На региональном уровне сдвиги в объемах производства обрабатывающей промышленности гораздо более ощутимы и направлены в целом с Запада на Восток. Сдают свои позиции прежние регионы-лидеры – Северная Америка и Европа. За период 1999–2014 гг. доля первого из них в структуре условно чистой продукции отрасли сократилась с 32 до 22 %, а второго – с 30 до 24 % (в том числе доля ЕС – с 28 до 20 %) [Science..., 2016]. Ныне рейтинг наиболее масштабных «индустриальных» регионов мира возглавляет Азия. Ее удельный вес в структуре обрабатывающей промышленности мира за рассматриваемый период увеличился с 32 до 46,6 % (табл. 2.2). Такой прогресс, безусловно, связан с экономическим феноменом Китая. В 2014 г. страна вышла на первое место в мире по объемам производства обрабатывающей промышленности (25,6 % против 6 % в 1999 г.) и оставила позади всех промышленных гигантов – США (18,3 %), Японию (7,2 %), Германию (6,1 %). На этом фоне остальные регионы пока неконкурентоспособны.

Таблица 2.2

Доля регионов в мировом производстве продукции обрабатывающей промышленности, 1999–2014 гг. (%)

Регионы	Годы						
	1999	2000	2004	2008	2010	2012	2014
Северная Америка	31,9	32,3	28,3	23,1	22,2	21,4	21,6
Центральная и Южная Америка	4,1	4,4	3,8	5,9	6,4	6,7	5,8
Европа	29,7	27,0	31,7	31,3	25,6	23,6	23,7
Африка	1,0	1,0	1,1	1,2	1,3	1,3	1,4
Азия	32,3	34,4	33,8	37,5	43,4	45,8	46,6
Австралия и Океания	1,0	0,9	1,2	1,1	1,1	1,1	1,0
Мир	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано по: [Science..., 2016.].

Неординарность процессов индустриального развития и смена глобального лидерства на уровне ключевых стран-производителей закономерно отражается на расстановке сил в рамках иерархии крупнейших экономических группировок мира. Для понимания эпохальных изменений наших дней достаточно привести следующие данные. Если в 1999 г. на долю стран НАФТА приходилось 31,9 % всего производства продукции обрабатывающей промышленности мира, ЕС – 27,8 % и БРИКС – только 10,1 %, то в 2014 г. соответственно – 21,6 %, 20,1 % и 33,8 %. Иными словами, под влиянием большой совокупности факторов, требующих отдельного рассмотрения, налицо кардинальное изменение пропорций между территориями «старой» и «новой» волны индустриального развития, свершение своего рода революционного перехода в территориальной организации мировой промышленности.

Стремительный рост наукоемкого и высокотехнологичного производства – ключевая тенденция развития и трансформации пространственной структуры обрабатывающей промышленности мира [Ткаченко, 2011]. За последние 15 лет стоимость условно чистой продукции этого сектора увеличилась более чем вдвое – с 862 млрд до 1781 млрд долл. Подобного рода динамика присуща только избранным сегментам глобальной экономики. Однако темпы развития этого сектора сильно различаются по регионам и странам.

С одной стороны, «экстремально-негативный» полюс представляет Япония, где по ряду причин объем производства высокотехнологичной продукции за 2000–2014 гг. сократился в два раза – со 185 млрд до 91 млрд долл. В результате мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. заметно ухудшили свои позиции страны ЕС. Так, в целом по ЕС стоимостные показатели в 2008 г. были на уровне 325,8 млрд долл. (в текущих ценах), в 2009 г. они снизились до 274,9 млрд долл. и даже в 2014 г. (303,0 млрд долл.) не достигли уровня 2007 г. (312,6 млрд долл.)

[Science..., 2016]. Особенно заметно сокращение производства в период кризиса в Германии, Франции, Италии, Финляндии, в меньшей степени – в Великобритании. Одновременно очень существенно увеличились за последние 15 лет объемы выпуска высокотехнологичной продукции в Словакии, Чехии, Румынии, Польше, Болгарии, что тесно связано с переводом производственных мощностей ТНК наиболее развитых стран Европы.

Глобальным центром выступает Северная Америка, где медленно, но стабильно, преимущественно за счет США, объем производства отраслей хай-тека приарстал. За 1999–2014 гг. он увеличился с 349 млрд до 550 млрд долл., а собственно в США – с 320 млрд до 511 млрд долл. [Science..., 2016].

Противоположный «динамично-позитивный» полюс производства высокотехнологичной продукции формируют остальные регионы мира. Однако если двух-трехкратный прирост показателя в Африке, Центральной и Южной Америке, Австралии и Океании следует в определенном смысле рассматривать как эффект «нулевой базы», то в случае Азии ситуация иная. Масштаб и темпы прироста производства высокотехнологичной продукции за 1999–2014 гг. здесь колоссальны – с 281 млрд до 810 млрд долл.! Причем это произошло несмотря на сокращение производства в Японии. Наиболее высокие темпы роста стоимостных объемов производства в текущих ценах за прошедшие 15 лет были типичны для Вьетнама (в 42 раза), Китая (в 16 раз), Индонезии (в 6 раз), Индии (в 4 раза), Сингапура, Тайваня и даже Бангладеш.

Соответственно, закономерны динамичные подвижки в мировом рейтинге производства высокотехнологичной продукции на уровне регионов, экономических группировок и отдельных стран. Позицию лидера заняла Азия, доля которой за последние 15 лет выросла с 32 до 45,5 %, в первую очередь за счет увеличения удельного веса Китая (с 3 до 27 %). На вторую позицию переместилась Северная Америка со снижением доли в мировом выпуске продукции с 40 до 31 %. На третьем месте – Европа, почти сохранившая свои позиции (сокращение с 24 до 20 %) (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Доля регионов в мировом производстве высокотехнологичной продукции, 1999–2014 гг. (%)

Регионы	Годы						
	1999	2000	2004	2008	2010	2012	2014
Северная Америка	40,4	41,2	36,0	33,0	33,8	31,3	30,9
Центральная и Южная Америка	1,6	1,7	1,3	2,0	2,1	2,3	2,1
Европа	24,8	21,5	25,7	26,5	21,7	20,7	20,9
Африка	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Азия	32,6	35,0	36,3	37,8	41,6	44,9	45,5
Австралия и Океания	0,4	0,3	0,4	0,5	0,4	0,5	0,4
Мир	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано по: [Science..., 2016].

На этом фоне закономерно сокращение за анализируемый период доли НАФТА (с 40 до 30 %) и стран ЕС (с 22 до 17 %) при быстром росте суммарного удельного веса стран БРИКС (с 6 до 31 %) (табл. 2.4).

Важно отметить, что страны-гиганты и ведущие экономические группировки постоянно усиливают влияние на мировом рынке высокотехнологических отраслей. Один из явных векторов последнего времени – своего рода «внешний» в рамках глобального сообщества – усиление тенденций монополизации. Суммарный вес трех крупнейших экономических группировок (НАФТА, ЕС и БРИКС) в мировом производстве высокотехнологичной продукции за период 1999–2014 гг. вырос с 2/3 до 4/5. Это хорошо прослеживается и на примере отдельных отраслей производства высокотехнологичных товаров (табл. 2.4), что однозначно свидетельствует о частичной «ограниченности» глобальных рынков и неконкурентоспособности всех прочих участников международного разделения труда в сфере хай-тека.

Таблица 2.4

Доля стран БРИКС и экономических союзов НАФТА И ЕС в мировом производстве высокотехнологичных товаров, 1999–2014 гг. (%)

Группы стран, виды продукции	Годы						
	1999	2000	2004	2008	2010	2012	2014
НАФТА	40,4	41,2	36,0	33,0	33,8	31,3	30,9
ЕС	22,4	19,8	22,9	22,7	18,1	16,8	17,0
БРИКС	5,9	6,1	10,4	17,9	22,0	27,4	31,1
Всего;	68,7	67,1	69,3	73,6	73,9	75,5	79,0
в т.ч. в суммарном производстве:							
- вычислительной техники (компьютеры и офисное оборудование)	67,3	67,0	72,6	80,6	80,2	82,5	86,1
- коммуникационного оборудования (средств связи)	57,1	58,0	57,3	60,9	63,3	65,6	71,5
- полупроводников	37,2	52,5	51,5	56,5	58,6	65,1	68,8
- продукции фармацевтической отрасли	71,8	70,8	74,5	78,8	77,1	77,5	80,4
- высокоточного научного и медицинского оборудования	80,1	80,5	82,9	83,0	82,6	80,8	83,1
- продукции аэрокосмической отрасли	93,6	93,4	91,7	90,9	90,7	90,0	92,6

Рассчитано по: [Science..., 2016].

Второе важное направление трансформаций в течение последнего времени – переформатирование группы лидеров. Анализ показывает однозначно выигрышную динамику по многим пионерным областям и направлениям в пользу «молодых» и «агрессивных» «игроков» (табл. 2.5).

Таблица 2.5

Динамика доли стран БРИКС и экономических союзов в мировом производстве отдельных видов высокотехнологичной продукции, 1999–2014 гг. (%)

Группы стран, виды продукции	Годы						
	1999	2000	2004	2008	2010	2012	2014
Производство вычислительной техники (компьютеры и офисное оборудование)							
НАФТА	46,3	47,7	38,2	35,2	28,5	23,0	23,8
ЕС	18,4	15,0	18,8	15,4	12,5	11,8	12,4
БРИКС	2,6	4,3	15,6	30,0	39,2	47,7	49,9
Производство коммуникационного оборудования (средств связи)							
НАФТА	33,6	36,0	25,1	21,1	21,5	18,4	18,0
ЕС	14,3	12,3	13,1	12,2	8,3	7,2	6,7
БРИКС	9,2	9,7	19,1	27,6	33,5	40,0	46,8
Производство полупроводников							
НАФТА	32,1	32,6	27,5	24,0	26,0	25,5	24,8
ЕС	17,2	14,3	15,3	14,1	9,4	8,0	7,8
БРИКС	5,1	5,6	8,7	18,4	23,2	31,6	36,2
Производство продукции фармацевтической отрасли							
НАФТА	34,2	35,2	33,8	28,1	28,4	24,7	23,8
ЕС	29,7	27,5	31,3	33,0	26,8	23,5	23,2
БРИКС	7,9	8,1	9,4	17,7	21,9	29,3	33,4
Производство высокоточного научного и медицинского оборудования							
НАФТА	46,2	49,0	46,0	42,6	46,8	44,1	43,9
ЕС	31,1	28,4	31,2	29,6	22,5	22,6	23,1
БРИКС	2,8	3,1	5,7	10,8	13,3	14,1	16,1
Производство продукции аэрокосмической отрасли							
НАФТА	62,7	64,0	59,7	57,5	57,7	55,3	56,1
ЕС	23,6	25,7	26,2	25,5	23,2	23,2	23,2
БРИКС	7,3	3,7	5,8	7,9	9,8	11,5	13,3

Рассчитано по: [Science..., 2016].

За последние 15 лет кардинально изменились пропорции между ключевыми странами в пользу БРИКС в мировом производстве вычислительной техники (компьютеры и офисное оборудование), коммуникационного оборудования (средств связи) [Самбунова, Ткаченко, 2014], полупроводников и продукции фармацевтической отрасли. Существенны сдвиги в мировом производстве высокоточного научного и медицинского оборудования. Здесь роль стран НАФТА (44 %) и, в первую очередь, США (42 %), как и стран ЕС, по-прежнему очень высока – 23 %, хотя доля БРИКС выросла с 3 до 16 %. Лидерами здесь ныне являются США, Китай, Германия, Швейцария, Япония, Италия, Великобритания, Республика Корея, Франция и Россия. Сравнительно скромны изменения в мировом производстве продукции аэрокосмической отрасли. Ныне суммарно на долю НАФТА (56%) и ЕС (23 %) приходится почти 80 % общемирового показателя (в начале 2000-х гг. – практически 90 %), а стран БРИКС – лишь 13 %. Тем не менее, страны БРИКС входят в топ-15 стран-лидеров по индексу конкурентоспособности в аэрокосмической промышленности, рассчитываемому консалтинговой компанией Futron [Futron Releases 2014].

Выводы. Таким образом, глобализация и инновационное развитие привели к глубоким изменениям в отраслевой и территориальной структурах мировой промышленности. В последние годы фиксируется рост доли развивающихся стран в мировом производстве, потреблении и обмене промышленной продукции. При этом если во многих развивающихся странах процесс индустриализации только начинается, то в некоторых из них (Китай, азиатские НИС и др.) индустриализация происходит настолько быстрыми темпами, что эти процессы приводят к пространственной перегруппировке сил не только на региональном, но и на глобальном уровне. Четко прослеживается азиатский вектор в мировом индустриальном развитии, кардинальная смена в раскладке сил между странами-гигантами и крупнейшими экономическими группировками, в том числе в производстве продукции высокотехнологичных отраслей.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СДВИГИ НА ВАЖНЕЙШИХ ТОВАРНЫХ РЫНКАХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

А.В. ХОХЛОВ

Первые 15 лет нынешнего столетия ознаменовались беспрецедентными по интенсивности изменениями в географии производства и торговли различными товарами. Они были обусловлены, в первую очередь, колоссальным экономическим ростом Китая, превратившегося в крупнейшую мировую экономику¹, и других развивающихся государств. Важную роль в этом сыграли глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., технологические изменения («сланцевая революция», альтернативная энергетика) и другие факторы. Ниже представлен анализ основных изменений на некоторых ключевых товарных рынках, выполненный на основе многолетней регулярной исследовательской деятельности автора в области отраслевой географии, внешней торговли и товарных рынков с опорой на широкий круг отраслевых и внешнеторговых источников и активным использованием собственных корректировок, расчетов и оценок.

Рынок нефти. В нефтяной промышленности 2000-е гг. ознаменовались бурным ростом нефтедобычи в СНГ: за десятилетие она увеличилась почти на 70 %, а доля региона в мире выросла в 1,5 раза, с 11 до 17 %; в 2008 г. был превышен установленный за 20 лет до того максимум добычи нефти в СССР. Россия с конца 2000-х гг. прочно занимает первое место в мире по добыче нефти². Более чем вдвое за 2001–2013 гг. сократилась нефтедобыча в Европе, региональный лидер – Норвегия опустилась с 8-го места в мире на 15-е, второй ключевой производитель – Великобритания, ранее замыкавшая первую десятку стран, теперь не попадает даже в число 20 ведущих. В 2012–2015 гг. произошло резкое увеличение добычи нефти в США (на 65 %), которая приблизилась к пиковым значениям начала 1970-х гг. Этот рост был обеспечен «сланцевой нефтью», т.е. нефтью, добываемой из небольших коллекторов в слоистых породах. При этом в 2015 г. с резким падением мировых цен на нефть этот сектор столкнулся с серьезными трудностями. Одновременно всеми экспертами, в том числе и министерством энергетики США, отмечается, что «сланцевый бум» будет непродолжительным, и уже в следующем десятилетии поступления нефти из этого источника будут значительно меньше нынешнего уровня.

Мировая торговля нефтью значительно увеличилась в первой половине 2000-х гг., но в дальнейшем вступила в период длительной стагнации. С 2005 г. она колеблется в пределах 2,15–2,25 млрд т в год, чаще показывая от-

¹ По величине ВВП по паритету покупательной способности КНР с 2014 г. занимает 1-е место в мире.

² По методологии ОПЕК, Россия первенствует с 2006 г. По альтернативной методологии, продвигаемой западными нефтяными ТНК и учитывающей также производство жидких углеводородов на газоперерабатывающих заводах (что не имеет отношения к нефтедобыче), Россия в 2014 г. еще уступала Саудовской Аравии, а в 2015 г., по оценке, наблюдалось примерное равенство показателей США, Саудовской Аравии и России.

рицательную динамику. Главными причинами этого стало падение спроса в развитых странах, прежде всего в США (рост собственной добычи, конкуренция с углеводородами из природного газа) и Европе (конкуренция с привозными нефтепродуктами, развитие рынка биотоплива, экономические трудности). В 2014 г. импорт США был на 153 млн т ниже уровня 2005 г. (-28 %), ЕС – на 94 млн т (-16 %), Японии – на 42 млн т (-20 %). От масштабного падения рынок удержали Китай, нарастивший импорт на 182 млн т (в 2,4 раза), и Индия, увеличившая закупки на 93 млн т (в 2 раза). В последние годы из развивающихся государств – заметных покупателей нефти – устойчивый рост импорта показывает только Китай, который по величине ввоза приближается к США (в 2015 г. разница составила 44 млн т, или 13 %), но пока ни разу не опережал их даже в месячной динамике.

Падение спроса усилило конкуренцию между поставщиками за рынки сбыта, вызвав расширение географии их экспорта и выход на новые рынки. Россия, сохраняя обретенный в начале 2000-х гг. статус крупнейшего поставщика в ЕС, осуществляет последовательную экспансию в АТР, став пятым по величине экспортером на этот рынок и уступая только традиционно лидирующим здесь странам Персидского залива (в Китае с 2015 г. – вторым после Саудовской Аравии). У Венесуэлы поставки в АТР сравнялись с отгрузками в США, ранее занимавшими до 70 % экспорта, а теперь сократившимися вдвое. Страны Западной Африки были вынуждены десятикратно по сравнению с серединой 2000-х гг. сократить поставки в Северную Америку, т.к. упал спрос на их легкую нефть (такой же по качеству является «сланцевая»), и переориентироваться на другие рынки (Европа, Восточная Азия, Индия), что удалось не в полной мере. Существенное воздействие на рынок оказала и геополитика: Иран вдвое сократил экспорт из-за международных санкций, Ливия – четверо из-за гражданской войны, Канада за последние 10 лет удвоила свой экспорт и превратилась в третьего нефтеэкспортера в мире, почти всю нефть направляя в США.

Рынок нефтепродуктов. Мировая торговля нефтепродуктами¹ в XXI в. развивается опережающими темпами по сравнению с нефтью: в 2000 г. она составляла только 35 % торговли нефтью, в 2014 г. – уже 55 %. Одним из важных стимулов роста торговли нефтепродуктами стало значительное подорожание энергоносителей. В таких условиях для многих стран становится более выгодным осуществлять не первичную перегонку нефти, а менее энергозатратную вторичную переработку привозных нефтепродуктов, либо замещать часть собственного производства импортом. Так, страны ЕС за 2006–2014 гг. сократили импорт нефти на 94 млн т, а закупки нефтепродуктов увеличили на 30 млн т.

В новых рыночных условиях страны с развитой нефтепереработкой, обладающие технологическим преимуществом, оказались более конкурентоспособными по сравнению с развивающимися государствами, обеспеченными сырьем. Показателен пример США, которые, оставаясь крупнейшим

¹ Без учета битумов, восков, нефтяного кокса и схожих твердых и вязких продуктов переработки нефти.

в мире нефтеимпортером, за 2006–2015 гг. расширили экспорт нефтепродуктов на 100 млн т (в 3,8 раза) и занимают с 2011 г. второе место в мире, уступая только России, а с 2012 г. являются нетто-экспортером нефтепродуктов. Одновременно Саудовская Аравия нарастила импорт нефтепродуктов с 1 млн. т до примерно 15 млн, Бразилия – с 6 млн до 15–18 млн, Индонезия – с 20 млн до почти 30 млн, Колумбия – с 1 млн до 8 млн и т.д. Не последнюю роль в этом играют топливные стандарты, внедряемые на развивающиеся рынки с продукцией западных автопроизводителей.

Рынок природного газа. В газовой промышленности начало XXI в. ознаменовалось значительным ростом. В первое десятилетие добыча ежегодно возрастала в среднем на 80 млрд м³, после 2011 г. прирост снизился примерно до 50 млрд м³ в год. Общий рост газодобычи за 2001–2014 гг. составил около 1,1 трлн м³, или примерно 43 %. Главной точкой роста стал Ближний Восток, доля которого в мировой газодобыче за этот период выросла вдвое – с 8,5 до 17 %. Феноменальный рост показал Катар, поднявшийся из третьего десятка в списке ведущих производителей газа на третье место, сильно выросла добыча в Иране и Саудовской Аравии. Опережающими темпами росла добыча и в АТР, доля которого увеличилась с 11 до 15 %. Локомотивом здесь выступил Китай, поднявшийся с 19-го места в мире на 6-е. Значительный рост газодобычи с конца 2000-х гг. показывает Северная Америка, вернувшая себе первенство среди регионов, причем в последние несколько лет темпы роста превышают среднемировые. Причиной тому стало активное освоение ресурсов «сланцевого газа» в США, на который в 2014 г. пришлось уже 44 % добычи в стране¹. В СНГ добыча газа, стабильно увеличившаяся в 2001–2008 гг., в текущем десятилетии находится в стагнации из-за проблем со сбытом на внутреннем и внешних рынках. Единственным регионом со снизившейся добычей стала Европа: в 2014 г. по сравнению с пиком 2004 г. она уменьшилась более чем на 20 %.

Торговля природным газом потеряла устойчивую положительную динамику, которую она демонстрировала до 2008 г.; в 2012 г. и особенно 2014 г. на рынке фиксировалось снижение, причем, в 2012 г. впервые за всю историю было отмечено сжатие рынка сжиженного природного газа (СПГ). В сегменте трубопроводной торговли главным событием стал пуск первых газопроводов из Средней Азии в Китай (2010 г.), что привело к формированию нового крупного товаропотока. В следующем десятилетии должен вступить в строй газопровод из России в Китай, что означает собой образование гигантской евразийской газотранспортной системы. Кроме того, появились новые крупные морские газопроводы из России в Турцию («Голубой поток») и Западную Европу («Северный поток»). Из прочих, являющихся в определенной степени межрегиональными, следует отметить газопроводы из Ливии в Италию, из Азербайджана в Турцию, из Мьянмы в Китай.

¹ Несмотря на то, что США в значительных масштабах получают «сланцевый газ» с середины 2000-х гг., достижения других стран в освоении таких ресурсов очень скромны. Главными причинами этого являются слабое развитие инфраструктуры, технологический и кадровый дефицит.

Расстановка сил в торговле природным газом по трубопроводам остается сравнительно стабильной. Важными изменениями стали:

- более чем двукратное увеличение за 2001–2015 гг. экспорта газа Норвегией (с 50 до 110 млрд м³) и выход ее на второе место в мире;
- значительное падение поставок из Канады в США (за 2008–2015 гг. – на 35 млрд м³) на фоне роста американского экспорта в Канаду и Мексику (за 2001–2015 гг. – на 45 млрд м³);
- превращение Великобритании из экспортера в одного из ведущих импортеров газа;
- трехкратное снижение импорта Украины за 2009–2015 гг. и ее перемещение с 4-го по этому показателю на 14-е место в мире;
- переориентация экспорта Туркмении с СНГ на Китай.

Более динамично в XXI в. развивается торговля СПГ: за первые 14 лет нового века она сильно выросла по объему и географии. В 2000 г. в мире насчитывалось 12 стран-экспортеров СПГ и 10 стран-импортеров, к 2016 г. число экспортеров выросло до 19, а импортеров – до 30. Объем торговли СПГ за 2001–2014 гг. вырос в 2,4 раза. Долгое время главными локомотивами расширения этого рынка были страны – крупные импортеры (Япония, Республика Корея, Испания и др.) или собирающиеся стать таковыми (Индия, Китай, Великобритания и др.), однако в последние несколько лет торговлю поддерживают, прежде всего, небольшие новые игроки, выходящие на рынок с целью диверсификации импорта топлива, такие как страны Латинской Америки или Юго-Восточной Азии.

Развитие рынка СПГ в рассматриваемый период во многом было связано с Катаром, где активно осваивается крупнейшее в мире газовое месторождение Северное (месторождение трансграничное, в Иране имеет название Южный Парс). Катар обеспечил свыше 45 % прироста поставок СПГ на мировой рынок и стал первым по-настоящему глобальным игроком на нем, осуществляя конкурентоспособные поставки во все регионы. С 2006 г. Катар лидирует в мировом экспорте СПГ, его доля превысила 30 %. По общим поставкам газа он с 2011 г. уступает только России. Другими глобальными поставщиками СПГ вынужденно (из-за падения спроса на базовых рынках) стали Нигерия и Тринидад и Тобаго, в 2000-е гг. значительно увеличившие экспорт. Планомерно наращивает экспорт Австралия, в 2015 г. вышедшая по экспорту СПГ на второе место в мире. Из новых экспортеров наиболее заметна на мировом рынке Россия с долей 4,5 %.

Рынок угля. Наиболее динамичной топливной отраслью в начале XXI в. была угольная: за 2001–2014 гг. добыча угля в мире выросла более чем на 70 %. Этому способствовал, в первую очередь, рост традиционных «угольных экономик», таких как Китай и Индия, а также сильное увеличение разрыва в стоимости между углем и углеводородами, что значительно повысило привлекательность его использования в электроэнергетике даже для стран с жесткими экологическими ограничениями. Более 70 % глобального прироста добычи угля обеспечил Китай, сильно увеличили добычу Индонезия, Индия, Австралия и Россия. АТР окончательно стал главным регионом мировой угледобычи: его доля, единственного из

всех регионов, за рассматриваемый период выросла с 47 до 69 %. В Северной Америке слабый рост добычи с конца 2000-х гг. сменился снижением из-за конкуренции с дешевым газом и альтернативной энергетикой; доля региона снизилась с 22 % в 2000 г. до 12 % в 2014 г. Продолжается сокращение добычи в Европе, начавшееся еще в 1990-е гг. Удельный вес региона снизился более чем вдвое.

Мировая торговля углем развивалась очень динамично: к 2013 г., испытав снижение лишь в 2002 г., она выросла более чем вдвое – до 1,4 млрд т, однако с 2014 г. рынок вступил в период стагнации. Географическая структура рынка претерпела кардинальные изменения, меняясь весьма быстро и неравномерно. Резко увеличила экспорт Индонезия, в 2011–2014 гг. значительно опережавшая традиционного лидера – Австралию, чей экспорт тоже сильно вырос; поставки дешевого, но не очень качественного угля открыли Индонезии дорогу на близко расположенные рынки развивающихся стран АТР. Россия в середине 2000-х гг. по экспорту угля вышла на третье место в мире; к 2014 г. ее поставки выросли в 3,5 раза. К традиционному европейскому направлению вывоза добавилось азиатское, ставшее в последние годы равнозначным. Значительно увеличила поставки Колумбия, заметными экспортёрами стали Монголия и КНДР; Польша, напротив, перестала вывозить уголь. Китай, бывший в первой половине 2000-х гг. экспортёром глобального уровня (2-е место в 2001–2003 гг.), сначала превратился в регионального поставщика, а в 2010-е гг. перестал играть сколько-нибудь заметную роль в экспорте. ЮАР, встречавшая век в статусе второго по величине экспортёра, в 2010-е гг. не всегда попадает в первую пятерку; она не смогла нарастить поставки, проиграв конкуренцию сначала на европейском, а затем на восточноазиатском рынке более близким поставщикам, в итоге добившись успеха лишь в Индии.

В импорте угля основной рост сначала приходился на Европу и развитые страны АТР (прежде всего Японию), а также Северную Америку. С конца 2000-х гг. стал бурно расти импорт Китая и Индии, в меньшей степени Республики Кореи и стран Юго-Восточной Азии. Одновременно у Европы он несколько снизился и стабилизировался, а у Северной Америки значительно сократился. Китай увеличил импорт в 2009–2013 гг. на колоссальные 283 млн т: в 2009 г. он поднялся по объемам импорта с 5-го на 2-е место в мире, в 2010 г. сравнялся с лидировавшей более полувека Японией, а в 2011 г. оставил ее далеко позади. Однако в 2014 г. тренд развернулся в обратную сторону, и Китай стал стремительно сокращать закупки (к 2016 г. – на 122 млн т), в результате чего с ним по величине импорта сравнялась Индия (ее рост за 2001–2015 гг. составил 180 млн т). На европейском рынке традиционно лидировавшая ЮАР во второй половине 2000-х гг. была потеснена сначала Россией (с 2006 г. – главный поставщик угля в ЕС), а потом США и Колумбией; также потеряли свои позиции удаленные Австралия и Индонезия, в 2014–2015 гг. главным проигравшим в этой конкуренции стали США.

Рынок железной руды. Железорудная промышленность мира с 2004 г. развивается под знаком острого дефицита сырья в Китае, чей импорт в 2004–

2014 гг. возрастал в среднем на 71 млн т в год, что сопоставимо с текущим уровнем закупок третьего мирового импортера – Республики Кореи. С 2003 г. Китай – мировой лидер по импорту железной руды, с 2009 г. его импорт превосходит суммарные закупки всех остальных стран мира: его доля в мировом импорте выросла с менее чем 15 % в 2000 г. до примерно 50 % в 2008 г. и 65 % в 2015 г. Китайский дефицит привел к резкому росту цен и стимулировал железорудные проекты во всех регионах мира, так как поставки в Китай стали конкурентоспособными отовсюду: в 2003 г. их осуществляли 20 стран, в 2008 г. – 37, в начале 2010-х гг. – 50–60, т.е. практически все заметные экспортеры. В середине 2010-х гг. новые добывающие мощности, ориентированные на китайский рынок, стали вступать в строй опережающими темпами, что привело к резкому обострению конкуренции, падению цен и снижению или даже остановке добычи на многих проектах¹.

Лидером рынка железной руды в конце 2000-х гг. стала Австралия, ранее долго соперничавшая с Бразилией: в 2007 г. каждая из этих стран обеспечивала свыше 30 % мирового экспорта, в 2015 г. доля Австралии составила более 50 %, а Бразилии – 25 %. В 2010-е гг. практически ушла с рынка Индия, установившая жесткие ограничения на экспорт: еще в 2010 г. она контролировала 10 % мировых поставок, а в 2014 г. – лишь 0,5 %; в 2015 г. страна стала нетто-импортером железной руды. Значительно увеличили экспорт ЮАР, вышедшая на 3-е место в мире, и Украина, поднявшаяся на 4-е место.

Указанные изменения отразились и в географии добычи железной руды в мире. В 2000-е гг. она опережающими темпами росла в АТР, доля которого увеличилась с 40 до 60 %, в первой половине 2010-х гг. региональная структура стабилизировалась. В 2000-е гг. положительную динамику в АТР демонстрировали все главные производители, в 2010-е гг. рост показывает только Австралия, тогда как в Индии и Китае добыча стала сокращаться. Номинально китайская статистика показывает стабильный рост добычи, однако эти показатели относятся к руде с гораздо более низким (минимум вдвое) содержанием железа, чем у остальных крупных производителей, причем в последние годы качество китайской руды заметно ухудшилось. Корректировка китайских данных с понижающими коэффициентами позволяет получить оценку товарной добычи в 2014 г. в 450 млн т против 1514 млн т по оригинальным данным. С учетом поправки на качество, Китай в 2006 г. вышел на первое место в мире по добыче, опередив Бразилию, а в 2013 г. однозначно уступил лидерство Австралии.

Рынок стали. В производстве стали в первой половине 2000-х гг. отмечался рост во всех регионах, кроме Европы (стагнация) и Северной Америки (снижение). Со второй половины 2000-х гг. оно имеет устойчивую тенденцию к росту только в АТР и на Ближнем Востоке, тогда как в остальных регионах наблюдается или стагнация, или снижение. Объем мирового производства за 2001–2014 гг. почти удвоился, при этом 85 % прироста обе-

¹ Так, добыча в Сьерра-Леоне, полностью ориентированная на Китай, началась в конце 2011 г., в 2014 г. достигла уровня 20 млн т в год, а в середине 2015 г. была остановлена.

спечил Китай, с 2013 г. производящий примерно столько же стали, сколько все остальные страны вместе взятые. В результате, если в 2000 г. на АТР приходилось 40 % мировой выплавки стали, то в 2014 г. – около 70 %. Значительно выросло производство на Ближнем Востоке, с конца 2000-х гг. опережающем Латинскую Америку. В числе стран, добившихся значительного роста выплавки стали по сравнению с докризисным уровнем, помимо Китая, следует назвать Индию, Республику Корею, Турцию, Иран, Вьетнам, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Катар, о. Тайвань. Одновременно сильно снизили производство Украина, США, Япония, Италия, Германия, Франция, Испания, Бельгия, Канада, Венесуэла.

Мировая торговля стальной продукцией показывала хорошую динамику до 2007 г., затем последовал глубокий кризисный провал 2009 г. и долгое восстановление, а в 2014 г. был достигнут новый максимум торговли. Ключевым событием для рынка стало превращение Китая из нетто-импортера стали в крупнейшего нетто-экспортера, произошедшее в середине 2000-х гг., когда рост китайского экспорта принял взрывной характер. Китайская сталь проникла на все региональные рынки, однако в условиях общего роста спроса, наблюдавшегося в докризисный период, это оказало не очень болезненное воздействие на рынок. Повторение ситуации в 2014–2015 гг., когда, столкнувшись с прекращением роста внутреннего спроса, китайские сталепроизводители активизировали экспорт, в условиях стагнации мирового спроса привело к резкому обострению конкуренции на рынках сбыта, обрушению цен, снижению производства в ряде стран. Помимо Китая, за последние 10 лет значительно нарастили экспорт стали Республика Корея, Япония, Индия, Турция. Одновременно существенно ухудшились позиции Украины, Бразилии, России, ЮАР, Казахстана – поставщиков, чьим главным конкурентным преимуществом была низкая себестоимость выплавки стали благодаря обеспеченности сырьем. Еще одним важным для рынка изменением стало превращение Европы из крупного нетто-импортера в нетто-экспортера стали вследствие сильного уменьшения спроса.

Рынок алюминия. В алюминиевой промышленности большинство серьезных географических сдвигов сопряжены с Китаем. Бурное развитие отрасли в этой стране обнажило проблему нехватки сырья, вследствие чего Китай сначала стал наращивать импорт глинозема, а со второй половины 2000-х гг. – бокситов. Спрос Китая на импортные бокситы вырос с 2 млн т в 2005 г. до 70 млн т в 2013 г. Главную роль в его покрытии сыграла Индонезия, благодаря этому вошедшая в пятерку ведущих производителей и ставшая лидером по экспорту. С 2014 г. Индонезия запретила вывоз руд, в том числе бокситов, и в 2015 г. главным их поставщиком в Китай стала Малайзия, за один год вышедшая на четвертое место в мире по добыче и первое по экспорту. Власти Малайзии уже задумываются о введении ограничений на экспорт.

В производстве первичного алюминия Китай захватил лидерство в 2002 г., в 2008 г. его доля достигла 1/3, с 2014 г. он обеспечивает более половины мирового выпуска. Другим центром роста производства стали

страны Персидского залива – темпы здесь были даже выше китайских, в результате чего доля региона в мире по сравнению с 2000 г. удвоилась. ОАЭ и Бахрейн, бывшие крупными производителями уже в начале 2000-х гг., нарастили производство в 4,5 и 2 раза соответственно, с нуля было создано крупное производство в Саудовской Аравии, Катаре и Омане. Во всех этих странах отрасль базируется на привозном глиноземе (главным образом из Австралии) и ориентирована в основном на экспорт. Дешевые энергоресурсы, современное оборудование и продуманная логистика (заводы строятся на побережье) в купе с благоприятным географическим положением делают их высококонкурентоспособными поставщиками алюминия. Кроме этих стран, стабильно растет производство алюминия в Индии, крупным продуцентом в начале 2000-х гг. стал Мозамбик, а в конце десятилетия – Исландия. Одновременно сильно снизилась выплавка в США и Венесуэле, в последние годы также в Бразилии и России. Во многих европейских странах производство уменьшается (Великобритания, Испания) или даже прекращается (Италия, Нидерланды).

Рынок удобрений. На мировом рынке удобрений со второй половины 2000-х гг. происходит экспансия Китая в сфере поставок. Еще в середине 2000-х гг. он занял первое место в небольшом сегменте фосфорных удобрений, в 2014 г. стал однозначным лидером в экспорте азотных удобрений, а в 2015 г. – смешанных; по общему экспорту удобрений Китай в 2015 г. опередил долго лидировавшую Россию. Государственное регулирование цен и большие мощности, позволяющие, в частности, резко увеличивать отгрузки в периоды пикового спроса на крупнейшем и сравнительно близком индийском рынке, – важные конкурентные преимущества Китая. На рынке азотных удобрений стабильно расширяют присутствие развивающиеся государства с богатыми ресурсами природного газа, прежде всего страны Персидского залива, хотя не всем из них удастся занять устойчивые позиции (так, Египет к 2010 г. вошел в пятерку ведущих экспортеров, а к 2015 г. выпал из первой двадцатки). На рынке калийных удобрений в конце 2000-х гг. появился новый крупный поставщик – Чили. На рынке смешанных удобрений дважды поменялся лидер: в 2010 г. Россия опередила сокративших поставки США, а в 2015 г. ее опередил резко увеличивший экспорт Китай. Новым экспортером в 2010-е гг. стала Саудовская Аравия, сразу вошедшая в группу ведущих поставщиков с долей 5 %.

Рынок пластмасс. На рынке пластмасс наибольшего прогресса добились страны Персидского залива, создавшие крупные нефтехимические производства. Саудовская Аравия к 2014 г. нарастила экспорт пластмасс на 11,5 млн т по сравнению с 2000 г. и вышла на второе место в мире, уступая только США. Катар показал прирост свыше 3 млн т, Иран – примерно 2,5 млн т, ОАЭ – около 2 млн т (для сравнения: экспорт России равен 1 млн т). Высокую динамику экспорта показали Республика Корея, Сингапур, Таиланд, а также Китай, который тем не менее остается крупнейшим в мире импортером пластмасс (в 2014 г. 25 млн т), несмотря на колоссальный рост производства (в 2014 г. – до 71 млн т). Со стороны спроса рынок в наибольшей степени стимулируют развивающиеся страны, помимо Китая, это, в

первую очередь, Турция, Индия, Вьетнам, Индонезия, ставшие в XXI в. крупными импортерами.

Рынок зерна. Мировая торговля зерном с середины 2000-х гг. показывает стабильный рост, хотя его величина от года к году испытывает существенные колебания под воздействием погодного и конъюнктурного факторов. По двум главным торгуемым злакам – пшенице и кукурузе – мировая торговля за 2006–2014 гг. выросла в 1,5 раза (на 53 и 48 млн т соответственно), при этом по пшенице доля экспорта в производстве в целом по миру увеличилась примерно с 20 до 25 %, а по кукурузе осталась прежней – примерно 13 %. Расширение предложения зерна на рынке было обеспечено в первую очередь новыми экспортерами – странами СНГ, Латинской Америки (кроме Аргентины) и Центрально-Восточной Европы. Так, у Украины средний экспорт в 2013–2014 гг. превышал показатель 2000 г. на 29 млн т, у Бразилии – на 25 млн т, у России – на 23 млн т, у Румынии – на 9 млн т, у Болгарии и Польши – на 5 млн т. К середине 2010-х гг. Украина закрепилась в группе ведущих экспортеров кукурузы и ячменя и стала крупным поставщиком пшеницы, Россия вошла в число лидеров по экспорту пшеницы и стала крупным экспортером ячменя, Бразилия заняла второе место в мире по экспорту кукурузы.

Основная часть прироста спроса на зерно на мировом рынке пришлась на развивающиеся государства, прежде всего в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке. Китай из нетто-экспортера зерна в первой половине 2000-х гг. (за счет кукурузы) к 2010 г. превратился в нетто-импортера, с 2012 г. входит в число ведущих покупателей, а в 2015 г. вышел на первое место в мире, опередив Японию. В 2015 г. его импорт составил около 33 млн т, в 1,6 раза превзойдя исторический максимум 1995 г. Основой китайского импорта стало кормовое зерно, прежде всего ячмень и сорго, по которым страна стала мировым лидером, а также кукуруза. Меньшее значение имеют рис и пшеница. По импорту риса с 2013 г. Китай занимает первое место в мире. Среди других стран, увеличивших закупки зерна по сравнению с серединой 2000-х гг., выделяются Египет (с 2008 г. неизменно в тройке лидеров), Иран, Саудовская Аравия, Индонезия, Вьетнам, Германия, Алжир, Венесуэла.

Рынок круглого леса. Ситуация на мировом рынке круглого леса в начале XXI в. кардинально менялась. Достигнув в 2007 г. максимума (140 млн м³), мировая торговля за следующие два кризисных года резко сократилась, после чего стала восстанавливаться, в 2014 г. приблизившись к прежнему уровню. При этом если в середине 2000-х гг. главным регионом торговли однозначно была Европа, то теперь первенство принадлежит АТР. Резко усилились позиции Китая как покупателя древесины: на него теперь приходится 35–40 % мирового импорта против 25 % до кризиса и 12 % в 2000 г. Финляндия из второго мирового импортера в середине 2000-х гг. превратилась в не самого крупного европейского покупателя, а Япония, в 2000 г. бывшая мировым лидером, в 2010-е гг. не входит даже в первую шестерку стран. Не менее значительными были изменения в географии поставок. Россия, объявив курс на ограничение вывоза необ-

работанной древесины, за 2007–2010 гг. снизила экспорт почти в 2,5 раза, а впоследствии, несмотря на рост спроса на мировом рынке, не смогла его нарастить. В результате если в 2006 г. доля России в мировом экспорте приближалась к 40 %, то в 2010 г. она составила 20 %, а в 2014 г. – только 15 %. Освободившееся место на рынке заняли самые разные страны: Новая Зеландия, США, Канада, Норвегия, Папуа–Новая Гвинея, Австралия, Соломоновы Острова, Украина, Белоруссия и др. Наибольшего прогресса добилась Новая Зеландия за счет плантационного лесного хозяйства, которая стала вторым мировым экспортером круглого леса и уступает России лишь 15–25 %, причем на китайском рынке она с 2013 г. опережает Россию.

Выводы. Подводя итоги, необходимо отметить значительное изменение позиций стран и регионов в мировом производстве и торговле различными товарами за первые 15 лет нынешнего столетия. Существенно снизилась роль старых экономических центров – Европы и Северной Америки, тогда как АТР по многим параметрам занял лидирующее положение. Быстрый экономический рост, в т.ч. благодаря стимулированию экспорта, в большинстве стран АТР обусловил усиление дефицита многих видов сырья и материалов и активизацию межстрановых и межрегиональных товаропотоков. Наиболее ярко в этом процессе выступил Китай, действия которого могут полностью изменить ситуацию на рынке в течение нескольких лет. Другие развивающиеся регионы, такие как Ближний Восток, Латинская Америка, СНГ, добились усиления позиций лишь в некоторых отраслях своей специализации.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СДВИГИ В МИРОВОЙ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Д.В. ЗАЯЦ

Расцвет цветной металлургии совпал с промышленным переворотом конца XIX – первой половины XX вв. Потребителями продукции цветной металлургии выступают такие высокотехнологичные отрасли современной экономики, как авиаракетнокосмическая, автомобильная, судостроительная, электротехническая и электронная, медицинское машиностроение и др. Так как в большинстве отраслей цветной металлургии наблюдается значительный пространственный разрыв между районами производства и потребления продукции, эта промышленность служит одним из стержней усиления международного экономического сотрудничества, способствует глобализации межгосударственных экономических связей, созданию отраслевых и межотраслевых финансово-производственных групп и компаний. Производства отрасли вносят существенный вклад в формирование цепочек добавленной стоимости, их роль весьма заметна в оценке стоимости конечной продукции.

Цветная металлургия служит отраслью специализации для нескольких десятков стран мира (табл. 2.6). Крупные по площади страны мира, обладающие разнообразным геологическим строением и комплексным минерально-сырьевым потенциалом, служат базами развития сразу нескольких отраслей цветной металлургии. Таковы Россия, Китай, Канада, США, Австралия, Бразилия, Индия, Индонезия.

Несмотря на расширение использования вторичного сырья, добыча руд возрастает из года в год. Так, добыча руд меди за 2001–2013 гг. увеличилась во всем мире на 33 %, олова – на 41 %, цинка – на 48 %, свинца – на 81 %, никеля – на 99 %, кобальта – на 184 %, бокситов – на 111 % и продолжает расти [World Mineral Production, 2001–2005 гг., 2009–2013 гг.].

Размещение предприятий цветной металлургии зависит от многих экономических и природных условий, но в наибольшей степени определяется сырьевым фактором. Вследствие значительной материалоемкости цветная металлургия ориентируется главным образом на сырьевые базы, в качестве которых выступают месторождения полезных ископаемых или же источники вторичного сырья. Только в размещении алюминиевой отрасли из-за большой энергоемкости металлургического передела определяющим выступает энергетический фактор.

Медная промышленность. Медь по объемам потребления – второй цветной металл после алюминия. Более 70 % ее потребления связано с электротехникой, 15 % идет на элементы строительных конструкций, 5 % – детали машин и механизмов, 4 % – транспортные конструкции и 4 % – на другие виды изделий, включая оружейное производство.

Таблица 2.6

Страны мира с наибольшей долей продукции цветной металлургии в экспорте, 2013 г.

Страны	Доля продукции цветной металлургии в экспорте, %	Основные продукты экспорта отрасли
Замбия	73	Рафинированная медь, медный концентрат
Таджикистан	55	Первичный алюминий
Демократическая Республика Конго	51	Рафинированная медь, медный концентрат, кобальт
Ямайка	41	Глинозем
Мозамбик	36	Первичный алюминий
Суринам	32	Глинозем
Новая Каледония (Фр.)	31	Никелевый штейн, металлический никель
Чили	31	Рафинированная медь, медный концентрат
Исландия	31	Первичный алюминий
Бахрейн	28	Первичный алюминий
Лаос	23	Рафинированная медь
Черногория	23	Первичный алюминий
Мадагаскар	19	Металлический никель
Куба	14	Металлический никель
Узбекистан	13	Рафинированная медь, металлический цинк
Армения	13	Черновая медь, алюминиевая фольга, молибден
Зимбабве	12	Никелевый штейн
Перу	10	Черновая и рафинированная медь, металлические цинк и олово
Австралия	6	Первичный алюминий, черновая медь, металлические никель и цинк
Казахстан	6	Рафинированная медь, металлический цинк, первичный алюминий
Канада	6	Первичный алюминий, рафинированная медь, металлические никель и кобальт

Составлено по: [<http://atlas.cid.harvard.edu/>].

Наиболее богатые ресурсы медных руд залегают в недрах Чили (210 млн т), Австралии (88), Перу (82), Мексики (46), США (33), Китая и России (по 30 млн т) [U.S. Geological Survey, 2016, p. 55]. Крупнейшим в мире районом добычи медных руд с конца XX в. служит Южная Америка, главным образом Чили (5,8 млн т в 2013 г.) и Перу (1,4 млн т). Вторая по значимости медная база – Восточная и Юго-Восточная Азия, прежде всего Китай (1,6 млн т) и Индонезия (0,5 млн т). Далее следует Северная Америка (юго-запад США, канадские провинции Онтарио, Манитоба и Квебек, северо-запад Мексики). В перечень важнейших меднедобывающих районов мира входят также страны СНГ (Россия, Казахстан, Узбекистан) и Австралия. После упадка в начале 2000-х гг., связанного с гражданской войной и периодом политической нестабильности в ДР Конго и долговременным экономическим кризисом в Замбии, африканский Медный пояс возрождает позиции поставщика мирового уровня [Democratic Republic of Congo. Country mining guide, 2014].

Крупные потребители импортных медных концентратов и производители черновой и рафинированной меди – Китай, Япония, Республика Корея (все три – на сырье из Чили, Перу, Австралии и Индонезии), Индия, Германия, Испания. В мировом производстве черновой меди доля вторичного сырья составляет 20%, а в производстве рафинированной меди – 18 % [U.S. Geological Survey, 2014].

Производство рафинированной меди располагается вблизи рынков сбыта, в районах с дешевой электроэнергией. Энергетический кризис 1970-х гг. привел развитые страны к сворачиванию медеплавильных производств, работающих на привозных медных концентратах или черновой меди. Производители в этих странах переориентировались на использование вторичного сырья – лома меди или закрылись совсем. Так, Германия более 40 % рафинированной меди ныне получает из металллома, в том числе и импортируемого. В медедобывающих развивающихся странах при недостатке электроэнергии и удаленности от потребителей производство рафинированной меди изначально было развито слабее. Так, Чили – крупнейший мировой производитель медной руды рафинирует только около 50 % объема добываемой меди.

В последние десятилетия в мировой экономике создались условия для перемещения завершающих этапов производства меди в развивающиеся страны с дешевой рабочей силой и слабым природоохранным законодательством. Страны – добытчики руды стали постепенно достраивать недостающие технологические звенья производства меди до полного цикла. Однако этот процесс идет медленно, так как требует значительных инвестиций [Oracle Mining Corporation].

В 2006 г. мировым лидером по производству рафинированной меди, обогнав Чили, стал Китай (рис. 2.1). За 2001–2013 гг. его показатели выросли в 4,3 раза. Быстро растут объемы рафинирования меди в менее развитых странах, таких как Замбия, ДР Конго, Лаос. Выплавка меди в Японии, Республике Корея, России, Польше, Германии и Индонезии сохраняется на стабильном уровне, а в США, Канаде, Перу и Чили существенно сократилась с начала XXI в. Это связано с устрожением природоохранного зако-

нодательства, повышением стоимости электроэнергии, переносом завершающих стадий металлургического передела в другие страны (например, из Чили и Перу в Китай).

В первой пятерке производителей рафинированной меди – компании «Codelco» (Чили, доля в мировом производстве – 7,3 %), «Angubis AG» (Германия, 5,4 %), «Glencore Xstrata» (Великобритания–Швейцария, 5,2 %), «Freeport-McMoRanCopper & Gold Inc.» (США, 5,1 %) и «Jiangxi Copper» (Китай, 4,9 %) [Bloomberg Business, 2013]. Российские компании не входят в десятку лидеров: группа компаний УГМК концентрирует 1,9 % мирового производства рафинированной меди, «ГМК «Норильский никель» – 1,7 %, а «Русская медная компания» – 0,6 %.

По итогам 2014 г. на мировом рынке наблюдался избыток меди в размере 105 тыс. т. Годом ранее избыток этого металла на рынке оценивался в 283 тыс. т. За 2015 г. на фоне падения цен на нефть, укрепления американского доллара и замедления экономического роста в Китае прогноз цен на медь был пересмотрен в сторону уменьшения.

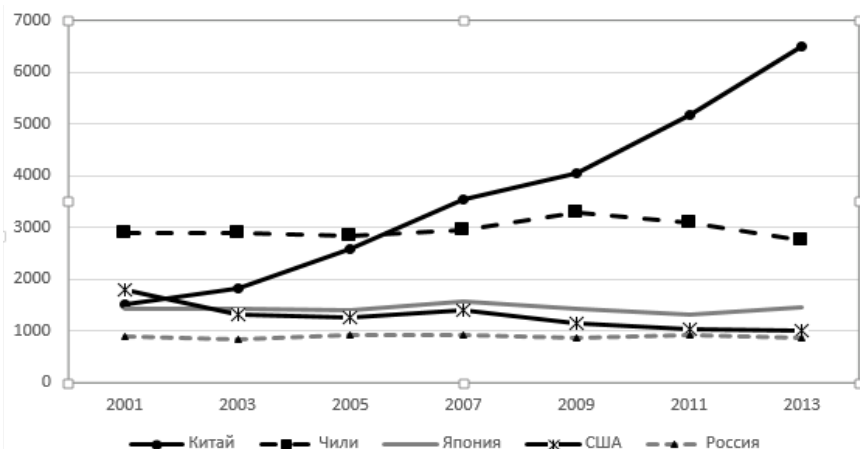

Рис. 2.1. Динамика производства рафинированной меди в 2001–2013 гг. среди пяти крупнейших производителей, тыс. т.

Составлено по: [World Mineral Production, 2001–2005, 2003–2007, 2009–2013].

Никель-кобальтовая промышленность. Объемы производства никеля и его соединений определяются, главным образом, объемами производства нержавеющей стали. На эти цели идет 67 % выплавляемого в мире никеля, 15 % никеля используется в производстве сплавов (в основном с медью), остальное находит применение в гальванопокрытиях, в никель-кадмиевых батареях, а также при чеканке монет. Кобальт широко используется в производстве твердых и специальных сплавов, никель-кобальтовых аккумуляторных батарей, магнитов, катализаторов, керамики и в лакокрасочной промышленности.

Главный ареал добычи никелевых руд – Азиатско-Тихоокеанский регион. В его пределах наибольшей производительностью обладает Юго-Восточная Азия в лице двух лидеров добычи – Индонезии (868 тыс. т руды в 2013 г.) и Филиппин (316 тыс. т). Выход этих стран на первые роли в отрасли состоялся лишь в последние полтора десятилетия: добыча никелевых руд в Индонезии за 2001–2013 гг. возросла в 8,5 раз, а на Филиппинах – в 11,6 раза. Обе островные державы снабжают никелевым сырьем преимущественно Китай и Японию. Введение с 1 января 2014 г. Индонезией запрета на экспорт руды с содержанием никеля менее 4 % привело к сокращению производства в Китае (в КНР экспортировалось 80 % индонезийской руды) и способствовало дальнейшему увеличению объемов поставок руды с Филиппин. Такие радикальные меры индонезийское правительство вынуждено было принять с целью увеличения добавленной стоимости экспортируемых товаров для развития собственного никелеплавильного производства. В результате к середине 2014 г. по сравнению с предыдущим годом мировая цена на никель выросла более чем на 40 % (с 13,9 до 21 тыс. долл. за тонну). Альтернативой индонезийской руде может также послужить никелевая руда из Новой Каледонии и Австралии. В 2013 г. там было добыто соответственно 150 и 234 тыс. т руды. Следует при этом признать, что филиппинские и новокаледонские руды – неравноценная замена индонезийским, так как по качеству значительно им уступают. Строительство Индонезией собственных мощностей по выплавке никелевого штейна и металлического никеля займет длительное время и не позволит этой стране в ближайшее время обеспечить мировой спрос в данном сегменте рынка [Only half..., 2015].

Лидерами в производстве металлического никеля выступают Китай (694 тыс. т; 35,6 % мирового объема), Россия (240 тыс. т; 23,3 %), Япония (178 тыс. т; 9,1 %), Австралия (142 тыс. т; 7,3 %) и Канада (137 тыс. т; 7,1 %). Среди них только Китай существенно увеличил свои показатели с начала XXI в. (рост в 14 раз). Динамика показателей остальных лидеров определяется главным образом конъюнктурой мировых цен на никель и относительно стабильна (рис. 2.2).

Средняя цена на никель в первом полугодии 2015 г. составила 13,7 тыс. долл. за тонну, что на 17 % ниже аналогичного периода предыдущего года. Отрицательная динамика была вызвана укреплением американского доллара по отношению к большинству мировых валют, замедлением экономического роста в Китае и ожидаемым снижением спроса на металлы. В целом же мировой рынок никеля продемонстрировал в 2015 г. небольшой дефицит: видимый спрос превысил объем производства на 13 тыс. т.

Внеконкурентный лидер по добыче кобальтовых руд – ДР Конго (77 тыс. т в 2013 г., 62 % от общемирового показателя), ей существенно уступают Китай (7,5), Австралия (6,9), Замбия (6,4) и Канада (4 тыс. т). По выплавке металлического кобальта первенствует Китай (36,1 тыс. т, 43 % мирового объема), использующий поставки сырья из ДРК (93 %) и Кубы (4 %). За ним следуют Финляндия (10,8 тыс. т), Бельгия (5,4), Замбия (5,0), Австралия (5,0) и Канада (4,8 тыс. т) [World Mineral Production, 2009–2013].

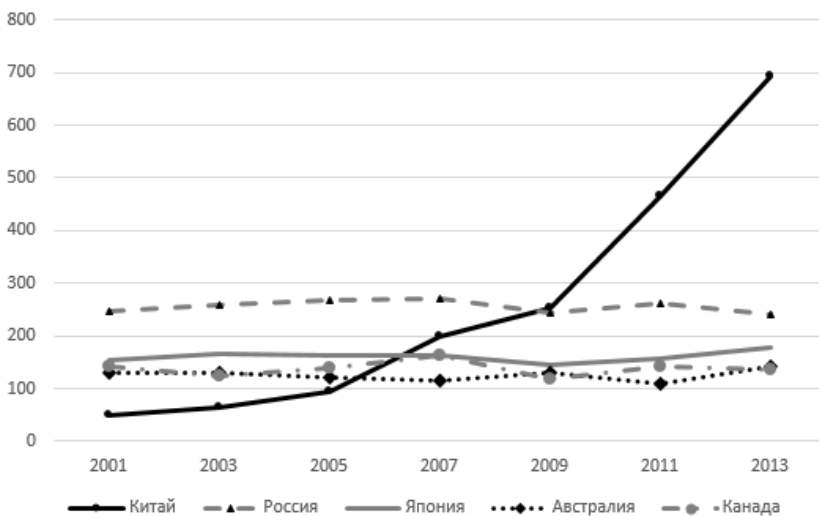

Рис. 2.2. Динамика производства металлического никеля в 2001–2013 гг. среди пяти крупнейших производителей, тыс. т.

Составлено по: [World Mineral Production, 2001–2005, 2003–2007, 2009–2013].

Цинковая промышленность. Основная часть произведенного цинка (50–60 %) идет на цинкование металлических изделий. Соединения цинка, включая оксиды, токсичны. Зато такие свойства оксида цинка позволяют его использовать в качестве антисептика. Оксид цинка применяется как наполнитель и пигмент при производстве резины, пластмасс, бумаги, как активатор вулканизации каучуков, в изготовлении стекла и преобразователей ржавчины. Тонкие пленки на основе оксида цинка могут применяться как чувствительные газовые и биологические сенсоры. Важна роль цинка в цинк-воздушных аккумуляторах, которые широко применяются в портативных компьютерах (ноутбуки и нетбуки).

Главные районы добычи цинковых руд – Китай, Южная Америка (главным образом Перу и Боливия), Северная Америка (США, Мексика, Канада), Австралия, Индия. Показатели Китая – лидера по добыче цинка – более чем в три раза превосходят показатели следующих за ним Австралии и Перу. В странах СНГ главные производители этого вида сырья – Казахстан (горы Рудного Алтая и юг страны) и Россия (преимущественно Южный Урал). Относительно невелика добыча цинка в зарубежной Европе, Передней Азии, Африке.

Ведущие экспортеры цинковых руд (более 100 тыс. т) – Перу, Австралия, США, Боливия, Ирландия, Мексика. Главными импортерами цинкового сырья выступают Китай (из Австралии и Перу), Республика Корея (из Австралии, Перу и Мексики), Япония (из Боливии, Австралии и США), Испания (преимущественно из Перу), Финляндия (из Ирландии и Швеции), Бельгия и Нидерланды (обе – из Австралии), Франция (в основном из Бо-

ливии), Германия (из Австралии, Швеции, США). Нетто-импортерами цинковых руд, несмотря на наличие собственных минеральных ресурсов, выступают Канада (из США и Мексики) и Россия (из Казахстана). Большинство производителей получают металлический цинк из минерального сырья, вторичное сырье преимущественно используют США (55 %) [U.S. Geological Survey, 2014]. Доля вторсырья в общемировой выплавке цинка составляет около 30 %. Главное преимущество вторичного получения цинка – экономия электроэнергии (экономится от 50 до 99,5 % всех энергетических затрат). Страны Азии сильно зависят от поставок вторсырья из Европы и Северной Америки.

Крупнейшие производители металлического цинка – это, как правило, страны с высоким уровнем развития машиностроения (особенно транспортного) и строительной отрасли – основных потребителей оцинкованного листа. Бесспорный лидер в производстве металлического цинка – Китай (5302 тыс. т в 2013 г.), особенно быстро мощности отрасли возрастают в провинции Гуандун. Идущую на втором месте Республику Корею (1044 тыс. т) Китай опережает по объемам выплавки в 5 раз. Далее следуют Индия (788 тыс. т), Канада (652), Япония (587), Испания (530) и Австралия (498 тыс. т). В первой пятерке лидеров цинковой промышленности положительная динамика отрасли в 2001–2013 гг. была свойственна Китаю, Республике Корея, Индии. Канада и Япония, напротив, сокращают свое цинковое производство (спад с начала XXI в. составил соответственно 1,4 % и 8,9 %) [World Mineral Production, 2001–2005, 2003–2007, 2009–2013]. В Канаде уменьшение производительности связано с истощением месторождений и закрытием нерентабельных рудников. В случае Японии спад обусловлен, прежде всего, остановкой и техническим перевооружением ряда мощностей, стагнация этой энергоемкой отрасли усилилась в связи с аварией на АЭС «Фукусима» в 2011 г. и последующим сворачиванием японской атомной энергетики [World Nuclear Association, 2016].

В 2015 г. профицит цинка на мировом рынке составил 213 тыс. т; это способствовало снижению цены на продукцию отрасли. Согласно прогнозам аналитиков, среднегодовая цена за тонну цинка в 2016 г. еще более снизится и достигнет 1800 долл. (в 2015 г. составляла 1970 долл. за тонну) [Рынок цветных металлов, 2015]. Это увеличит риски сокращения производства в развитых странах, где затраты на выпуск продукции сравнительно более высоки, нежели в странах развивающихся.

Свинцовая промышленность. Свинец при воздействии на него воздуха, воды и различных кислот проявляет большую устойчивость. Эти свойства металла позволяют широко использовать его в электротехнической промышленности, особенно для изготовления аккумуляторов. Тонкими свинцовыми листами покрывают железные и медные детали, подвергающиеся химическому воздействию (ванны для электролиза меди, цинка и других металлов, оборудование для производства и хранения серной кислоты). Свойство свинца поглощать рентгеновские лучи используется для предохранения человека от вредного воздействия радиоактивного излучения.

Производство свинца считается одним из самых грязных в цветной металлургии [Reuter, 2005]. Главные загрязнители окружающей среды – рудная пыль, литейные газы (в частности, с содержанием свинца, мышьяка и сурьмы), диоксид серы, угарный газ, а также высокая термическая нагрузка на среду. Свинец относится к числу металлов, которые многократно включаются в сферу материального производства, так как он относительно мало теряется в процессе промышленного использования. В связи с этим в производстве свинца велика доля вторичного сырья – около 52 %; это самый высокий показатель в цветной металлургии.

Главные производители свинцовых руд – Китай (3000 тыс. т в 2013 г.), Австралия (711), США (340), Перу (266), Мексика (253) и Россия (143 тыс. т) [World Mineral Production, 2009–2013]. Австралия и Перу – крупнейшие экспортеры свинцовых концентратов на внешний рынок (Австралия взаимодействует преимущественно с Республикой Кореей, Китаем, Японией, Бельгией; Перу – с теми же странами и Канадой).

Возглавляющие список по производству рафинированного свинца страны входят в клуб крупнейших машиностроительных держав современного мира: это Китай, США, Индия, Республика Корея, Германия, Великобритания, Канада, Мексика, Япония, Австралия. Из перечисленных стран только Китай, Республика Корея и Австралия плавят свинец в основном (соответственно на 69, 53 и 88 %) из концентратов. При этом Китай использует как свое, так и импортное цинковое сырье, Корея – почти исключительно импортное, Австралия – только отечественное. Другие крупнейшие плавильщики используют преимущественно вторичное сырье: Великобритания – на 53 %, Япония и Канада – на 55, Германия – на 62, Индия и Мексика – на 75, США – на 91 %. В Бельгии, Бразилии, Испании и Франции весь выпускаемый свинец выплавляется из лома [U.S. Geological Survey, 2014].

Среди лидеров свинцовой промышленности положительная динамика развития отрасли в 2001–2013 гг. была характерна для Китая, Индии и Республики Кореи, в то время как показатели Германии стабилизировались, а производство свинца в США пошло на спад. Подобные понижающие тенденции были характерны и для Японии, Австралии, Великобритании, Перу, Бельгии, то есть для преимущественно развитых стран. Главная причина – ужесточение природоохранного законодательства и перевод экологически опасных производств в развивающиеся страны.

Оловянная промышленность. Олово традиционно использовалось как безопасное, нетоксичное, коррозионностойкое покрытие. Оно применялось главным образом в виде белой жести, используемой для производства тары для пищевых продуктов. В последнее время интерес к олову возрождается, поскольку этот металл наиболее экологичен и безвреден для человека из всей группы тяжелых металлов. Под воздействием последствий НТР, ужесточения экологических стандартов, формирования глобального информационного общества роль олова для современного мирового хозяйства резко повысилась. Динамика развития глобального рынка олова теперь зависит, прежде всего, от объема производства припоев, применяемых, в частности, в компонентах электроники и электротех-

ники, на которые уже приходится 53 % всего используемого в мире олова. Широкий путь олову на рынок открыли директивы ЕС, снижающие применение опасных материалов в бытовой электронике и электротехнике [Айкашев, 2015].

В мире выделяются три ядра оловянной промышленности. Первый – «оловянный пояс» в Юго-Восточной Азии. Еще в 1980-е гг. по добыче оловянных руд здесь лидировали Малайзия, Индонезия и Таиланд. Сегодня лишь Индонезия сохраняет высокий уровень добычи олова – 95 тыс. т (2013 г.). В Таиланде и Малайзии добыча резко сократилась, но сохранилось и развивается металлургическое производство. В 2013 г. власти Индонезии ввели ограничения на экспорт оловянных концентратов, действуя в интересах крупных национальных компаний, чья политика направлена на укрупнение отрасли. Теперь экспортеры олова должны проводить сделки на местных биржах перед отправкой сырья за рубеж. Позднее было введено дополнительное ограничение, запрещающее одному и тому же производителю торговать и металлом, и продукцией из него, чтобы прекратить торговлю металлом под видом другой продукции (например, припоя). В результате, экспорт индонезийского олова в 2014 г. сократился на 17 %, а в 2015 г. – на 7,6 %. Это способствует тому, что место Индонезии как ведущего экспортера оловянного сырья в регионе может быть оспорено соседними странами, например, Мьянмой [Ecclestone, 2014; Indonesia's Refined..., 2015].

В Азии расположен и мировой лидер отрасли – Китай, концентрирующий 43 % мировой добычи (149 тыс. т) и 47,5 % мировой выплавки олова (159 тыс. т) [World Mineral Production, 2009–2013]. Еще в начале 2000-х гг. оловянная индустрия КНР работала в основном на экспорт, но в настоящее время она сфокусирована на внутренний рынок. Причиной превращения Китая из экспортера в нетто-импортера олова (экспортная квота по олову в 1999 г. достигала 60 %, ныне же – около 1 %) стало ускоренное развитие высокотехнологического сектора экономики. В припоях там расходуется 65 % всего потребляемого олова.

Второе ядро оловянной индустрии находится в пределах Южной Америки, в горной части континента, вокруг озера Титикака и в бразильском штате Рондония. Боливия на протяжении долгого времени, начиная с XVIII в., была мировым лидером по добыче оловянных руд. Сейчас добыча олова в Боливии составляет 19 тыс. т, в Перу – 24 тыс. т, в Бразилии – 14 тыс. т.

Третье ядро – Экваториальная Африка. Здесь олово добывается в районе озера Киву (ДР Конго и Руанда) и на плато Джос (Нигерия). Концентрат добываемой здесь руды целиком отправляется на экспорт, рафинирования олова на континенте пока нет.

Оловянное сырье из Индонезии вывозится в Малайзию и Сингапур, из Мьянмы – в Китай, из Австралии – в Малайзию, из Боливии – в Китай и Малайзию, из ДРК – в Малайзию и Китай, из Руанды – в Малайзию. Доля вторичного сырья в производстве рафинированного олова в целом по миру составляет 7,4 %. Целиком из вторичного сырья получают металлическое олово в Бельгии, США (добыча оловянных руд здесь прекращена в 1993 г.), Норвегии и других развитых странах [U.S. Geological Survey, 2014].

Лидерами в металлургическом переделе олова, наряду с Китаем, выступают Индонезия (50 тыс. т в 2013 г.), Малайзия (33), Перу (24), Таиланд (19), Бразилия (16), Боливия (15), Бельгия (10,3), Вьетнам (5,5) и Япония (1,8 тыс. т). В настоящее время усиливаются тенденции роста потребления олова в странах-производителях, сокращения объемов вывоза оловянного сырья и полуфабрикатов.

По итогам 2015 г., запасы олова на складах существенно уменьшились и достигли рекордно низкого уровня в 8,7 тыс. т. Глобальное потребление олова за этот год уменьшилось на 3,9 %. Аналитики прогнозируют, что мировой рынок этого металла будет оставаться в дефиците даже без возможных трудностей в Индонезии из-за нехватки мощностей новых месторождений.

Алюминиевая промышленность. Алюминий – наиболее используемый в промышленности цветной металл. В отличие от металлургии тяжелых цветных металлов, содержание которых в рудах очень низкое, металлургия алюминия ориентируется больше на энергетический, а не ресурсный фактор. Главными районами получения алюминия стали энергоизбыточные районы, богатые дешевыми энергоресурсами (гидроэнергоресурсами, крупными запасами нефти, газа, угля).

Алюминий – ключевой конструктивный материал XXI в. В мировом потреблении алюминия 27 % приходится на транспортное машиностроение (алюминий как легкий металл снижает массу транспортных средств и, следовательно, приводит к экономии горючего), 25 % – на строительство (балки, профили, оконные панели и др.), 13 % – на электротехническую промышленность (провода высоковольтных линий электропередачи, шины электрических подстанций, параболические антенны и др.), 8 % – на фольгу и упаковку (банки для напитков, баллоны для аэрозолей и др.). В среднем мировое потребление алюминия ежегодно увеличивается на 5–7 %.

На Зарубежную Азию и Австралию в 2013 г. приходилось 70,3 % мировой добычи бокситов, на Латинскую Америку – 17,9, на Африку – 7,1, на страны СНГ – 3,7, на Европу – 1, на Северную Америку – 0,1 % [Хохлов, 2015].

Среди стран мира по добыче минерального алюминиевого сырья первенствуют Австралия (81 млн т в 2013 г.), Индонезия (56), Китай (50), Бразилия (34), Индия (22), Гвинея (19), Ямайка (9,4), Россия (5,3), Казахстан (5,2) и Суринам (2,7 млн т) [U.S. Geological Survey, 2014]. В 2014 г. правительство Индонезии резко ограничило экспорт бокситов, пытаясь стимулировать создание производств с продукцией более высокой добавленной стоимости. В стране в ближайшие годы планируется построить несколько глиноземных заводов.

Производство глинозема сосредоточено и в местах добычи, и в районах потребления алюминиевого сырья. Примеры ориентации на преимущественно ресурсный фактор – глиноземные отрасли Китая (годовое производство – 44 млн т, 2013 г.), Австралии (22), Бразилии (10), Индии (4), России (2,7), Ямайки (1,9), Суринама (1,1 млн т). Потребительский фактор в размещении мощностей по производству глинозема выражен менее заметно. Наиболее сильно его влияние в США (4,4 млн т), Канаде (1,6), Испании (1,5 млн т).

Территориальный разрыв между добычей бокситов и выплавкой первичного алюминия выражен куда заметнее. Из первой десятки ведущих производителей алюминия только пять (Китай – 22 млн т, Россия – 3,7, Австралия – 1,9, Бразилия – 1,3, Индия – 1,2 млн т) входят в топ-10 разработчиков алюминиевых руд. Исключительно на энергетический фактор ориентировано размещение производств отрасли в Канаде и Норвегии (обе – на гидроэнергетические ресурсы), в ОАЭ и Бахрейне (обе – на месторождения углеводородов с малой себестоимостью добычи), а также в США (как на гидроэнергоресурсы в бассейне рек Колумбия, Огайо и Теннесси, так и на дешевые углеводороды побережья Мексиканского залива). Канада получает алюминиевое сырье преимущественно из Бразилии, Гвинеи и Ямайки; США – из Австралии, Бразилии, Ямайки, Суринама и Гвинеи; Норвегия – из Бразилии; ОАЭ – из Индии, Бразилии и Гайаны; Бахрейн – из Индии и Бразилии.

В группу крупнейших компаний – производителей алюминия входят российская «РУСАЛ» (в 2014 г. 3,6 млн т), китайская «Aluminum Corporation of China» (3,4 млн), австралийско-британская «Rio Tinto» (3,4 млн), китайская «Hongqiao Group» (3,2 млн), американская «Alcoa» (3,1 млн) [Bell, 2014].

За 3–4 последних года спрос на алюминий стабильно возростал, но предложение росло еще сильнее, поэтому рыночная цена, начиная с декабря 2014 г., неизменно снижается. В ближайшее время в отрасли сохранится тенденция постепенного закрытия или репрофилирования старых заводов в целях соблюдения экологических норм, повышения эффективности и сокращения расходов. В скором времени будут реализованы технологии 3D-печати алюминиевых деталей, необходимых прежде всего авиакосмической и автомобильной отраслям.

Выводы. Первое. Все основные отрасли цветной металлургии с начала XXI в. в целом продолжают расти, в том числе и в настоящий момент, несмотря на ряд кризисных явлений, свойственных современному этапу развития мировой экономики. Усиливается изъятие из земной коры разнообразных руд, растут общемировые объемы производства черновых и рафинированных металлов. При этом доля использования вторичного сырья в производстве готовой продукции также увеличивается год от года.

Второе. Отрасли цветной металлургии постепенно перемещаются из стран центра, где они зародились и достигли технологического совершенства, в страны периферии и полупериферии. Возрастает доля произведенной продукции отрасли, выпущенной в Азии, Латинской Америке и Африке. Производства смещаются в развивающиеся страны из-за более низких издержек, менее истощенной ресурсной базы, относительно слабого природоохранного законодательства.

Третье. Во всех отраслях мировой цветной металлургии наблюдается усиление роли Китая, доминирование которого в начале XXI в. стало неоспоримым. По многим показателям выпуска готовой продукции доля КНР почти достигает 50 % от общемировых объемов (рис. 2.3).

Четвертое. В мировой цветной металлургии происходит увеличение концентрации производства на крупных предприятиях или в холдингах,

идет курс на укрупнение отраслей, их большую связность между собой (комплексное использование руд, создание вертикально интегрированных корпораций, более устойчивых к колебаниям конъюнктуры мировых рынков и изменчивости мировых цен на сырье).

Пятое. В разных странах мира все отчетливее наблюдается тенденция усиления национального контроля над ресурсно-сырьевой базой, введение ограничений на зарубежные инвестиции, стремление повысить добавленную стоимость поставляемой на внешний рынок продукции. Особенно рельефно эти усилия в последние годы проявились в Индонезии, резко ограничившей экспорт своих минеральных богатств – бокситов, никелевых, оловянных и медных руд.

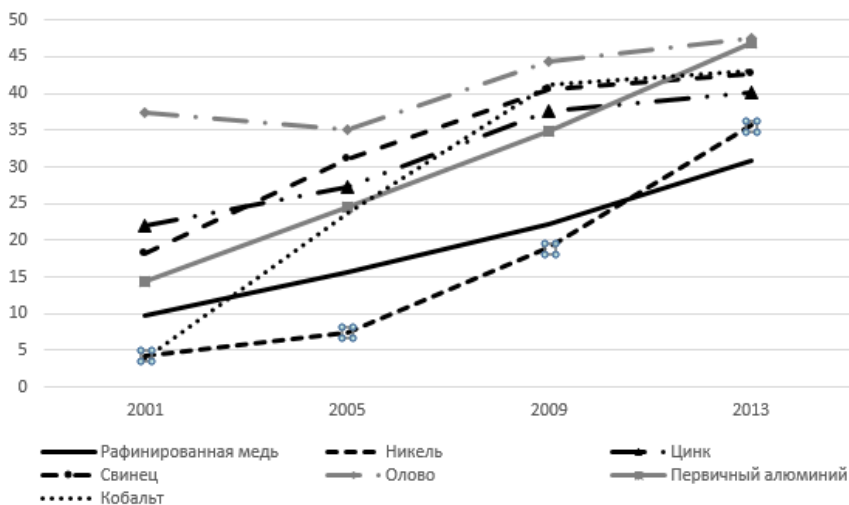

Рис. 2.3. Доля КНР в мировом производстве некоторых видов продукции цветной металлургии, %.

Составлено по: [World Mineral Production, 2001–2005, 2003–2007, 2009–2013].

Шестое. Наблюдается возрастание роли экологического фактора в размещении предприятий отрасли. В экономически развитых странах многие опасные для окружающей среды производства закрываются или перепрофилируются; экологичность отрасли повышается и в развивающихся странах, где уже стали вводиться нормативы на предельно допустимый уровень выбросов и загрязнений.

СДВИГИ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ МИРОВОГО РЫНКА РЕДКОЗЕМЕЛЬНЫХ МЕТАЛЛОВ

Т.Х. ТКАЧЕНКО, П.А. ЯНГАЕВ

Значение редкоземельных металлов в развитии высокотехнологических отраслей. В последние десятилетия конкурентоспособность экономики многих стран зависит, прежде всего, от состояния и развития наукоемких отраслей промышленности. Это значительно повлияло на развитие производства редкоземельных металлов (РЗМ)¹, без использования которых невозможно представить современную высокотехнологичную экономику.

РЗМ играют важную роль в производстве материалов для высокотехнологичных сфер потребления, таких как электроника и электротехника, информационные технологии, энергосбережение, а также являются неотъемлемым элементом в производстве люминофоров, промышленной керамики, катализаторов для нефтеперерабатывающей и автомобильной промышленности, сверхпроводников, постоянных магнитов, лазеров, кино- и фотоаппаратуры. Кроме того, РЗМ широко используются и в традиционных сферах потребления, в частности металлургии.

Среднемировая структура потребления РЗМ в 2010-х гг. выглядит следующим образом: выпуск магнитов – 22 % от объема потребления, различных конструкционных материалов – около 19 %, катализаторов для нефтехимии – 18 %, высококачественной оптики и приборов на ее основе – около 15 % [Smith, 2010].

Сферы применения редких элементов расширяются практически ежедневно. Многие редкие элементы, долгое время не востребованные, сегодня дают жизнь современным отраслям промышленности. Уровень производства и потребления РЗМ в последние годы выступает критерием степени научно-технического прогресса в отдельных странах или отраслях хозяйства.

В настоящее время особый интерес вызывает зарубежный опыт выделения РЗМ как «критического» минерального сырья (МС). Понятие «критическое минеральное сырье» по своей сути близко российскому понятию «дефицитное минеральное сырье»; это минералы, которые весьма важны в использовании, но при этом в их поставках имеются значительные риски. Другое определение «критического» МС (минералы, существенные для национальной безопасности, обеспечение которыми во время войны хотя и менее проблематично, чем стратегическими минералами, но их наличие

¹ К РЗМ относится группа из 17 химических элементов, включающая иттрий, скандий, лантан и 14 лантаноидов. Редкоземельные элементы подразделяются на легкие и тяжелые. Легкие элементы (с атомными номерами от 57 до 63, а также скандий и иттрий) более распространены в природе. Они легче извлекаются при добыче и шире применяются. Тяжелые редкоземельные элементы (с атомными номерами от 64 до 71) менее доступны и более сложны для извлечения. Способность тяжелых элементов выдерживать более высокие температуры по сравнению с легкими делает их более подходящими для использования в современной энергетике. Примечательно, что Геологическая служба США характеризует тяжелые РЗМ как «особенно желательные».

и распределение в известной мере необходимо контролировать) указывает на его сходство с общепринятым понятием «стратегическое МС» [Еремин, 2012]. Департамент энергетики США относит в категорию «критических» девять редкоземельных элементов – неодим (Nd), диспрозий (Dy), европий (Eu), иттрий (Y), тербий (Tb), празеодим (Pr) и др. (рис. 2.4).

Методология выделения «критических» РЗМ основана на оценке их значимости в альтернативной энергетике и степени потенциального риска ограничения поставок. Предложенные матрицы позволяют оценить степень «критичности» каждого из элементов, а рейтинг РЗМ приведен в краткосрочной и долгосрочной перспективах. Стоит отметить, что «критичность» некоторых металлов меняется со временем из-за ситуации на рынке и появления конкурентоспособных заменителей. В 2010 г. Европейская комиссия составила список «критических» материалов, куда также вошли РЗМ. Приостановка их импорта породила бы трудности в промышленном производстве в странах ЕС.

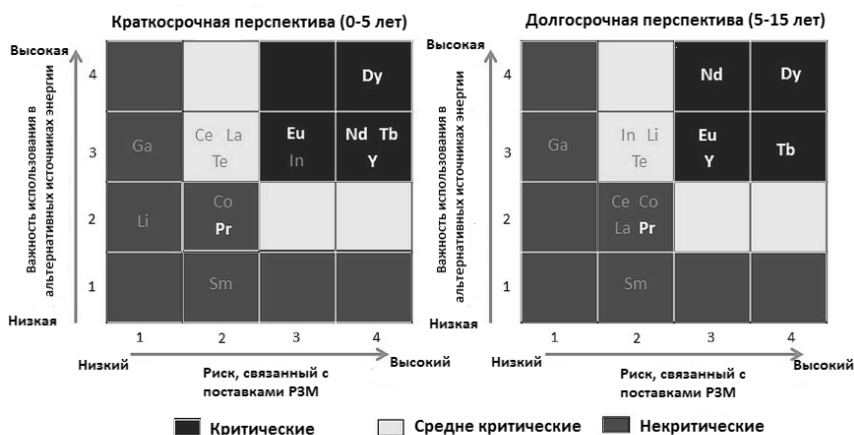

Рис. 2.4. Матрицы «критичности» РЗМ в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

Источник: [Еремин, 2012].

Зарубежный опыт выделения «критического» МС из большого количества полезных ископаемых имеет большое значение и, безусловно, требует особого изучения и в нашей стране.

Минерально-сырьевая база производства РЗМ. Редкоземельные элементы не встречаются в природе в виде собственно металлов. Они входят в широкий спектр минеральных соединений, включая галогениды, карбонаты, оксиды, фосфаты и силикаты. Редкоземельные элементы (РЗЭ) содержатся примерно в 200 минералах, но разработка даже небольшого их числа может стать коммерчески выгодной. Подавляющее большинство ресурсов связано только с тремя минералами: бастнезитом (содержание оксидов РЗМ 70–75 %), монацитом (55–60 %), ксенотимом (55–60 %). Среди прочих можно выделить лопарит (30–35 %), ионно-абсорбционные глины

(10–20 %), фосфориты, апатиты, вторичный монацит и др. Помимо состава, главным отличием этих минералов являются разные пропорции содержания в них элементов легкой и тяжелой группы. Бастнезит и монацит – основные источники редкоземельных металлов легкой группы, тогда как в ксенотиме доминируют тяжелые РЗЭ [Михайлов, 2010].

Почти половина всех запасов РЗМ приходится на КНР (около 48 %). За Китаем следуют Россия (17 % запасов), США (11,5 %), Австралия (10,5 %). Оставшиеся запасы разделены между Индией, Гренландией, Бразилией, ЮАР, Кенией, Малави, Киргизией, Турцией [U.S. Geological Survey, 2014].

Крупнейшим в мире месторождением, по оценкам экспертов, является китайское бастнезитовое месторождение Баян-Обо. Оно содержит 48 млн т РЗМ, а прогнозные ресурсы составляют около 100 млн т. В северных провинциях Китая добываются преимущественно фракции легких РЗМ, тогда как в южных провинциях – тяжелых (рис. 2.5).

Однако, как утверждает на страницах начатой в 2015 г. серии публикаций об уникальном Томторском месторождении РЗМ в Якутии, именно Томтор среди редкометалльных месторождений должен быть выдвинут на первое место, опережая и американское месторождение Маунтин-Пас, и китайский Баян-Обо. Томтор отличается уникально высоким содержанием РЗМ в рудах, крупными и еще мало разведанными запасами (удельный вес

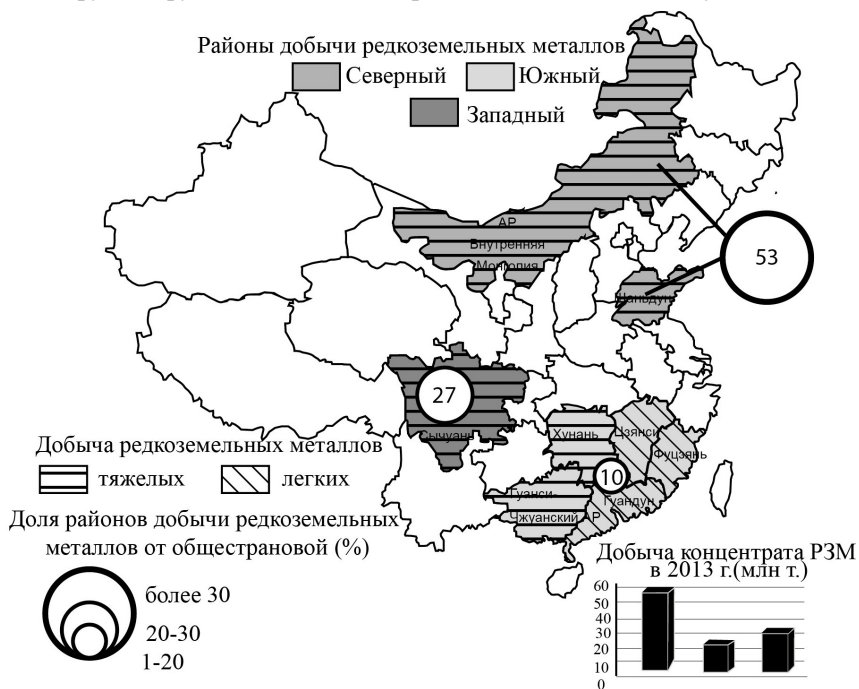

Рис. 2.5. Региональная структура добычи РЗМ Китая.

Источник: [Situation and Policies of China's Rare Earth Industry]

разведанных запасов в пределах месторождения составляет лишь первые проценты от общих ресурсов). С учетом того, что в непосредственной близости от Томтора разведаны и разрабатываются алмазные россыпи, месторождения углеводородов, углей, строительного сырья, в этом районе целесообразно создать горнодобывающий территориально-производственный комплекс [Томторское месторождение редких металлов, 2015]. Становление и развитие комплекса со всей очевидностью потребует частно-государственного партнерства. Здесь уместно отметить зарубежный подход к решению проблем производства РЗМ, который характеризуется высоким долевым участием государства в финансировании соответствующих программ. В США, например, государственное участие в восстановлении редкоземельной отрасли достигает 50–70 %.

Формирование мирового рынка РЗМ. Глобальный рынок редкоземельной продукции – один из самых «молодых». Он сформировался за последние 50–55 лет. В 1965 г. в мире добывалось только 4 тыс. т РЗМ, в 1980 г. – уже более 25 тыс. т. По данным Геологической службы США, в 2012 г. в мире было произведено и потреблено более 135 тыс. т РЗМ. [U.S. Geological Survey, 2014]. Столь впечатляющие цифры роста рынка основаны на том, что значительная часть отраслей, использующих редкоземельные металлы, лежат в основе формирующегося шестого технологического уклада.

До относительно недавнего времени 97 % редкоземельных элементов производилось в Китае. Используя преимущества богатой сырьевой базы, отсутствие жестких экологических требований и низкую себестоимость, китайские производители РЗМ в течение последних 20 лет вытеснили с рынка почти всех конкурентов, поставляя редкоземельные элементы на глобальный рынок по демпинговым ценам. Как следствие, цены на РЗМ сократились в 2–4 и более раз (в зависимости от ликвидности того или иного элемента). Это привело к закрытию РЗМ-производств за пределами Китая из-за нерентабельности.

В РЗМ-цепочке создания стоимости (рис. 2.6) Китай занимал доминирующие позиции на ступени производства концентратов и оксидов. Половину концентратов и полученных в ходе их первичной переработки смесей китайцы отправляли на сепараторные заводы в развитые страны. Там делали ставку на производство наиболее сложной и качественной дорогой продукции с использованием РЗМ.

Как видно из таблицы 2.7, составленной по состоянию на начало 2000-х гг., в производстве металлов, сплавов и готовой продукции (люминофоров, магнитов) действуют компании из развитых стран, а стадия производства оксидов на 97 % принадлежит Китаю.

Последующий период развития, то есть после 2000 г., характеризуется быстрым продвижением Китая вверх по цепочке создания добавленной стоимости. Китай локализует на своей территории практически полную технологическую цепочку РЗМ-производств (карбонаты, оксиды и отдельные металлы, а также готовые изделия из РЗМ) и тем самым обеспечивает себе доступ к рынкам конечной продукции с высокой добавленной стоимостью, поставляемой как для собственных нужд, так и на экспорт в страны с развитыми высокотехнологичными отраслями (США, Япония и др.). Это даже не столько

давно продуманная стратегия, сколько логичное направление развития китайской экономики, где труд ценится все дороже и где все сильнее проявляются ресурсные, транспортные и экологические ограничения.

Процессы консолидации производства РЗМ в Китае. В рамках стратегии создания полного цикла «от месторождения к магнитам» Китай консолидирует производство РЗМ на базе крупнейшего государственного производителя. Из средств государственного бюджета создан специальный фонд реструктуризации производства РЗМ. Поддержка отрасли осуществляется посредством формирования стратегических резервов РЗМ. В 2006 г. в КНР было 47 отечественных производителей РЗМ и 12 совместных предприятий, которым был разрешен экспорт редкоземельной продукции. К 2011 г. их число сокращено до 22 китайских и 9 совместных предприятий. Во Внутренней Монголии китайское министерство промышленности и торговли консолидировало 35 производителей РЗЭ в единое государственное предприятие Baotou Steel Rare Earth, которое стало заниматься процессами добычи, переработки и торговли РЗМ. План консолидации отрасли РЗМ предусматривает создание пяти госкорпораций: действующая на севере Baotou Steel Rare Earths планировала поглощение 12 оставшихся в этом районе независимых компаний по производству РЗМ и второго производителя бастнезита в стране – Sichuan Rare Earths. Оставшиеся 4 госкорпорации будут действовать на юге, в трех провинциях которого началась масштабная операция по зачистке территории от нелегальных предприятий, что повлияло на рост цен на РЗМ в самом Китае. На севере Китая уже закрыто восемь нелегально действовавших заводов.

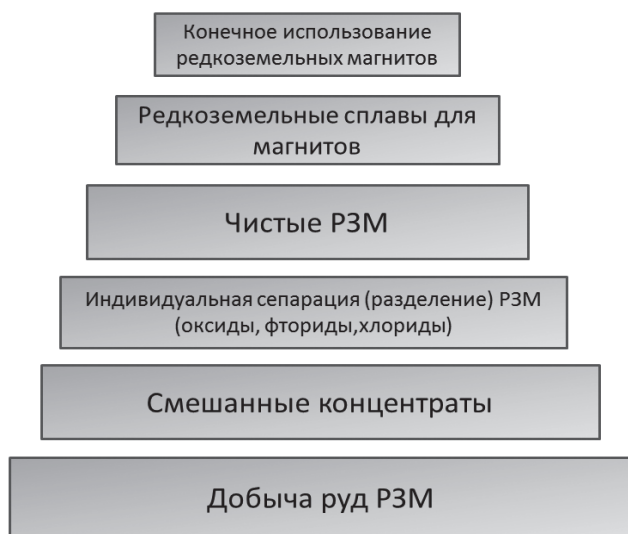

Рис. 2.6. Цепочка создания добавленной стоимости в производстве РЗМ.

Источник: [Дегтерев, Дегтерева, 2014].

Таблица 2.7

Мировая производственная цепочка по РЗМ

Оксиды	Металлы, сплавы и порошки	Люминофоры	Магниты	
			Дистрибьютор/ обработка	Производитель/ обработка
Lynas Corp. (Австралия)	Santoku Corporation (Япония / США)	Rhodia (США, Франция)		
Molycorp (США)	Shin Etsu (Япония)		Integrated Magnetics (США)	Electron Energy Corporation (США)
Japan Oil, Gas and Metals National Corp (Япония)	Great Western Minerals Group/ Less Common Metals (Канада/ Великобритания/ США)		Dexter Magnetic Technologies (США/Великобритания/КНР)	Thomasand Skinner (США)
	Neo Materials Technologies (Magnequench) (Канада/США)		Allstar (США)	Arnold Magnetic Technologies (США/ Швейцария)
Sichuan Mianning Mining Co (КНР)	CAS Key Laboratory of Rare Earth Chemistry and Physics (КНР)		Quadrant (США)	Molycorp (планируется совместное предприятие с Hitachi, (США/Япония))
Jiangxi Copper (КНР)			Adams (США)	Vacuumschmelze GmbH/ Neorem MagnetsOY (Германия, Финляндия)
Baotou Steel Rare Earth (КНР)			Bunting (США)	Hitachi Metals (Япония)
Sichuan Hanxin Mining Industrial Co (КНР)	Molycorp (СПс Sumitomo-Sumikin Molycorp, США/ Япония)		Magnetic Component Engineering, Inc. (США)	Chengdu Magnetic Material Science& Technology Company (КНР)
			Magnet Sales (США)	Zhejiang Tinnau Group (КНР)
			Stanford Magnetics (США)	Ningbo Co-Star Material High Tech Co. Ltd (КНР)
			Duramagnetic (США)	Nanjing Chuangken Magnetism Co. Ltd (КНР)
			KJ Magnetics (США)	Ningbo Ninggang Permanent Magnetic Materials Co. Ltd (КНР)
				Advanced Technology& Materials Co., Ltd (КНР)

Таблица 2.7. Окончание

Мировая производственная цепочка по РЗМ

Оксиды	Металлы, сплавы и порошки	Люминофоры	Магниты	
			Дистрибьютор/ обработка	Производитель/ обработка
				Beijing Jingci Magnetism Technology Co. (КНР)
				Thinova Co., Ltd (КНР)
				Ningbo Yusheng Co., Ltd (КНР)
				Shin Etsu (Япония)
				San Huan New Material High-Tech Inc (КНР)

Источник: [Деттерев, Деттерева, 2014].

Таким образом, после завершения консолидации редкоземельной отрасли в ней останется всего пять предприятий, которые будут находиться под контролем государства [Соликамский магниевый завод, 2016].

В целом наблюдавшаяся ранее нерациональная организационная структура, связанная с излишком многочисленных и не крупных мощностей по производству низкотехнологичной продукции, быстро модернизируется на базе процессов консолидации. Она должна послужить созданию предприятий с большим объемом доходов, которые смогут финансировать НИОКР, проводить технологические инновации, повышать уровень конкурентоспособности на международном рынке, создавать высококвалифицированные рабочие места, привлекать иностранные инвестиции и технологии. Все это в совокупности призвано внести вклад в улучшение качества роста ВВП страны.

В целом усиленное развитие производств по углублению обработки сырья, быстрое снижение доли РЗМ-концентратов в экспорте, введение в дополнение к экспортным пошлинам на оксиды еще и десятипроцентных экспортных пошлин на металлы – все эти китайские меры привели к сложной ситуации в развитых странах мира. Ведущие индустриальные страны Евросоюза, которым не помогло обращение с иском в ВТО, приступили к созданию стратегических запасов РЗМ. Начались работы по восстановлению и развитию новых проектов в РЗМ-отрасли в разных странах мира.

Новые проекты вне Китая. В феврале 2012 г. Германия и Казахстан заключили соглашение о стратегическом партнерстве, которое гарантирует право немецких компаний на изыскания и добычу редкоземельных и других ископаемых в обмен на инвестиции, в том числе в развитие технологий. Аналогичное соглашение было заключено Германией с Монголией в октябре 2011 г. В апреле 2012 г. немецкая горнорудная компания Tantalus Rare Earths AG в партнерстве с французской Rhodia вошли в проект по

добыче 15 тыс. т РЗМ в год из ионно-абсорбционных глин месторождения на северо-западе Мадагаскара [Самсонов, Семягин, 2014].

К числу наиболее перспективных проектов по добыче РЗМ вне Китая относится разработка богатого бастнезитового месторождения Маунт-Вельдв Австралии. Greenland Minerals & Energy Ltd. планировала начать в 2016 г. добычу сырья на руднике в юго-западной части Гренландии. Затраты на реализацию проекта первоначально оценивались в 2,2 млрд долл. Еще один производитель дешевых РЗЭ из монацитовых песков – канадская компания Medallion Resources Ltd. – объявила о вводе в строй обогатительной фабрики и готовности к подписанию контрактов на поставку сырья со всеми заинтересованными сторонами. Редкоземельный концентрат компании обогащен неодимом, празеодимом, диспрозием и тербием, то есть теми элементами, которые наиболее востребованы в производстве магнитов. Индия официально объявила о том, что ее ресурсы РЗМ в монацитовых песках позволят ей в ближайшие годы увеличить производство РЗЭ до 5 тыс. т в год, заняв 5 % мирового рынка. В результате Индия закрепит свои позиции третьего по величине мирового поставщика РЗМ [Топ-10 событий на рынке РЗМ, 2015].

Выводы. Таким образом, на протяжении двадцати с лишним лет Китай, используя богатые сырьевые источники, дешевую рабочую силу, сильную государственную власть и отсутствие строгого природоохранного законодательства, при помощи демпинга сумел сконцентрировать в своих руках более 95 % мирового производства РЗМ, начиная от добычи сырья до выпуска металлов и соединений различной степени чистоты. Редкоземельные металлы были до недавнего времени значительным экономическим и политическим ресурсом, которым пользовался Китай.

Но в последние годы ситуация меняется: Китай утрачивает свое монопольное положение поставщика исходных редкоземельных материалов, на рынок выходят новые игроки в лице Австралии, Индии, Канады и т.д. [Никулин, 2014]. Можно говорить о наступлении периода значительной пространственной диверсификации рынка РЗМ и перестройке его пространственной структуры. Но при этом Китай быстро наращивает свое место на мировом рынке в качестве потребителя РЗЭ. Если в середине 2000-х гг. из совокупного мирового объема производства РЗЭ, которое почти на 100% было китайским, менее половины потреблялось в самом Китае, а остальное уходило на экспорт, прежде всего в развитые страны, то к середине 2010-х гг. уже почти 2/3 мировой произведенной продукции РЗЭ использовалось внутри страны в высокотехнологичных производствах. Перед Россией с ее крупными ресурсами РЗМ, но весьма низкой степенью насыщенности обрабатывающей индустрии этими металлами, стоит задача формирования устойчивого внутреннего спроса на них, без чего невозможно формирование инновационной экономики.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1990–2015 ГГ.

М.М. ЛОБАНОВ

Развитие национальных промышленных систем – один из ключевых аспектов экономической политики в постсоциалистических странах Центрально-Восточной (ЦВЕ) и Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) ¹. С начала 1990-х гг. в отраслевой и территориальной структуре промышленности этих государств произошли значительные изменения, оказавшие влияние на параметры их социально-экономического развития. Существующие различия в организации и размещении производственной деятельности обусловлены спецификой трансформационных процессов, которые развивались в условиях имплементации рыночных реформ, общеевропейской институциональной гармонизации и вовлечения стран региона в трансграничные потоки товаров и капитала.

Роль промышленности в экономическом развитии и формировании занятости населения. Позиции промышленности в макроструктуре хозяйственных систем стран ЦВЕ и ЮВЕ стали ослабевать с началом рыночных реформ 1990-х гг. Ожидалось, что социальные и экономические проблемы, вызванные масштабной деиндустриализацией, могут быть компенсированы положительными эффектами тертиаризации – ускоренного роста сектора услуг [География мирового хозяйства, 2012]. Однако лишь в немногих государствах региона замещение вторичного сектора третичным привело к возникновению условий перехода к постиндустриальной стадии развития экономики. Возвращение к государственному стимулированию производственной деятельности и привлечение иностранного капитала способствовали постепенному повышению доли промышленности в структуре ВВП ряда стран региона в первой половине 2000-х гг. Политика поддержки конкурентоспособных отраслей вторичного сектора как движущей силы экономического роста становилась все более актуальной по мере распространения кризисных явлений в Европе, с чем связаны разработка и внедрение амбициозных программ реиндустриализации.

Тезис о вовлечении стран ЦВЕ и ЮВЕ в глобальный процесс тертиаризации подтверждают данные, представленные на рисунке 2.7. Во всех без исключения государствах региона удельный вес промышленности в структуре ВВП и занятости в 2014 г. был меньшим, чем на рубеже 1980–1990-х гг. Однако если в странах Вишеградской четверки и Словении различия между показателями на современном и дореформенном этапе развития, как правило, не превышают 5–7 п.п. (30–37 % против 35–40 % в структуре ВВП), то в государствах ЮВЕ они достигают 15–30 п.п. (15–27 % против 45–50 %).

¹ В рамках данного исследования к странам ЦВЕ мы относили Польшу, Чешскую Республику, Словакию, Венгрию и Словению, а к странам ЮВЕ – Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Боснию и Герцеговину, Черногорию, Албанию и Македонию.

Следует также отметить высокую степень внутрирегиональной дифференциации по доли промышленности в ВВП, которая варьирует от 15 % в Албании до 38 % в Чешской Республике. Кроме того, наименее экономически развитые страны региона характеризуются превышением удельного веса вторичного сектора в занятости над его удельным весом в ВВП, что свидетельствует в том числе о преобладании в структуре производства трудоемких отраслей.

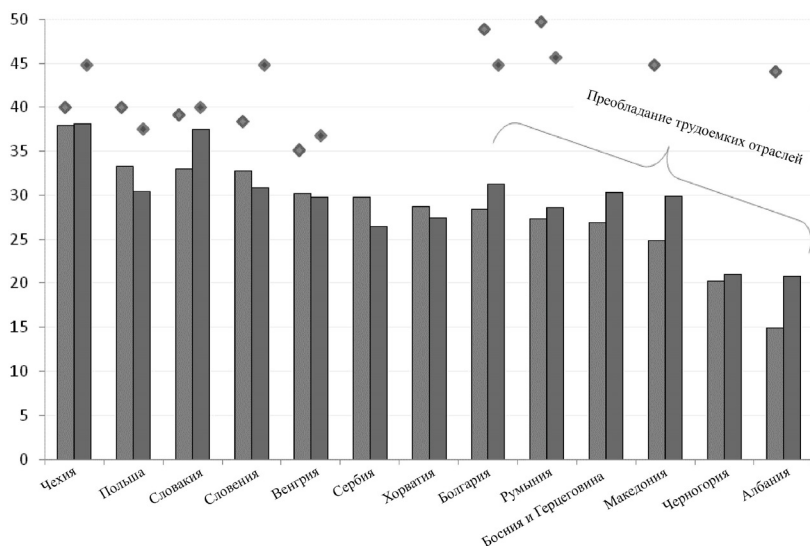

Рис. 2.7. Доля промышленности в структуре ВВП и занятости в 1990 и 2014 гг. (%).
Составлено по: [данные Всемирного банка].

Примечание: данные за 2014 г. приведены в виде столбцов (левый – доля в ВВП, правый – доля в структуре занятости), за 1990 г. – в виде точек.

По абсолютным объемам промышленного производства выделяются страны, характеризующиеся наилучшим сочетанием факторов производства и наиболее длительной историей индустриализации – Польша (135 млрд долл. в 2014 г.), Чешская Республика (60 млрд долл.), Румыния (40 млрд долл.), Словакия и Венгрия (по 30 млрд долл.).

Имеющиеся данные позволяют дифференцировать страны региона по глубине и длительности производственных спадов 1990–2010-х гг., которые мы обозначили на графиках буквами *a*, *b*, *c* и *d* (рис. 2.8). Системный кризис 1990-х гг. (*a*) в промышленности большинства стран ЦВЕ был преодолен сравнительно быстро – к середине или концу 1990-х гг. (к примеру, в Венгрии объем производства превысил уровень 1989 г. в 1997 г.). В то же время в ЮВЕ восстановление потребовало (или потребует) гораздо больше времени: в Румынии этот уровень достигнут в 2006 г., в Албании и Македонии – на рубеже 2000–2010-х гг., тогда как в Болгарии пока не удается даже

приблизиться к дореформенным показателям. Более поздние производственные кризисы (*b*), как правило, относятся к периоду конца 1990-х – начала 2000-х гг. и обусловлены факторами локального значения. К примеру, резкое снижение производственной активности в Болгарии в 1996–1997 гг. было вызвано кризисом национальной финансовой системы, в Румынии в 1997–1998 гг. – ужесточением монетарной и бюджетно-налоговой политики, в Польше и Македонии в 2001–2002 гг. – макроэкономической несбалансированностью, в Албании в 2002 г. – банковским кризисом.

Глобальный финансовый кризис конца 2000-х гг. оказал различное влияние на деятельность промышленных предприятий в странах ЦВЕ и ЮВЕ (обозначен как *c*). Кризис практически не имел негативных последствий для динамики промышленного производства в наименее вовлеченных в мирохозяйственные отношения государствах (Албания, Македония, Болгария), а также в Польше, характеризующейся емким внутренним рынком и относительно низкой степенью зависимости от экспортно-импортных операций [Lobanov, 2014]. Иная картина наблюдалась в экономиках, ориентированных в своем развитии на внешние рынки: в Венгрии промышленный выпуск в 2008–2009 гг. сократился на 17 %, в Словакии и Чешской Республике в 2009 г. – на 15 и 10 % соответственно. Следует отметить, что в этих трех странах после краткосрочного восстановления зафиксирована вторая волна кризиса (*W*-образный спад; показан на графиках как *c* и *d*). В свою очередь, в Словении и Румынии траектория рецессии иная: объем промышленного производства устойчиво снижается с 2009 г. (рис. 2.8).

Социально-экономические реформы 1990-х гг. сопровождалась существенными изменениями в структуре занятости населения. Тенденция массового сокращения рабочих на предприятиях производственного сектора получила развитие во всех странах региона и лишь в немногих случаях прерывалась кратковременными периодами стабилизации занятости. Характерно, что в период кризиса конца 2000-х гг. в некоторых странах занятость снижалась несмотря на производственный рост (Польша, Болгария и др.), а, к примеру, в Словакии даже выросла. В целом в посткризисный период промышленность большинства стран региона функционирует в условиях значительно сократившейся численности занятых (в 2007–2013 гг. – от $1/_{10}$ до $1/_{5}$).

Следствием разнонаправленных тенденций промышленного производства и занятости в период реформирования стало повышение производительности труда. Однако в некоторых депрессивных промышленных районах, имеющих, как правило, длительную историю индустриализации, на рост производительности повлияли опережающие темпы сокращения занятости по сравнению с темпами производственного спада. Важным фактором роста производительности является технологическая и организационно-управленческая модернизация предприятий, в первую очередь, выступающих структурными единицами крупных ТНК. В целом большинство государств региона характеризовалось ростом производительности труда в 2000–2010-х гг., что позволило им несколько сократить отставание от экономически развитых стран ЕС.

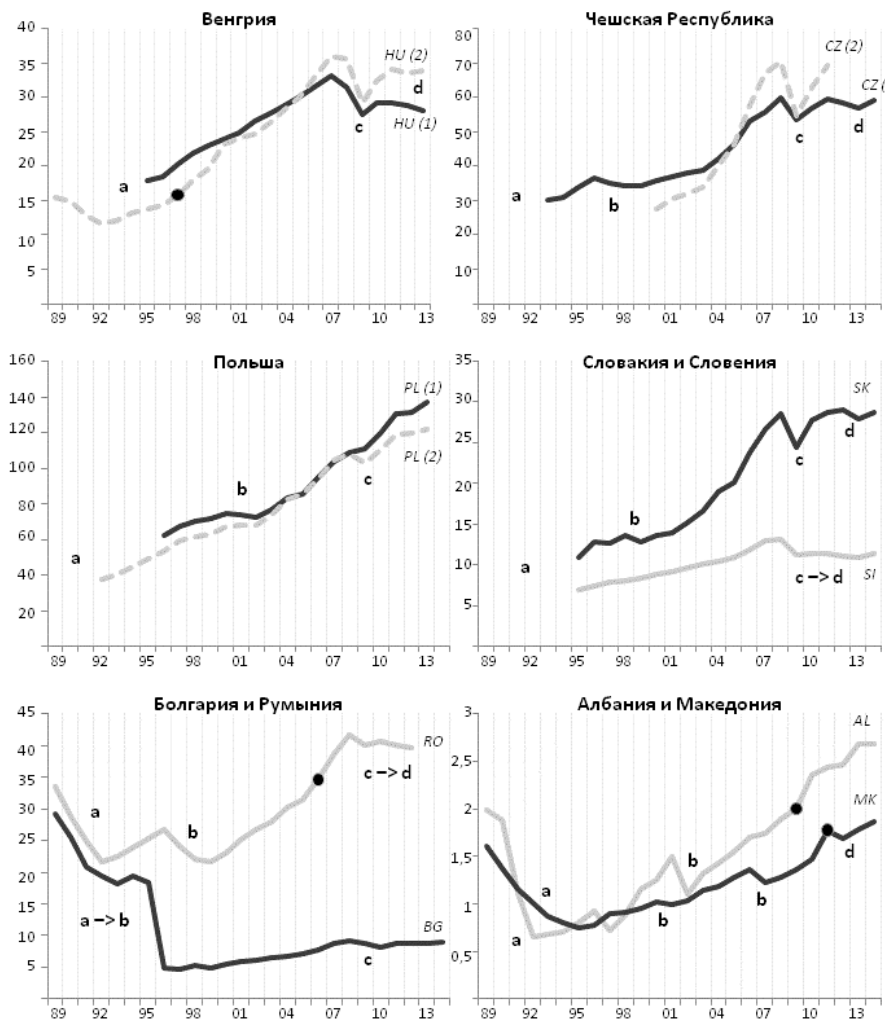

Рис. 2.8. Динамика промышленного производства в 1989–2014 гг.
(млрд долл., в сопоставимых ценах).

Составлено по: [данные Всемирного банка и национальных статистических агентств].

Примечания: буквами *a*, *b*, *c* и *d* обозначены различные периоды спадов промышленного производства. Для Венгрии, Чешской Республики и Польши график 1 построен по данным Всемирного банка, график 2 – по данным национальных статистических агентств. Точкой на графиках обозначен год, когда объем промышленного выпуска превысил уровень 1989 г.

Тем не менее, различия остаются существенными: производительность труда в обрабатывающей промышленности Словении в 2013 г. была в 1,7 раза меньше, чем в ЕС-27, тогда как в Румынии – в 4,7 раза, а в Болгарии – в 6,2 раза.

Трансформация отраслевой структуры промышленности. Важнейшее изменение отраслевой макроструктуры промышленности стран ЦВЕ и ЮВЕ – снижение уровня диверсификации: вместо характерного для плановой экономики широкого набора отраслевых блоков в современных условиях продолжают функционировать лишь предприятия конкурентоспособных производств, а некоторые отрасли находятся в глубоком кризисе или прекратили существование.

В то же время в отраслевой мезо- и микроструктуре происходило повышение уровня диверсификации: в составе наиболее динамично развивавшихся отраслей выделились новые подотрасли, становлению которых способствовали инвестиции иностранных компаний. По мере накопления капитала снижалась роль трудоемких и материалоемких производств, а на первый план выходили рентабельные экспорториентированные предприятия со средним и высоким уровнем технической оснащенности. Показательно повышение доли машиностроения в отраслевой структуре индустриальных систем, ориентированных преимущественно на внешние рынки: в Венгрии к 2012 г. она достигла 40 %, в Словакии – 37 %, в Чешской Республике – 32 %, в Румынии – 27 %.

На примере изменения удельного веса машиностроения в структуре обрабатывающей промышленности можно объяснить внутрирегиональные различия в подходах к развитию вторичного сектора. В начале 1990-х гг. основной страной-реципиентом ПИИ в регионе стала Венгрия – за счет иностранного капитала ей удалось быстро наращивать производственный потенциал («венгерское чудо»), который стал во все большей степени зависеть от деятельности предприятий машиностроения. Менее чем за десятилетие доля машиностроения в структуре производства Венгрии выросла с 5 до почти 30 %. Повзросло значение этой отрасли в Чешской Республике, Словакии и Польше, которые включились в конкурентную борьбу за инвестиции в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Стратегия опоры на собственные ресурсы и ограниченный масштаб приватизации во многом объясняют меньшие по глубине трансформации отраслевой структуры промышленности в Словении. В странах ЮВЕ доля машиностроения стала повышаться в конце 2000-х гг. – с началом притока ПИИ в обрабатывающую промышленность. Следует отметить, что в то время как государства ЮВЕ вступили в начальную стадию формирования промышленных комплексов экспорториентированного типа, в Венгрии возникла и стала усиливаться тенденция оттока капитала и перемещения производств за рубеж. Очевидно, что данные процессы неизбежны и в странах «второй волны» интернационализации промышленности – Польше, Чешской Республике и Словакии¹.

¹ В период распространения кризисов, как правило, усиливается тенденция переноса производственных мощностей в страны, которые в период рецессии и после нее обладают сравнительными конкурентными преимуществами. Ведущие страны-реципиенты иностранных инвестиций перестают быть конечным и становятся промежуточным звеном производственной экстернализации (переходят в категорию «трансмиссионных» стран).

Принцип цикличности в размещении производств подтверждается и анализом мезо- и микроструктуры промышленности. К примеру, одной из опор обрабатывающей промышленности в регионе, наряду с электроникой и электротехникой, остается автомобилестроение. Экономический кризис конца 2000-х гг. отрицательно сказался на показателях развития автомобилестроения в ЕС-15 и дал дополнительный импульс к трансграничному перемещению производств, тогда как в странах ЦВЕ и ЮВЕ эта отрасль не испытала сколь-либо значимых потрясений. Характерно, что отрасли medium-high-tech, к которым относятся транспортное машиностроение и электротехника, в значительно меньшей степени испытали негативные последствия экономического кризиса, чем высокотехнологичные производства [Лобанов, 2011; Lobanov, 2014].

Внешние и внутренние факторы реструктуризации промышленности. Важнейшую роль в процессе преобразования структуры промышленности постсоциалистических стран играли реформы собственности (развитие частного сектора, приватизация государственных активов), а также создание конкурентных условий хозяйственной деятельности за счет свободного ценообразования и демополизации рынков. Основной движущей силой структурных сдвигов в промышленности стран ЦВЕ и ЮВЕ являлось накопление иностранного капитала в отраслях, вовлеченных в международные торговые потоки. Приток прямых и портфельных инвестиций обусловлен развитием сравнительных конкурентных преимуществ восточноевропейских государств, к которым относят сохранившуюся производственную инфраструктуру, сравнительно квалифицированные трудовые ресурсы и заниженные требования по заработной плате¹. Примечательно, что удельный вес промышленности в совокупном объеме накопленных к началу 2010-х гг. странами региона ПИИ достиг 45–50% (т.е. существенно больше, чем ее доля в структуре экономики), а в отраслевой структуре притока капитала повысился удельный вес менее трудоемких и ресурсоемких производств.

Возникновение экспортоориентированных промышленных комплексов обусловлено тенденцией перемещения производственной деятельности из традиционных центров в новые с целью сокращения издержек и оптимизации бизнес-процессов (один из видов трансграничного аутсорсинга, или экстернализации)². Ориентированные на зарубежные рынки компании стимулируют внешнюю торговлю, однако при этом создается опасная зависимость развития отрасли и даже экономики в целом от управленческих решений ограниченного числа корпораций-лидеров. Предприятия под контролем зарубежных компаний зачастую не вовлечены в локальные производственные цепочки и, в сущности, представляют собой экстерриториальные промышленные объекты, влияние которых на экономику страны размещения ограничено обеспечением занятости местного населения и малозначительными отчислениями в бюджет. В результате создаются условия для возникновения

¹ В 2014 г. почасовая оплата труда в Болгарии была в 7 раз меньше, чем в странах еврозоны, в Румынии – в 6 раз, в Венгрии – в 4 раза, в Польше – в 3 раза [Eurostat].

² Данная тенденция также связана со все большим распространением экспортоориентированных ПИИ (export-oriented FDI) по сравнению с импортзамещающими (import-substituting FDI).

эффекта «дуализма экономики», превращения национальных промышленных систем в так называемые «экспортные платформы», замедления процессов кластеризации и комплексообразования и т.д. [Лобанов, 2011].

Уровень интернационализации экономики в странах ЦВЕ и ЮВЕ в целом выше, чем в странах ЕС-15, что объясняется выбранной ими в 1990-е гг. моделью хозяйственного развития. Отметим, что размер экономики не оказывает решающего влияния на уровень интернационализации, что подтверждают данные по удельному весу иностранных компаний в структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) и занятости стран Евросоюза. Венгрия, Чешская Республика, Румыния и Словакия выделяются среди новых стран-членов ЕС наиболее высокой степенью зависимости от деятельности зарубежных компаний, которые формируют примерно 40–50 % ВДС и обеспечивают около 25 % рабочих мест (рис. 2.9). Наименьшим участием иностранных фирм в хозяйственной деятельности характеризуется Словения, уступающая по показателям интернационализации не только другим «новичкам» ЕС (за исключением Кипра), но и соседней Австрии.

Приоритеты направленной реструктуризации промышленности в государствах региона формируются в условиях внешнеэкономической открытости и распространения имитационных (экзогенных) механизмов модернизации. Повышению наукоемкости вторичного сектора экономики в немалой степени способствовал экспорт технологий ведущих мировых корпораций, создание сети технопарков и инновационных центров. Вместе с тем масштаб прямого и косвенного влияния ПИИ на экономику стран региона (в виде так называемых спилловер-эффектов, или экстерналий) по-прежнему остается незначительным [Лобанов, 2012]. Межотраслевые и внутриотраслевые спилловер-эффекты, оказывающие влияние на производительность труда и экспортность, возникают лишь в немногих странах региона, характеризующихся развитой институциональной средой. Большинство исследований по

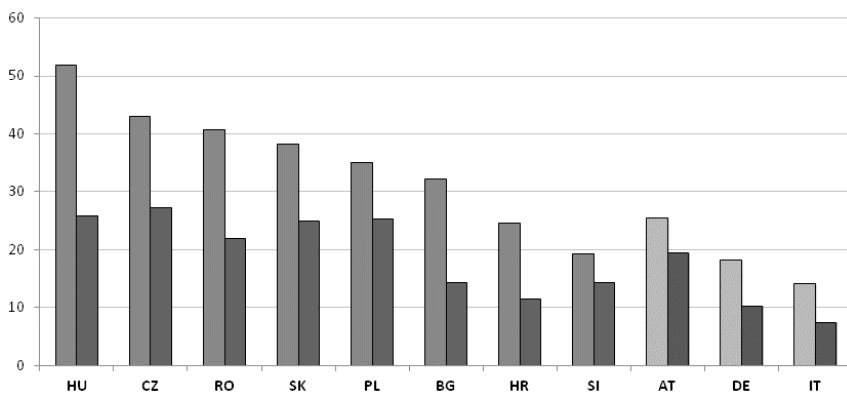

Рис. 2.9. Уровень интернационализации экономики: доля иностранных компаний в структуре ВДС (левый столбик) и занятости (правый столбик) в 2011 г. (%)

Составлено по: [данным Eurostat].

данной теме показывают устойчивую корреляцию между уровнем развития рынков и их «абсорбционной способностью» в отношении спилловер-эффектов. Кроме того, экстерналии маловероятны в промышленных системах, выступающих в качестве «экспортных платформ».

Одним из критериев соответствия сложившихся пропорций между элементами функциональной структуры современному технологическому укладу являются показатели удельного веса высокотехнологичных отраслей в структуре производства, экспорта и занятости. К середине 2000-х гг. Венгрия, Польша и Чешская Республика вошли в десятку ведущих мировых стран-реципиентов НИОКР, а закономерным результатом инвестиционного стимулирования науки стало повышение удельного веса высокотехнологичной продукции в экспорте. К примеру, в Венгрии доля продукции хай-тек в структуре экспорта обрабатывающей промышленности в 2013 г. достигала 16,3 % (в 1993 г. – 5,7 %), что являлось одним из самых высоких значений данного показателя в ЕС. Немногой меньшей была эта доля в Чешской Республике – 14,7 %, а в расположенной на третьем месте Словакии составляла 10,3 %. При этом в некоторых странах ЮВЕ она не превышала и 1 %. Необходимо также отметить, что по сравнению с началом 1990-х гг. дифференциация государств региона по удельному весу высокотехнологичной продукции в экспорте значительно усилилась.

Одним из условий модернизации функциональной структуры промышленности является развитие процессов «достройки» верхних звеньев технологических цепочек, позволяющих осуществить переход от неполных производственных циклов к полным. Частные вертикально интегрированные компании, стремящиеся к большей функциональной эффективности и усилению конкурентных преимуществ, заинтересованы в выстраивании полных производственных циклов и таким образом косвенно способствуют решению общегосударственной задачи по повышению хозяйственной взаимосвязанности [Лобанов, 2012].

Промышленная политика ЕС как фактор развития реального сектора в ЦВЕ и ЮВЕ. Функционирование национальных производственных систем стран ЦВЕ и ЮВЕ, в большинстве своем являющихся странами-членами или странами-кандидатами на вступление в ЕС, в значительной степени зависит от приоритетов промышленной политики Брюсселя. «Ренессанс» активной промышленной политики в Евросоюзе подтверждается сменой тональности заявлений официальных лиц и новым содержанием документов, касающихся стимулирования производства. Если в первой половине 2000-х гг. в различных коммюнике Еврокомиссии внимание было акцентировано на вспомогательной роли промышленной политики в процессе интеграции («промышленная политика для расширенной Европы»), то с началом активной фазы кризиса ускоренное развитие промышленности все чаще увязывают с перспективами восстановления экономики в целом. К примеру, ключевые инициативы стратегии «Европа-2020», представленной в 2010 г., опираются на реформы реального сектора. В частности, в стратегии заявлено о намерении увеличить к 2020 г. долю обрабатывающей промышленности в ВВП Евросоюза

с 16 до 20 %. В 2012 г. была разработана программа «Развитие европейской промышленности с целью роста и восстановления экономики», где в качестве первоочередных мер предлагается увеличить объем инвестирования в инновационных сферах, обеспечить доступ компаний к финансовым ресурсам и способствовать развитию человеческого капитала. Возвращение к активной политике реиндустриализации символизирует и амбициозный проект «новой промышленной революции» в Европе (так называемая третья промышленная революция).

Реализация положений общеевропейских стратегий, в фокусе которых находится индустриализация, оказывает влияние на скорость и направление структурной трансформации промышленности стран ЦВЕ и ЮВЕ. В большинстве государств региона возвращение к активной государственной промышленной политике (ГПП) было вынужденным – для противодействия негативным экстерналиям подготовки к членству и вступления в ЕС. Однако самостоятельность в принятии решений была временной, поскольку делегирование государственных функций регулирующим и надзорным органам ЕС привело к потере суверенитета в определении приоритетов промышленной политики.

Промышленная политика Евросоюза базируется на сочетании двух подходов – горизонтальном (универсальные меры) и секторальном (меры, учитывающие отраслевую специфику). Задачи развития вторичного сектора представлены в виде 14 межотраслевых и отраслевых инициатив (2005–2007 гг.), которые странам ЦВЕ необходимо принимать во внимание при разработке ГПП. Финансирование программ осуществляется по трем направлениям – общему («горизонтальному») ¹, секторальному/отраслевому и региональному/территориальному. Приоритет «горизонтального» подхода не позволяет новым странам-членам ЕС рассчитывать на финансовую поддержку протекционистских мер, направленных на сохранение стратегически важных, но при этом неконкурентоспособных промышленных предприятий.

Трансформация территориальной структуры промышленности. Важная особенность трансформационных процессов в промышленности региона – эволюция факторов размещения, определяющих структуру и размер затрат. Производственная агломерация позволяет снизить уровень переменных издержек, но ее вклад в эффективность предприятий комплекса становится все менее значимым (особенно в условиях расширения нематериальных потоков между хозяйствующими субъектами, не зависящих от степени территориальной близости). Однако повсеместное развитие каналов обмена информацией и стремление к созданию равных условий доступа к ней, в сущности, стимулируют возвращение к традиционной факторной конкуренции. Сложившаяся ориентация предприятий (транспортная, трудовая, сырьевая и др.) обуславливает как центробежную, так и центростремительную тенденцию в их размещении – сдвиг к эконо-

¹ Выделение средств по «горизонтальным» программам направлено, к примеру, на борьбу с безработицей, охрану окружающей среды, развитие МСП, стимулирование НИОКР, реструктуризацию компаний и т.д.

мическим центрам с наилучшим сочетанием факторов производства¹ при одновременном освоении некоторых приграничных областей. Развитие транспортной инфраструктуры приводит к «сужению пространства» и, как результат, способствует потенциальной экономии времени и материальных средств, поэтому в большинстве стран региона феномен магистрализации транспорта приобретает исключительную важность. Изменения в секторальной структуре занятости, мобильность рабочей силы и технологическая модернизация свели на нет зависимость ряда производств от концентрации трудовых ресурсов, однако их квалификация по-прежнему важный лимитирующий фактор.

Территориальная композиция промышленных объектов в странах ЦВЕ и ЮВЕ подвержена существенным изменениям. Речь идет не только о динамике производственных мощностей отдельных узлов или центров, но и смене их ролей в составе более крупных территориально-производственных образований. В странах ЦВЕ преобладают моноцентрические комплексы, представленные промышленными агломерациями и столичными промышленными районами. Бицентрические комплексы, напротив, для нее не характерны. При этом в 1990–2000-е гг. некоторые полицентрические комплексы были видоизменены в бицентрические. Урбанистическая структура промышленности стран ЦВЕ также стала иной, несмотря на сохранение корреляции между людностью поселений и их совокупным производственным потенциалом. В наиболее крупных городах доля промышленности в структуре экономики продолжает снижаться, поэтому города второго порядка при усилении их индустриальной специализации могут претендовать на ведущие позиции в распределении производственных мощностей. Приток иностранного капитала способствует вовлечению в территориальную структуру производства малых и средних поселений даже в областях с традиционно слаборазвитой промышленной инфраструктурой. Формирование производственных площадок с преференциальным режимом хозяйствования способствовало появлению особого типа сдвигов в размещении промышленности, усиленных действием агломерационного эффекта этих новых полюсов роста (кластерная форма пространственной организации).

Границы территориально-производственных образований в значительной степени изменчивы, поэтому сложившаяся конфигурация отражает особенности взаимоположения и взаимодействия комплексов лишь в течение определенного периода времени. Расширение границ производственных комплексов сопровождается усилением территориальной смежности: к примеру, важным фактором функционирования Варшавского промышленного района на социалистическом этапе развития была ориентация на транспортные магистрали, связывающие Польшу с республиками

¹ Высокая концентрация факторов производства в наиболее развитых столичных регионах стран ЦВЕ продолжает оставаться одной из основных проблем рационализации территориальной структуры промышленности. К примеру, удельный вес столиц в структуре аккумулированных ПИИ в Польше, Венгрии, Чешской Республике и Словакии в 1990-е гг. достигал 70–75 %, к 2012–2013 гг. доли Пражской и Будапештской агломераций сократились до 50%, а Братиславской осталась на уровне 70 %.

СССР. В новых условиях предприятия района существенно снизили зависимость от контрагентов в странах СНГ и сконцентрировались на удовлетворении внутреннего спроса, а на порубежных территориях (Вармия, Мазурия и Подлясе) сформировались функционально слабо связанные промышленные ареалы. Тенденции дезинтеграции характерны и для развития хозяйственных отношений между западными областями Белоруссии и Украины с функционально самодостаточными Мазурско-Подляским и Любельско-Подляским промышленными ареалами. Значительно большей интенсивностью характеризуются трансформации отраслевой и территориальной структуры приграничных воеводств на западе Польши, чему способствует реализация интеграционных программ ЕС (в том числе формирование еврорегионов). Возникновение новых производственных узлов и активность иностранных компаний в старопромышленных районах (Нижней Силезии, Западном Поморье) обусловлена их сравнительными конкурентными преимуществами, в том числе наличием квалифицированной рабочей силы и развитой инфраструктуры, близостью к емким потребительским рынкам крупных городских агломераций.

Более высокие темпы развития экспортоориентированных предприятий в западной Словакии и на пограничных территориях венгерского Дунаутуля также привели к сдвигу промышленности к западным границам. Существенно изменилось и экономико-географическое положение некоторых краев Чешской Республики: в период социалистической индустриализации соседство с капиталистическими ФРГ и Австрией сдерживало хозяйственное развитие приграничных районов юго-западной Чехии, а в новых условиях Пльзенский и Южночешский края активно привлекают инвестиции для развития промышленных, технологических и транспортно-логистических центров.

Таким образом, восточные границы стран ЦВЕ почти повсеместно перестали выполнять свои контактные функции для стимулирования приграничного производства, что в особенности характерно для польских Мазурии, Подлясе и Подкарпатья, восточной части Венгрии и Словакии, северной части Румынии. Напротив, вовлеченность предприятий во внешнеэкономические связи способствует усилению производственной активности вдоль западных границ, а также повышает вероятность возникновения первых трансграничных промышленных комплексов. Например, особенности функционирования и внутренней организации Верхнесилезского и Моравско-Силезского, равно как и Нижнесилезского и Средне-Чешского промышленных районов, уже позволяет рассматривать их в качестве единых территориально-производственных образований. Перспективы объединения зависят не только от внешней открытости предприятий и мобильности факторов производства, но и от скорости развития интеграционных процессов в целом [Lobanov, 2014].

Отраслевая макроструктура большинства территориально-производственных образований не претерпела существенных изменений, однако на мезо- и микроуровне происходит усиление диверсификации при одновременной ротации состава функциональных сочетаний. К примеру, в странах

ЦВЕ наиболее высокой степенью отраслевой диверсификации характеризуются столичные промышленные районы (Варшавский, Пражский, Братиславский, Будапештский и т.д.), а также районы с длительной историей освоения (Верхнесилезский, Моравско-Силезский и др.): их ведущие и/или специализированные отрасли и подотрасли образуют сложные комплексы, продукция которых конкурентоспособна на внутренних и внешних рынках. Некоторые отрасли перестали считаться базисными, прежде всего, традиционные отрасли добывающего сектора (угольная, нефтегазовая), отрасли обрабатывающей промышленности с ресурсоемкими (в группе тяжелого машиностроения) и трудоемкими (текстильная, швейная) производственными процессами. Причины низкой эффективности ряда отраслей обрабатывающего сектора промышленности можно, в сущности, свести к инвестиционному дефициту и технологическому отставанию, что ограничивает потенциал их конкурентоспособности. Усиление предпринимательской активности в среднесрочной перспективе будет наблюдаться в электронике и электротехнике, транспортном и высокоточном машиностроении, альтернативной энергетике, химии органического синтеза, металлообработке, вторичной металлургии, производстве пищевой и пищевкусовой продукции, строительных и упаковочных материалов.

Перспективы структурной рационализации промышленности. Структурная трансформация промышленности стран ЦВЕ и ЮВЕ происходит под влиянием ряда внутренних и внешних факторов, как общих, так и специфических. Решение задач по рационализации параметров отраслевых и территориальных структур связано с управлением трансформационными процессами различного уровня и масштаба. Проблемы устойчивой рационализации производственного сектора обусловлены множеством причин, в частности, несоответствием параметров спроса и предложения долгосрочного капитала, наличием или отсутствием квалифицированной рабочей силы, различиями в уровне технологической оснащенности. Развитие интеграционных процессов и привлечение инвестиций способствовали возникновению диверсифицированных и ориентированных на внешние рынки производственных комплексов, оказавших существенное влияние на параметры макро-, мезо- и микроструктур промышленности. Высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры несет в себе определенные риски, особенно при существующем диспаритете в уровне производительности отечественных и иностранных предприятий. Ведущие страны-реципиенты инвестиций с течением времени становятся промежуточным звеном производственной экстернализации, что обуславливает необходимость встраивания дочерних предприятий ТНК в цепочки добавленной стоимости фирм-резидентов для ограничения масштаба перемещения производства за рубеж. Высокий уровень внешнеэкономической открытости способствует технологической модернизации промышленности и повышению конкурентоспособности наукоемких отраслей. Вместе с тем, собственные НИОКР практически не коммерциализированы, поэтому необходимы более тесные кооперационные связи между объектами производственной инфраструктуры, исполь-

зующими научно-исследовательский и образовательный потенциал рассматриваемых стран.

Одним из направлений рационализации территориальной структуры промышленности выступает снижение концентрации факторов производства, ограничивающей возможности экономической конвергенции. Региональные диспропорции в индустриальном развитии характеризуются сохранением доминирующей роли столичных регионов и отставанием в уровне конкурентоспособности хозяйственной периферии. Смещение производственной деятельности к экономическим центрам с наилучшим сочетанием факторов производства сопровождается усилением агломерационного эффекта новых полюсов роста, представленных, в первую очередь, промышленными парками и территориями с преференциальным режимом хозяйствования. Предпринимательская активность в приграничных районах наиболее экономически развитых стран ЦВЕ способствует развитию интеграционных процессов, в частности, формированию первых трансграничных территориально-производственных комплексов.

РАЗДЕЛ 3.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ ОТРАСЛЕЙ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В XXI ВЕКЕ

НОВЕЙШИЕ СДВИГИ В ГЕОГРАФИИ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ МИРА ¹

П.Ю. ФОМИЧЕВ

Финансовые рынки выступают важной частью мирового хозяйства. С одной стороны, на них происходит переток капитала от структур и лиц, располагающих им в избытке, к тем, кому он необходим для развития – компаниям, банкам, правительствам. С другой – на этих рынках производится купля-продажа финансовых активов, позволяющих инвесторам выгодно вложить капитал и получить доход. Круг инвесторов тоже разнообразен – от физических лиц до инвестиционных фондов, коммерческих и центральных банков.

В географическом отношении первое и второе приводят к потокам капитала между странами и регионами и встречной передаче прав владения финансовыми активами. География финансовых рынков проявляется также в пространственном сочетании и распределении тех мест, где собственно происходит финансовая торговля.

Размеры и структура финансовых рынков мира. И переток капитала, и куплю-продажу активов можно определить по стоимости мировых финансовых активов – ценных бумаг, депозитов и кредитов. Однако одновременный учет депозитов и кредитов привел бы к двойному счету, поскольку коммерческие банки выступают финансовыми посредниками, и выдача ими кредитов в основном происходит на основе принятых депозитов. В цитируемом ниже докладе «Дойче банка» учитываются банковские кредиты. Другие же источники вместо кредитов в суммарные активы включают депозиты [Valdez et al.].

«Дойче банк» определяет размер глобальных финансовых активов в 2014 г. суммой 294 трлн долл. (рис. 3.1). Начиная с 2008 г., после спада, вызванного мировым финансовым кризисом, эта величина неуклонно росла. Еще более быстрый рост был характерен для докризисного отрезка 2000-х гг. По отношению к мировому ВВП, однако, роста финансовых активов с начала кризиса не происходило. Показатель 2014 г. – 378 %, но он ниже уровня 2005 г. в 382 %. Более того, на пике этот показатель составлял 426 %; это произошло в 2007 г., как раз осенью того же года началась основная фаза глобального финансового кризиса. Выше уровня 2014 г. были и показатели 2009 г. – 411 %, 2010 г. – 404 %, и даже 2013 г. – 381 % [What the world's financial markets...].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 16-06-00492).

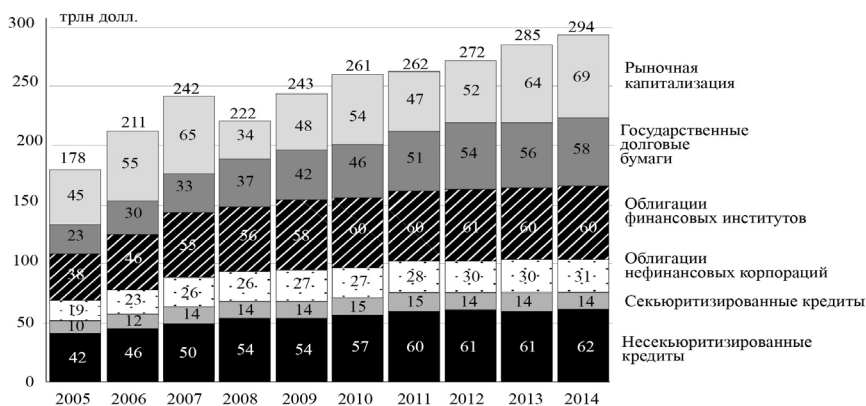

Рис. 3.1. Динамика глобальных финансовых активов по видам в 2005–2014 гг. (2014 г. – оценка).

Источник: [What the world's financial markets...].

В структуре глобальных финансовых активов с 2005 г. происходило дальнейшее сокращение доли обычных, несекьюритизированных, кредитов (табл. 3.1) – правда, более медленное, чем в предыдущий период. Еще в 1990 г. их доля составляла 42 % [The Random Walk], а к 2014 г. сократилась ровно вдвое. Это отражение идущего процесса секьюритизации, состоящего в замене традиционной цепочки финансирования «депозит-банк-кредит» на выпуск ценных бумаг. Коммерческие банки при этом не исчезают, но меняют характер своей деятельности, начинают больше вкладывать активы в ценные бумаги, выпускать свои собственные долговые обязательства вместо привлечения средств на депозиты, торговать ценными бумагами и выполнять основные функции инвестиционных банков, такие как «андеррайтинг»¹.

После глобального финансового кризиса заметен рост удельного веса государственных долговых бумаг по сравнению с началом 2000-х гг. Правительства многих стран, в первую очередь экономически развитых, для финансирования решения экономических проблем занимали большие суммы на рынке посредством размещения своих долговых обязательств, в результате чего сильно увеличился их государственный долг.

География финансовых активов. В размещении финансовых активов по регионам мира к настоящему времени произошло выравнивание удельных весов трех ведущих регионов – Северной Америки, Европы с СНГ и АТР² (табл. 3.2). Если накануне финансового кризиса доминировала Северная Америка с долей почти в $\frac{2}{5}$, за ней шел европейский регион – около $\frac{1}{3}$, а удельный вес АТР был менее $\frac{1}{4}$, то в настоящее время на каждый из этих регионов приходится по 30–35 % глобальных финансовых активов (хотя их порядок по

¹ Андеррайтинг – выпуск ценных бумаг от имени клиента и размещение их на рынке.

² Здесь понимается как зарубежная по отношению к СНГ Азия без Юго-Западной вместе с Австралией и Океанией.

убыванию на 2013 г. оставался прежним). Это произошло, в первую очередь, за счет опережающего роста финансовых активов в АТР.

Таблица 3.1

Структура глобальных финансовых активов по видам, %

Показатели	Годы		
	2005	2010	2014
Рыночная капитализация	25,4	20,8	23,5
Государственные долговые бумаги	13,0	17,8	19,7
Облигации финансовых институтов	21,5	23,2	20,4
Облигации нефинансовых корпораций	10,7	10,4	10,5
Секьюритизированные кредиты	5,6	5,8	4,8
Несекьюритизированные кредиты	23,7	22,0	21,1
Всего	100	100	100

Рассчитано по: [What the world's financial markets...].

Таблица 3.2

Размещение финансовых активов по макрорегионам, %

Регионы	Годы	
	2005	2013
Африка к югу от Сахары	1	1
Северная Африка и Юго-Западная Азия	1	2
Азиатско-Тихоокеанский регион*	23	29
Европа и СНГ	33	31
Северная Америка**	39	34
Латинская Америка	3	3
Мир в целом	100	100

* Восточная, Юго-Восточная, Южная Азия, Австралия и Океания.

** Без Мексики.

Рассчитано по: [Financial Structure; World Federation...; World Economic...; BIS].

Различия в мирохозяйственной роли финансовых рынков по видам. Объемы рынков банковского кредита, долговых и паевых ценных бумаг отражают масштабы получаемого через них финансирования. Несмотря на то, что выше они рассматривались в накопленной величине, объемы нового финансирования по стоимости действующих финансовых обязательств с ними в целом коррелируют, хотя и могут существенно колебаться от года к году. В целом более развитые экономики отличаются и более крупными финансовыми рынками не только в абсолютном выражении, но и в сопоставлении с ВВП. Последний показатель обычно называют глубиной финансовых рынков; большая глубина обычно трактуется как позитивное свойство экономики.

Однако далеко не всегда рост накопленных или текущих объемов финансирования свидетельствует о позитивных изменениях. Так, если это долговое финансирование, то происходит увеличение задолженности в экономике. Само по себе это еще не является отрицательным фактом, поскольку сделавшие долги компании и домохозяйства могут обеспечивать их своевременное обслуживание и получить от занятых средств значительный эффект. Тем не менее, если масштабы задолженности особенно велики, есть риск возникновения проблем. Особый случай представляет государственный долг. Сектор государственного управления не является производящим, и главным источником выплаты государственного долга выступают налоги и сборы, уровень которых должен быть в разумных пределах. Правда, если государственный долг является внутренним по валюте долга и по его правовой базе, то правительства могут на протяжении долгого времени обслуживать очень крупную государственную задолженность, постоянно перезанимая на рынке. Другая ситуация возникает, если государственный долг имеет неторгуемый характер (т.е. не выражен в ценных бумагах), деноминирован в иностранных валютах и регулируется международным правом или законодательством иностранных государств. Как наиболее позитивный тренд можно расценивать рост рыночной капитализации, поскольку он отражает увеличение стоимости компаний и появление новых. Тем не менее, и здесь возможно возникновение рыночных пузырей, что чревато потрясениями.

Особняком стоят валютные рынки. На них не происходит купли-продажи финансовых активов в отличие от других финансовых рынков, а идет лишь обмен одних валют на другие. Однако и здесь есть продавцы и покупатели, которые рассматривают иностранную валюту как актив, который может вырасти в цене или подешеветь.

Особый вид финансовых рынков представляют рынки финансовых деривативов, или производных инструментов. Они связаны с активами, лежащими в их основе, и определяют некоторые права в отношении этих активов. Использование финансовых производных позволяет хеджировать риски по использованию финансовых активов, получать различные дополнительные преимущества, а также осуществлять спекулятивные сделки, как это происходит и на основных финансовых рынках.

Рынки с наибольшей динамикой роста. Сегодня к таковым относятся два последних из рассмотренных видов рынков, на которых не обращаются собственно финансовые активы.

Средний оборот торговли валютой в мире достиг в апреле 2013 г. 5,3 трлн долл. в день, тогда как в том же месяце 2010 г. он составлял 4,0 трлн долл., а в 2007 г. только 3,3 трлн долл. в день – рост в 1,6 раза за 6 лет. Валютный рынок, в отличие, например, от фондового – рынок межбанковский, торговля на нем не зависит от часов работы бирж и ведется круглосуточно. Его главными участниками выступают крупнейшие банки, но в последние годы возросла роль и менее крупных банков. Банк международных расчетов (БМР), находящийся в Базеле, подразделяет участников торговли валютой на три крупные категории: банки-дилеры, прочие финансовые институты и нефинансовые клиенты. Важнейшим трендом с начала 2000-х гг. был рост

доли категории «прочих финансовых институтов», к которым относятся средние и небольшие банки, институциональные инвесторы (пенсионные, взаимные фонды), хедж-фонды и частные валютные дилеры, официальные структуры и др. В исследовании сектора, проведенном в 2010 г. (проводится раз в 3 года), «прочие финансовые институты» впервые опередили по объему валютной торговли банки-дилеры, а в 2013 г. на первые уже пришлось 53 % совокупного оборота, тогда как на вторые только 39 %. Правда, основную часть оборота среди «прочих финансовых институтов» обеспечивают тоже банки, но меньшие по размеру – 24 % от всего валютного оборота. В целом на банковский сектор приходится 63 % суммарного оборота торговли на валютном рынке. Но значительную роль начинают играть институциональные инвесторы – 11 %, хедж-фонды и частные валютные дилеры – тоже 11 % (2013). Роль официальных институтов, таких как центральные банки, крайне мала – всего около 1 %. На нефинансовый сектор приходится только 9 % валютной торговли.

Лишь небольшая часть валютных операций совершается в целях обеспечения международных торговых сделок, денежных переводов или иных международных транзакций, требующих конвертации валюты. Вся международная торговля товарами и услугами, например, сопоставима по стоимости с оборотом валютных рынков за неделю. Валютные операции банков в значительной мере совершаются по заказу их клиентов, среди которых имеются как финансовые, так и нефинансовые структуры, но большая часть деятельности банков на валютном рынке связана с их собственной инициативой. Тем не менее, роль нефинансовых структур в этой связи может реально оказаться больше, чем 9 %. Однако и они продают и покупают валюту не только для ее конвертации с целью совершения различных международных платежей. Большую роль играет хеджирование позиций в связи с изменчивостью взаимных валютных курсов и относительных процентных ставок, действующих в разных странах, а также спекуляции – все эти операции могут совершать любые участники рынка. На валютном рынке используются как спотовые операции, так и форвардные, широко применяются свопы и опционы. Доля спотовой купли-продажи валюты сегодня составляет только 38 % (2013 г.). Валютный рынок тесно связан с рынками валютных деривативов.

В мире наблюдается процесс географической концентрации валютной торговли. Доля 5 ведущих юрисдикций на этом рынке выросла с 68 % в 2001 г. до 75 % в 2013 г. Ведущую роль на мировом валютном рынке играет Лондон, удельный вес Великобритании достиг 40,9 % в 2013 г. По сравнению с ее долей в 2001 г. (31,8 %), она прибавила 9 проц. пунктов. На втором месте – США (18,9 %), но их удельный вес практически не изменился. На третьем месте в 2013 г. оказался Сингапур, впервые обошедший Японию (5,7 и 5,6 % соответственно). Правда, это произошло не столько за счет роста валютной торговли в Сингапуре, сколько в связи с сокращением удельного веса Японии, который в 2001 г. достигал 9 %. На 5-м месте в 2013 г. был Гонконг – 4,1 % [Triennial...].

В структуре совокупного оборота торговли валютой доллар США, евро, иена, фунт стерлингов в целом сохраняют свои удельные веса на протяже-

нии последних полутора десятилетий – соответственно 43,5, 16,7, 11,5, 5,9 в расчете от 100 %¹ на 2013 г. К ведущим 7 валютам также относились австралийский доллар, швейцарский франк и канадский доллар. Но последние три позиции в первой десятке на 2013 г. заняли валюты, которые в 2001 г. шли далеко не на ведущих местах: мексиканское песо переместилось с 14-го на 8-е место (доля 2,5 %), новозеландский доллар с 16-го на 10-е (2,0 %), а китайский юань – с 35-го места на 9-е с долей 2,2 % (по сравнению с менее 0,1 % в 2001 г.) [Triennial...].

Столь динамичное расширение торговли юанем на валютных рынках отражает масштабные сдвиги в международной роли этой валюты. Китай предпринимает целенаправленные шаги в этом направлении: Народный банк КНР открыл за рубежом центры по обеспечению международного обращения юаня, заключил с центральными банками многих стран соглашения о валютных свопах на крупные объемы. Успехи этой политики налицо. Еще в 2010 г. юань был только на 21-м месте по его доле в международных платежах, регистрируемых системой SWIFT, к 2013 г. он переместился на 13-е, к марту 2014 г. – на 7-е, к январю 2016 г. – на 5-е место [RMB stands...]. Причем в отдельные месяцы юань даже выходил на 2-е место в международных платежах, опережая евро.

МВФ официально принято решение о включении юаня в состав корзины валют, определяющих курс СДР (SDR), специальных прав заимствования – расчетной единицы и особого актива, используемого в фонде. Юань станет пятой валютой в этой корзине, наряду с долларом США, евро, фунтом стерлингов и японской иеной. Это будет способствовать увеличению реальной резервной и вообще международной роли юаня. Займы в МВФ деноминируются в СДР, поэтому страны-заемщицы смогут шире использовать юань для расчетов с фондом, также они будут заинтересованы в операциях на срочных рынках по хеджированию своих позиций в том числе и с учетом юаня как «части» СДР. К корзине СДР привязан портфель Всемирного банка, что заставит его увеличить свои вложения в активы, выраженные в юанях, для поддержания необходимого баланса. Наконец, такое решение в целом укрепляет доверие к юаню как официальных институтов, так и частных структур. В результате это может стимулировать расширение роли юаня в частных коммерческих операциях и инвестициях. С другой стороны, данное решение требует от Народного банка Китая резко сократить валютное регулирование, и последний подтвердил такие намерения.

Так же быстро, как валютный рынок, растут рынки производных инструментов. Однако возможны разные способы измерения их объема и структуры, которые дают непохожие результаты.

Существует два типа рынков деривативов – биржевой и внебиржевой. Внебиржевой рынок финансовых производных с 2005 г. к 2015 г. вырос по номинальному объему контрактов с 299 трлн долл. до 493 трлн долл. или в 1,6 раза. Столь большие величины, в несколько раз превышающие мировой

¹ Соотношение валют в совокупном обороте торговли валютой обычно дают из расчета от 200 %, поскольку в каждой сделке одновременно участвуют две валюты. Поэтому в отчете БМР доля доллара дается как 87 % (от 200).

ВВП, связаны с тем, что в соответствии с природой деривативов их номинальный объем отражает не суммы, уплачиваемые покупателем и получаемые продавцом контрактов, а лишь финансовые активы, выступающие базой для этих деривативов. В измерении же по стоимости контрактов рынок за тот же период вырос с 9,8 до 14,5 трлн долл., но почти столь же сильно – в 1,5 раза. Также возможно измерение объема рынков деривативов по числу заключенных контрактов, без учета их стоимости или номинального объема.

По видам активов, лежащих в основе производных контрактов, на внебиржевом рынке резко преобладают инструменты, связанные с процентными ставками, – 70–80 % от общего объема как по номиналу, так и по рыночной стоимости. А среди них более всего значимы свопы на процентные ставки, на которые приходится до половины и более внебиржевого рынка финансовых производных. Помимо этих и других свопов на внебиржевом рынке используются также опционы и форвардные контракты.

География внебиржевого рынка деривативов проявляется прежде всего через валютную структуру сделок. С середины 2000-х гг. она мало изменилась. Так, на рынке контрактов, связанных с процентными ставками, во второй половине 2015 г. на доллар США приходилось 36 % всех сделок, на евро – 31 %, по 10 % – на фунт стерлингов и японскую иену.

На биржевых рынках производных обращаются фьючерсы и опционы. В 2015 г. объем заключенных фьючерсных контрактов составлял 24 трлн долл., а опционов – 40 трлн долл.; в 2005 г., соответственно, 21 и 32 трлн долл.

На биржевом рынке в измерении по числу заключенных контрактов в рассматриваемый период произошли принципиальные изменения в географии торговли. В 2006 г. абсолютным лидером была Корейская биржа, на которой за первое полугодие было заключено 1,2 млрд контрактов. За ней шла германо-швейцарская электронная биржа Eurex, с показателем 0,8 млрд штук, потом две чикагские биржи Chicago Mercantile Exchange (CME) и Chicago Board of Trade (CBOT), на 5-м месте – европейская «Евронекст»¹ [Global Exchange]. К 2015 г. этот рейтинг принципиально изменился. Объемы торговли производными на корейской бирже сократились, а на других площадках резко выросли. Кроме того, произошло слияние чикагских CME и CBOT с образованием Группы CME, которая вышла на лидирующую позицию с показателем 3,4 млрд контрактов за год (рис. 3.2). Второй фьючерсной биржей стала американская Intercontinental Exchange, передвинувшись с 7-го места в 2006 г. В первую пятерку вошли также индийская National Stock Exchange of India, находящаяся в Мумбае, и бразильская BM&F Bovespa, расположенная в Сан-Паулу. Наконец, на 6-е место вышла Московская биржа, образовавшаяся путем слияния Московской межбанковской валютной биржи (ММВБ) и электронной Российской торговой системы (РТС). Это наиболее яркое достижение России в финансовой сфере на мировом фоне.

¹ Объединенная фондовая торговая площадка Франции, Нидерландов, Бельгии и Португалии, включающая также LIFFE – Лондонскую биржу финансовых фьючерсов.

Высокой динамикой в рассматриваемый период отличалась и рыночная капитализация, но она была разнонаправленной. Из всех финансовых активов именно акции во время основной фазы кризиса пострадали больше всего, но потом их глобальная стоимость вернулась к докризисному уровню и даже превысила его. Капитализация фондовых рынков к концу предкризисного 2007 г. достигла 60,7 трлн долл. В результате кризиса к февралю 2008 г. она сократилась более чем вдвое, до 28,9 трлн долл., но к концу 2015 г. составляла уже 67,1 трлн долл.

По соотношению регионов мира в суммарной капитализации в долларовом выражении, по сравнению с докризисным распределением, существенно увеличились доли Северной Америки и АТР (табл. 3.3). Удельный вес первой

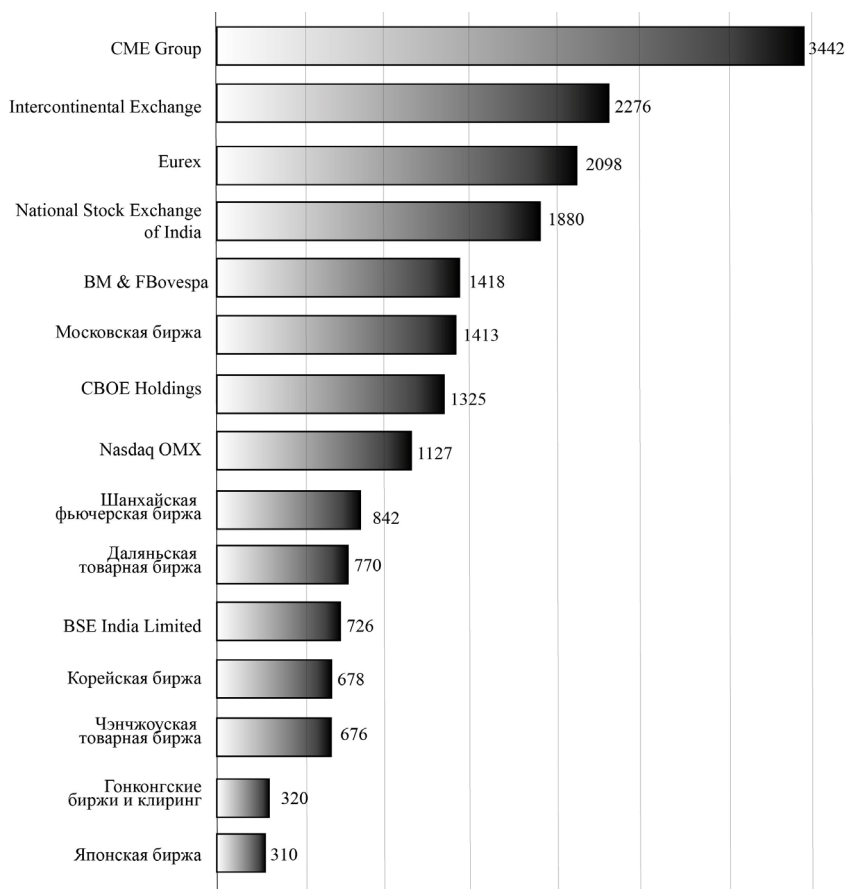

Рис. 3.2. Ведущие биржи по торговле деривативами (число контрактов за 2014 г., млн шт.).

Источник: [Statista].

на конец 2015 г. достиг почти 40 %, а второго – перекрыл $\frac{1}{3}$. Доля Европы и СНГ при этом резко сократилась, с 28 до 20 %, что произошло в результате как стагнации европейских фондовых индексов, так и резкого снижения евро к доллару и некоторым другим валютам¹.

На конец 2015 г. в мире было 16 биржевых площадок с суммарной капитализацией национальных компаний из их листинга свыше 1 трлн долл. Рейтинг возглавляют две американские биржи – Нью-Йоркская фондовая и НАСДАК, с большим отрывом одна от другой и от последующих (табл. 3.4). В 2007 г. НАСДАК занимала лишь 4-ю строчку, но к концу 2015 г. ее капитализация выросла в 1,8 раза. Третьей в мире фондовой площадкой является Биржевая группа Японии. На 4-ю позицию вышла Шанхайская фондовая биржа, капитализация которой тоже заметно возросла (в 1,2 раза). Но особенно примечателен рост капитализации Шэньчжэньской фондовой биржи – в 4,6 раза, в результате чего она переместилась 20-го на 6-е место. 5-ю позицию сохранила Группа Лондонской биржи, немного прибавившая по капитализации национальных компаний.

Таблица 3.3

Рыночная капитализация по регионам мира, 2007 и 2015 гг.

Регионы	Годы			
	2007		2015	
	млрд долл.	% от мира	млрд долл.	% от мира
Северная Америка	22 112	36,4	26 663	39,7
Латинская Америка	2 209	3,6	1 306	2,0
Азиатско-Тихоокеанский регион	17 799	29,3	23 215	34,6
Северная Африка и Юго-Западная Азия	702	1,2	1 451	2,2
Африка к югу от Сахары	836	1,4	828	1,2
Европа и СНГ	17 040	28,1	13 622	20,3
Мир в целом	60 698	100,0	67 085	100,0

Рассчитано по: [WFE].

¹ Американский фондовый индекс S&P 500 вырос с 31 дек. 2007 г. до 31 дек. 2015 г. в 1,4 раза (с 1378,55 до 1940,24), тогда как, для сравнения, индекс Euronext 100 остался практически на прежнем уровне (864,47 и 874,30, соответственно) [Investing.com]. Курс евро к доллару США снизился с 1,46 долл. за евро в среднем за декабрь 2007 г. до 1,09 за декабрь 2015 г. (российский рубль упал по отношению к обоим этим валютам) [Monthly average].

Таблица 3.4

**Крупнейшие фондовые биржи мира по капитализации национальных рынков,
2007–2015 гг.**

Фондовые биржи	Капитализация, трлн долл.		2015 г. к 2007 г. 2007 = 100
	Конец 2007 г.	Конец 2015 г.	
Нью-Йоркская фондовая биржа (NYSE)	15,7	17,8	113
НАСДАК (NASDAQ) – США	4,0	7,3	183
Биржевая группа Японии	4,3	4,9	114
Шанхайская фондовая биржа	3,7	4,6	124
Группа Лондонской фондовой биржи	3,8	3,9	103
Шэньчжэньская фондовая биржа	0,8	3,7	463
Биржа «Евронекст» (Euronext)	4,2	3,3	79
Группа «Гонконгские биржи и клиринг»	2,6	3,2	123
Немецкая биржа (Deutsche Boerse)	2,1	1,7	81
Группа «TMX» (Канада)	2,2	1,6	73
Биржа «BSE India limited»	1,8	1,5	83
Национальная фондовая биржа Индии	1,7	1,5	88
Швейцарская фондовая биржа «SIX Swiss Exchange»	1,3	1,5	115
Биржа Северной Европы «NASDAQ-OMX Nordic Exchange»	1,2	1,3	108
Корейская биржа	1,1	1,2	109
Австралийская биржа ценных бумаг	1,3	1,1	85

Рассчитано по: [WFE].

Наибольшее сокращение капитализации среди бирж первой десятки показали «Евронекст» и Немецкая биржа (обе потеряли около $\frac{1}{5}$ своей прежней капитализации), а также канадская «TMX Group» – более $\frac{1}{4}$. «Евронекст» в результате переместилась с 3-го на 7-е место.

Из списка бирж с капитализацией национальных компаний на сумму более 1 трлн долл. за это время выбыла группа бирж Испании «BSE», терявшая более половины прежней капитализации, а также Итальянская фондовая биржа, как за счет сокращения капитализации, так и в связи с ее поглощением группой Лондонской фондовой биржи.

Совсем по-иному выглядит рейтинг бирж по обороту биржевой торговли (табл. 3.5). Его возглавляют две китайские биржи, Шанхайская и Шэньчжэньская, и только затем следует гигантская по капитализации Нью-Йоркская биржа. Это происходит за счет того, что акции на ки-

тайских биржах оборачиваются в среднем в 5 раз быстрее, чем на Нью-Йоркской, о чем свидетельствует показатель отношения торгового оборота к капитализации (рассчитан только для национальных компаний). Этот показатель отражает, сколько в среднем за год каждая акция переходит из рук в руки. Другое отличие данного рейтинга от предыдущих – появление в нем двух новых биржевых структур, созданных компанией «BATS Global Markets». Компания возникла в 2005 г. в США (Ленекса, штат Канзас) первоначально как «electronic communication network», ECN – электронная система внебиржевой торговли, непосредственно связующая брокеров и некоторых трейдеров, минуя биржевых посредников. В случае торговли акциями такие системы получили в США официальное название «альтернативных торговых систем» – «alternative trading systems». В 2008 г. «BATS» официально зарегистрировалась как биржевая структура. В том же году ею была создана европейская дочерняя компания «BATS Europe», которая стала действовать как «multilateral trading facility» (MTF) – европейский аналог американских «альтернативных торговых систем». В 2011 г. она поглотила своего конкурента «Chi-X Europe». На сегодняшний день американская часть компании, «BATS Global markets», занимает 4-ю строчку по обороту биржевых структур в мире, уступая на 20 % Нью-Йоркской фондовой бирже, но существенно опережая НАСДАК. «BATS Chi-X», находясь по обороту на 7-м месте в мире, в Европе занимает ведущую позицию.

Повышенной оборачиваемостью акций, помимо бирж Китая, выделяются также Корейская биржа и НАСДАК (по 1,5). Вероятно, здесь сказываются как культурно-географические различия¹, так и фактор отраслевой структуры. НАСДАК известна преобладанием высокотехнологичных компаний, которые в большей мере подвержены неожиданным взлетам и падениям котировок, что, по всей видимости, повышает оборачиваемость акций, заставляя инвесторов их чаще покупать и продавать. На всех основных европейских биржевых площадках данный показатель невысок².

По числу включенных в листинг компаний со значительным отрывом лидирует «BSE India limited» – более 5800 компаний (табл. 3.6). Для сравнения, на крупнейшей по капитализации Нью-Йоркской фондовой бирже обращаются акции около 2400, а на Московской бирже – 250 компаний. Это находит отражение в средней величине компаний по капитализации. Для «BSE India limited» средняя капитализация находящихся в листинге национальных компаний составляет около 250 млн долл., а для Нью-Йоркской фондовой биржи – 8,2 млрд долл. Однако в целом эти показатели не испытывают четкой обратной пропорциональной зависимости. Так, средний размер компаний на Московской бирже – 1,6 млрд долл., хотя число включенных компаний невелико. Большую роль играют правила отбора компаний для листинга.

¹ Но показатель оборачиваемости у фондовых бирж Гонконга, однако, невысок.

² Для Московской биржи за 2015 г. он составил всего 0,35.

Таблица 3.5

Ведущие фондовые биржи по годовому обороту, 2015 г.

Фондовые биржи	Оборот, млрд долл.		Оборот акций нац. комп. / капитализация нац. компаний
	Всего	в т.ч. акции национальных эмитентов	
Шанхайская фондовая биржа	21 349	21 343	4,7
Шеньчжэньская фондовая биржа	19 611	19 611	5,4
Нью-Йоркская фондовая биржа (NYSE)	17 477	16 135	0,9
Биржевая группа «BATS Global markets» – США	14 217	14 217	–
НАСДАК (NASDAQ) – США	12 515	11 046	1,5
Биржевая группа Японии	5 541	5 540	1,1
Биржа «BATS Chi-X» – Европа	3 158	–	–
Группа Лондонской фондовой биржи	2 651	2 475	0,6
Группа «Гонконгские биржи и клиринг»	2 126	2 068	0,7
Биржа «Евронекст» (Euronext)	2 077	2 070	0,6
Корейская биржа	1 930	1 901	1,5
Немецкая биржа (Deutsche Boerse)	1 556	1 459	0,8
Группа «ТМХ» (Канада)	1 185	1 181	0,7
Группа бирж Испании «BME»	998	987	1,2
Швейцарская фондовая биржа «SIX Swiss Exchange»	991	985	0,6

Источник: [WFE].

За рассматриваемый период выросла численность иностранных компаний в листингах многих бирж. Особенно большой рост этого показателя отмечен для группы Гонконгских бирж – с 9 в 2007 г. до 96 в 2015 г., НАСДАК – с 307 до 388, Нью-Йоркской фондовой биржи – с 421 до 514. На Лондонской бирже, выступавшей абсолютным лидером по численности иностранных компаний в листинге, произошло их существенное сокращение – с 719 до 518.

Но в целом по числу иностранных компаний по-прежнему лидируют Группа Лондонской фондовой биржи, Нью-Йоркская фондовая биржа, НАСДАК, Сингапурская биржа, Люксембургская фондовая биржа, «Евронекст» и Австралийская биржа ценных бумаг – от 100 до более 500 компаний (табл. 6). По доле иностранных компаний в листинге в абсолютных лидерах, как и в 2007 г., Люксембургская биржа – 86 %; из 192 компаний

в ее листинге на 2015 г. 165 являются иностранными. Также сегодня выделяются Намибийская, Бермудская фондовые биржи и Фондовая биржа Порт-Морсби (Папуа – Новая Гвинея) – 65–80 %. Но это небольшие биржи с общим числом компаний в листинге 67, 41 и 17 соответственно. Нью-Йоркскую и Лондонскую биржи по доле иностранных компаний превосходят еще фондовые биржи Сингапура, Лимы и Сантьяго (Чили) – 28–37 % при общей численности компаний на каждой из них в пределах 200–300.

Таблица 3.6

Крупнейшие биржи по численности компаний в листинге, конец 2015 г.

Крупнейшие биржи	Количество компаний, шт.:			Доля иностранных компаний, %
	всего	национальных	иностран-ных	
Биржа «BSE India limited»	5 836	5 835	1	0,0
Группа бирж Испании «BSE»	3 651	3 623	28	0,8
Группа «TMX» (Канада)	3 559	3 501	58	1,7
Биржевая группа Японии	3 513	3 504	9	0,3
НАСДАК (NASDAQ) США	2 859	2 471	388	15,7
Группа Лондонской фондовой биржи	2 685	2 167	518	23,9
Нью-Йоркская фондовая биржа (NYSE)	2 424	1 910	514	26,9
Австралийская биржа ценных бумаг	2 108	1 989	119	6,0
Корейская биржа	1 961	1 948	13	0,7
Группа «Гонконгские биржи и клиринг»	1 866	1 770	96	5,4
Национальная фондовая биржа Индии	1 794	1 793	1	0,1
Шеньчжэньская фондовая биржа	1 746	1 746	0	0,0
Шанхайская фондовая биржа	1 081	1 081	0	0,0
Биржа «Евронекст» (Euronext)	1 068	944	124	13,1
Варшавская фондовая биржа	905	872	33	3,8

Рассчитано по: [WFE].

Как отмечалось выше, к числу важных изменений можно отнести также резкое расширение рынков государственных долговых обязательств ряда ведущих стран. Так, крупнейший рынок государственных долговых обязательств США вырос с 6,4 трлн долл. в 2007 г. до 15,8 трлн долл. в 2014 г., рост в 2,5 раза.

Международное движение капитала в посткризисный период сильно сократилось, и его восстановление происходит очень медленно. Однако приток частных капиталов в развивающиеся экономики приблизился к докризисному уровню.

Выводы. География мировых финансовых рынков выражается, в первую очередь, в распределении финансовых активов по регионам и странам мира и в географии финансовой торговли. В последние 10–15 лет наблюдался опережающий рост рынков капитала в АТР, что привело к увеличению его доли в глобальных суммарных показателях. В этом же регионе, в Китае, появился новый крупный фондово-биржевой центр – Шэньчжэнь. Всего за 8 лет, прошедших с пикового года глобального финансового кризиса 2007 г., к 2015 г. капитализация Шэньчжэньской фондовой биржи выросла в 4,6 раза, что вывело ее на 6-ю позицию в мире. Быстро увеличивается и капитализация Шанхайской фондовой биржи, ныне занимающей 5-е место. А по показателям оборота эти две биржи стали мировыми лидерами, опередив даже Нью-Йоркскую фондовую биржу (NYSE). Это произошло за счет 5-кратного превышения оборачиваемости акций на биржах Китая по сравнению с NYSE, что можно объяснить культурно-географическими различиями. Усиление глобальной финансовой роли Китая отражает также быстрый рост использования юаня в международных платежах и в валютной торговле, его официальное включение МВФ в состав корзины СДР.

В развитых странах среди финансовых активов наблюдался ускоренный рост государственных обязательств. Динамика рыночной капитализации была разнонаправленной: со значительным ростом в Северной Америке и сокращением в Европе. Лондон существенно укрепил свою роль центра мировой валютной торговли, сосредоточив свыше 40 % оборота.

Кардинальные перемены произошли на фондовом рынке. Недавно возникшая электронная биржа BATS Global Markets заняла по обороту 4-ю строчку в мире, сосредоточив около $\frac{1}{3}$ всей биржевой торговли в США. В Европе ее дочерняя структура BATS Chi-X Еуроге вышла на 1-е место.

На рынках производных финансовых инструментов при сохраняющемся доминировании Североамериканского региона и вторичной роли Европы происходили значительные изменения в значении отдельных бирж. Поглощение чикагской биржей CME ее конкурента CBOT привело к созданию Группы CME, возглавившей мировой рейтинг по числу торгуемых контрактов. На 6-е место в этом рейтинге вышла Московская биржа, что является наиболее ярким достижением России на международных финансовых рынках.

ГЕОГРАФИЯ НИОКР И ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

А.В. ФЕДОРЧЕНКО, Е.А. ГРЕЧКО, Н.В. РЯБОВА

Последняя четверть XX в. охарактеризовалась колоссальными качественными изменениями в развитии производительных сил, затронувшими все мировое хозяйство. Ведущие промышленные державы вступили в новый – постиндустриальный – этап своего развития, получивший еще и другое название – «экономика, основанная на знаниях» (англ. – knowledge-based economy). Место страны в мировой экономической таблице о рангах стало определяться прежде всего уровнем развития науки и научно-техническим потенциалом, а такие традиционные для индустриальной эпохи показатели, как размер территории, объем материального производства, обеспеченность природными и трудовыми ресурсами, отошли на второй план. Изменилась сама природа конкурентоспособности стран мира. Сейчас она определяется не столько естественными, сколько приобретенными, сознательно созданными конкурентными преимуществами: уровнем квалификации рабочей силы, знаниями, технологиями, инновациями, в совокупности позволяющими создавать инновационные продукты и технологии. Примечательно, что само производство новых товаров вовсе не обязательно должно находиться в развитых странах, ведь современные информационно-коммуникационные и транспортные технологии позволяют транснациональным корпорациям легко координировать деятельность предприятий, размещенных в разных странах и даже на разных континентах. Но вот сами научно-исследовательские и опытно-конструкторские функции крупные компании предпочитают сохранять на территории развитых стран. Вместе с тем и в развивающемся мире появились страны, стремительно повышающие свой научно-технологический уровень: Китай, Индия, Бразилия, так называемые новые индустриальные страны (НИС) Азии (Республика Корея, Сингапур, Тайвань и некоторые другие). В то же время страны бывшего СССР в значительной степени утратили научно-технический потенциал.

В современных условиях научно-технологический уровень стран определяется состоянием сектора научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (в англоязычной литературе аббревиатуре «НИОКР» соответствует сокращение «R&D», т.е. Research and Development). По определению ЮНЕСКО, к сфере НИОКР относятся систематическая творческая деятельность, направленная на увеличение научных и технических знаний, и разработка способов их применения. Конечным результатом НИОКР является либо появление новых продуктов и технологий, либо улучшение уже существующих. Эта деятельность включает в себя фундаментальные и прикладные исследования, экспериментальные разработки для создания новых продуктов, процессов, приборов и механизмов. Не относятся к НИОКР образование,

научная и техническая информация, стандартизация и другие технические работы, связанные с производством или использованием уже существующих продуктов или процессов.

НИОКР включают три последовательные стадии (этапа).

1. Фундаментальные исследования (иногда их называют «чистой» наукой) имеют поисковый характер; в процессе их проведения увеличивается объем знаний о процессах, явлениях, закономерностях. Результаты фундаментальных исследований в большинстве случаев не могут быть немедленно применены в технике, экономике и других областях.

2. Прикладные исследования имеют четко определенное целевое назначение. Они опираются на фундаментальные исследования, углубляя их в конкретном направлении.

3. Опытно-конструкторские разработки (ОКР) направлены на реализацию конкретных технических проектов, практическое осуществление предложенных фундаментальной и прикладной наукой технологий производственных процессов. Это конечный этап НИОКР, в ходе которого происходит материализация, или коммерциализация результатов научно-исследовательских работ в форме конкретных технологий, проектов и продуктов.

Приведем пример последовательного перехода от одной стадии НИОКР к другой в области ядерной физики и атомной энергетики: открытие радиоактивности урана – изучение возможности создания уранового котла для осуществления управляемой цепной реакции – создание атомной электростанции.

В современных реалиях НИОКР требуют огромных финансовых затрат и эффективного взаимодействия всех звеньев инновационного процесса. Развитие НИОКР невозможно без квалифицированного научного персонала, разнообразных исследовательских объединений, целенаправленного финансирования, специализированной промышленно-технической базы, сложного разделения труда, системы подготовки научных кадров. Для сопоставления данных в мировом масштабе ЮНЕСКО и другие международные организации пытаются выработать согласованные подходы в этой области. На основе унифицированных показателей и понятий становится возможным сопоставить уровень развития НИОКР в разных странах.

Все подобные показатели можно разделить на две группы. К первой относятся те из них, которые характеризуют научно-технический потенциал страны «на входе», прежде всего затраты на НИОКР в абсолютном и относительном выражении (в процентах от ВВП страны) и численность научных кадров (рис. 3.3, 3.4). Вторая группа показателей отражает эффективность использования финансовых и людских ресурсов, то есть результаты НИОКР «на выходе»: сюда относятся такие индикаторы, как число публикуемых учеными данной страны статей в авторитетных научных журналах, число регистрируемых патентов, доля страны в мировом экспорте высокотехнологичной продукции и пр. (рис. 3.5–3.7).

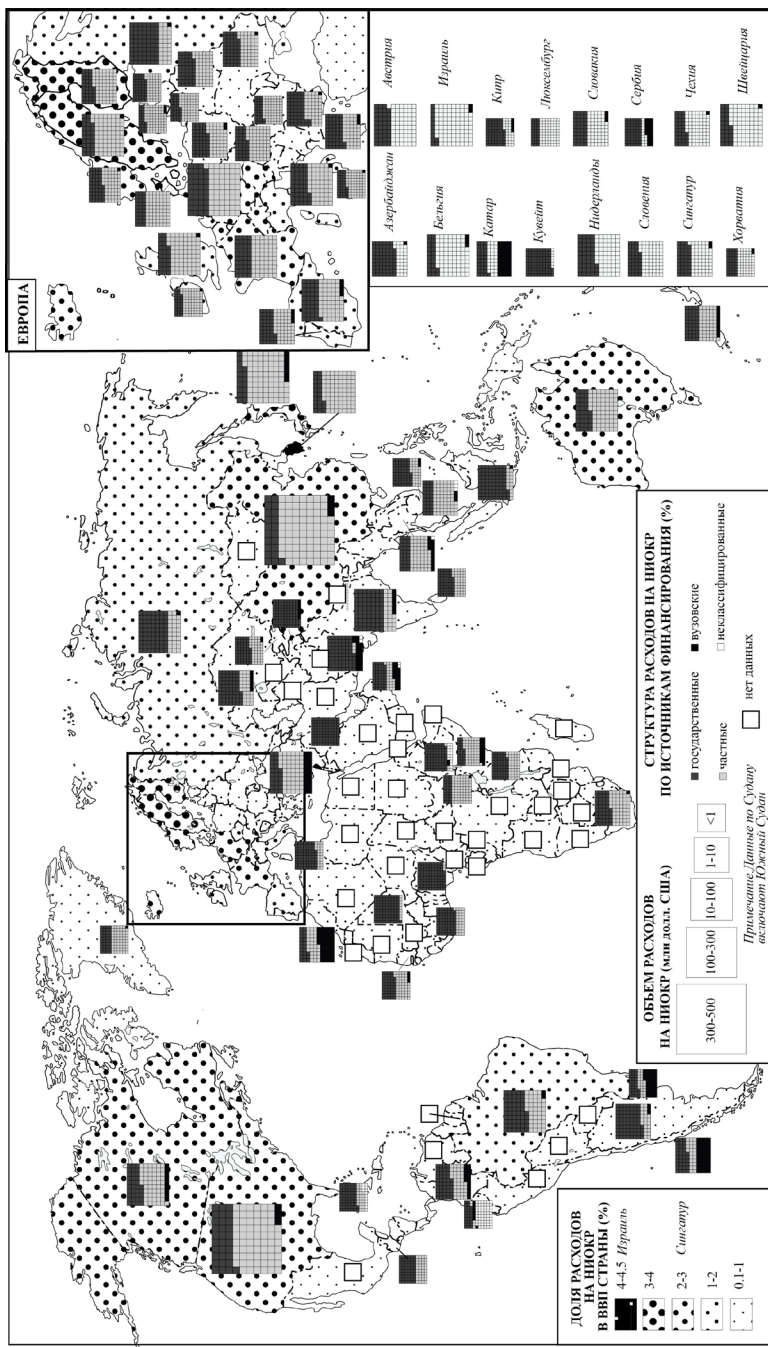

Рис. 3.3. Объем и структура расходов на НИОКР. 2013 г.
Составлено по: [UNESCO Science Report: Towards 2030, 2014 г.]

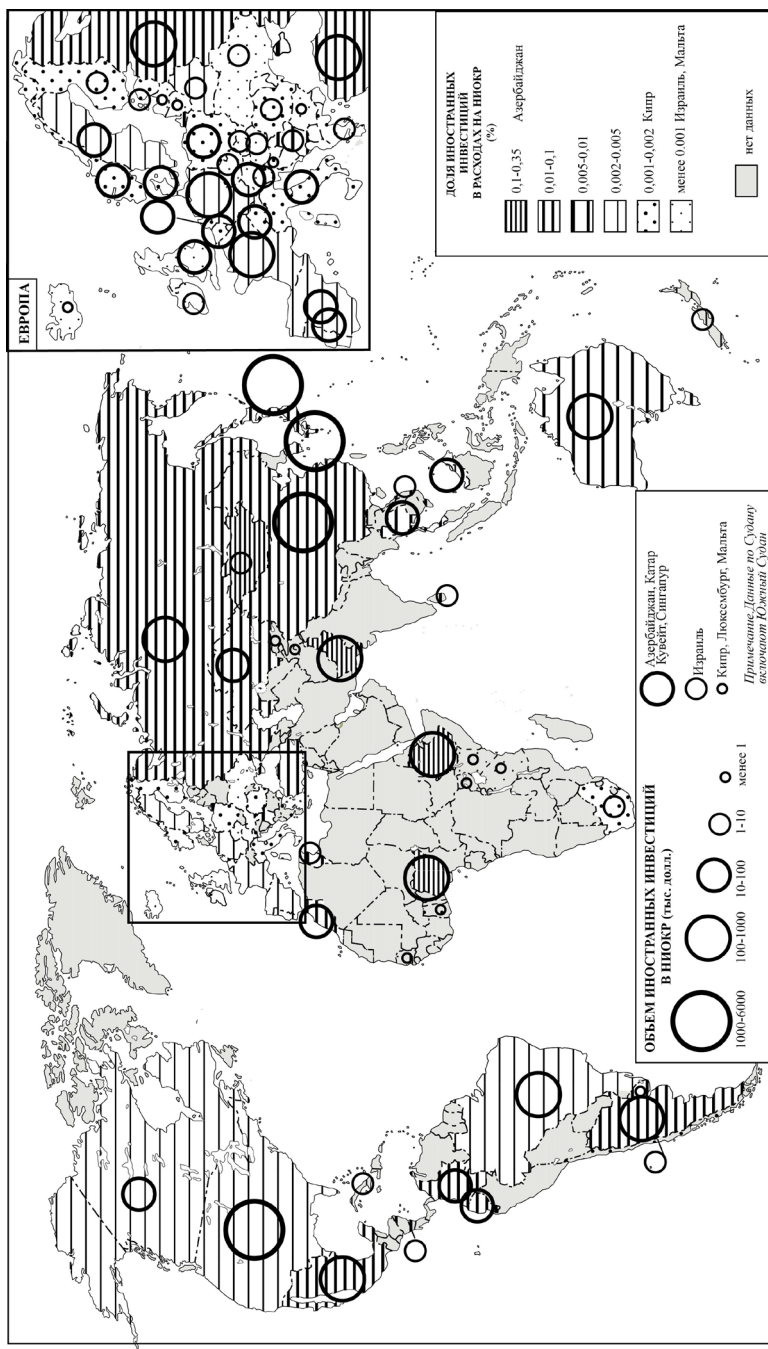

Рис. 3.4. Иностранные инвестиции в НИОКР, 2013 г.
 Составлено по: [UNESCO Science Report: Towards 2030, 2014 г.]

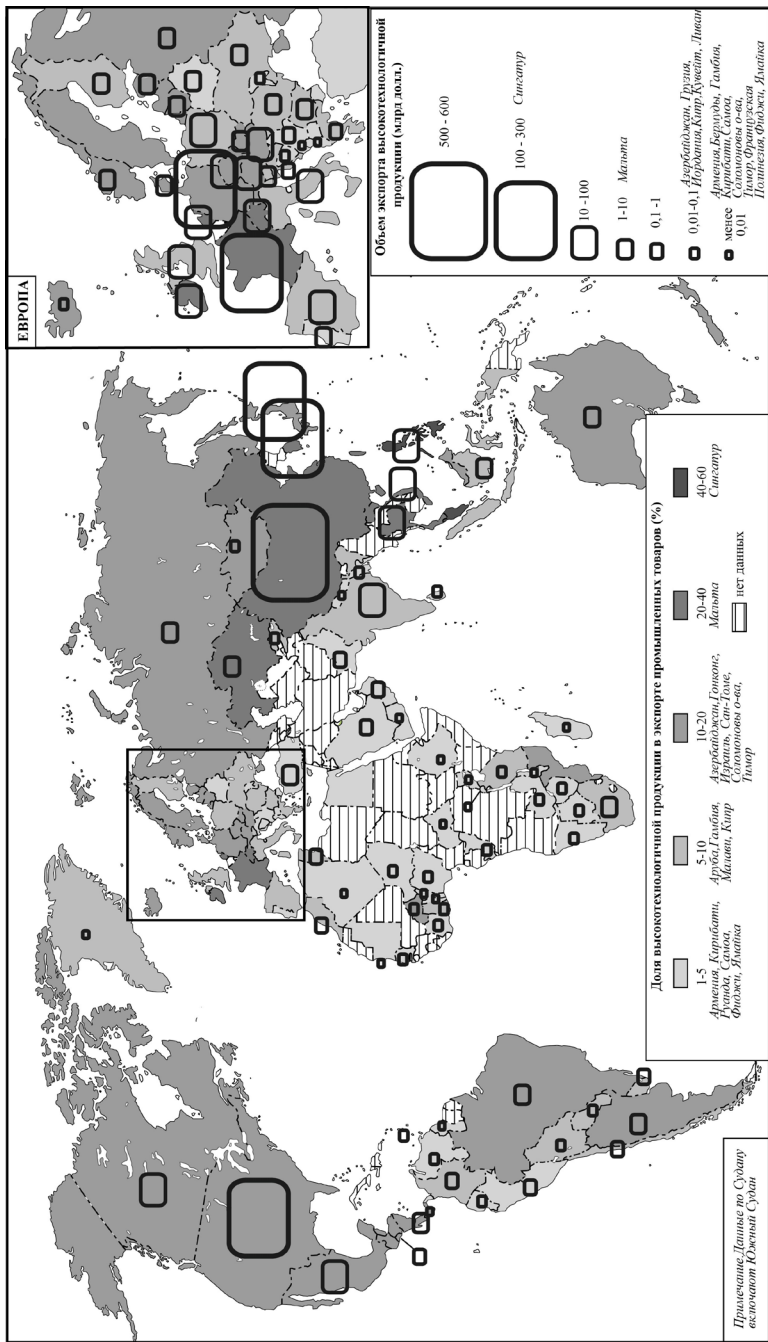

Рис. 3.7. Экспорт высокотехнологичной продукции. 2013 г.
 Составлено по [The World Bank data. IBRD-IDA, 2014 г.]

Общая численность занятых в НИОКР в мире составляет сейчас приблизительно 8 млн чел., а совокупные расходы на НИОКР – около 1,5 трлн долл. Среди регионов мира по расходам на НИОКР лидирует Северная Америка (около 30 % от общемирового показателя, в том числе США – 28 %), далее идут страны ЕС (23 %), Азия (42 %, в том числе Китай – 19,6 %), Латинская Америка (3,4 %), Австралия и Океания (1,4 %), Африка (1,3 %). В целом же на наиболее развитые страны мира, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития, приходится две трети от мирового финансирования НИОКР [UNESCO Science Report].

Финансирование НИОКР может осуществляться из различных источников – государственных, частных, вузовских. В большинстве развитых стран выше доля частных источников финансирования, а в развивающихся странах – государственных.

Развитие сектора НИОКР в мире происходит в русле тех тенденций, которые характерны для большинства других отраслей в условиях глобализации: интернационализация научно-исследовательской деятельности, аутсорсинг и кооперация фирм, создание стратегических альянсов. В результате обострения конкуренции на мировых рынках фирмы вынуждены искать способы увеличения отдачи от вложенных в НИОКР средств. Во многих отраслях готовые продукты представляют собой результат применения технологий из многих областей знаний и секторов хозяйства (к примеру, даже в самом простом современном автомобиле используется несколько десятков электронных микросхем). Поэтому фирмы вынуждены концентрировать свои усилия на ключевых направлениях (компетенциях), передавая побочные направления исследований специализированным организациям: другим фирмам, университетам, научным центрам. Так, в Германии образовался целый сектор обслуживания НИОКР (нем. – *Forschungsdienstleistungen*), выполняющий исследования «под заказ» [Ковалев, 2005].

Еще одним направлением оптимизации НИОКР стала их интернационализация. Нередко крупные ТНК открывают свои научные лаборатории за пределами страны базирования материнской компании. Важными факторами при принятии подобных решений выступают дешевизна рабочей силы (в Индии, Китае, странах Восточной Европы), меньшие масштабы бюрократии, менее жесткое законодательство и пр. Все чаще интернационализация НИОКР принимает форму так называемых стратегических альянсов, когда крупные ТНК, выступающие как конкуренты на рынках готовой продукции, объединяют свои усилия в сфере научных исследований. Одним из наиболее запоминающихся результатов подобного сотрудничества стало создание в середине 1980-х годов лазерного компакт-диска – совместной разработки японской фирмы «Сони» и голландской компании «Филипс».

Инвестиции в зарубежные НИОКР связаны также со спецификой современной промышленности: научные исследования обычно тяготеют к производственным мощностям, что позволяет, во-первых, минимизировать временной разрыв между созданием новшества и внедрением его в производство и, во-вторых, адаптировать продукт к особенностям местного рынка. Зачастую

такие инвестиции направляются в те места («штандорты»), где другие организации уже осуществляют аналогичные исследования и разработки. Как следствие, идет процесс интеграции НИОКР на межфирменном уровне, образуются исследовательские сети и кластеры. Формируются подобные кластеры вокруг каких-либо научных центров – вузов или исследовательских подразделений крупных компаний.

Отличительной чертой экономики, основанной на знаниях, стала интеграция научных исследований и производства, в результате которой возникли специфические территориальные образования. Их можно в общем виде назвать инновационными комплексами. Основная задача этих комплексов – эффективная коммерциализация научных разработок и сокращение цикла: научные исследования – ОКР – производство инновационной продукции. В большинстве развитых государств и в ведущих развивающихся странах поддержка таких комплексов – один из приоритетов научно-технической политики.

Инновационные комплексы, несмотря на их многообразие, можно свести к нескольким основным видам [Федорченко, Левченко, 2005].

1. *Бизнес-инкубаторы* (синонимы: инновационный инкубатор, инновационный центр). Под ними в мировой практике понимается здание или несколько зданий, в которых на ограниченный срок размещаются недавно возникшие малые фирмы-клиенты. В большинстве случаев инкубаторы создаются как один из компонентов научно-технологического парка - начальная ступень его развития. Другими словами, бизнес-инкубаторы представляют собой либо начальную стадию развития парка, либо его усеченный вариант. Функциональное предназначение инкубаторов – дать недавно образовавшейся фирме встать на ноги, обрести финансовую независимость.

2. Различные виды *парков* (научные, научно-технологические, технологические, исследовательские, промышленные и др.). Они представляют собой научно-производственные комплексы, состоящие из исследовательского центра и примыкающей к нему компактной производственной зоны, в которой арендуют площади малые инновационные фирмы. Как правило, в роли инновационного центра выступает вуз, и результаты проводимых там фундаментальных исследований превращаются в инновации посредством технологического трансфера от центра к предприятию. Поэтому именно вузы стоят у истоков создания большинства перечисленных видов парков. Терминологические различия связаны с тем, что парки различаются по размеру, функциональным особенностям и пр. Самым знаменитым научно-промышленным парком стала знаменитая Силиконовая долина США, возникшая на базе Стэнфордского университета.

3. *Технополисы*. Под технополисами понимают научно-производственные комплексы, охватывающие территорию целого города и имеющие развитую инфраструктуру обслуживания. Иными словами, это города, в экономике которых главную роль играют исследовательские центры, разрабатывающие новые технологии, и производства, данные технологии использующие. Технополисы представляют собой города, либо специально построенные (например, японские технополисы), либо ранее существо-

вавшие, но существенно реконструированные в результате развития новых производств (например, Лион, Оулу и др.). В последние десятилетия немало технопарков и технополисов возникло в развивающихся странах, особенно в новых индустриальных (Сайберджайя в Малайзии, Синьчжу на о. Тайвань и др.).

Специфика территориальной организации науки в России во многом унаследована от бывшего СССР [Федорченко, 2012]. Большая часть научно-технического потенциала сконцентрирована в нескольких регионах: в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Новосибирской области, на Урале. Здесь находятся главные научные центры, вузы и лаборатории, на которые приходится до 70 % проводимых в нашей стране научных исследований. Кроме этого, значительная часть научно-технического потенциала сосредоточена в особых научно-исследовательских поселениях – наукоградах, с которыми исторически связаны российские высокотехнологичные производства, особенно ВПК. Почти все наукограды были созданы в советский период для реализации авиационных, ракетно-космических, атомных и биологических проектов оборонного значения, вследствие чего многие из них были секретными, не отображались на картах, а некоторые до сих пор имеют статус закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) с режимом ограниченного доступа. Главными структурными элементами наукоградов стали, как и в случае с западными научно-технологическими парками, отраслевые научно-исследовательские центры и связанные с ними научно-производственные комплексы соответствующего профиля. На момент распада СССР в России насчитывалось более 60 наукоградов различной специализации, причем около 30 из них было расположено в Московском регионе (Дубна, Черноголовка, Зеленоград, Пущино, Королев, Жуковский и пр.) [Агирречу, 2009(b)]. Согласно закону «О статусе наукограда Российской Федерации» от 1999 г. в поселении подобного рода доля занятых в НИОКР должна составлять не менее 15 % от общей численности занятых. Статус наукограда присвоен 13 городским округам.

Далеко не все наукограды можно считать аналогами технополисов, так как в них результаты фундаментальных исследований не всегда доводят до стадии ОКР. Тем не менее, начиная с 1990-х годов делались попытки создать технопарки и технополисы по образу и подобию западных (Томский технопарк, Научный парк МГУ имени М.В. Ломоносова и др.). При этом некоторые технопарки возникли либо прямо на территории наукоградов, либо в непосредственной близости от них, например, Зеленоградский технопарк под Москвой или Новосибирский технопарк рядом с Академгородком.

Однако самым масштабным проектом подобного рода стал инновационный комплекс «Сколково». Помимо него в процессе реализации находятся еще два крупных проекта: «Технополис GS» в Калининградской области и «Иннополис» в Казани. Их принципиальным отличием можно считать то, что они создаются с нуля в рыночной среде – в отличие от прежних наукоградов, которые унаследовали планировочную и производственную

структуру со времен плановой экономики. Таким образом, в новых проектах изначально выделяются государственный и коммерческий секторы. Возводятся коммерческая недвижимость, предназначенная для сдачи в аренду компаниям. Предусмотрено наличие финансовых организаций, таких как венчурные фонды и банки. Инфраструктура создается в соответствии с концепцией «дружелюбной» среды, которая должна обеспечить благоприятные условия для жизни и работы на территории комплекса, привлекая инвесторов и потенциальные трудовые ресурсы.

В состоянии НИОКР в России наблюдаются некоторые неблагоприятные тенденции. Прежде всего обращает на себя внимание ярко выраженный дисбаланс между численностью научных кадров и финансированием. Так, в нашей стране работают 5,7 % ученых мира, но получают они лишь 1,7 % общемирового объема финансирования. В последнем Докладе ЮНЕСКО о состоянии мировой науки указываются и другие проблемы России: недостаточное финансирование фундаментальных исследований, малое число регистрируемых патентов на изобретения, барьеры для предпринимательства, что препятствует коммерциализации научных разработок, и пр. [UNESCO Science Report].

Несмотря на увеличение научно-технического потенциала ряда развивающихся стран, развитые страны, на которые приходится львиная доля мировых расходов на НИОКР и научные производители технологий. С некоторыми упрощениями мировую технологическую пирамиду можно представить в виде нескольких этажей. На верхнем находится небольшая группа стран во главе с США – единственной страной мира, обладающей всем спектром «высоких технологий», включая военные. Здесь же с определенным отставанием от США расположились Япония и несколько европейских государств, прежде всего, Германия, Великобритания, Франция. На следующем этаже – еще пять–шесть европейских стран, Китай, некоторые азиатские НИС (Сингапур, Республика Корея, Тайвань, Малайзия), Индия и Бразилия, еще ниже – прочие европейские страны и НИС. Наконец, самый нижний этаж занят остальными развивающимися странами. России, однако, довольно сложно позиционировать в рамках такой системы координат. Так, в сфере ВПК наша страна способна почти на равных соперничать с США, но вот в сфере гражданских «высоких технологий» она уступает даже некоторым НИС.

Международная миграция производства, международное кооперирование, прямые зарубежные инвестиции неизбежно приводят и к передаче связанных с ними научно-технических знаний и технологий в другие страны. Процесс, посредством которого одна компания (или страна) адаптирует технологию, созданную другой, получил название трансферта (трансфера) технологий (таб. 3.7).

Трансфер технологий может происходить как в результате вполне осознанного решения со стороны владельца технологии – с целью получения прибыли, так и вследствие не совсем законных с юридической точки зрения действий реципиента.

Таблица 3.7

Основные каналы международного трансфера технологий

Легальные (рыночные)	Нелегальные (нерыночные)
Международная торговля товарами и услугами	Технологическая имитация (копирование)
Прямые зарубежные инвестиции	Реверсивный инжиниринг
Передача лицензий	Анализ открытых данных патентных заявок и прочей технической информации
Создание совместных предприятий и организация совместных научно-исследовательских проектов и альянсов	Технологическая разведка (промышленный шпионаж)
Легальное трансграничное перемещение персонала	Переманивание и вербовка высококвалифицированного зарубежного персонала

Источник: [Медовников, Оганесян, 2012]

Самые распространенные рыночные, то есть легальные каналы трансфера технологий – экспортно-импортные операции, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и передача лицензий.

В ходе *экспортно-импортных операций* новые технологии проникают в страну в овеществленной форме – в виде товаров, оборудования и пр. При *прямом зарубежном инвестировании* научно-техническая информация проникает в страну через местный персонал филиалов и дочерних компаний зарубежных фирм. При этом масштабы диффузии технологий могут быть как минимальными – в случае чисто сборочных операций, так и максимальными, если в принимающей стране организован полный технологический цикл, включая НИОКР. *Передача лицензий* предусматривает предоставление странами или фирмами на коммерческой основе (гораздо реже – безвозмездно) права использования разработанных ими технологий другим странам. Продажа лицензий приносит большой доход их продавцам, а покупатели получают возможность за счет внедрения инновационных разработок модернизировать производство и повысить свой экономический потенциал. В мировой торговле лицензиями доминируют развитые страны (до 75 % продаж), но в последние десятилетия заметную роль стали играть и некоторые развивающиеся страны, прежде всего новые индустриальные страны Азии, такие как Республика Корея, Сингапур, о. Тайвань [Федорченко, 2012].

Три вышеперечисленных канала трансфера технологий различаются по степени привлекательности для стран-доноров и стран-реципиентов технологии. Экспорт наиболее безопасен для правообладателей, но наименее предпочтителен для принимающих стран. Прямые зарубежные инвестиции, предусматривающие создание зарубежных филиалов – довольно быстрый и удобный канал для донора, но страны-реципиенты далеко не всегда получают при этом полноценный доступ к ноу-хау. Именно поэтому многие развивающиеся страны Восточной и Юго-Восточной Азии, прежде всего,

Китай, на государственном уровне жестко ограничивали приток ПИИ, отдавая предпочтение техническому лицензированию и созданию совместных предприятий. Иностранным компаниям часто прямым текстом указывали на необходимость делиться своими технологиями с местными фирмами в обмен на возможность ведения нормального бизнеса в этих странах [Медовников, Оганесян, 2012].

Но даже передача лицензий и создание СП далеко не всегда гарантирует полноценный доступ к конкретной технологии. Дело в том, что любая технология состоит из двух компонентов – физического и информационного. Первый включает в себя произведенные продукты, оборудование, инструменты, техническую документацию; второй – это всевозможные ноу-хау, связанные с производственным процессом, контролем качества, управлением, маркетингом, послепродажным обслуживанием и пр. Примечательно, что информационной компонент зачастую включает в себя так называемые неявные знания (англ. – tacit knowledge) – некодифицированные, то есть нигде не прописанные навыки работы с конкретной технологией, передаваемые исключительно неформальными способами в ходе личных контактов между специалистами.

Важность неявного знания ярко иллюстрирует любопытная история, случившаяся во времена советской индустриализации, когда для восстановления отечественной промышленности СССР был вынужден закупать за рубежом многие технологии, утраченные вследствие гражданской войны и последовавшей за ней разрухи. Приобретенная на Западе технология литья стали не позволяла производить крупнолистовой прокат для нужд судостроения: стальные листы ломались при попытке сочленить их в единый корпус судна. Решение подсказал старый сталевар, имевший большой опыт работы на металлургических предприятиях еще Российской Империи. Оказалось, что необходимую стальному прокату пластичность придает добавление в расплавленный металл обычного свечного воска.

Подобные «скрытые» элементы технологий фирмы и страны-доноры стараются как можно дольше сохранять в тайне, чтобы раньше времени у них не появлялись ненужные конкуренты, особенно из развивающегося мира. Как следствие, по-настоящему инновационные технологии сконцентрированы в относительно небольшой группе высокоразвитых стран, а на периферию мирового хозяйства в полном объеме передаются лишь массовые, так называемые зрелые технологии, с которых уже сняты сливки.

Стремление развитых стран найти золотую середину между желанием получить прибыль от продажи технологии и нежеланием создать при этом конкурентов на рынке получило название «дилемма трансфера технологий». Такая позиция стран-доноров вызывает справедливое возмущение стран-реципиентов, указывающих на двуличие развитых стран: с одной стороны, Север требует от Юга честности в вопросе соблюдения прав на интеллектуальную собственность, а с другой – сам ведет себя нечестно, «придерживая» неявные знания в ходе трансфера технологий.

Впрочем, и развивающиеся страны тоже далеко не всегда ведут себя честно, используя нелегальные каналы доступа к новым технологиям.

Особенно много претензий у ведущих технологических держав накопилось к Китаю. Если каких-нибудь двадцать лет назад Китай прибегал, в основном, к обычному копированию западных продуктов, то по мере роста собственного научно-технического потенциала он все чаще прибегает к так называемым креативным имитациям – реверсивному инжинирингу (или просто реинжинирингу). Суть реинжиниринга состоит в том, чтобы понять принцип работы конкретного прибора, механизма и пр. и создать аналог. Это весьма сложный и сомнительный с точки зрения международного авторского права способ овладения новыми технологиями. Здесь требуются специалисты соответствующего уровня, которые способны разобраться в устройстве конкретного продукта и скопировать его либо создать аналог. Но как бы там ни было, даже обычный экспорт товаров – самый распространенный вид трансфера технологий – несет в себе определенную опасность для правообладателей.

Вместо заключения. Говоря о мировой системе НИОКР, нельзя обойти вниманием важную проблему, суть которой наглядно передает весьма примечательный диалог между выдающимся физиком Майклом Фарадеем и тогдашним премьер-министром Великобритании Уильямом Гладстоном. Последний со скептицизмом в голосе спросил Фарадея, какую практическую пользу можно извлечь из его открытий в области электромагнетизма. «Пока не знаю, – ответил великий ученый, – однако я уверен, что когда-нибудь правительство будет взимать с них налоги».

С точки зрения капитала, главным недостатком фундаментальных исследований всегда было отсутствие каких-либо гарантий коммерциализации их результатов в обозримом будущем. Так, изначально никто не мог даже представить, что десятилетия спустя благодаря теории относительности Эйнштейна удастся создать систему глобального позиционирования GPS, а открытия в области квантовой физики приведут к появлению микропроцессоров, компьютеров и глобальной сети Интернет. Поэтому и правительства, и предприниматели всегда крайне неохотно финансировали подобные исследования с далеко не очевидным результатом.

В наши дни мало в какой стране на фундаментальные исследования идет более 20 % от общего объема финансирования НИОКР. Ситуация отличалась в лучшую сторону только в период глобального противостояния в рамках «холодной войны», когда гонка вооружений между СССР и США вынуждала обе стороны финансировать фундаментальную науку в гораздо большем объеме. Многие современные «гаджеты» стали результатом открытий, совершенных в 1950–1960-е гг. Лауреат Нобелевской премии по физике Андрей Гейм в своей напумевшей статье писал: «Бойтесь, очень сильно бойтесь нового технологического кризиса» [Geim, 2013]. Он указал на то, что этот кризис опасен не столько сам по себе, сколько как спусковой механизм кризиса экономического. Действительно, любое революционное новшество, внедряемое в экономику, приводит к радикальному обновлению производительных сил и порождает мультипликативный экономический эффект, когда развитие одной отрасли влечет за собой развитие других, технологически связанных с ней отраслей.

Так, изобретение парового двигателя привело к появлению ткацкого станка, увеличению производства тканей, освоению новых сырьевых баз текстильной промышленности, появлению нового вида транспорта – железнодорожного, для развития которого требовалось много угля и металла. Даже туризм как отрасль обязан своим появлением изобретению парового двигателя, ведь именно на железнодорожном транспорте первое в мире туристическое агентство, основанное Томасом Куком, организовывало свои первые экскурсии. Аналогичные технологические цепочки взаимосвязей можно проследить и для таких прорывных изобретений, как, скажем, двигатель внутреннего сгорания или электронная микросхема.

Изобретение двигателя внутреннего сгорания привело к возникновению новых отраслей – автомобилестроения и автомобильного транспорта. Производство автомобилей повысило спрос на черные и цветные металлы, резинотехнические изделия, лакокрасочные материалы, стекло и пр. Появление микросхем имело еще более масштабные последствия. Внедрение в экономику и повседневную жизнь людей персональных компьютеров, развитие сектора информационно-коммуникационных технологий и Интернет-торговли привели к коренной перестройке всех производительных сил на основе компьютерных технологий, совершенно преобразив мировое хозяйство.

Но каким бы революционным ни было то или иное изобретение, постепенно мультипликативный эффект, порождаемый его внедрением в экономику и повседневную жизнь людей, начинает сходиться на нет. Ведь рынки рано или поздно насыщаются инновационными продуктами, а сами они постепенно переходят в разряд «зрелых». Как справедливо указывают А. Гейм и некоторые экономисты, последней по-настоящему революционной инновацией стало появление Интернета; последующие новшества (за исключением социальных сетей) были не более чем совершенствованием уже существовавших на тот момент технологий и продуктов. Для возникновения новой волны экономического роста нужны новые технологические прорывы. Возможно, таковым станет для современной экономики совершенствование технологии 3D-печати либо какая-либо из многочисленных нанотехнологий. Многие экономисты именно с этим связывают свои надежды на выход из затянувшейся глобальной рецессии.

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕХОДА ОТРАСЛИ АВИАЦИОННЫХ ПЕРЕВОЗОК К ГЛОБАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ

В.А. ЕВСЕЕВ

Спустя несколько десятилетий после начала процесса глобализации, все более заметной становится ее сложная волновая структура развития [Бабулин, 2007; Мироненко, Гитер, 2013]. Эта структура представляет собой переплетение нескольких типов «волн развития». К ним относятся, в частности, технологические волны, отражающие изменение ключевых ресурсов развития; организационные волны, во время которых происходят изменения конфигурации отрасли. Сами волны характеризуются разной временной продолжительностью своих фаз. Иными словами, каждая из этих волн обладает своей скоростью изменений. В то время как одна волна, например, успевает пройти несколько фаз, в своей части переводя мировую экономику на новый значительный технологический этап развития, другая волна не успевает завершить даже одну фазу трансформационных процессов.

Данная статья не касается волн развития разных отраслей экономики. Сочетание разных волн, отличающихся друг от друга продолжительностью временных фаз, встречается внутри одной отрасли. Наложение этих волн создает суперпозицию – состояние отрасли в данный момент времени. Это приводит порой к парадоксальным ситуациям. Например, к такой, как в отрасли авиационных перевозок: с одной стороны, эта отрасль стала одним из главных элементов глобализации, можно сказать, даже одним из ее символов, с другой стороны – ведущие авиакомпании мира серьезно ограничены в возможностях своего полноценного глобального развития.

Сложная волновая структура глобализации проявляется в том, что часть волн, выводящих отрасль на новый этап развития, возникает не в этой отрасли, а в других отраслях. Благодаря процессам глобализации они почти моментально начинают преобразования уже внутри рассматриваемой отрасли. К примеру, в авиационных перевозках начало коммерческого развития Интернета, возникшего отнюдь не на транспорте, дало старт в 1997 г. стремительному изменению отраслевой бизнес-модели каналов сбыта [Евсеев, 2002]. Авиация очень быстро ушла от модели основных продаж авиационных билетов через турагентства. Введение прямых продаж электронных билетов позволило авиакомпаниям получить дополнительный ресурс развития и дало дополнительную ценность клиентам – увеличилась доступность покупки билетов. Эта же волна, к примеру, привела к значительной трансформации туристической отрасли.

Сейчас, без всяких сомнений, мы находимся на пороге новой фазы данной волны. Она связана с технологиями обработки информации и затрагивает практически все отрасли мировой экономики. Она серьезно изменит деловой ландшафт последующих десятилетий. Речь идет о начале применения Интернета вещей (IoT), предикативных технологий, уже свершившемся появлении беспилотных как легковых, так и грузовых автомобилей, начале применения в логистике дронов, консолидации таких

«локальных» отраслей как, к примеру, такси [Merrifield, 2015; Zhang, 2015]. Эффекты от этих нововведений, включая их территориальную составляющую, с большой степенью вероятности отразятся на развитии авиационных перевозок.

В то же время, параллельно с этой волной, во время которой относительно быстро появляются технологические изменения, в мировой отрасли авиационных перевозок существует другая волна с иной протяженностью фаз. Она отличается значительно более медленной скоростью изменений. Эти слабозаметные в краткосрочной перспективе изменения обладают фундаментальным значением. Данная волна связана с изменением отраслевой организационной модели и обладает четкими географическими характеристиками.

Смена отраслевой модели. Несмотря на то, что пассажирские авиаперевозки относят к числу символов глобализации, сама отрасль очень медленно становится глобальной. Длительность преобразований измеряется в шкале десятилетий. Отрасль пассажирских авиаперевозок постепенно переходит от отраслевой модели «авиации национальных флагов» к глобальной модели, основу которой составят авиационные группы – аналоги транснациональных компаний в других отраслях экономики.

В прежней отраслевой модели практически в каждом государстве была своя национальная авиакомпания. Часто ее бизнес-модель была неэффективной, поддерживаемой жестким регулированием международных и внутренних авиаперевозок. Регулирование касалось не только численности авиакомпаний, осуществляющих рейсы между странами, но и числа рейсов и даже кресел на них.

Неэффективность этой отраслевой бизнес-модели показали начавшиеся в отрасли процессы либерализации перевозок. Наиболее яркий пример – либерализация, произошедшая в середине 1990-х гг. в ЕС. Она привела к постепенному исчезновению либо к кризисному состоянию ряда европейских авиакомпаний – «национальных флагов». В большинстве случаев это были авиакомпании из небольших европейских стран. С другой стороны, несколько авиакомпаний – Lufthansa (Германия), Air France (Франция) и British Airways (Великобритания), проводя грамотную стратегию развития, получили возможность консолидировать ресурсы европейского рынка в пользу своего глобального развития. Со временем они превратились в диверсифицированные авиационные группы.

Однако пока еще рано говорить о полном вступлении в силу отраслевой модели «авиационных групп». Особенность длины фазы этой отраслевой волны, связанной с организационным изменением отрасли, проявляется в том, что государственное регулирование до сих пор главным образом влияет на темпы и характер формирования новой территориальной конфигурации отрасли. Более того, сами авиационные группы пока еще не готовы быстро стать транснациональными компаниями. Мгновенная либерализация перевозок приведет к появлению периода, характеризующегося значительными рисками для устойчивого развития мировой авиационной отрасли.

На рисунке 3.8 показаны четыре декады отраслевого развития: с 1970 г. по 2014 г. За это время мировой пассажиропоток вырос с 0,5 млрд до 3,5 млрд пассажиров в год. Согласно прогнозу Международной ассоциации воздушного транспорта (IATA), он продолжит расти [Pearce, 2014]. Произошел значительный рост занятости кресел (LF – load factor) – показателя, отражающего экономическую эффективность деятельности авиакомпаний. Он вырос примерно на 25 п.п. и достиг 80 % [IATA Fact Sheet, 2015]. Эта цифра близка к оптимальному показателю LF.

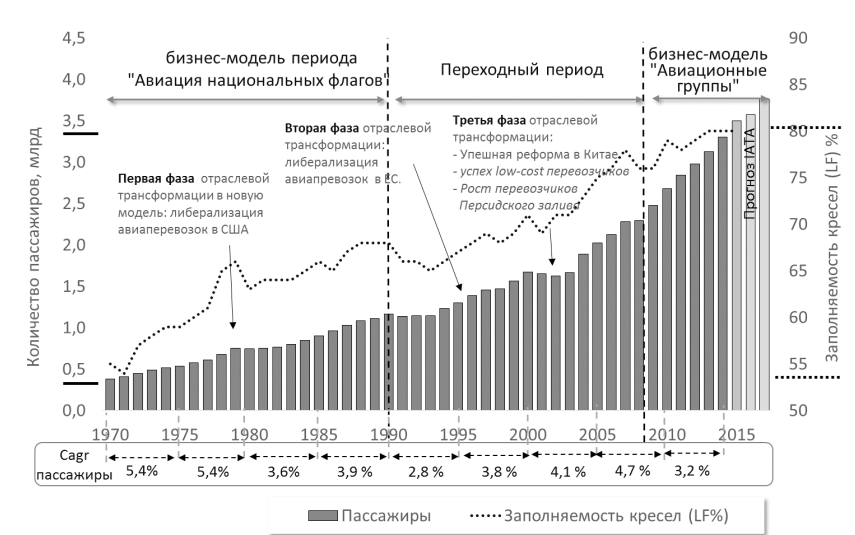

Рис. 3.8. Динамика мирового пассажиропотока и загрузки кресел.

Источники: [IATA, ICAO].

С точки зрения конфигурации отрасли в рассматриваемом периоде выделяются три фазы. Первый – период «авиации национальных флагов». Второй – промежуточный, переход от одной конфигурации к другой. Третий – период глобальных авиационных групп, начавшийся несколько лет назад. По всей вероятности, этот период продлится несколько десятилетий и пройдет серию промежуточных этапов.

В третий период вектор развития отрасли будут определять авиационные группы – географически диверсифицированные компании, в состав которых входят подразделения, работающие на разных рынках, как географических, так и нишевых. Например, в состав Lufthansa Group входят авиакомпания Lufthansa, специализирующаяся на глобальных и внутриевропейских перевозках через глобальные хабы во Франкфурте-на-Майне (FRA) и Мюнхене (MUC), нишевая – швейцарская Swiss International Air Lines, региональные авиакомпании Austrian Airlines (Австрия), Brussels Airlines (Бельгия), Air Dolomiti (Италия), низкобюджетный перевозчик

Germanwings, грузовая авиакомпания Lufthansa Cargo. Похожую структуру имеют другие ведущие авиационные группы региона: Air France-KLM, IAG и российский «Аэрофлот». Их приобретенные несколько лет назад конфигурации отражают готовность к принятию глобального характера отрасли.

Географическое проявление отраслевых изменений. В территориальном плане трансформация отрасли от модели авиации национальных флагов к модели авиационных групп также проходит постепенно. Процесс начался в 1978 г. Импульс к трансформации родился в США при либерализации правил регулирования внутренних авиаперевозок. Естественным образом основные авиаперевозки были постепенно консолидированы авиакомпаниями, превратившимися со временем в трех ведущих сетевых перевозчиков Delta Airlines, United Airlines, American Airlines. В настоящее время эти компании, завершившие период суперконсолидации внутреннего рынка, как и ведущие европейские и азиатские авиационные группы, обладают наибольшим потенциалом для преобразования в полноценные глобальные компании.

Следующая стадия территориальных преобразований началась в 1990-х гг. и привела к образованию современной европейской системы авиаперевозок. Она характеризуется возникновением мегахабов и преобладанием на рынке базирующихся в них авиационных групп IAG, Lufthansa Group, Air France-KLM, а также обслуживанием «прямых» ближнемагистральных пассажиров низкобюджетными авиакомпаниями EasyJet и Ryanair. Остальные авиакомпании региона играют второстепенную роль. Особое место на европейском рынке начала занимать авиакомпания Turkish Airways, базирующаяся в Стамбуле (IST). Однако на возможности использования этой авиакомпанией потенциала развития европейского рынка накладывает ограничения ее расположение вне ЕС.

В настоящее время завершается формирование региональных авиационных систем сразу в двух регионах мира. Во-первых, это регион, объединяющий страны Персидского залива и Южной Азии. Благодаря грамотной стратегии использования транзитного потенциала, важными авиационными центрами стали Дубай (DXB), Доха (DOH) и Абу-Даби (AUN). Во-вторых, значительные изменения, связанные с формированием региональной авиационной системы, происходят в странах АТР.

В более ранней стадии находится процесс формирования региональных авиационных систем Южной Америки. В этом регионе буквально несколько лет назад прошла консолидация рынка, приведшая к образованию крупных авиационных групп LATAM и AviancaTaca. В территориальном плане результаты этого процесса будут заметны позже. Должно пройти время для того, чтобы амбициозные планы создания аэрополиса в городе Панама (PTY) начали влиять на региональную конфигурацию отрасли.

Результатом этапа развития глобальной авиации, связанного с образованием авиационных систем, станет выделение авиационных групп, которые продолжают свое развитие в рамках транснациональных компаний.

Вектор развития отрасли в ближайшие десятилетия. В перспективе сохранится конфигурация глобальной отрасли как совокупности

региональных авиационных систем. Это связано с тем, что в настоящее время полномасштабное проникновение зарубежных авиационных групп на внутренний рынок ограничивается законодательно. Это обстоятельство отличает гражданскую авиацию от других отраслей экономики. Упомянутые ограничения не касаются компаний, управляющих аэропортами, и сервисных, например, в области авиационного кейтеринга. Ведущие компании этой области перешли к полноценному глобальному развитию.

О том, что отрасль находится близ точки бифуркации, говорит уровень консолидации пассажиропотоков (рис. 3.9). В 2013 г. 25 % мирового пассажиропотока приходилось на 8 авиакомпаний мира, а половина пассажиропотока – на всего 28 авиакомпаний.

Рис. 3.9. Распределение мирового пассажиропотока между авиакомпаниями, 2013 г.

Источник: [Airline Business, 2014].

Однако, несмотря на высокую консолидацию пассажиропотоков, авиационные группы пока еще далеки от ведущих ТНК мира. На рисунке 3.10 показано распределение по обороту 2 тыс. ведущих публичных компаний мира по версии 2015 г. журнала «Forbes» [Forbes, 2015].

Авиакомпании не вошли в число ведущих мировых компаний, на общую долю которых приходится половина продаж компаний, попавших в рейтинг. Крупнейшие авиакомпании попали лишь в третью четверть списка. Они там представлены в основном американскими и европейскими авиаперевозчиками. В третью четверть удалось войти и китайской авиакомпании China Southern Airlines.

В последней четверти списка оказались представлены ведущие авиакомпании с еще формирующихся региональных рынков АТР и Латинской Америки. Авиакомпании Ближнего Востока в список публичных авиакомпаний не входят, поэтому они не вошли в данный рейтинг.

Каким образом будет развиваться ближайшая стадия развития отрасли, находящейся в районе точки бифуркации – перехода к транснациональным компаниям? С одной стороны, она использует для своего развития процесс

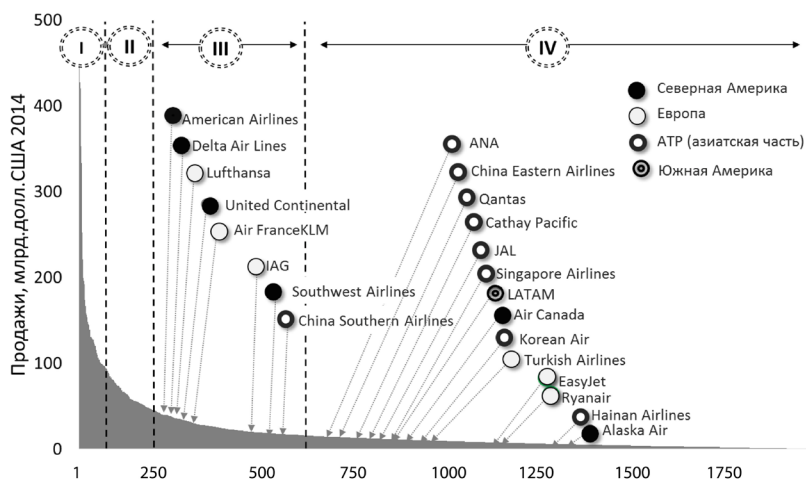

Рис. 3.10. Авиакомпании в списке 2000 крупнейших публичных компаний мира.

Источник: [Forbes, 2015].

глобализации, с другой – значительно сдерживается законодательными ограничениями развития. Вероятнее всего, дальнейшая трансформация региональных систем в единое целое, несмотря на желание скорейшего «открытого глобального неба», может занять несколько десятилетий. Пока же она будет представлять собой совокупность региональных авиационных систем, эволюционирующих от жесткой конкуренции (в случае с европейской и ближневосточными системами) до взаимодействия через глубокую кооперацию посредством создания стратегических партнерств. Это видно на примере взаимодействия региональных систем США и Канады, стран ЕС и АТР. Из-за законодательных ограничений главные участники рынка будут проникать на другие рынки посредством стратегических партнерств (JV). Эта форма сотрудничества предлагает глубокую кооперацию в обслуживании определенных маршрутов. Степень такой кооперации значительно превосходит кооперацию при участии в глобальных альянсах. По сути, на базе JV создается прототип глобальных авиационных групп. Сами глобальные группы появятся после того, как бизнес изобретет решения, которые обеспечат независимость развития авиационной индустрии разных стран.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГЕОГРАФИИ МИРОВОЙ ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ¹

А.В. НАГИРНАЯ

Сегодня в мире формируется интегрированная система глобальных цифровых коммуникаций, а ключевым принципом функционирования всей системы связи становится сетевой принцип, суть которого – единая сетевая инфраструктура для хранения, обработки и передачи всех видов информации с универсальными каналами передачи информации и центрами обработки данных. Телефонная связь – одна из старейших и самых крупных информационных систем в структуре мировых телекоммуникаций – играет в этом процессе базовую роль. Процессы электронизации телефонной связи, революционные прорывы в ее технике и технологии, произошедшие в последние десятилетия, коренным образом изменили аппаратуру, коммутационное оборудование и линии связи. Современный мобильный телефон представляет собой уже не просто средство принятия и передачи голоса и текстовых сообщений, а результат конвергенции информационно-коммуникационных технологий. Это персональный мобильный коммуникатор, совмещающий почти все функции предшествующих информационно-коммуникационных технологий: традиционной и электронной почты, телеграфа, стационарного телефона, радиоприемника, пейджера, фотоаппарата, видеокамеры, телевизора и компьютера с выходом в Интернет². Революционные изменения в конце XX – начале XXI вв. произошли и в географии мировой телефонной связи.

Глобальный процесс телефонизации населения, зародившийся в последней четверти XIX в., приобрел «взрывную» динамику на исходе XX в. с появлением мобильной телефонии. В 2002 г. в мире произошел «глобальный мобильный переход»: число абонентов мобильной телефонной связи впервые превысило число стационарных телефонов.

Активное распространение мобильной телефонии³ началось в мире с середины 1990-х гг. В 2010 г. был преодолен рубеж в 5 млрд абонентов, а в 2015 г. – 7 млрд, в то время как абонентская база традиционной стационарной телефонной связи составила менее 1,1 млрд. Всего за 12 лет мобильная телефония достигла в мире такого же размера абонентской базы, какого

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-33-01213 «Региональные закономерности информатизации общества и распространения информационно-коммуникационных технологий» (2015–2017 гг.).

² Число мобильных телефонных аппаратов, с которых осуществляется выход в Интернет, в 2013 г. превысило число подключенных к Интернету компьютеров. Темпы роста мобильного Интернета на порядок выше, чем были у стационарного Интернета, и, по мнению экспертов, это самая быстрорастущая отрасль в экономической истории человечества.

³ В настоящее время сотовая связь – наиболее распространенная из всех видов мобильной связи. Поэтому обычно мобильным телефоном называют сотовый телефон, хотя мобильными являются также спутниковые и радиотелефоны, уровень распространения которых в десятки сотен раз ниже уровня распространения сотовых телефонов.

стационарная – примерно за 130 лет. И всего за 20 лет мобильная телефония достигла такого же объема голосового трафика, к которому стационарная шла примерно 140 лет. Условно можно считать, что скорость развития мобильной телефонии примерно в 7–10 раз выше, чем стационарной.

Общее число стационарных телефонов в мире в 1920 г. не доходило и до 10 млн, в 1965 г. превысило 100 млн, в 2000 г. – 1 млрд, в 2006 г. достигло своего пика – 1,28 млрд, а в 2014 г. составило менее 1,1 млрд. Почти половина из них находятся в Азии, около четверти – в Европе, в Северной Америке – чуть более 13 %, в Латинской Америке – 10 %, в Африке – 2 %, а в Австралии и Океании зарегистрировано около 1 % абонентов традиционной телефонной связи.

В мире в среднем на 100 жителей приходится 15 стационарных телефонов. Максимальный показатель в Монако – 133 телефона на 100 жителей. Лидерами по уровню проникновения стационарной телефонии (45–80 телефонов на 100 жителей) являются Франция, Германия, Великобритания, а также микространства и малые страны Западной Европы, Гонконг и о. Тайвань (Китай), Япония и Республика Корея, Канада и ряд островных стран (Виргинские и Фолклендские острова, Барбадос и др.). Высокие показатели проникновения (30–45 телефонов на 100 жителей) наблюдаются в других государствах Европы, США, Австралии и Новой Зеландии, Сингапуре и многих островных государствах. Стационарная телефонная связь не получила широкого распространения в странах Африки к югу от Сахары и в Южной Азии.

Среднемировой показатель насыщения мобильной связью в 2015 г. достиг 97 абонентов на 100 чел. (для развитых стран – 121, а для развивающихся – 92 на 100 чел.). Разрыв¹ между странами по уровню проникновения мобильной телефонии постоянно сокращается и в 2014 г. составил всего 6 раз. При этом разрыв в стационарной телефонии растет и в том же году составил 165 раз. В мире наблюдается тенденция перераспределения абонентской базы сотовой связи в пользу развивающихся государств. Так, если в 2000 г. в развивающихся странах проживало всего около 30 % абонентов мобильной телефонной связи мира, то в 2010 г. – уже почти три четверти, а в 2015 г. – 79 %.

В результате конкуренции со стороны мобильной телефонии «жизненный цикл» стационарной телефонной связи перешел к стадии спада. Общее число стационарных телефонов и плотность сети стационарной телефонии после 2006 г. стали неуклонно снижаться (рис. 3.11). С другой стороны, мобильная телефонная связь дополняет стационарную, и вместе они создают эффект массовой телефонизации населения.

¹ Индекс разрыва используется для оценки диспропорций в широте проникновения той или иной технологии. Для его расчета все страны ранжируются по числу пользователей на 100 жителей (в данном случае, абонентов телефонной связи) и делятся на 10 групп. Индекс разрыва представляет собой отношение среднего значения для первой группы к среднему показателю для последней.

Рис. 3.11. Динамика роста абонентских баз стационарной и мобильной телефонной связи в мире, 1975–2015 гг.

Составлено по: [Алисов, Валькова, 1996; International Telecommunication Union, 2015; World Development Indicators, 2015].

Гомогенизация глобального информационного пространства и преимущество отставания. До появления технологии сотовой связи уровень телефонизации повышался в мире крайне медленно (рис. 3.12), что связано с наличием ряда экономических, географических и других трудностей в развертывании инфраструктуры проводных телефонных линий. К началу 1990-х гг. относительно высокого уровня телефонизации (более 50 стационарных телефонов на 100 жителей) достигли лишь наиболее развитые страны мира – государства Северной Америки и Западной Европы. Интенсивный рост уровня интегральной телефонизации (измеряется совокупным числом абонентов мобильной и стационарной связи на 100 жителей) начался в мире с середины 1990-х гг. в связи с началом распространения сотовой связи. Уже к концу первого десятилетия XXI в. полностью исчезла привычная иерархия стран мира по уровню телефонизации: среди лидеров теперь – Макао, Гонконг и о. Тайвань (Китай), Сингапур, страны Персидского залива (Кувейт, ОАЭ, Бахрейн, Саудовская Аравия), Восточной Европы (Эстония, Черногория, Россия), Казахстан, ряд стран Латинской Америки (Уругвай, Аргентина, Барбадос). К середине второго десятилетия XXI в. в группу лидеров вернулись также некоторые микрогосударства и малые страны Европы (Монако, Люксембург, Швейцария, Австрия и др.), а также Италия. Во всех вышеперечисленных государствах плотность телефонных сетей превышает 180 абонентов на 100 жителей¹.

¹ Территориальные различия по уровню интегральной телефонизации велики: от 349 абонентов на 100 жителей в Макао (Китай) и 294 в Гонконге (Китай) до 7 в Эритрее. Средний уровень интегральной телефонизации в мире в 2014 г. составил 113 на 100 жителей.

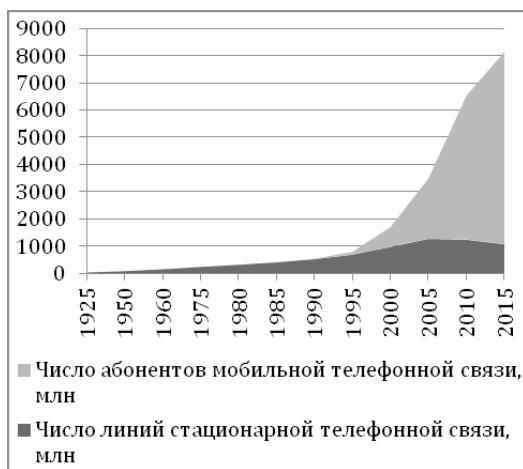

Рис. 3.12. Динамика и структура интегральной телефонизации в мире, 1925–2015 гг.

Составлено по: [Алисов, Валькова, 1996; International Telecommunication Union, 2015; World Development Indicators, 2015].

Распространение мобильной телефонии позволило значительно смягчить межгосударственные и межрегиональные контрасты, сделало информационное пространство более однородным. Если в 1990 г. разрыв между странами по уровню интегральной телефонизации населения составлял 312 раз, в 2000 г. – 252 раза, то к концу первого десятилетия XXI в. он сократился до 16 раз, а в 2015 г. составил всего 7 раз.

Благодаря распространению мобильной телефонии многие развивающиеся страны вышли в число лидеров по уровню интегральной телефонизации. По соотношению абонентов стационарной и мобильной связи максимальный уровень доминирования мобильной телефонии (более 95 % общего числа абонентов) характерен для наименее развитых стран мира с низким уровнем интегральной телефонизации (Африка южнее Сахары, Центральная Азия), в которых стационарная телефонная связь находилась в зачаточном состоянии на момент появления сотовой. В развитых странах доля абонентов мобильной телефонии заметно ниже (60–80 %), что обусловлено относительно высоким исходным уровнем телефонизации. Лишь в нескольких странах мира число абонентов мобильной телефонии меньше числа абонентов фиксированной телефонной связи – это Монако (40 %) и несколько островных государств в Тихом океане.

Как правило, мобильная телефония развивалась опережающими темпами там, где ощущалась нехватка стационарной связи, то есть в менее развитых регионах мира. Напротив, в хорошо обеспеченных стационарной телефонной связью странах ее развитие сдерживалось высокой инерционностью транспортно-коммуникационной инфраструктуры: большие капиталовложения в ее развитие, произведенные в прошлые десятилетия

(а период окупаемости в этой сфере весьма продолжительный), тормозили инновационные процессы в последующие годы [Могилевкин, 2010; Синцеров, 2005, с. 10; Синцеров, 2011]. В случае с телефонизацией в странах с неразвитой сетью стационарной телефонной связи этой инерции практически не было, и развитие нового вида связи шло практически «с чистого листа», что и объясняет ее особый динамизм. Здесь мобильная телефония стала эффективным средством компенсации недостаточного развития стационарной телефонной связи, либо ее альтернативой.

И, наоборот, в США, где сотовая связь впервые появилась еще в начале 1980-х гг., ранний запуск сетей сотовой связи и длительная недооценка преимуществ цифровых стандартов связи в сравнении с изначально принятым негативно отразились на дальнейшем развитии мобильной телефонии в регионе [Кашутин, 2006]. Сыграли свою роль и особенности предоставления услуг сотовой телефонной связи в США (например, телефонные аппараты продаются уже со встроенными СИМ-картами определенных операторов). В результате плотность сотовых сетей в США до сих пор сравнительно невелика – 110 абонентов на 100 жителей.

Развитие сотовой связи позволило ряду стран за короткий срок преодолеть значительное отставание в области телефонизации, а некоторым – перескочить целую стадию развития. На рисунке 3.13 видно, что в 1990 г. уровень телефонизации в России был весьма скромным по сравнению с развитыми странами и даже со среднемировым уровнем (14 телефонов на 100 жителей в России, 35 – в мире и почти 70 – в Швеции). Но благодаря распространению мобильной связи в начале XXI в. произошел мощный рывок, и сейчас по показателям телефонизации Россия находится в числе мировых лидеров (182 абонента на 100 жителей), обогнав в том числе и Швецию (167). Столь же большого успеха удалось добиться Казахстану (198) и ряду стран Ближнего Востока (Саудовская Аравия – 192, Оман – 167 и др.), Латинской Америки (Аргентина – 182, Суринам – 186, Барбадос – 192, Панама – 173 и др.), Восточной Европы (Черногория – 190, Беларусь – 171, Украина – 169 и др.), Мальдивам (196) и даже некоторым африканским государствам (Ботсвана – 176, Габон – 173, Ливия – 172).

Эти процессы – яркое проявление феномена догоняющего развития, когда долгое время отстававшие страны (в данном случае – в области стационарной телефонии) на новом витке научно-технического прогресса (с внедрением инновации – мобильной связи) делают рывок и перескакивают с одного витка спирали развития на другой, перешагнув через промежуточные этапы. Во-первых, с появлением технологий мобильной телефонной связи «страны могут перейти сразу к стадии мобильной телефонии и обход проводной» [Райнерт, 2011, с. 320]. Во-вторых, как показала практика некоторых стран, благодаря сотовой связи можно перескочить и через этап массовой компьютеризации населения. Для достижения высокого уровня распространения Интернета совсем не обязательны высокие показатели компьютеризации домохозяйств: люди нередко предпочитают пользоваться Интернетом с мобильных телефонов, а также в центрах общественного доступа и на рабочих местах. В результате, в развиваю-

щихся странах в связи с неразвитостью инфраструктуры проводных линий связи и низким уровнем благосостояния населения роль персонального средства для выхода в Интернет берет на себя не компьютер, а мобильный телефон [Нагирная, 2011].

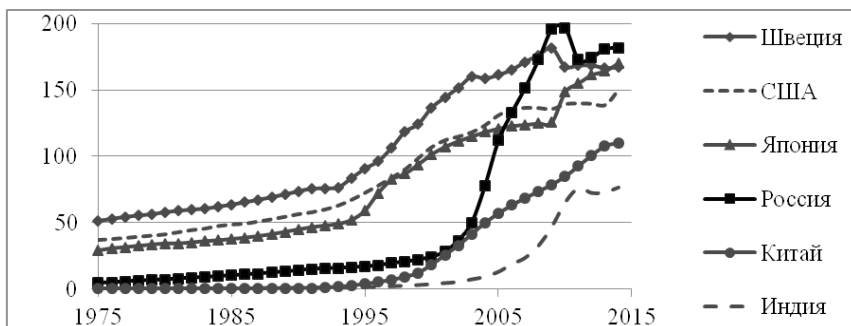

Рис. 3.13. Интегральная телефонизация в странах мира (число абонентов стационарной и мобильной телефонной связи на 100 жителей), 1975–2014 гг.

Составлено по: [Нагирная, 2013; International Telecommunication Union, 2015].

Телефонная связь в макрорегионах мира. В региональных соотношениях развития мировой телефонной связи за последние 20 лет произошли следующие сдвиги (табл. 3.8).

1. Если в середине 1990-х гг. по показателям телефонной емкости (абсолютное число абонентов) ведущую роль играли промышленно развитые регионы Северной Америки и Западной Европы (70 % телефонов мира), а доля Азии составляла лишь 14 % [Алисов, Валькова, 1996, с. 4], то сегодня на Северную Америку и Западную Европу приходится всего около 15 %, а 56 % всех телефонов сконцентрировано в Азии, где проживает почти 60 % мирового населения. При этом только на Китай и Индию приходится сегодня 31 % всех телефонов.

2. По показателям телефонной плотности 20 лет назад с большим отрывом лидировала Северная Америка (70 телефонов на 100 жит.), за которой следовали Западная Европа (55 на 100 жит.) и Австралия (57 на 100 жит.). Сегодня межрегиональные различия существенно сгладились. Максимальные показатели обеспеченности населения телефонной связью достигнуты в Западной и Восточной Европе (169 и 166 на 100 жит. соответственно), а также в Северной Америке (149 на 100 жит.).

3. По географической доступности телефонной связи (число телефонов на 1 км²) бесспорным лидером продолжает оставаться Западная Европа, что обусловлено важной ролью телекоммуникаций в хозяйственных и других сферах деятельности экономически развитых стран этого региона. За 20 лет телефонная плотность в Западной Европе выросла в 3 раза и в 2014 г. составила 175 телефонов на 1 км². В последнее время появился второй лидер – Азия, где географическая плотность телефонов достигла 147 на 1 км², увеличившись за прошедшие два десятилетия в 45 раз.

Таблица 3.8

Показатели интегральной емкости и плотности сетей стационарной и мобильной телефонной связи макрорегионов мира, середина 1990-х (А) и 2014 (Б) гг.

Регион	Телефонная емкость, доля от мирового показателя, %		Телефонная плотность				Доля в населении мира, %, 2014 г.	Доля в мировом ВВП, %, 2014 г.
			на 100 жителей		на 1 км ²			
	А	Б	А	Б	А	Б		
Северная Америка	39	6,5	70	149	10,5	29	4,9	24,8
Западная Европа	31	8,7	55	169	54	174,8	5,8	23,5
Азия	14	56,1	3	105	3,3	146,8	59,7	33,9
Восточная Европа	9	6,6	15	166	2,5	28,9	4,5	4,7
Латинская Америка	4	10	8	132	3	43	8,5	7,8
Австралия и Океания	2	0,7	57	139	1,7	6,2	0,5	2,2
Африка	1	11,4	1,3	79	0,3	30,2	16,1	3,2
Мир	100	100	12,4	43	4,9	62,5	100	100,0

Составлено по: [Алисов, Валькова, 1996, с. 4; International Telecommunication Union, 2015; World Development Indicators, 2015].

4. Восточная Европа совершила за последние два десятилетия существенный рывок, догнав и во многом перегнав Северную Америку и Западную Европу по емкости и плотности телефонной сети. Лишь по уровню географической плотности (29 телефонов на 1 км²) Восточная Европа продолжает оставаться ниже среднемирового уровня (62,5).

5. Сохранявшиеся в течение 1954–1991 гг. значительные диспропорции в уровне развития телефонной связи между странами и регионами мира [Алисов, Валькова, 1996, с. 5] были преодолены за период 1994–2014 гг., в основном за первое десятилетие XXI века.

Структура трафик-потоков мировой системы телефонной связи. Рассмотрим другой не менее важный аспект диспропорций в географии мировой телефонной связи – активность ее использования. Если по числу телефонов на 100 жителей диспропорции в мире достаточно быстро выравниваются, и еще 10 лет назад развивающиеся страны зачастую обгоняли развитые государства, то по показателям интенсивности использования телефонной связи сохранялась привычная глобальная иерархия. Общий уровень «телефонной коммуникативности» страны (совокупный объем телефонного трафика на душу населения в год) во многом определялся уровнем социально-экономического развития. То есть чем выше уровень развития страны, тем больше активность использования населением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и, в частности,

телефонной связи. Так, в 2007 г. в развитых странах мира с ВВП на душу населения более 20 тыс. долл. человек осуществлял телефонных звонков средней продолжительностью 3340 минут в год. При душевом ВВП в диапазоне 10–20 тыс. долл. человек говорил по телефону в два раза меньше (1500 минут в год), при ВВП на душу населения в диапазоне 5–10 тыс. долл. – в три раза меньше (1040 минут), а при душевом ВВП менее 5 тыс. долл. – в 6 раз меньше (570 минут) [Нагирная, 2013, с. 37]. Однако, аналогичное исследование, проведенное по данным 2014 г., не выявило столь явной закономерности и показало сглаживание диспропорций. Так, в 2014 г. в странах с ВВП на душу населения более 20 тыс. долл. средний объем телефонного трафика составил 3390 минут в год на душу населения, в странах с душевым ВВП в диапазоне 10–20 тыс. долл. – 2340 минут, 5–10 тыс. долл. – 2860 минут, а при душевом ВВП менее 5 тыс. долл. – 1184 минут. Это свидетельствует о том, что происходит сокращение уже не только количественных, но и качественных разрывов в области развития мировой телефонной связи.

В результате обобщения статистики по телефонному трафику 140 стран мира за 2014 г. и 110 стран мира за 2007 г. была определена структура трафик-потоков мировой системы телефонной связи¹ в динамике (рис. 3.14). Два десятилетия назад – в середине 1990-х гг. – в мире насчитывалось более 80 млн абонентов сотовой связи, что составляло 17 % всех телефонов в мире [Алисов, Валькова, 1996, с. 4]. 10 лет назад уже 77 % всех телефонных номеров в мире были мобильными, но из всего телефонного трафика на мобильную телефонию приходилось только около 50 %² (2007 г.). В 2014 г. мобильные телефоны составляли уже 87 % всех телефонов в мире, а доля мобильного голосового трафика достигла 82 % всего телефонного трафика.

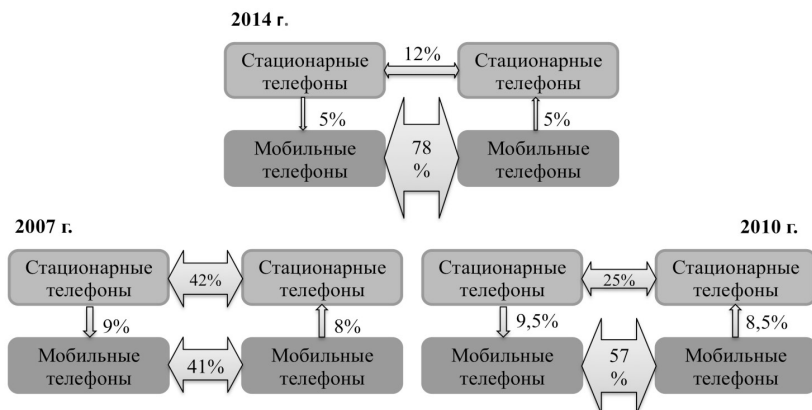

Рис. 3.14. Структура трафик-потоков мировой системы телефонной связи, 2007, 2010 и 2014 гг.

Составлено по: [International Telecommunication Union, 2015].

¹ По причине отсутствия систематической информации не учитывается такой новейший вид голосовой связи, как интернет-телефония, о масштабах которой будет сказано далее.

² Голосовой трафик измеряется общей продолжительностью исходящих телефонных разговоров в год (в минутах). Голосовой трафик измеряется общей продолжительностью исходящих телефонных разговоров в год (в минутах).

Полученная структура трафик-потоков мировой системы телефонной связи свидетельствует, во-первых, о слабой интеграции сетей стационарной и мобильной телефонии и, более того, об их все большем обособлении. Об этом можно судить по асимметричной конфигурации потоков голосовой связи: если в 2007 г. 83 % трафика примерно поровну распределялось между сетями стационарной и мобильной телефонии, а на межсетевые потоки приходилось 17 %, то в 2014 г. на межсетевые взаимодействия приходится менее 10 % телефонного трафика, основная часть всего трафика (78 %) циркулирует внутри сетей сотовой связи, а на сеть стационарных телефонов приходится лишь 12 %. Это говорит о стремительном перетекании трафика из сетей стационарной телефонной связи в сети мобильной телефонии.

В результате анализа продолжительности разговоров, осуществленных со стационарных и мобильных телефонов в странах мира в 2007 и 2014 гг., было выделено *четыре типа внутренней телефонной коммуникации*.

1. Традиционный тип – преобладание потоков трафика между стационарными телефонами. За 2007–2014 гг. число государств с традиционным типом внутренней телефонной коммуникации сократилось в 4 раза: если в 2007 г. к этому типу относилось более трети всех стран мира, то сегодня – лишь 7 % государств. Как правило, данный тип присущ следующим категориям стран: 1) развитым государствам с высоким исходным уровнем стационарной телефонизации (европейские микросообщества, Финляндия и Новая Зеландия); 2) ряду наименее развитых стран мира, где мобильная телефония всё еще не получила развития (Эритрея, Гайана).

2. Мобильный тип – доминирование трафик-потоков внутри сети мобильной связи и соответствие мировым тенденциям 2014 г. Если в 2007 г. к мобильному типу относилось чуть больше трети всех мировых государств, то в 2014 г. – уже три четверти. Это объясняется тем, что данный тип преобладает там, где мобильная телефония компенсировала недостаток стационарной телефонной связи. Мобильный тип характерен для таких разнородных стран, как Россия (78 % телефонного трафика циркулирует в сотовых сетях) и другие страны СНГ, Китай, Индия, Япония, Республика Корея, большинство стран Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, подавляющая часть стран Центрально-Восточной Европы и Прибалтики, большинство стран Латинской Америки (Аргентина, Венесуэла, Колумбия, Коста-Рика и др.) и Африки.

3. Смешанный тип – примерно равный баланс различных потоков телефонного трафика и соответствие мировым тенденциям 2007–2010 гг. – имеет две разновидности: 1) сформировавшийся тип телефонной коммуникации, свойственный таким высокоразвитым странам, как США, Германия, Франция, Великобритания, Испания, а также большинству малых стран Европы (Швейцария, Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Швеция, Исландия и др.); 2) транзитный тип, характерный в основном для развивающихся стран, который в скором времени трансформируется в мобильный тип внутренней телефонной коммуникации (Гонконг и о. Тайвань, ряд латиноамериканских и африканских государств – Мексика, Бразилия, Доминиканская Республика, Барбадос, Ботсвана и др.).

4. Межсетевой тип телефонной коммуникации – тип-исключение, в котором, вопреки общемировым тенденциям, преобладают потоки межсетевого трафика. Данный тип свойственен ряду бедных стран, крайне слабо оснащенных всеми видами связи (Узбекистан, Джибути и др.) и имеет транзитный характер, так как в будущем структура телефонной коммуникации этих стран неизбежно перейдет к мобильному типу.

Таким образом, в результате стремительного перераспределения голосового трафика между сетями стационарной и мобильной связи в мире сегодня доминирует мобильный тип телефонной коммуникации. Сохраняется группа высокоразвитых стран с высоким исходным уровнем стационарной телефонизации, которым присущ смешанный тип телефонной коммуникации. Также существуют два малочисленных типа-исключения: реликтовый традиционный и транзитный (начальный) межсетевой.

Международная телефонная связь. Рассмотрим международный аспект географии телефонной связи – соотношение внутреннего и международного телефонного трафика, которое является важным показателем информационно-коммуникативной самоорганизации социально-экономического пространства [Синцеров, 1998, с. 60]. В результате анализа статистических данных по телефонному трафику 140 стран мира за 2014 г. было выявлено, что в настоящее время только 1,6 % мирового трафика, исходящего со стационарных и мобильных телефонов, пересекает государственные границы, а 98,4 % приходится на внутренний трафик. Для сравнения, в 2007 г. на международный трафик приходилось 4 % общего объема трафика сетей стационарной и сотовой связи [Нагирная, 2015, с. 223]. Такая динамика свидетельствует о том, что объем международного голосового трафика и его доля в совокупном телефонном трафике стали сокращаться.

Первая причина такой динамики – возрастающая роль интернет-телефонии (или IP-телефонии) в сфере осуществления междугородных и международных звонков. По данным Telegeography Research, в 2000 г. на IP-телефонию приходилось всего около 3 % мирового международного голосового трафика, в 2002 г. – уже 10 %, в 2006 г. – около 20 %, в том числе 4,5 % осуществлялось через Skype. В 2010 г. на IP-телефонию приходилось уже 27 % мирового международного голосового трафика, в том числе 12 % – через Skype. В 2012 г. IP-телефония обеспечивала 41 % международного голосового трафика, в том числе 34 % – через Skype. В 2014 г. на интернет-телефонию приходилась уже половина всего международного голосового трафика. А Skype к 2015 г., по прогнозам, должен был стать основным средством передачи международного голосового трафика. Таким образом, так как темпы роста международного трафика через Skype увеличиваются, а через стационарную и мобильную телефонную связь – падают, происходит соответствующая «миграция» международного трафика.

Вторая причина заключается в том, что, начиная с 2010 г., стало появляться новое поколение коммуникационных приложений для смартфонов – мессенджеров (WhatsApp, WeChat, Viber, Facebook Messenger и др.), которые представляют собой бесплатную, гораздо более удобную и многофункциональную

альтернативу телефонной связи и даже Skype. Их преимуществом является возможность бесплатно и без ограничений обмениваться не только текстовыми сообщениями, но и видеороликами, фотографиями и голосовыми сообщениями, а также осуществлять звонки. Какое-то время они не оказывали влияния на международный трафик, так как в основном разработаны для смартфонов с поддержкой мобильных сетей третьего и четвертого поколений. Но по мере роста проникновения мобильного широкополосного доступа в Интернет происходит и стремительное распространение мессенджеров.

В результате если в 2001–2006 гг. ежегодные темпы роста международного голосового трафика составляли в среднем около 12 %, то с 2007 г. рост стал замедляться, а с 2013 г. и вовсе остановился [Telegeography Report, 2015, с. 2].

Если за вековую историю телефонной связи не были преодолены значительные диспропорции в уровне ее развития между странами и регионами мира, то лишь за первые 15 лет XXI в. произошло существенное сглаживание географических контрастов в распространении телефонной связи: разрыв между странами в сфере телефонизации населения за период 2000–2015 гг. сократился в 36 раз.

Локомотивом развития систем связи в развивающихся странах и регионах стали беспроводные технологии, которые требуют меньших материальных затрат в сравнении с проводными. В условиях глобализации развивающиеся страны имеют возможность «перепрыгнуть» через традиционный этап проводных телекоммуникаций и подключиться к мировой системе связи сразу на высшем технологическом уровне, используя так называемое преимущество отставания. Яркий пример – глобальная экспансия мобильной телефонии, распространение которой позволило многим странам преодолеть колоссальное отставание в развитии телефонной связи и зачастую выйти в число лидеров, реализовав «обгоняющий» сценарий догоняющего развития.

Сглаживание количественных диспропорций сопровождалось в первом десятилетии XXI в. сохранением разрывов качественного характера, связанных с активностью использования телефонной связи, которая продолжала определяться уровнем социально-экономического развития. Однако анализ современных данных выявил сокращение уже не только количественных, но и качественных разрывов в развитии мировой телефонной связи.

Общей закономерностью, характерной для периода конца XX и начала XXI вв., было повышение доли международного трафика в общем телефонном трафике в большинстве стран и в мире в целом. Но, начиная с 2007 г., темпы роста международного голосового трафика, исходящего со стационарных и мобильных телефонов, стали замедляться в результате конкуренции со стороны компьютерных программ и смартфон-приложений (Skype, WhatsApp и др.). Характерная тенденция последнего десятилетия – активная миграция как внутреннего, так и международного трафика из сетей стационарной телефонной связи в сети мобильной телефонии, интернет-телефонии и альтернативных видов связи нового поколения.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т.Н. МЯЛЬДЗИН

Интернет-экономика и мировое хозяйство. Появление глобальной сети Интернет, результата конвергенции компьютерных и коммуникационных технологий, по своему масштабу и степени влияния на постиндустриальную трансформацию мирового хозяйства справедливо считается информационной революцией [Шишков, 2001, с. 273].

Г. Гереффи считает начало стремительного распространения Интернета наступлением нового этапа глобализации – цифровой глобализации (1995 г. – наст. время), пришедшей на смену торговой (англ. *trade-based globalization*; 1950–1970 гг.) и инвестиционной глобализации (англ. *investment-based globalization*; 1970–1995 гг.) [Gereffi, 2001, pp. 1616–1617]. Главные следствия развития Интернета – появление универсального канала коммуникации и формирование особой, цифровой бизнес-среды, заключенной в рамках определенного технологического пространства и тем не менее неразрывно связанной с физическим миром. В результате комбинации обоих следствий в мировом хозяйстве образовался его новый органичный элемент – Интернет-экономика, иерархически входящая в электронную экономику, но ориентированная на использование только данного канала электронной коммуникации.

Согласно определению Организации экономического сотрудничества и развития¹, Интернет-экономика включает в себя все виды экономической, социальной и культурной активности, реализуемые с помощью Интернета и связанных с ним информационных и коммуникационных технологий [Measuring the Internet Economy, 2013, p. 6]². Это определение основано на представлении об Интернете как элементе инфраструктуры, способном обеспечивать функционирование определенных сфер деятельности. В целом влияние Интернета на экономику можно рассматривать в трех направлениях [Measuring the Internet Economy, 2013, p. 7; Россия онлайн, 2011, с. 9]:

• *Прямой вклад Интернета в ВВП*, включающий стоимость товаров и услуг, приобретенных населением через Интернет, Интернет-рекламу, производство аппаратного обеспечения для осуществления доступа, услуги провайдеров и т.д. В 2011 г. эксперты ведущих консалтинговых компаний

¹ Организация экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Co-operation and Development) – международная правительственная организация, объединяющая 34 государства (Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Республика Корея, Словакия, Словения, США, Турция, Финляндия, Франция, Чешская Республика, Чили, Швейцария, Швеция, Эстония, Япония), деятельность которой направлена на проведение исследований и выработку рекомендаций по широкому спектру экономических проблем.

² Оригинальная версия определения (англ.): The Internet economy is defined as covering "the full range of our economic, social and cultural activities supported by the Internet and related information and communications technologies".

мира зафиксировали максимальный показатель в Великобритании: 7,2 % против 3,4 % в среднем по группе крупных стран мира.

• *Динамическое влияние Интернета на экономику*, оцениваемое вкладом Интернета в рост экономики по данным официальной статистики. Так, уже во второй половине 2000-х гг. более 20 % роста ВВП крупнейших мировых экономик обеспечивалось ростом производительности труда за счет использования возможностей Интернета [Internet matters ..., 2011, p. 8]. Другой пример – исследование Н. Чернич (Czernich) и др.¹, установившее, что для 25 стран ОЭСР в период с 1996 по 2007 гг. рост проникновения широкополосного доступа в Интернет на 10 п.п. в среднем обеспечивал рост душевого ВВП на 0,9–1,5 п.п. Данный подход в большей степени ориентирован на Интернет как универсальное и многофункциональное средство коммуникации, позволяющее использовать преимущества скорости и глобальности во многих отраслях мирового хозяйства.

• *Непрямое воздействие* Интернета на благосостояние, покупательскую активность индивидуальных потребителей Интернет-услуг, компаний и общества, не учитываемое официальной статистикой и фактически остающееся за пределами четких количественных оценок. Для общества в целом выгоды от использования Интернета выходят за пределы одной только экономической сферы и охватывают политику, взаимодействие с окружающей средой, науку и образование и т.д.

Основные типы Интернет-торговли. В центре нашего исследования – Интернет-торговля потребительскими товарами и услугами – одно из проявлений прямого вклада Интернета в экономику. В широком смысле это процесс приобретения товаров и услуг посредством Интернета, в котором определяющим элементом выступает факт размещения заказа во Всемирной сети. На наш взгляд, данное явление представляет, во-первых, яркий пример трансформации конкретной отрасли, происходящей под воздействием Интернета. Во-вторых, вопреки расхожему тезису о «конце географии», вызванному развитием транспортных, информационных и телекоммуникационных технологий², Интернет-торговля представляет большой интерес для экономико-географического исследования как с точки зрения выделения факторов ее территориальной дифференциации, так и формирования межстрановых потоков товаров и услуг, приобретенных пользователями через Интернет.

Наряду с потребительской Интернет-торговлей (*Business-to-Consumer, бизнес-потребитель*) можно выделить следующие основные типы Интернет-торговли.

– **Системы В2В** (англ. *Business-to-Business, бизнес-бизнес*). Данный тип подразумевает проведение торгово-обменных операций в сети Интернет между юридическими лицами – представителями различных форм

¹ См. Czernich N. et.al. Broadband Infrastructure and Economic Growth, CESifo Working Paper № 2861, December, 2009.

² В англоязычной литературе употребляется термин «time-space shrinking / compression technologies» – технологии, «сжимающие» время и пространство.

бизнеса. К очевидным преимуществам подобных систем можно отнести расширение возможностей выбора, сокращение издержек на поиск контрагентов и необходимой продукции и как следствие – повышение эффективности закупочной функции. Традиционно, чтобы избежать двойного счета, деятельность компаний в данном сегменте не учитывается напрямую в ВВП, однако он является крупнейшим по объему транзакций в Интернет-торговле. В 2013 г. его объем, по оценкам Всемирной торговой организации, составил 12 трлн долл. США [Laudon, 2014, p. 60]. Для сравнения, объем потребительской Интернет-торговли в том же году составил около 1 трлн долл. США [emarketer.com]. В качестве иллюстрации можно привести систему Covisint, созданную в 2000 г. американскими автомобильными корпорациями GM и Ford для закупок автокомпонентов.

– **Системы С2С** (*Consumer-to-Consumer, потребитель-потребитель*).

Это меньший по размерам, чем B2B, сегмент Интернет-торговли, получивший широкое распространение в Китае. Он подразумевает совершение торговых операций между индивидуальными пользователями и часто реализуется в формате Интернет-аукционов.

Наряду с термином «Интернет-торговля» широко употребляется термин «электронная коммерция». Оба часто используются на взаимозаменяемой основе, но второй, в отличие от первого, имеет более широкую трактовку, затрагивая такие сферы Интернет-бизнеса, как реклама, платежные системы и т.д.

Потребительская Интернет-торговля прошла с 1995 г. несколько этапов развития, ознаменовавшегося созданием компаний-лидеров современного рынка Интернет-торговли Amazon и Ebay (обе – США). Используются все новые достижения техники и технологии (табл. 3.9).

Таблица 3.9

Этапы развития потребительской Интернет-торговли

Характеристика этапа	Этапы		
	Инновационный (1995–2000 гг.)	Консолидационный (2001–2006 гг.)	Социально-, мобильно-, локально-ориентированный (с 2007 г.)
Начало	Появления новых форм ведения бизнеса в Интернете	«Пузырь доткомов», резкое падение котировок акций инновационных компаний в США	Распространение смартфонов
Главный фактор развития	Технологический: распространение Интернета	Экономический: Интернет-торговля как новый канал продаж, обладающий большим потенциалом роста	Технологический: распространение мобильных устройств и Интернета

Таблица 3.9. Окончание

Этапы развития потребительской Интернет-торговли

Характеристика этапа	Этапы		
	Инновационный (1995–2000 гг.)	Консолидационный (2001–2006 гг.)	Социально-, мобильно-, локально-ориентированный (с 2007 г.)
Стратегия игроков	Увеличение доходов, использование только Интернет-канала продаж	Увеличение доходов и прибыли, комбинирование каналов продаж, конвергенция онлайн- и оффлайн-бизнеса	Увеличение аудитории, использование потенциала социальных сетей; расширение присутствия игроков многоканального типа, формирование новых типов игроков, ведущих бизнес исключительно онлайн
Преобладающий тип финансирования	Венчурный	Использование традиционных источников финансирования	Разнообразные источники (традиционные, венчурный капитал), активизация сделок по слиянию и поглощению
Тип законодательного контроля	Незначительный	Умеренный	Усиленный
Преобладающий тип компаний	Небольшие по масштабам формы бизнеса, «стартапы»	Крупные ритейлеры моно- и многоканального типа	Разнообразные формы предприятий
Присутствие посредников	Сокращение числа посредников в цепочке добавленной стоимости	Усиление роли посредников в цепочках добавленной стоимости	Появление новых видов сервисных компаний, арендующих доступ к бизнес-процессам крупных игроков
Тип конкуренции	Квасисовершенная	Несовершенная, формирование брендов, развитие сетевого эффекта	Несовершенная
Тип стратегии	Исключительно интернет-бизнес	Интернет – дополнительный канал продаж для традиционных ритейлеров; «чистые интернет-продавцы»	Все типы, включая процесс переключения интернет-продавцов на традиционные формы торговли
Тип товара	Стандартные розничные товары	Разнообразные товары и услуги	Разнообразные товары и услуги, контент

Составлено по: [Laudon, 2014, p. 75]

Часть происходящих на современном этапе изменений нашла отражение в концепции «электронная коммерция 3.0», подразумевающей конвергенцию онлайн- и офлайн-каналов продаж и параллельное развитие как глобального, так и локальных рынков Интернет-торговли. Ее ключевой тезис – интеграция небольших по размеру форм бизнеса локального масштаба в глобальный рынок за счет использования соответствующих платформ электронной коммерции, что также способствует увеличению роли малого бизнеса во внешней торговле развивающихся стран [Commerse 3.0... , 2013, p. 5].

Движение информации и товаров в системах В2С (англ. *Business-to-Consumer*; *бизнес-потребитель*). Возвращаясь к потребительской Интернет-торговле, стоит подчеркнуть, что в отличие от традиционной торговли, здесь многократно возрастает роль информационных потоков. Как следствие, информационная доступность становится более значимой характеристикой объекта, нежели его удаленность – физические потоки товаров в потребительской торговле становятся в большей степени зависимыми от потоков информации. Исследователями П. Шэри и Т. Скотт-Ларсен были выделены 6 основных типов проекций информационных и физических потоков, характерных для В2С-систем (табл. 3.10).

Таблица 3.10

Модели физических и информационных потоков В2С-систем

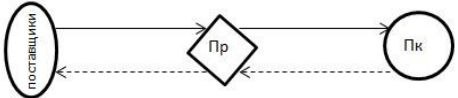
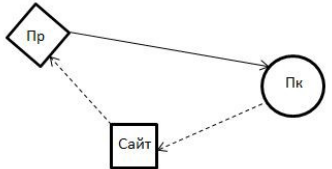
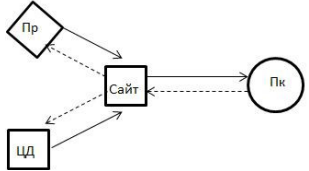
Проекция потоков	Описание модели
	<p>Модель компании Dell. Поставщик получает заказ на конкретные компоненты для последующего создания продавцом заказанного покупателем товара. Покупатель оказывается интегрированным в процесс производства и поставки, так как самостоятельно «моделирует» и формирует дизайн необходимого товара. Продавец осуществляет прием заказа, сборку товара и его доставку.</p>
	<p>Модель прямой поставки. Реализация товаров производителя через посредника. Посредник передает заказ производителю только после того, как сам получил от клиента оплату. Купленный товар отправляется покупателю напрямую от производителя.</p>
	<p>Модель компании Amazon. Электронная модель торговли по каталогу. Продавец либо осуществляет доставку из собственного центра дистрибуции, либо использует модель прямой поставки.</p>

Таблица 3.10. Окончание

	<p>Комбинированная модель (англ. <i>bricks-and-mortar model</i>). Обычные магазины розничной торговли и интернет-магазин имеют общий центр дистрибуции. Традиционные розничные магазины направлены на удовлетворение массового спроса, Интернет-магазины – индивидуального. Один из вариантов модели – омниканальный принцип работы с базой клиентов.</p>																		
	<p>Модель электронного склада. Покупатели разных категорий (география, предпочтения) обслуживаются единым (с точки зрения информационной системы) дистрибуционным центром или складом.</p>																		
	<p>Модель доставки на дом. Магазин получает заказ от покупателя на сайте с последующей доставкой на дом. Применяется для регулярных поставок.</p>																		
<table border="0"> <tr> <td></td> <td>Производитель</td> <td></td> <td>Покупатель</td> <td></td> <td>Склад</td> </tr> <tr> <td></td> <td>Сайт продавца</td> <td></td> <td>Ритейлер</td> <td></td> <td>Центр заказов</td> </tr> <tr> <td></td> <td>Центр дистрибуции</td> <td colspan="2"> Физические потоки Потoki информации </td> <td></td> <td></td> </tr> </table>			Производитель		Покупатель		Склад		Сайт продавца		Ритейлер		Центр заказов		Центр дистрибуции	Физические потоки Потoki информации			
	Производитель		Покупатель		Склад														
	Сайт продавца		Ритейлер		Центр заказов														
	Центр дистрибуции	Физические потоки Потoki информации																	

Источник: [Dicken, 2011, p. 409]

Принимая во внимание глобальный характер Интернета, мы полагаем, что данные модели масштабируемы в любом территориальном охвате: от локальных систем доставки готовой еды до международных торговых Интернет-сетей, созданных транснациональными корпорациями. При этом идут процессы расширения как информационного (инвестиции в продвижение сайта, бренда), так и физического присутствия (развитие инфраструктуры или создание точек физического присутствия). *Если раньше всё решал фактор расстояния между двумя объектами в пространстве,*

то теперь главную роль начинают играть свойства самого объекта на основе исходной дифференциации природной и социальной среды [Kotkin, 2000; цит. по: [Перфильев, 2001, с. 8]]. Так, например, согласно исследованию Интернет-корпорации EBay, увеличение расстояния между объектами на 1 % ведет к снижению объема Интернет-торговли (посредством площадки EBay) на 3,1 %, в то время как традиционный товарооборот снижается уже на 18,4 % [Commerse 3.0..., 2013, р. 9]. Применительно к потребительской Интернет-торговле к таким свойствам объекта/территории следует относить:

- технологический уровень, определяемый наличием и качеством доступа во Всемирную сеть. Как отмечалось ранее, всё большее значение для развития Интернет-торговли приобретает использование мобильных устройств – смартфонов и планшетных компьютеров (англ. *m-commerce*), прежде всего для высокоразвитых стран с развитой Интернет-экономикой. К примеру, в Великобритании на мобильные устройства приходится треть оборота потребительской Интернет-торговли. Годовые темпы роста Интернет-продаж, совершаемых с помощью мобильных устройств, значительно превосходят аналогичный показатель для всего сектора. Еще более высокая доля мобильной коммерции в обороте Интернет-торговли зарегистрирована в Республике Корея – 37,5 %, что составляет 4,2 % от всего оборота розничной торговли в стране [emarketer.com];

- экономический уровень, определяющий покупательскую активность и структуру потребления;

- индивидуально-психологические черты покупателей, определяющие восприятие Интернет-торговли, мотивацию, структуру, частоту совершения покупок и т.д.;

- емкость внутреннего рынка розничной торговли, являющаяся производной от уровня экономического развития и численности населения;

- прочие факторы, такие как уровень урбанизации, доминирующий язык и т.д.

Территориальная дифференциация данных свойств объясняет разный уровень развития рынка Интернет-торговли в мире и служит причиной формирования межстрановых потоков товаров и услуг, приобретенных онлайн. К примеру, стремительному развитию Интернет-торговли в Великобритании, помимо прочего, способствовали: языковой фактор (английский язык в качестве государственного), обусловивший как быструю адаптацию нового вида коммуникации, появившегося в США, так и привлечение покупателей из других стран; высокий уровень урбанизации и небольшая площадь территории страны, позволяющие обеспечивать оперативную доставку товаров и эффективно управлять ожиданиями потребителей. Как результат, на сегодняшний день в Великобритании достигнут максимальный в мире показатель доли Интернет-сектора в общем объеме розничных продаж – 14,5 % при прогнозном показателе 19,3 % к 2019 г. [emarketer.com].

Направление и интенсивность межстрановых потоков товаров, приобретенных посредством Интернета, определяется и географическим положением объекта, его положением относительно крупных розничных центров. Более 25 % Интернет-покупателей Австралии, изолированного контин-

нента, совершают покупки за его пределами, таким образом преодолевая ограничения предложения на национальном рынке. Почти 7 % объема потребительских Интернет-продаж в США приходится на покупателей из-за рубежа, привлекаемых удобством коммуникации и широким выбором американских ритейлеров [emarketer.com].

Показатели развития потребительской Интернет-торговли в мире представлены на рис. 3.15–3.17 и в табл. 3.11.

Мировой рынок потребительской Интернет-торговли. Мировыми лидерами потребительской Интернет-торговли являются США и Китай (табл. 3.11). Хотя США уступили по абсолютным объемам рынка и темпам его роста, они продолжают оставаться главным инновационным центром отрасли. Стремительное развитие Интернет-торговли в Китае объясняется не только огромным по емкости внутренним рынком, но и активной международной экспансией местных продавцов и компаний, для реализации которой Интернет служит высокоэффективным инструментом.

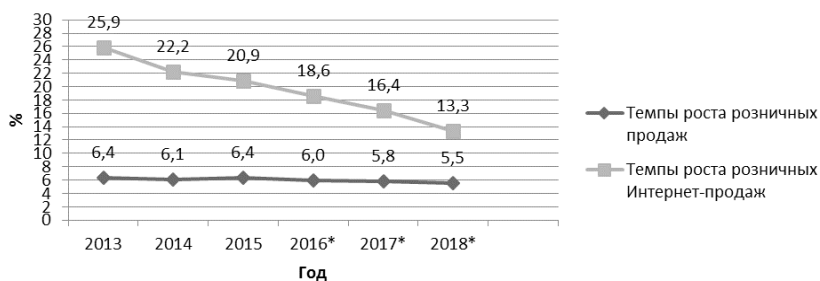

Рис. 3.15. Динамика роста розничных продаж и потребительской Интернет-торговли в мире, 2013–2018 гг.

Составлено по: [emarketer.com]

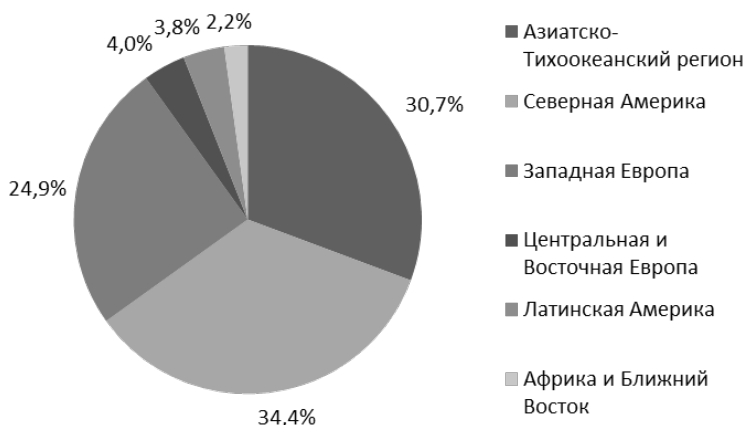

Рис. 3.16. Региональная структура Интернет-продаж потребительских товаров, 2013 г.

Составлено по: [emarketer.com]

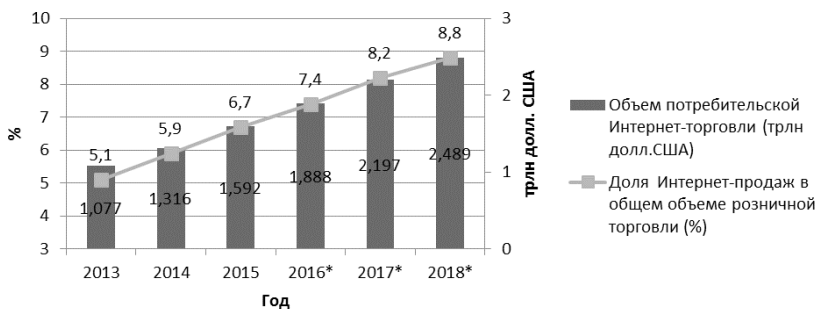

Рис.3.17. Объем потребительской Интернет-торговли и его доля в общем объеме розничных продаж в мире, 2013–2018 гг.

Составлено по: [emarketer.com]

Таблица 3.11

Страны-лидеры по объемам потребительских Интернет-продаж, 2013–2018 гг.

Страна	Год					
	2013	2014	2015*	2016*	2017*	2018*
1. Китай						
Объем потребительской Интернет-торговли, млрд долл.	315,75	426,26	562,66	714,58	871,79	1011,28
Темпы роста, %	47,0	35,0	32,0	27,0	22,0	16,0
2. США						
Объем потребительской Интернет-торговли, млрд долл.	264,28	305,65	349,06	394,43	442,55	493,89
Темпы роста, %	16,5	15,7	14,2	13,0	12,2	11,6
3. Великобритания						
Объем потребительской Интернет-торговли, млрд долл.	70,39	82,00	93,89	104,22	114,64	124,96
Темпы роста, %	17,0	16,5	14,5	11,0	10,0	9,0
4. Япония						
Объем потребительской Интернет-торговли, млрд долл.	62,13	70,83	79,83	88,06	96,87	106,07
Темпы роста, %	17,9	14,0	12,0	11,0	10,0	9,5
5. Германия						
Объем потребительской Интернет-торговли, млрд долл.	51,91	63,38	73,46	82,93	91,97	99,33
Темпы роста, %	21,7	22,1	15,9	12,9	10,9	8,0

Таблица 3.11. Окончание

Страны-лидеры по объемам потребительских Интернет-продаж, 2013–2018 гг.

Страна	Год					
	2013	2014	2015*	2016*	2017*	2018*
6. Франция						
Объем потребительской Интернет-торговли, млрд долл.	34,21	38,36	42,62	46,13	49,71	53,26
Темпы роста, %	13,2	12,1	11,1	8,2	7,8	7,1
7. Республика Корея						
Объем потребительской Интернет-торговли, млрд долл.	29,30	33,11	36,76	40,43	44,07	47,82
Темпы роста, %	12,6	13,0	11,0	10,0	9,0	8,5
8. Канада						
Объем потребительской Интернет-торговли, млрд долл.	20,98	24,63	28,77	33,05	37,61	42,67
Темпы роста, %	17,7	17,4	16,8	14,9	13,8	13,5
9. Россия						
Объем потребительской Интернет-торговли, млрд долл.	15,06	17,47	20,30	23,40	26,88	30,91
Темпы роста, %	27,4	16,0	16,2	15,3	14,9	15,0
10. Бразилия						
Объем потребительской Интернет-торговли, млрд долл.	13,34	16,28	18,80	21,34	23,79	26,17
Темпы роста, %	28,0	22,0	15,5	13,5	11,5	10,0
*Прогноз						

Составлено по: [emarketer.com]

Развитие Интернет-торговли в Китае происходит на фоне растущего благосостояния и активной поддержки государством технологического, в частности телекоммуникационного, сектора.

Очевидно, что развитие и нормальное функционирование системы невозможно без эффективного логистического комплекса, обеспечивающего движение товаров, заказанных в Интернете, т.е. физической проекции информационных потоков (рис.3.18). Рынок логистических услуг, объединяющий услуги по транспортировке, хранению и предоставлению ряда других сервисов для сферы потребительской Интернет-торговли, характеризуется следующими принципиальными чертами [Global E-Commerce Logistics Market, 2014, p. 5]:

- высокие прогнозируемые темпы роста (10 % до 2020 г.), отражающие не только растущее значение Интернет-торговли в целом, но и растущие объемы ее межстрановых потоков;

- развитие систем доставки в центральных районах городов как дополнение к выносимым за городскую черту крупным логистическим комплексам;
- расширение географического охвата деятельности как за счет органического, так и неорганического роста.

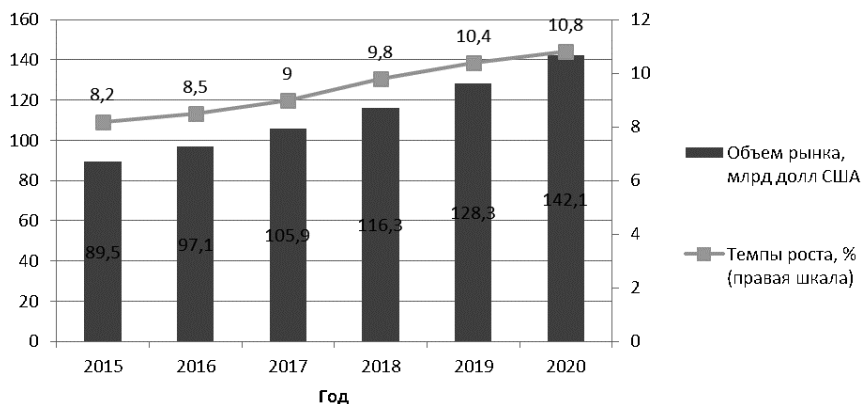

Рис. 3.18. Рынок логистических услуг для сектора потребительской Интернет-торговли.

Источник: [Global E-Commerce Logistics Market, 2014, p. 14]

Логистика сектора потребительской Интернет-торговли характеризуется большей скоростью и оперативностью доставки, разветвленной сетью выдачи заказов, большей гибкостью из-за фактора сезонности.

Другим немаловажным элементом системы Интернет-торговли выступает платежная инфраструктура. Как и в случае с логистическим комплексом, наличие сопутствующей инфраструктуры, пользующейся доверием населения, создает предпосылки для развития Интернет-торговли, либо активно следует за ростом потребительских Интернет-продаж. В странах с менее развитой Интернет-экономикой, даже достигших определенных успехов в развитии национального Интернет-ритейла, основным способом оплаты приобретенных во Всемирной сети товаров продолжают оставаться наличные деньги. Данный способ продолжает оставаться наиболее предпочтительным в России (до 70 % покупок) [therausers.com].

Таким образом, потребительская Интернет-торговля представляет большой интерес для исследователей экономико-географического профиля: во-первых, в силу неоднородности территориального развития явления; во-вторых, многовариантности вследствие большого числа факторов территориальной дифференциации; в-третьих, малоизученности механизмов формирования межстрановых потоков товаров, приобретенных посредством Интернета.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ ТУРИСТСКОМ РЫНКЕ

Н.В. ШАБАЛИНА, И.Н. ТИКУНОВА

Современный туризм стал глобальным явлением XXI в. и достоянием всего человечества. По данным Всемирной туристской организации при ООН (ЮНВТО), в 2015 г. число международных туристских прибытий составило 1 184 млн, ежегодный прирост прибытий за последние несколько лет – 4–5 %. С учетом внутреннего туризма его услугами в мире пользуются более 5 млрд человек. Вклад индустрии туризма в мировой ВВП – 9,5 % [UNWTO Tourism Highlights, 2015]. По оценкам ЮНВТО, к 2020 г. число международных туристских прибытий составит 1,36 млрд, к 2030 г. – 1,8 млрд. Средние ежегодные темпы прироста числа туристских прибытий прогнозируются на уровне 3-4 % в год. Суммарный вклад в мировой ВВП составит 10 % (9,2 трлн долл.). Будет создан 21 млн новых рабочих мест; доля туризма в занятости населения приблизится к 10 % (325 млн человек). Масштабы и темпы развития мирового туризма впечатляют, однако существуют огромные региональные различия в этих показателях.

Эффективное развитие туризма связано с адекватным реагированием на внешние и внутренние вызовы, с которыми постоянно сталкивается туристская индустрия. К наиболее серьезным из них на современном этапе относятся:

1. *Нестабильность мировой политики и экономики*, связанная с колебаниями мировых финансовых рынков и цен на энергоносители. В условиях глобализации нестабильность затрагивает экономики всех стран мира, в том числе и Россию. Геополитический фактор стал определяющим для развития таких туристских дестинаций, как Египет, Турция, Россия. Остро встает вопрос о разработке комплекса мер по обеспечению безопасности туризма, рациональности использования имеющихся ресурсов.

2. *Усиление глобальной конкурентной борьбы* за привлечение инвестиций в региональное развитие. Это предполагает создание благоприятной конкурентной среды для иностранных и отечественных инвесторов и предпринимателей в туристскую индустрию и смежные отрасли.

3. *Рост продолжительности жизни населения* и его старение требуют создания современных систем реабилитации и сохранения активного долголетия, выдвигают новые повышенные запросы к ресурсному обеспечению туристско-рекреационного и санаторно-курортного комплекса и обеспечению безопасности туристской деятельности.

4. *Значительное усиление роли человеческого фактора* во всех областях развития экономики и общества. Здоровый, работоспособный, квалифицированный и культурно развитый человек становится основным источником инноваций, определяющих глобальную конкурентоспособность социально-экономической системы. Этому способствует развитие туристской отрасли, как многофункциональной системы обеспечения социальных и гуманитарных потребностей человека.

5. Развитие информационно-коммуникационных технологий, определяющее доступность информации, оптимизацию работы и взаимодействия предприятий туристической индустрии, увеличение числа самостоятельных бронирований, усиление индивидуализации в туризме.

Задача туризма на современном этапе – формирование адекватных ответов на эти и иные вызовы, улучшение качества жизни путем оздоровления и познания. Современный туризм – важнейшая сфера жизнеобеспечения деятельности человека, направленная на восстановление и развитие его физических, духовных и интеллектуальных сил в свободное время вне места постоянного проживания.

Основные показатели развития международного туризма на современном этапе. Туризм по мере его развития рассматривался как отрасль, сектор экономики, сфера экономической деятельности, межотраслевой комплекс и др. Глобальность туризма и его влияние на социально-экономическое развитие позволяют утверждать, что в настоящее время он по структуре и содержанию представляет собой сложный межотраслевой комплекс. Мировой туризм превратился в сферу хозяйственной деятельности, активизирующую более 50 отраслей хозяйства, опирающуюся на сочетание природных, культурных и социально-экономических ресурсов. Он включает транснациональные корпорации, имеет систему подготовки кадров, свою логистику, устойчивые мультипликативные связи с различными отраслями экономики. На туризм приходится 29 % мирового экспорта услуг и 6 % общего экспорта товаров. Туризм как статья экспорта занимает четвертое место после нефти, продукции химической и пищевой промышленности, но при этом находится на первом месте во многих развивающихся странах.

В настоящее время темпы роста мирового туристического потока составляют в среднем до 5 % в год, рост мировой экономики – до 3 % в год. Туризм стимулирует развитие экономик многих стран мира. В кризисных условиях он демонстрирует отставание в негативных проявлениях факторов внешней среды, при нормализации условий быстро восстанавливается. Темпы роста числа туристов в странах с развитой экономикой в 2015 г. составили 5 %, что превысило темпы роста в странах с формирующейся рыночной экономикой (4 %). Однако развивающиеся страны занимают всё более существенные позиции на мировом туристском рынке, продвигая себя как недорогие направления с относительно высоким уровнем обслуживания. Так, в 1980 г. доля развивающихся стран в туристских прибытиях составляла около 30 %, в 2010 г. она составила уже 47 %, а к 2030 г. по прогнозу достигнет 57 % (табл. 3.12) [Кружалин и др., 2014(a)].

Роль развивающей функции туризма состоит в создании новых рабочих мест. Однако, учитывая, что туризм представляет собой комплексный многоотраслевой сектор экономики и занятость в нем имеет специфический характер, дать реальную оценку численности работников, занятых в этой сфере, очень сложно.

Таблица 3.12

**Международные туристские прибытия в развитые и развивающиеся страны
(млн прибытий) за 1980–2030 гг.**

Показатели	Годы					
	1980	1990	2000	2010	2020 (прогноз)	2030 (прогноз)
Общее число туристских прибытий в мире,	277	435	674	940	1360	1809
из них (%):						
– в развитые страны	70	68	62	53	47	43
– в развивающиеся страны	30	32	38	47	53	57

Источник: [Кружалин и др., 2014(b)].

Зарубежный опыт показывает, что успех развития туризма напрямую зависит от того, как на государственном уровне воспринимается эта сфера деятельности, насколько она пользуется государственной поддержкой. В таких странах, как Франция, Испания, Италия, ОАЭ, Турция, Греция, Египет туризм – бюджетообразующая отрасль. В небольших островных государствах Карибского бассейна туризм играет жизненно важную роль, обеспечивая работой большую часть населения и принося до 75 % ВВП страны.

Во всех лидирующих по туризму странах есть организации, подчиненные, как правило, министерствам, которые занимаются разработкой национальных программ развития туризма: в Великобритании – BTA (British Tourist Authority), в Ирландии – Irish Board, в Италии – ENIT, в Норвегии – NORTRA и др.

Эти организации содержат представительства по туризму в других странах, разрабатывают привлекающие туристов программы, обеспечивают поток туристской информации, внедряют государственные программы стимулирования туризма (льготы в налогообложении, упрощение погранично-таможенного режима, создание благоприятных условий для инвестиций, увеличение бюджетных ассигнований на развитие инфраструктуры, рекламе, подготовку кадров).

Структурные и пространственные изменения в международном туризме. В последние 15–20 лет мировой туризм подвергся кардинальным изменениям. Туризм перешел на новый этап своего развития, что проявилось в большей интеграции стран мира, включая и Россию, в мировое туристское пространство. Кончилась эпоха массовых пакетных туров, усилилась диверсификация туристской деятельности (появились новые виды и направления туризма), расширилось использование электронных систем бронирования и других видов информационных технологий в туризме, изменилась модель потребительского спроса, мировой туризм стал характеризоваться все большим развитием процессов глобализации. В современном

постиндустриальном обществе в результате технологической революции, развития социальных сетей всё большую роль играет свободное время, важное значение приобретают эмоции, ощущения и впечатления, которые люди получают в процессе путешествия. Можно сказать, что традиционная потребительская модель 3S (Sea-Sun-Sand, «море – солнце – пляж») претерпела существенные изменения и постепенно преобразовалась в модель 3L (Lore-Landscape-Leisure, «национальные традиции – пейзаж – досуг») или 3E (Excitement-Education-Entertainment, «впечатление – обучение – развлечение»).

Несмотря на экономическую и политическую нестабильность в мире, туризм демонстрирует устойчивость к лимитирующим его развитие факторам и продолжает сохранять общую тенденцию к росту (рис. 3.19).

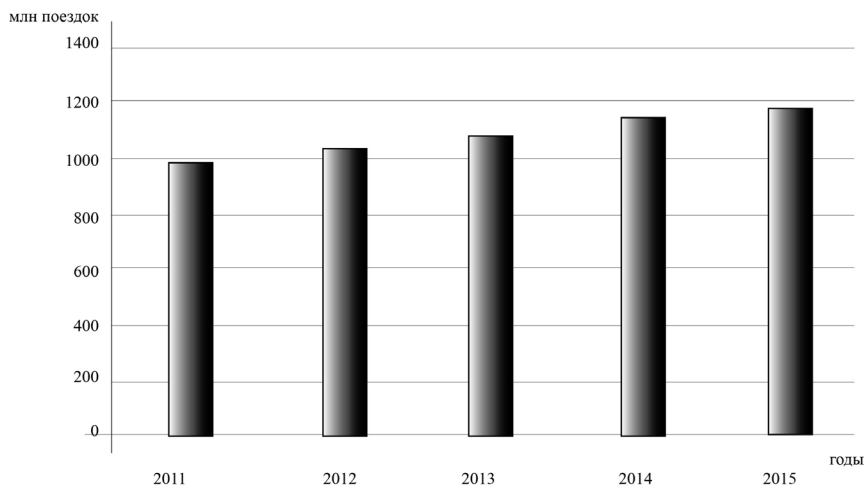

Рис. 3.19. Динамика туристских поездок в мире за 2011–2015 гг.

Источник: [UNWTO Yearbook of Tourism Statistics, 2016].

Структура международных туристских прибытий распределена следующим образом: лидером на протяжении многих лет остается Европейский регион, на втором месте – Азиатско-Тихоокеанский, на третьем – Американский (рис. 3.20). Темпы роста туристских прибытий в Европе, Американском и Азиатско-Тихоокеанском регионах составили около 5 %.

Европа остается абсолютным лидером на международном туристском рынке. Здесь началась история европейского туризма, появились первые курорты, сформировались устойчивые туристские потоки к культурно-историческим центрам и в лечебные местности. Европейский регион представлен высокоурбанизированными странами, преимущественно высокого уровня социально-экономического развития, с развитой общей и туристской инфраструктурой, успешной политикой формирования единого туристского пространства (Шенгенское соглашение). Ослабление позиции

евро по отношению к доллару США и другим основным валютам способствует притоку туристов в этот регион. По числу туристских поездок и по поступлениям от туризма первое место занимают страны Южной Европы и западного сектора Восточного Средиземноморья (37 % от внутрирегионального потока), привлекательные продолжительным комфортным купально-пляжным сезоном, концентрацией объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Здесь внедрялись инновационные продукты и технологии (медицинский туризм, тематический туризм, кинотуризм и т.д.). В Европе сосредоточено большинство стран-лидеров по развитию туризма в мире. Это Франция, Испания, Италия, Великобритания и Германия, которые продолжают аккумулировать значительные объемы туристских прибытий и поступлений, одновременно генерируя при этом и крупнейшие туристские потоки в регионе и в мире.

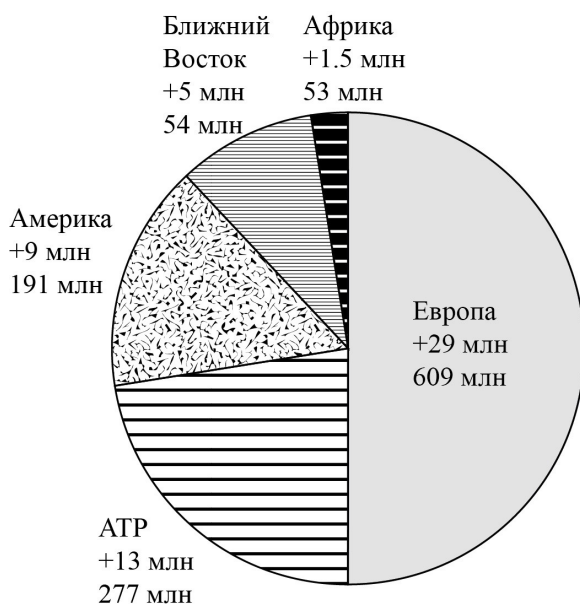

Рис. 3.20. Структура международных туристских поездок по регионам мира (2015 г., прирост по сравнению с 2014 г.).

Источник: [UNWTO Yearbook of Tourism Statistics, 2016].

Страны Северной Европы привлекательны, в первую очередь, своими природными ресурсами, и имеют высокие показатели коммерческой эффективности от реализации продуктов и услуг. Роль догоняющих на современном этапе исполняют страны Центральной и Восточной Европы.

Наиболее быстрыми темпами растет число туристских прибытий в страны АТР, который с 2002 г. вышел на второе место в мире. Эксперты говорят о наступлении «тихоокеанской эры» в развитии международного туризма.

Азиатско-Тихоокеанский регион представлен широким набором различных по уровню развития туризма стран и территорий. Основные туристские потоки здесь направлены в Восточную Азию (более 50 % прибытий). При этом темпы роста числа туристских прибытий самые высокие, что определяется политикой открытости государств, экзотичностью и дифференцированностью их туристских продуктов и услуг. Реальную конкуренцию этому региону может составить Юго-Восточная Азия, если сумеет преодолеть политическую и экономическую нестабильность, а также обезопасить туристов от воздействия природных катаклизмов. Океания, включающая и Австралию, пока не принимает большого числа туристов из-за удаленности от стран, формирующих основные туристские потоки, а регион Южной Азии – из-за сложной политической ситуации и экономической отсталости.

В АТР абсолютным лидером по развитию туризма с начала 2000-х гг. является Китай [Кружалин и др., 2014(а)], который уже входит в тройку наиболее «путешествующих» стран мира и с 2004 г. демонстрирует двухзначные ежегодные темпы роста туристских расходов. Туристы из Китая активно путешествуют не только в пределах своего региона, но и вне его. По результатам 2015 г. объем туристского потока из Китая в Россию превысил 1 млн [Статистические материалы «Мир без границ»].

В Американском регионе доминирует Северная Америка (США, Канада и Мексика), на долю которой приходится 2/3 туристского потока. Однако доля этого субрегиона постепенно снижается, и на международный туристский рынок все активнее выходят страны Южной Америки и небольшие островные государства Карибского региона – в первую очередь, за счет активного развития круизного туризма. Укрепление доллара США, включение в международные туристские обмены стран Карибского бассейна и Центральной Америки усилили позиции Американского региона на международном туристском рынке.

Характер развития туризма в Ближневосточном и Африканском регионах продолжал носить очаговый характер и определялся в 2014–2015 гг. расширением зоны политических и военных конфликтов, вспышкой лихорадки Эбола.

Наиболее подробно общемировые закономерности пространственного распределения туристских потоков рассматриваются в работах А.Ю. Александровой, Е.В. Агиной, В.И. Кружалина, К.В. Кружалина, И.Н. Тикуновой и Н.В. Шабалиной [Александрова, 2015; Александрова, Тикунова, 2003; Кружалин и др., 2014(а); Тикунова, 2012].

Содержащийся в этих работах анализ данных ВТО позволил выявить следующие географические закономерности развития международного туризма:

- преобладание внутрирегиональных туристских потоков над межрегиональными (исключение составляют Африканский и Ближневосточный регионы);

- развитие туристских потоков между странами-соседями, что вызвано упрощением пересечения государственных границ, сокращением дальности поездок в условиях экономической нестабильности, близостью языков и культур и т.д.;

– сохранение меридианальной направленности континентальных туристских потоков (доминирование пляжного отдыха в субтропических и тропических поясах);

– формирование «обратного» меридианального туристского потока: в регионах Северного полушария – в страны Северной Европы и Канаду, в Южном полушарии – в Океанию, страны южнее Сахары, что связано с развитием культурно-познавательного и экологического туризма;

– основные туристские потоки возникают в развитых странах мира и одновременно тяготеют к ним (развитие делового, медицинского, культурно-познавательного туризма). Но, по мнению ряда авторов (Я. Гезгалы, А.Ю. Александровой, Е.В. Аигиной и др.), сегодня на туристской карте мира можно наблюдать «обмены многоступенчатого каскада»: туристы из стран с самым высоким уровнем жизни выезжают в страны с более низким уровнем развития и более низкой стоимостью отдыха, а местные жители, в свою очередь, – в еще менее развитые и более дешевые страны;

– увеличение быстрыми темпами туристских потоков в развивающиеся страны (по результатам 2014 г. – в Шри-Ланку, Эквадор, Колумбию и т.д.);

– расширение географии туризма и перечня туристских дестинаций (прежде всего, за счет стран АТР); туристские продукты становятся более диверсифицированными;

– сохранение тесных связей между бывшими колониями и метрополиями при доминировании последних (туристские потоки между Францией, Великобританией и странами Африканского и Азиатско-Тихоокеанского регионов);

– увеличение числа туристов из АТР и Ближневосточного региона, особенно Китая, а в последнее время – Ирана, туристский поток из которого в 2015 г. увеличился почти вдвое;

– сокращение зависимости между удаленностью туристской дестинации и продолжительностью пребывания в ней, хотя максимальные показатели по продолжительности пребывания до сих пор характерны для таких удаленных стран, как Австралия и Новая Зеландия.

За последние десятилетия соотношение основных целей международных туристских прибытий значительно изменилось. Доля туристских поездок с целями отдыха и развлечений постепенно сокращается и составила в 2014 г. около 53 %, доля поездок с деловыми и профессиональными целями – около 14 %. Сильно выросла доля поездок для посещения друзей и родственников, с религиозными и оздоровительными целями, ныне превышающая четверть всех туристских поездок. ЮНВТО предполагает, что в ближайшие годы такое соотношение сохранится. Однако, все чаще туристы затрудняются в выделении основной цели своей туристской поездки, и современные путешествия носят комбинированный характер, преследуя целый комплекс задач.

На фоне традиционных направлений туризма наблюдается рост новых направлений туристской деятельности: медицинский туризм, «халяльный туризм», предоставляющий возможность отдыхать в соответствии с нормами ислама, «красный туризм» (туризм для китайских граждан по местам

жизни и деятельности Мао Цзэдуна и В.И. Ленина), гастрономический туризм, событийный туризм и т.д. Это свидетельствует о продолжающейся диверсификации туристской деятельности, углублении специализации туристских компаний. В конечном счете, это влияет на географию и масштабы международных туристских потоков.

Современные глобальные процессы, происходящие на мировом туристском рынке. На современном этапе развития международного туризма проявление процессов глобализации видится в следующем:

- укрупнение субъектов туристского рынка (процессы слияния, поглощения, распространение туристских и гостиничных сетей, формирование единых пространств) и проникновение их на новые рынки;

- усиление, с одной стороны, специализации, а с другой стороны – диверсификации туристских продуктов и услуг;

- внедрение инновационных технологий (в первую очередь информационных).

Процессы глобализации в индустрии туризма можно проследить как на примере крупных туристских компаний (например, Thomas Cook Group, TUI Group и др.), а также предприятий гостиничной индустрии. Так, немецкая туристская компания TUI Group, объединяет туроператоров в 18 странах Европейского, Американского, Азиатско-Тихоокеанского регионов, предоставляет рабочие места для более чем 70 тыс. служащих, обслуживает более 30 млн клиентов, а после слияния в 2014 г. с дочерней британской компанией TUI Travel, стала крупнейшим туристским концерном в мире [TUI Group].

В настоящее время в мире насчитывается около 560 гостиничных сетей. Каждый пятый отель в мире входит в гостиничную сеть. При этом в гостиничные сети входят около 70 % американских и 30-40 % европейских гостиниц. Гостиницы ведущих мировых брендов представлены повсеместно, но их роль особенно высока в Европе и Северной Америке в силу высокого уровня развития этих регионов и высокого спроса. Мировые гостиничные сети продолжают активно расширяться и осваивать новые рынки, в частности, Латинскую Америку, Ближний Восток, Африку и АТР.

В туристской сфере инновационная деятельность развивается по трем направлениям:

- организационные инновации,

- маркетинговые инновации, позволяющие охватывать потребности целевых потребителей или привлекать не охваченных на данный период времени клиентов,

- продуктовые инновации.

Глобальные дистрибутивные системы активно разрабатывали новшества для мобильных устройств. Приложения, созданные специально для этих устройств, пользуются сегодня высоким спросом как новое средство презентаций, которое может оперативно отражать самую свежую информацию и аналитику, а также не предполагает затрат на распространение и хранение контента.

Создаются уникальные интерактивные мобильные приложения – мультязычный мобильный гид с возможностью постоянной актуализации

данных, содержащий авторский контент (текст, фото, видео, аудио), обеспечивающий офф-лайн доступ к информации, в т.ч. к интерактивной карте, оснащенной функцией определения местоположения пользователя, а также отражающей туристские объекты (гостиницы, предприятия питания, досуга и пр.), мероприятия, маршруты. Использование систем глобального позиционирования GPS и ГЛОНАСС помогает составлять интерактивные карты новых туристских направлений с указанием маршрутов, пользовательскими фотографиями и описаниями объектов.

В условиях жесткой конкуренции, характерных для современного состояния рынка туристских услуг, управляющие компании внедряют системы лояльности для постоянных клиентов. Программы лояльности выросли из авиаперевозок с их стимулирующими программами, основанными на экономии денег пассажиров, в случае, если они многократно пользуются именно этой авиалинией (воздушные мили, очки, бонусы, карточки и т.д.). История появления авиационных программ лояльности проста: авиабренды всеми силами стремились соответствовать запросам пассажиров. Сегодня эти стимулирующие (или призовые) программы, основанные на экономии затрат, распространены в туристской индустрии и становятся обычными для бизнеса кредитных карт и телекоммуникаций.

Одна из современных систем, активно используемая в гостиницах, ресторанах, спортивных центрах, на стадионах – система TNG от международного лидера в разработке реляционных баз данных компании «Oracle». Внедрение инновационной системы лояльности TNG позволяет управлять бонусными баллами через современные приложения в глобальной сети Интернет и в мобильных устройствах. Система TNG легко интегрируется с магнитными и бесконтактными платежными картами, что позволяет автоматически проводить необходимые безналичные платежи с учетом скидок и накопленных баллов. В ней формируются отчеты для каждого клиента при поддержке современных средств обработки данных. Для предоставления полной информации посетителям обо всех аспектах отдыха, включая проживание, достопримечательности и события предназначены туристские информационные центры (Destination Management Systems).

Еще одно проявление процессов глобализации на международном и отечественном туристских рынках – развитие новых пространственно-организационных форм развития туризма: трансграничных межрегиональных туристских маршрутов, реализуемых на основе кластерных технологий. Принятые Еврокомиссией в Брюсселе в 2007 г. «Манифест кластеризации в странах ЕС» и «Европейский меморандум о кластерах», подписанный в Стокгольме в 2008 г., определили кластерное развитие как основной механизм повышения конкурентоспособности экономик стран-членов ЕС и обозначили этот процесс как приоритет национальных программ.

Основные характеристики развития туризма в Российской Федерации на современном этапе. По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям (2015 г.), доля туризма в ВВП России составляет 1,4 %, а с учетом мультипликативного эффекта отрасли – 5,8 %, занятость в сфере туризма составляет 1,4 % (967 тыс. рабочих мест), с уче-

том мультипликативного эффекта – 5,5 % (3 935 тыс. рабочих мест). Вклад туризма и путешествий в общий объем капитальных инвестиций в России составляет 2,7 % [World Travel & Tourism Council]. В 2014 г. российские граждане совершили за рубеж около 18 млн поездок, объем их туристских расходов составил по данным ЮНВТО 50,3 млрд долл. (4-е место в мире), что на 3,2 млрд долл. меньше, чем в 2013 г. Международные туристские расходы в 2014 г. превысили на 38,3 млрд долл. международные туристские доходы страны (12 млрд долл.). Остро стоит вопрос о создании благоприятных условий для развития внутреннего и въездного туризма с целью аккумуляции туристских денежных потоков в России и импортозамещения. В 2014 г. внутренний туризм в России вырос на 38 % и составил 41,5 млн поездок, а в 2015 г. по экспертным данным – 50 млн поездок; въездной остался без изменений [Статистические материалы Федерального агентства по туризму]. Особое значение внутренний и въездной туризм имеют для развития малого и среднего бизнеса: в среднем на 1 вложенный рубль бизнес получает от 3 до 5 руб. прибыли.

В 2014 г. произошли серьезные трансформации в сфере российского туризма. На изменение структуры российского туризма повлияла геополитическая обстановка, санкции, продолжающийся финансово-экономический спад и ряд других факторов¹. Это привело к ряду структурных изменений

¹ В последние годы выделяются следующие риски развития туристско-рекреационного комплекса Российской Федерации [Доклад о состоянии и развитии туризма... , 2014]: 1) **кредитные** (невыполнение обязательств вследствие недобросовестности партнеров, некомпетентности); 2) **коммерческие** (невозможность реализовать продукцию); 3) **предпринимательские** (невостребованность продукции, ухудшение конъюнктуры, неисполнение контракта); 4) **риск банкротства** (опасность полной потери предпринимателем собственного капитала и неспособности его рассчитаться по взятым на себя обязательствам). Эти риски в полной мере проявились в 2014 г. Черeda громких банкротств привела к уходу с рынка многих крупных игроков («Нева», «Лабиринт», «Роза Ветров-Мир», «Экспо-тур» и др.). Специалисты предполагают, что таких громких банкротств, которые произошли августе и сентябре 2014 г., уже не будет; 5) **репутационные** (кризис туристского бизнеса России сильно пошатнул доверие потребителя). Любители путешествий стали с большим вниманием изучать возможности электронных систем бронирования отелей, авиабилетов, аренды автомобилей и поиска электронных путеводителей-навигаторов; 6) **отраслевые** (изменение значения туристско-рекреационного комплекса, усиление внутренней или внешней конкуренции, нарушение технологических связей между предприятиями туристской индустрии и т.д.). Многие туроператоры не могут переформировать страховой договор, так как страховые компании после череды банкротств 2014 г. отказываются от страхования туроператоров, работающих на внешнем рынке, или предлагают неподъемные тарифы. По законодательству туроператора, не переформировавшего вовремя гарантии (за 3 месяца до истечения их срока), исключают из реестра, что лишает его права продавать зарубежные туры. В связи с этим часть туроператоров вынуждена стать турагентствами, часть – сменить профиль с въездного туризма на внутренний. За 2014 г. существенно (на 25 %) сократилось число туроператоров по выездному туризму, а в сегменте внутреннего туризма число туроператоров выросло на 8,5 %; 7) **валютные** (изменение стоимости активов, снижение выручки и увеличение расходов в связи с неблагоприятным изменением курсов валют). Этот вопрос стал чрезвычайно острым в связи с событиями осени 2014 г. и оставался одним из первоочередных в 2015 г. В конце 2014 г. – начале 2015 г. сложилась ситуация, когда туристам предлагали доплатить разницу курса валют, сократить сроки поездки, сменить направление отдыха, так как путевка на момент ее реализации оказывалась в 1,5 и более раз дороже, чем в момент ее приобретения. Это повлекло за собой череду жалоб граждан в органы управления туризмом, а представители туристского рынка, в свою очередь, объясняли подобные меры необходимость рассчитаться с зарубежными партнерами.

туристского рынка: снизились туристские потоки и глубина бронирования, наметилась тенденция к переориентации путешественников с одних регионов мира на другие, произошла активизация внутренних туристских направлений и т.д.

Важным фактором роста внутреннего и въездного туризма в России стало заметное улучшение современной туристской инфраструктуры в ряде регионов благодаря реализации федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2011–2018 гг.». Современный этап развития туризма связан с разработкой в 2014 г. и начавшейся реализацией «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 г.» и превращения его в высокодоходную отрасль экономики. Положительное влияние на развитие туризма в России оказали крупные спортивные мероприятия – XXII Олимпийские зимние игры и XI Паралимпийские зимние игры 2014 г. в Сочи, XXVII Всемирная летняя универсиада 2013 г. в Казани и т.д.

В конце 90-х гг. XX в. запущен процесс внедрения современных технологий, в частности программного обеспечения для всех стадий бизнес-процесса по оформлению путешествий, управлению гостиницами, бронированию авиаперевозок, мест в отелях, аренде автомобилей. Российский национальный авиаперевозчик «Аэрофлот» по истечении контракта с устаревшей глобальной системой «SITA Gabriel» в 2004 г. перешел на более современную глобальную систему дистрибуции «Sabre». В этом же году была внедрена система выпуска электронных билетов. Инновация позволила авиакомпаниям оптимизировать издержки по печати многослойных самокопирующихся бланков авиабилетов, их учету и хранению архивов. В 2006 г. на российский рынок авиаперевозок и туризма пришло еще одно новшество – система BSP (billing and settlement plan), к тому времени успешно работавшая на рынке 140 стран.

Законодательно введено понятие «туристский информационный центр». ТИЦ – это сервисная служба, которая предоставляет информацию о местных туристских продуктах, достопримечательностях, исторических ценностях региона, мероприятиях, экскурсионных маршрутах, транспорте, шопинге, развлечениях и др. ТИЦ могут продавать билеты на местный общественный транспорт, распространять туристские материалы – карты, буклеты, краеведческую и историческую литературу и др. ТИЦы торгуют сувенирами, продукцией местных ремесленников, мастеров, художников. В 2014 г. активность регионов Российской Федерации по развитию ТИЦ резко увеличилась: их число выросло на 77 % и достигло вместе с филиалами 289. Деятельность ТИЦ, как правило, неразрывно связана с развитием региональных туристских Интернет-порталов [Доклад о состоянии и развитии туризма в Российской Федерации, 2014].

Одна из ключевых инвестиционных инициатив в области туризма – кластерный подход, который нашел отражение в Федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2011-2018 гг.». Более половины субъектов РФ реализуют проекты туристско-рекреационных кластеров регионального, межрегионального,

национального и межстранового уровней. Международный опыт реализации кластерных инициатив показал эффективность их применения в туризме и социально-экономическом развитии территории в целом [Кружалин и др., 2014(b)].

Министерством культуры РФ в 2015 г. было принято решение о разработке брендовых туристских маршрутов культурно-познавательного туризма в субъектах России, в первую очередь в 11 субъектах, где будет проходить чемпионат мира по футболу 2018 г. Многие из предложенных и обсуждаемых проектов носят межрегиональный характер и могут быть реализованы на основе кластерных инициатив.

По данным Давосского Всемирного экономического форума, в 2015 г. Россия поднялась с 63-е на 45-е место по туристской конкурентоспособности. По таким критериям, как природное и культурное наследие, Российская Федерация входит в первые 10 стран рейтинга. Сегодня туризм рассматривается как важная составляющая инновационного развития страны. Государственная политика в сфере туризма нацелена на повышение конкурентоспособности туристского рынка, удовлетворяющего потребности российских и иностранных граждан в качественных туристских услугах.

Таким образом, туризм сегодня – глобальный процесс, затрагивающий большинство стран и регионов мира, развивающийся в результате совокупного воздействия внешних и внутренних факторов и отражающий структурные и географические особенности туристских предпочтений. В результате осложнения геополитической обстановки и продолжающегося экономического спада за последние два года система туристского спроса претерпела существенные качественные и количественные изменения. Сдвиги в структуре спроса повлекли трансформацию структуры туристского предложения, выразившуюся в укрупнении бизнес-структур, формировании новых стратегий проникновения на рынки, специализации, сегментации и диверсификации бизнеса.

РАЗДЕЛ 4. РЕГИОНЫ И СТРАНЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Л.Б. ВАРДОМСКИЙ

Трансформация – понятие, широко используемое во многих науках и отражающее глубинные преобразования в исследуемых ими областях. Эти преобразования меняют сущность исследуемого предмета или явления, выводят его на иную траекторию развития. Трансформация может быть результатом как последовательно проводимой модернизации общества и экономики, так и действия внешних и внутренних сил, приводящих к разрушению старых укладов, структур, институтов и появлению новых.

В России в 1990-е и 2000-е гг. появилось множество работ, посвященных проблемам рыночной трансформации. Институт экономики РАН внес немалый вклад в понимание процессов «рыночного транзита» на примере стран бывшего социалистического мира [Глинкина, 2008(а); Глинкина, 2008(б)], а также связанной с ним модернизации этих стран [Модернизация в странах российского пояса..., 2012].

Большой интерес представляет исследование экономической трансформации интегрирующихся пространств. Среди западных ученых, изучавших влияние европейской и североамериканской интеграции на структурное развитие стран-участниц, следует выделить М. Брюлхерта, А.Дж. Веньяблеса, П. Кругмана, Й. Торстенсона, Г. Хагсона. В России пока таких исследований немного. Среди них хотелось бы выделить работы Института экономики РАН о взаимовлиянии евроинтеграции и экономического роста в странах Центрально-Восточной Европы. В этих работах анализируются вопросы институциональной и структурной трансформации в условиях европейской интеграции [Глинкина и др., 2014].

Не меньший интерес представляет трансформационная проблематика «жесткой» дезинтеграции СССР [Вардомский, 2011(а)], в результате которой образовалось 15 новых государств и 4 государственных образования, непризнанных или частично признанных международным сообществом. Некогда единое политическое, социальное и экономическое пространство оказалось рассечено тремя десятками новых государственных границ, что само по себе свидетельствует о глубокой трансформации постсоветского пространства (ПСР) и составляющих его стран.

Проблематика новых границ и приграничных регионов, их экономической, социальной и политической трансформации стала весьма популярной

в России. Населенные пункты новых приграничных регионов в условиях СССР развивались как единые системы. Например, на востоке Украины сформировались такие крупные промышленные, научные и культурные центры, как Харьков и Донецк, к которым тяготели значительные территории РСФСР. К Новосибирску, Омску, Барнаулу тяготели значительные пространства Казахстана. Новые границы сильно ударили по градообразующим функциям городов, сузили экономическую базу их развития. Особая сила трансформационных проблем в новом порубежье была показана в ряде обстоятельных российских исследований [Международная интеграция российских регионов, 2007; Приграничное сотрудничество..., 2013; Прозрачные границы, 2002; Российско-украинское пограничье, 2011].

В настоящей статье анализируются итоги трансформации ПСП в структурном и интеграционном разрезе и показаны возможные сценарии трансформации в обозримом (10–15 лет) будущем.

У всех постсоветских стран (ПСС) изначально главными приоритетами были государственное строительство, формирование идентичности и политической ориентации и, разумеется, рыночные реформы. Они в большинстве ПСС основывались на рекомендациях Мирового банка и МВФ проводить либеральную макроэкономическую политику, именуемую Вашингтонским консенсусом. Но некоторые страны не решились на «шоковый» вариант реформ и приступили к ним значительно позже.

Модели государственного управления формировались под влиянием культурной традиции и внешних примеров. Внешнеэкономические и интеграционные приоритеты определялись потребностями экономики и в соответствии с формирующейся идентичностью. В итоге за годы суверенного развития новых государств ПСП утратило целостность, стало значительно более дифференцированным по социально-экономическим показателям [Вардомский, Пылин, 2014], более конфликтным и более зависимым в своем развитии от внешних воздействий. Страны ПСП, руководствуясь как национальными интересами, так и интересами близких к ним третьих стран имеют разные представления о мировой миссии этого пространства как некой геополитической и геоэкономической общности¹.

В представлении большинства западных экспертов, ученых и политиков ПСП давно не существует как целое, поскольку его составляют уже суверенные государства [Власов, 2009]. Это мнение подкрепляет убывающая экономическая связанность этого пространства и раскол по интеграционным приоритетам. Это представление коррелирует с затухающей деятельностью СНГ, переключением основных интеграционных процессов на ЕАЭС.

¹ Одним из первых геополитическую роль Евразии описал Х. Маккиндер, который назвал данный регион «хартлендом», или «географической осью истории», играющей особую роль в мировой политике.

Трансформация экономической структуры ПСП. Современная экономическая структура ПСП – результат рыночной трансформации бывших союзных республик. За годы суверенного существования усилились тренды развития ПСС, возникшие в советское время: нарастание различий между ними в демографическом развитии и рост трудовых миграций с юга на север, более быстрый рост экономик постсоветского юга при усилении различий в подушевом измерении ВВП. Но главное – усилился топливно-сырьевой характер экономики ПСС. Это подчеркивает созданная для исполнения этой функции, а также сокращения взаимной транзитной зависимости международная инфраструктура, обеспечивающая поставки топлива и сырья на рынки третьих стран (нефтепроводы Баку – Тбилиси – Джейхан, Атасу (Казахстан) – Алашаньюк (КНР), газопроводы Центральная Азия – Китай, Туркменистан – Иран и др.).

Доходы большинства ПСС связаны либо с производством топлива, минерального и растительного сырья, материалов, либо с их доставкой конечным потребителям, либо с развитием сопутствующих услуг (ремонтных, торгово-посреднических, банковских, аутсорсинговых и т.п.).

В целом же структурные изменения в экономиках ПСС определялись деиндустриализацией и терциаризацией, вымыванием высокотехнологичных производств, прежде всего машиностроительных, сокращением инновационного потенциала, но при этом бурным внедрением мобильной связи и интернета, а также ускоренным развитием торговли, сферы недвижимости и кредитно-банковских услуг. Стремлению ПСС восстановить советское промышленное наследие препятствовала негативная селекция мирового рынка, низкая конкурентоспособность обрабатывающей промышленности [Новые независимые государства, 2012]. Она имела не только производственно-технологическую и ценовую природу, но и резко возросшие логистические издержки. Появление новых государственных и таможенных границ сделало ПСП в высокой степени транзитным. Например, для доставки груза из России в Таджикистан требуется пересечь территории Казахстана и Киргизии или Узбекистана. Еще более сложный путь ожидает груз в Таджикистан из Армении. Это замедляет и удорожает внешнеэкономические связи.

Одновременно повысилась зависимость ПСС от потоков капитала и технологий из третьих стран, импорта из них продовольствия и потребительских товаров, трудовых миграций. Структурные изменения повысили потенциальную уязвимость ПСС от глобальной нестабильности. Для стран-экспортеров рабочей силы была характерна высокая зависимость от доходов стран-экспортеров углеводородов, поскольку динамика цен на нефть и газ прямо коррелирует с масштабами трудовых миграций. Чем выше цены, тем выше энергетика миграционных потоков, и наоборот. Потери этих стран от снижения деловой активности в странах-экспортерах углеводородов были выше, чем выигрыши от снижения цен углеводороды.

Усиление сырьевой специализации рассматриваемых стран стало результатом адаптации их экономик к мировому спросу и предложению, прежде всего крупных ТНК, которые не заинтересованы в диверсификации

производственных структур ПСС на основе современных технологий, но заинтересованы в расширении внутреннего спроса на производимые ими готовые изделия. Узость национальных рынков, слабость национальных инновационных и финансовых систем не позволяют странам проводить политику новой индустриализации, которая создавала бы основу диверсификации их международной специализации.

В зависимости от структурных изменений в экономике, сильно выросли различия между ПСС по доходам населения. В каждой из стран усилилось социальное неравенство, произошло заметное сокращение социального капитала. Деиндустриализация вызвала рост бедности, принявшей хронический характер. На постсоветском пространстве преобладает население с доходами ниже среднего, что препятствует образованию массового «нового» среднего класса [Соколова, 2015]. Во всех ПСС развитие и наиболее доходные виды деятельности концентрировались в столицах и других крупнейших городах, а в провинции, прежде всего на селе, сформировались обширные зоны бедности и отсталости, которые генерируют устойчивый миграционный поток в страны-импортеры рабочей силы.

Темпы роста и структурные изменения в экономиках в большой мере зависели от внешних факторов развития: курса национальной валюты, мировых цен на главные экспортные товары, условий торговли, иностранных инвестиций, переводов рабочих-мигрантов, преференциальных условий торговли и цен на энергоносители, международной помощи. Хронический дисбаланс между внешними доходами и расходами стран-импортеров углеводородов покрывался внешними заимствованиями. У Армении, Грузии, Молдовы, Украины валовый внешний долг в 2015 г. превышал критический порог в 60 % к ВВП.

Несмотря на общность трендов, они с разной силой проявлялись в отдельных странах, что объясняется разной экономической динамикой новых государств, обусловленной индивидуальной комбинацией условий развития: природно-ресурсным и человеческим потенциалом, внешним спросом на производимые товары и услуги, силой влияния на экономику возникших таможенных и институциональных барьеров, особенностями политических систем и характером участия в международном экономическом сотрудничестве.

Наиболее высокие темпы роста за 1991–2015 гг. были у стран-экспортеров нефти и газа – Туркменистана (индекс ВВП в постоянных ценах к 1991 г. – 285), Азербайджана (270) и Казахстана (209). К числу динамичных следует отнести и узбекскую экономику, которая за прошедшую четверть века также смогла более чем удвоить свой ВВП.

Среди явных неудачников – Украина, объем производства в которой в 2015 г. составил около 2/3 от показателя 1991 г. Молдова и Грузия показали рост, который позволил достичь объемов 1991 г., но не более. Отметим, что эти страны стремятся в ЕС и отчасти реализовали это стремление через недавнее подписание соглашений о европейской ассоциации. В целом же ПСС, развивавшиеся по более либеральной модели и ранее других вступившие в ВТО, претерпели более разрушительную деиндустриализацию, нежели страны, избравшие более консервативную модель

с высокой долей государства в экономике – Беларусь, Туркменистан, Узбекистан.

В рейтинге ПСС по ВВП на душу населения (по обменному курсу) за 1991–2015 гг. сильно опустилась Украина (с 4-го на 9-е место), заметно упали Беларусь (со 2-е на 5-е место) и Молдова (с 8-го на 10-е место). В то же время поднялись Туркменистан (с 7-е на 3-е место), Азербайджан (с 6-го на 4-е место) и Армения (с 10-го на 7-е место). В 2015 г., по данным МВФ, Казахстан по ВВП на душу населения (9795 долл.) обогнал Россию (9054 долл.), а Туркменистан (6622 долл.) был выше Азербайджана (5739 долл.) и Беларуси (5749 долл.).

По показателю ВВП по ППС на душу населения лидерство в 2015 г. сохранила Россия (25 411 долл.), далее следовали Казахстан (24 268 долл.), Азербайджан (17 993 долл.), Беларусь (17 654 долл.) и Туркменистан (16 445 долл.). В конце списка постсоветских стран при любых способах исчисления находятся Молдова, Киргизия и Таджикистан.

Большинство ПСС Мировой банк относит к странам с уровнем экономического развития ниже среднемирового: в диапазоне между 1046 и 4125 долл. на одного жителя. В порядке убывания показателя на 2015 г. – это Грузия, Армения, Узбекистан, Украина, Молдова, Киргизия, Таджикистан. Их экономики (за исключением Узбекистана) наиболее сильно пострадали от деиндустриализации, произошедшей в результате рыночной трансформации и распада СССР.

В целом за минувшие с момента обретения независимости годы странам не удалось построить прочный экономический фундамент будущего развития. Реальные достижения оказались далеки от того, на что рассчитывали, обретя суверенитет и начиная реформы. В начале 2010-х гг. страны столкнулись с исчерпанием потенциала развития по сырьевой модели. Переход к развитию по инновационной модели затруднен дефицитом капиталов, технологий и рынков. В итоге, перспективы экономического развития ПСС так же неопределенны, как это было в начальный период обретения суверенитета.

Регионализация как фактор трансформации ПСП. Заняв место СССР и располагаясь между ЕС и Китаем, ПСП стало ареной динамичной регионализации, которая сильно меняет его геополитический и геоэкономический облик. Начало положило создание СНГ. В 1993 г. был выдвинут проект экономического союза ПСС, который должен был стать институциональной основой для последующего создания конфедерации новых независимых государств, способной восстановить ее место в мировой экономике и политике. Но идея восстановления «супердержавы» оказалась нереалистичной из-за сложностей переходного периода, технологического отставания и противодействия стран Запада.

В 1994 г. президент Казахстана Н. Назарбаев выдвинул идею создания Евразийского союза. Но Россия в тот период эту идею не поддержала. Вместо этого стали продвигать идею «разноскоростной интеграции» ПСС по мере их готовности к более глубоким формам сотрудничества. В 1995 г. возник Таможенный союз с участием Беларуси, Казахстана и Киргизии, в

2001 г. преобразованный в ЕврАзЭС. В 1996 г. начало формироваться Союзное государство Беларусь – Россия (СГБР). До этого была сделана попытка создать экономическое объединение центральноазиатских государств (1994 г.), но она в конечном итоге оказалась неудачной, как и попытка интеграции Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы в проект под названием ГУАМ, альтернативный пророссийским СГБР и ЕврАзЭС [Вардомский, 2011(b)]. Экономической основой всех упомянутых объединений были двусторонние соглашения о свободной торговле с изъятиями и ограничениями.

Новые общие идеи по поводу развития ПСП не могли возникнуть в условиях конфликта идентичностей. В частности, в 1990-е гг. Россия полагала, что она часть западного мира, партнер США и ЕС, с учетом этого строилась политика и в отношении ПСС. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. возникла идея создания общего пространства ЕС и РФ («пространство от Лиссабона до Владивостока»). Она не предусматривала участия других ПСС, но предполагала, что общее пространство будет создаваться по мере имплементации институтов ЕС в российское законодательство. В результате расширения ЕС и НАТО на восток и последующих за этим событий эта идея оказалась нереализованной.

Разные взгляды ПСС на свое будущее отражают трудности постсоветских интеграционных процессов. Вплоть до середины 2000-х гг. ряд стран воспринимало СНГ как организацию, призванную обеспечить «цивилизованный развод новых государств» [Косикова, 2008]. Но по мере восстановительного роста взгляды стран стали меняться. Большинство из них рассматривало ПСП как зону свободной торговли и свободного перемещения граждан, что важно для их экономической устойчивости и социально-политической стабильности. В то же время все они в той или иной степени привержены политике многовекторности [Евразийские интеграционные проекты..., 2013], в рамках которой часть стран нацелена на членство в ЕС, а другая – участвует в ЕАЭС.

Интеграционная активность в регионе объяснялась разным интересом к интеграционным проектам как стран ПСП, так и внешних игроков. В частности, США и ЕС рассматривают включение ПСС в свои интеграционные проекты в качестве инструмента сдерживания России и улучшения геоэкономического положения восточной периферии ЕС. Россия же через интеграцию стремилась восстановить политический и экономический контроль над этим пространством. Она сегодня позиционирует себя как один из центров мировой экономики и политики, в ней довольно популярна евразийская концепция, на основе которой ПСП рассматривается как зона ее особых интересов, что не признают страны Запада. Для России активное взаимодействие с ПСС важно с точки зрения стабильности геополитического положения и внутренней безопасности.

Страны ПСС стремились участвовать в тех интеграционных проектах, с которыми они связывали свое будущее. Грузия вышла из СНГ и, подписав соглашение об ассоциации, попала в орбиту ЕС, но экономически она тесно связана со странами СНГ. Азербайджан и Туркменистан формально

участвуют в СНГ, но не проявляют интереса к созданной в этой организационной зоне свободной торговли, поскольку их приоритеты развития касаются стран, выступающих потребителями их углеводородов. Узбекистан в начале 2013 г. присоединился к ЗСТ в рамках СНГ, но пока не планирует входить в ЕАЭС. Участниками соглашения о ЗСТ являются Армения, Киргизия и Таджикистан, первые две страны в 2015 г. стали членами ЕАЭС. И, наконец, Беларусь, Казахстан и Россия, основатели ТС/ЕЭП/ЕАЭС, являются также членами ЗСТ в рамках СНГ. Одновременно пять стран-членов СНГ и три члена ЕАЭС участвуют в ШОС (Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан), а две страны-участницы ЗСТ в рамках СНГ (Молдова и Украина) подписали соглашение об ассоциации и всеобъемлющей и углубленной ЗСТ с ЕС. Продолжает действовать Союзное государство Беларусь – Россия, в котором достигнут наиболее высокий уровень экономической и социальной интеграции на ПСП.

Иными словами, интеграционный потенциал ПСП сильно ограничен противоречивыми интересами составляющих его стран, их разными представлениями о возможной глубине взаимодействия. Разные интеграционные предпочтения новых государств, которые во многом формировались под влиянием внешних политических и экономических интересов, стали важным фактором разъединения.

Институты постсоветской интеграции изначально были нацелены на противодействие разрушению взаимных экономических и социальных связей. Но они не могли остановить процесс экономической дезинтеграции, поскольку наблюдался сильный спад в инвестициях, шла дивергенция национальных институтов, расходились подходы стран к будущему развитию. Тем не менее, они сдерживали падение двухсторонних связей, а через них и национальных экономик.

Расширение ЕС на восток в 2000-е гг. усилило расхождение ПСС по интеграционным приоритетам. Для его преодоления в 2007 г. была разработана концепция развития СНГ, в 2008 г. принята Стратегия развития Содружества, и в 2011 г. подписан договор о многосторонней зоне свободной торговли на принципах ВТО, которая была запущена в 2012 г.

Параллельно Беларусь, Казахстан и Россия осенью 2007 г. подписали договор о Таможенном союзе, который начал действовать в 2010 г. Быстро пройдя стадию единого экономического пространства, эти страны в январе 2015 г. создали ЕАЭС, в котором участвует менее половины ПСС. Он стал новым фокусом интеграции ПСП и одновременно катализатором новой волны его дезинтеграции.

Один из важных параметров эффективности интеграционного объединения – динамика внутрорегиональной торговли. За 1991–2000 гг. общий объем взаимных связей стран СНГ и Грузии сократился в пять раз: с 305 млрд. долл. до 61 млрд. долл. Это стало результатом одновременно протекавших жесткой дезинтеграции и рыночной трансформации, создававших отрицательную синергетику, разрушавшую унаследованную комплементарность экономик ПСС. В ходе восстановительного роста экономики происходило увеличение взаимной торговли: в 2008 г.

она достигла 261 млрд. долл. В кризисном 2009 г. взаимный товарооборот уменьшился до 167 млрд. долл., но к 2012 г. столь же быстро восстановился до 310 млрд. долл., через 20 лет превысив объем 1991 г. С 2013 г. началось новое сокращение: в 2014 г. взаимная торговля составила 219 млрд. долл., а в 2015 г. – всего 144 млрд. долл.¹

Динамика доли взаимной торговли в общем объеме внешнеторговых связей ПСС была более однозначной: непрерывное падение в период 1991–2005 гг. (с 60 % до 24 %), в 2005–2012 гг. стабилизация на уровне 22–24 % и снижение до 18 % в 2014–2015 гг. Это означает, что взаимная торговля рассматриваемых стран большую часть периода 1991–2015 гг. развивалась медленнее, чем их торговля в целом. Л.З. Зевин в своем докладе «Постсоветское пространство: региональная составляющая экономического роста» приводит данные западных исследований, свидетельствующие о том, что самоподдерживаемый рост внутрирегиональной торговли начинается с порога в 25 % [Зевин, 2009].

Причины сокращения доли взаимной торговли имеют экономический и политический характер. Они кроются в структуре прямых иностранных инвестиций: в таких странах, как Азербайджан, Казахстан, Россия, Туркменистан и Украина, заметно преобладали инвестиции из развитых стран, прежде всего из ЕС и США, а также из Китая, которые шли в основном в сырьевой сектор и в сферу услуг. Топливо-сырьевой экспорт в основном направляется на рынки третьих стран, а экспортный потенциал обрабатывающих производств из-за трансформационных потерь и низкой конкурентоспособности ограничен для того, чтобы обеспечить устойчивый рост взаимных связей. В рассматриваемый период разрушение унаследованных от советского времени трансграничных цепочек добавленной стоимости проходило быстрее, чем формирование новых, что сказывалось на динамике взаимной торговли. В последние годы она оказалась под сильным давлением резкого снижения мировых цен на топливо и сырье.

В результате произошедших в ПСС трансформаций, технологическая и структурная комплементарность их экономик по отношению друг к другу сократилась, но одновременно выросла по отношению к третьим странам [Внешнеэкономические связи..., 2014]. Это свидетельствует о том, что глобальные факторы развития их внешнеэкономических связей в условиях топливо-сырьевой специализации действуют сильнее, чем региональные интеграционные.

Среди политических причин важным фактором сдерживания взаимной торговли были «торговые войны» в связи с противоречиями между Россией и транзитными Беларусью и Украиной в сфере распределения «сырьевой» ренты. В этом же ряду стоят торговые войны, связанные с ориентацией ряда ПСС на евроинтеграцию. Сегодня важным фактором свертывания торговых связей в рамках СНГ стал глубокий политический конфликт между Россией и Украиной, который по сути начал новый этап дезинтеграции ПСП.

¹ Здесь и далее расчеты автора по данным Статкомитета СНГ и Международного торгового центра ВТО и ООН.

Становление ЕАЭС пришлось на период турбулентности мировой экономики и жесткой геополитической борьбы с Западом. Немаловажен и тот факт, что в данный момент в полной мере проявились исчерпание потенциала «сырьевого роста» и необходимость перехода к «новой модели устойчивого роста экономики для стран ЕАЭС» [Ленчук, Филатов, 2015]. Все это, безусловно, сказалось на динамике взаимной торговли. Ее бурный рост после установления режима таможенного союза с 47 млрд долл. до 63 млрд. долл. в 2011 г., далее замедлился (68 млрд. долл. в 2012 г.), а затем сменился сокращением (64 млрд. долл. в 2013 г., 61 млрд. долл. в 2014 г. и 45 млрд. долл. в 2015 г.). Но спад 2015 г. по отношению к максимальному объему взаимной торговли в ЕАЭС был значительно меньше, чем в СНГ. Доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли Беларуси, Казахстана и России в целом имеет тенденцию к росту: 12,2 % в 2010 г.; 12,7 % в 2012 г.; некоторое сокращение в 2014 – 12,3 % и вновь рост в 2015 г., несмотря на значительный абсолютный спад, – 13,5 % [Взаимная торговля товарами, 2016].

Создание единого рыночного пространства в рамках ЕАЭС создает предпосылки для экономического развития стран-участниц. Но для того, чтобы они обернулись долгосрочным экономическим эффектом через масштабы производства и его оптимизацию, необходимо наращивание инвестиций, обеспечивающих увеличение комплементарности национальных экономик. Поскольку они невелики, унаследованная советская система связей, лежащая пока в основе евразийской интеграции, постепенно ослабевает. Иными словами, при активном формировании институтов ЕЭП/ЕАЭС не происходит серьезных структурно-технологических изменений в производственном секторе экономики, не расширяется потенциал его связанности [Вардомский, Зевин, 2013]. Вследствие различий в интересах стран-участниц, их зависимости от импорта технологий из третьих стран, большой растянутости слаборазвитой инфраструктуры, временной лаг между учреждением интеграционных институтов и формированием интегрированной экономики может быть довольно большим.

Эту ситуацию описывают понятия «формальной» и «неформальной» интеграции, предложенные Е. Винокуровым и А. Либманом. Формальная интеграция (интеграция сверху) связана с развитием государственных и международных институтов, регулирующих регионализацию. Все это вполне успешно создается в ЕАЭС. Но помимо нее протекают процессы интеграции, обусловленные деятельностью бизнеса и связями населения. Эта спонтанная активность «снизу», продиктованная законами рынка, а не инициативами правительств – своего рода неформальная интеграция, опирающаяся на национальное законодательство (правила ведения бизнеса) и международные соглашения (о визовом и таможенном режиме и т.п.) [Винокуров, Либман, 2012].

Несмотря на прогресс в создании интеграционных институтов, это обстоятельство слабо учитывается в национальных программных документах – государственных, региональных, отраслевых. Деятельность ЕЭК малозаметна и не приводит к динамичному увеличению субъектов

интеграционных процессов, дополнению вертикального построения интеграционного процесса горизонтальными каналами взаимодействия субъектов интегрирующегося рынка (компаний, территориальных администраций, некоммерческих организаций и т.д.), разработке и реализации крупных многосторонних проектов. Это означает, что страны пока не готовы ограничить свой суверенитет в сфере управления национальной экономики и реализации избранных приоритетов развития.

Помимо этого, либерализация торговых отношений стран не поддерживается либерализацией национальной экономической жизни. Формирование единого таможенного пространства не сопровождается соответствующими изменениями в регулировании национальных экономик. Неформальная интеграция в рамках ЕАЭС сдерживается как национальными административными (нетарифными) ограничениями [Оценка влияния нетарифных барьеров..., 2015], так и неблагоприятными условиями ведения бизнеса в целом (дорогие кредиты, избыточный бюрократический контроль, слабость судебной системы и логистики и т.п.). В этих условиях деятельность интеграционных институтов должна подкрепляться масштабными проектами, в которых участвуют государственные структуры и бизнес всех стран-участниц. Пока таких проектов явно недостаточно, что свидетельствует об отсутствии интереса у стран ЕАЭС в согласованной модернизации. Приоритет отдается национальным программам развития, которые зачастую реализуются с привлечением финансовых ресурсов и технологий третьих стран.

Серьезные испытания для формирующегося ЕАЭС создают санкции Запада в отношении РФ и бюджетные проблемы стран-участниц в связи с падением доходов от экспорта углеводородов. Произошедший в конце 2014 г. конфликт между РФ и Беларусью по поводу предполагаемого саботажа последней российских контрсанкций, а также несогласованная валютно-курсовая политика стран-участниц стали проверкой на прочность нового союза.

Следует отметить, что помимо создания единого таможенного пространства важную роль в евразийской интеграции играют социальные факторы: взаимные социальные преференции для стран-участниц (получение трудовых патентов, вида на жительство, приобретение недвижимости, нормы регистрации, право на медицинскую помощь и т.п.). Наиболее высокий уровень социальной интеграции достигнут в Союзном государстве Беларусь – Россия.

В настоящее время наблюдаются взаимосвязанные процессы разделения ПСП на пространство евразийской интеграции и пространство, находящееся в состоянии перехода в политическое и экономическое пространство ЕС (Грузия, Молдова, Украины). Все это происходит на фоне быстрого расширения связей ПСС с Китаем.

Возможная эволюция ПСП в обозримой перспективе. Хотя в своем современном состоянии ПСП сильно разъединено, а его отдельные части движутся по разным траекториям развития, оно все же сохраняет некие признаки «остаточной идентичности», позволяющие выделить его как особый регион. Это не только уцелевшие экономические, социальные и культурные связи, но и противоборство глобальных и региональных центров.

Будущая трансформация ПСП определяется современными представлениями входящих в него стран о своем будущем, глобальной и региональной миссии, которые фиксируются в национальных проектах, программах, концепциях, стратегиях развития.

Россия рассматривает себя как один из центров глобальной полицентрической системы и в этом смысле ведет политику как суверенное государство, требующее равного отношения и признания права защищать свои интересы, свою историческую память и культурные ценности. Россия стремится консолидировать вокруг себя бывшие союзные республики, но пока ей трудно дается миссия лидера евразийской экономической интеграции.

Казахстан видит себя как важный центр евразийской интеграции, включающей ЕАЭС и СНГ, как сухопутный мост между Китаем и странами ЕС, Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока. С сильно выросшим экономическим потенциалом он стал ведущей страной Центральной Азии, стремящейся развивать сотрудничество по всем векторам Евразии.

Узбекистан стремится сохранить свою историческую роль в Центральной Азии, срединное положение в регионе, не вступая при этом в глубокую интеграцию с соседями. Главная международная миссия страны связана с урегулированием отношений с Афганистаном и обеспечением транспортно-экономических связей с ним.

Украина ощущает себя частью евроатлантического мира, признавая глобальное лидерство США. В 1990-е гг. она имела амбиции стать субрегиональным центром ПСП через главенство в ГУАМ. По экономическим причинам сегодня это невозможно. Современная правящая элита рассматривает Украину как форпост, сдерживающий «экспансию» России на Запад, рассчитывая за это получать от последнего соответствующую геополитическую ренту.

Главной задачей армянского государства и многочисленной диаспоры является сохранение субъектности национального государства, что является абсолютной ценностью для большинства армян всего мира, гарантом их единения [Ахинов, 2004]. В связи с этим главной миссией Армении является реализация стратегии «Единый разделенный народ», в рамках которой формируются механизмы ее взаимодействия с диаспорой.

Не менее важным фактором, определяющим будущую трансформацию, являются тренды регионализации, в которой участвуют страны ПСП. Миссия ЕАЭС, по мнению О. Буториной и А. Захарова, состоит в том, чтобы сформировать на части ПСП полюс геополитического притяжения и новый альтернативный американскому и европейскому центр силы [Буторина, Захаров, 2015].

Многие западные эксперты и политики рассматривают ЕАЭС как «регион российского доминирования», продукт «имперских амбиций и влияния России» [Винокуров, Либман, 2012]. Страны Запада хотели бы видеть ПСП как совокупность дружественных, а точнее, политически и экономически зависимых от них государств, включенных в орбиту их интересов. Это пространство нужно им как рынок сбыта продукции и источник топлива, сырья и материалов. Особое место в этой политике занимают Азербайджан,

Армения, Беларусь, Грузия и Украина, которые через политику соседства и Восточное партнерство должны были стать ассоциированными членами ЕС с серьезным ограничением суверенитета, но без весомых экономических обязательств со стороны ЕС. Этот проект реализовался частично и с большими политическими и экономическими осложнениями. Кризис на Украине, который нанес разрушительный удар по ПСП, стал проявлением политики США по созданию хаоса в ряде ПСС с целью сдерживания или даже «разрушения России» [Киссинджер, 2015].

Китай видит ПСП как часть Экономического пояса Шелкового пути. Он предполагает интегрировать экономики стран-участниц в свою экономику. Пространственные масштабы этой политики по мере ее реализации, в моем представлении, будут расширяться, дойдя до границ ЕС.

Эти противоречивые идеи, очевидно, будут определять трансформацию ПСП в ближайшие 10–15 лет. Здесь можно выделить несколько сценариев. Один из них – видение ПСП как буферной зоны между ЕС (НАТО) и Россией в виде Украины, Молдовы, Грузии, а также стран Прибалтики. Оставляя Россию под санкциями и военно-политическим давлением, ЕС и США стремятся к расширению экономического и политического сотрудничества с другими странами ЕАЭС и СНГ. Усиливая свое влияние в западной части ПСП, Запад одновременно ослабляет интеграционную привлекательность России для других постсоветских стран. Это уже осуществляемый вариант, который является частью политики сдерживания России.

Другой сценарий, пока маловероятный, связан с попытками создания общего пространства ЕАЭС и ЕС. Для этого нужно, как минимум, прекратить реализацию первого сценария. При успешном выполнении сценария № 2 новый смысл может приобрести СНГ, в которое входят страны разной внешнеполитической ориентации. Через эту организацию, учитывая деятельность ЗСТ в рамках СНГ, ассоциацию Грузии, Молдовы и Украины с ЕС и ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом, в перспективе можно осуществить создание ЗСТ от Лиссабона до Ханоя.

Осуществляемый ныне сценарий – углубление интеграции в рамках ЕАЭС с наращиванием сотрудничества с другими странами ПСП. Но он требует усиления роли ЕАЭС как координатора программ модернизации национальных экономик (новой индустриализации), создания необходимых институтов, продвигающих новые продукты и технологии на общий рынок стран-участниц и за его пределы, широкого внедрения аутсорсинга в инновационной и хозяйственной деятельности, формирования трансграничных цепочек добавленной стоимости. Параллельно должна проводиться скоординированная политика развития транзитной миссии ПСП, с которой связано повышение роли региона в мировой экономике. Она предполагает также заключение соглашений о ЗСТ и партнерствах с третьими странами.

Еще один сценарий связан с развитием ПСП как части Экономического пояса Шелкового пути. Экономические интересы Китая могут действовать в пользу усиления сотрудничества не только стран ЕАЭС, но и всех постсоветских государств, выступать в роли внешнего интегратора. Вхождение России и других стран ПСП с согласованными с Китаем проектами в Экономи-

ческий пояс Шелкового пути может еще более повысить значимость геоэкономического положения ЕАЭС и СНГ между ЕС и Китаем. Первым шагом в этом направлении может быть создание системы евразийских (в географическом понимании) транзитных перевозок в сообщении между Востоком и Западом, Севером и Югом на основе современных транспортно-логистических технологий. В этом проекте были бы заинтересованы как страны ПСП, так и Китай с ЕС.

На политическом уровне обсуждается возможность формирования Евразийского партнерства в составе ЕАЭС, ШОС и АСЕАН. Но реальное продвижение по этому варианту начнется, вероятно, нескоро.

Какой из перечисленных сценариев будет доминировать во многом зависит от экономического развития России, от ее способности исполнять роль лидера евразийской интеграции. В любом случае, в ближайшие 10–15 лет произойдет усиление азиатского вектора в развитии ПСП, оно будет более широко включено в экономические процессы, происходящие в Азии.

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ ЕВРОПЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С.П. ГЛИНКИНА, Н.В. КУЛИКОВА

В центре внимания научного направления «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН традиционно находится постсоциалистический мир. Направление фактически стало преемником Института международных экономических и политических исследований РАН (до 1990 г. – Институт мировой социалистической системы АН СССР), объединившегося в 2005 г. с Институтом экономики РАН. Коллектив ученых, хорошо представляющих себе реалии прежней мировой социалистической системы, составил костяк исследователей, работающих по научному направлению «Международные экономические и политические исследования» и профессионально занимающихся анализом развернувшихся в постсоциалистическом мире процессов¹. Одно из конкурентных преимуществ направления на рынке научных разработок – активность квалифицированных специалистов-страноведов, многие из которых являются выпускниками кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и ее предшественницы – кафедры экономической географии зарубежных социалистических стран.

Конец XX в., когда международное экономическое и политическое сообщество столкнулось с принципиально новым явлением – постсоциалистическими трансформациями, ознаменовался во всем мире повышением внимания к региону Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ).

Этот регион уже на протяжении более полувека служит объектом изучения коллектива специалистов Центра восточноевропейских исследований, входящего в научное направление «Международные экономические и политические исследования» ИЭ РАН. В последнюю четверть века ученые Центра в своих трудах детально прослеживают ход и результаты экономических, политических и социальных преобразований в регионе, начавшихся в конце 1980-х годов и продолжающихся до сих пор. Проходящие процессы и действующие тенденции изучаются в контексте новой геополитической ситуации в регионе, исследуются последствия восточного вектора расширения ЕС для экономики его стран, анализируется влияние системных трансформаций и расползания ЕС на отношения стран ЦВЕ с Россией, включая региональные и международные аспекты их взаимодействия.

Трансформационные процессы исследуются на трех уровнях:

– страновом (анализируются национальные модели трансформации в постсоциалистических государствах во всех основных аспектах – экономическом, социально-политическом, внешнеэкономическом);

¹ В направлении «Международные экономические и политические исследования» работают 52 научных сотрудника, среди них 18 докторов наук и 31 кандидат наук.

– региональном (в наибольшей степени исследуются процессы в трех основных ареалах постсоциалистического мира – постсоветское пространство, Центрально-Восточная Европа, Восточная и Юго-Восточная Азия; особое внимание уделяется трансформации отношений между странами указанных регионов);

– глобальном (исследуются изменения соотношения экономических и политических сил на международной арене под воздействием трансформаций, происходящих на национальном и региональном уровнях, формирование основными геополитическими центрами пространств влияния за счет постсоциалистических стран).

Яркий пример сплетения в одном регионе проблем трансформации всех уровней – ситуация на Балканах.

Изучение процессов в странах Центрально-Восточной Европы чрезвычайно интересно ввиду реализации этими странами практически в чистом виде перехода к рынку и демократии через заимствование институтов, существующих на Западе. О ходе трансформации в регионе создана богатая научная литература. При этом в России, к сожалению, цитируются в основном статьи западных аналитиков, нередко искажающих характер преобразований в странах ЦВЕ, а также источники реальных достижений и причины возникающих проблем в их экономике. Сотрудники Центра восточноевропейских исследований, соглашаясь с тем, что все страны ЦВЕ, как и Россия, прошли через этап «шоковой терапии», убедительно опровергают в своих трудах тезис о ее повсеместном жестком и стремительном проведении. Достаточно вспомнить, например, что либерализация цен в Польше проводилась постепенно, а темпы роста потребления в течение полутора лет после либерализации превышали темпы роста ВВП. Польский подход к приватизации, которая признавалась экспертами МВФ «нерешительной», а также внимание, которое в ходе трансформации было уделено в стране роли государства в управлении экономикой, созданию экономических основ развития малого бизнеса, повышению роли местного самоуправления, не были предусмотрены шоковой терапией. В еще большей степени противоречили принципам неолиберализма практические шаги на пути трансформации в Словении – стране с самой благополучной экономикой в регионе до начала мирового кризиса.

Перспектива членства в ЕС стимулировала в странах ЦВЕ сложные институциональные преобразования. Создавались новые структуры и правовые основы, способствующие развитию бизнеса и конкурентной среды. В экономической политике усилилась рыночная ориентация, была проведена либерализация торговли, рынков капитала и рабочей силы.

Очевидные плюсы проделанного пути для стран ЦВЕ – объединение обществ вокруг «европейской идеи», четкое структурирование программ развития, повышение прозрачности принимаемых решений, получение финансовой помощи из фондов ЕС.

Среди положительных моментов для субъектов рыночных отношений из новых стран-членов – возможность выхода их продукции на рынки ЕС без таможенных пошлин и нетарифных ограничений, упрощение систе-

мы сертификации, доступ к европейскому рынку общественных заказов, прямым иностранным инвестициям и ресурсам финансового рынка, возможность использования европейских фондов для финансирования и поддержки проектов (особенно инфраструктурных и в случае малых и средних предприятий), доступ к программам ЕС по поддержке научных исследований и прикладных разработок. Следует признать, что большинство преимуществ от работы на общем рынке страны ЦВЕ получили еще на «предварительном» этапе, и с этой точки зрения обретение статуса полноправных членов ЕС не многое поменяло в их положении [Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период ..., 2006].

Анализ стратегии ЕС по подготовке стран-кандидатов к присоединению выявил политическую обусловленность практически каждого экономического шага, предприняемого Евросоюзом, безусловность приоритета для ЕС принятия европейского законодательства любой страной, желающей достичь углубленных форм интеграции с ним, уникальность проекта «Большая Европа» и практическую невозможность дальнейшего масштабного расширения европейского интеграционного объединения. Последнее предопределяет ситуацию в треугольнике Россия – постсоветское пространство – ЕС.

Все сказанное о положительном опыте пути, проделанного новыми членами Европейского Союза, не означает, однако, бесконфликтности и беспроblemности осуществленного перехода. Уже первые годы членства в ЕС выявили серьезные проблемы в развитии стран ЦВЕ. Очевидно, что трансформация через копирование западноевропейской общественной модели, обеспечив быстрое формальное внедрение рыночных и демократических институтов, не могла гарантировать появление эффективных систем принуждения к выполнению широкими слоями общества принятых норм и правил ЕС [Демократическое правовое государство ..., 2005].

Демонтаж прежнего авторитарного режима, оформление правовых основ новой демократической системы, проведение первых демократических выборов в парламент, учреждение новых политических структур и институтов произошло очень быстро. Это стало возможным благодаря достигнутому между частью старой и новой политической элитой консенсусу относительно направлений политических и экономических реформ. Однако налаживание новых политических институтов в соответствии с демократическими нормами и процедурами оказалось сложным процессом, его и по сей день нельзя признать завершенным. В силу отсутствия демократических традиций еще более медленными темпами, чем в Центральной Европе, эти процессы развивались в странах Юго-Восточной Европы. Особая, крайне тяжелая ситуация сложилась в государствах Западных Балкан.

Трансформация как условие членства в ЕС обеспечила не только смену экономической и общественной системы в странах ЦВЕ, но и привела их к ориентации после распада СССР на новый центр геополитического и геоэкономического притяжения в лице Европейского Союза, серьезнейшим образом повлияв на принципы и методы его функционирования. Расширение ЕС на восток, в результате которого число его членов увеличилось на треть

при пятипроцентном увеличении ВВП, привело к резкому росту гетерогенности интеграционного объединения, существенно осложнило управление экономическим и валютным союзом. Стартовые позиции новых членов ЕС практически по всем параметрам находились далеко позади позиций «старых», присоединились к Евросоюзу они на значительно менее благоприятных условиях, чем в свое время Ирландия, Греция, Испания и Португалия. В таких условиях создать из экономического пространства ЕС подлинно единый внутренний рынок вряд ли возможно даже при полном отсутствии барьеров на пути движения товаров, услуг, капиталов и физических лиц. Мониторинг институциональных реформ в ЕС – важная сфера исследований Центра восточноевропейских исследований.

Повышенное внимание сотрудников Центра обращено на драматические последствия мирового финансового кризиса и долгового кризиса в «еврозоне» для социально-экономического развития ЦВЕ [Князев..., 2013]. Анализу причин слабой устойчивости экономики стран региона к воздействию внешних шоков, не в последнюю очередь вследствие их евроинтеграции, посвящены опубликованные коллективом Центра монографии 2010-х годов [Центральная и Восточная Европа перед..., 2012; Центральная и Восточная Европа: последствия..., 2014; Центральная и Восточная Европа: уроки..., 2011; Центрально-Восточная Европа: из кризиса..., 2014; Центрально-Восточная Европа: развитие..., 2016].

К важным результатам привело исследование учеными Центра прямых иностранных инвестиций в ЦВЕ, которые рассматривались в качестве одной из главных основ модернизации и развития экономики [Прямые иностранные..., 2006]. Проведенный анализ показал, что инвестиции способствовали увеличению основного капитала и существенному ускорению экономического роста. Однако прямые иностранные инвестиции не содействовали модернизации экономики, так как привлекались преимущественно в форме создания транснациональными компаниями филиалов и дочерних предприятий, которые слабо интегрируются в национальную экономику. Основная их часть сконцентрировалась в сфере финансовых услуг, торговли и оборота недвижимости, а также в узком круге отраслей реального сектора. В промышленности инвестиции были вложены преимущественно в организацию сборочных производств, встроженных в международные цепочки добавленной стоимости. Национальная составляющая в валовой добавленной стоимости в случае таких производств крайне мала.

Основные выводы, к которым пришли ученые Центра в процессе исследования социально-экономических результатов трансформации и евроинтеграции стран ЦВЕ, сводятся к следующему.

В годы трансформации и подготовки к членству в ЕС страны ЦВЕ приняли модель экономического роста, которая может быть условно названа «интеграционной». Модель базировалась на лежавшей в основе концепции Вашингтонского консенсуса неоклассической экономической парадигме и характеризовалась полной либерализацией экономической деятельности, снятием всех ограничений на движение капитала, товаров, услуг и рабочей силы.

Внешняя либерализация – один из основных столпов принятой модели – сопровождалась крупномасштабным (в относительных показателях) притоком в регион иностранных, в основном западноевропейских, товаров, инвестиций и финансового капитала.

В условиях возникшей сильнейшей конкуренции на внутреннем рынке со стороны иностранных компаний многие национальные производства, лишенные в соответствии с правилами ЕС государственной поддержки, были разрушены. Не имея отечественных инновационных секторов и производственных кластеров, способных выдерживать конкуренцию на мировом рынке, страны ЦВЕ попытались повысить свою внешнюю конкурентоспособность за счет неоднозначных для экономического роста факторов. Первым из них стало снижение уровня затрат на рабочую силу в единице более или менее стандартной продукции с низкой добавленной стоимостью, вторым – неизбежное привлечение прямых иностранных инвестиций путем обеспечения привилегированного доступа западноевропейских инвесторов к приватизации национальных активов, предоставления иностранным инвесторам различного рода льгот и субсидий, снижения налоговой нагрузки на компании, главным бенефициаром которого также стали иностранные инвесторы.

Экономия на оплате труда в интересах повышения конкурентоспособности производимых товаров и услуг привела к росту чистого экспорта, однако существенно снизила совокупный внутренний спрос, который пришлось стимулировать кредитной экспансией западноевропейских банков. Ее остановка в условиях мирового финансового и европейского долгового кризисов существенно подорвала возможности экономического роста в регионе.

Снижение корпоративных налогов как элемент стимулирования притока иностранного капитала привело почти во всех странах ЦВЕ к росту дефицита государственных бюджетов. В результате щедрость по отношению к иностранному бизнесу обернулась необходимостью урезания не только государственных социальных расходов, но и объемов финансирования тех видов деятельности, от которых напрямую зависит экономический рост (образование, научные исследования) [Налоговая политика..., 2011].

Полная внешняя либерализация привела к хроническим внешним дисбалансам в экономике менее развитых и конкурентоспособных государств ЦВЕ, а приток на их рынки спекулятивного капитала способствовал образованию пузырей на внутренних рынках, что также ослабило устойчивость экономического роста. При этом независимо от изменений его динамики в странах ЦВЕ стали постоянными такие негативные явления, как высокая безработица и большая эмиграция населения, особенно молодежи, растущее неравенство доходов, радикальное снижение доступности и качества публичных услуг.

Средства структурных фондов ЕС и Фонда сплочения, выделенные новым странам-членам в объеме 2,6 % их совокупного ВВП в бюджетный период ЕС 2007–2013 гг., не смогли остановить тенденцию к нарастанию гетерогенности европейского пространства. Средства фондов направляются

преимущественно на решение экологических проблем и развитие инфраструктуры. Предоставление средств обусловлено необходимостью национального софинансирования, что нередко блокирует возможности реализации необходимых странам проектов. Размеры субсидий в расчете на душу населения оказываются много больше в странах ЦВЕ с относительно высокими показателями развития, что приводит к усилению неоднородности в регионе. Различия между демонстрирующей динамичный экономический рост Польшей и существенно отстающей Болгарией становятся соразмерными разрыву между Германией и Грецией.

Опыт последних лет показал неспособность сложившейся в странах ЦВЕ модели экономического роста обеспечивать те темпы развития, которые необходимы для преодоления исторически унаследованной экономической и социальной периферийности [Глинкина и др., 2014]. Ограниченность потенциала торговых и финансовых связей с западноевропейскими странами как источника догоняющего развития стран ЦВЕ сегодня стала очевидной. Более того, опыт показал, что европейская экономическая интеграция несет в себе серьезные риски для стран ЦВЕ как ее экономически слабых участников. Получая выгоды от тесных связей с более развитыми партнерами по ЕС в период стабильного развития европейской экономики, эти страны становились все более зависимыми от Западной Европы в финансировании экономического роста, привлечении долгосрочных инвестиций и сбыта произведенной продукции. Кроме того, несмотря на продолжительный период относительно динамичного экономического роста, страны ЦВЕ накопили множество внутренних проблем структурного характера. В силу сочетания этих факторов Центрально-Восточная Европа острее других регионов мира реагирует на нестабильность европейской экономики, товарных рынков и потоков капитала. Падение деловой активности в Западной Европе выбивает из-под экономического роста в странах ЦВЕ опору на экспорт, а проблемы западноевропейских банков — на иностранный финансовый капитал. Показательно, что наибольшую устойчивость демонстрирует экономика Польши, наименее интегрированная в рынок ЕС (наряду с румынской).

Анализируя экономические и социально-политические процессы, происходящие в странах ЦВЕ, ученые Центра прежде всего ищут новые возможности для осуществления Россией эффективного сотрудничества с этими государствами. Более двадцати лет в Центре реализуется исследовательский проект «Россия и Центрально-Восточная Европа». По теме проекта опубликованы несколько фундаментальных монографий [Основные тенденции..., 2015 и др.], регулярно выпускаются сборники статей о текущем состоянии, тенденциях и проблемах в отношениях России со странами ЦВЕ, проведены международные конференции и «круглые столы», подготовлены десятки информационно-аналитических материалов для министерств и ведомств РФ, занимающихся практическими вопросами взаимоотношений России и стран ЦВЕ, где на основе проведенного анализа делаются выводы о возможных форматах и направлениях развития сотрудничества России со странами ЦВЕ в будущем.

Связь между внешней политикой ЕС и внешнеэкономической деятельностью стран-членов со всей наглядностью проявилась с нарастанием геополитической напряженности в последние годы и ухудшением отношений между Западом и Россией из-за кризиса на Украине. По этой важной теме Центр провел специальное исследование, результаты которого опубликованы в научном докладе «Страны Центрально-Восточной Европы в санкционной войне Запада против России: политические позиции и экономические последствия» [Страны Центрально-Восточной Европы в санкционной..., 2015].

Особую роль в российской политике на восточноевропейском направлении играет Польша. Именно поэтому важными событиями в научной жизни России следует считать выход монографий, посвященных российско-польским отношениям конца XX – начала XXI вв. [Бухарин 2007, 2013], в которых обосновывается большое значение для России отношений с Польшей в силу ее важного геополитического и геоэкономического положения, значительного хозяйственного, научного и культурного потенциала, а также комплекса сложных проблем взаимоотношений – наследия недавнего и исторического прошлого.

* * *

Таковы основные научные цели и некоторые результаты деятельности направления «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН, раскрывающие сложную взаимозависимость различных уровней трансформаций, происходящих в постсоциалистическом мире и непосредственно влияющих на Россию. Научные разработки направления вооружают органы законодательной и исполнительной власти Российской Федерации знанием международного опыта как успешных, так и провальных попыток решения актуальных для России экономических, политических и социальных задач. Эти знания необходимы при выработке стратегий экономического развития России и укрепления ее международных экономических и политических позиций. Они позволяют принимающим решения государственным органам проводить эффективную корректировку российской стратегии трансформации и модернизации, а также внешнеэкономической стратегии и политики.

Вопрос о том, смогут ли новые члены ЕС адаптироваться к современной ситуации, и сумеет ли ЕС пережить объективно необходимую трансформацию, остается открытым. Следовательно, Центрально-Восточная Европа, как и на протяжении предыдущих десятилетий, будет играть в мировой политике неизмеримо большую роль, чем ее экономическая мощь, что требует продолжения тщательного научного анализа проходящих в регионе процессов.

И здесь уместно еще раз подчеркнуть, что неоценимый вклад в научные достижения направления «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН много лет вносят ученые-географы, получившие высококачественное образование и защитившие диссертации в стенах Московского государственного университета, воспитанные требовательными и одновременно терпеливыми преподавателями кафедры географии мирового хозяйства.

СТРАНЫ БРИКС В ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ МИРА

Ю.Ю. КОВАЛЕВ

Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР (БРИКС) – общепризнанные страны-тяжеловесы мирового хозяйства, имеющие ряд схожих экономических, социальных и политических признаков. Их значение в мировой экономике возрастает с каждым годом, причем не только как производителей стандартных товаров и услуг, поставщиков сырья и продовольствия на мировой рынок, но и как создателей новых технологий, креативных решений, инновационных продуктов. Важнейшую роль в этом играют формирующиеся инновационные системы стран БРИКС, в развитии которых активное участие принимает государство.

Страны БРИКС демонстрируют наличие многих общих черт в развитии научно-технической сферы [Максаковский, 2011]. По показателям роста численности студентов высших учебных заведений, персонала, занятого в научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках (НИОКР), публикаций, патентов они являются мировыми лидерами и приближаются к уровню развитых государств. В странах БРИКС имеется огромный потенциал будущего мирового лидерства в области наукоемкого¹ производства и информационных услуг [World Bank]. В отдельных высокотехнологичных отраслях Китай и Индия уже сейчас занимают ведущие позиции. Россия, Китай и Индия являются космическими и ядерными державами, входят в число крупнейших автомобильных и авиационных производителей мира. Китай, Индия, ЮАР с каждым годом усиливают свои позиции на рынках информационных и телекоммуникационных услуг, в производстве сложной электронной техники, фармацевтики. В Бразилии и России интенсивно развивается информационный сектор, растет экспорт продуктов программного обеспечения и других высокостоймых услуг. В промышленном и энергетическом секторах государств БРИКС заметен переход к новому технологическому укладу, характеризующемуся ростом значения «зеленых» технологий, альтернативной энергетики. Страны БРИКС – приоритетное направление движения иностранного венчурного капитала. В них самих уже появляются новые транснациональные высокотехнологические игроки, осуществляющие экономическую экспансию во многие страны мира.

Научно-производственный комплекс стран БРИКС крайне дуалистичен, он характеризуется наличием как секторальных, так и региональных диспаритетов. В хозяйстве этих стран существуют одновременно два сектора экономики – современный (инновационный, постфордистский) и традиционный (трудо- и капиталоемкий, фордистский). Современный сектор охватывает экспортоориентированные, конкурентоспособные на мировом

¹ Отрасль считается наукоемкой, если расходы на НИОКР от оборота капитала предприятий отрасли превышают средние показатели по другим отраслям промышленности (по странам ОЭСР – 4 %).

рынке отрасли промышленности и сферы услуг. Традиционный сектор характеризуется слабой инновационностью, низким уровнем интеграции науки и производства. Дуалистичность хозяйственных структур наблюдается и в развитых странах, но в странах БРИКС различия между традиционным и современным секторами наиболее велики. Например, в индийском технополисе Бангалор блеск и чистота высокотехнологичных лабораторий соседствуют с нищетой и грязью на городских улицах, жители которых заняты в традиционных отраслях.

Диспаритеты характерны и для размещения высокотехнологичной промышленности стран БРИКС. Им свойственна высокая концентрация инновационных ресурсов (высокотехнологичных предприятий, регистрируемых патентов, финансирования НИОКР) лишь в отдельных регионах. На один штат Сан-Паулу в Бразилии приходится более 50 % финансирования НИОКР страны. Москва и Санкт-Петербург концентрируют 33 % национальных организаций, проводящих НИОКР. В Шанхае и Пекине создается 60 % инновационных продуктов страны. Три штата Индии (Махараштра, Гуджарат и Тамилнад) создают 50 % регистрируемых изобретений страны [Россия в цифрах, 2008; Coy, Schmit, 2007; Liefner, 2006]. Периферийные регионы практически исключены из национального инновационного процесса.

Уровень развития инновационной системы страны или региона отражается в ее способности генерировать инновационные идеи и притягивать к себе талантливых работников со всего мира (креативный класс). Такие страны (регионы) имеют высокие показатели изобретательской активности, большую долю высококвалифицированного персонала в структуре занятости, отличаются наличием высокотехнологичных фирм как в промышленном секторе, так и в сфере обслуживания. Регионы с высокими показателями инновационной деятельности получили название инновационных. При определении инновационности регионов используют показатели, характеризующие как материальные ресурсы и кадровое обеспечение НИОКР, так и результаты инновационной деятельности. Научно-технический и обслуживающий персонал, занятый в исследованиях и разработках, оценивается в абсолютных и относительных показателях. Результаты инновационной деятельности измеряются по числу заявленных патентов. Здесь можно использовать как абсолютные показатели, так и число патентов в отношении к населению страны или региона. Посредством получения патента изобретатель приобретает право на монопольное использование своего продукта и отчисление в свою пользу ренты от изобретения.

Инновационные ресурсы стран БРИКС. Страны БРИКС в середине 1990-х гг. имели в целом небольшие расхождения по ресурсному обеспечению инновационной деятельности: абсолютные затраты на НИОКР варьировали в этой группе государств от 1 млрд долл. в ЮАР до 10,4 млрд долл. в Китае [UNESCO Science Report, 1998]. В течение последующих двух десятилетий картина существенно изменилась. В 2013 г. Китай вышел на второе место в мире по абсолютным показателям инвестиций в исследования и разработки. Его затраты в 6 раз превосходили расходы Индии, более чем в 9 раз – Бразилии,

11 раз - России и в 70 раз – ЮАР. Затраты на НИОКР в КНР (290 млрд долл.) уступают по объему лишь затратам на науку в США (396 млрд долл.) и в два раза превышают показатели общепризнанного мирового технологического лидера – Японии (140 млрд долл.) [UNESCO Science Report, 2015]. В 2013 г. на страны БРИКС приходилось 26,6 % мировых затрат на НИОКР.

По доле затрат на НИОКР от ВВП лидерство среди стран БРИКС принадлежит также Китаю. В этой стране в 2013 г. отчисления на науку составляли 2,08 % ВВП, что выше средних показателей не только развивающихся стран, но и таких развитых государств, как Нидерланды, Италия, Испания. Если в 1995 г. доля затрат на НИОКР от ВВП в КНР составляла 0,5 %, то в 2000 г. – 0,9 %, в 2003 г. – 1,2 %, в 2007 г. – 1,4 %. Тем самым очевидна реализация Китаем стратегии «прыжка» в инновационную экономику, базирующаяся на усилении сектора науки и технологий посредством гигантских инвестиций и увеличения научно-технического персонала. В других странах БРИКС затраты на НИОКР в ВВП росли незначительно. В России эта доля за 1995–2013 гг. выросла с 0,85 до 1,12 %, в Бразилии – с 0,7 до 1,15 %, в Индии – с 0,7 до 0,82 % [Россия и страны мира, 2014; National Science Foundation, 2014].

Предпринимательский сектор – главный производитель инноваций. Именно в нем происходит трансформация идеи в коммерческий товар. Поэтому чем больше его доля в затратах на НИОКР, тем выше инновационность национальной экономики и ее технологический уровень. Страны БРИКС (за исключением Китая) еще уступают по доле предпринимательского сектора в структуре НИОКР наиболее экономически развитым странам, но опережают большинство развивающихся.

Во всем мире наблюдается тенденция сокращения государственного сектора в финансировании НИОКР и рост предпринимательского. Та же тенденция характерна и для стран БРИКС. В Китае, например, доля государства в финансировании НИОКР сократилась с 2006 по 2012 гг. с 24,9 до 21 %.

Большая часть этих средств направляется в исследования и разработки государственных предприятий. Малые предприятия испытывают недостаток капитала, стараются попасть в программы по развитию зон высоких технологий, где они могут рассчитывать на финансовую поддержку. Государство в Китае все больше отходит от практики прямого финансирования научной-исследовательских работ, но поощряет инновационную деятельность организаций через введение налоговых льгот, совместное финансирование проектов, страхование инновационных рисков, координацию исследований и стимулирование технологических трансфертов. В начале XXI в. в Китае насчитывалось 10,4 тыс. высокотехнологичных фирм с оборотом капитала, превышающим 5 млн юаней в год. Из них 70 % проводили собственные научные исследования и разработки [Liefner, 2006].

Среди стран БРИКС Россия имеет наименьшую долю предприятий, производящих инновационные продукты. В 2010 г. всего лишь 11,4 % промышленных предприятий России относились к инновационным (в Бразилии – 35,9 %, в Китае – 29 %, в Индии – 18,5 %, в ЮАР – 21 %) [UNESCO Science Report, 2015]. Низкая инновационность российских предприятий

связана с их незаинтересованностью в развитии инноваций, высокими рисками, слабой поддержкой государства. Проведение НИОКР на каждом конкретном предприятии необходимо не только для создания собственных инновационных продуктов, но и для адаптации и внедрения зарубежных технологий в производство. Без этого предприятие будет находиться в двойной зависимости от зарубежных компаний – поставщиков как оборудования, так и его сервисного обеспечения.

В Индии и Бразилии также наблюдается значительный рост высокотехнологичного производства с увеличивающимися расходами на НИОКР. Благодаря относительно высококвалифицированному, но при этом дешевому труду, сравнительно развитой инфраструктуре эти страны привлекательны для переноса в них отдельных видов наукоемкой деятельности из развитых стран, что вызвало настоящий «бум» сектора высоких технологий. В Индии образовались целые инновационные регионы. В одном регионе Бангалор насчитывается более 250 тыс. программистов, что превышает их численность в Силиконовой долине США [Kämpf, 2008]. Наряду с иностранными компаниями здесь ведут свою деятельность такие индийские гиганты информационной индустрии, как «Infosys» (численность занятых выросла за 2001–2007 гг. более чем в 7 раз), «Wipro» (6,7 раз), «Tata Consultancy Service» (6,5 раз) [Kämpf, 2008]. В Бразилии можно выделить авиастроительную компанию «Embraer», являющуюся крупнейшим высокотехнологичным экспортером страны.

Важнейший фактор инновационного развития – гуманитарные ресурсы. Во всем мире наблюдается обострение конкуренции за глобальный интеллектуальный капитал (специалистов, ученых, инженеров), что приводит к интернационализации инновационных регионов и стимулирует интеллектуальную миграцию. Отдельные страны, не имеющие значительных собственных гуманитарных ресурсов (например, Сингапур и Ирландия), ведут целенаправленный поиск талантов в мире для вербовки в свои инновационные структуры [Freedman, 2006].

Страны БРИКС обладают огромными человеческими ресурсами, способными развивать инновационную экономику; в 2013 г. они концентрировали около 30 % мирового персонала, занятого в исследованиях и научных разработках. При этом на Китай приходилось 65,2 % занятых в НИОКР стран БРИКС (1484 тыс. чел.), Россию – 19,3 % (440 тыс. чел.), Индию – 8,4 % (192 тыс. чел.), Бразилию – 6 % (138 тыс. чел.), ЮАР – 0,9 % (21,4 тыс. чел.) [UNESCO Science Report, 2015]. За 2002–2013 гг. численность занятых в НИОКР в Китае выросла в 2 раза (с 750 тыс. до 1484 тыс. чел.), в Бразилии – на 70 тыс., в Индии – на 39 тыс. [Factfish. High-tech exports]. В России за тот же период происходило сокращение научно-исследовательского персонала (свыше 40 тыс. человек). Всего же с момента распада СССР из российской науки ушло более полумиллиона человек. Такой гигантский масштаб исхода не имеет аналогов в мировой истории. Главная причина этого процесса – социально-экономические потрясения 1990-х гг. Ухудшение экономического положения российских ученых и инженеров вызвало их массовый отток в другие сектора хозяйства и за рубеж. Только в период 1991–1997 гг. стра-

ну покинуло более 70 тыс. ученых [Ковалев, 2002]. Масштабы внутренней «утечки» были еще более значительны: с 1990 по 2006 гг. было ликвидировано 1047 научных организаций, их сотрудники были уволены или переведены в другие учреждения [Россия в цифрах, 2008]. Сокращение численности занятых продолжается до сих пор, хотя темпы «сжатия» замедлились.

Результаты инновационной деятельности: патенты и экспорт. О степени эффективности национальной инновационной системы позволяет судить индикатор патентной активности национальных акторов и иностранных заявителей, выраженный в числе заявленных патентов. Этот индикатор широко применяется в национальных и международных статистических службах, но при этом имеет и некоторые недостатки. Так, например, не все предприятия страны имеют возможность в силу дороговизны бюрократических процедур и других препятствий подать заявку в патентное бюро. Не все поданные заявки – результат инновационной деятельности, часть из них являются продуктами имитации и промышленного шпионажа.

Таблица 4.1.

Патентование изобретений в странах БРИКС в 1995 и 2012 гг.

Страна	Число поступивших патентных заявок, тыс.		В том числе от национальных заявителей, тыс.	
	1995 г.	2012 г.	1995 г.	2012 г.
Россия	22,2	44,9	17,5	28,7
Индия	6,5	43,9	1,5	9,5
Китай	18,6	652,7	10,0	535,8
Бразилия	7,4	30,4	2,7	4,7
ЮАР	0,883	0,608

Источники: [Россия и страны мира, 2014; Factfish. Patent applications, residents].

Таблица 4.1 демонстрирует абсолютное лидерство Китая по числу заявленных патентов. В 2012 г. он занимал первое место в мире, опережая такие высокотехнологические державы, как США (542 тыс.) и Япония (342 тыс. заявок). Численность заявок на выдачу патентов в Китае в десятки раз превосходит показатели других стран БРИКС. В период 1995-2006 гг. число заявок в КНР выросло более чем в 11 раз (с 18 тыс. до 210 тыс.), что превосходило рост национальных финансовых отчислений на НИОКР за тот же период (8 раз). При таких темпах развития Китай вскоре станет крупнейшей технологической державой мира.

В других странах БРИКС также отмечался рост национальной патентной активности, пусть и не столь бурный, как в Китае. В Индии число заявок за тот же период выросло на 8 тыс., в Бразилии – на 2 тыс., в России – на 11 тыс. В ЮАР, напротив, число национальных заявок сократилось. Высокая доля национальных заявителей отмечалась в Китае – 74,9 % и России – 63,7 %. В Индии и Бразилии национальные изобретатели играют второстепенную роль в технологическом развитии стран. Их доля в патентных заявках Бразилии

составляла 15,4 %, Индии – 21,6 %. Главными заявителями в этих странах были крупные иностранные концерны, ведущие свою деятельность на их территории.

Россия по числу заявок занимает среди стран БРИКС почетное второе место. По этому показателю она превосходит многие европейские страны (например, Великобританию – 23,2 тыс., Францию – 16,6 тыс.) [Россия и страны мира, 2014]. Положительная тенденция в научно-технологической сфере страны – рост числа заявок и высокая доля национальных заявителей, что говорит об увеличении инновационной активности российских предприятий. С другой стороны, незначительная роль иностранных заявителей свидетельствует о малой роли высокотехнологичных ТНК в российских научных исследованиях.

Патентная активность тесно связана с торговлей высокотехнологичной продукцией и структурой экспорта страны. Число патентных заявок коррелирует с удельным весом страны в структуре мирового экспорта высокотехнологичной продукции. Крупнейшие страны мира по заявкам (Китай, США, Япония, Республика Корея, Германия) являются лидерами в мировом экспорте.

Страны БРИКС имеют высокую долю в структуре мирового экспорта товаров. В 2013 г. она составляла около 30 % всего глобального экспорта, что было выше доли таких региональных группировок, как НАФТА (11 %) и АСЕАН (14 %) [WTO. International Trade Statistics, 2015]. В странах БРИКС экспорт высокотехнологичной продукции в 1990–2013 гг. существенно вырос. Доля Китая в мировом экспорте готовой продукции за указанный период увеличилась с 1,9 % до 27,3 %, Индии – с 0,5 до 0,8 %. Доли Бразилии и России с 1996 г. остались без изменений, хотя в абсолютных значениях экспорт высокотехнологичной продукции вырос [WTO. International Trade Statistics, 2007]. Изменилась и доля этих стран на отдельных мировых рынках высоких технологий (табл. 4.2).

Таблица 4.2 показывает высокую долю Китая на отдельных мировых рынках высоких технологий, особенно в производстве и экспорте компьютеров, телекоммуникационной техники, в частности сотовых телефонов, интегральных схем и электронных компонентов, продукции фармацевтической промышленности. За последние 5–7 лет Китаю удалось увеличить свою долю в 5–6 раз, а стоимость экспортируемой продукции выросла в десятки раз.

По сравнению с Китаем, Россия, Индия, Бразилия и ЮАР имеют скромные показатели на мировых рынках высоких технологий. Индия входит в первую десятку стран по экспорту фармацевтических препаратов (2,4 % мирового экспорта), в стране интенсивно развиваются биотехнологии, производство авиационной техники, программного обеспечения. Доля высокотехнологичной продукции в структуре промышленного экспорта в период 1990–2013 гг. выросла с 3,9 до 8 %. В Бразилии главный акцент делается на развитие авиационной промышленности, среднетехнологичных отраслей (пищевой, общего машиностроения). Примечательно, что Индия и Бразилия за относительно короткое время смогли изменить структуру экспорта,

добиться увеличения доли продукции обрабатывающей промышленности и сокращения доли сырья. Если в Бразилии в 1970 г. доля продовольствия (кофе, сахар, фрукты) в структуре экспорта составляла 58 %, то в 2001 г. она уменьшилась до 17 %, но из-за увеличения мирового спроса на продукты тропического растениеводства она выросла к 2013 г. до 35 % [WTO. International Trade Statistics, 2015]. Доля высокотехнологичной продукции в товарном экспорте страны составляла 9,6 %.

Таблица 4.2.

Доля стран БРИКС в мировом экспорте готовых изделий и отдельных видов высокотехнологичных товаров и информационных услуг в 2014 г.

Страна	Промышленные товары, %	Компьютеры и офисное оборудование, %	Телекоммуникационная техника, %	Интегральные схемы и электронные компоненты, %	Компьютерные, информационные и телекоммуникационные услуги, %
Россия	2,6	0,1	0,1	0,07	1,1
Китай	12,3	40,9	39,5	17,2	4,5
Индия	1,7	0,09	0,2	0,06	13,8
Бразилия	1,2	0,04	0,06	0,03	0,8
ЮАР	0,5	0,07	0,1	0,01	...

Источник: [WTO. International Trade Statistics, 2015].

В Индии с 2000 г. отмечается сильный рост экспорта деловых услуг, прежде всего, компьютерных и информационных. В 2006-2014 гг. экспорт этих услуг в абсолютном выражении вырос в 2,6 раза (с 21,4 млрд долл. до 55,6 млрд). Индия занимает второе место в мире по экспорту услуг, уступая лишь ЕС [WTO. International Trade Statistics, 2007; WTO. International Trade Statistics, 2015]. В отраслях информационных технологий заняты миллионы человек [Stamm, Altenburg, 2007]. Одна из причин быстрого роста информационных услуг – интеграция Индии в международную систему разделения труда, в которой всё большая часть производств мигрирует в районы с невысокими факторными издержками. В их числе наукоемкие и информационные отрасли. Индия, имея недорогую, но квалифицированную рабочую силу, смогла привлечь многие высокотехнологичные иностранные компании. Крупные ТНК открыли в Индии свои производственные и исследовательские центры. В результате 92 % ИТ-компаний Индии принадлежат иностранным инвесторам. В стране насчитывается 100 научно-исследовательских центров иностранных ТНК [Stamm, Altenburg, 2007].

Доля России в структуре мирового экспорта товаров высокотехнологичного сектора мала. По отдельным товарам (компьютеры, электронные компоненты, телекоммуникационное оборудование) страна находится в

нижней части глобального списка экспортеров. Главные причины отставания – слабое развитие отечественного гражданского сектора высоких технологий и низкая активность высокотехнологичных ТНК. По данным Росстата, большая часть инновационных предприятий ведет свою деятельность в областях нефтехимии, производства вооружений, авиакосмического комплекса [Россия и страны мира, 2014]. В структуре российского экспорта преобладает сырье. На нефть, газ и нефтепродукты приходилось 69 % стоимости экспорта. Среди товаров обрабатывающей промышленности преобладают металлы (11,5 %) и продукция химической промышленности (4,4 %). На долю высоких технологий приходится всего 10 % стоимости товарного экспорта [Factfish. High-tech exports]. Одновременно Россия – крупнейший экспортер высокотехнологичного оружия (27 % мирового рынка вооружений) [SIPRI Yearbook, 2015]. С середины 1990-х гг. в России наблюдаются тенденции роста сектора информационных, нано- и биотехнологий. В стране начали формироваться отдельные кластеры по производству инновационных продуктов (технополисы Сколково в Москве, Иннополис в Казани). Особый рост отмечается в секторе информационных технологий: в 2015 г. он составлял 0,65 % ВВП страны [Export of Russian Software Development Industry, 2015]. Ряд крупных зарубежных высокотехнологичных компаний («Intel», «Motorola», «Siemens», «Alcatel», «Borland», «Sun Microsystems», «Dell», «IBM») открыли в стране свои центры НИОКР, приглашая на работу российских специалистов [Kobayashi-Hillary, 2008]. В 2015 г. в России действовало 5082 IT-компаний (в 2009 г. их насчитывалось лишь 365) [Export of Russian Software Development Industry, 2015]. Экспорт российских компьютерных, информационных и телекоммуникационных услуг в 2014 г. составил 4,4 млрд долл. (в 2008 г. – 2,6 млрд долл.). Россия среди крупнейших стран-экспортеров этих услуг демонстрировала наибольший ежегодный прирост: в период 2010–2013 гг. он составил 15 %, что позволило считать этот сектор самым быстрорастущим в стране [Export of Russian Software Development Industry, 2015, p. 16]. На сегодняшний день по экспорту ИКТ-услуг Россия занимает восьмое место в мире.

Страны БРИКС пока в целом характеризуются средними показателями развития инновационных систем. Большая часть ресурсов концентрируется в субсистеме производства знаний. В России, Индии, Бразилии в финансировании инновационной деятельности преобладает государственный сектор. Главной проблемой стран БРИКС является недостаточное развитие подсистемы приложения знаний (предпринимательского сектора), успешное развитие лишь отдельных отраслей. Анализ финансирования НИОКР, численности занятых, патентной активности и экспорта этих стран обнаруживает серьезные трудности в процессах трансформации знаний в технологические инновации и их последующей коммерциализации. В России значительная доля инноваций производится отраслями промышленности с невысокими относительными затратами на НИОКР.

Наибольших успехов в развитии национальной инновационной системы добился Китай, сумевший за короткое время стать крупнейшей технологической державой мира. Руководствуясь политикой доступа к внутреннему

рынку за счет трансфера технологий, Китай усилил свои позиции в производстве наукоемкой продукции. Трансфер знаний происходит также за счет диффузии ноу-хау из более чем 700 зарубежных центров НИОКР в региональные инновационные системы.

Заключение. Одним из главных факторов, оказавших влияние на рост инновационных систем стран БРИКС, явилась проводимая в них научно-технологическая политика. Она включала в себя четыре основных направления.

Во-первых, были определены цели технологического и научного развития стран и выбраны наиболее перспективные отрасли. Это позволило сконцентрировать ресурсы в ключевых отраслях хозяйства. В Китае приоритетной стала электронная промышленность, в Индии – фармацевтика и IT-услуги, в России – нанотехнологии и информационные услуги, оборонный сектор, в Бразилии – авиастроение и информационные технологии, в ЮАР – телекоммуникационные услуги, автомобилестроение, биотехнологии.

Во-вторых, увеличилось финансирование национальных систем образования, науки, региональной инфраструктуры. В Индии, КНР, Бразилии, России, ЮАР в последние годы наблюдается рост государственных расходов на науку и образование. В Китае и Индии приняты правительственные программы по стимулированию возврата ученых из США и стран ЕС, во всех странах поощряется международный преподавательский и студенческий обмен. Наличие высококвалифицированных кадров становится одним из факторов интеграции стран БРИКС в мировую производственную и инновационную систему. Развитие инновационной деятельности отражается в создании технологических парков, инновационных кластеров, улучшении научно-исследовательской, транспортной и городской инфраструктуры.

В-третьих, в страны БРИКС широко привлекаются иностранные инвестиции. Создание эффективных инновационных систем невозможно без помощи ТНК. Крупные международные концерны, имеющие развитую логистическую сеть, доступ на рынки промышленно развитых стран, передовые организационные знания и технологические ноу-хау, способствуют региональному развитию и интеграции регионов в систему мирового хозяйства. ТНК стимулируют региональные процессы обучения, НИОКР, позитивно воздействуют на систему образования и науки. Одним из механизмов привлечения ТНК становится брендинг национальных штандортов, который не только раскрывает их факторные преимущества, но и определяет возможные агломерационные и межотраслевые эффекты в будущем. Во всех странах БРИКС сегодня действуют крупные высокотехнологичные зарубежные ТНК. Однако, их число и масштаб деятельности сильно различаются по странам.

В-четвертых, происходит стимулирование технологического и научного обмена между национальными и региональными акторами. Инновационное развитие страны и регионов возможно лишь на основе тесной кооперации и сотрудничества акторов различного уровня. Университеты, НИИ, соответствующие министерства, крупные и малые компании проводят трансфер знаний, иницируемый как частными компаниями по

каналам производственной цепи, так и государством, которое усиливает локальную инновационную сеть, создает инновационные преимущества территорий. Через стимулирование контактов между представителями крупного и малого бизнеса, науки и власти, финансирование совместных проектов, конференций и т.д. государство инспирирует процессы обмена идеями, знаниями, опытом, создает условия для роста социального капитала территорий.

Анализ инновационного развития стран БРИКС показывает рост инновационных систем, но его черты различны. В Китае и Индии инновационные системы испытывают наибольший рост. Эти страны в чрезвычайно короткое время смогли создать конкурентоспособные инновационные системы, не уступающие подобным в развитых государствах. Китай за последние 20 лет стал крупнейшим технологическим игроком в мире, способным производить оригинальные инновационные продукты и процессы, которые пользуются спросом на мировых рынках. Постоянный, но не столь масштабный рост ресурсного потенциала инновационных систем, технологических изобретений, высокотехнологичных производств отмечался в Бразилии. ЮАР и Россия не могут отказаться от своей сырьевой специализации в системе мирового хозяйства. В ЮАР доля высокотехнологичных товаров в структуре экспорта не превышает 5 % (в 1992 г. – 7 %), в России – 10 % [Factfish. High-tech exports].

России пока не удалось совершить инновационный прорыв. Наряду с принятием и реализацией инновационных программ, в стране сокращаются инновационные ресурсы, слабо развивается гражданский промышленный сектор высоких технологий. При этом заслуживает внимания бурный рост в стране информационных услуг, в том числе по линии глобального офшоринга, резкое возрастание оборонной составляющей НИОКР. Ускоренное развитие военного высокотехнологичного сектора связано с изменением геополитической ситуации в мире, усилением напряженности между Россией и странами Запада. Экономическая и политическая изоляция России со стороны США и европейских стран может привести к дальнейшему сокращению инновационного потенциала страны. Уже сейчас заметен отток из страны инновационного капитала и человеческих ресурсов, возникают сложности в сотрудничестве с западными инновационными компаниями. В этой ситуации необходима государственная поддержка инновационного комплекса и стимулирование кооперации развития инноваций с другими странами, прежде всего БРИКС. Углубление сотрудничества в инновационной деятельности, взаимодействие в сферах создания технологических, социальных и экологических инноваций поможет уменьшить интеллектуальную зависимость от развитых государств, благоприятно повлияет на экономическое и социальное развитие этих стран, усилит их позиции на мировой арене.

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ КИТАЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (С 1979 Г.)

Е.Н. САМБУРОВА, К.В. МИРОНЕНКО

В XXI в. Китай стал ведущей экономикой мира. Рост ее масштабов привел к коренным преобразованиям всей мирохозяйственной системы. От изолированной, практически не участвующей в международном разделении труда страны Китай прошел сложный путь, превратившись в одного из главных акторов мировой экономики [География мирового..., 2012]. Если к началу экономических реформ 1979 г. страна, очевидно, находилась на периферии мирового хозяйства, то к настоящему времени Китай – страна полупериферии, причем его влияние на мировую экономику трудно переоценить.

Подъемы и спады в развитии китайской экономики

Роль лидера в мировой экономике для Китая не является абсолютно новой. В экономической истории Китая были взлеты и падения, менялись позиции в глобальной экономике – от мирового лидерства до позиций аутсайдера. Вплоть до середины XIX в. Китай был одним из ведущих центров мирового хозяйства, сосредотачивая в себе значительную часть мирового экономического потенциала (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Доля стран и регионов в ВВП мира (по ППС в международных долларах 1990 г.), в %

Страны и регионы	Годы									
	1	1000	1500	1600	1700	1820	1870	1913	1950	1980
Западная Европа	13,7	9,1	17,8	19,8	21,9	23,0	33,1	33,0	26,7	24,2
США	0,3	0,4	0,3	0,2	0,1	1,8	8,9	18,9	27,9	21,1
Бывший СССР	1,5	2,3	3,4	3,4	4,4	5,4	7,5	8,5	9,8	8,5
Китай	25,4	22,1	24,9	29,0	22,3	32,9	17,1	8,8	4,7	5,2
Индия	32,0	28,0	24,4	22,5	24,4	16,0	12,1	7,5	4,3	3,2
Япония	1,1	2,7	3,1	2,9	4,1	3,0	2,3	2,6	3,1	7,8

Составлено по: [Maddison, 2010].

Так, в 1820 г. на него приходилось около 1/3 мирового ВВП, что превышало показатель Индии в два раза, а Западной Европы – на 30 %. Этому способствовали условия, сложившиеся внутри Китая, и внешние факторы – особенности экономического развития других стран рынка и конъюнктура международных связей.

Однако в преимуществах, которыми обладал Китай, были заложены и причины его будущих неудач. Экономика Китая оказалась в «тупике виртуозности». Высокая производительность трудоинтенсивного хозяйства,

самодостаточность китайской экономики лишили Китай стимула перехода к модернизации хозяйства. В то же время промышленный переворот в странах Запада привел там к резкому повышению производительности труда, и обеспеченность трудовыми ресурсами перестала играть роль значимого конкурентного преимущества. Это позволило странам Запада вытеснить Китай с лидирующих позиций.

Усугубили ситуацию и «Опиумные войны» (1840–1842 гг., 1856–1860 гг.): если прежде Китай имел значительное положительное внешнеторговое сальдо, поскольку мало нуждался в иностранных товарах, то ввоз опиума резко изменил ситуацию, китайский импорт начал превышать экспорт. Доля Китая в мировом ВВП к 1913 г. упала ниже 9 %.

В то же время после поражения в «Опиумных войнах» взаимодействие Китая с мировой экономикой заметно усилилось, однако влияние это было односторонним. Китай попал в зависимость от иностранных держав, крупные морские порты получили статус «открытых», иностранные инвестиции составляли основную долю во всех инвестициях в промышленность и транспортную инфраструктуру страны.

Позиции Китая в мировом хозяйстве не изменились и после образования КНР. Страна развивалась в соответствии с курсом «опоры на собственные силы», экономические взаимоотношения с внешним миром ограничивались связями с социалистическими странами.

Ситуация начала меняться только в последней четверти XX в. Стремительный взлет Китая, часто называемый «китайским экономическим чудом», начался с 1980-х годов, после того, как в Китае начали осуществляться экономические реформы [Самбулова, Медведева, 1991; Портяков, 2002]. Официально в декабре 1978 г. на 3-ем Пленуме ЦК КПК 11-го созыва было объявлено о начале политики «реформ и открытости». Постепенный переход к многоукладной рыночной экономике при сохранении значительной роли государства, отказ от монополии на внешнюю торговлю и расширение экспортной базы, формирование крупных ТНК, создание благоприятного инвестиционного климата – все это способствовало ускорению экономического роста. Именно в результате этих реформ принципиально изменилась роль Китая в мировом хозяйстве.

Доля Китая в мировом ВВП (по ППС) выросла с 2,3 % в 1980 г. до 4,2 в 1990 г., 7,5 в 2000 г., 14,0 в 2010 г. и 17,1 % в 2015 г. (рис. 4.1). Китай занял лидирующие позиции по этому показателю, опередив США. По ВВП, рассчитанному по валютному курсу, Китай уступает США, занимая 2-е место в мире.

Именно Китай определяет рост мировой экономики. При годовых темпах прироста ВВП в Китае на 7,4 % (14-е место по данным ЦРУ [GDP Real...]), что существенно выше, чем в других крупных экономиках, включая остальные страны БРИКС, Китай обеспечил около 30 % мирового прироста ВВП (2014 к 2013 г.). Снижение темпов экономического роста в КНР в 2015 г. до 6,9 % вызвало серьезную обеспокоенность в мире, поскольку даже небольшие изменения в динамике роста китайской экономики оказывают влияние на состояние многих мировых товарных рынков, снижают спрос

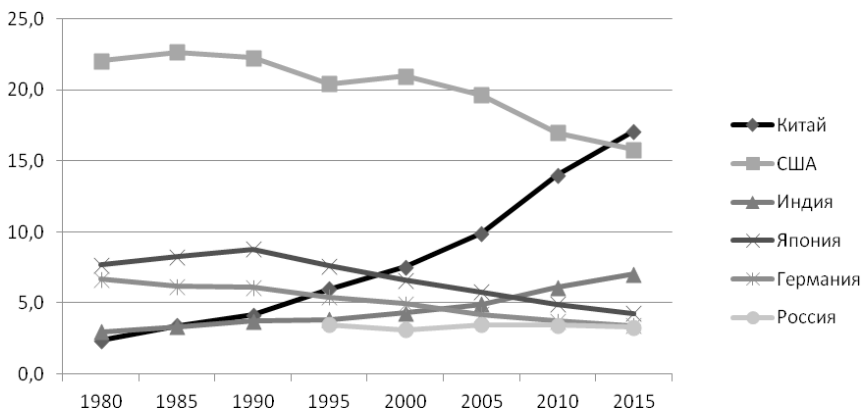

Рис. 4.1. Доля стран в ВВП (по ППС) мира в годы реформ в Китае

Построено по: [World Economic..., 2016].

на сырьевые товары, усиливают неустойчивость развития мировой экономики. Тем не менее, в 2015 г. рост объема ВВП в КНР обеспечил 25 % роста мировой экономики.

Среди главных внутренних факторов, обеспечивших подъем экономики Китая, можно выделить [Самбурова, 2013]:

- создание условий для использования конкурентных преимуществ благодаря постепенному преобразованию жесткой административной системы, переходу к многоукладной экономике;
- обеспеченность дешевой обучаемой рабочей силой;
- огромная емкость ненасыщенного потребительского рынка, растущая по мере роста доходов китайского населения;
- конфуцианские традиции (готовность к тяжелому труду, приоритет коллективных, а не личных интересов, склонность к накоплению и, следовательно, возможности инвестирования).

В это время сложились и благоприятные внешние условия для ускоренного роста китайской экономики:

- высвобождение ниши производства массовой трудоемкой продукции в результате роста стоимости рабочей силы в «новых индустриальных странах» и изменения их специализации в мировом хозяйстве;
- привлечение растущих объемов иностранных инвестиций благодаря созданию благоприятного инвестиционного климата, в частности, основанию «специальных экономических зон» Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь;
- рост объемов внешней торговли, обеспеченных спросом на трудоемкие экспортные товары на внешнем рынке;
- наличие свыше 45 млн «хуацяо», готовых инвестировать в китайскую экономику.

Китай – «мировая фабрика». Благодаря грамотной политике китайского руководства, а также сложившимся экономическим условиям и благоприятным факторам экономического развития Китай в международном разделении труда занял нишу ведущего производителя промышленной продукции. Уступая другим странам лидерство в сфере услуг, Китай на протяжении ряда последних лет является «мировой фабрикой», обеспечивающей самую разнообразную продукцию население многих стран мира. Диапазон этой продукции весьма широк: от одежды и обуви, сувениров и игрушек до компьютеров и офисной техники, телевизоров и фотоаппаратов.

К началу экономических реформ (1978 г.) уровень производства промышленной продукции был крайне низок, так же низок был и уровень потребления. Постепенно Китай начал наращивать производственные мощности, увеличивая производство в первую очередь продукции трудоемкой и необходимой для нового строительства. Даже по сравнению с 2000 г. промышленное производство и доля Китая в мировом производстве заметно возросли. Так, в 2014 г. на Китай приходилось 60 % мирового выпуска цемента против 36 % в 2000 г., около 50 % стали против 20 % в 2002 г., 47 % первичного алюминия против 11,5 % в 2000 г., 42 % производства рафинированного свинца (в 2000 г. – 16,5 %), 41 % выплавки цинка (в 2000 г. – 22 %), а также более 40 % выплавки олова, 75 % – вольфрама и почти 90 % – сурьмы. Монопольное положение на мировом рынке редкоземельных металлов (97 % мировой добычи), необходимых для производства высокотехнологичной продукции, позволяет КНР использовать его в геополитических целях, оказывая влияние на Японию и США. Лидирует Китай и по добыче золота (15 % мирового показателя, тогда как в 2000 г. – лишь 7 %), производству рафинированной меди (31 %). КНР удерживает лидерство и в производстве важных видов химической продукции: минеральных удобрений (30 %), аммиака (33 %), полиэфирных (более 50 %), полиамидных (23 %) и целлюлозных волокон (более 50 %). В 2009 г. Китай вышел на первое место в мире по производству автомобилей (в 2014 г. – 23,7 млн шт., или 26 % мирового производства, тогда как в 2000 г. – лишь 3,5 %) [Хохлов, 2015].

Китай в настоящее время занимает ведущие позиции на многих мировых товарных рынках, где его доля очень велика (табл. 4.4.).

Таблица 4.4.

Доля Китая в мировом экспорте продукции, %

Вид продукции	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2014 г.
Офисное и телекоммуникационное оборудование	0,1	1,0	4,5	33,2
Сталь и чугун	0,3	1,2	3,1	15,3
Текстильная продукция	4,6	6,9	10,4	35,6
Одежда	4,0	8,9	18,2	38,6

Источник: [International Trade..., 2015].

Изменения, которые произошли за годы реформ, грандиозны: если даже в 2000 г. доля Китая в экспорте офисного и телекоммуникационного оборудования была ниже 5 %, то в 2014 г. на него приходилось уже около трети мирового экспорта этой продукции. Не теряет Китай своих позиций и как экспортер текстильной продукции и одежды – свыше 35 % мирового экспорта.

Следует отметить, что значительная часть товаров в КНР производится на предприятиях с участием иностранного капитала. Одна из главных тенденций – повышение добавленной стоимости, производимой в самом Китае. По результатам исследования, опубликованного в 2010 г. Азиатским банком развития, вклад китайских рабочих составлял лишь 3,6 % стоимости Apple iPhone [Xing, Detert, 2010]. Более тщательный анализ показал, что не учитывались, например, стоимость китайских пластмассовых корпусов и других элементов, используемых при производстве чипов, импортируемых из Японии. Сейчас свыше 65 % всей стоимости экспортируемых из КНР товаров производится внутри страны [Jia, Yan, 2015].

Динамика и сдвиги в структуре внешней торговли за пореформенный период отражают те глубокие изменения, которые произошли в положении Китая на мировом рынке (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Внешняя торговля КНР в 1978–2015 гг.

Годы	ВВП	Оборот внешней торговли	Экспорт		Импорт		Сальдо
	млрд долл.	млрд долл.	млрд долл.	% к ВВП	млрд долл.	% к ВВП	млрд долл.
1978	211,3	20,7	9,8	4,6	10,9	5,2	-1,1
1990	424,4	115,4	62,1	15,9	53,4	12,6	8,7
2000	1080,3	474,3	249,2	23,1	225,1	20,8	24,1
2005	2257,5	1422,1	761,9	33,7	660,1	29,2	101,8
2008	4339,2	2561,6	1428,5	32,9	1133,1	26,1	295,4
2009	4911,3	2207,2	1201,7	24,5	1005,5	20,5	196,2
2010	5930,8	2974,0	1577,8	26,6	1396,2	23,5	181,6
2011	6216,5	3642,0	1898,6	30,5	1743,4	28,0	155,2
2014	10067,0	4300,3	2342,3	23,3	1958,0	19,4	384,3
2015	10982,8	3988,3	2292,5	20,9	1695,8	15,4	596,8

Источник: [Чжунго тунци..., 2015; Statistical Communiqué, 2016].

Обеспечивая весь мир разнообразной продукцией, Китай стал ведущей торговой державой: по показателю внешнеторгового оборота он занимает первое место в мире, в то время как в 1978 г. он был лишь на 27-м месте. По экспорту товаров Китай на первом месте с 2009 г. – около 13 % мирового объема, а по импорту – на втором – 10,5 % (2014 г.), уступая первенство США (12,8 % мирового объема). Во внешней торговле услугами роль Китая

существенно меньше – второе место и по экспорту, и по импорту (в 2014 г. соответственно 6,2 и 10,3 %) [International Trade..., 2015].

Среди главных особенностей внешней торговли КНР – высокая динамика объема, особенно после вступления в конце 2001 г. в ВТО, ведущая роль предприятий с участием иностранного капитала, устойчивое с 2004 г. положительное сальдо, высокий удельный вес торговых операций, связанных с поручительской переработкой и сборкой (около половины всего экспорта и 2/3 импорта) и, следовательно, тесная связь экспортных операций с импортом. Основная причина формирования большого активного сальдо в Китае – увеличение экспорта на фоне активизации иностранного инвестирования.

Кризис 2009 г. привел к снижению показателей экспорта и импорта, хотя Китай смог пройти этот период с положительной динамикой и практически выйти на докризисные показатели к 2011 г. С 2009 г. он переходит от ограничения импорта и стимулирования экспорта к политике достижения баланса между экспортом и импортом. Рост внешнеторгового оборота и высокая экспортная и импортная квоты отражают высокую включенность Китая в мировое хозяйство, конкурентоспособность его экономики.

Снижение объемов внешнеторгового оборота и значений экспортной и особенно импортной квоты в 2015 г. связано, с одной стороны, с изменением модели экономического развития – переходом к ориентации на внутренний рост, с другой, с реструктуризацией экономической структуры – переходом к производству высокотехнологичной продукции.

Сдвиги в товарной структуре экспорта показывают, что Китай от экспорта преимущественно сырьевой непереработанной продукции перешел к экспорту готовой продукции (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Структура экспорта продукции из КНР в 1980–2014 гг.

	1980 г.		1990 г.		2000 г.		2010 г.		2014 г.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Объем товарного экспорта	18,1	100,0	62,1	100,0	249,2	100,0	1577,75	100,0	2342,3	100,0
Первичная продукция	9,1	50,3	15,9	25,6	25,5	10,2	81,72	5,2	112,7	4,8
Промышленная продукция	9,0	49,7	46,2	74,4	223,78	89,8	1496,2	94,8	2229,6	95,2
Химическая продукция	1,1	6,2	3,7	6,0	12,1	4,9	87,59	5,6	134,5	5,7
Готовая продукция, классифицируемая по виду сырья	4,0	22,1	12,6	20,3	42,6	17,1	249,15	15,8	400,2	17,1

Таблица 4.6. Окончание

Структура экспорта продукции из КНР в 1980–2014 гг.

	1980 г.		1990 г.		2000 г.		2010 г.		2014 г.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Машины и транспортное оборудование	0,8	4,7	5,6	9,0	82,6	33,1	780,33	49,5	1070,6	45,7
Другая продукция	3,1	16,9	24,3	39,1	86,5	34,7	379,15	24,0	624,3	26,7
Продукция машиностроения и электроники	1,4	7,7	11,1	17,9	105,3	42,3	933,41	59,2	1310,5	55,9
Высокотехнологичная продукция	–	–	–	–	37,0	14,9	492,41	31,2	660,5	28,2

Источник: [China's Foreign..., 2011; Export Value...].

Доля машиностроения выросла с 4,7 % в 1980 г. до 55,9 % в 2014 г. Доля высокотехнологичной продукции в 2000 г. составляла лишь около 15 %, а сейчас достигла почти 30 %.

Будет ли Китай и в будущем «мировой фабрикой»? В настоящее время Китай в определенной степени теряет сравнительные преимущества в производстве несложной трудоемкой продукции с невысокой добавленной стоимостью [Самбунова, Мироненко, 2016].

Постепенная потеря сравнительных преимуществ экономики Китая связана со стремительным ростом зарплаты китайской рабочей силы. С 2001 до 2014 г. ежегодный рост заработной платы в КНР составлял 12 % [Чжунго тунци..., 2016], и даже в 2016 г. на фоне замедления темпов роста ВВП планируется, что она вырастет на 5–6 %.

Одним из главных конкурентов Китая по обеспеченности дешевыми трудовыми ресурсами является Индия, где численность населения растет опережающими темпами, и уже в недалеком будущем страна по этому показателю опередит Китай. Минимальная зарплата в Индии в четыре раза, а среднемесячная в три раза ниже, чем в Китае [Devonshire-Ellis, 2015]. Но важная особенность китайских рабочих в отличие от индийских – их способность к обучению, готовность к монотонному, однообразному труду. Менталитет китайца, сформировавшийся под воздействием конфуцианства в условиях земледельческой «рисовой» цивилизации с избытком рабочей силы при дефиците земельных ресурсов, отличает трудолюбие, готовность выполнять решения «правителя». Особенности менталитета индийца определяют устойчивость социальных страт (наследие кастовой

системы), стремление к демократии. В Китае сконцентрированы трудоемкие стадии производственных процессов, которые ориентированы на использование соответствующих качеств трудовых ресурсов, Индия же специализируется, прежде всего, на производстве программного обеспечения, а также услугах, связанных с владением английским языком (call-центры и т.п.).

Главный конкурент Китая в отношении низкой стоимости труда – Юго-Восточная Азия. Так, в среднем, китайский рабочий получает 27,5 долл. в час, в то время как рабочий в Индонезии – 8,6 долл., а во Вьетнаме – 6,7 долл. [Jia, Yan, 2015]. Демографическая ситуация в Китае усугубляет проблему: в условиях сужающегося воспроизводства острой проблемой становится старение населения. В Юго-Восточной Азии население молодое, возрастает доля населения в трудоспособном возрасте. Важным преимуществом Юго-Восточной Азии является ее экономико-географическое положение, близость к обширному китайскому рынку сбыта. По мере того, как растет покупательная способность китайского населения, меняется средняя дальность перевозок экспортной продукции. С 2008 по 2012 гг. средняя дальность перевозок экспортной продукции из Азии снизилась на 4,5 %, а из Европы и Северной Америки выросла соответственно на 25,9 и 3,7 %. Это приводит к заметному снижению стоимости транспортировки экспортной продукции, производимой в азиатских странах [Jia, Yan, 2015].

Перенос производства из Китая в страны Юго-Восточной Азии начался с производства одежды, поскольку оно не требует квалифицированной рабочей силы, а готовая продукция имеет низкую себестоимость и высоко транспортабельна. Так, например, в 2014 г. европейский ритейлер H&M перенес подразделение по производству свитеров из Китая в пригороды Янгона в Мьянме. На этом предприятии вручную на швейных машинках работницы в течение 24 часов в сутки пришивают рукава. Китайские же рабочие уже не готовы заниматься такой работой.

Более сложные производства, в частности, сборка электроники, начинают перемещаться во Вьетнам, Таиланд и Индонезию. При этом очевидно, что страны АСЕАН с общим населением 630 млн чел. (менее половины населения Китая) при условии тесной интеграции могут взять на себя лишь часть производственных функций КНР.

Существуют и другие сложности: страны АСЕАН существенно снизили внешнеторговые тарифы, прежде всего для участников рынка «АСЕАН плюс 3», но нетарифные ограничения на внешнюю торговлю потребительскими товарами, электроникой, автомобилями по-прежнему велики. По данным McKinsey Global Institute, затраты на таможенную очистку, торговые сборы, транспортировку внутри страны и т.д. в странах АСЕАН на 24 % выше, чем в Китае, а таможенные процедуры в среднем занимают на 66 % больше времени, чем в странах ОЭСД [Jia, Yan, 2015].

На фоне потери сравнительных преимуществ, связанных с дешевой рабочей силой, для Китая в целом следует учитывать дифференциацию в оплате труда в разных регионах страны. Средняя зарплата во внутренних районах КНР пока еще существенно отстает от показателей приморских провинций.

Благодаря реализации программы «Идти на Запад» во внутренних провинциях растет уровень обеспечения инфраструктурой, строится множество новых предприятий. Причем привлекательной чертой для инвесторов в Центральном и Западном районах является стабильность ситуации с рабочей силой, поскольку на предприятиях там занято преимущественно местное население. Значительная часть занятых в восточных провинциях – мигранты из внутренних районов, которые надолго уезжают домой во время, например, китайского Нового года («чуньцзе»), и не все они возвращаются назад. В то же время мигранты готовы работать за гораздо более низкую зарплату, чем местные жители.

Несмотря на то, что уровень урбанизации в КНР увеличивается и уже превысил 54 % против менее 20 % в начале периода реформ, резервы рабочей силы в китайской деревне еще очень велики. Преобладающую часть мигрантов составляют жители сельской местности внутренних районов Китая, устремляющиеся в приморские города в поисках работы. Число мигрантов в Китае оценивается на апрель 2015 г. примерно в 274 млн чел. [Число трудовых..., 2015]. Ограничителем потоков мигрантов пока еще является система «хукоу» (прописка или вид на жительство, уменьшающий права и привилегии рабочих из деревни), однако действие ее лимитируется, планируется ее полная отмена, что может еще больше увеличить число мигрантов.

Крупные ТНК уже начинают создавать производственные мощности во внутренних районах Китая, используя преимущества в стоимости рабочей силы, уровне земельной ренты, налоговые преференции. Так, основные производственные мощности тайваньской компании «Foxconn», на предприятиях которой в КНР занято свыше 1 млн чел., раньше были сконцентрированы в приморском районе, прежде всего, в СЭЗ Шэньчжэнь. Сейчас уже построены крупные предприятия в провинциях Хэнань и Сычуань, строится крупный завод в одной из самых бедных провинций Китая – Гуйчжоу. Компания «Hewlett-Packard» переносит производственные мощности из Шанхая в Чунцин.

Если сравнить средние показатели заработной платы Китая и развитых стран, то становится очевидным, что Китай еще долго сохранит свои сравнительные преимущества, поскольку эти различия слишком велики: в Китае средние показатели заработной платы в четыре раза ниже, чем в США. Однако оксфордские экономисты Грегори Дако и Джереми Леонард в своем докладе «U.S. Manufacturing Retaining Its Competitive Edge», подготовленном в марте 2016 г., утверждают, что с учетом производительности труда Китай практически не имеет сравнительных преимуществ, так как стоимость затрат труда на единицу производимой продукции в КНР в 2015 г. была ниже, чем в США, лишь на 4 %, в то время как в 2003 г. показатели различались в 2,3 раза [Reyes, 2016]. Производительность труда с 2003 по 2016 гг. выросла в США на 40 %, Германии – 23, Великобритании – 30, Мексике – 18 %; в Индии и Китае за тот же период показатель более чем удвоился, однако производительность одного занятого в Китае уступает показателю США в 9 раз.

Это стало одной из причин усиления тенденции к «новой индустриализации» экономики США. По данным исследования Boston Consulting Group (BCG), опросившей топ-менеджеров американских производственных предприятий с оборотом от 1 млрд долл., большая часть предприятий (54 %) проявляет интерес к возвращению в США [Кокшаров, 2014]. Среди предприятий, возвращающих свои мощности в США, преобладают высокотехнологичные наукоемкие производства, использующие преимущественно высококвалифицированную рабочую силу.

Несмотря на факторы, ведущие к потере сравнительных преимуществ в стоимости рабочей силы, а, следовательно, в производстве трудоемкой продукции, Китай может сохранить свои позиции в мировой экономике. Этому способствует наличие налаженных связей с зарубежными партнерами, возможности транспортировки продукции (крупные морские порты), высокая концентрация производства многих видов продукции – сформировавшиеся промышленные кластеры, в первую очередь, в приморских районах. Китай не теряет своего статуса ведущего экспортера многих видов продукции: его доля в мировом экспорте текстильной продукции возросла с 34,8 в 2013 г. до 35,6 % в 2014 г., в экспорте одежды стабильна 38,6 % и в 2013, и в 2014 г., в экспорте офисного и телекоммуникационного оборудования – немного сократилась (с 33,9 до 33,2 %) [International Trade..., 2014; 2015].

Более устойчивыми позиции Китая в мировой экономике будут при условии его продвижения вверх по звеньям цепочек добавленной стоимости, более широкого использования аутсорсинга, перехода к производству продукции с более высокой добавленной стоимостью. Это может стать особенно эффективным, если роль «мировой фабрики» будут играть Китай и Юго-Восточная Азия, чему способствует формирование зоны свободной торговли «АСЕАН плюс 3».

Китай на мировом рынке прямых иностранных инвестиций

Роль Китая в мировом хозяйстве также реализуется через его позиции на мировом рынке прямых инвестиций. Китай – один из мировых лидеров по привлечению прямых иностранных инвестиций, причем их приток в страну растет, несмотря на введение в 2007 г. единой ставки подоходного налога с китайских и иностранных предприятий и период мирового экономического кризиса. За 2014 г. объем привлеченных прямых иностранных инвестиций (фактически использованные инвестиции) составил 119,6 млрд долл. (рис. 4.2) [Statistical Communiqué..., 2015].

Роль главного поставщика прямых иностранных инвестиций сохраняет Гонконг, имеющий статус «специального административного района» КНР, причем его удельный вес растет. Эти инвестиции «соотечественников» особенно важны были для Китая в первые годы реформ. Гонконг используют и китайские бизнесмены для возврата вывезенных инвестиций. Через посреднические услуги Гонконга в Китай поступают прямые иностранные инвестиции и из других стран. Среди других стран-доноров преобладают страны Азии – ближайšie соседи КНР, инвесторами зачастую выступают бизнесмены китайского происхождения.

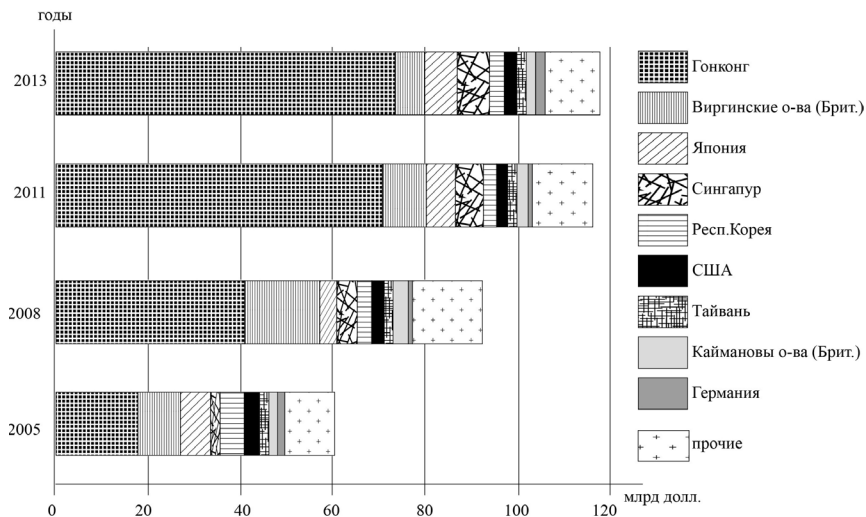

Рис. 4.2. Привлечение прямых иностранных инвестиций в КНР (фактически использованные инвестиции, млрд долл.)

Источник: [Чжунго тунцзи..., 2007; 2010; 2013; 2015].

С начала XXI в. страна является не только крупным реципиентом прямых иностранных инвестиций, но и ускоренно наращивает свои зарубежные инвестиции. Реализация принятой в 2000 г. программы «Идти во вне» включает создание собственных ТНК при активной поддержке государства, которые должны расширять свое присутствие в разных регионах мира. К 2014 г. годовой поток китайских инвестиций за рубеж достиг 116 млрд долл. – примерно столько же, сколько прямых иностранных инвестиций было привлечено Китаем [Riding the Silk..., 2015]. Большая часть китайских инвестиций, осуществленных за рубежом, приходится на государственные компании, среди которых выделяются «CNPC», «Sinopec», «CIC» (China Investment Corporation) и «Chinalco» (Aluminium Corporation of China). Однако растет и доля частных компаний, инвестирующих за рубежом.

Можно выделить несколько направлений инвестирования Китаем за рубеж: во-первых, получение доступа к современным технологиям (инвестиции в развитые страны); во-вторых, возможности эксплуатации месторождений полезных ископаемых, дефицитных для Китая (инвестиции в нефтедобывающие страны, в страны, обладающие крупными запасами руд, и т.д.); в-третьих, упрощение доступа на рынки сбыта стран – внешнеэкономических партнеров; в-четвертых, возможности использования более дешевой рабочей силы (например, в странах Юго-Восточной Азии). Для современного инвестирования Китаем за рубеж характерна дифференциация сфер деятельности.

Таблица 4.7.

Структура накопленных прямых инвестиций из Китая по странам и регионам

Страны и регионы	Доля стран и регионов, в %	
	2005 г.	2013 г.
Мир в целом	100,0	100,0
Гонконг	63,8	57,1
Каймановы о-ва (Брит.)	15,6	6,4
Британские Виргинские о-ва	3,5	5,2
США	1,4	3,3
Австралия	1,0	2,6
Сингапур	0,6	2,2
Великобритания	0,0	1,8
Россия	0,8	1,2
Прочие	13,3	20,2

Источник: [Чжунго тунцзи..., 2007; 2015].

Официальная статистика (табл. 4.7) не позволяет судить о реальной географической структуре накопленных за рубежом китайских инвестиций, поскольку около 70 % приходится на оффшорные территории, которые перераспределяют ПИИ из Китая. В действительности все большее значение Китай придает развитым странам как приоритетному региону для своих инвестиций.

Выводы

В целом за годы реформ КНР из периферийного государства перешла на полупериферию мирового хозяйства, а по абсолютным показателям (ВВП по паритету покупательной способности, производство многих видов промышленной и сельскохозяйственной продукции) вышла в лидеры. С учетом исторической ретроспективы можно говорить о возвращении Китаем былых позиций в мировой экономике, потерянных в XIX в.

Постепенно идет усложнение функций Китая в мировом хозяйстве: если с начала 1980-х годов страна стала «мировой фабрикой» по производству трудозатратной продукции, специализируясь на выполнении заказов зарубежных компаний и производству продукции зарубежных брендов, то теперь, продолжая эту деятельность, Китай создал свои крупные компании и бренды и выводит их продукцию на мировой рынок.

Несмотря на рост стоимости трудовых ресурсов, Китай останется «мировой фабрикой», однако некоторые предприятия, особенно легкой промышленности, уже переносятся в страны Юго-Восточной Азии или во внутренние районы КНР.

За годы реформ Китай превратился в крупнейшую внешнеторговую державу, вышел в лидеры по торговле огромным количеством товаров, на целом ряде рынков стал ведущим игроком и даже монополистом. В то же

время Китай находится в зависимости от импорта, в особенности сырья и энергоресурсов, поэтому, понимая свою уязвимость, стремится диверсифицировать их поставки.

Китай превратился в важного игрока на рынке прямых иностранных инвестиций, но если в начале реформ он был их чистым получателем, то постепенно его роль менялась: Китай начал экспортировать капитал, и в настоящее время объемы ввоза и вывоза инвестиций почти сравнялись.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ «МАКРО» И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ «МЕЗО»: ФАЗЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

И.М. БУСЫГИНА

Три взаимосвязанных процесса являются определяющими для современного мира – глобализация, регионализация и национализм [Kacowicz, 1998]. С точки зрения процессов регионализации Европа представляет собой особое «место»: именно здесь регионализация, впоследствии охватившая другие континенты, начала развиваться после окончания Второй мировой войны, и именно здесь в настоящее время сложилась наиболее плотная институциональная среда, которая является следствием формирования регионов различного генезиса и территориального охвата, находящихся на разных фазах регионального строительства. Границы регионов «секут» друг друга, что ведет к связыванию пространства и формированию многоуровневых структур управления.

В этой статье я не ставлю задачи описать *все* процессы регионального строительства в Европе. Цель состоит в том, чтобы, базируясь на теории нового регионализма и подходе многоуровневого управления, показать различные фазы «региональности».

Теоретические предпосылки: новый регионализм и многоуровневое управление. Теория нового регионализма (ТНР) базируется на концепции «региональности», которая описывает и объясняет процессы регионализации в рамках определенного географического пространства. Исследования в области «нового регионализма» начались с середины 80-х гг. прошлого века и, как показывают Хеттне и Седербаум, были связаны с глубинными структурными трансформациями глобальной системы, включающими: (1) отход от биполярной системы и движение в сторону многополярности; (2) относительное сокращение роли США как гегемона в глобальной политике [Hettne and Söderbaum, 2001]; (3) эрозию вестфальского государства-нации и *диффузию власти* – последняя в нарастающих масштабах переходит как *наверх*, к наднациональным и межгосударственным организациям и структурам, так и *вниз*, к регионам, местным сообществам, институтам гражданского общества [Colomer, 2007]. Именно поэтому в последней четверти XX в. резко возрос интерес к деятельности всевозможных межгосударственных и внутригосударственных объединений регионального плана.

ТНР определяет регионализм как программу и стратегию действий, которая может привести к процессу институционального строительства, а регионализация фиксирует этот эмпирический процесс, заостряя внимание на (измеряемом) росте сотрудничества, углублении интеграционных процессов, повышению степени связности и комплементарности пространства. Очевидно, что понятие «регион» будет фундаментальным для ТНР. Так, необходимо выделить регионы, иными словами, формулировать

суждения относительно того, в какой степени определенное географическое пространство представляет собой отдельное *сообщество*.

Основная цель ТНР заключается в описании и объяснении процесса регионализации с точки зрения уровня «региональности» (*regionness*), то есть процесса, когда территория из пассивного объекта трансформируется в активный субъект, способный артикулировать интересы формирующегося региона. Таким образом, «региональность» подразумевает, что регион может быть таковым в большей или меньшей степени; уровень «региональности» может как нарастать, так и сокращаться. Крайне важной особенностью ТНР является его принципиально не «государствоцентричный» характер. ТНР не рассматривает регионы исключительно как группы стран и предполагает, что граница региона может проходить по территории страны, так что одна ее часть будет принадлежать региону, а другая – нет [Hettne and Söderbaum, 2001].

Если «региональность» не абсолютна, а относительна, логично предположить, что в процессе формирования региона можно выделить фазы (или ступени). Хеттне и Седербаум выделяют пять таких фаз:

1. Региональное пространство (*Regional space*) – здесь исходной предпосылкой ТНР выступает примат географического пространства для формирования региона: функционирующее сообщество по определению не может существовать без территории.

2. Региональный комплекс (*Regional complex*) – интенсификация социальных контактов и трансакций между ранее изолированными группами способствует появлению «региональности», хотя и на низком уровне.

3. Региональное общество (*Regional society*) – именно на этом уровне развивается процесс регионализации: различные негосударственные акторы в рамках данного географического пространства начинают взаимодействовать, следуя определенным формальным и неформальным правилам, создавая тем самым более или менее плотную институциональную среду. При этом нарастание взаимодействий идет в различных областях – в экономике, политике, культуре. Речь, таким образом, идет о комплексной регионализации, включающей многие измерения.

4. Региональное сообщество (*Regional community*) – этот уровень «региональности» описывает процесс, при котором регион прогрессивно становится активным субъектом со своей особенной идентичностью, институциональной средой, легитимностью и способностью к принятию решений.

5. Регион-государство (*Region-state*) – достижение этого, пятого, уровня «региональности» выглядит маловероятным, однако его не следует считать идентичным процессу (и результату) формирования государства или строительства нации. Теоретически окончательным результатом могло бы стать появление «региона-государства», по территориальному охвату и культурному разнообразию сравнимому с империей, но никак не с государством-нацией. «Регион-государство» никогда не достигнет (и такая задача даже не ставится) уровня гомогенности и суверенности, сравнимого с государством вестфальского типа [Hettne and Söderbaum, 2001].

ТНР описывает и объясняет процессы, развивающиеся в различных частях света; в данной работе речь идет о пространстве Западной Европы, где регионы с разным уровнем «региональности» не только представлены в великом множестве, но и – что чрезвычайно важно – частично «накладываются» друг на друга и пересекаются. В этой связи объяснения со стороны подхода многоуровневого управления являются важным дополнением к объяснениям и описаниям теории нового регионализма.

Еще в начале 90-х гг. прошлого века Гэри Маркс заметил, что в Европейском Союзе мы наблюдаем «систему постоянных переговоров между правительствами нескольких территориальных уровней» [Marks, 1993]. Через несколько лет подход многоуровневого управления (МУУ) был признан исследователями в качестве многообещающего объяснительного инструмента [Hooghe, Marks, 2001]. Это признание может, по крайней мере, отчасти, объясняться как очевидными ограничениями объяснительной силы нормативных теорий, так и данными эмпирических исследований европейской интеграции, которые показали не сдвиг суверенитета с национального на наднациональный уровень, но наличие сложных политических процессов разделения (*dividing and sharing*) компетенций между различными уровнями управления. Подход МУУ концентрирует внимание на множественности акторов, включая региональные и национальные власти, Европейскую комиссию и Европарламент, а также на способах их взаимодействия, которые определяются как сети и переговоры [Benz and Zimmer, 2010].

Многоуровневая система управления – это адаптация принятия решений к ситуации наличия территорий, находящихся под множественными юрисдикциями. Вестфальский подход к суверенитету более не в состоянии ни описывать, ни объяснять происходящего в Евросоюзе с его системой разделенных суверенитетов. Европейская политика представляет собой сложную многоуровневую институциональную конфигурацию, которая не описывается нормативными теоретическими моделями, используемыми в международных отношениях и сравнительной политологии [Scharpf, 2001].

В ЕС многоуровневое управление принимает самые различные формы. Один и тот же актор играет различные роли на различных институциональных «площадках» и использует разные стратегии. Эти «площадки» в принципе автономны, однако в действительности они стратегически связаны. Это означает, что ключевые акторы принимают во внимание результаты взаимодействия на всех уровнях, однако придают этим уровням разный «вес» с точки зрения их приоритетности. К примеру, Европейская комиссия – участник, то есть значимый актор почти всех региональных образований в Западной Европе, однако стратегия и тактика ее поведения в разных образованиях может серьезно различаться. То же касается и национальных правительств стран-членов ЕС.

ЕС как макрорегиональная «площадка». Региональная интеграция представляет собой крайне сложный и многоплановый процесс, так что дать ей консенсусное определение – даже при самом минималистском

подходе – не представляется возможным. Более перспективно выделение ее основных отличительных признаков: региональная интеграция включает политический компонент, она имеет добровольный характер и предусматривает элементы наднационального управления [Wivel, 2000, p. 15]. Чарльз Пентланд определял политическую интеграцию как «процесс, при котором группа людей, организованных первоначально в два или более независимых государств-наций, создают политическое целое, которое в определенном смысле может быть описано как сообщество» [Pentland, 1973]. Чрезвычайно важно, что интеграция – результат стратегического выбора, сделанного странами-участницами процесса, и этот выбор *рационален*. Сказанное не означает, что он императивен или оптимален для государств; государства-участники действуют рационально в том смысле, что они «чувствительны к издержкам» [Waltz, 1986, p. 331]. Таким образом, предполагается, что государства делают выбор в пользу региональной интеграции, поскольку ожидают от этого сокращения издержек и роста выгод [Wivel, 2000, p. 18]. Если использовать фазы «региональности», предложенные Хеттне и Седербаумом, можно предположить, что Европейский Союз находится в четвертой фазе «регионального сообщества».

Спецификой Европейского Союза, определяющей его успехи и трудности дальнейшей интеграции, является то, что это недемократический союз демократических государств. Объединяя демократические государства, сам Европейский Союз принципиально не является демократическим образованием. Более того, по мере развития интеграции так называемый *демократический дефицит* нарастает. Создание и развитие Европейского Союза – это многоступенчатый процесс взаимодействия национальных лидеров демократических государств Европы по поиску взаимоприемлемых компромиссов. Компромисс и поиск компромиссов – как между странами, так и между различными интересами внутри стран – ключевая характеристика европейской интеграции, объясняющая историю ЕС, институты и то, как они работают. Необходимость нахождения и поддержания консенсуса также объясняет ограниченный характер демократического контроля над деятельностью Европейского Союза [Бусыгина, Филиппов, 2009].

Важно подчеркнуть, что лидеры разных стран ЕС или даже лидеры одной и той же страны всегда преследовали разные цели в процессе интеграции. Фактически, за пределами самых общих деклараций, единства целей никогда отмечено не было, поэтому для успеха интеграционного процесса было крайне важно *выстроить институциональный механизм*, позволяющий находить компромисс и развивать интеграцию, невзирая на противоречия между участниками.

В разные периоды основа компромисса была принципиально разной. Так, изначальным стимулом для интеграции послужила проблема послевоенной Германии. Государства Европы, и прежде всего Франция столкнулись в этот период с дилеммой: как создать условия для скорейшего восстановления Германии, и как при этом не потерять над ней контроль? Возникла необходимость найти новую форму взаимоотношений, которая была бы способна гарантировать, что сильная Германия не станет в очередной раз

угрозой для Европы и мира. Непосредственным (техническим) решением этого вопроса стала постановка под общий контроль производства угля и стали, которые в то время были основным стратегическим сырьем. Впоследствии интеграция долгие годы строилась вокруг решения сузубо прагматических экономических задач, таких как стабильность денежной политики, сокращение дефицита бюджетов, снижение раздутых социальных гарантий и расходов. В последние годы в Западной Европе все чаще раздаются призывы развивать интеграцию в Европе как противовес доминированию США на мировой арене.

Основная проблема любой попытки интеграции между суверенными странами заключается в преодолении недоверия сторон. Для этого необходимы надежные и добросовестные гарантии выполнения достигнутых договоренностей. Если договоренности в самом деле выполняются, с течением времени доверие сторон возрастает. Практическая сложность заключается в том, что необходимо одновременно выработать компромисс по созданию сравнительно эффективных форм интеграции и гарантий сохранения контроля каждого государства-участника над деятельностью союза. Другими словами, необходимо создать и поддерживать относительно сильные наднациональные органы, которые тем не менее оставались бы под контролем национальных лидеров.

Основным методом решения этой проблемы для Евросоюза стала попытка опираться на институты выработки компромиссов и поиска консенсуса, ставящие все страны Союза в как можно более равное положение. Конечно, на практике, Германия и Франция традиционно определяли и даже доминировали в процессе интеграции, но и эти страны делали это по большей мере неформально, как правило, формируя коалиции в свою поддержку и соглашаясь на необходимые уступки.

Важно подчеркнуть, что реальные гарантии подконтрольности действий союза и ограниченности его решений только тем, на что согласились лидеры всех государств, создать очень трудно, если вообще возможно. Сами по себе институты поиска консенсуса обычно приводят стороны в тупик: выработать какое-либо решение невозможно. Тем более все труднее обеспечивать такие гарантии по мере углубления и расширения интеграции. Поэтому разумно ожидать, что национальные лидеры не смогут прийти к необходимому компромиссу за пределами узкого круга вопросов. Не случайно на каждом этапе европейской интеграции сторонние наблюдатели оценивали ее дальнейшие перспективы весьма скептически. Тем не менее, интеграция успешно продолжалась. Однако в других регионах похожие попытки интеграции скорее подтверждают прогнозы скептиков, поскольку приводили только к весьма ограниченным достижениям [Бусыгина, Филиппов, 2010].

История европейской интеграции – это история серии соглашений и договоров между национальными элитами. Интеграция строилась шаг за шагом, развиваясь, углубляясь и расширяясь с каждым новым договором. Даже предложенная к обсуждению и ратификации Конституция на самом деле представляла собой *Конституционный договор*, а не Конституцию в традиционном понимании.

Продвижение в деле формирования общей идентичности связано, прежде всего, с тремя договорами: Маастрихтским, Амстердамским и Лиссабонским. Так, Маастрихтский договор учредил институт гражданства ЕС. Заключенный вслед за Маастрихтским Амстердамский договор (1997 г.) предусматривал ряд дополнительных мер, направленных в первую очередь на демократизацию ЕС. Он установил неоспоримую обязанность всех государств-членов строго соблюдать и охранять фундаментальные права человека, провозгласил превращение ЕС в «пространство свободы, безопасности и справедливости».

Существенное продвижение в построении общей идентичности произошло после ратификации Лиссабонского договора в 2009 г. В договоре впервые делается ясное заявление относительно ценностей и целей ЕС (ст. 2, 3). «Ценности» ЕС определены как уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважение прав человека, в том числе, права принадлежать к меньшинствам. Все эти ценности действительно разделяются гражданами стран-членов ЕС. Что нового внес договор? Во-первых, это само понятие «ценности» – раньше это называлось «принципы». Во-вторых, некоторые ценности действительно совсем новые – это человеческое достоинство и равенство. Что же касается целей ЕС, то новыми (или измененными) стали следующие: сохранение мира, его ценностей и благополучия граждан, улучшение качества окружающей среды, уважение культурного и лингвистического разнообразия, обеспечение и поддержание европейского культурного наследия.

Типы мезорегиональных объединений в Западной Европе. Помимо Европейского Союза, на территории Западной Европы существует (и сосуществует) множество мезорегиональных объединений, которые включают как страны-члены Евросоюза, так и страны, в него не входящие. При этом крайне важной чертой регионализации на большом пространстве Западной Европы является то, что границы этих объединений «секут» друг друга, иными словами, одно государство может входить сразу в несколько объединений и мезо-, и макроуровня. Такая организация пространства как раз и описывается с помощью подхода многоуровневого управления. Если в основу типологии объединений положить фазы «региональности» Хеттне и Седербаума (по мере убывания «региональности»), то мы увидим, что на пространствах Западной Европы сосуществуют:

- (1) региональные сообщества: «еврозона» и Шенгенское соглашение;
- (2) региональные общества: Балтийский регион, Скандинавия;
- (3) региональный комплекс: Северное измерение;
- (4) региональное пространство: сотрудничество причерноморских государств.

«Еврозона» (или «зона евро») – это хорошо известный валютный союз 19 стран-членов Евросоюза, которые приняли решение об использовании евро в качестве общей валюты. Еврозона включает Австрию, Бельгию, Кипр, Эстонию, Финляндию, Францию, Германию, Грецию, Ирландию, Италию, Латвию, Литву, Люксембург, Мальту, Нидерланды, Португалию, Словакию, Словению и Испанию. Малые европейские страны – Андорра, Монако, Сан-

Марино и Ватикан заключили с ЕС формальные соглашения об использовании евро как официальной валюты (в дополнение к национальной). Косово и Черногория ввели евро в одностороннем порядке и формально не входят в пространство «еврозоны». Валютная политика «еврозоны» определяется Европейским центральным банком, основная задача которого заключается в контроле уровня инфляции. «Еврозона» – это пример наиболее «продвинутого» интеграционного объединения.

В Шенгенскую зону входит 22 страны – члена Евросоюза, которые отменили паспортный и иной пограничный контроль на своих внутренних границах. Фактически общая визовая политика делает Шенгенскую зону своего рода единым государством в отношении перемещения внутри ее территории. Четыре страны-члена ЕС – Болгария, Хорватия, Кипр и Румыния готовятся к присоединению к Шенгену, и только две других – Великобритания и Ирландия – сделали принципиально иной выбор и сознательно остаются вне Шенгенского соглашения. Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария, не будучи членами Евросоюза, подписали отдельные соглашения и присоединились к Шенгену. Кроме того, Монако, Сан-Марино и Ватикан по факту также участвуют в соглашении.

И «еврозона», и зона Шенгена могут быть отнесены к «региональным сообществам» – имея собственные интересы (вовсе не обязательно совпадающие с интересами ЕС в целом), эти регионы стали активными субъектами со своей институциональной средой, легитимностью и способностью к принятию решений. Сказанное, однако, не означает, что оба сообщества уверенно идут по пути дальнейшего усиления «региональности». Напротив, как показали «кризис «еврозоны» и «кризис беженцев», европейские «региональные сообщества» – это довольно хрупкие конструкции; общие вызовы, асимметричные по определению, поскольку разные члены сообществ должны нести разную «нагрузку», ведут к резкому ослаблению солидарности внутри сообществ с попытками вернуться к статус-кво, существовавшему до формирования «региональных сообществ».

Региональные общества: Регион Балтийского моря, Скандинавия/Северная Европа. В отличие от «региональных сообществ», становление гораздо менее институционализированного «регионального общества» – **Региона Балтийского моря** – выглядело практически естественным проектом, который был мотивирован не задачами углубления интеграции, но самой географией. После окончания холодной войны и распада СССР наиболее активными акторами строительства нового региона вокруг Балтики стали Германия и Дания. Интересно, что довольно долго дебатировался вопрос о названии региона. Были представлены различные проекты регионального строительства под названиями Новая Ганза, *Mare Balticum* (Балтийское море), Евробалтийский регион, Скандо-балтийское пространство, наконец, Регион Балтийского моря (*the Baltic Sea Region*). Несмотря на различные названия, все эти проекты были центрированы вокруг Балтийского моря как своего рода географической основы. Балтийское море, расположенное в центре региона, стало символом единства и сыграло важную символическую роль в процессе конструирования нового региона.

Первоначально регион существовал скорее как намерение окружающих Балтийское море государств, так что институционализация была крайне важна с точки зрения реального регионального строительства. В 1992 г. по инициативе Германии и Дании был создан Совет государств Балтийского моря, в который вошли 11 стран – Германия, Дания, Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Россия и Польша. За исключением Норвегии и Исландии, все эти страны расположены вокруг Балтики. Учреждение Совета было своего рода признанием существования региона, а сам Совет стал его символом и мотором развития. Много позже, в 2007 году, Евросоюз принял региональную Стратегию Балтийского региона (*Baltic Sea Strategy*).

Примечательно, что ни один другой регион Западной Европы не получает столько позитивных оценок, прежде всего со стороны политиков. Балтийский регион часто называют «модельным» регионом Европы, примером для других регионов с точки зрения достижений в региональном сотрудничестве и сплоченности. Более того, регион называют даже «центром роста» Европы будущего. Однако это именно политические оценки; известно, что условия становления и поддержания каждого региона и его «региональности» уникальны, а, значит, уникальны и сами регионы, так что никаких «модельных» регионов в Европе нет, есть лишь полезные практики, которые другие регионы могут взять на вооружение.

Еще одним примером «регионального общества является регион **Скандинавии (Северной Европы)**, в состав которого входят Швеция, Норвегия, Исландия, Дания и Финляндия. Как писал «Экономист», «северные страны нашли магический способ соединить высокие налоги и щедрую социальную систему с быстрыми темпами экономического роста и низкой безработицей» [The World in 2007]. Скандинавская модель «государства всеобщего благосостояния» (*welfare state*) основана на исключительном доминировании государства в социальной политике, универсальных правах в области социальной защиты всего населения и всеобщем равенстве. Историческое наследие Скандинавских стран – низкий уровень поляризации общества, то есть относительно невыраженные классовые и гендерные расколы, а также небольшие различия в уровне доходов. Исторически для Скандинавских стран был характерен мирный процесс фундаментальной трансформации общества от сельского полуфеодалного к обществу всеобщего благосостояния, а его уникальными чертами были подъем класса независимых крестьян и мирная аграрная революция. Это принципиально отличает данную группу стран от других государств Западной Европы [Alestalo et al., 2009].

Многостороннее региональное сотрудничество Скандинавских стран является старейшим в Европе. Оно имеет глубокие исторические корни, однако его институционализация началась только после Второй мировой войны. Особенностью сотрудничества является его фокус на механизмах координации и консультации при полном сохранении суверенитета государств. Четыре фактора обусловили формирование «регионального общества» на Севере Западной Европы: (1) общие исторические и культурные традиции,

а также близкие по происхождению языки (кроме финского) обусловили транснациональные контакты; (2) институты регионального сотрудничества с момента своего появления воспринимались и элитами, и населением как однозначно выгодные; (3) геополитическая близость этой группы стран к крупным европейским центрам силы (прежде всего, Германии) способствовала консолидации северной идентичности и (4) намерению действовать слаженно в европейской и мировой политике [Etzold, 2013].

Региональный комплекс: Северное измерение. Инициатива ЕС «Северное измерение» (СИ) была выдвинута Финляндией в 1997 г. и принята Европейской комиссией в качестве стратегии ЕС в 1999 г. первоначально на период с 2000 по 2003 гг. Важнейшей составной частью «Северного измерения» является развитие трансграничного сотрудничества между сопредельными административными единицами стран-участниц. В соответствии с документами ЕС, оно охватывает территории Финляндии, Швеции, Норвегии, Исландии, стран Балтии и Польши, а также Карелию, Мурманскую, Архангельскую, Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую, Вологодскую, Калининградскую области Российской Федерации и Санкт-Петербург. Уникальность программы «Северное измерение» состоит в том, что сотрудничество между странами-участницами осуществляется «горизонтально» и «вертикально» на нескольких уровнях: государственном, региональном, локальном. СИ основано на принципе партнерства по различным направлениям – в области защиты окружающей среды, транспортной и пограничной инфраструктуры, здравоохранения. В ноябре 2009 г. в рамках обновленного «Северного измерения» был образован Институт «Северного измерения» (ИСИ), который представляет собой сетевой университетский проект. Участниками проекта выступают институты и университеты стран-партнеров «Северного измерения». Целью проекта является продвижение тематики «Северного измерения» в сфере науки, образования и исследований. Критически важно, что СИ строго отделено от проблематики «высокой политики». Его развитие показывает, что напряжение в области «высокой политики» не обязательно должно резко сократить возможности практического сотрудничества на нижних уровнях. Различные формы межрегионального сотрудничества в рамках «Северного измерения» продвинулись гораздо дальше, чем полагали критики этой инициативы. Несмотря на многочисленные трудности, инициатива не была серьезно затронута ухудшением отношений между Россией и ЕС, и, что наиболее важно, Россия не вышла из инициативы, сохранив свои обязательства.

Как считает ряд исследователей, «Северное измерение» было прежде всего попыткой преодолеть нарастающее размежевание между ЕС и Россией посредством совместного решения практических функциональных проблем, а не еще одним каналом борьбы за «высокую» политику. Безопасность и вопросы политики были либо исключены из повестки дня, или обсуждались в самом ограниченном объеме. Возможно, наиболее удачным было решение не поднимать в рамках СИ вопросов поставок нефти и газа; в Экологическое партнерство в рамках СИ были включены лишь ядерная безопасность и энергосбережение.

С самого начала СИ было ориентировано на партнерский и равноправный подход, было открытым для равноправного участия стран–не членов ЕС [Lannon, Van Elsuwege, 2004]. Для всех участвующих стран вовлеченность в инициативу создает возможность обсуждения интересующих всех проблем на равноправной основе. Так что партнерский и равноправный подход фактически гарантировал, что СИ будет заниматься ограниченным числом вопросов, «приемлемых» для всех участников. С течением времени Финляндия начала прилагать усилия к трансформации образа СИ от внешнеполитического проекта к проекту сотрудничества, который в равной степени принадлежал странам-партнерам и ЕС [Vysotskaya, 2008].

Такого рода инициативы и проекты неслучайно разворачиваются на субнациональном уровне – этого требует, помимо прочего, технология практически ориентированного сотрудничества. Попытки согласовать подобные проекты между национальными правительствами неизбежно влекут за собой огромные «транзакционные» издержки. Межрегиональные контакты, напротив, позволяют сохранить издержки низкими; сотрудничество развивается как «общая практика», вне «высокого» политического контекста.

Будущее «Северного измерения» могло бы заключаться в поддержании определенной степени автономии от внешней политики ЕС; СИ уже имеет важные инновации и отличия от традиционных инструментов внешней политики, что облегчает достижение автономии. «Северное измерение» – это комбинация партнерского, равноправного и многоуровневого подходов, и такая уникальная комбинация создает «особую форму субсидиарности», которая заключается в том, что страны-члены ЕС формулируют и реализуют внешнюю политику в сотрудничестве с внешними акторами, способными генерировать необходимую «мощность» для решения отдельных проблем [Filtenborg et al., 2002]. Субсидиарность такого рода позволит ЕС проводить многоуровневую внешнюю политику. В то же время «наиболее заинтересованные» страны-члены («*the member states most concerned*») смогут избежать противоречий «высокой политики», сосредоточившись на тех областях сотрудничества, где вовлеченность региональных и субрегиональных акторов приведет к созданию добавленной стоимости.

Принцип субсидиарности в применении к СИ принципиально отличается от концепций «Европы разных скоростей» или «Европы региональных блоков». Возможно, его легче всего объяснить через подход многоуровневого управления, который предполагает, что акторы могут воздействовать на процесс принятия решений в ЕС через разнообразные каналы – от работы с европейскими институтами до непрямого действия через региональные, национальные и субнациональные структуры. Формирующаяся таким образом политика есть «результат накладывающихся друг на друга компетенций, напряженностей и конфликтов в системе многоуровневого управления» [Marks et al., 1996].

С применением субсидиарной логики к СИ можно ожидать, что процесс принятия решений по частным, «локализованным» вопросам будет децентрализованным, т.е. рассредоточенным между различными институциональными уровнями – региональным, национальным, субнациональным.

При этом наднациональные институты будут сохранять ответственность за формулирование общей политики в отношении России. Таким образом, разные вопросы будут входить в компетенцию различных игроков в зависимости от степени их важности и наличия общего интереса.

Региональное пространство: сотрудничество причерноморских государств. Понятие «Большое Причерноморье» для обозначения крупного региона, объединяющего страны, потенциально имеющие общие интересы, прежде всего в сфере экономики и безопасности, связанные общностью исторических и культурных традиций, появилось сравнительно недавно [Язькова, 2006, с. 30]. По утверждению А.А. Язьковой, геополитическое положение Причерноморья до сих пор остается неопределенным, что дает возможность рассматривать его как «ничейную полосу», «пограничье», регион, которому присуще состояние «имманентной нестабильности», порождаемой несовпадением интересов и усиливающимся противоборством внешних сил [Язькова, 2006, с. 31].

В 1990 г. тогдашний президент Турции Т. Озал предложил программу взаимодействия и сотрудничества черноморских государств. В это время их насчитывалось всего четыре – СССР, Турция, Румыния и Болгария, а в 1992 г. Договор о Черноморском экономическом сотрудничестве подписали уже 11 стран «Большого Причерноморья» (сегодня их 12). На базе Договора в 1999 г. была создана Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), объединяющая 12 государств Причерноморья и Южных Балкан. Что же касается Европейского Союза, то он достаточно долго не проявлял интереса к Черноморскому региону. Только в ноябре 1997 г. появился первый документ – «Заявление Еврокомиссии по региональному сотрудничеству в районе Черного моря». Далее были подписаны двусторонние соглашения о сотрудничестве с рядом причерноморских стран, и эти страны были включены в Европейскую политику соседства (ЕПС). После вступления Румынии и Болгарии в ЕС (2007 г.) интерес Евросоюза к региону существенно повысился, была выдвинута специальная региональная инициатива – «Черноморская синергия». Она предусматривала развитие регионального сотрудничества в рамках трех партнерств – окружающая среда, транспорт и энергетика.

Казалось бы, предпосылки для сотрудничества вокруг Черного моря объективно существуют, однако факторов, работающих против сотрудничества, оказалось гораздо больше. Так, ранее относительно спокойный и даже периферийный регион Черного моря за истекшие после распада СССР два с половиной десятилетия стал местом многосторонних противоречий и конфликтов. При этом накал и интенсивность конфликтов со временем не только не снижается, но даже растет: речь идет прежде всего о конфликтах России и Украины, а также конфликте между Россией и Турцией. Факторы, определяющие конфликтность в регионе, являются экзогенными (то есть внешними) по отношению к самому региону; речь идет о конфликтах более высокого уровня, которые оказывают негативное и стратегически устойчивое влияние на процесс регионального строительства.

Заключение. В процессе повышения уровня «региональности» территория из пассивного объекта трансформируется в активный субъект, способный артикулировать интересы формирующегося региона. В Европе такие процессы протекают одновременно, охватывая различные территории, что ведет к формированию структур многоуровневого управления. Тем не менее, как показывает европейский опыт, процессы регионального строительства не являются линейными и однонаправленными – от меньшего уровня «региональности» к большему. На разных пространствах Европы их развитие в высшей степени асимметрично. Некоторые регионы уже достигли уровня «региональных сообществ», для других пределом является уровень «регионального комплекса», наконец, третьи, в силу факторов, экзогенных по отношению к региону, оказываются «обречены» на существование в виду «регионального пространства». Такая асимметрия сохранится и в будущем.

МИКРОГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.Ю. ОКУНЕВ

При изучении географии мирового хозяйства традиционно апеллируют к примерам крупных образований, почти аксиоматично полагая, что малые страны обделены суверенитетом в его полноценном виде. На наш же взгляд, именно изучение микрогосударств и политий с проблемной государственностью (самопровозглашенных государств, самоуправляющихся территорий, анклавов и эксклавов, автономий, территориальных режимов и т.д.), то есть образований, обладающих минимальным или неполным набором атрибутов суверенности, более релевантно, поскольку позволяет исследовать явление в его крайних проявлениях. Попробуем вначале разобраться с особенностями внутренней и внешней легитимации отношений власти и общества в микрогосударствах, чтобы затем сделать общие выводы об экономико-географической специфике их государственности и роли в мировом хозяйстве.

Многообразие микрогосударств. Единого подхода к выделению микрогосударств пока не выработано. Обычно под ними понимают страны с населением менее миллиона человек (предел варьируется от полумиллиона до двух). Если принять этот критерий за основу, то в современном мире насчитывается 40 микрогосударств, состоящих в ООН. Большинство их расположено на островах Карибского (8) и Южно-Тихоокеанского (11) бассейнов, они встречаются во всех крупных регионах, кроме Северной Америки: 9 в Европе (Кипр, Черногория, Люксембург, Мальта, Исландия, Андорра, Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино), 3 в Азии (Бутан, Бруней, Мальдивы), 6 в Африке (Джибути, Коморы, Сейшель, Экваториальная Гвинея, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи), 3 в Латинской Америке (Гайана, Суринам, Белиз). Из выделенных микрогосударств 28 расположены на островах, и только шесть микрогосударств не были в недавнем прошлом колониями. По показателю ВВП на душу населения микрогосударства разбросаны с 1-го (Люксембург) по 153-е (Коморы) места (данные МВФ за 2010 г.), сосредоточившись в основном в середине списка (с 76-е по 135-е место). Демократиями можно считать 29 микрогосударств. К микрополитиям можно также отнести все зависимые территории, кроме Гонконга и Пуэрто-Рико, и почти все самоуправляющиеся территории.

По своему генезису микрополитии можно подразделить на следующие группы:

1. *Северные микрополитии* (Исландия, Фарерские о-ва, Гренландия, Аландские о-ва, Шпицберген) – образования, формировавшиеся викингами и унаследовавшие черты скандинавских политических систем. В таких микрополитиях ограничения по численности населения и статусности носят естественный характер и связаны с тяжелыми климатическими условиями и изолированностью территорий.

2. *Постфеодальные микрополитии* (Люксембург, Андорра, Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино, Мэн, Джерси, Гернси) – сохранившиеся элементы

эпохи феодальной раздробленности, в силу разных обстоятельств оказавшиеся на перекрестке интересов различных крупных держав, благодаря чему сумевшие сохранить автономность.

3. *Города-микрорепублики* (Макао, Гибралтар, Сеута, Мелилья, Акротири и Декелия, до недавнего прошлого также Сингапур и Гонконг) – это, как правило, бывшие порты морских империй, чей рост ограничивается размерами города. Такие образования наиболее близки к почти исчезнувшему типу территориальной организации политики «город-государство» (греческие и финикийские полисы, города-коммуны Италии, вольные города Германии, Данциг, Триест, Танжер, Фиуме и др.).

4. *Теократические микрорепублики* (Ватикан, Мальтийский орден, Афон) – остатки церковных государств и суверенных религиозных орденов, в которых размер государства не был важным критерием, поскольку обычно отсутствовал принцип гражданства. В прошлом к данному типу микрореспублик относились многочисленные примеры епископских княжеств (например, Кельн).

5. *Сецессионные микрорепублики* (Черногория, Бутан, Бруней, Джибути, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Северный Кипр и др.) – образования на различных континентах, сформировавшиеся в результате конфликта, приведшего к их отделению от более крупного образования. Как правило, такие образования существуют в своих бывших административно-территориальных границах.

6. *Островные микрорепублики* (в основном, государства и территории Карибского и Южно-Тихоокеанского бассейнов) – образования, чей рост естественным образом ограничен размерами островов и архипелагов. Это, как правило, бывшие колонии Великобритании, Франции, Нидерландов или подопечные территории США, которые унаследовали политическую культуру и систему метрополий.

Несмотря на некоторые общие черты всех типов микрореспублик, их политические черты различаются настолько сильно, что не позволяют изучать политическое своеобразие микрореспублик в целом. Это отражается и в практике работы международных организаций, выделяющих группу так называемых *малых развивающихся государств* (Small Island Developing States, SIDS). Так, в структуре ООН существует Канцелярия Высокого представителя ООН по наименее развитым странам, развивающимся странам, не имеющим выхода к морю, и малым островным развивающимся государствам (UN-OHRLS). Данная структура работает с 52 островными микрореспубликами. Существует также Альянс малых островных государств (AOSIS), лоббирующий интересы соответствующих стран в различных структурах ООН.

Особенности политик в микрореспубликах. Классический вопрос, связанный со сравнительным изучением микрореспублик – о соотношении размера государства и уровня развития демократии – впервые возникает еще в трудах Платона и Аристотеля. Древнегреческие ученые говорили о том, что население малых государств разделяет общие интересы, и это составляет основу для более эффективной демократии. Более

того, они считали, что существует некий предельный размер государства, при превышении которого демократия невозможна. Платон полагал, что страна должна быть достаточно малой, чтобы создавалось ощущение взаимосвязанности и взаимозависимости среди ее граждан, а Аристотель – что все граждане государства должны иметь возможность собраться в одном месте.

Дискуссия была продолжена в работах Монтескье и Руссо, которые в целом согласились с тем, что чем меньше государство, тем больше в нем демократии. Так, Монтескье писал о том, что республика (демократическая или аристократическая) может существовать лишь на небольшой территории. Это происходит оттого, что в больших республиках общественные блага связаны с множеством ограничений, в то время как в малых республиках общественные блага лучше осознаются гражданами или более доступны для них. В трудах Руссо размер государства также имел значение, так как философ поддерживал прямые формы демократии. Вслед за Аристотелем Руссо говорил о небольшом городе-государстве как о необходимой форме политического управления для прямого общественного участия. Его лаконичная формула, которой он завершает дискуссию о значении размера государства для демократии – «чем больше государство, тем меньше свободы» («plus l'Etat s'aggrandit, plus la liberté diminue»).

В наше время А. Лейпхарт также указывал на значение малого размера государства для консociативной формы демократии. Согласно Лейпхарту, малый размер напрямую повышает уровень кооперации и взаимодействия и, соответственно, способствует развитию консociативной формы демократии, сокращая число барьеров в процессе принятия решений. Противоположная точка зрения была высказана Дж. Мэдисоном в «Федералисте». Он утверждал, что малые образования более подвержены тирании большинства, в то время как в больших их гетерогенность приводит к усилению демократических процедур.

Главным теоретическим трудом по данному вопросу можно считать работу Р. Даля и Е. Тафта «Размер и демократия» (1973). Проанализировав многовековую дискуссию, авторы выделяют несколько областей, в которых размер может оказывать влияние на уровень развития демократии, а именно гражданское участие, безопасность и порядок, единство и разнообразие, общие интересы, лояльность, контроль над лидерами. Однако ученые признают, что прямой зависимости между размером и демократией нет даже во всех этих сферах. Так, например, и единство, и многообразие могут способствовать развитию демократии, а лояльность в зависимости от ситуации может считаться аргументом «за» или «против» демократии. Соглашаясь с тем, что в крупных государствах имеется дефицит чувства общности, Даль и Тафт указывают на разнородность конфликтов в больших и малых государствах. В малых – конфликты редки, но более опасны, так как «новые организации порождают новых лидеров, неспособных управлять конфликтом, противостоять друг другу»; а в больших – конфликты возникают между организациями, и процесс их разрешения формализован.

Анализируя системы коммуникации между элитами и гражданами, Даль и Тафт замечают, что в малых государствах их взаимоотношения должны быть симметричными, поскольку элита этих стран узнает о предпочтениях граждан напрямую. В то же время асимметричность взаимоотношений элиты и граждан в больших государствах компенсируется высоким потенциалом развития у членов сообщества специализированных навыков, что способствует повышению эффективности управления. В малых обществах гражданам легче выработать общие интересы. Вместе с тем, это снижает потребность в сильной оппозиции, концентрирует власть в руках единственной доминирующей политической организации и зачастую приводит к персонификации власти, сокращению полномочий законодательной власти и роли политических партий. С другой стороны, лидеры малых государств вынуждены напрямую взаимодействовать друг с другом, поэтому они стремятся минимизировать открытые противостояния. Иными словами, в малых государствах элите присущ больший внутренний консенсус, что способствует развитию демократии, поскольку снижает опасность дестабилизирующих фрустраций в политической системе. Кроме того, малый размер государства повышает активность ее граждан, так как возрастает значимость каждого голоса. Однако при этом гомогенность общества снижает конкуренцию на выборах. Наконец, говоря о безопасности, Даль и Тафт отмечают, что несмотря на снижение потенциала внутреннего насилия в малом государстве, у крупного имеется больше шансов на отражение внешней угрозы.

Даль и Тафт приходят к выводу, что предпосылки к развитию демократии есть как в малых, так и в больших государствах. Слабостью их работы можно считать недостаток эмпирической базы. В последнее время появились исследования, заполняющие этот пробел. Так, А. Гадениус, измеряя зависимость между размерами страны и уровнем развития демократии в 132 развивающихся государствах, заметил, что размер территории и численность населения коррелируют с демократией при двумерном анализе, однако при многомерном регрессионном анализе такой фактор, как размер государства, оказывается несостоятельным. Л. Даймонд указывает, что численность населения связана с уровнем развития демократии, если анализировать все страны мира, исключая бывшие британские колонии. Д. Отт в своем исследовании 222 наций вывела прямую зависимость между численностью населения и уровнем развития демократии. Общий вывод сводится к тому, что подобная зависимость менее всего прослеживается в федеративных и островных государствах.

Несмотря на то, что число демократий среди микрогосударств действительно выше, чем среди остальных стран (примерно 75 % против 60 %), до сих пор остается неясным вопрос, каким образом размер государства влияет на политический режим. Наиболее перспективные разработки по этой проблеме опираются на попытки анализа политических систем микрогосударств через сравнительный анализ использования в их государственном строительстве мажоритарной и консоциативной форм демократии, выделенных А. Лейпхартом.

Политико-территориальное устройство микрогосударств строится преимущественно на унитарном принципе, который можно считать лучше соответствующим мажоритарной форме демократии. В данном случае ограниченность размера напрямую влияет на политический режим, потому что сложно ожидать от микрогосударств значительной региональной дифференциации. Существующие примеры децентрализации связаны с малой компактностью государственного пространства в сильно территориально разбросанных странах-архипелагах (Кирибати, Вануату) или, как в случае с островными федерациями (Микронезия, Сент-Китс и Невис, Палау и недемократическими Коморскими островами), с фактическим переносом на региональный уровень функций местного самоуправления, совмещаемого с брендингом страны в международном сообществе в качестве федеративного государства. Наиболее ярким примером относительной децентрализации может служить Сан-Марино, где полуавтономные административно-территориальные единицы представлены историческими «замками» (castelli).

При выборе формы правления микрогосударства стремятся, как правило, к более близкой к мажоритарной демократии парламентской форме в силу большего влияния большинства в парламенте на исполнительную власть. Особняком здесь стоят европейские микрополитии с полупрезидентской формой правления, а также бывшие американские подопечные территории (Микронезия, Палау) и латиноамериканская Гайана с сильной президентской властью. В последних случаях это объясняется заимствованием институциональных паттернов метрополии или соседей.

Избирательные системы микрогосударств, как правило, мажоритарные. Исключением являются, главным образом, европейские «карлики», на политические системы которых оказывала сильное влияние пропорциональная избирательная система их соседей.

Большинство микрогосударств имеют однопалатные парламенты. Только в шести демократических микрополитиях (все они – бывшие британские колонии) за частью депутатов закреплена их привязка к территории, и только в Палау существует двухпалатный парламент с полноценным органом, представляющим интересы регионов (скорее муниципалитетов в нашем понимании). Но это опять же скорее дань политической традиции.

Гомогенность населения микрополитий не предполагает квотирования мест в парламенте для определенных социальных или этнических групп, однако имеются исключения. Например, в Кабо-Верде избираются представители от европейской, американской и африканской диаспор. В Самоа квота зарезервирована за жителями несамоанского или частично самоанского происхождения. Самый интересный случай наблюдается в Кирибати, где одно место в парламенте оставлено для представителя переселенных на Фиджи жителей острова Банаба, практически полностью, как и государство Науру, разрушенного в результате добычи фосфоритов.

В процессе принятия поправок к конституции почти все микрогосударства, за исключением Исландии и Гайаны, где для этого требуется простое большинство в парламенте, следуют модели референдумов или минимума

в две трети парламентских голосов поддержки. То есть в данном вопросе более выигрышна консоциативная модель демократии. По-видимому, микрогосударства именно в силу своего размера создают идеальные условия для установления таких элементов прямой демократии, как, например, референдумы. Сплоченность – их неотъемлемая черта, что способствует осведомленности населения о местной политической жизни.

Таким образом, можно прийти к выводу, что микрогосударства действительно более предрасположены к демократии в силу того, что их малый размер позволяет им в политическом процессе опираться на мажоритарные формы демократии, и только по вопросам изменения политической системы прибегать к процедурам консоциативной демократии. Малый размер предполагает меньшую дифференциацию в политическом поведении, а значит, большую солидаризацию населения; в таких условиях мажоритарная демократия оказывается более эффективной. В то же время в период политических фрустраций малый размер действует против гомогенности политических взглядов жителей микрогосударств, поскольку в небольших сообществах быстрее происходит поляризация взглядов, и это требует наличия консоциативных механизмов для нахождения консенсуса в период политического кризиса. Следует иметь в виду и другие предпосылки мажоритарной демократии – это типичное для многих из них колониальное наследие британской мажоритарной политической системы и островная изолированность, которые, наряду с малым размером, повышают предрасположенность к политической гомогенности, а значит, и мажоритарной демократии.

И все же, говоря о политических системах микрогосударств, нельзя ограничиваться внутренними факторами их формирования. Для данной группы политий, как правило, более значимыми являются внешние факторы. Всемирный банк выделяет следующие отличительные черты микрогосударств, большая часть которых связана именно с внешними аспектами их государственности:

- периферийность и изолированность географического положения, приводящая к высоким издержкам на транспортные услуги и ограниченности внутреннего рынка;
- недостаточная диверсификация экономики, вызванная ограниченной ресурсной базой и специализацией экспорта;
- сильная зависимость от внешних рынков и колебаний мировой экономики;
- наличие высоких рисков катастроф природного характера, затрагивающих почти все небольшое население политии: ураганов, циклонов, засух, вулканических извержений, цунами;
- высокая доля издержек на поддержание государственного аппарата и низкий потенциал смены элит.

Таким образом, размер является решающим критерием в развитии микрогосударств, способствует их большей демократичности, однако может тормозить развитие. Попутно необходимо подчеркнуть, что микрогосударства ставят под сомнение тезис о взаимосвязи демократии и уровня

благополучия. Формирование государственности в сверхмалых полициях опосредовано, как правило, наличием противоборствующих начал: колониальным прошлым и глобализацией. Характеризируя процесс освоения государственности в микрополициях в целом, можно сделать вывод о том, что государственность для этих стран является реакцией на дихотомию их политико-территориального положения. Это существование импортированных колонизаторами или более сильными соседями политических институтов и культуры и требование либерализации политической сферы, с одной стороны, и необходимость формирования собственных идентичностей – с другой. Баланс между ориентацией микрогосударств на демократическое развитие по западным образцам и стремлением сохранить самобытность становится необходимым условием сохранения их суверенности.

Мы можем сделать предварительный вывод о том, что для микрогосударств их размер становится не препятствием, а акселератором суверенности, поскольку предоставляет им дополнительные возможности для внутренней легитимации при условии, что такие государства не копируют слепо политическую систему своей бывшей метрополии.

Микрогосударства в мировом хозяйстве (пример трех микрогосударств Европы). В современном мире внешняя легитимация микрогосударств, в первую очередь, связана с их встраиванием в глобальную экономику. В последние три десятилетия множество микрогосударств показали значительный рост экономики и социального обеспечения. Это свидетельствует о том, что размер территории не мешает росту, вопреки большому количеству вызовов, принимаемых малыми странами. Глобализация представляет собой значительную угрозу сохранению самобытности успешных островных государств. Но в то же время неудачная попытка встроиться в глобальные процессы может означать изоляцию от положительных изменений, которые приносит глобализация. В этом случае эти государства оказываются отброшенными далеко на экономическую и географическую периферию мира.

Можно выделить следующие детерминанты социально-экономического развития микрогосударств (или в экономических терминах - конкурентные преимущества): открытость, секторальная специализация, гибкость, восприимчивость к изменениям в мировой экономике и сильная включенность в региональные интеграционные процессы.

Микрогосударства Европы на сегодняшний день являются одними из самых развитых государств с высокими показателями ВВП на душу населения. Особенность экономического развития этих стран заключается в том, что они имеют сравнительно узкую специализацию и высокий уровень развития инфраструктуры. Большинство из этих государств не располагает достаточными природными ресурсами, поэтому они специализируются на наукоемких отраслях и активно развивают непроемкие сферы экономики (кредитно-финансовую деятельность, гостиничный бизнес, туризм). Таким образом, основой специализации большинства микрогосударств является сфера услуг. Это подтверждается статистическими данными. Доля экономически активного населения, занятого в сфере услуг,

в Монако составляет 90 %, в Люксембурге – около 86 %, в Андорре – 78 %, на Мальте – 74 %, в Исландии – 69 %, в Лихтенштейне – 55 %, в Сан-Марино – 51 %. Примечательно, что в Андорре, Сан-Марино и Монако на одного местного жителя приходится около ста туристов.

Успешные малые государства специализируются на тех товарах и услугах, которые базируются на их высоком человеческом капитале. Для таких государств важно повышать уровень образованности населения, так как они не могут рассчитывать на рост экономики на основе включения большего числа рабочих в производственный процесс. Для малых стран необходимо увеличивать свои сравнительные преимущества предпологает, что их успешное развитие основывается на экономической модели, ориентированной на один сектор.

Сплоченность общества и политическая гибкость стимулируют экономическое развитие. Тем не менее, отдаленность и изоляция отрицательно влияют на экономический рост из-за высоких затрат на транспорт и коммуникации, да и само успешное развитие, как ни парадоксально, усиливает экономическую уязвимость из-за более сильной зависимости от торговли и международного сотрудничества. Препятствием для экономического развития микросоударств является, конечно, и существующая асимметрия в мировой торговле, приводящая к диктату стран ОЭСР. Противодействовать этому микросоударства могут, только усиливая диверсификацию экспорта и региональную кооперацию.

Зарубежные инвестиции являются одним из самых важных факторов их развития хозяйства, так как они привлекательны для иностранных капиталовложений. Основные причины – стабильная политическая и макроэкономическая ситуация, четкое функционирование правовой системы и низкое налогообложение. Многие микросоударства являются оффшорными зонами. Так, например, в Люксембурге размещено около 1000 инвестиционных фондов. А Андорра, Монако и Лихтенштейн являются так называемыми налоговыми убежищами (государства, в которых резиденты других стран обходят налоговую систему).

Для микросоударств Европы важна международная миграция рабочей силы. Ввиду того, что эти микросоударства – развитые страны с высоким уровнем жизни, их граждане в основном хорошо образованы и являются высококвалифицированными работниками. Однако из-за небольшой численности населения эти государства вынуждены импортировать рабочую силу. Уровень безработицы в микросоударствах чрезвычайно мал и редко поднимается выше 4 %. Например, в 1997 г. в Монако работы не было всего у 35 человек.

Рассмотрим для примера экономики Люксембурга, Лихтенштейна и Андорры.

В экономике Люксембурга основное место занимает сфера услуг (финансы и торговля). Раньше важнейшую роль играла черная металлургия, однако постепенно сфера услуг, на которую ныне приходится 86 % ВВП, вытеснила металлургическую отрасль. Около 80 % производимых в стране товаров предназначено для экспорта. Экспорт услуг на 2012 г. составил

69,7 млрд евро, или 1,6 % его мирового объема. Основная статья импорта – электроэнергия, которая не производится на территории государства, и энергоносители. Особое внимание уделяется высокотехнологичным отраслям: информационным технологиям, электронной торговле, производству автомобильных компонентов, разработке экологических технологий и «технологий» здоровья. Открыт ряд научных центров, где готовят высококвалифицированных специалистов. Люксембург – инновационный технологический центр металлургии, стеклянной, фарфоровой и цементной промышленности. Многие зарубежные компании имеют там крупные заводы и исследовательские центры. Особое значение принадлежит наукоёмким предприятиям, специализирующимся на выпуске деталей для автомобильного производства, так как Люксембург занимает выгодное транспортное положение на пересечении путей между Бельгией, Нидерландами, Францией и Германией.

Люксембург – один из лидеров по привлечению иностранных инвестиций, чему способствует благоприятный инвестиционный климат. Он является первым по величине международным центром управления частными финансами в еврозоне, вторым по привлечению инвестиций (после США), восьмым среди финансовых центров мира. Около 70 % рабочих в Люксембурге – иммигранты. Эта страна привлекательна для работников из зарубежных государств своим высоким уровнем жизни, системой социального обеспечения, благоприятными условиями оплаты труда, политической обстановкой и возможностью использования многих языков.

Лихтенштейн называют «маленьким экономическим гигантом» – ведь именно эта страна в последние годы занимает одно из ведущих мест по уровню ВВП на душу населения благодаря развитому сектору финансовых услуг. Главная отрасль сферы материального производства Лихтенштейна, как и в Люксембурге, – наукоёмкая обрабатывающая промышленность (приборостроение, оптика, производство техники, электронных систем, процессоров). Она ориентирована главным образом на экспорт в страны Евросоюза и Швейцарию. По промышленному производству на 1 км² территории княжество занимает первое место в Европе. В промышленности занято 45,2 % трудоспособного населения. Основные статьи импорта – машины и оборудование, текстиль и продовольствие (преимущественно также из стран ЕС и Швейцарии).

Число зарегистрированных в Лихтенштейне иностранных компаний превышает численность жителей государства. Наряду со Швейцарией, княжество является самым привлекательным налоговым убежищем Европы. Закон о банках устанавливает наказание за нарушение банковской тайны в виде лишения свободы на 5 лет. При этом неуплата налогов не квалифицируется как преступление.

Основа экономического развития Андорры – туризм, в сфере которого занято 94 % населения. Ежегодно это государство посещают около 9 млн туристов, преимущественно из Испании и Франции. Благодаря беспопыльной торговле эти же страны являются и основными внешнеторговыми партнерами Андорры. Основные статьи экспорта – табачные изделия и мебель,

импорта – потребительские товары, продовольствие, электроэнергия. На долю Евросоюза приходится 85 % импорта и 90 % экспорта.

Общие сильные стороны экономики всех трех микрогосударств, как и во всех современных развитых капиталистических государствах – высококоразвитая сфера услуг (особенно банковско-финансовая деятельность) и наукоемкое производство. Важны также доходы от туризма. Все эти три страны – «налоговый рай» для иностранных инвесторов, они отличаются благоприятным инвестиционным климатом, низким уровнем налогообложения.

Микрогосударства Океании: место в современном мире.

Формирование государственности в постколониальных микространах определяется противоборствующими началами: наследием колониального периода и либерализацией (деколонизацией). По наблюдению Стефарда Фирта, чем выше была стратегическая ценность островной территории, тем меньше вероятность ее превращения в самостоятельную суверенную единицу [Firth, 1989]. Так, Новая Каледония и Гуам, принадлежащие к наиболее развитым территориям Океании, до сих пор остаются колониями. Страны Океании стремятся совместить ориентацию на демократическое развитие по западным образцам с сохранением самобытности вплоть до политики изоляционизма, их народы зачастую изображаются «опоздавшими» к включению в глобальные мировые процессы (latecomers in a global grand narrative of anti-colonial struggle) [Robie, 1989].

Становление государственности во многих случаях осложнялось значимым культурным и лингвистическим размежеванием, препятствовавшим формированию общегосударственной идентичности – например, на Соломоновых островах и в Вануату. Трудности возникали также там, где сохранилась большая численность переселенцев из Европы и Азии. Например, на Фиджи существуют противоречия между автохтонным населением и эмигрантами из Индии, которые составляют около 40 % жителей архипелага. Даже в таких культурно однородных образованиях, как Самоа, политическая жизнь традиционно развивается на локальном уровне, а становление централизованной государственной власти наталкивается на ряд объективных трудностей.

Ситуацию в Океании можно описывать в терминах неокOLONИализма: суверенитет государств признан мировым сообществом, однако влияние бывших метрополий и других внешних сил в значительной мере сохраняется. Заинтересованные государства (в первую очередь – США, Япония, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Франция) вкладывают средства в развитие рентабельных для них отраслей. В результате микрогосударства Океании сильно зависят от внешней торговли.

Влияние иностранного капитала на общественную жизнь ставит под угрозу самостоятельность островных государств. Вместе с тем, экономическая зависимость имеет и позитивное значение. Вкладывая капиталы в экономику стран Океании, крупные государства способствуют развитию

инфраструктуры, сервиса, транспортной и коммуникационной сетей, знакомят местное население с новыми технологиями.

Исторический опыт микрогосударств Океании опровергает тезис о взаимосвязи демократии и уровня благосостояния. Баланс между ориентацией микрогосударств на демократическое развитие по западным образцам и стремлением сохранить самобытность становится необходимым условием сохранения их суверенности. Во многих океанийских языках понятие суверенитет выражается через слово «мапа» или родственные ему. «Мапа» означает некоторую форму сверхъестественной силы. Этот интересный факт наталкивает на мысль, что для микрогосударств Океании внешние аспекты легитимации их режимов (в первую очередь, признание бывшей метрополий и остальным миром) весомее внутренних. Ориентируясь на форсированную модель государственного строительства, микрогосударства вынуждены выбирать из скудного арсенала атрибутов те, на основании которых возможно было скорее сформировать легитимную власть.

Тип хозяйства микрогосударств Океании предопределен тремя факторами – географической удаленностью, наследием колониализма и благоприятными природными условиями. Преобладает экономика аграрного типа, которая не ориентирована на новации и использование достижений глобализации. Валютные поступления обеспечиваются главным образом сбытом урожая сельскохозяйственных культур в близлежащие страны.

Вопрос о перспективах государственности в Океании весьма неоднозначен. С одной стороны, ряд авторов, в частности Д. Роби, придерживаются оптимистичного сценария, согласно которому политические институты будут развиваться, процессы принятия политических решений станут более либеральными, стремление к самоопределению государств активизируется [Robie, 1989]. Другие исследователи полагают, что такие надежды не оправданы, а имеющиеся ограничения развития не только не приведут к решению существующих проблем, но и будут способствовать появлению новых.

Развитие микрогосударств определяют фундаментальные пространственные факторы. В основании их иерархии находятся физико-географические факторы, создающие общие контуры территориальных размежеваний. Далее следуют группы этногеографических, экономико-географических и социально-географических факторов, которые определяют основные особенности функционирования описываемых стран. Наконец, на самой вершине пирамиды располагаются политико-географические факторы, влияние которых неуклонно возрастает.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.Л. БАБУРИН

Введение и постановка проблемы. В завершающей фазе 5-го кондратьевского цикла и формирования предпосылок для развертывания 6-го активизировались процессы транснационализации, интеграции, роста мобильности населения и факторов производства (капитала, товаров, услуг и т.п.), неустойчивости экономической конъюнктуры и возрастающей стохастичности самого развития современной цивилизации. Все это получило обобщающее терминологическое понятие «глобализация». Ее основными признаками традиционно считаются:

- монополизация мировых рынков транснациональными корпорациями и мультинациональными банками;
- монополизация экономики, финансов, информационных сетей, сфер обслуживания, самого образа жизни людей;
- разрушение национальных государств, утеря национальной и территориальной идентичности, включая экономические районы;
- нарастающие признаки краха среднего класса и как следствие возникновение новых форм бедности;
- обострение и синхронизация всех частных кризисов, ведущие к нарастанию рисков глобальных катастроф;
- уменьшение разнообразия и как следствие увеличение угрозы захода в цивилизационный тупик.

Все это позволяет говорить о том, что глобализация по самой своей сути исключает возможность перехода к практической реализации концепции устойчивого развития.

Гипотеза исследования. В условиях глобализации происходит размывание факторного пространства районообразования [Бабурин, 2011], утеря экономико-географической идентичности, целостности и устойчивости районов.

Если говорить о сущности глобализации, то вслед за В.И. Лениным можно повторить, что виновником нарастающей неустойчивости общественно-экономического развития является империализм. В России он приобретает особо изощренные формы, срачиваясь с госаппаратом, опираясь в значительной мере на компрадорскую буржуазию, эксплуатирующую природные и человеческие ресурсы. В результате в относительно развитой империалистической стране формируется экономика колониального типа.

Что же такое империализм по сути? В.И. Ленин выделял следующие его признаки: концентрация капитала, создающая монополии, господствующие в хозяйственной жизни; появление финансовой олигархии; массовый вывоз капитала; образование международных монополистических союзов капиталистов, делящих между собой мир; окончание территориального раздела мира крупнейшими капиталистическими державами [Ленин, ПСС]. Иными словами, империализм есть глобальный капитализм. Во многом

именно как альтернатива ему в условиях дискредитации коммунистической идеи и была выдвинута концепция устойчивого развития. Однако, в условиях, когда этой концепции противостоит вся мощь современного капитализма с его целевой установкой на прибыль и максимизацию потребления, реализация концепции крайне маловероятна.

Ситуацию дополнительно усугубляет комплекс так называемых новых признаков глобализации:

- рост коммуникационных возможностей;
- становление системы мировой экономики (в первую очередь, финансового сектора), работающей в режиме реального времени;
- усиление процессов межкультурных взаимодействий и нарастание конфликтности;
- снижение роли государства в международных отношениях;
- становление глобализма как формы общественного сознания, то есть утрата национальной и территориальной идентичности («люди мира»);
- нарастание социального и территориального расслоения;
- рост общей неустойчивости развития и др.

Все это делает перспективы устойчивого развития нулевыми. Уровень необходимого для эволюции разнообразия стремительно снижается.

Районное кредо как коллективное видение территориальной дифференциации в советской экономической географии. Глобализация, стремительно меняющая мир, ставит ряд неприятных вопросов и перед «районной школой» экономической географии.

В какой степени процессы транснационализации и мультикультурализма размывают границы районов и их специализацию?

Какова степень устойчивости районов в условиях полициклизма современного экономического развития, характерного для нерегулируемого рынка?

Есть ли сама возможность трансформации экономических районов в более сложные и устойчивые территориальные образования, например, территориальные природно-хозяйственные системы (ТПХС) в условиях постиндустриального этапа развития общества?

Во все времена, когда происходило реформирование экономики Российской империи, СССР или РФ (будь то середина XIX, начало XX или рубеж XX–XXI вв.) для научного обоснования ее пространственных форм большое значение приобретала экономическая география («районная школа») или ныне ее значительно потеснившая региональная экономика. Хозяйственная деятельность всегда различалась по территориям страны в зависимости от комплекса естественноисторических и социокультурных факторов. Технологические и гуманитарные инновации, создавая агрессивные инновационные пространства, перемалывают унаследованное от предыдущих этапов развития факторное пространство [Бабурин, 2011]. Именно поэтому представление о стране складывается из глубоких и всесторонних знаний ее районов во всей многослойности их иерархии (мега-, макро-, мезо-, микро-, локалитеты/промузлы, промпункты...). В данной статье мы будем говорить только об одном слое – макрорайонах. Но каких?

В статье «Набросок плана научно-технических работ» В.И. Ленин обращает внимание на важность рационального размещения «...промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта» [Ленин, 1967, с. 229]. При этом он рассматривает районообразующий процесс как одну из сторон общественно-исторического процесса, как объективно развивающиеся системно-структурные хозяйственные территориальные образования. Территориальная организация хозяйства, по В.И. Ленину – это результат роста общественного разделения труда и усиления территориальной дифференциации производства.

Г.М. Кржижановский считал, что при выделении экономического района определяющим должен служить *перспективный план его хозяйственного развития* с учетом новых форм использования энергии (электрификация) и транспортной связи (сверхмагистрالی) [Кржижановский, 1959]. В современной терминологии это учет влияния НТР на территориальное развитие. Районы должны специализироваться на тех отраслях, которые в них могут быть развиты наиболее полно, а обмен между районами ограничивается строго необходимым количеством целесообразно направленных товаров.

И.А. Александров полагал, что экономическое райони́рование предполагает учет таких районообразующих факторов, как климат и почвы, гидрографические и тектонические особенности, промышленность, концентрация поселений и транспорта. Важно также *выделение района как экономической законченной территории* с комбинацией из природных особенностей, капитальных ценностей, населения с его хозяйственной деятельностью, что позволяет использовать максимум возможностей с минимальными затратами. Еще один признак – *специализация районов на определенных отраслях и межрайонный обмен*, ограничивающийся необходимым количеством целесообразно направленных товаров [Александров, 1924].

На этом идейно-научном основании в дальнейшем сформировалась и получила широкое распространение советская районная школа, в центре внимания которой находились вопросы теории и практики территориальной организации производительных сил (ТОПС) и райони́рования хозяйства. На этом поприще работали П.М. Аламшиев, Э.Б. Алаев, Н.Н. Баранский, Т.М. Калашникова, В.В. Кистанов, Н.Н. Колосовский, П.В. Комар, О.А. Константинов, А.М. Лаврищев, А.А. Минц, И.В. Никольский, А.Е. Пробст, Ю.Г. Саушкин, Е.Д. Силаев, В.Г. Удовенко, Я.Г. Фейгин, А.Т. Хрущев и многие другие. Рассмотрим работы некоторых из них.

Н.Н. Баранский считал, что экономическое райони́рование является неотъемлемой частью региональной экономики, а сам процесс районообразования происходит под совокупным воздействием системы факторов производственного, ресурсного, социального и политического характера. В свою очередь, *территориальное разделение труда (ТРТ)* – один из важнейших элементов районообразования, *интегрирующий районные специализации и связи между специализирующимися территориями* [Баранский, 1926].

Наиболее известен вклад в отечественную районную школу Н.Н. Колосовского, прежде всего, разработкой теории ПТК (ТПК) и ЭПЦ. Обобщив опыт предшествующих исследований, а также практические результаты своих исследований в разных районах страны, он впервые дал научное представление *о территориально-производственных комплексах (ТПК) как основе районообразующего процесса*. С точки зрения развития идей промышленного районирования особенно велика роль введенных им в науку понятий о взаимообусловленном и простом территориальном сосуществовании производств, «вертикальных» и «горизонтальных» связях, о типах производственных процессов и энергопроизводственных циклах [Колосовский, 1969].

По мнению В.М. Четыркина, методы отраслевого и районного исследований находятся в диалектическом единстве и неразрывны друг от друга. *Районирование начинается с выявления набора признаков для выделения районов (масштабы производства, комплексность, специализация и т. д.)*. Далее создается таксономическая система, состоящая из определенного числа ступеней. После этого проводится выделение границ районов, зависящее в том числе от влияния основных экономических и энергетических центров, а также природных районов и границ [Четыркин, 1957].

А.П. Алампиев рассматривал экономическое районирование как *основу территориального планирования народного хозяйства*, а также построения *системы управления народным хозяйством по территориальному принципу* [Алампиев, 1961].

Основные работы И.И. Белоусова связаны с транспортными проблемами и межрайонными связями в СССР. Он считал, что одной из важнейших народнохозяйственных проблем и основной проблемой конструктивной экономической географии является *оптимальное комплексное развитие и размещение производительных сил*. Эта проблема глобальная, но методы решения, предложенные в СССР и за рубежом, охватывают ее не полностью, не обеспечивая народнохозяйственного оптимума. И.И. Белоусов предложил для решения проблемы оптимального комплексного развития и размещения хозяйства метод больших экономико-географических систем (БЭГС), основанный на идеях экономического районирования с использованием принятых в мировой практике технико-экономических расчетов проектирования, с оптимизацией методами линейного программирования [Белоусов, 1976].

По А.М. Колотиевскому, экономическое районирование – это деление народного хозяйства страны или ее региона *на относительно самостоятельные системы, отличающиеся своеобразной экономической целостностью, исторически сложившейся на основе общих и локальных условий* [Колотиевский, 1969].

По Т.М. Калашниковой, основа районирования – *хозяйственно-территориальный комплекс (ХТК), который сочетает в себе объекты как производственной, так и непроизводственной сферы*. Именно ХТК определяет содержание экономических районов. Среди уровней ХТК особое внимание уделяется районным комплексам (РПК). В качестве районообразующих

факторов ею выделялись природные условия и ресурсы, производственные отношения, территориальное разделение труда, созданные материальные ценности, влияние правовых и государственных органов, трудовые ресурсы. Особое значение имеет национальный фактор, поскольку районирование проводится в пределах национальных границ [Калашникова, 1982].

По В.В. Кистанову, *развитие производительных сил и рост валового продукта является причиной устаревания больших по площади районов, которые требуют разукрупнения*, т.к. отдельные группы регионов внутри существующих районов должны выделяться в самостоятельные районы. В работе отмечена важная роль центров в формировании хозяйственного комплекса района. При этом роль узлов района Кистанов отводит не только крупнейшим городам районов, но и более мелким региональным центрам [Кистанов, 1981].

По Э.Б. Алаеву *«экономический район есть территориально-производственный комплекс с эффективной народнохозяйственной специализацией»*. В этом определении важны три момента: наличие производственной специализации района, взаимосвязи между отраслями производства внутри района, а также между производством и местными территориальными условиями, и, исходя из предыдущих двух пунктов, народнохозяйственная эффективность специализации района. *Комплексность района определяется экономическим единством, целостностью, общностью экономической жизни, экономической связанностью* [Алаев, 1965].

О.И. Кибальчич рассматривал экономическое районирование как важное звено территориальной организации производительных сил СССР, связанное с разработкой планов экономического и социального развития страны, направленное на выявление и обеспечение общесоюзной специализации экономических районов [Кибальчич, 1979].

По П.Я. Бакланову, в основе экономического районообразования лежат процессы *территориально-производственного комплексобразования на локальном и районном уровнях*, а их узловым звеном являются территориальные структуры хозяйства (ТСХ), представленные линейно-узловыми производственными системами с рыночной ресурсной и потребительской структурой. При этом основные критерии разграничения отдельных процессов районообразования – теснота и устойчивость связанности, степень пересечения территориальных зон связанности и рыночных зон. Главный принцип – достижение целостности района на основе ТСХ, в которой можно выделить звенья, представляющие специализацию района и обслуживающие его структуры [Бакланов, 2007].

М.Т. Романов стоит на позиции, что *«...многоуровневое экономическое районирование, адекватно отражающее изменившиеся политико-экономические условия в стране и ее географически дифференцированные свойства, является эффективным инструментом территориальной организации хозяйства и населения, основой упорядочения административно-территориального устройства с целью их приближения к ресурсной, финансовой самодостаточности и экономической, демографической равновесности...»*

[Романов, 2006, с. 57], что сближает его с подходом Бакланова. С этим в целом можно согласиться.

Таким образом, большинство специалистов придерживается мнения, что район имеет признаки территориального комплекса, является единицей планирования и управления и участником территориального разделения труда.

Современные социально-экономические процессы и район.

Неравномерность развития отдельных отраслей и территорий, свойственная капитализму, фактически не дает возможности комплексного развития. Кроме того, этому препятствует разделенность собственности. Циклы конъюнктуры постоянно меняют базовые условия специализации районов и характер межрайонных связей. Поэтому фактически следует говорить о трех уровнях специализации в условиях глобализации:

- *устойчивые (ядерные) специализации*, которые даже при самой неблагоприятной конъюнктуре сохраняют ее за счет низких издержек;
- *неустойчивые (субъядерные) специализации*, которые сильно «сжимаются» при неблагоприятной конъюнктуре;
- *«мерцающие» (периферийные) специализации*, возникающие лишь при очень благоприятной конъюнктуре и исчезающие даже при незначительном ее ухудшении.

Важно понимать, что, как правило, все три уровня специализаций в различных комбинациях и на разных временных отрезках присутствуют в крупных (макро-) районах. Из этого следует, что при благоприятной конъюнктуре пространство специализаций размывается и нарастает универсальность экономики районов, так как, условно говоря, «включаются» полупериферийные и периферийные специализации. При неблагоприятной конъюнктуре, напротив, нарастает их моноспециализация за счет вымывания сначала периферийных, а в случае затяжного и глубокого кризиса и полупериферийных специализаций.

Вслед за специализациями в условиях глобализации и ориентации на конъюнктуру все менее устойчивыми становятся связи, за исключением тех, которые технологически обусловлены (как правило, это относится к естественным монополиям). В такой ситуации на первый план выходят задачи оценки, а лучше – расчетов совокупных издержек производственной деятельности по отраслям и районам. В общем случае экономические издержки производства товара зависят от количества используемых ресурсов и цен на услуги факторов производства. Изменение цены ресурса или применение более инновационной технологии неизбежно отразятся на величине минимальных затрат на производство такого же объема продукции. Таким образом, функция издержек связана с производственной функцией. При этом минимизация затрат на производство любого данного объема продукции частично зависит от производства максимально возможного объема продукции при данной комбинации факторов [Пиндайк, Рубинфельд, 2000; Теория фирмы, 1995].

Тогда в качестве внешних издержек будут выступать платежи за ресурсы, внешнюю продукцию и услуги. К ним относятся, например, заработная плата работникам по найму (не входящим в число работников фирмы),

оплата сырья, энергии, полуфабрикатов, кроме собственной добычи или производства, и др. Внутренние издержки учитывают только собственные ресурсы без затрат на труд или услуги лиц, не находящихся в составе данной компании.

Выделим из теории издержек то, что наиболее значимо для оценки влияния природных факторов на хозяйственную деятельность. Прежде всего, это стоимость ресурсов (включая трудовые, которые имеют разную цену в зависимости от природных условий, например, в силу наличия северных коэффициентов), затраченных на производство продукции, которая формирует издержки производства. Все издержки в условиях ограниченности ресурсов по природе своей альтернативны. Поэтому они чувствительны к конъюнктуре цен и факторам окружающей среды.

Немаловажную роль, а в рамках нашей задачи – определяющую – играет фактор времени. В краткосрочном периоде, когда все факторы производства, кроме одного, условно остаются неизменными, различают совокупные, постоянные и переменные издержки производства на весь объем выпуска и на единицу продукции. С увеличением объема производства постоянные издержки меняются незначительно, в том числе и связанные с природными факторами. В рамках жизненного цикла продукта переменные и совокупные издержки сначала растут быстро, затем темп их роста замедляется, затем под действием закона убывающей отдачи они вновь начинают быстро расти.

В долгосрочном периоде все издержки производства являются переменными. При этом долгосрочные средние издержки производства – это затраты факторов производства на единицу продукции в долгосрочном периоде. Динамика долгосрочных средних издержек, в свою очередь, зависит от эффекта масштаба (увеличения объема выпуска). Различают положительный эффект масштаба, когда при увеличении объема выпуска средние издержки производства снижаются; и отрицательный эффект, если при увеличении объема выпуска средние издержки возрастают, как в горнодобывающей промышленности по мере истощения наиболее экономичных и близко расположенных ресурсов. Возможен и вариант постоянной отдачи от масштаба, когда при возрастании объема выпуска издержки производства единицы продукции не меняются. Эти издержки чувствительны как к циклам конъюнктуры, так и к циклическим изменениям в состоянии окружающей естественноисторической и социокультурной среды.

Таким образом, категория издержек производства позволяет измерять влияние территориальных природных и социально-экономических факторов, включая их экстремумы, фактора экономико-географического положения. Учет пространственной проекции циклов конъюнктуры позволяет оценивать динамику эффективности хозяйственной деятельности в том или ином регионе. Более того, оставляя в стороне динамику среднеотраслевых совокупных издержек, которая зависит, в первую очередь, от научно-технического прогресса (инновационной активности предприятий), мы можем прогнозировать изменения доли географических составляющих в интегральных издержках.

Следует также помнить о кардинальном отличии экономико-географического подхода от экономического. Фокус исследовательского внимания экономистов сконцентрирован на корпоративных издержках, а географов – на народнохозяйственных социально-экономических издержках, в том числе и тех, которые должны обеспечивать устойчивость территориальных природно-хозяйственных систем (ТПХС).

Описание модели. Обозначим теперь совокупные издержки (И) как:

$$И = И\alpha + И\beta + И\Delta\beta \quad (1)$$

где, $И\alpha$ – совокупные среднеотраслевые издержки; $И\beta$ – географически обусловленные издержки; $И\Delta\beta$ – издержки (невозвратные), связанные с природными и социально-экономическими аномалиями¹. Тогда:

$$И\beta = И\kappa + И\gamma + И\gamma m + ИЕGR + Исс + Иetc. \quad (2)$$

где, $И\kappa$ – издержки, обусловленные климатом; $И\gamma$ – издержки, обусловленные гидрологическими процессами; $И\gamma m$ – издержки, обусловленные геоморфологическими процессами; $ИЕGR$ – издержки, обусловленные экономико-географическим положением; $Исс$ – издержки, обусловленные циклами конъюнктуры²; $Иetc.$ – издержки под влиянием прочих непроизводственных факторов (их можно рассматривать и как нераспределенный остаток).

Влияние природных и социально-экономических аномалий на издержки (прежде всего, невозвратные) может быть записано в виде:

$$И\Delta\beta = И\Delta\kappa + И\Delta\gamma + И\Delta m + И\Delta\gamma m + И\Delta\kappa\kappa + И\Delta etc. (3)$$

где $И\Delta\kappa$ – дополнительные³ издержки, обусловленные климатическими аномалиями; $И\Delta\gamma$ – дополнительные издержки, обусловленные аномальными гидрологическими процессами; $И\Delta\gamma m$ – дополнительные издержки, обусловленные аномальными геоморфологическими явлениями; $И\Delta\kappa\kappa$ – дополнительные издержки, обусловленные циклами конъюнктуры; $И\Delta etc.$ – прочие дополнительные издержки, обусловленные непроизводственными факторами (их можно рассматривать и как нераспределенный остаток).

Для дальнейшего исследования примем ряд допущений.

1. Среднеотраслевые издержки одинаковы для всех регионов, так как они, в первую очередь, определяются технологическим укладом, включая инновационную активность конкретных предприятий, и рассчитываются как среднестрановые или средние по мировой экономике по каждой отрасли.

2. Учитывая диспропорционально высокий удельный вес некоторых регионов с высоким уровнем концентрации отрасли (особенно в горнодобывающей промышленности), в случае невозможности выйти на уровень

¹ Чаще всего оцениваются как ущербы для хозяйства и населения (включая потерю здоровья и жизни).

² Циклы конъюнктуры в зависимости от географического положения по-разному воздействуют на издержки производства (хозяйственная деятельность в зонах экстремальных условий к ним более чувствительна).

³ Растущие или снижающиеся.

предприятий более предпочтительным будет, по аналогии со СНИПами ¹, принять издержки хозяйствующих субъектов в среднем регионе (например, в Центральном экономическом районе для России) за единицу, отсчитывая от этого уровня повышение или снижение их за счет совокупности географических факторов.

Тогда +/-ΔИ – следствие природных условий и ЭГП (2).

Ущерб/доп. доходы, рассчитываемые МЧС или лабораторией природных рисков географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, рассматриваются как +/-ИΔβ (1).

Важно подчеркнуть, что учитывать необходимо не только воздействия на хозяйствующие субъекты, но и нарушение целостности системы (ТПХС) как единого хозяйственного организма. Под этим понимается та часть Иβ и ИΔβ, которая определяется деградацией транспортно-коммуникационной сети (например, снижением длительности работы ледовых переправ и зимников под влиянием глобального потепления (Иβ), или разрушением мостового перехода во время половодья (ИΔβ), или невозможностью судоходства по рекам в связи с засухой). Особенно значимыми для хозяйства и населения России, Канады и Аляски могут оказаться последствия деградации вечной мерзлоты в Арктической зоне, а также активизации вызванных этим береговых процессов.

Итоговым в модели является интегральное поле издержек (И), которое плавно дрейфует вслед за изменением частных индексов (2) и постоянно «взрывается» аномалиями природного и социально-экономического происхождения (3).

Помимо рассмотренного поля издержек, существует потенциальное, в котором отражаются перспективные издержки, связанные с прогнозируемыми состояниями природной среды и экономики в результате смены технологических укладов в районах реализации перспективных инвестиционных проектов. Тогда прогнозное поле издержек может быть представлено в виде:

$$\text{Иfor.} = \Delta\text{И} + \Delta\text{Иinv.} \quad (4)$$

где Иfor. – прогнозируемые интегральные издержки; +/-ΔИ – прогнозируемые изменения совокупных издержек существующего производственного потенциала; +/-ΔИinv – издержки проектируемых инвестиционных проектов.

Однако в данном варианте в стороне оказывается влияние научно-технического прогресса (НТП) на динамику совокупных среднеотраслевых издержек (Иα). Осуществить прогноз по столь большому числу оснований (переменных) представляется затруднительным. Как возможная альтернатива этому – следующий вариантный прогноз, осуществляемый по трем основаниям (ансамбль моделей):

¹ СНИП – строительные нормы и правила.

1. С учетом природной Δ , но без учета НТР, что фактически в первом приближении пропорционально изменениям климата и производным от него другим характеристикам окружающей среды.

2. С учетом НТР, которая может элиминировать природно-детерминированные издержки при стационарном состоянии окружающей среды без учета глобальных изменений.

3. Интегральный прогноз, учитывающий синергетический эффект от взаимодействия природных и социально-экономических процессов.

Помимо этого, в прогноз можно сразу закладывать потенциальные невозвратные издержки (ущербы) в их среднегодовом измерении на основе расчета вероятности возникновения неблагоприятных и опасных природных явлений (НОЯ).

Естественно, необходимо решать задачу пространственной адаптации модели в оболочке ГИС, что обеспечивает отражение пространственной сути поля совокупных издержек. Но основные проблемы, связанные с расчетом поля издержек и выделением в нем доли природных факторов, состоят в отсутствии соответствующей информационной базы. Госкомстат дает только агрегированную по совокупности хозяйствующих субъектов информацию по структуре издержек в разрезе субъектов федерации, что фактически не позволяет напрямую считать среднеотраслевые издержки и комплексные издержки территориальных природно-хозяйственных систем. Это требует разработки специальной методики, позволяющей элиминировать изъяны статистической базы.

РАЗДЕЛ 5.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ:

УСИЛЕНИЕ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ СТРАН И РЕГИОНОВ МИРА

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.А. АЛЕШКОВСКИЙ, М. ГРЧИЧ, Д.С. ИВАНОВ

Во второй половине XX в. человечество стало свидетелем непреодолимой и необратимой силы процессов глобализации, так или иначе охвативших все сферы общественной сферы и создающих глобальную по своему масштабу систему взаимозависимости стран и народов мира. Глобализационные процессы в сочетании со стремительными переменами в международных политических, социальных и экономических системах способствовали резкой интенсификации мировых миграционных потоков, привели к формированию принципиально новой миграционной ситуации в мире. Ее важнейшими характерными чертами являются: увеличение масштабов международной миграции; расширение географии международных миграций; качественное изменение структуры миграционных потоков; определяющее значение экономической миграции; структурная непреодолимость нелегальной иммиграции; рост масштабов и расширение географии вынужденных миграций; увеличение значимости международной миграции как фактора демографического развития мира. Именно эти тенденции, отмеченные на рубеже XX и XXI вв. и принявшие к настоящему времени закономерный характер, определяют значимость современной миграции как глобального социально-экономического процесса [Ионцев, 1999; Алешковский, Ионцев, 2008; Слука, Слука, 2000; Sluka, 2010].

Увеличение масштабов международной миграции. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. растущий дисбаланс демографического развития и мирового рынка труда, а также расширяющийся разрыв в уровнях экономического развития между отдельными странами и регионами мира в сочетании со стремительными переменами в глобальных политических и экономических системах способствовали резкой интенсификации мировых миграционных потоков. Распад СССР, важные политические и социальные изменения в Восточной Европе, развал Югославии и затянувшийся конфликт между сербами и албанцами, кризис в Персидском заливе, гражданские войны в Руанде и Афганистане – все эти и другие события 1990-х гг. привели в движение огромные и часто неуправляемые волны международных миграционных передвижений и выдвинули международную миграцию населения в ряд важнейших глобальных явлений современности, в значительной степени влияющих на мировую экономику.

Уже только масштабы международной миграции позволяют говорить о ней как о явлении, имеющем глобальное значение. По данным Отдела народонаселения ООН, в 2015 г. в мире насчитывалось 244 млн чел. (табл. 5.1), живущих не в тех странах, где они родились¹, при этом около 57% из них находились в развитых странах. Иными словами, общее число международных мигрантов равноценно населению «страны», которая занимала бы 5-е место в мире. Заметим, что в эту величину не включены нелегальные мигранты, значительная часть вынужденных мигрантов, трудовые мигранты, международные туристы, а также другие категории временных мигрантов (сезонные, маятниковые и эпизодические). Так, в 2015 г. насчитывалось 65,3 млн чел., вынужденных покинуть места своего постоянного проживания, включая 21,3 млн беженцев. Более половины из них были моложе 18 лет. Особую группу представляют 10 млн лиц без гражданства, большинство из которых не имели свободы передвижения и нормального доступа к образованию и здравоохранению [«Figures at a Glance». UNHCR: The UN Refugee Agency. <http://www.unhcr.org/en-us/figures-at-a-glance.html>]. При этом 29,2% из них направились в развитые страны глобального Севера, а 70,8% – в государства глобального Юга (по данным 2013 г.) [International Migration Report, 2013]. Это немаловажный факт, демонстрирующий, что влияние миграционных потоков на многие развивающиеся страны оказывается еще значительнее, чем, например, на страны Евросоюза, столкнувшиеся в последние годы с глубочайшим миграционным кризисом и оказавшиеся не в состоянии преодолеть его без серьезных политических и социально-экономических потрясений. В итоге общая численность лиц, в той или иной форме вовлеченных в межгосударственные перемещения населения, в настоящее время превышает 1,25 млрд чел. Иными словами, каждый шестой житель Земли принимает участие в международной миграции!

Важным показателем растущего динамизма международной миграции являются темпы роста численности международных мигрантов, которые непрерывно увеличивались на протяжении второй половины XX в. и достигли на рубеже XX–XXI вв. 3% ежегодно. К 2015 г. по сравнению с 1960 г. число «классических» международных мигрантов в мире увеличилось более чем в 3,2 раза, то есть численность мигрантов за 1960–2015 гг. в среднем ежегодно увеличивалась на 1,9%, что является более высоким показателем по сравнению с темпами роста общей численности населения мира (1,8% в год).

Важный индикатор роста масштабов международной миграции – увеличение доли международных мигрантов в численности населения принимающих стран. Несмотря на то, что в мировом разрезе доля классических международных мигрантов в общей численности населения увеличилась незначительно (с 2,5% в 1960 г. до 3,3% в 2015 г.), изменения на уровне отдельных стран были намного более существенными.

¹ Эта цифра основана на статистике лиц, родившихся за рубежом, а также беженцев, находящихся под юрисдикцией Управления Верховного комиссара ООН (УВКБ ООН).

Таблица 5.1

Динамика международной миграции с 1960 по 2015 гг.

Регионы	Численность международных мигрантов, млн							
	Годы							
	1960	1970	1980	1990	2000	2005	2010	2015
Мир в целом	75,5	81,3	99,3	152,6	172,7	191,3	221,7	243,7
Развитые страны	32,3	38,4	47,5	82,4	103,4	117,3	132,6	140,5
Развивающиеся страны	43,2	43,0	51,8	70,2	69,3	74,1	89,2	103,2
Европа	14,2	18,8	21,9	49,2	56,3	64,1	72,4	76,2
Африка	9,1	9,9	14,1	15,7	14,8	15,2	16,8	20,7
Азия	28,5	27,8	32,1	48,1	49,3	53,4	65,9	75,1
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	6,0	5,7	6,1	7,2	6,6	7,2	8,2	9,2
Северная Америка	12,5	13,0	18,1	27,6	40,4	45,4	51,2	54,5
Австралия и Океания	2,1	3,0	3,8	4,7	5,4	6,0	7,1	8,1

Источники: [Trends in Total Migrant Stock..., 2015].

Так, если в 1960 г. только в 27 странах доля мигрантов в населении превышала 10%, то в 2015 г. таких стран уже насчитывалось 55, при этом в 26 странах она превысила 20%. Наиболее значительно доля мигрантов в общем населении страны за 1960–2015 гг. увеличилась в монархиях Персидского залива: в Бахрейне – с 17,1% до 51,1%, в Кувейте – с 32,6% до 73,6%, в Катаре – с 32,0% до 75,5%, в ОАЭ – с 2,4% до 88,4%, в Саудовской Аравии – с 1,6% до 32,3% (табл. 5.2).

Таким образом, в современном мире межгосударственные миграционные потоки превратились в глобальное явление, оказывающее воздействие на все стороны жизни мирового сообщества, а международная миграция стала одним из ключевых источников социально-экономического развития государств.

Расширение географии международных миграций. В настоящее время международной миграцией охвачены, по существу, все страны мира, которые в той или иной степени оказываются вовлеченными в мировые миграционные потоки. Даже такие относительно закрытые государства, как КНДР и Куба, все более активно вовлекаются в мировые миграционные процессы при том, что эмиграция из них контролируется значительно более жестко, чем иммиграция, в противоположность многим другим странам. Так, в КНДР нелегальный выезд из страны влечет уголовную ответственность, вплоть до смертной казни.

Таблица 5.2

Топ-10 стран по доле международных мигрантов в численности населения,
1960 и 2015 гг. (%)*

Страны	Доля мигрантов, 1960 г.	Страны	Доля мигрантов, 2015 г.
Израиль	56,1	ОАЭ	88,4
Иордания	43,1	Катар	75,5
Кувейт	32,6	Кувейт	73,6
Катар	32,0	Бахрейн	51,1
Сингапур	31,7	Сингапур	45,4
Бруней	25,2	Оман	41,1
Кот-д'Ивуар	18,0	Иордания	41,0
Бахрейн	17,1	Ливан	34,1
Австралия	16,6	Саудовская Аравия	32,3
Канада	15,0	Швейцария	29,4

* Для стран с числом жителей более 500 тыс. чел.

Источник: [Trends in International Migrant Stock..., 2015].

Несмотря на то, что большинство международных мигрантов происходит из развивающихся стран, современные миграционные потоки представляют собой не просто движение «с Юга на Север» или «с Востока на Запад». Около трети классических мигрантов перемещаются из одной развивающейся страны в другую, и примерно такая же доля переезжает из развивающихся стран в развитые. Иными словами, численность мигрантов, перемещающихся с «Юга на Юг», примерно соответствует численности мигрантов, перемещающихся с «Юга на Север». В XXI в. практически все страны и территории мира в той или иной степени являются странами приема для каких-то категорий мигрантов. Эпоха быстрого транспортного сообщения в пределах всего мира не оставила незатронутой ни одну страну, международные мигранты появились повсюду¹. Если в 1965 г. в мире насчитывалась 41 страна с численностью международных мигрантов более 300 тыс. чел., то в 2000 г. таких стран стало 66, а в 2015 г. – 86, причем в 48 из них она превышала 1 млн чел., а в 30 – более 2 млн. В таблице 5.3 представлены изменения в составе первой десятки стран по численности международных мигрантов в 2000 и 2015 гг.

За последние 50 лет произошли значительные изменения в региональном распределении международных мигрантов (табл. 5.1). Если в 1960 г. большая часть международных мигрантов (57,2%) находилась в развивающихся регионах, то в настоящее время (более 57,6%) – в развитых регионах

¹ По данным Отдела народонаселения ООН, в 2015 г. единственное суверенное государство в мире, в котором численность международных мигрантов составила менее тысячи человек – Тувалу (население около 10 тыс. чел.).

мира. Наиболее заметные изменения наблюдались в Европе и Северной Америке, где численность международных мигрантов за 1960–2015 гг. возросла соответственно в 5,3 и 4,3 раза. В настоящее время регионом с наибольшей численностью международных мигрантов является Европа (более 76,2 млн в 2015 г.), за ней следуют Азия (75,1 млн) и Северная Америка (54,5 млн). Таким образом, на глобальном уровне происшедшие за последние полвека изменения выражались, с одной стороны, во включении все большего числа стран в процессы международной миграции, а с другой – в существенной перекройке географии международных миграционных потоков.

Таблица 5.3

Топ-10 стран по численности международных мигрантов, 2000 и 2015 гг., млн

Страны	Число мигрантов, 2000 г.	Страны	Число мигрантов, 2015 г.
США	34,81	США	46,63
Россия	11,90	Германия	12,01
Германия	8,99	Россия	11,64
Индия	6,41	Саудовская Аравия	10,19
Франция	6,28	Великобритания	8,54
Украина	5,23	ОАЭ	8,10
Канада	5,51	Канада	7,84
Саудовская Аравия	5,26	Франция	7,78
Великобритания	4,73	Австралия	6,76
Австралия	4,39	Испания	5,85

Источник: [Trends in International Migrant Stock..., 2015].

Качественные сдвиги в структуре миграционных потоков.

Глубокие изменения, произошедшие в мире во второй половине XX в., обусловлены массой причин и тесно связаны с развитием постиндустриального сектора экономики, соответствующей трансформацией потребностей мирового рынка труда, осуществлением либеральных реформ, демократических преобразований в постсоциалистических и развивающихся странах и т.д. Все это в совокупности вызвало трансформацию структуры международных миграционных потоков, выразившуюся в следующем.

Изменения временной продолжительности. Имеющиеся статистические данные не позволяют в полной мере анализировать временные миграционные потоки (прежде всего из-за того, что отдельным категориям временных мигрантов не требуется разрешения на въезд, либо потому, что эти перемещения являются «нелегальными»). Кроме того, значительная часть этой информации носит нерегулярный характер. В результате большая часть временных перемещений остается неучтенной. Вместе с тем, туристская статистика и проведенные исследования в ряде принимающих стран показывают, что на протяжении последних пятидесяти лет число постоян-

ных (или долговременных) мигрантов увеличивалось. Однако намного более значительно выросли число и частота краткосрочных перемещений, то есть сезонных, маятниковых и, в особенности, эпизодических миграций, в частности поездок по туристической визе.

Из всех видов и форм международной миграции в течение последних десятилетий наиболее динамично развивалась трудовая миграция. Так, в 1990–2000-е гг. численность временных трудовых мигрантов в США увеличилась в 4 раза, в Австрии – в 3 раза, в Великобритании – в 2 раза. Это связано, с одной стороны, с распространением и все большей доступностью средств транспорта, упрощающих передвижение людей и «сокращающих» расстояния между странами и континентами. В этих условиях временная работа за рубежом более предпочтительна, чем эмиграция, поскольку связана с меньшими материальными и нематериальными издержками. С другой стороны, глобализация мирового рынка труда требует большей гибкости миграционного поведения, которую как раз и может гарантировать трудовая миграция. Привлечение иностранных работников на временной основе соответствует целям иммиграционной политики большинства развитых государств, которые, собственно, и составляют «миграционную элиту» и во многом определяют условия, на которых прочие страны участвуют в процессах международной миграции.

Изменения квалификационной структуры. На рынках труда развитых стран, которые в первую очередь и определяют направление и интенсивность мировых миграционных потоков трудовых мигрантов, сформировался устойчивый спрос на труд иностранных работников двух квалификационных «полюсов»: работников низкой квалификации и высококвалифицированных работников современных профессий. При этом спрос на труд иностранных работников в принимающих странах эволюционирует в сторону более квалифицированной рабочей силы, а принимающие страны все более поощряют привлечение квалифицированных иммигрантов в те отрасли и сектора национальной экономики, которые испытывают дефицит местных работников. Это в первую очередь врачи, инженеры, ученые-исследователи, специалисты в области компьютерной техники.

Изменения квалификационной структуры миграционных потоков заключаются, прежде всего, в увеличении среди мигрантов доли лиц с высоким уровнем образования и профессиональной квалификации. Данная тенденция несет в себе одну из самых болезненных проблем для развивающихся стран, названную «утечкой умов» и означающую безвозвратный выезд высококвалифицированных (ученые, инженеры, врачи и др.) и потенциальных (студенты, аспиранты, стажеры) специалистов, в отношении которых часто проводится целенаправленная политика со стороны развитых стран по их привлечению. По оценкам экспертов ООН, только финансовые потери развивающихся государств от «утечки умов» за последние 30 лет превысили 60 млрд долл., а общие объемы интеллектуальной эмиграции из развивающихся стран составили от 10% до 30% их интеллектуального потенциала [Ушкалов, Малаха, 1999; Sluka, 2000].

В свою очередь, низко- и неквалифицированные мигранты обнаруживают на своем пути все новые преграды, закрывающие доступ в страны «конечного назначения». Вместе с тем, эта группа остается вовлеченной в мировые миграционные процессы, поскольку еще существуют факторы, выталкивающие неквалифицированных работников из их родных стран, и стимулы, поощряющие работодателей в принимающих странах использовать труд иностранных работников (даже на нелегальных условиях). Правительства принимающих стран, учитывая нежелание граждан этих стран заниматься «грязным» трудом, вынуждены разрабатывать программы по привлечению неквалифицированных мигрантов.

Феминизация миграционных потоков. Традиционно считалось, что большинство международных мигрантов мужчины. Женщины, если и участвовали в международных миграциях, то преимущественно как члены семей мигрантов-мужчин. Однако уже в начале 1990-х гг. исследователями было отмечено, что все большее число женщин мигрирует не вместе с супругом, а самостоятельно в поисках работы в тех местах, где их труд может быть лучше оплачен, чем в стране их происхождения. В результате уже с 1990 г. женщины стали составлять почти 50% «самостоятельных» трудовых мигрантов в большинстве развитых стран (в целом по миру – 49%) (табл. 5.4). Особенно велика (более 60%) доля женщин в миграционных потоках из Филиппин, Индонезии, Перу, стран Восточной Европы.

Таблица 5.4

Доля женщин в мировых миграционных потоках, 1960–2005 гг., %

Регионы	Годы								
	1960	1970	1980	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Мир в целом	46,8	47,2	47,2	49,0	49,2	49,1	48,8	48,3	48,2
Развитые страны	48,9	48,9	49,8	51,1	51,1	51,1	51,2	51,7	51,9
Развивающиеся страны	45,3	45,8	44,8	46,6	46,5	46,1	45,1	43,3	43,3
Европа	48,4	47,7	48,1	51,3	51,5	51,6	51,8	52,1	52,4
Африка	42,3	42,7	44,1	47,2	47,3	46,9	45,8	46,3	46,1
Азия	46,4	46,8	44,6	46,0	45,9	45,6	44,6	42,0	42,0
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	44,7	46,8	48,2	49,8	50,0	50,1	50,3	50,3	50,4
Северная Америка	50,5	51,5	52,6	51,1	50,8	50,5	50,3	51,1	51,2
Австралия и Океания	44,4	46,5	47,9	49,0	49,5	50,1	50,4	50,3	50,6

Источники: [Trends in Total Migrant Stock..., 2005; 2015].

Тенденция феминизации миграционных потоков во многом связана со структурными изменениями в мировой экономике, сопровождающими глобализационные процессы. Развитие экономики услуг привело к росту доли сферы услуг в структуре занятости развитых стран, сформировало устойчивые ниши рынка труда принимающих стран (текстильная промышленность, индустрия досуга и развлечений, сфера общественных услуг, домашнее обслуживание, секс-услуги и др.) и постоянно растущую потребность в женщинах-мигрантах, в том числе занятых неквалифицированным трудом. Большинство из существующих ниш можно отнести к «сферам риска», связанным с секс-занятостью или так называемой околосокуальной занятостью (занятостью, которая часто оказывается сопряжена с секс-услугами). Эти сферы маргинальной, по сути, занятости представляют основные миграционные возможности для женщин-мигрантов в настоящее время.

Таким образом, еще одной важной тенденцией современного этапа развития международной миграции является феминизация миграционных потоков, которая, в свою очередь, сопровождается ростом траффикинга (незаконного провоза) мигрантов, торговли людьми и других эксплуататорских практик. Это происходит в основном потому, что многие женщины работают в таких гендерно-сегрегированных секторах экономики, как домашние услуги и сфера досуга, а также вследствие того, что женщины гораздо больше подвержены дискриминации, чем мигранты-мужчины. Эти тенденции ставят проблему защиты прав трудовых мигрантов (прежде всего, женщин) в ряд приоритетных задач национальных и международных институтов, занимающихся регулированием миграционных процессов.

Определяющее значение экономической миграции. Развитие экономической (прежде всего, трудовой) миграции имеет характер наиболее длительной и устойчивой тенденции международной миграции, которая получила значительный стимул со становлением капиталистических отношений и превращением рабочей силы в товар. С развитием процессов глобализации и становлением мирового рынка труда она достигла к настоящему времени небывалых масштабов. По оценкам Международной организации труда (МОТ), в 2013 г. во всем мире насчитывалось более 150 млн легальных трудящихся-мигрантов против 86 млн чел. в 2000 г. и 3,2 млн чел. в 1960 г. (табл. 5.5).

Структурная непреодолимость нелегальной иммиграции. С легальной трудовой миграцией неразрывно связаны неуклонный рост масштабов и структурная непреодолимость нелегальной миграции. Несмотря на активизацию миграционной политики, реализацию многочисленных мер, направленных на предотвращение и противодействие нелегальной миграции, за прошедшие десятилетия ее масштабы в мире не только не уменьшились, а наоборот, значительно возросли. Достоверные данные о численности нелегальных мигрантов в мире отсутствуют. По оценкам экспертов МОТ, в начале 2010-х гг. численность нелегальных мигрантов в мире составляла от 10 до 15% численности «классических» международных

мигрантов (21–32 млн чел.)¹. В 2008–2015 гг. ухудшение макроэкономической ситуации и дальнейшее ужесточение мер миграционного контроля в основных странах, принимающих мигрантов, изменение геополитической ситуации в мире и другие факторы способствовали незначительному сокращению масштабов нелегальной иммиграции. Однако стимулы к нелегальному въезду и занятости для мигрантов, с одной стороны, и использованию нелегальной рабочей силы работодателями, с другой стороны, сохраняются. Для эффективного противодействия нелегальной иммиграции необходим, прежде всего, поиск равновесия между ужесточением политики в отношении нелегальных мигрантов и использующих их труд работодателей и укреплением правовой базы легальной миграции, созданием дополнительных легальных каналов для приема трудящихся-мигрантов и расширением возможности легального пребывания в стране. При расширении правовых гарантий часть иммигрантов, которые сегодня предпочитают нелегальные каналы въезда и проживания, перейдут на законное положение.

Таблица 5.5

Оценочные данные МОТ о трудящихся-мигрантах по регионам мира, 2013 г.

Регионы	2000 г.		2013 г.	
	Млн	%	Млн	%
Мир в целом	86,2	100	150,1	100
Европа	28,2	33,0	49,6	33,0
Африка	7,1	8,0	8,7	6,0
Северная Америка	20,5	24,0	37,1	25,0
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	2,5	3,0	4,3	3,0
Азия	25,0	29,0	50,4	33,0
Австралия и Океания	2,9	3,0		

Источники: [За справедливый подход..., 2004; ILO Global estimates..., 2015. P. 16].

Рост масштабов и расширение географии вынужденных миграций. Вынужденная миграция представляет собой совокупность территориальных передвижений, связанных с постоянным или временным изменением места жительства людей, имеющих вынужденный характер, обусловленный не зависящими от них причинами (политическими и национальными преследованиями, стихийными бедствиями, техногенными авариями, экологическими катастрофами, военными действиями и т.п.)².

¹ В том числе в США насчитывалось около 11 млн нелегальных мигрантов, в европейских странах – от 4,5 млн до 8,0 млн чел., в странах Южной Америки – от 1,5 млн до 6 млн чел., на Ближнем Востоке – от 1 млн до 3 млн чел., в Японии – от 300 тыс. до 1 млн чел., в Австралии и Новой Зеландии – около 80 тыс. чел. и т.д.

² К вынужденным мигрантам относят следующие основные категории: беженцы, перемещенные лица (вынужденные переселенцы), лица, ищущие убежище, экологические беженцы и др. Для большинства из них определяющими являются «выталкивающие» факторы, имеющие внезапный и угрожающий для жизни характер.

Рост масштабов и расширение географии вынужденной миграции (в частности, за счет стран постсоветского пространства) в последнее десятилетие XX в. – в начале XXI в. является результатом сохраняющихся и вновь возникающих очагов политической напряженности и экологических катастроф, войн и этнических конфликтов¹. По данным УВКБ ООН по делам беженцев, на начало 2015 г. в мире насчитывалось около 55 млн вынужденных мигрантов, из которых 13,7 млн относилось к беженцам, 32,3 млн – внутренне перемещенным лицам и около 1,8 млн – лицам, ищущих убежища (табл. 5.6).

Обращает на себя внимание распространение практики использования канала вынужденной миграции экономическими мигрантами. Международными конвенциями по беженцам и национальными законодательствами разных стран однозначно признается, что лица, которые хотят покинуть свою страну, чтобы повысить жизненный уровень или найти лучшую работу, не могут претендовать на статус беженца. Это положение является принципиально важным для России, где в ряде программных документов по миграции в число вынужденных мигрантов включают и так называемых «экономических беженцев», что, по сути, является заблуждением, вытекающим из непонимания таких форм миграционного движения, как «вынужденная» и «добровольная» миграция. Таким образом, можно утверждать, что увеличение масштабов вынужденной миграции стало одной из тенденций, характеризующих современные международные миграционные потоки.

Таблица 5.6

Динамика численности вынужденных мигрантов, подпадающих под юрисдикцию УВКБ ООН, млн*

Регионы	Годы					
	1985	1990	1995	2000	2006	2015
Мир в целом	10,7	14,9	27,3	21,8	32,8	55,0
Европа	0,7	0,1	6,5	5,6	3,4	3,9
Африка	3,0	4,6	11,8	6,1	9,8	17,8
Азия	5,1	6,8	7,9	8,4	14,9	25,9
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	0,4	1,2	0,1	0,6	3,5	6,7
Северная Америка	1,4	1,4	0,9	1,0	1,1	0,6
Австралия и Океания	0,1	0,1	0,05	0,1	0,1	0,1

* В эти данные не включены палестинские беженцы и некоторые другие категории вынужденных мигрантов (например, экологические беженцы).

Источник: [данные УВКБ ООН].

¹ После второй мировой войны на планете насчитывается более 150 международных и региональных вооруженных конфликтов.

Увеличение значимости международной миграции населения в демографическом развитии отдельных стран и мира в целом. На протяжении большей части истории человечества изменение численности населения отдельных стран и регионов определялось преимущественно естественным приростом. Особенности эволюции смертности и рождаемости, растущий разрыв в демографическом потенциале развитых и развивающихся стран, а также процессы глобализации привели к тому, что роль международной миграции населения как фактора демографического развития значительно увеличилась. В настоящее время в развитых странах она является основной, а в некоторых и единственной детерминантой увеличения численности населения, тогда как в развивающихся, наоборот, способствует снижению темпов прироста населения и уменьшению «демографического давления» (табл. 5.7). При этом важно, что международная миграция обеспечивает не просто увеличение общей численности населения развитых стран, но и способствует изменению его структуры, учитывая более молодую возрастную структуру мигрантов и, как правило, иные демографические установки мигрантов.

Таблица 5.7

Индикаторы демографического развития развитых стран мира, %

Периоды, годы	Среднегодовые темпы:		
	прироста населения	естественного прироста населения	миграционного прироста населения
1950–1955	11,9	11,8	0,1
1955–1960	11,7	11,7	0,0
1960–1965	10,8	10,3	0,5
1965–1970	8,5	7,8	0,7
1970–1975	7,7	6,5	1,2
1975–1980	6,5	5,2	1,3
1980–1985	5,8	4,7	1,1
1985–1990	5,5	4,2	1,3
1990–1995	4,4	2,3	2,1
1995–2000	3,2	1,0	2,2
2000–2005	3,4	0,7	2,7
2005–2010	4,0	1,3	2,7
2010–2015	2,9	1,0	1,9

Источник: [World Population Prospects, 2015].

Развивающиеся страны продолжают сохранять высокий миграционный потенциал, а развитые страны становятся зависимыми от притока международных мигрантов для того, чтобы заполнить имеющиеся ниши на национальном рынке труда и снизить коэффициент демографической нагрузки,

который неизбежно растет вследствие старения коренного населения. В связи с последним процессом в 1990-е гг. получил развитие термин «замещающая миграция» («replacement migration»), характеризующий потенциал международной миграции в компенсации негативных тенденций демографического развития принимающих стран. Учитывая стремительное старение населения, развитым странам потребуется в рамках долгосрочной перспективы обеспечить существенно более высокий приток иммигрантов. Более того, иммиграция в эти страны даже при сохранении нынешних масштабов может привести к замещению их коренного населения «пришлым», совершенно изменить этническую структуру. Так, по прогнозам ООН, для того, чтобы странам ЕС «компенсировать» сокращение населения в трудоспособных возрастах, они должны ежегодно до 2050 г. «импортировать» в общей сложности 12,7 млн иммигрантов. В свою очередь, России для поддержания неизменной численности трудоспособного населения необходимо ежегодно принимать в среднем около 800–900 тыс. мигрантов.

В 2010–2015 гг. около 65% общего прироста населения в развитых странах было вызвано притоком международных мигрантов, тогда как в 1950–1955 гг. вклад миграционного прироста в увеличение общей численности населения составлял около 2%. В ряде развитых стран (например, в Германии, Италии), в которых наблюдается естественная убыль населения, международная миграция – единственный фактор роста общей численности населения. В то же время в 2000–2015 гг. международная миграция способствовала снижению примерно на 20% темпов роста населения Латинской Америки, на 3% – Азии и на 2% – Африки.

Завершая рассмотрение значения международной миграции населения в демографическом развитии современного мира, заметим, что для отдельных стран и регионов мира ее роль может быть существенно больше при наличии значительных масштабов временной миграции (например, трудовой миграции, вынужденной миграции).

Заключение. Проведенный нами анализ показал, что к началу XXI в. международная миграция стала одним из важнейших глобальных явлений, оказывающих воздействие на все стороны жизни мирового сообщества и способствующих развитию глобализационных процессов. Вместе с тем полноценное использование потенциала международной миграции как ресурса развития может быть достигнуто только с помощью реализации разумного и стратегически выверенного подхода к управлению миграционными процессами [Алешковский, Ионцев, 2015].

КРУПНЕЙШИЕ МИГРАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ МИРА: ОБЩИЕ ТРЕНДЫ И РАЗЛИЧИЯ

А.В. КОРОБКОВ

Миграция в российской истории. Проблемы миграции вызывают сегодня весьма неоднозначную реакцию в российском обществе. А между тем, территориальное движение населения – воистину всемирное явление. Трудовая миграция представляет собой важнейший компонент глобального рынка рабочей силы. Согласно данным ООН, в 2015 г. в мире насчитывалось 244 млн мигрантов, что составило приблизительно 3% населения Земли [International Migration Report, 2015]. Между тем, реальный масштаб мировых миграционных потоков может оказаться значительно больше, поскольку приведенная оценка не учитывает многих нелегальных, а точнее, незаконных или нерегулярных мигрантов – как международных, так и внутренних. Необходимо при этом отметить, что популярный сегодня термин «нелегальные» является технически некорректным, поскольку речь идет в основном о лицах, пересекающих границу или предпринимающих иные шаги в нарушение существующего законодательства с конечной целью получить работу, а не заниматься криминальной деятельностью как таковой. Помимо этого, мигранты нередко становятся «нелегалами» не по своей воле, а в результате как целенаправленных или непродуманных действий правительственных органов принимающих стран, так и использования коррупционных схем местными работодателями и чиновниками на низовых уровнях управления.

В целом для того, чтобы оставаться «в статусе», мигранту необходимо выполнить три основных условия: легально пересечь границу принимающей страны, находиться в ней и получить необходимую регистрацию, а также устроиться на работу в соответствии с требованиями местного законодательства. Между тем, нередко мигранты теряют юридический статус вопреки своему желанию в результате дискриминационного законодательства, противоречий местных законов, либо действий коррумпированных представителей миграционных и правоохранительных органов.

Достаточно сказать, что в одном Китае насчитывается более 229 млн внутренних мигрантов, включая около 200 млн тех, кто изменил место жительства, не получив соответствующего разрешения от государственных органов и по сути оказался без регулярного юридического статуса в своей собственной стране [Global Migration, 2013]. И в этом смысле российские проблемы в миграционной сфере не слишком отличаются от тех, с которыми сталкиваются другие крупнейшие принимающие мигрантов страны.

Отличительной чертой Российской Федерации стало стремительное изменение в последние десятилетия ее роли в мировой миграционной цепочке, хотя и в этом отношении в мировой практике существуют интересные и весьма поучительные параллели, прежде всего, в ряде развивающихся стран. Близкие тенденции динамики миграционных потоков и множественность функциональных ролей наблюдаются, например, в других странах

БРИКС, играющих все более заметную роль в миграционной сфере. Достаточно сказать, что в период 2000–2010 гг. Россия занимала 3-е место в мире по масштабу ежегодной иммиграции (389 тыс. чел.), тогда как ЮАР была на 6-м месте (247 тыс.). Индия и Китай занимали 3-е и 4-е места среди государств с отрицательным миграционным балансом с ежегодными абсолютными потерями соответственно в 490 тыс. и 418 тыс. чел. [International Migration Report, 2013], одновременно выступая и как принимающие страны.

Не секрет, что в течение столетий Россия отличалась закрытостью границ и жестким государственным контролем за миграцией, прежде всего внешней. Одновременно происходило и весьма интенсивное перемещение населения, особенно этнических русских, из центральных регионов на этническую периферию страны, причем важнейшую часть этого миграционного потока составляли профессиональные элиты. Эти процессы еще более интенсифицировались в советский период и протекали под жестким государственным контролем. В результате к моменту развала СССР значительная часть советских граждан жила за пределами своих титульных республик – из совокупного населения СССР, превышавшего в 1989 г. 289 млн чел., более 54 млн только среди титульного населения пятнадцати союзных республик. В частности, за пределами России жили более 25 млн русских и 9 млн представителей титульных наций российских регионов [Национальный состав..., 1991]. Кровавые этнические конфликты, дискриминация в ряде новообразованных государств, стремление в сложившихся новых условиях вернуться на свою историческую родину, а также боязнь утраты гражданства «своих» стран привели в первые постсоветские годы к формированию значительных потоков возвратной миграции, в том числе и в Россию.

Таким образом, ситуация на постсоветском пространстве в корне изменилась, Россия стала центром второй по величине иммиграционной системы мира после США: 12,3 млн жителей страны были рождены за ее пределами [Inkpen, 2014; Preston, 2012; A Nation of Immigrants, 2013]. В лидирующих же по этому показателю США проживает 42,4 млн чел., родившихся в других странах [Zong and Batalova, 2016]. В случае России абсолютное большинство иммигрантов (то есть людей, родившихся за ее пределами), приехали в нее из других постсоветских стран («нового зарубежья»). Однако имеют место и миграционные потоки из других государств. Особое значение в этом плане занимает трудовая миграция из Китая, хотя реальный ее масштаб гораздо меньше, чем сенсационные цифры, цитируемые политиками и прессой. В целом на данном этапе можно говорить о полном доминировании России в рамках евразийской миграционной системы, хотя возникают и другие видимые потоки – например, трудовая миграция в Казахстан. Важны также относительно небольшие по масштабу потоки высококвалифицированных мигрантов на постсоветском пространстве.

Одновременно – впервые со времен гражданской войны – возникла и внушительная легальная эмиграция: за период с 1991 г. около 1,3 млн российских граждан получили разрешение для выезда на постоянное жительство за пределы бывшего СССР [Население России, 2006]. Этот процесс сопровождался масштабным выездом на Запад трудовых мигрантов, в том

числе и высококвалифицированных. Помимо этого, снятие «железного занавеса» привело к тому, что в Россию направился поток лиц, стремящихся попасть на Запад. Таким образом, она стала играть в мировой миграционной цепочке сразу три принципиально различных роли: страны, принимающей иммигрантов, страны эмиграции (преимущественно в страны «старого зарубежья»), а также страны транзита для тех, кто пытается попасть через ее территорию на Запад.

Этот феномен потребовал быстрого создания законодательной базы миграционной политики и формирования заново структур миграционной службы, поскольку в советское время внешняя миграция имела ограниченный масштаб и жестко контролировалась государством. Не только эмиграция, но и феномены иммиграции и массового приема беженцев были редкими явлениями. Статья 38 Конституции СССР 1977 г. декларировала, что «СССР предоставляет убежище иностранцам, преследуемым за защиту интересов трудящихся и дела мира, за участие в революционном и национально-освободительном движении, прогрессивную социально-политическую, научную и иную творческую деятельность» [Конституция СССР, 1977]. Другими словами, признавались лишь политические и идеологические мотивы иммиграции, которые и могли служить основанием для предоставления убежища.

В период после распада СССР в миграционной сфере были проведены значительные структурные и законодательные преобразования, включая формирование в 1992 г. Федеральной миграционной службы. Сохраняются, однако, и серьезные проблемы, включая бесконечные системные реорганизации и регулярное принятие законодательных актов, противоречащих друг другу. Из-за сложности закрепиться и получить работу легальным путем приезжающие в страну иммигранты редко эффективно используют свой потенциал. Между тем, более 43% мигрантов, прибывших в 2009 г. из СНГ и Грузии, имели профессиональное образование, в том числе 18,3% – высшее и неоконченное высшее, а 24,8% – среднее профессиональное [Население России, 2011]. Среди временных мигрантов, имеющих высшее образование, готовы остаться в России на постоянной основе 36,3% в сравнении со средним показателем в 27,1% среди всех мигрантов [Мукомель, 2013]. Таким образом, многие мигранты имеют и квалификационный потенциал, и желание интегрироваться в российское общество. Помимо этого, иммиграция важна и как фактор смягчения российских демографических проблем: население страны сократилось с 148,3 млн в 1991 г. до 146,5 млн в настоящее время и будет продолжать сокращаться в долгосрочной перспективе [Население России, 2011; Демографический прогноз..., 2016].

Ситуация осложняется тем, что хотя миграция все более приобретает характер временной и трудовой, замещая постоянную этнически или политически обусловленную в первые постсоветские годы, значительную долю трудовых мигрантов составляют нелегальные, а точнее – нерегулярные мигранты. Оценки их численности существенно различаются – от 2,1 млн [Ромодановский, 2012] до 3–5 млн чел. [Концепция государственной..., 2012; Мукомель, 2005]. Экспертная консенсус-оценка составляет 2,4 млн

чел. [Консенсус-оценка..., 2010], а общая численность трудовых мигрантов с учетом работающих легально варьирует от 3,8 до 6,7 млн чел. [Mukomel, 2013]. Более того, вопреки существующим стереотипам, демографические и трудовые ресурсы постсоветских стран – основных поставщиков трудовых мигрантов в Россию отнюдь не бесконечны. Их совокупная численность не превышает 9–10 млн чел. [Население России, 2011, с. 282]. Помимо этого, ряд постсоветских государств, прежде всего Казахстан¹ и Белоруссия, начинают конкурировать с Россией за определенные категории трудовых, в том числе и квалифицированных мигрантов. Ирония здесь состоит в том, что в относительно недалеком будущем Россия может оказаться перед необходимостью поиска альтернативных источников рабочей силы, принимая мигрантов из стран с гораздо большей культурной дистанцией от принимающего населения, чем мигранты из постсоветских государств.

Уже сегодня, к примеру, Китай является крупнейшим поставщиком трудовых мигрантов в Россию за пределами постсоветского пространства и третьим в целом после Таджикистана и Узбекистана. В 2001–2009 гг. численность легально занятых китайских работников увеличилась в 7 раз. В 2011 г. доля китайцев в миграционном потоке в Россию из стран «старого зарубежья» составила 18,3% [Население России, 2013, с. 481]. Наибольшая численность китайцев в России была зафиксирована в 2008 г. – 281,7 тыс. Общая же их численность ныне оценивается в 200–600 тыс. [Население России, 2006, с. 346; Население России, 2011, с. 278–279; Нужны ли..., 2006].

Проблема состоит в том, что значительное число миграций, особенно трудовых, являются нерегулярными, а потому оказываются в юридической «серой зоне»; сами мигранты не имеют возможности ни получить легитимные документы, ни эффективно защитить свои права. Нерегулярная миграция – явление, далеко выходящее за рамки России. Основное внимание в иммиграции уделяется обычно этническим аспектам, опасности «размывания» национальной культуры, притоку незаконных мигрантов, растущей нагрузке на рынок труда и механизмы социальной защиты населения, росту преступности и коррупции. В отношении же эмиграции наиболее сильные эмоции вызывает, прежде всего, потеря интеллектуальных и профессиональных элит² – и в этом плане Россия также отнюдь не является исключением.

Современный мир характеризуется шокирующей асимметрией потоков интеллектуальной и образовательной миграции между странами глобального Юга и глобального Севера³. Достаточно сказать, что в 2011 г. в США обучалось 102 тыс. индийских и 179 тыс. китайских студентов, тогда как в

¹ Мигранты, включая 860 тыс. так называемых «оралманов» – этнических казахов, переезжающих в Казахстан из других стран, составляют 20% населения страны. Число официально зарегистрированных трудовых мигрантов достигло пика в 2008 г. – 58,8 тыс. однако заметно снизилось с началом экономического кризиса [A Special report..., 2012; Migrant Workers..., 2016].

² Разброс оценок величины российской интеллектуальной диаспоры за рубежом весьма значителен. Автор оценивает ее в 150–200 тыс. чел., плюс примерно 50 тыс. российских студентов, обучающихся за рубежом [Коробков, 2014].

³ Средние затраты на подготовку выпускника вуза в относительно бедных странах глобального Юга составляют около 50 тыс. долл. [Brain Drain..., 2008].

Индии и Китае – соответственно 1243 и менее 1 тыс. американцев [Global Flow..., 2011]. Этот шокирующий дисбаланс порождает предложения остановить или, по крайней мере, замедлить утечку мозгов с использованием ряда методов. Среди них – введение ограничений на выезд элитных мигрантов из своих стран, требования возвращения ими государственных затрат на их обучение и профессиональную подготовку, а в случаях временной учебной миграции – внесение залога (квартира или другие формы недвижимости) при получении лицами государственных образовательных грантов до момента их возвращения на родину. Принятие аналогичных мер неоднократно предлагались рядом политических деятелей и общественных фигур и в России.

Миграция во всемирном масштабе. Тот факт, что современная миграционная ситуация относительно нова для России, делает весьма полезным изучение опыта зарубежных стран, столкнувшихся в последние десятилетия с похожими проблемами. Эти страны могут быть объединены в шесть основных групп.

Во-первых, это страны традиционной иммиграции, включающие, помимо США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Израиль, а также ЮАР, которая сейчас сама столкнулась с массивным оттоком элитных мигрантов и масштабным притоком низкоквалифицированных нерегулярных мигрантов из соседних африканских стран. Особенно интересен для России опыт Израиля по привлечению и адаптации мигрантов, включая принадлежащих к элитным категориям.

Во-вторых, это страны, бывшие ранее ядрами многонациональных имперских образований (например, Великобритания, Франция, Испания, Португалия, Нидерланды, Бельгия и др.), принявшие после их распада значительные потоки мигрантов двух основных типов. Первоначально это была возвратная миграция представителей метрополии, возвращающихся на свою этническую родину (британцев, французов, турок и т.п.), а затем – миграция представителей стран третьего мира, причем прежде всего владеющих языками метрополий, знакомых с их культурой и имеющих возможность опереться на поддержку давно сформированных этнических диаспор граждан их бывших колоний.

В-третьих, это страны Центрально-Восточной и Южной Европы, так же как и Россия, столкнувшиеся с быстрым изменением своего положения в мировой миграционной цепочке и необходимостью срочного формирования новых миграционных структур, принятия регулирующих миграцию законодательных актов и формулирования целей миграционной политики. Большинство из них одновременно граничит как с гораздо более, так и гораздо менее развитыми странами. Эта особенность географического положения находит свою кульминацию в массовом потоке беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), проходящем сейчас через территорию этих стран и направленном, прежде всего, в Германию и другие наиболее развитые страны Западной Европы.

В-четвертых, это государства, испытывавшие в последние десятилетия ширококомасштабную элитную эмиграцию и ведущие активную работу по

привлечению представителей своей зарубежной диаспоры назад в страну или иным формам сотрудничества с ней. Среди них – Китай, Республика Корея, Индия, Тайвань. Индия, к примеру, занимает сегодня первое место в мире по числу эмигрантов, выехавших за рубеж, причем их численность за 1990–2013 гг. удвоилась¹. К началу текущего XXI в. только в США работали 35 тыс. врачей и более 300 тыс. компьютерщиков и специалистов в области высоких технологий индийского происхождения. В случае Китая более 2,6 млн студентов получили высшее образование за рубежом², но на родину вернулись 1,1 млн (41,9%). Как Индия, так и Китай активно работают с представителями своих элитных диаспор в надежде стимулировать возвращение домой или развить взаимодействие. Индия, в частности, ввела так называемое «зарубежное индийское гражданство» – официальный документ для тех индийцев и их потомков, которые постоянно проживают за границей. Этот документ позволяет индийцам-нерезидентам приезжать в страну без виз, работать в качестве квалифицированных профессионалов и обладать определенными правами собственности. Китай, в свою очередь, начал после 2010 г. предлагать гарантии трудоустройства и значительные финансовые льготы возвращающимся в страну высококвалифицированным специалистам и китайским студентам, обучающимся за рубежом.

В-пятых, это государства, столкнувшиеся в последние десятилетия с взрывным экономическим ростом и вынужденные стимулировать крупномасштабную трудовую иммиграцию – как элитную, так и низкоквалифицированную. Типичные представители – страны Персидского залива (однако можно упомянуть и Сингапур, и ряд других стран Юго-Восточной Азии), для многих из которых последствием подобной политики стало формирование глубоких расколов в обществе между местными гражданами и бесправными и зачастую не имеющими легального статуса иммигрантами, нередко также отличающимися от принимающего населения по языку и религии. Подобные ситуации характеризуются в классической политологии как «mutually reinforcing cleavages» – параллельные и усиливающие друг друга разломы в обществе [Simmel, 1908; Lipset, 1960; Rokkan, 1967]. Принадлежность к одной расовой, этнической, религиозной, лингвистической, культурной, гендерной или социальной группе подразумевает в подобной ситуации принадлежность и к ряду других, что резко усиливает социальную напряженность и вероятность конфликта в обществе, превращая ареалы с высокой концентрацией мигрантов в социальные «бомбы замедленного действия». События последних лет в Бахрейне и ряде европейских стран, включая Францию, подчеркивают опасность сегрегации мигрантов и игнорирования необходимости их интеграции в принимающие общества. В большинстве этих стран ситуация осложняется авторитарным характером политических систем и крайней слабостью гражданского общества. Между

¹ Постоянно проживают за пределами страны 14 млн индийцев. В 2013 г. Индия обошла Мексику – прежнего мирового лидера по числу эмигрантов. Россия и Китай занимают соответственно 3-е и 4-е места [Inkpen, 2014].

² В 2011 г. в зарубежных университетах обучались 339 тыс. китайских студентов [Global Migration..., 2013; Open Doors..., 2012].

тем, во многих из них мигранты уже давно составляют большинство населения (в частности, в ОАЭ их доля в населении составляет 84%, в Катаре – 74%, в Кувейте – 60%, а в Бахрейне – 55%) [Inkpen, 2014]. Отметим также, что аналогичная динамика миграционной ситуации и множественность ролей в мировой миграционной сети характерна и для государств БРИКС.

Наконец, в-шестых, важно изучение опыта тех стран, которые, испытывая серьезные демографические проблемы, продолжают по политическим и иным причинам сдерживать иммиграционные потоки даже ценой серьезных демографических и социально-экономических потерь – например, Япония, а до недавнего времени и Республика Корея [Inkpen, 2014]. Отметим, что аналогичные последствия могут вызывать и другие факторы: в Китае, например, подобные проблемы возникли вследствие длительного претворения в жизнь политики «одна семья – один ребенок». Изучение социальных последствий подобной политики особенно важно в свете разворачивающихся во всех трех рассматриваемых регионах широких антииммигрантских кампаний.

Европейские миграционные реалии. С окончанием «холодной войны» на европейском Западе стало быстро меняться отношение к проблемам мигрантов в целом и беженцев, в частности. Свобода иммиграции из коммунистических стран была одним из главных западных лозунгов в условиях блокавого противостояния: как въехать на Запад, так и получить статус беженца было относительно легко. Когда же с распадом коммунистического блока, а затем и СССР этот вопрос потерял свое политическое значение и двери для выезда открылись, Запад быстро утратил интерес к данной проблеме, да и к судьбе большинства мигрантов. Теперь он нередко рассматривает их как обузу. Либерализация режима эмиграции сопровождается «закручиванием гаек» на Западе, затруднившим въезд в наиболее привлекательные страны. Помимо окончания блокавого противостояния, немалую роль сыграли и внутренние трудности в странах ЕС – как экономические (замедление темпов экономического роста и усиливающееся восприятие мигрантов как конкурентов и на рынке труда в сфере социальных льгот), так и политические (нарастание межэтнической напряженности и серия конфликтов в ряде принимающих стран, а затем и разворачивающаяся террористическая кампания, приведшие, в частности, к быстрому росту влияния правых националистических партий).

Между тем, абсолютная численность мигрантов и их доля в населении стран-членов ЕС продолжали возрастать. На 1 января 2015 г. здесь проживало 19,8 млн лиц, не являвшихся гражданами стран-членов Евросоюза (3,9% его совокупного населения), а численность жителей ЕС, родившихся за его пределами, составляла 34,4 млн (6,8%). 15,3 млн граждан стран-членов ЕС проживали в других государствах Союза [Migration and..., 2016]. Наибольшее число неграждан насчитывается (млн чел.) в Германии (7,5), Великобритании (5,4), Италии (5,0), Испании (4,5) и Франции (4,4). В этих пяти странах проживает 76% неграждан Евросоюза, тогда как их доля во всем населении ЕС – 63%. По относительным показателям лидер ЕС – Люксембург, где иммигранты составляют 46% населения. Еще в шести странах (Кипр,

Латвия, Эстония, Австрия, Ирландия и Бельгия) доля неграждан превышает 10%¹. Высока их доля в населении Швейцарии (27,4%) и Лихтенштейна (63,7%), не являющихся членами ЕС [Migration and..., 2016].

С усилением экономических трудностей и нарастанием этнической напряженности во многих европейских странах усиливаются требования жесткого ограничения иммиграции и переориентации миграционной политики на преимущественный прием высококвалифицированных специалистов в ущерб всем остальным категориям мигрантов, включая и беженцев. В частности, бывший президент Франции Н. Саркози говорил о необходимости перехода от «выстраданной» к «избранной» иммиграции [Joppke, 2011, p. 17]. Европейские эксперты различают желательную (высококвалифицированную трудовую) и нежелательную миграцию. В рамках первой выделяются «неизбежные»² и «принимаемые вынужденно» мигранты – как те, кто пользуется правом на воссоединение семей³, так и те, кто просит убежища [Carling, 2011, p. 134–135]. Претворение в жизнь планов по резкому увеличению доли «желательных» мигрантов может привести к серьезным структурным изменениям в миграционных потоках, негативно влияя на положение низкоквалифицированных мигрантов и беженцев.

С началом формирования Шенгенской зоны в 1990 г., принятием в 1997 г. Амстердамского договора и провозглашением в Тампере в 1999 г. цели создания зоны «свободы, безопасности и справедливости» ЕС все более ориентируется на параллельное формирование двух жестко очерченных европейских миграционных режимов. Во-первых, гарантирование свободы передвижения и создание единого рынка труда в рамках ЕС⁴. Во-вторых, возведение высоких заградительных стен вокруг Евросоюза, отсекающих мигрантов нежелательных категорий или, по крайней мере, усложняющих их въезд в ЕС. Данные режимы нередко описываются как ориентированные на гарантирование прав (внутриевропейский) и обеспечение безопасности (внешний, запретительный). Они также характеризуются как, соответственно, «Европа без границ» и «Европейская крепость»⁵.

¹ Нужно, конечно, учитывать специфику Латвии и Эстонии, где феномен неграждан во многом порожден этнически обусловленными дискриминационными действиями властей этих стран, а не миграционными факторами как таковыми.

² Нелегальные, преимущественно низкоквалифицированные.

³ Сегодня доля приезжающих в Европу по линии воссоединения семей составляет от 40 до 60% совокупного потока легальной иммиграции, достигая 70% во Франции [Joppke, 2011, p. 18].

⁴ Отметим, что Великобритания и Ирландия с самого начала воздержались от участия в Шенгенском процессе.

⁵ Среди вводимых ограничений – откладывание на годы присоединения к Шенгену для новых членов ЕС и предъявление им строгих требований по реформе миграционного законодательства, включая введение жесткого пограничного режима с соседними странами, не являющимися членами ЕС; подписание с соседями ЕС договоров об обязательном приеме обратно мигрантов с их территории, не получивших легального статуса в странах Шенгенской зоны; ужесточение критериев для получения статуса беженца (включая, в частности, требование, чтобы запрос о предоставлении убежища был сделан в первой же стране, где такой потенциальный беженец может оказаться) и сокращение предоставляемых льгот и т.п.

Радикальные изменения последних двух лет, включая формирование мощного потока беженцев из стран БВСА¹, наряду с серией террористических актов, значительно осложнили европейскую миграционную ситуацию, резко усилив поддержку населением крайне правых политических партий, активно использующих антииммигрантскую риторику. Помимо радикального сдвига общественного мнения во многих европейских странах вправо, меняющаяся ситуация может привести к серьезному ухудшению межэтнических отношений и расширению властных полномочий исполнительной власти даже в ведущих демократических странах Европы².

Специфика североамериканской ситуации. Особенно актуален и интересен американский опыт миграционной политики, поскольку США являются центром крупнейшей миграционной системы мира: согласно данным Бюро переписи США, в 2014 г. численность иммигрантов в этой стране достигла 42,4 млн, или 13,3% населения, составлявшего в тот момент 318,9 млн.³ Лишь за 2013–2014 гг. численность иммигрантов возросла на 1 млн чел. или на 2,5%. Численность же иммигрантов и их детей, родившихся в стране, составляет сегодня 81 млн чел., что составляет 26% населения [Zong and Batalova, 2016]. Согласно данным Управления иммиграционной статистики Министерства внутренней безопасности США, в январе 2012 г. в стране насчитывалось 11,4 млн нерегулярных («нелегальных») мигрантов, 71% из которых прибыли из Мексики и стран Центральной Америки [Zong and Batalova, 2016].

Немаловажны и многовековая история американской иммиграции, и тот факт, что во входящем потоке сегодня доминируют представители одной этнической и религиозной группы – испаноговорящие латиноамериканцы-католики, что усиливает опасения относительно размывания этно-религиозной идентичности населения США [Huntington, 2004]. Данное обстоятельство показывает, насколько американская миграционная ситуация оказывается в целом благоприятнее, чем в России и большинстве других принимающих иммигрантов стран, поскольку культурная дистанция между местным населением и большинством иммигрантов – христиан, говорящих на одном из основных европейских языков, в США оказывается наименьшей.

¹ В течение одного только 2015 г. более 1 млн чел. прибыли в Европу из стран БВСА. Крупнейшей принимающей страной была Германия, которая приняла 441,9 тыс. беженцев [Global Trends, 2015].

² Для России эти изменения весьма болезненны, поскольку они усиливают вероятность того, что те мигранты, которые оказываются на ее территории с целью попасть на Запад, могут вынужденно осесть на ее территории, как это происходит в настоящее время с некоторыми из беженцев из стран БВСА. Между тем, Россия не только имеет протяженные и нередко плохо охраняемые границы, но и заключила договоры о безвизовом обмене с многочисленными странами как в постсоветском пространстве, так и за его пределами. При этом многие из государств, с которыми были подписаны такие договоры, сами имеют плохо охраняемые границы и аналогичные договоры с третьими странами, что только усиливает потенциальную нагрузку на российскую миграционную систему.

³ Наивысшей доля иммигрантов в населении США была в 1890 г. – 14,8%. Современная доля иммигрантов в населении быстро приближается к этой рекордной отметке [Zong and Batalova, 2016].

Иммиграция – важнейший фактор не только количественного роста, но и качественных изменений в составе населения США. Сегодня его численность продолжает увеличиваться весьма высокими темпами и, согласно прогнозам, к 2050 г. достигнет 438 млн чел. [Statistical Abstracts..., 2012]. Иммиграция обеспечивает приблизительно $\frac{1}{3}$ совокупного прироста населения и рассматривается в качестве стимулятора экономической активности, обеспечивая подпитку экономики как низкооплачиваемой рабочей силой, так и высококвалифицированными специалистами, что означает и значительную экономию средств на их подготовку. Свыше 24 млн иммигрантов вовлечены в экономически активную деятельность.

Интересно, однако, что миграционная политика США долгое время не делала особого акцента на квалификацию мигрантов, уделяя первоочередное внимание их этническому происхождению и странам исхода с тем, чтобы сохранить высокую долю среди населения выходцев из Западной Европы, прежде всего, на основе дискриминационных региональных квот, введенных в начале XX в. Лишь после 1965 г., с принятием революционного Акта об иммиграционной реформе и серии актов о гражданских правах, США радикально пересмотрели свою иммиграционную политику, открыв границы для выходцев из стран третьего мира и квалифицированных специалистов. Сегодня американская иммиграционная политика направлена на достижение следующих основных целей: 1) обеспечение стабильной демографической подпитки населения США; 2) поддержание его этнического разнообразия; 3) обеспечение экономики рабочей силой разнообразных категорий¹; 4) прием беженцев по политическим, религиозным, этническим и прочим гуманитарным мотивам; 5) стимулирование притока высококвалифицированных специалистов, уменьшающего нагрузку на образовательную систему США, сокращающего затраты на подготовку профессиональных элит и приносящего значительные доходы американским университетам и национальному бюджету (которые, в частности, могут быть использованы для финансирования научных исследований и субсидирования обучения студентов – американских граждан)²; 6) широкомасштабная подготовка иностранных студентов в американских вузах позволяет осуществить отбор лучших кадров для предоставления им работы и места жительства в США и стимулировать формирование проамериканских групп – носителей новой политической культуры и идеологии из тех, кто впоследствии вернется

¹ В 2014 г. 10,5 млн чел. (29%) из 36,7 млн иммигрантов в возрасте старше 25 лет имели диплом о высшем образовании или научную/профессиональную степень по сравнению с 30% среди аналогичных групп принимающего населения. При этом доля лиц с высшим образованием оказывается гораздо выше (44%) среди мигрантов, приехавших в США после 2010 г. Следует, однако, отметить, что на другом краю образовательного спектра находятся 30% иммигрантов, не имеющих диплома о среднем образовании, тогда как доля таких лиц среди неиммигрантов составляет лишь 10% [Zong and Batalova, 2016].

² Ежегодно США и Великобритания получают более 20 млрд долл. в качестве платы за обучение и проживание от иностранных студентов [From Brain Drain..., 2014]. В 2008–2009 гг. более двух третей (671 тыс.) иностранных студентов, обучавшихся в США, финансировали свое обучение за счет «личных и семейных» средств, тогда как внутренние американские источники покрывали обучение лишь 24,4% иностранных студентов [Open Doors..., 2009].

домой. Сегодня студенты-иностранцы и сотрудники-иммигранты составляют в США около 1/2 академического персонала в сфере естественных наук¹.

Миграционная политика США, направленная на решение внутренних социально-экономических и политических задач, одновременно является и важнейшим внешнеполитическим механизмом «мягкой власти». Напомним, что Дж. Най характеризует ее как «способность получить то, что вы хотите, на основе (своей) привлекательности, а не путем давления или (денежных) выплат» [Нуе, 2004]. Тем не менее, сегодня миграционная политика внутри США подвергается жесткой критике. В центре дискуссий – вопрос нелегальной иммиграции. Спектр предлагаемых решений чрезвычайно широк – от полной амнистии 11,4 млн мигрантов-нелегалов до их масштабной депортации. В результате глубоких расхождений между сторонниками противоположных подходов в миграционной сфере, США не проводили глубоких структурных реформ с 1986 г.³, и все президенты после Р. Рейгана «ломали зубы», пытаясь предложить Конгрессу свои концепции миграционной реформы. Сегодня даже само выражение «иммиграционная амнистия» стало бранным в американском политическом лексиконе.

Проведение глубокой структурной реформы миграционной политики было одним из важнейших предвыборных обещаний Б.Обамы в 2008 г., обеспечившим ему внушительную поддержку испаноязычных избирателей (около 10% электората). Совокупная численность в США так называемых «хиспаников» – лиц с испаноязычными корнями – достигла в 2014 г. 55,3 млн чел. (17,3% населения страны)³. Ныне они составляют 46% эмигрантов в США (19,4 млн чел.). Во время президентских выборов 2012 г. Б. Обама получил 71% голосов испаноязычных избирателей (наилучший показатель для демократического кандидата с 1996 г.), тогда как республиканец М. Ромни – лишь 27% [Hispanic Voters..., 2016]. Эта ситуация вынуждает республиканскую верхушку лихорадочно искать компромиссные решения, поддерживая некоторые аспекты миграционной реформы в надежде вернуть хотя бы часть «испаноязычного» электората. Тем не менее, тот факт, что, вопреки своим предвыборным обещаниям, в течение своего президентства Б. Обама так и не предложил Конгрессу комплексного проекта иммиграционной реформы, привел к резкому снижению активности испаноязычных избирателей на выборах 2014 г., став одной из важнейших причин сокрушительного поражения на них Демократической партии.

¹ В настоящее время шесть из каждых десяти «инноваторов», вовлеченных в международную миграцию, направляются в США. В целом в США приезжает в 15 раз больше «инноваторов», чем покидает эту страну. 80% интеллектуальных мигрантов из Индии, среди которых преобладают специалисты в компьютерной сфере, едут в США. Среди лидеров по числу эмигрантов-«инноваторов» Индия занимает первое место, Китай – второе, а Россия – седьмое. Одновременно все три страны практически не принимают у себя «инноваторов» из-за рубежа [US Education Reform..., 2012; From Brain Drain..., 2014; Khadria, 2010].

² Когда был принят Акт об иммиграционной реформе и контроле, предоставивший амнистию приблизительно 2,7 млн из находившихся в стране 6 млн нелегалов.

³ В 1980 г. численность «хиспаников» – 14,8 млн чел. (6,5% населения) [Zong and Batalova, 2016].

Иммиграционная концепция Б. Обамы включает как либеральные положения, так и довольно жесткие ограничительные элементы¹. С точки зрения стимулирования интеллектуальной миграции особое значение имеет так называемый «Акт мечты»², принятие которого обеспечило бы облегченное и ускоренное получение гражданства детьми нелегальных мигрантов, учащимися в университетах или военнослужащими. Концепция иммиграционной реформы также предусматривает либерализацию визового режима для высококвалифицированных работников и предпринимателей, готовых вкладывать средства в американскую экономику. Поражение демократов на выборах 2014 г. еще более ослабило шансы на принятие Конгрессом нового миграционного законодательства, что может привести к подготовке президентом исполнительных актов, осложняющих его отношения с законодательной властью. Х. Клинтон в целом поддерживает концепцию иммиграционной реформы Б. Обамы, предлагая еще большее расширение возможностей легализации определенных групп незаконных мигрантов, прежде всего, молодежи и лиц с высоким уровнем образования.

Приоритеты миграционной политики вызывают серьезные противоречия даже среди сторонников либерального подхода. Так, имеют место трения между теми, кто поддерживает общее снятие ограничений с иммиграции и массовую легализацию незаконных мигрантов, и теми, кто предлагает радикальное увеличение квоты высококвалифицированных специалистов при одновременном резком сокращении числа лиц, прибывающих по линии воссоединения семей. В частности, оппоненты президентского подхода предупреждают, что широкомасштабная легализация нелегалов может создать неблагоприятный прецедент, стимулируя дальнейшую нерегулярную миграцию, включая и «воспроизводственный туризм» беременных женщин³. По их мнению, подобная ситуация несправедлива по отношению к тем, кто приехал в США легальным путем, но подчас вынужден десятилетиями ожидать получения разрешения на постоянное жительство или гражданство.

Последовательное снижение поддержки республиканцев испаноязычным электоратом вынуждает партийное руководство искать компромисс с тем, чтобы получить определенные аспекты иммиграционной реформы с целью получить поддержку по крайней мере части избирателей «хиспаников». Подобные попытки встречают ожесточенное сопротивление консервативных партийных активистов, приводя к глубокому расколу внутри партии. Выдвижение кандидатуры Д. Трампа как официального кандидата от Республиканской партии на президентских выборах 2016 г. с его

¹ В частности, в годы его президентства было депортировано более 1,5 млн мигрантов-нелегалов [Kessler, 2014].

² DREAM Act – «Развитие, помощь и образование для малолетних мигрантов».

³ Четырнадцатая поправка к Конституции США декларирует, что «Все лица, рожденные или натурализованные в США... являются гражданами США и штата, в котором они проживают...» [<http://usconstitution.com/bill-of-rights/amendments-11-27>]. Наличие этой поправки привело к тому, что в семьях нерегулярных мигрантов проживает в настоящее время 4,1 млн детей, рожденных в США и являющихся поэтому американскими гражданами [Zong and Batalova, 2016].

открыто антииммигрантской популистской риторикой, включая обещания построить стену на всем протяжении границы с Мексикой, депортировать всех незаконных мигрантов и временно заблокировать мусульманскую иммиграцию, служат подтверждением этого внутрипартийного раскола и близости трендов общественного мнения в США и Западной Европе. Они весьма репрезентативны в плане нарастания неуверенности белого большинства в сохранении своих позиций в американском обществе и опасений за свое будущее, особенно в годы президентства Б. Обамы.

Действительно, в этом президентском цикле американский электорат выглядит раздробленным по этническому, расовым, гендерным и религиозным критериям, а также по линии сексуальной ориентации. Д. Трамп при этом поддерживают прежде всего представители традиционного белого среднего класса, особенно мужчины, тогда как Х. Клинтон – широкая коалиция меньшинств (афроамериканцы, испаноязычные, мусульмане, феминистки и женщины в целом, а также сексуальные меньшинства). Перед выборами 2016 г. более 90% афроамериканцев поддерживали Х. Клинтон, а Д. Трампа – всего лишь 2–6%. В июле 2016 г. Х. Клинтон поддерживали 66% испаноязычных граждан, Д. Трампа – 24% [Hispanic Voters..., 2016]. В подобной ситуации любой исход выборов может иметь весьма серьезные последствия для внутренней стабильности США: проигравшая сторона на этот раз может воспринять неблагоприятный результат как открытую атаку на свои интересы.

И тем не менее, в отличие от Европы, американский электорат до начала текущей избирательной кампании не воспринимал проблему иммиграции как одну из важнейших для страны. Попадание этой проблематики в центр политической повестки дня и президентских дебатов оказалось напрямую связанным с возникновением кандидатуры Д. Трампа и его агрессивной кампанией, серьезно перекроившей приоритеты избирателей. Данный факт высвечивает деструктивный потенциал как популистских политических лидеров, так и сенсационных и идеологически заряженных источников массовой информации в плане радикализации общественного мнения и ухудшения межэтнических и межконфессиональных отношений в стране.

В частности, миграционная программа из десяти пунктов, озвученная Д. Трампом 31 августа 2016 г., предлагает значительное ужесточение миграционной политики США, что может иметь весьма серьезные последствия как для американской экономики, так и для межрасовых и иных межгрупповых отношений в этой стране. Претворение ее в жизнь способно привести к резкому усилению правительственного контроля над сферой общественных отношений и личной жизнью американских граждан, в то время как политика Д. Трампа по отношению к испаноязычному и мусульманскому сообществам может повлечь за собой ухудшение отношений с рядом межгосударственных организаций и зарубежных государств, включая Мексику и Латинскую Америку в целом, а также многие мусульманские страны.

По крайней мере, в настоящее время Д. Трамп готов к принятию только высококвалифицированных мигрантов, блокируя иммиграцию представителей практически всех прочих групп. К сожалению, в этом смысле

современные тренды в миграционной сфере США, включая и ориентацию общественного мнения, поскольку позиция Д. Трампа отражает взгляды значительной части американских избирателей, все более начинают напоминая ситуацию, складывающуюся в ЕС.

Многие сегодня призывают США перейти на канадскую систему баллов как основной принцип формирования миграционного потока и оценки «качества» потенциальных иммигрантов¹. Принятая в 1967 г., она дает значительные преимущества кандидатам моложе 35 лет и имеющим ученые степени или профессиональную квалификацию высокого уровня: 62% разрешений на постоянное жительство выдаются на основе квалификации (в США же – лишь 13%) [Zakaria, 2012]. Между тем, в Канаде и эта система подвергается критике – как из-за того, что часто игнорирует гуманитарные аспекты иммиграции, так и потому, что недостаточно эффективно учитывает потребности рынка труда. В частности, правительства ряда канадских провинций подчеркивают, что наиболее дефицитны сейчас профессии средней категории сложности, включая, например, средний и младший медицинский персонал, в то время как система баллов дает преимущество наиболее квалифицированным и дорогостоящим кадрам. Вероятно, оптимальное решение находится где-то на полпути между канадской и американской разновидностями иммиграционной политики. В целом же опыт и США, и Канады говорит о значительной пользе иммиграции и способности государства и общества интегрировать значительные массы мигрантов, не подвергая опасности основы демократии.

Вместо заключения – зарубежный миграционный опыт и Россия. Миграционная ситуация в России характеризуется наличием заметных параллелей с другими ведущими странами иммиграции, а потому изучение зарубежной практики в этой сфере и приложение его положительных аспектов к российской действительности было бы весьма полезно. Несмотря на многочисленные проблемы, весь мировой опыт свидетельствует о способности государства и общества принять и интегрировать значительные массы мигрантов, не подвергая опасности основы демократической власти. Однако тот же опыт одновременно показывает, что политика сегрегации мигрантов, формирующая этнические анклав и загоняющая их в юридические «серые зоны», может иметь негативные последствия.

Специфика российской ситуации связана прежде всего с относительной новизной проблемы масштабной иммиграции, а также институциональной и психологической неготовностью государства и общества к притоку большого числа инокультурных мигрантов. Более того, сегодняшняя ситуация в России осложняется рядом моментов. Во-первых, не только присутствием миллионов не имеющих прав мигрантов, отличающихся от местного населения в этническом, религиозном и культурном плане, но и слабостью и неэффективностью правительственных структур, которые должны работать с ними. Во-вторых, Россия сегодня выделяется отсутстви-

¹ Подробнее о канадской иммиграционной системе смотрите на: www.cic.gc.ca/english/immigrate/skilled/apply-who.asp

ем крупномасштабных антииммигрантских партий и движений и харизматичных популистских лидеров. Однако эта черта современной российской политической ситуации во многом связана с тем, что само российское государство последовательно занимается дискриминацией определенных групп мигрантов, препятствуя легализации нерегулярных мигрантов. В-третьих, введением в последние годы определенных ограничений на деятельность зарубежных и международных неправительственных организаций, которые во всем мире играют важнейшую роль в деле оказания помощи мигрантам и беженцам. Это не только сокращает спектр предоставляемых мигрантам услуг, но и создает дополнительную нагрузку на бюджет и государственные структуры. В-четвертых, ощутима относительно скромная роль церковных организаций. Между тем, в США, например, церкви играют важнейшую роль в сфере помощи мигрантам и беженцам, видя в них потенциальных прихожан.

В России и государство, и население весьма скептически относятся к проблемам мигрантов, в целом, и беженцев, в частности. Это обстоятельство, наряду со слабостью гражданского общества, ксенофобными настроениями, широко распространенными среди населения, в государственном аппарате и в прессе, препятствует должному пониманию серьезности и важности миграционной проблематики, затмевает как стратегическую, так и человеческую составляющую миграционных проблем, снижая эффективность политики в этой сфере. А между тем, эффективная миграционная политика могла бы способствовать решению многих насущных российских проблем в социально-экономической и демографической сферах. Не менее важны и внешние аспекты миграционной политики: иммиграция из соседних стран является важнейшим механизмом стабилизации социально-экономической и политической ситуации в приграничных регионах на основе таких факторов, как переводы мигрантов¹, снижение демографической нагрузки и ослабление давления на социальные службы и рынки рабочей силы в странах эмиграции, предоставление мигрантам образовательных услуг² и погружение их в российскую культуру. Использование этих механизмов могло бы существенно расширить потенциал «мягкой власти» России³.

¹ Среди стран «нового зарубежья» Таджикистан является мировым лидером по доле официально зафиксированных переводов мигрантов (4,1 млрд долл. в 2013 г.) в национальном ВВП (48%). Киргизия и Молдавия занимают соответственно 3-е и 5-е места (31% и 24,5%) [Migration and..., 2016].

² Численность российских студентов на Западе остается низкой – 35–50 тыс. чел., примерно 1,5% от численности международных студентов в мире (3 млн чел.) [Summing up..., 2014]. Россия, между тем, становится заметным игроком на рынке международного образования. Численность зарубежных студентов в российских вузах возросла с 67 тыс. в 1995–1996 учебном году до 124 тыс. в 2010–2011 гг. [Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_11/Main.htm.]

³ Среди таких возможных механизмов – обучение и индоктринация приезжающих мигрантов, предоставление им новых профессиональных навыков с целью превратить их в носителей российского экономического, политического и культурного влияния в своих странах.

МАСШТАБЫ И ПРОБЛЕМЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

И.А. АЛЕШКОВСКИЙ, В.А. ИОНЦЕВ, Я.А. РУДНЕВА

Во второй половине XX в. глобализационные процессы в сочетании со стремительными переменами в глобальных политических и экономических системах способствовали резкой интенсификации межгосударственных миграционных потоков, что привело к формированию принципиально новой миграционной ситуации в мире [Василенко, Слука, 1999; Слука, 1999; Слука, Слука, 2000]. Одной из характерных ее особенностей стали неуклонный рост масштабов и структурная непреодолимость нелегальной миграции. В конце XX – начале XXI вв. обострение социально-экономических проблем в странах, принимающих мигрантов, усложнение геополитической обстановки в мире и другие факторы привели к тому, что феномен нелегальной иммиграции стал предметом возрастающей и расширяющейся общественной дискуссии во многих странах мира. Как свидетельствуют социологические опросы, жители большинства развитых стран рассматривают нелегальную иммиграцию как одну из наиболее острых проблем, угрожающих национальной безопасности. Приток нелегальных мигрантов ассоциируется с ухудшением криминальной обстановки, ростом наркомании и наркотрафика, угрозами международного терроризма и другими негативными явлениями [Migration Policy Institute, 2011].

Обеспокоенность общества, в свою очередь, обуславливает возрастающий интерес к проблемам нелегальной иммиграции со стороны ученых, государственных и политических деятелей, институтов гражданского общества и международных организаций, стимулирует дальнейшее усиление мер по противодействию нелегальной иммиграции. Это стало особенно заметным после трагедии 11 сентября 2001 г. в США, когда основными темами мировой повестки дня стали проблемы национальной безопасности и международного терроризма, и событий «арабской весны», существенно обострившей проблему вынужденной и нелегальной иммиграции в Европе [Ионцев, Алешковский, 2008].

Сложность изучения нелегальной миграции обуславливается отсутствием устоявшегося терминологического аппарата.

В работах ученых можно найти не только различные определения нелегальной иммиграции, но и разное понимание самой сути этого явления. Так, для обозначения мигрантов, которые въезжают в страну незаконно или нелегально, нарушают установленные сроки пребывания или находятся в стране без вида на жительство, нарушают иные установленные для них миграционные правила, в современной научной литературе используется целый ряд терминов: «недокументированная», «незаконная», «нелегальная», «неразрешенная», «неурегулированная», «подпольная», «полулегальная» миграции и др. При этом одни исследователи рассматривают эти термины как синонимы, а другие – как принципиально различные.

В настоящее время большинство международных организаций, такие как МОМ, МОТ, Совет Европы, отдают предпочтение терминам «irregular migration» («нерегулярная миграция») и «irregular migrants» («мигранты с неурегулированным статусом»). Использование терминов «illegal migration» («нелегальная миграция») и «illegal migrants» («нелегальные мигранты») в основном ограничивается случаями контрабанды и траффика мигрантов. Одним из первых международных документов, в котором рассматриваются проблемы нелегальной трудовой миграции, является Конвенция МОТ № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства, возможностей и обращения» (1975 г.). В этом документе указывается, что нелегальность может быть связана с различными аспектами: въездом, транзитом или пребыванием в стране, способом занятости. «Каждый член Организации принимает все необходимые и соответствующие меры... против организаторов незаконного или тайного передвижения мигрантов, ищущих работу..., а также против тех, кто нанимает трудящихся, иммигрировавших в незаконных условиях» [Конвенция МОТ, 1975].

Понятие «нелегальный» («illegal») имеет нормативный подтекст и несет отпечаток «криминальности», тогда как многие нелегальные мигранты, даже если они нарушили миграционные законы в области въезда и/или пребывания в принимающей стране, не могут быть названы преступниками в обычном понимании этого слова. В связи с этим на Международной конференции ООН по народонаселению и развитию (1994 г.) было предложено использовать по отношению к лицам, которые не удовлетворяют установленным властями принимающей страны требованиям в отношении въезда, пребывания или экономической деятельности, формулировку «лица без документов». Однако этот термин также не являлся полным, поскольку он не охватывает мигрантов, въезжающих в страну на законном основании с туристическими документами, которые затем нарушают условия въезда и устраиваются на работу. Мигранты, пересекающие границы с помощью специальных проводников, также могут иметь поддельные документы. В 1999 г. на Международном симпозиуме по миграции в Бангкоке было рекомендовано использовать термин «лица с неурегулированным статусом». При этом неурегулированное положение в области миграции может быть связано с различными моментами, такими как отъезд, транзит, въезд и возвращение, причем нарушения законности могут совершаться как в отношении мигрантов, так и самими мигрантами [МОТ, 2004].

В «Миграционном словаре», подготовленном МОМ, приводится следующее определение нелегальной миграции: перемещения, которые имеют место вне рамок законов стран выбытия, транзита или прибытия мигрантов. Четкое и универсальное определение нелегальной миграции отсутствует. С точки зрения принимающей страны, к ней относят перемещения, связанные с нелегальным въездом, пребыванием или работой в стране, подразумевая, что мигрант не имеет необходимых в соответствии с миграционным законодательством документов для законного въезда, проживания или работы в данной стране. С точки зрения страны эмиграции, нелегальность

проявляется, например, в том случае, когда индивид пересекает международную границу без действительного паспорта или выездного документа, или же не выполняет административные требования, необходимые для выезда из страны [ИОМ, Glossary on Migration, 2004, p. 34–35].

В докладе Глобальной комиссии по международной миграции (2005 г.) отмечается, что «термин нелегальная миграция обычно используется для характеристики различных форм перемещений индивидов, связанных с нарушением правил въезда или пребывания страны, гражданами которой они не являются. Она включает в себя индивидов, которые въезжают или находятся в стране без разрешения, которые были перевезены через государственные границы контрабандно или незаконно; лиц, ищущих убежища, которым было отказано в предоставлении убежища и которые скрылись от депортации; лица, которые въехали по поддельным документам или получили вид на жительство с помощью фиктивного брака. Все эти различные формы нелегальной миграции часто объединяются под названиями «не-разрешенная», «недокументированная», «незаконная» и др. Комиссия осведомлена о спорах, окружающих сравнимость этих терминов, и согласна с утверждением, что к человеку неприменимо определение «незаконный» или «нелегальный». В связи с этим в рамках настоящего доклада используется термин «мигранты с неурегулированным статусом» («migrants with irregular status») [GCIM, Migration in an interconnected world, 2005, p. 32].

В подготовленном в 2011 г. МОМ Справочнике по терминологии в области миграции приводятся следующие определения:

- недокументированные трудящиеся-мигранты (трудящиеся-мигранты, пребывающие с нарушением законодательства; трудящиеся-мигранты без документов);

- трудящиеся-мигранты или члены их семей, которым не разрешен въезд, пребывание или работа в стране;

- нерегулярная миграция (незаконная миграция, нелегальная миграция) – передвижение, происходящее вне регулирующих норм страны отправления, транзитной и принимающей стран;

- нерегулярный мигрант – лицо, которое вследствие незаконного въезда или истечения срока действия визы не имеет законного статуса в транзитной или принимающей стране.

Обобщая изложенное, укажем, что, на наш взгляд, наиболее полными и точными определениями представляются следующие:

- нелегальная (нерегулярная) миграция – это территориальные (пространственные) перемещения людей через административные границы, сопровождаемые нарушением правил выезда страны выбытия, правил въезда и/или пребывания (проживания) в стране прибытия, правил транзита через третью страну или правил осуществления трудовой деятельности в стране прибытия;

- нелегальные (нерегулярные) мигранты – это мигранты, нарушившие правила въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда через территорию данного государства, а также правила осуществления трудовой деятельности в данном государстве.

Методы оценки нелегальной иммиграции аналогичны методам оценки других «неформальных» социально-экономических процессов и имеют те же методические проблемы. Главная из них заключается в том, что выявить «истинное число» нелегальных мигрантов по определению невозможно. Также невозможно выделить и изучить репрезентативную выборочную совокупность «недокументированных» мигрантов, поскольку структура генеральной совокупности является неизвестной. В целом все методы оценки численности и структуры нелегальных мигрантов основываются на использовании имеющихся «жестких» статистических данных (т.е. анализе известных и зарегистрированных случаев нелегальной миграции). Исходя из наблюдаемых и учтенных показателей, в свою очередь, можно сделать выводы о масштабах «ненаблюдаемых» явлений (численности незаконно проживающих мигрантов, нелегально занятых и т.д.).

В зависимости от способа получения данных, все методы оценки численности нелегальных иммигрантов можно разделить на две группы. *Прямые методы* основаны на непосредственной регистрации каждого миграционного события. К ним относятся: данные пограничного контроля; данные деклараций капитанов кораблей; число выданных разрешений на трудовую деятельность и вид на жительство; число депортированных иностранцев; число выявленных мигрантов, занятых в неформальном секторе; статистика разрешений на привлечение иностранной рабочей силы в принимающей стране и др. *Косвенные методы* в большинстве случаев носят оценочный характер и опираются на материалы переписей населения, выборочных обследований, опросов экспертов и др. Они включают: метод демографического баланса, «метод Дельфи»; методы оценки численности нелегальной миграции, основанные на анализе денежных переводов трудящихся-мигрантов, и др. Сочетание прямых и косвенных методов позволяет расширить возможности анализа нелегальной миграции населения, точнее оценить ее масштабы и структуру.

Для оценки масштабов нелегальной миграции представляется целесообразным использовать теорию факторов миграции (теорию «притяжения – выталкивания») и методы дискриминантного анализа. Базируясь на имеющихся исследованиях нелегальной миграции, а также исходя из доступной статистической информации¹, разработана экономико-математическая модель оценки масштабов нелегальной иммиграции. Зависимой переменной в модели выступает численность нелегальных иммигрантов в данной стране. В качестве независимых переменных был сформирован набор из пятнадцати показателей, гипотетически влияющих на уровень нелегальной иммиграции: 1) общий коэффициент рождаемости, ‰; 2) общий коэффициент смертности, ‰; 3) коэффициент миграционного прироста населения, ‰; 4) коэффициент младенческой смертности, ‰; 5) суммарный коэффициент рождаемости, детей на одну женщину; 6) доля населения в возрасте до 15 лет, ‰; 7) доля населения

¹ Данные международного проекта Clandestino, Отдела народонаселения ООН, Бюро изучения населения и Всемирного банка.

в возрасте 65 лет и старше, %; 8) ожидаемая продолжительность жизни при рождении, мужчины, лет; 9) ожидаемая продолжительность жизни при рождении, женщины, лет; 10) доля городского населения, %; 11) ВВП на душу населения по ППС, долл.; 12) плотность населения, чел. на км²; 13) уровень безработицы по методологии МОТ, %; 14) среднегодовая численность населения, тыс. чел.; 15) уровень грамотности населения, %.

Для проведения дискриминантного анализа была сформирована «обучающая выборка» из большинства европейских стран и США, ряда стран Африки, Южной Америки и Австралии. Оценка численности нелегальных мигрантов в европейских странах была взята из исследовательского проекта *Clandestino*, оценки по другим странам – из официальных статистических источников. В обучающей выборке были заданы следующие оценки интервала масштабов нелегальной иммиграции (тыс. чел.): 1) 0–10; 2) 11–50; 3) 51–200; 4) 201–500; 5) 501–1000; 6) свыше 1000. Для каждого интервала были рассмотрены регрессионные модели следующего вида:

$$IM_i = C + \sum_{i=1}^n \alpha_i \times X_i, \text{ где}$$

IM_i – оценка масштабов нелегальной миграции в стране i , X_i – вектор экономико-демографических показателей страны i , C – константа, $\alpha = (\alpha_1, \dots, \alpha_n)$ – параметры регрессии.

Методами дискриминантного анализа сформированной совокупности исходных показателей для обучающей выборки были выявлены существующие связи между результирующей переменной и предполагаемыми объясняющими переменными, а также оценена значимость объясняющих переменных. Проведенный анализ показал, что одновременное включение всех выбранных 15 показателей приведет к возникновению в модели мультиколлинеарности. Поэтому нами были протестированы различные регрессионные модели, включающие различные некоррелируемые между собой объясняющие переменные. В итоге была выбрана наилучшая модель, в которой все объясняющие переменные были значимыми на однопроцентном уровне. Модель учитывает в качестве детерминант нелегальной иммиграции шести из ранее отобранных показателей (3, 5, 9, 10, 11, 12). Согласно модели, страны и территории мира были распределены по шести кластерам, соответствующим оценкам масштабов нелегальной миграции (табл. 5.8).

Исследование подтвердило перспективность применения методов дискриминантного анализа для оценки масштабов нелегальной миграции и разработки на этой основе рекомендаций по совершенствованию государственной политики в области регулирования миграционных процессов и противодействия нелегальной миграции. Вместе с тем имеются возможности для совершенствования модели. Для улучшения модели в «обучающей выборке» должны присутствовать как можно больше различных по экономико-демографическим показателям стран. При этом число стран для каждого интервала оценок должно быть примерно одинаковым, чтобы алгоритм не отдавал предпочтения какому-либо интервалу. Целесообразно

ввести в модель фиктивную переменную, отражающую жесткость миграционной политики в стране, фиктивную переменную, отражающую членство страны в интеграционном объединении со свободой перемещения рабочей силы и др.

Таблица 5.8

**Распределение стран и территорий мира
по оценке масштабов нелегальной миграции, 2013 г.**

№	Масштабы миграции, тыс. чел.	Состав кластеров
I	0–10	Андорра, Антигуа и Барбуда, Барбадос, Бахрейн, Белоруссия, Болгария, Босния и Герцеговина, Вануату, Грузия, Исландия, КНДР, Косово, Лихтенштейн, Люксембург, Маврикий, Мальта, Молдавия, Монако, Палау, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Сингапур, Таиланд, Украина, Финляндия, Хорватия, Швеция
II	11–50	Азербайджан, Ангола, Армения, Афганистан, Бангладеш, Белиз, Бенин, Боливия, Буркина-Фасо, Бурунди, Бутан, Венгрия, Восточный Тимор, Вьетнам, Габон, Гаити, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Гондурас, Дания, Дем. Респ. Конго, Джибути, Египет, Зимбабве, Йемен, Ирак, Камбоджа, Камерун, Кения, Киргизия, Кирибати, Коморские Острова, Конго, Кот-д'Ивуар, Куба, Лаос, Лесото, Либерия, Мавритания, Мадагаскар, Малави, Малайзия, Мали, Мальдивы, Микронезия, Мозамбик, Монголия, Мьянма, Намибия, Непал, Нигер, Нигерия, Нидерланды, Пакистан, Панама, Папуа-Новая Гвинея, Португалия, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленд, Сейшельские Острова, Сенегал, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сирия, Соломоновы Острова, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Таджикистан, Танзания, Того, Тонга, Тринидад и Тобаго, Тувалу, Туркменистан, Узбекистан, Уганда, Филиппины, Центральноафриканская Республика, Чад, Чили, Шри-Ланка, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эфиопия, Южный Судан, Ямайка
III	51–200	Албания, Доминика, Замбия, Индия, Ирландия, Кипр, Китай, Коста-Рика, Кувейт, Латвия, Литва, Македония, Польша, Словакия, Словения, Тайвань, Эстония, Черногория, Чехия
IV	201–500	Австрия, Ботсвана, Гватемала, Германия, Канада, Катар, Ливия, Новая Зеландия, Норвегия, Швейцария
V	501–1000	Австралия, Аргентина, Бельгия, Венесуэла, Греция, Индонезия, Испания, Италия, Ливан, Колумбия, Никарагуа, Парагвай, Перу, Тунис, Южная Корея, Уругвай, Эквадор, Япония
VI	свыше 1000	Алжир, Бразилия, Великобритания, Доминиканская Республика, Иордания, Израиль, Иран, Казахстан, Марокко, Мексика, Оман, ОАЭ, Россия, Саудовская Аравия, Турция, США, Франция, ЮАР

Рассчитано в программной оболочке Statistica 10.

На общемировом фоне традиционно особое место занимает ЕС, иммиграция в страны которого всегда была популярна по ряду причин. Наиболее значимыми из них являются высокий уровень социально-экономического развития ЕС, безопасность и защита прав человека. В начале XXI в., в силу изменения геополитической обстановки, миграции резко усилились, что превратило миграционную проблему в регионе в одну из важнейших и трудно решаемых. Только в 2015 г. в ЕС прибыло 1006 тыс. чел., подавляющее большинство (971 тыс. чел.) из них добрались морским путем, через Средиземное море. Еще 34 тыс. чел. достигли ЕС по суше – из Турции в Болгарию и Грецию. По данным ООН, каждый второй иммигрант был из Сирии, 20% – из Афганистана, 7% – из Ирака. Подавляющее большинство переместившихся – нелегальные мигранты [International Organization for Migration, 2015].

Необходимость совершенствования законодательного регулирования миграционной политики ЕС стала очевидной еще в начале XXI в., но на сегодняшний день правовое регулирование противодействия нелегальной иммиграции на европейском уровне не в полной мере отвечает современным требованиям. По мнению Европейского совета, долгосрочной задачей ЕС должен был стать универсальный, сбалансированный подход к устранению основных причин нелегальной миграции. Но в действиях государств-членов ЕС не прослеживается единого подхода к проблеме противодействия нелегальной иммиграции, что существенно снижает эффективность борьбы с этим явлением на общеевропейском уровне.

Среди многочисленных проблем борьбы с нелегальной миграцией, с которыми сталкиваются страны ЕС, можно выделить три основных: *идентификация личности мигрантов, их содержание и расходы на профилактическую работу.* В этой связи можно рекомендовать следующие основные направления, по которым необходимо развивать сотрудничество: 1) создание общей базы данных о нелегальных мигрантах, задержанных на границе; 2) финансирование содержания нелегальных мигрантов; 3) разработка и реализация согласованных превентивных мер противодействия нелегальной миграции и контрабанде людей; 4) совместный пограничный контроль.

В последние годы в связи с крайне тяжелой миграционной обстановкой в ЕС предлагается множество идей по борьбе с нелегальной миграцией. Так, 13 мая 2015 г. председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер представил соответствующий план. В него входят четыре основных пункта: 1) общая миграционная политика Евросоюза путем введения квот на прием беженцев; 2) совместная борьба с нелегальной иммиграцией и торговлей людьми; 3) совместный контроль внешних границ ЕС; 4) новая политика в области легальной миграции [European Commission, 2015].

Европейская Комиссия по итогам встречи министров иностранных и внутренних дел ЕС под председательством вице-президента Ф. Могерини и комиссара по миграции, внутренним делам и гражданству Д. Аврамопулоса в Люксембурге 20 апреля 2015 г. обнародовала план действий из десяти пунктов [European Commission, 2015]. Он включает: 1) возобновление совмест-

ных операций Triton и Poseidon за счет увеличения финансовых ресурсов и активов; 2) ведение систематической работы по захвату и уничтожению судов, которые используют контрабандисты (положительный пример подобных действий получен в результате запуска операции Atalanta в Индийском океане); 3) тесное сотрудничество EUROPOL, FRONTEX, EASO и EUROJUST с целью сбора информации о действиях контрабандистов; 4) создание рабочих групп в Италии и Греции для обработки ходатайств о предоставлении убежища; 5) обеспечение дактилоскопической экспертизы всех мигрантов; 6) рассмотрение механизмов экстренного переселения; 7) предоставление пилотного проекта по переселению, предлагающего ряд мест, где лица, нуждающиеся в защите, могут получить ее; 8) установление новой программы для быстрого возвращения нелегальных мигрантов; 9) дипломатическое взаимодействие со странами-соседями Ливии; 10) развертывание деятельности иммиграционных офицеров в ключевых странах «третьего мира» для сбора разведывательной информации о миграционных потоках. Система мероприятий получила полную поддержку министров иностранных и внутренних дел ЕС. Вместе с тем, четкого плана по решению миграционной проблемы в ЕС пока не существует.

Заключение. Нелегальная иммиграция – одна из характерных черт современных миграционных процессов. Международный опыт противодействия этой форме миграции показывает, что в условиях современной глобальной экономики проблема не может быть решена полностью. Независимо от того, какую иммиграционную политику будут проводить правительства принимающих стран, в них всегда будет находиться определенное число нелегальных иммигрантов. Вместе с тем масштабы нелегальной иммиграции могут быть значительно сокращены, если будет поощряться легальная трудовая миграция. Вопросы управления нелегальной иммиграцией предполагают формирование целого комплекса правовых институтов и должны рассматриваться в более широком контексте общего иммиграционного законодательства. Оно должно включать в первую очередь четкую юридическую регламентацию критериев и процедур легального въезда в страну, учитывающую все разнообразие современных миграционных потоков. На наш взгляд, для эффективного противодействия нелегальной иммиграции необходим поиск баланса между ужесточением политики в отношении как нелегальных мигрантов, так и использующих их труд работодателей, и укреплением правовой базы легальной миграции, созданием дополнительных легальных каналов для приема трудящихся-мигрантов. При расширении правовых гарантий часть иммигрантов, которые сегодня предпочитают нелегальные каналы въезда и проживания, перейдут на законное положение.

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС: ИСПЫТАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Е.В. РОМАНОВА

Международная миграция населения¹, вызванная как войнами и конфликтами, так и процессами глобализации, социальной трансформации и климатическими изменениями, – тема, которая давно получила в европейских странах внешнеполитическое измерение и переросла в ранг ключевых задач в повестке дня ЕС. Война в Сирии, спровоцировавшая поток беженцев, усилила волны миграции из других горячих точек мира. В 2015 г. более 1255 тыс. беженцев подало в странах ЕС прошения о предоставлении убежища² (рис. 5.1), что более чем в 2 раза превышает число заявлений годом ранее [Asylum in the EU Member States]. За первые три месяца 2016 г. в страны ЕС прибыло уже около 160 тыс. новых беженцев, хотя это и меньше, чем в 2015 г. [ЮМ, 2016].

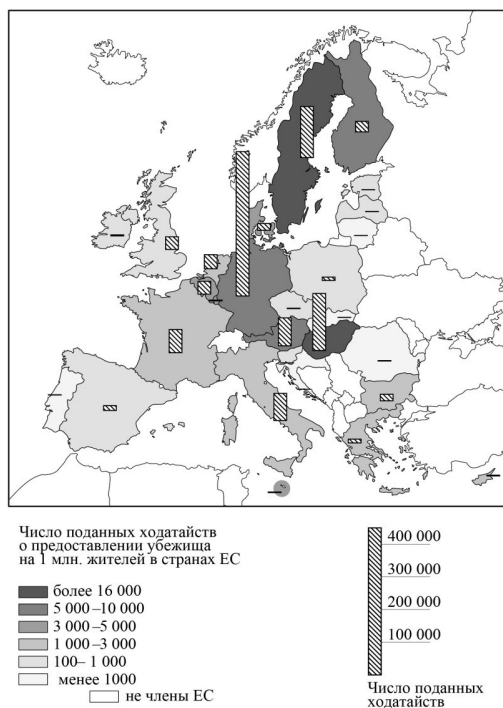

Рис. 5.1. Число поданных ходатайств о предоставлении убежища в странах ЕС на 2015 г.

Источник: [Евростат, 2016]. Составитель: Л.А.Кадилова.

¹ Под мигрантами в данной работе подразумеваются экономические мигранты и беженцы, потенциально ищущие политического убежища.

² Первые обращения

Около трети всех обращений подали сирийцы (около 363 тыс. чел.), что также превышает показатель 2014 г. в 2 раза. Почти половина из них была зарегистрирована в Германии (158,7 тыс.). Сирийцы составили наибольшую часть соискателей в 12 странах ЕС. Число заявок от афганцев увеличилось в 4 раза в сравнении с 2014 г., а иракцев – в 7 раз. Таким образом, выходцы из этих трех стран составили половину от общего числа всех проситителей (рис. 5.2) [Asylum in the EU Member States]. Хотя самое большое число беженцев приехало в Германию, самая высокая нагрузка по числу прибывших мигрантов на душу населения выпала на Венгрию, где на 1 млн жителей пришлось 17,7 тыс. заявок. Далее следовали Швеция (16 тыс.), Австрия (почти 10 тыс.), Финляндия (5,9 тыс.) и Германия (около 5,4 тыс.). В среднем по ЕС в 2015 г. на 1 млн жителей пришлось около 2470 обращений [Migrant crisis]. Беженцы и мигранты стремятся попасть прежде всего в богатые страны Западной и Северной Европы, которые, в свою очередь, призывают разделить бремя приема переселенцев более равномерно между странами Евросоюза.

Три измерения солидарности. В договоре о создании ЕС записано, что он призван «усиливать солидарность между народами государств-членов ЕС на основе их истории, культуры и традиций» (преамбула договора). В тексте договора отмечены «общая сущность солидарности государств-членов» (статья 2) и «содействие солидарности между поколениями и государствами-членами – [как] цель международной политики ЕС» (статья 3, параграф 3) [Bendiek, Neyer, 2016].

Страны ЕС прошли длительный путь от Европейского объединения угля и стали (1952 г.) до Европейского союза (1993 г.)¹. Ныне в рамках договоров ЕС функционирует Экономический и валютный союз (1990 г.)², а также реализуется Общая внешняя политика и политика безопасности (1999 г.), координируемая в рамках межправительственного подхода. Значительным вкладом в развитие европейской солидарности стал процесс расширения задач структурных фондов и Фонда сплочения в рамках региональной политики ЕС в пользу вошедших в его состав в 2004 г. восьми экономически более отсталых стран Восточной Европы, а также Мальты и Кипра. На деле оказалось, что страны ЕС по-разному понимают солидарность. Так, переход на Единый внутренний рынок (Единый Европейский акт, 1986 г.) стал возможен только в обмен на выделение дополнительной финансовой поддержки для менее развитых стран и регионов с целью сглаживания обострившейся конкуренции для местных производителей. Сложно продвигаются общеевропейские решения в рамках концепции «Социальной Европы». Европейцы не могут прийти к соглашению по созданию общеевропейских механизмов в социальной политике, например, единому регулированию страхования по безработице, как и введению других инструментов.

¹ Сегодня в составе 28 стран.

² Общую валюту евро ввели 19 стран ЕС.

Рис. 5.2. Гражданство беженцев и мигрантов в страны ЕС в 2015 г.

Составлено по: [данные Евростат, 2015 г.].

Сегодняшний миграционный кризис стал новым испытанием европейской солидарности для стран-членов интеграционного объединения, расколов их преимущественно по линии «Восток – Запад» [How is the migrant crisis..., 2016]. Можно говорить о европейском, космополитическом и националистическом подходах к урегулированию этого кризиса [Bendiek, Neyer, 2016].

Европейский подход опирается на общеевропейские ценности, которые страны-члены обязались поддерживать и развивать. Его разделяют Германия, Нидерланды и Швеция. Этой же позиции придерживается и Франция, но негативные тренды в ее экономике объясняют довольно сдержанное отношение к расширению присутствия в стране и без того значительного числа иностранцев¹. Позиция Франции объясняется также усилением активности радикальных исламистов в стране² [Kempin, 2016].

Хотя Германия, как крупнейшая страна ЕС, предпринимает масштабные усилия в поисках общеевропейского урегулирования миграционного кризиса, политика правительства А. Меркель не находит однозначной поддержки в стране. Особенно обострили ситуацию беспорядки, организованные мигрантами арабской внешности в новогоднюю ночь 2016 г.

¹ Доля безработных во Франции в начале 2016 г. превысила 10% от трудовых ресурсов, что более чем в два раза выше, чем в Германии. Среди коренного населения Франции в возрасте от 15 до 24 лет доля безработных составляет около 26%, а среди общин иностранцев этот показатель достигает уже 39%.

² После терактов в Париже в декабре 2015 г. было объявлено чрезвычайное положение. Увеличилась популярность праворадикальных партий, в особенности «Национального фронта» во главе с М. Ле Пен. Эта партия в первом туре региональных выборов в конце 2015 г. добилась исторического максимума в 27,9% голосов, хотя и не получила большинства ни в одном округе во втором туре [Kempin, 2016].

в Кельне. Эти события шокировали немецкое общество, а популярность А. Меркель серьезно пошатнулась [Noten für deutsche Spitzenpolitiker..., 2016]. Раскол в обществе по вопросу о приеме мигрантов также объясняет, почему правительство Германии стремится урегулировать миграционный кризис. Накануне парламентских выборов 2017 г. оно пытается не дать возможность перехватить инициативу партиям, делающим антииммиграционные заявления¹.

«Космополиты» осуждают европейский подход, так как не всем беженцам может быть оказана помощь в равной степени. Они призывают страны ЕС следовать правилам Женевской конвенции по правам беженцев², а также сотрудничать с Агентством по делам беженцев при ООН [Bendiek, Neyer, 2016]. На их взгляд, реализовать принципы солидарности могут только международные и неправительственные организации. Так, организация по защите прав человека Human Rights Watch констатировала полный провал европейской политики по урегулированию кризиса беженцев [Desperate migrants plead...]. Организация «Международная амнистия» обвинила ЕС «в развороте спиной к глобальному кризису беженцев и игнорировании международных обязательств» [EU-Turkey migrant deal..., 2016].

В то время как Германия призывает страны ЕС объединить усилия, на востоке Евросоюза нарастают евроскептические настроения, проявляется националистический подход к урегулированию миграционного кризиса. Для восточных европейцев барометром в процессе принятия политических решений являются скорее национальные ценности и опыт. Это связано с относительной социально-экономической отсталостью этих стран, чувствительными последствиями финансового кризиса в «евроzone». Здесь наблюдается апатия населения к реформированию европейской интеграции в связи с ограниченными возможностями влияния на этот процесс. В странах Восточной Европы велико опасение, что приток экономических мигрантов может негативно повлиять на их менее защищенные рынки труда. Оказывает влияние и восприятие конфликта интересов с западноевропейскими странами. В образе Запада доминирует Германия, и лидеры стран Восточной Европы не без основания видят за инициативами ЕС в сфере миграционной политики попытки Германии навязать свою позицию по аналогии с инициативой урегулирования задолженности стран Южной Европы за счет евробондов из бюджета ЕС или лоббирование Берлином решения о сниже-

¹ Опасения у правящих кругов вызывает образованная в 2013 г. популистская консервативная и евроскептическая партия «Альтернатива для Германии», которая уже сумела выиграть несколько региональных выборов, а также активизировавшееся с конца 2014 г. на фоне миграционного кризиса националистическое движение «Пегида» (Патриотические европейцы против исламизации Запада; нем. Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes, PEGIDA), выступающее за ограничение притока мусульман в Германию.

² Женевская конвенция обязывает не дискриминировать беженцев, предоставлять им достойные условия жизни, возможности трудоустройства и образования. Подробнее см.: [http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml].

нии выбросов CO² на 40% к 2030 г. в рамках европейской климатической политики [Deutscher Kurs..., 2015]. При этом некоторые восточноевропейские лидеры (в частности, министр внутренних дел Чехии М. Хованец) ругают немцев за непоследовательность в урегулировании миграционного кризиса [Lang, 2015].

Однако не стоит сводить неприятие наплыва беженцев в страны Восточной Европы, по выражению болгарского политолога И. Крастева, к «дефициту соучастия», так как скепсис их правительств опирается на общественно-политические реалии и восприятие обществом ситуации в них. После второй мировой войны в Восточной Европе сложился отличный от западных норм опыт интеграции этнических меньшинств. Регион, несмотря на трансформацию и модернизацию, сохраняет иные ценностные ориентиры, более традиционные и менее космополитические, чем на Западе [Lang, 2015]. Таким образом, за кулисами дебатов о солидарности в вопросе регулирования миграционного потока кроется в том числе конфликт идентичности, культурные и социально-экономические различия между странами ЕС.

Культурные и социально-экономические барьеры европейской солидарности. На системные различия культурных ценностей обратил внимание американский социолог Р. Инглхарт, который уже более 30 лет собирает обширный материал на основе регулярных опросов в странах Европы. Его анализ показывает четкую связь ценностных установок населения с традиционной религией и политическим прошлым. Так, те, кто разделяют традиционные ценности, отрицательно относятся к абортam, разводам, эвтаназии и суициду. Для традиционных обществ характерны чувство национальной гордости и националистические взгляды, низкий уровень доверия и толерантности. Для таких обществ важна материальная и физическая безопасность. Популярность ценностей выживания больше проявляется в православных странах, в меньшей степени – в католических и еще в меньшей – в протестантских [Inglehart-Welzel, 2016].

Для обществ, разделяющих ценности самовыражения, особую значимость приобретают необходимость защиты окружающей среды и соблюдение гендерного равенства, толерантность к иностранцам и представителям сексуальных меньшинств, а также растущая потребность в принятии решений по экономическим и политическим вопросам. Религия и традиционные семейные ценности играют меньшую роль. Общество спокойнее реагирует на разводы, аборты, однополые браки и эвтаназию.

Р. Инглхарт пришел к выводу, что с повышением уровня социально-экономического развития в странах Западной Европы жизненные ориентиры людей меняются от материальных и конформистских в пользу нематериальных ценностей, что способствует экономическому росту и в то же время социальной сплоченности и демократизации [Welzel, Inglehart, Klingemann, 2003]. Данные ученого убедительно демонстрируют связь ценностных установок, экономического прогресса и эффективности государства. Проведен-

ные нами расчеты по оценке зависимости уровня благополучия от показателя толерантности в обществе выявили высокую корреляцию между средней заработной платой¹ и долей населения, положительно относящегося к мигрантам (0,77)². Таким образом, группа стран, где доходы населения выше, имеет и более высокую степень доверия к мигрантам.

Quo vadis иммиграционная политика ЕС? Современная политика ЕС в отношении мигрантов и беженцев опирается на Дублинское соглашение³, которое регулирует перемещение беженцев между странами ЕС. Согласно ему, за процедуру предоставления политического убежища отвечает то государство, которое оказалось для беженца страной въезда на территорию ЕС⁴. Проблема регулирования потока беженцев возникла задолго до нынешнего миграционного кризиса, когда Суд ЕС в 2011 г. запретил Греции нарушать Дублинское соглашение. Это решение было принято на фоне пересмотра в 2005 г. законодательства, установившего минимальные стандарты, гарантированные в странах ЕС при предоставлении убежища [Trauner, 2016]. Пограничные страны ЕС в результате оказались в невыгодном положении. Под натиском беженцев и из опасений их несправедливого распределения Греция, Италия и Венгрия прекратили регистрацию и стали пропускать их дальше в страны Западной и Северной Европы. При этом Сербия, а следом и Венгрия организовали даже транзитное транспортное сообщение для беженцев внутри своих стран. Это объясняет, почему только 6,6% всех заявок (около 19 тыс.), поданных в странах ЕС, попали под действие Дублинского соглашения⁵.

Одностороннее нарушение соглашений спровоцировало «эффект домино». Германия приостановила действие Дублинского соглашения на своей территории, не отправляя назад на внешние границы ЕС тех сирийских беженцев, кто уже достиг ее границ, и ввела их регистрацию. Для многих беженцев это стало сигналом, чтобы продолжить свой путь именно в страны Западной и Северной Европы. С сентября 2015 г. на территорию Германии ежедневно стали прибывать тысячи беженцев. Германское

¹ Посчитано как соотношение суммарной заработной платы к числу занятых в экономике с учетом продолжительности рабочей недели [OECD Stat., 2015].

² Данный показатель отражает число респондентов, отметивших, что место их проживания является благоприятным для иностранцев.

³ Дублинское соглашение страны ЕС заключили в 1990 г. (вступило в силу только в 1997 г.). Его подписали 12 стран ЕС. С тех пор его актуализировали два раза в 2003 и 2013 гг. [Vachega, 2016]. Последняя обновленная версия («3-е Дублинское соглашение») действует на территории всех стран ЕС, а также Швейцарии, Норвегии, Исландии и Лихтенштейна [Dubliner Übereinkommen, 2016].

⁴ Таким образом исключается возможность одновременной или поэтапной подачи заявок в разных странах ЕС, а за процедуру рассмотрения прошения о предоставлении убежища для каждого беженца отвечает только одна конкретная страна. Если прошение подано не в стране первичного въезда в ЕС, то заявитель может быть арестован и снова депортирован в страну первого въезда.

⁵ Согласно Женевской конвенции, в 2015 г. половина подавших заявления (593 тыс.) получили статус беженцев. Поскольку процедура согласования получения статуса беженца длится в среднем полгода, многие из них подали заявления еще в прошлые годы. При этом почти треть (32,4%) заявок в 2015 г. была отклонена. Еще по 17,8% случаев принято формальное решение для дальнейшего разбирательства [Asylum in the EU Member States, 2016].

правительство было вынуждено ввести пограничный контроль, тем самым временно приостановив действие Шенгенского соглашения [Die EU ist die einzige Antwort]. Подобная реакция последовала и в других странах – в Австрии, Франции, Бельгии, Дании, Норвегии¹. Не имея возможности направлять беженцев далее в Германию, Венгрия прекратила их доступ на свою территорию, растянув колючую проволоку на границе с Сербией². Следом границы закрыли Македония и Хорватия, пропуская лишь небольшую часть сирийцев и иракцев.

В результате перекрытия границ на внешних рубежах ЕС образовались многотысячные палаточные лагеря, в которых беженцы были вынуждены ожидать развития ситуации. Страны ЕС оказались перед острой необходимостью поиска быстрого и эффективного решения нарастающей гуманитарной катастрофы. Пакет принятых в сентябре 2015 г. мер включал урегулирование положения уже прибывших на территорию ЕС беженцев и предусматривал их будущее перераспределение между странами³. Были введены квоты на прием беженцев для каждой страны с учетом численности населения, уровня развития и числа уже зарегистрированных в ней беженцев. Предложено использовать следующую формулу распределения беженцев: $R = 40\% (\text{население}) + 40\% (\text{ВВП}) + 10\% (\text{доля безработных}) + 10\% (\text{число уже поданных ранее прошений})$. Согласно расчетам, по странам это должно было выглядеть следующим образом (в %): 6,6–10,5 – Германия, Франция, Италия и Великобритания; 3,4–4,9 – Испания, Польша, Нидерланды и Румыния; 2,4–3,2 – Бельгия, Швеция, Австрия, Чехия, Венгрия, Дания, Португалия, Финляндия, Ирландия и Болгария; 1,7–2,2 – Словакия, Люксембург, Литва, Мальта, Словения, Эстония, Латвия, Греция, Хорватия и Кипр.

В настоящее время четыре страны – Германия, Швеция, Италия и Австрия – существенно превзошли предложенные квоты (рис. 5.3). Бельгия, Нидерланды, Греция и Финляндия практически полностью реализовали план. Остальные страны план по квотам не выполнили. Фактически правительства восточноевропейских стран ЕС, а также Финляндия, Испания и Португалия отказались от использования модели, согласившись только на добровольный принцип принятия беженцев. Венгрия и Словакия даже подали иск в Европейский суд против распределения беженцев по квотам в декабре 2015 г., но он был отклонен. Великобритания, Ирландия и Дания поддержали план, но только на особых для себя условиях (с меньшей долей беженцев). Великобритания фактически отказалась от квот, но премьер-министр Д. Кэмерон сообщил, что страна готова принять до 20 тыс.

¹ Австрия также ввела в одностороннем порядке дневные квоты на подачу первичных ходатайств о предоставлении убежища.

² В парламенте Венгрии был утвержден законопроект, разрешающий применять вооруженные силы страны для контроля за перемещением беженцев.

³ Временное освобождение от участия в программе переселения предусматривалось только в форс-мажорных обстоятельствах, например, в случае природной катастрофы. Было предложено установить механизм перераспределения беженцев на постоянной основе [Germany, Italy call... , 2016].

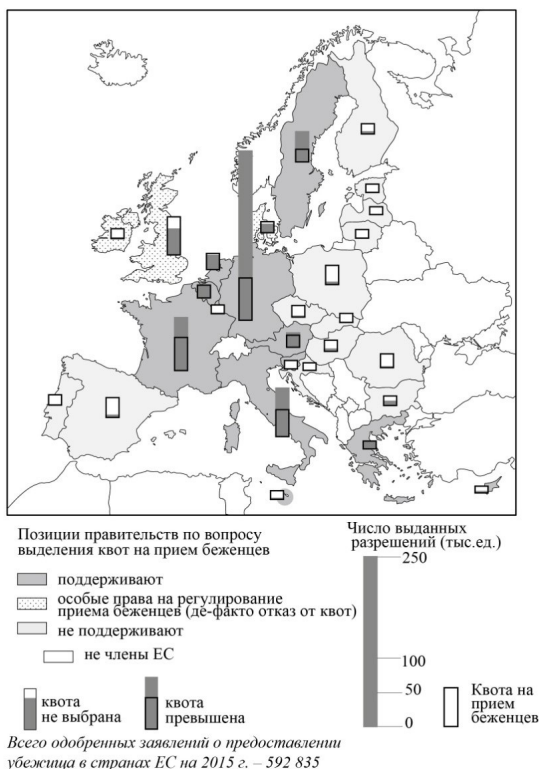

Рис. 5.3. Позиция стран по вопросу выделения квот, квоты на перераспределение беженцев и число одобренных заявлений о предоставлении убежища в 2015 г. в странах ЕС.

Источник: [Евростат, 2016]. Составитель: Л.А.Кадилова

сирийцев в следующие пять лет [Migrant crisis...]. Однако британцы в ответ в июне 2016 г. проголосовали на референдуме за выход из состава ЕС. Результаты референдума означают необходимость пересмотра квот без участия Великобритании. В результате вместо намеченного перераспределения 66,4 тыс. беженцев только 218 из них были вывезены из Греции в другие страны. Из Италии были вывезены 279 беженцев из 39,6 тыс. [Lee, 2015]. После неудачных попыток быстрого возврата нелегальных мигрантов квотирование провалилось.

Европейская комиссия признает необходимость изменения правил, регулирующих потоки мигрантов. С 1999 г. страны ЕС пытаются договориться о создании Общеευропейской системы регистрации беженцев (Common European Asylum System, CEAS), но различия в подходах не дают утвердить общие законы и процедуры по предоставлению убежища. Система должна

обеспечить стандартизацию процедуры размещения и рассмотрения прошений, доступ на рынок труда и механизмы интеграции беженцев [Senge, 2015]. Уже функционирует общеевропейский банк данных «EURODAC», в котором хранятся отпечатки пальцев всех зарегистрированных в странах ЕС заявителей [Flüchtlingspolitik..., 2016]. Согласно данным комиссии, процесс регистрации постепенно налаживается. Если в сентябре 2015 г. в Греции только 8% мигрантов сдавали отпечатки пальцев, то в январе 2016 г. – уже около 78%. В Италии за те же пять месяцев этот показатель увеличился с 36% до 87%. Однако это лишь частично улучшило ситуацию из-за пробуксовки с организацией центров регистрации на внешних границах ЕС («hotspots»). Процесс регистрации подразумевает следующие шаги: предоставление убежища, перемещение внутри ЕС или возврат за пределы ЕС [Vachega, 2016].

В ноябре 2015 г. по инициативе Германии страны ЕС и Турция обсудили план ускоренной реадмиссии мигрантов без права на ходатайство о предоставлении убежища в странах ЕС. По новому соглашению с Турцией, предложенному ЕС в марте 2016 г., нелегально прибывшие после 20 марта 2016 г. на территорию ЕС мигранты будут высланы обратно в Турцию. ЕС предоставит Турции до 3 млрд евро для организации лагерей беженцев на ее территории [Mardell, 2016]. В обмен на возвращенных в Турцию беженцев ЕС предложил принять до 72 тыс. сирийцев напрямую из этой страны по принципу одного за одного, хотя очевидно, что убедить европейские страны принимать новых беженцев будет непросто [EU soll 250.000 Flüchtlinge..., 2016]. Согласно соглашению, в обмен на реадмиссию Турция получает безвизовый режим со странами ЕС уже в 2016 г. Это позволит почти 80 млн турецких граждан путешествовать (но не работать) в странах Шенгенской зоны. При этом отдельные страны ЕС не поддерживают соглашение из-за позиций антииммиграционных партий в своих странах. «Турецкий вопрос» не только расколол страны ЕС, но значительно ухудшил германо-турецкие отношения.

Из прибывших в 2015 г. на территорию ЕС 1,8 млн мигрантов с помощью агентства «Фронтекс» было возвращено 3,5 тыс.¹ Из Греции отправили домой около 16 тыс. беженцев, еще около 3,5 тыс. мигрантов вернулись сами на добровольной основе. На фоне миллионного притока беженцев эта цифра оказалась незначительной [Lee, 2015]. С учетом миграционного кризиса Еврокомиссия в конце 2015 г. наметила план радикальных реформ «Фронтекса» с целью превратить агентство в полноценную пограничную службу с постоянным штатом в 1 тыс. чел. и еще 1,5 тыс. резерва. Бюджет организации должен вырасти в 2017 г. более чем вдвое – с нынешних 142 млн до 320 млн евро [Frontex...]. Европейская пограничная служба и береговая охрана получают более широкие полномочия, чем

¹ «Фронтекс» (от фр. Frontières extérieures, полное название – European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of the Member States of the European Union) – агентство ЕС по безопасности внешних границ.

«Фронтекс». Они смогут вмешиваться в ситуацию на границе без запроса от государств – членов ЕС [Миграционный кризис..., 2016]. Одновременно в мае 2015 г. Совет министров ЕС принял решение о развертывании морской операции «EUNAVFOR Med» для уничтожения бизнеса торговцев и контрабандистов, перевозящих людей через Средиземное море в Европу. Военные суда собирают разведанные о контрабандистах, а также спасают людей [Потемкина, 2015].

На период с 2014 по 2020 гг. Европейская комиссия создала Фонд по делам беженцев, мигрантов и интеграции с капиталом в 3,14 млрд евро. Отдельно для перераспределения беженцев комиссия выделяет еще 780 млн евро. В помощь Греции из этих средств выделено 148 млн евро, включая 80 млн евро из бюджета Агентства по делам беженцев при ООН для создания инфраструктуры по приему беженцев и 21 млн евро из средств МОМ [ЮМ, 2016]. С целью уменьшения миграционного давления на ЕС Еврокомиссия анонсировала создание многоцелевого фонда с уставным капиталом около 2 млрд евро для экономического развития стран Африки. Среди ключевых мер – обучение персонала, предоставление грантов на открытие малого бизнеса [ЕС создает фонд..., 2016].

Несмотря на предпринимаемые финансовые и операционные меры по урегулированию кризиса, страны ЕС так и не достигли консенсуса в условиях, когда Дублинское соглашение фактически не работает. Попытки пересмотра законодательства ЕС в сфере урегулирования пребывания и регистрации беженцев не увенчались существенным успехом. Инициативе Еврокомиссии и Европарламента по либерализации правил регулирования миграций воспрепятствовало большинство стран – членов ЕС.

Заключение. В начале 2016 г. поток беженцев в Европу несколько сократился, но до урегулирования кризиса пока еще далеко. Решение по квотам так и не было утверждено. Отдельные страны ЕС (Австрия, Дания, Венгрия, Великобритания) принимают решения в одностороннем порядке. Британцы, не согласные с общеевропейской иммиграционной политикой, проголосовали на референдуме за выход из ЕС.

Приверженцы космополитического подхода также недовольны общеевропейскими решениями. Они считают, что освободить Грецию и Италию от бремени иммиграции можно будет только тогда, когда Турция и североафриканские страны, названные «безопасными», начнут тесно сотрудничать с ЕС, чтобы гарантировать беженцам надлежащие условия проживания в их отечествах.

Хотя ЕС и Турции удалось несколько сдержать новую волну беженцев, из-за возражений некоторых европейских стран пока не ясны перспективы создания безвизового пространства с Турцией. На фоне переговоров Германия – инициатор соглашения с Турцией – свела германо-турецкие отношения к историческому минимуму.

Пробуксовка политики в отношении беженцев началась за несколько лет до самого кризиса. Остается открытым вопрос, смогут ли страны ЕС проводить общеевропейскую миграционную политику в духе европейской солидарности, соблюдая Женевскую конвенцию по правам беженцев, или же большинство стран вслед за Великобританией выберут националистический подход и станут решать миграционные проблемы по одиночке.

ЧЕШСКАЯ РЕСПУБЛИКА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ МИГРАЦИЙ¹

Б.А. ГИТЕР, А.А. АКОПЯН, П.Н. ИВАНОВ, Г.В. НЕДАЕВ,
Д.С. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ, П.Я. ХАНУКАЕВА, С.М. ХУБУЛОВ

Ускорение процесса глобализации и макрорегиональной интеграции² в конце XX в. на фоне развития воздушного и других видов транспорта обеспечили значительные возможности для международной миграции, ставшей существенным фактором мирового развития. В начале XXI в., когда геополитические факторы в мирохозяйственной системе стали доминировать, рост международной миграции приобрел взрывной характер. Процесс настолько масштабен и многообразен, что описать его только в черно-белых красках не представляется возможным. Отдельно отметим, что миграция не всегда носит стихийный характер. Иногда она определяется целенаправленной политикой государства, например, привлечением дешевой рабочей силы. Значительный рост мигрантов в развитых странах Европы, отличающихся по национальному, религиозному составу, социально-культурным особенностям, во многом размывает традиционное понятие национального государства.

Интернационализация образования – неотъемлемая часть глобализации. Международная студенческая миграция – вид долгосрочной организованной внешней миграции, переселение в другую страну на срок от 12 месяцев и более [Spring, 2009]. Она открывает доступ к образовательным, карьерным и творческим ресурсам различных стран. Сформированный международный рынок образования – значимая составляющая мировой экономики, а доходы от предоставления образовательных услуг иностранным гражданам вносят большой вклад в экономику некоторых государств. При этом студенческая миграция – это не только денежный доход, но и интеллектуальный капитал. Молодые люди, получающие образование, – это будущее тех стран, в которых они собираются вести свою деятельность. Чем больше специалистов из разных сфер сможет привлечь миграция, тем более конкурентоспособна и успешна она будет. Отслеживание миграционных потоков именно этой категории позволит увидеть, какие страны смогут стать лидерами по накоплению интеллектуального капитала, где будут созданы наукоемкие производства и где имеются лучшие условия для получения высококачественного высшего образования.

Поражает масштаб явления. По данным ЮНЕСКО, с 1936 г. по 2012 г. число студентов, обучающихся за границей, возросло в 15 раз: с 0,3 млн до

¹ Данная статья – плод исследовательского проекта по теме «Миграция» во время студенческой практики в Чешской Республике. Благодаря помощи преподавателей природоведческого факультета Карлова университета под руководством профессора И. Бичика были собраны необходимые материалы и выделена более узкая тема – изучение студенческих миграций.

² Так, создание Евросоюза и заключение Шенгенского соглашения устранили барьерные функции границ в рамках «еврозоны» и способствовали значительному увеличению числа мигрантов.

4,5 млн [OECD, 2014]. Только в колледжи и университеты США, по данным Института международного образования, в 2014/2015 учебном году поступило почти 1 млн иностранных граждан. В США в 2014 г. иностранные студенты принесли экономике более 30 млрд долл., по сравнению с 2013 г. эта цифра увеличилась более чем на 3 млрд [Cantwell, 2015]. Согласно прогнозам, к 2025 г. число студентов, обучающихся за рубежом, достигнет 7,2 млн чел. Глобальный характер этого процесса подтверждается обширной географией международного студенческого обмена.

Страны-члены ОЭСР принимают примерно 85% всего потока иностранных студентов [Varghese, 2008]. По их абсолютному числу среди макрорегионов мира явно выделяется Европа. В 2009 г. здесь в вузах обучалось 840 тыс. иностранцев. Однако в значительной степени этот показатель обусловлен студенческой миграцией внутри ЕС. На уровне стран первенствуют США, чуть отстает Великобритания (рис. 5.4). Лидер по эмиграции международных студентов – азиатский регион. На его долю приходится более половины (53%) всех студентов в мире, выбравших учебу за рубежом. Удельный вес Западной Европы достигает 23%; далее следуют Африка (12%), Латинская Америка и страны Карибского бассейна (6%) и Северная Америка (3%) [OECD, 2014]. Отметим, что потоки студентов, как правило, направлены из менее развитых в более развитые страны; в частности, из развивающихся стран и государств с переходной экономикой в страны-члены ОЭСР. При этом многие студенты стремятся остаться в выбранной ими стране после окончания срока обучения: устроиться на работу и получить гражданство. Таким образом, студенческая миграция может приводить к утечке умов. Например, в Германии, Австралии, Канаде, Франции, Нидерландах, а также Чехии доля иностранных студентов, оставшихся после окончания обучения, превышает 25%. Лидером по этому показателю является Канада – 33%.

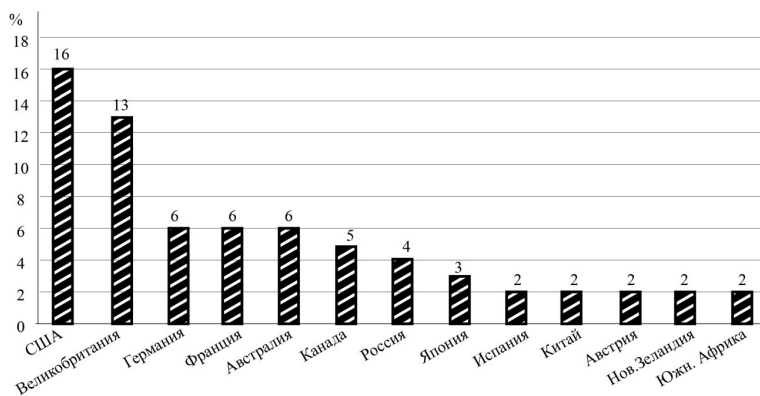

Рис. 5.4. Страны-лидеры по числу иностранных студентов, 2012 г.
(% от общего числа в мире).

Источник: [UNESCO, 2013].

Мощные сдвиги в миграционной обстановке Чехии. Во второй половине XX в. она характеризовалась как относительно стабильная. Ежегодный объем иммиграции составлял в среднем 12–15 тыс. чел., а эмиграции – 6–8 тыс. чел. После вступления страны в ЕС эти параметры быстро и существенно прогрессировали. Так, только в 2004 г. в нее прибыло почти 54 тыс. чел. (максимум в 2007 г. – 104 тыс.) и чуть более 15 тыс. чел. убыло. С тех пор в Чехию ежегодно приезжает не менее 20 тыс. мигрантов [Czech Demographic Handbook, 2014]. Параллельно отмечается рост и международной миграции с образовательной целью. За последние 15 лет число иностранных студентов в Чехии стабильно увеличивается (рис. 5.5). Если в 2000 г. на территории страны проходили обучение около 4 тыс. иностранцев, то сейчас – в 10 раз больше. В 2013 г. было зарегистрировано 40,5 тыс. иностранных студентов из 145 государств, что составляет почти 10% от всех обучающихся в местных вузах [UNESCO Institute for Statistics].

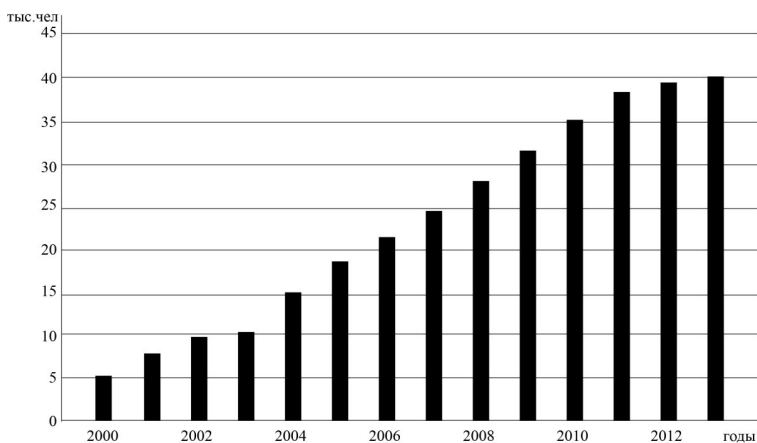

Рис. 5.5. Рост числа иностранных студентов в Чехии в 2000–2013 гг., чел.

Источник: [UNESCO, 2013].

Высшее образование – услуга, продаваемая на международном рынке образования. Следовательно, можно вычислить отношение экспорта услуги к ее импорту, т.е. отношение числа иностранных студентов, получающих образование в стране, к числу граждан страны, получающих образование за рубежом. Этот коэффициент (баланс студенческой миграции) подсчитан для ряда стран (рис. 5.6). Если по абсолютным показателям предоставления услуг высшего образования иностранным студентам Чехия значительно уступает таким европейским странам как Германия, Франция и Испания, то по отношению студенческой иммиграции к студенческой эмиграции превосходит их. Это говорит о том, что предоставление образовательных услуг иностранным гражданам играет значимую роль в высшем образовании страны. По этому показателю Чехия опережает своих основных конкурентов в Восточной Европе: Польшу и Венгрию, а также Россию. В то же время она сильно отстает от мировых лидеров – Австралии, Великобритании и США.

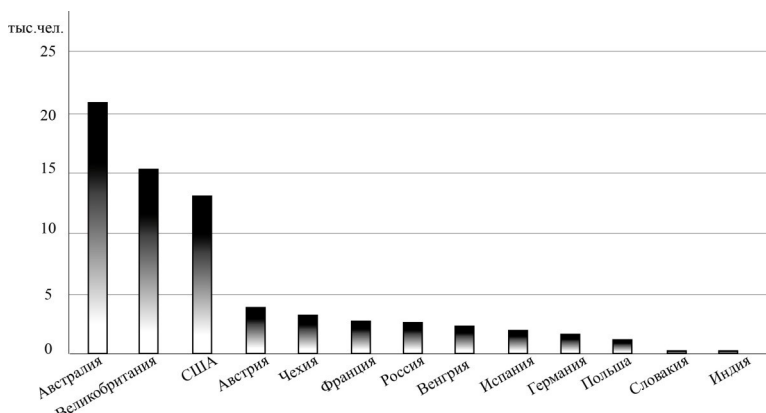

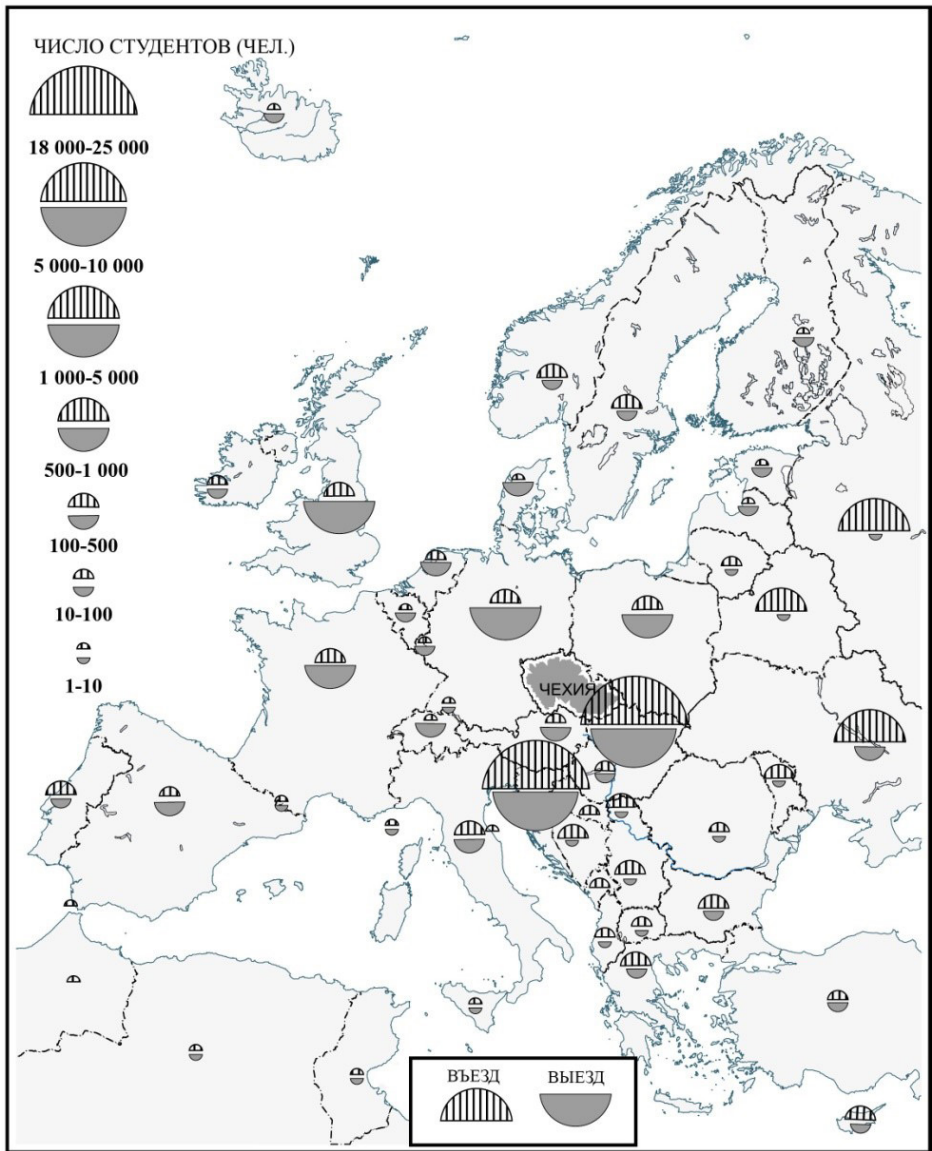
Рис. 5.6. Баланс студенческой миграции в странах мира, 2013 г., тыс. чел.

Источник: [UNESCO, 2013].

Другой способ оценить роль международной студенческой миграции – расчет доли иностранных студентов от общего числа мигрантов в стране, что позволяет проследить корреляцию общей и «учебной» миграции. По данным Национального статистического агентства, в 2013 г. в Чехии было зарегистрировано 439,2 тыс. мигрантов, среди которых у 431 тыс. чел. имелось право пребывания на территории страны сроком на 12 месяцев или более. Вторая цифра более подходит для изысканий, так как студенты обычно приезжают на 1–2 года. В 2013 г. в Чехии проживало 40,4 тыс. иностранных студентов, следовательно, практически 10% мигрантов в стране – это молодежь, приехавшая для получения более качественного и специализированного высшего образования.

Географическая структура образовательной миграции Чехии.

Более 70% иностранных студентов на территории Чехии приходится всего на три страны – соседнюю Словакию (57,8%), Россию (10,6%) и Украину (4,9%). В свою очередь, местная молодежь получает образование преимущественно в Словакии (43,9%), Германии (11%), Великобритании (9,9%), Польше (6,4%) и США (5,9%) (рис. 5.7). Получается, что почти половина студенческой миграции сугубо локальная – между двумя странами ранее существовавшей Чехословакии. В остальном существуют тенденции, во-первых, приема на обучение лиц из менее развитых по отношению к Чехии стран, таких как Россия, Украина и Казахстан; во-вторых, ориентация чешских студентов на страны с традиционно высоким уровнем образования – Германию, Великобританию и США. Чешское образование считается более престижным, чем словацкое, поэтому поток словацких студентов в Чехию выше, чем чешских в Словакию. Более того, необходимо учитывать фактор «географической комфортности» обучения. Так, например, словацкие студенты могут при желании возвращаться на выходные домой.

5.7. Международный студенческий обмен между странами Европы и Чехией, 2015 г.

Источник: [UNESCO, 2013].

Не менее важно сравнить географические структуры оборота общей и студенческой миграции в Чехии. Таблица 5.9, показывает их высокое подобие. Основу общего миграционного потока составляют четыре страны – Словакия, Украина, Вьетнам и Россия; их суммарный вес составляет 65–75%. Отметим, что высокое число вьетнамцев объясняется тесными отношениями между странами бывшего социалистического лагеря. В 1950-е гг. жителей Вьетнама приглашали на работу в Чехословакию, сейчас на территории Чехии проживает второе поколение вьетнамских мигрантов.

Таблица 5.9

География общей и студенческой миграции в Чехии, 2013 г.

Общая миграция, %		Студенческая миграция, %			
Страна	В Чехию	Страна	В Чехию	Страна	Из Чехии
Украина	24,2	Словакия	57,8	Словакия	44,0
Словакия	21,1	Россия	10,6	Германия	11,0
Вьетнам	13,2	Украина	4,9	Великобритания	9,8
Россия	7,2	Казахстан	3,4	Польша	6,4
Польша	4,5	Вьетнам	2,4	США	5,9
Германия	4,3	Белоруссия	1,5	Франция	5,2
Болгария	2,1	Великобритания	1,2	Австрия	3,4
США	1,3	Германия	1,1	Нидерланды	1,6
Румыния	1,6	Португалия	1,0	Дания	1,4
Молдавия	1,3	Норвегия	0,9	Швейцария	1,3

Источник: [UNESCO, 2013].

Поток входящей студенческой миграции локализуется на уровне только двух стран – Словакии и России (почти 70%). Отдельно отметим, что доли Словакии и России выше в студенческой миграции, а доли Украины и Вьетнама – в общей. Из этого можно сделать вывод о том, что граждане более развитые страны больше заинтересованы в получении образования и возвращении на родину. Численность чешских студентов, обучающихся за рубежом, более чем в три раза меньше числа студентов, приезжающих в Чехию, и за 2013 г. составила 12,5 тыс. Сохраняется важная роль Словакии, куда за образованием едет более 40% чехов. За ней следуют страны, занимающие более высокие позиции на мировом рынке образовательных услуг. В первой десятке нет ни одной развивающейся страны в отличие от первой десятки стран, поставляющих студентов в Чехию.

Для полноты оценки международных студенческих миграций в Чехии важно рассмотреть место страны на трех территориальных уровнях: среди блока экономически наиболее развитых стран мира, среди стран Европы и в своем регионе – Восточной Европе. Однако во всех случаях следует помнить о малых размерах и относительно небольшом населении страны. В

первую десятку стран мира по численности студентов-иностранцев традиционно входят США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия, Россия, Япония, Китай, Италия, Австрия¹, где расходы на высшее образование очень значительны². Их число в Чехии в 2013 г. – 40,1 тыс. (25-е место), что значительно меньше, чем в странах-лидерах (табл. 5.10).

Таблица 5.10

Рейтинг стран мира по численности и доле иностранных студентов, 2013 г.

Место	Страна	Число иностранных студентов, тыс. чел.	Место	Страна	Доля иностранных студентов, %
1	США	784,4	1	Австралия	23,0
2	Великобритания	416,7	2	Австрия	19,1
3	Австралия	249,9	3	Новая Зеландия	16,2
4	Франция	239,3	4	Швейцария	14,6
5	Германия	196,6	5	Люксембург	12,0
6	Россия	138,5	6	Великобритания	11,6
7	Япония	135,8	7	Дания	9,6
8	Китай	96,4	8	Чехия	9,5
9	Италия	82,5	9	Франция	9,1
10	Австрия	70,9	10	Нидерланды	8,5

Источник: [UNESCO, 2013].

Если учитывать в рейтинге только развитые страны, основываясь на критериях МВФ, то Чехия занимает уже 16-е место [IMF World Economic Outlook]. В Восточной Европе страна однозначно опережает своих «ближайших» конкурентов; ее позиция выше, чем у Венгрии или Польши, хотя численность населения, например, Польши в четыре раза больше, чем Чехии. Учитывая это, особо стоит обратить внимание не на абсолютные, а на относительные показатели. Так, по доле иностранных студентов от общего числа студентов в стране Чехия занимает 8-е место в мире (9,5%). Выше в рейтинге находятся лишь небольшие страны с малочисленным населением (Дания, Люксембург) и страны переселенческого типа (Австралия, Новая Зеландия). Такие гиганты современного образования, как США, Германия, Франция, находятся во второй десятке стран [UNESCO, 2013].

Чехия – важный игрок на региональном и субрегиональном уровнях международного рынка высшего образования. Страна не может составить серьезной конкуренции на мировом рынке высшего обра-

¹ Из них только Россия и Китай не относятся к наиболее экономически развитым странам мира.

² В 2013 г. на первую пятерку лидеров мирового рынка образования в сумме приходится почти половина всех иностранных студентов в мире.

зования, но занимает неплохие позиции в его европейском сегменте, особенно в «постсоциалистическом пространстве». Главный конкурент Чехии – Германия, государственная система высшего образования которой обеспечивает богатый выбор бюджетных программ для обучения иностранцев как на немецком, так и на английском языках, грантов, стажировок и пр. В Чехии же все гораздо скромнее. На сегодняшний день бесплатное образование доступно лишь на чешском языке, а программ на английском языке пока недостаточно. Все это делает Германию более привлекательной для широкого круга потенциальных студентов со всего мира. Она «перетягивает» значительную часть потенциальных студентов из-за рубежа.

И все же за последние 30 лет Чехия сделала большой рывок в направлении повышения качества и разнообразия высшего образования. Сегодня в стране насчитывается 28 государственных и 48 частных университетов. Неоспоримый лидер среди них как по числу студентов, так и значимости диплома - Карлов университет в Праге – один из старейших университетов Европы, хотя, согласно международному рейтингу университетов «QS World University Rankings», лучший вуз Чехии занимает лишь 244-е место в мире (2014 г.)¹. Помимо него, ключевыми учреждениями высшего образования считаются Высшая школа экономики (Прага), Чешский земледельческий университет (Прага), Чешский технический университет (Прага), технические университеты в Либереце и Брно, Остравский университет.

Выводы. Проведенный анализ позволяет утверждать, что Чехия существенно уступает мировым лидерам по attractiveness системы высшего образования для иностранцев, хотя достаточно хорошо известна за рубежом, даже в самых отдаленных странах. В этой сфере страна конкурентоспособна лишь в Восточной Европе, где серьезно опережает своих соседей. Закономерно, что студенческая миграция в Чехию сильно локализована. Половина ее потока сосредоточена между Чехией и Словакией, 70% иностранных студентов в Чехии родом из трех стран – Словакии, России и Украины. Оценивая перспективы, вероятно, можно говорить о двух траекториях развития рынка высшего образования в Чехии. Первая – диверсификация географии экспорта образовательных услуг с повышением привлекательности местного образования для неславянских стран, в частности, для студентов из стран Азии. Вторая – сохранение и усиление позиций образовательных связей Чехии со странами Восточной Европы, чему благоприятствуют культурная и языковая близость, относительно низкая стоимость обучения и проживания, ряд иных моментов.

¹ Для сравнения лучший в Германии Гейдельбергский университет занимает в том же рейтинге 49-ю позицию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Модернизация мировой системы в условиях глобализации сопровождается глубокой трансформацией ее пространственной организации. Резко усложняется и «уплотняется» рисунок экономических связей между макрорегионами, ведущими странами и «командными центрами» мировой экономики – глобальными городами. Современное мировое хозяйство – это совокупность сетевых структур, объединяющих источники и реципиенты потоков товаров, капиталов, энергии, но теперь также и новых знаний, технологий и ноу-хау.

Материалы этой книги ярко показывают впечатляющий сдвиг производства многих важнейших товаров в Азиатско-Тихоокеанский регион – прежде всего, за счет динамично развивающегося Китая. Эта огромная страна восстанавливает лидерские позиции в мировой экономике, утраченные в XIX в. Она ныне занимает прочное первое место в мире по производству стали, алюминия, минеральных удобрений, автомобилей и многих других товаров. Вместе с тем, Китай стал главным или ведущим в мире импортером нефти, угля, железной руды, бокситов, древесины, пластмасс, зерна. Высокий спрос китайской экономики на сырье и топливо способствовал радикальной перестройке мировых товарных потоков и решающим образом влиял на состояние многих рынков, а стало быть, и экономическую ситуацию в странах-поставщиках соответствующих товаров.

Однако, как показано в книге, модель экономического развития, основанная на производстве трудоемких товаров с невысокой или средней добавленной стоимостью, в том числе в отраслях с сильной нагрузкой на окружающую среду, постепенно исчерпывает себя, и это хорошо понимают в Китае. Проводится успешная политика создания разносторонней инновационной системы, что позволило этой стране захватить мировое лидерство по числу заявленных патентов, опередив США. В сектор НИОКР и человеческий капитал вкладываются огромные средства. Хотя по некоторым параметрам и, в частности, по абсолютным затратам на НИОКР Китай еще отстает от США, он вполне может сохранить и укрепить свои позиции в мировой экономике на перспективу. Ему удалось наладить долгосрочные внешнеторговые связи с ведущими странами мира, стать одним из главных мировых инвесторов, создать эффективную логистическую систему, включающую в том числе самые крупные морские порты.

Азиатский вектор в мировом индустриальном развитии четко прослеживается в результате быстро разворачивающихся процессов индустриализации и в ряде других стран. Более того, наблюдается общий, хотя и резко дифференцированный по отраслям, странам и регионам, сдвиг промышленности в развивающиеся страны в целом, связанный с более низкими издержками, менее истощенной ресурсной базой и слабым природоохранным законодательством. В то же время в мировом производстве и экспорте заметно уменьшилась доля старых экономических центров – Европы и Северной Америки, а место большинства стран Африки в мировой экономической и политической «табели о рангах» изменилось мало.

Возникает вопрос, какие факторы необходимы для осуществления решающего рывка в преодолении отсталости, представляет ли собой развитие мирового хозяйства линейный процесс или есть вероятность обойти его стадии. Вряд ли в одной книге можно найти решение этих фундаментальных проблем, но некоторые главы настоящей работы дают на этот счет пищу для размышлений. Надежды «перескочить» определенные стадии развития основываются на создании революционных технологий. Замечательный пример – телефонная связь. Благодаря мобильной телефонии, требующей меньше затрат, чем традиционная проводная связь, всего лишь за 15 лет разрыв между странами в обеспеченности телефонами сократился в 36 раз. Возникает представление, что отставание превращается в преимущество, поскольку мобильные технологии гораздо более прогрессивны, ибо не только обеспечивают качественную связь, но и дают доступ к современным услугам, выход в Интернет, способствуют ускорению модернизации общества. Однако, по всей видимости, такие представления – иллюзия, так как сглаживание количественных диспропорций, в данном случае в характере и интенсивности использования связи, во-первых, сопряжено с сохранением более глубоких качественных различий. Во-вторых, и это самое главное, «инерция отсталости» редко позволяет отстающим странам и регионам генерировать очередной импульс инноваций, и технологический цикл повторяется на новом витке, воспроизводя дистанцию между центром и периферией мирового хозяйства.

И все же, как показано в монографии, главный шанс стран и регионов «догоняющего развития» – развитие экономики, основанной на знаниях, интеграция научных исследований и производства, создание инновационных комплексов – весьма разных по форме, но преследующих сходные цели преодоления в том числе и пространственного разрыва между фундаментальной наукой и практическим воплощением ее результатов. Доминирование в расходах на НИОКР, особенно в частном секторе – одна из главных причин сохраняющейся, хотя по многим направлениям и ослабевающей американской гегемонии.

Активная государственная инновационная политика, как свидетельствуют авторы монографии, невозможна без иностранных инвестиций и участия ТНК, которые способствуют использованию конкурентных преимуществ и интеграции страны в целом и ее районов в систему мирового хозяйства. Однако ТНК – одна из главных движущих сил мирового развития – стремятся ограничить доступ стран-реципиентов инвестиций к наиболее передовым технологиям и закрепить за ними роль подчиненных звеньев в цепочках добавленной стоимости. Таким образом, все более актуальной становится новая область исследований, пограничная между общественной географией, мировой экономикой и другими дисциплинами – корпоративная география, или «корпорациеведение». Регулировать взаимодействие с ТНК в Китае и других странах в области инноваций пытаются путем стимулирования кооперации между экономическими акторами разного уровня – крупным и малым бизнесом, наукой, центральной и местной властью, а также за счет частно-государственного партнерства в совместных предприятиях.

Инновации играют решающую роль в развитии и трансформации пространственного рисунка как материального производства, так и непроеизводственной сферы, что убедительно демонстрирует, например, рассмотренная в одной из глав этой книги эволюция мирового туризма. Для него также характерно увеличение роли развивающихся стран, освоение IT-технологий и рост онлайн продаж и т.д. Глобализация, в том числе усиление мобильности «среднего класса» и общее ускорение темпов жизни и социальных инноваций изменили и характер спроса на туристские услуги: все большую фрагментацию, диверсификацию и специализацию различных секторов рынка, уменьшение средней продолжительности туров и усложнение их программы и т.д.

Общий вывод из представленных в монографии материалов состоит в том, что ускорение мирового развития, проявляющееся в первую очередь в экономической сфере, неизбежно носит селективный характер, приводя к растущей мозаичности современного мира. Контрастность мирохозяйственных процессов усиливается наложением длинных и коротких технологических и экономических циклов. Их асинхронность и асимметричность ведет, с одной стороны, к растущей непредсказуемости происходящих изменений, усилению риска локальных конфликтов, с другой – к интенсификации процессов регионализации на разных пространственных уровнях, которые тесно связаны с трансформациями идентичности жителей разных районов, в том числе охватывающих смежные территории двух или нескольких стран. При этом динамичность сдвигов в мировом хозяйстве отнюдь не уменьшает значения специфичных для каждого региона инерционных факторов (path dependency), особенно социально-культурных. Так, несмотря на все большую дифференциацию постсоветского пространства и смену поколений, более чем через четверть века после распада Советского Союза в нем сохраняются признаки общей идентичности, позволяющие выделять его как особый регион и основывающиеся на таких инерционных факторах, как распространение русского языка, общность исторических судеб и путей развития культуры и др.

Важность процессов регионализации, актуальность поиска общих и региональных путей к устойчивому развитию, усиление значения геополитических факторов еще раз подчеркивают значимость одного из главных принципов географического изучения мирового хозяйства – полимасштабного подхода, предполагающего взаимосвязанные исследования на нескольких пространственных уровнях – глобальном, региональном, национальном и субнациональном (районов и городов). Отдельные районы и ведущие мировые центры становятся активными субъектами экономической и политической деятельности, все больше влияют не только на государственную, но и международную политику.

Таким образом, проведенный анализ позволяет по-новому поставить в дальнейших исследованиях многие фундаментальные вопросы географии мирового хозяйства – об идентичности стран и регионов, степени их устойчивости под воздействием многообразных циклов мирового развития, влиянии транснационализации и социально-культурных факторов на границы территорий разного масштаба и их специализацию и многие другие.

ЛИТЕРАТУРА

- Агирречу А.А.* (а) К юбилею экономико-географической школы МГУ им. М.В. Ломоносова // География в школе. – 2009. – № 8. – С. 24–28.
- Агирречу А.А.* (b) Наукограды России: история формирования и развития. – М., 2009.
- Айкашев А.Н.* Современный мировой рынок олова и перспективы участия на нем России / Автореф. дисс. канд. экон. наук: спец. 25.00.24. – М., 2015.
- Акаев А.А.* Математические основы инновационно-циклической теории экономического развития Шумпетера-Кондратьева // Контуры экономики будущего. – М.: МФК, 2011. – С.24–39.
- Алаев Э.Б.* Эффективность комплексного развития экономического района. – М.: Наука, 1965.
- Аламтiev П.М.* Экономические районы нашей страны. – М., 1961.
- Александрова А.Ю.* Международный туризм. Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2001.
- Александрова А.Ю., Тикунова И.Н.* Анализ структуры мирового туристического пространства с применением многомерной математической классификации // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. 2003. – № 6. – С.16–21.
- Александров И.Г.* Основы хозяйственного районирования СССР. – М.-Л., 1924.
- Алешковский И.А., Ионцев В.А.* Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации. – 2008. – № 2. – С. 77–87.
- Алешковский И.А.* Тенденции международной миграции населения в современной России в условиях глобализации // Век глобализации. – 2011. – № 1. – С.159–181.
- Алешковский И.А., Узалова Ж.И.* Теоретико-методологические проблемы изучения нелегальной миграции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. – 2013. – № 1. – С.46–56.
- Алешковский И.А., Ионцев В.А.* Управление международной миграцией в условиях глобализации // Век глобализации. – 2015. – Вып. 1. – С.75–87.
- Алисов Н.В.* О соотношении и взаимосвязях факторов, условий и предпосылок размещения производства как категории разных систем // Вопросы географии промышленности СССР и зарубежных стран. – М.: МФГО СССР, 1977. – С.9–14.
- Алисов Н.В., Яценко Б.П., Гужин Г.С.* Программа дисциплины «География мирового хозяйства» // Программы дисциплин по типовому учебному плану специальности 01.18. География. Для гос. университетов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – С.106–111.
- Алисов Н.В.* Географические проблемы развития биотехнологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1991. – № 2. – С.9–15.

- Алисов Н.В.* География мировой науки // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. 1993. – № 6. – С.7–15.
- Алисов Н.В.* (а) География мирового хозяйства. Программа курса / Университет им. Е.Р. Дашковой. – М., 1994.
- Алисов Н.В.* (b) География промышленности минеральных удобрений мира // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. 1994. – № 6. – С.24–32.
- Алисов Н.В., Гапоненко И.А.* География мировой электронной промышленности // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. 1994. – № 4. – С.58–64.
- Алисов Н.В., Валькова Т.М.* География мировой телефонной связи // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. – 1996. – № 5. С. 3–12.
- Алисов Н.В., Валькова Т.М.* География всемирной компьютерной телекоммуникационной системы Интернет // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. – 1997. – № 6. – С.27–31.
- Алисов Н.В.* (а) География мировых финансов // География. – 1999. – № 15. – С.2–3.
- Алисов Н.В.* (b) Мировая торговля услугами // География. – 1999. – № 13. – С.4–6.
- Алисов Н.В.* (с) Цели, задачи, проблемы географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. – 1999. – № 2. – С.3–8.
- Алисов Н.В., Валькова Т.М.* Мировое производство текстильных волокон // География. – 1999. – № – № 23, 25, 27, 29.
- Алисов Н.В., Мазо Л.В.* Биоиндустрия // География. – 2000. – № 11. – С.3–4.
- Алисов Н.В., Хорев Б.С.* Экономическая и социальная география мира (общий обзор). – М.: Гардарики, 2000.
- Андерссон О., Андерссон Д.* Ворота в глобальную экономику. – М.: Фазис, 2001.
- Ахинов Г.А.* Армения в условиях неопределенности // Россия в глобальной политике. – 2004. – № 4. – С.104–116.
- Бабурин В.Л.* Волновая динамика мировых городов // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: ООО Аванглион, 2007. – С.47–65.
- Бабурин В.Л.* Двупространственная модель территориальной организации общества // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. 2011. – № 1. – С.3–8.
- База данных Всемирного банка: доля высокотехнологичной промышленной продукции в общем объеме экспорта промышленной продукции странами мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS/countries>.
- База данных Всемирного банка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/>.

- Бакланов П.Я.* Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. – М.: Наука, 2007.
- Баранский Н.Н.* Экономическая география СССР: обзор по областям Госплана. – М.-Л.: ГИЗ, 1926.
- Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Белоусов И.И.* Основы учения об экономическом районировании (размещение и районирование производительных сил). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Березной А.В.* ТНК на развивающихся рынках: в поисках успешной бизнес-модели // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. – № 10. – С.5–17.
- Богаевская О.В.* Американские корпорации: механизмы сохранения лидерства в глобальной экономике. – М.: ИМЭМО РАН, 2012.
- Будасова В.А.* Эволюция взглядов на проблему формирования издержек производства // *Вест. АГУ*. – Сер. 5. – Экон. – 2011. – № 4. – С.14–23.
- Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. – М.: Терра, 2008.
- Бусыгина И., Филиппов М.* Политическая система Европейского Союза. Что изменилось с Лиссабонским договором? // *Аналитические записки научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД РФ*. – 2009. – № 2 (42).
- Бусыгина И., Филиппов М.* Политическая модернизация в России как условие роста ее международного влияния // *Политические исследования*. 2010. – № 5. – С.96–111.
- Буторина О., Захаров А.* О научной основе евразийского союза // *Евразийская экономическая интеграция*. – 2015. – № 2. – С.53.
- Бухарин Н.И.* Российско-польские отношения: 90-е годы XX века – начало XXI века. – М.: Наука, 2007.
- Бухарин Н.И.* Россия Польша: опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века. – СПб.: Нестор-История, 2013.
- Валев Э.Б., Слука А.Е.* Полвека экономической географии зарубежных стран в Московском университете (история развития и современное состояние) // *Вестн. Моск. ун-та*. – Сер. 5. – Геог. – 1985. – № 1. – С.41–47.
- Вардомский Л.Б.* (а) Дезинтеграционные тенденции: причины и проявления. Евразия в поисках идентичности. / Ред. С.П. Глинкина, Л.З. Зевин. – М.-СПб.: Нестор-История, 2011. – С.78–86.
- Вардомский Л.Б.* (б) Россия в процессах постсоветской регионализации // *Региональное развитие и региональная политика России в переходный период* / Ред. С.С. Артоболевский, О.Б. Глезер. – М.: ИГ РАН, 2011. – С.20–30.
- Вардомский Л., Зевин Л.* Новый проект евразийской интеграции стартовал: что дальше? // *Общество и экономика*. – 2013. – № 1–2. – С.46–48.

- Вардомский Л., Пылин А.* Структурно-экономические изменения в странах СНГ // Россия и современный мир. – 2014. – № 1. – С.102–115.
- Василенко И.О., Слука Н.А.* Географические особенности международной миграции населения // Пространственные структуры мирового хозяйства. – М.: Пресс-Соло, 1999. – С.315–336.
- Вебер М.* Предварительные замечания. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произвед. – М.: Прогресс, 1990. – С.109–130.
- Взаимная торговля товарами. Статистика ЕАЭС. 2015. Стат. бюллетень. – М.: ЕЭК, 2016.
- Винокуров Е.Ю., Либман А.М.* Евразийская континентальная интеграция. – СПб.: ЕАБР, 2012.
- Власов А.* Доминирующая роль России на постсоветском пространстве прошлое, настоящее, будущее? Информационно-аналитический центр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ia-centr.ru/expert/4446>.
- Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции / Ред. Л. Вардомский, А. Пылин. – М.: ИЭ РАН, 2014.
- Воротнев А.В., Дубнов А.П.* Транснациональные корпорации. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург, 2000.
- Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. – М.: Новый Хронограф, 2012.
- География инновационной сферы мирового хозяйства / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Пресс-Соло, 2000.
- География мирового хозяйства / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.-Смоленск: Изд-во СГУ, 1997.
- География мирового хозяйства: учебник для студентов вузов / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Трэвэл Медиа Интернэшнл, 2012.
- География промышленности зарубежных социалистических стран Европы. Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- География туризма: учебник / Под ред. А.Ю. Александровой. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2015.
- География химической промышленности // Вопросы географии. – Сб. 72. – М.: Мысль, 1967.
- Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. В.А. Колосова. – М.: Арт-Курьер, 2001.
- Гитер Б.А., Гречко Е.А., Колосов В.А., Мироненко К.В., Пилька М.Э., Самбурова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю.* Основные направления исследований географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. 2015. – № 6. – С.3–11.

- Глинкина С.П.* (а) Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций. Научные доклады ИЭ РАН. – М.: ИЭ РАН, 2008.
- Глинкина С.П.* (б) Трансформации XXI века в исследовательских программах Отделения международных экономических и политических исследований ИЭ РАН. Научные доклады ИЭ РАН. – М.: ИЭ РАН, 2008.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницына И.С.* Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. Научные доклады ИЭ РАН. – М.: ИЭ РАН, 2014.
- Глобальная социально-экономическая география: Сб. науч. трудов памяти Н.В. Алисова / Под ред. Н.А. Слуки. – М.–Смоленск: Ойкумена, 2011.
- Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: ООО Аванглион, 2007.
- Голикова Ю.А.* Транснациональные корпорации: определение сущности и характеристика деятельности в современных условиях // Вест. НГУ. – Сер. Соц.-экон. науки. – 2010. – Т. 10. – Вып. 4. – С.32–39.
- Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слуки. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
- Гречко Е.А.* Модели управления транснациональными корпорациями в условиях глобализации. – М.: КДУ, 2006.
- Гречко Е.А.* Географические различия корпоративных систем управления: Учебное пособие. – М.: Географический факультет МГУ, 2015.
- Гринберг Р.С.* Поиски новых экономических моделей как ответ на вызовы 21 века // География мирового развития. Вып. 3. Сб. науч. трудов / Под ред. Л.М. Синцера. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016.
- Дегтерев Д.А., Дегтерева Е.А.* Редкоземельные металлы в вооружениях и военной технике США / Центр военно-политических исследований [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/rz2us.pdf>.
- Декларация по итогам диалога на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии. Резолюция A/RES/68/4, принятая Генеральной Ассамблеей 3 октября 2013 года. – Н.-Й.: ООН, 2013.
- Демографический прогноз до 2030 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.
- Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы / Отв. ред. Н.И. Бухарин. – М.: Наука, 2005.
- Доклад о состоянии и развитии туризма в Российской Федерации в 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/19_04_2016_08.pdf.

- Евразийские интеграционные проекты в восприятии постсоветских стран и Китая / Ред. Е.М. Кузьмина. – М.: ИЭ РАН, 2013.
- Евсеев В.А.* География информационных технологий в международном туризме // Автореф. дисс. канд. геогр. наук: спец. 25.00.24. – М., 2002.
- Еремин Н.И.* Критическое минеральное сырье в экономиках США и ЕС // Научная конференция «Ломоносовские чтения», МГУ, апрель 2012 г., секция «Геология». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://geo.web.ru/pubd//2012/06/01/0001186421/pdf/eremin_2012.pdf.
- ЕС создает фонд для сокращения миграции из Африки // BBC News. Русская служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/news/2015/11/151112_eu_migrant_measures.
- Жеребцов Г.* Миром будут управлять макротехнологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wsp.ru/social>.
- Зайка К.* Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С.59–70.
- Замятина Н.Ю.* Когнитивно-географический контекст как модель соотношений географических образов (на примере анализа текстов официальных сайтов субъектов РФ) // Известия РАН. – Сер. геогр. – 2006. – № 4. – С.58–67.
- За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI. Международная конференция труда, 92-я сессия 2004 г. – Женева: МОТ, 2004.
- Зевин Л.З.* Постсоветское пространство: региональная составляющая экономического роста. Научные доклады ИЭ РАН. – М.: ИЭ РАН, 2009.
- Ивахнюк И.В.* Международная трудовая миграция. – М.: ТЕИС, 2005.
- Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / Под ред. Г.С. Витковской. – М.: Гендальф, 2002.
- Ионцев В.А.* Международная миграция: теория и история изучения // Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 3. – М.: Диалог–МГУ, 1999.
- Ионцев В.А., Аleshковский И.А.* Нелегальная миграция в общественно-политическом дискурсе // Международная миграция: экономика и политика. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». – М.: ТЕИС, 2008.
- Калашишкова Т.М.* Экономическое районирование. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Кашутин П.С.* Глобализация сотовой связи и особенности ее развития в макрорегионах мира: Дисс. канд. геогр. наук: спец. 25.00.24. – М., 2006.
- Кибальчич О.А.* Экономическое районирование в свете системно-структурной методологии // Территориальная организация народного хозяйства Советского Союза. – М.: МФГО, 1979.

- Киссинджер Г.* Целью Запада является разрушение России // Взгляд. Деловая газета. 2015. 19 августа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vz.ru/news/2015/8/19/762145.html>.
- Кистанов В.В.* Территориальная организация производства (отраслевой, районный и народнохозяйственный аспекты). – М.: Экономика, 1981.
- Клинов В.Г.* Прогнозирование долгосрочных тенденций в развитии мирового хозяйства. – М.: Инфра-М, 2010.
- Князев Ю.К., Куликова Н.В.* Долговой кризис в мире и проблема задолженности стран Центрально-Восточной Европы. – М.: ИЭ РАН, 2013.
- Ковалев Ю.Ю.* География мировой науки. – М.: Гардарики, 2002.
- Ковалев Ю.Ю.* Германия в мировой системе НИОКР // НЭП-XXI век. Наука, экономика, промышленность. – 2005. – № 1. – С.27–32.
- Кокшаров А.* Снова «Сделано в Америке» // Эксперт online. – № 46 (923). 18.11.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2014/46/snova-sdelano-v-amerike/>.
- Колосов В.А.* Традиционные геополитические концепции и современные вызовы России // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С.13–25.
- Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Геополитическое положение России на пороге XXI века: реальность и перспективы // Полис. – 2000. – № 3 (56). – С.40–60.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.
- Колосов В.А., Бородулина Н.А., Вендина О.И., Галкина Т.А., Заяц Д.В., Юр Е.С.* Геополитическая картина мира в средствах массовой информации // Полис. 2002. – № 3. – С.33–49.
- Колосов В.А., Зотова М.В.* Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа? // Полис. – 2012. – № 5. – С.170–187.
- Колосов В.А., Себенцов А.Б.* Северный Кавказ в российском геополитическом дискурсе // Полис. – 2014. – № 3. – С.146–163.
- Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбурова Е.Н., Слука Н.А., Тукунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю.* Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. – 2016. – № 1. – С.3–15.
- Колосовский Н.Н.* Теория экономического районирования. – М.: Мысль, 1969.
- Колотиевский А.М.* Теория и практика экономического микрорайонирования. – Рига: Зинанте, 1969.
- Кондратьев В.Б.* Глобальная обрабатывающая промышленность // Интернет-портал «Перспективы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=201159>.

- Кондратьев В.Б.* Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 3. – С.5–17.
- Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры // Избр. соч. – М.: Экономика, 1993. – С.24–83.
- Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002.
- Конкурентоспособность в системе мирового хозяйства: пространственный анализ / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Пресс-Соло, 2002.
- Консенсус-оценка численности трудовых мигрантов в России. 2010. 9 апреля. (Консенсус-оценка 9.4.0) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://indem.ru/ceprs/Migration/OsItExSo.htm>.
- Конституция СССР, 1977. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm>.
- Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – М., 2012.
- Коробков А.В.* Плюсы и минусы российской интеллектуальной миграции // Мир перемен. – 2014. – № 4. – С.138–153.
- Косикова Л.С.* Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика // Научные доклады ИЭ РАН. – М.: ИЭ РАН, 2008.
- Краак М.-Я., Ормелинг Ф.* Картография: визуализация геопространственных данных / Пер. с англ. под ред. В.С. Тикунова. – М.: Научный мир, 2005.
- Кржижановский Г.М.* Экономическое районирование СССР // Вопросы географии. – Сб. 47. – М.: Географгиз, 1959. – С.199.
- Кротков А.И.* Региональные стратегии транснациональных корпораций на развивающихся фармацевтических рынках // Дисс. канд. геогр. наук: спец. 25.00.24. – М., 2013.
- Кружалин В.И., Мироненко Н.С., Зигерн-Корн Н.В., Шабалина Н.В.* География туризма. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2014.
- Кружалин В.И., Шабалина Н.В., Аигина Е.В., Кружалин К.В.* (а) Географические особенности развития туризма в странах и регионах мира // Теория и практика туризма. – Т. 139. – Вопросы географии. – М.: ИД Кодекс, 2014.
- Кружалин В.И., Шабалина Н.В., Аигина Е.В., Новиков В.С.* (б) Технологии управления и саморегулирования в туризме. – М.: Диалог культур, 2014.
- Кузнецов А.В.* Прямые иностранные инвестиции: «эффект соседства» // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 9. – С.40–47.
- Кузнецов А.В.* Российские транснациональные корпорации в сфере услуг // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 7. – С.71–80.
- Кузнецов А.В.* Транснациональные корпорации стран БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 3. – С.3–11.

- Кузнецова О.В., Кузнецов А.В., Туровский Р.Ф., Четверикова А.С.* Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов. – 3-е изд. – М.: Либроком, 2013.
- Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 27. – М.: Политиздат, 1962. – С.387.
- Ленин В.И.* набросок плана научно-технических работ (1918 г.) // Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 36. – М.: Политиздат, 1967. – С.229.
- Ленчук Е., Филатов В.* Новая индустриализация как условие формирования устойчивого экономического роста стран ЕАЭС // Мир перемен. 2015. – № 3. – С.149–161.
- Леонтьева Е.Л.* Японские корпорации и корпоративные группы. Эволюция институтов. – М.: ИМЭМО РАН, 2009.
- Лобанов М.М.* Тенденции промышленного комплексобразования в современных условиях // Глобальная социально-экономическая география / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: Ойкумена, 2011. – С.81–100.
- Лобанов М.М.* Структурная модернизация промышленности // Модернизация в странах российского пояса соседства: структурный и технологический аспекты / Отв. ред. С.П. Глинкина. – М.–СПб.: Нестор-История, 2012. – С.93–113.
- Лопатников Д.Л.* Экологический переход // Региональные исследования. – 2013. – № 3. – С.4–8.
- Маергойз И.М.* Чехословацкая Социалистическая Республика. Экономическая география. – М.: Мысль, 1964.
- Маергойз И.М.* Территориальная структура хозяйства. – Новосибирск: Наука, 1986.
- Максаковский В.П.* Страны БРИК в географическом сравнении // Известия РАН. – Сер. геогр. – 2011. – № 4. – С.18–32.
- Малахов В.* Интеграция мигрантов как административная проблема: опыт Евросоюза // Мировая экономика и международные отношения. 2015. – № 1. – С.77–87.
- Медовников Д.С., Оганесян Т.К.* Неявное знание строителей пирамиды // Эксперт. – 2012. – № 12. – С.18–25.
- Международная интеграция российских регионов / Ред. И.И. Куриллы. Программа «Международные исследования в общественных науках». – М.: Логос, 2007.
- Миграционный кризис: ЕС создает новую погранслужбу // BBC News. Русская служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2015/12/151218_migrant_crisis_new_border_force.
- Минс Г., Шнайдер Д.* Метакапитализм и революция в электронном бизнесе: какими будут компании и рынки в XXI веке? – М.: Альпина паблишер, 2001.

- Мир глазами россиян общественное мнение и внешняя политика / Под ред. В.А. Колосова. – М.: ФОМ, 2003.
- Мировая торговля и международные грузопотоки. – М.: ООО Влант, 2015.
- Мировая экономика и международный бизнес / Ред. В.В. Полякова, Р.К. Щенин. – М.: КНОРУС, 2008.
- Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т.* Рекреационная география. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
- Мироненко Н.С., Каринский С., Слука Н.А.* Методика страноведческого исследования (Экономическая и социальная география) / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
- Мироненко Н.С.* Страноведение. Теория и методы. Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.
- Мироненко Н.С.* Введение в географию мирового хозяйства: Международное разделение труда. Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2006.
- Мироненко Н.С., Слука Н.А., Ткаченко Т.Х.* О трансформации пространственной структуры мирового хозяйства в условиях глобализации // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / Под ред. Абылгазиева И.И., Ильина И.В. – Вып. 5. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С.222–238.
- Мироненко Н.С., Гитер Б.А.* Мирохозяйственный переход в начале XXI века: макротехнологические и пространственные трансформации // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. – 2013. – № 2. – С.12–18.
- Михайлов В.А.* Редкоземельные руды мира: геология, ресурсы, экономика. – Киев: Киевский университет, 2010.
- Могилевкин И.М.* Глобальная инфраструктура: механизм движения в будущее. – М.: Магистр, 2010.
- Модернизация в странах российского пояса соседства: структурный и технологический аспекты / Отв. ред. С.П. Глинкина. – М.-СПб.: Нестор-История, 2012.
- МОМ. Справочник по терминологии в области миграции. – Женева: МОМ, 2011.
- МОТ. За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI. Международная конференция труда, 92-я сессия, 2004 г. – Женева, 2004.
- Мохов Е.А.* О состоянии и проблемах правового обеспечения противодействия нелегальной миграции // Аналитический вестник. 2013. – № 14 (498). – С.4–12.
- Мукомель В.И.* Миграционная политика России. Постсоветские контексты. – М.: Ин-т социологии РАН, 2005.

- Мукомель В.И.* Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. – М.: Спецкнига, 2013.
- Мэддисон А.* Мировая экономика: историческая статистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://saoupravlenie.ru/27-10/php>.
- Нагирная А.В.* Конкуренция новых и старых ИКТ на примере стационарной и мобильной телефонной связи // Современные проблемы общественной географии / Под ред. С.С. Артоболевского, Л.М. Синцера. – М.: ИГ РАН, 2011. – С.338–350.
- Нагирная А.В.* Глобальные закономерности распространения информационно-коммуникационных технологий // Известия РАН. – Сер. геогр. 2013. – № 5. – С.30–40.
- Нагирная А.В.* Особенности глобальной диффузии телефонной связи // Внеэкономические факторы пространственного развития. Сб. статей памяти С.С. Артоболевского / Под ред. Л.М. Синцера, В.Н. Стрелецкого. – М.: ИГ РАН, 2015. С. 214–226.
- Налоговая политика в социально-экономическом развитии стран с переходной экономикой / Под ред. Р.С. Гринберга, З.Н. Кузнецовой. – СПб.: Алетей, 2011.
- Направления географии мирового развития / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Типография г. Москвы, 2003.
- Население России 2003–2004: Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Ред. А.Г. Вишневский. – М.: Наука, 2006.
- Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Ред. А.Г. Вишневский. – М.: ИД ГУ ВШЭ, Центр демографии и экологии человека, 2011.
- Население России 2010–2011: Восемнадцатый ежегодный демографический доклад / Ред. А.Г. Вишневский. – М.: Высшая школа экономики, 2013.
- Национальный состав населения СССР. – М.: Финансы и статистика, 1991.
- Некlessа А.* Геоэкономическая система мироустройства и Россия // Современная конкуренция. – 2008. – № 6. – С.32–45.
- Николай Мироненко. Страницы жизни. Научные идеи и работы. Педагогическая деятельность / Под ред. В.А. Колосова, Е.В. Милановой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015.
- Николаю Семеновичу Мироненко 70 лет // Региональные исследования. – 2011. – № 4. – С.144–145.
- Никулин А.А.* Металлы для высоких технологий: тенденции мирового рынка редкоземельных элементов // Проблемы национальной стратегии. – 2014. – № 1 (22). – С.134–152.
- Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития / Под общ. ред. Л.Б. Вардомского. – М.: ИЭ РАН, 2012.

- Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Ред. В.И. Мукомель, Э.А. Паин. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.
- Общественно-географические проблемы освоения пространства и ресурсов Мирового океана / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Аспект Пресс, 2008.
- Окунев И.Ю.* Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микрогосударств) // Политическая наука. 2011. – № 4. – С.162–174.
- Окунев И.Ю.* Геополитика микрогосударств. – М.: МГИМО, 2014.
- ООН. Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию 1994 г. – Н.-Й.: ООН, 1994.
- Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org>.
- Основные тенденции во взаимоотношениях России и стран Центрально-Восточной Европы / Отв. ред. И.И. Орлик. – М.: ИЭ РАН, 2015.
- Оценка влияния нетарифных барьеров в ЕАЭС: результаты опросов предприятий. ЕАБР. Центр интеграционных исследований. Доклад № 30. Рук. проекта А.М. Анисимов. 2015.
- Перфильев Ю.Ю.* Российское Интернет-пространство: развитие и структура. – М.: Гардарики, 2003.
- Петренко В.Ф., Митина О.В., Бердников К.А.* Психосемантический анализ геополитических представлений в России // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21 (2). – С.49–69.
- Пилипенко И.В.* Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – М.– Смоленск: Ойкумена, 2005.
- Пилька М.Э., Слука Н.А.* (а) Глобальность городов США с позиций корпоративного подхода // Економічна та соціальна географія: Наук. зб. – Київ, 2014. – Вип. 1 (69). – С.86–94.
- Пилька М.Э., Слука Н.А.* (б) Размещение представительств зарубежных транснациональных корпораций в глобальных городах США // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. – 2014. – № 4. – С.75–82.
- Пиндайк Р.С., Рубинфельд Д.Л.* Микроэкономика / Пер. с англ. – М.: Дело, 2000.
- Полян П.М., Трейвиш А.И.* Исаак Моисеевич Маергойз: очерк жизни и творчества // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. – М.: Новый Хронограф, 2012. – С.12–55.
- Портер М.* Конкуренция. – М.: Вильямс, 2005.
- Портяков В.Я.* Экономические реформы в Китае (1979–1999 гг.). – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2002.

- Поставнин В.А.* Нелегальная миграция: проблемы и пути их решения // О состоянии и проблемах правового обеспечения противодействия нелегальной миграции // Аналитический вестник. – 2013. – № 14 (498). – С.55–58.
- Потемкина О.Ю.* «Европейская повестка дня по миграции» новый поворот в иммиграционной политике ЕС? // Современная Европа. – 2015. – № 4. – С.28–40.
- Потоцкая Т.И.* Изучение транснациональной деятельности компаний, как элемент отраслевого анализа (на примере алмазно-бриллиантового комплекса) // Менеджмент в России и за рубежом. – 2006. – № 6. – С.12–20.
- Потоцкая Т.И., Самусенко Д.Н.* Общие и региональные особенности функционирования предприятий крупного бизнеса в мировой экономике // Региональные исследования. – 2009. – № 4. – С.82–85.
- Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины / Ред. А.М. Анисимов. ЕАБР. Центр интеграционных исследований. Доклад № 17. – СПб.: ЕАБР, 2013.
- Проблемы геоконфликтологии. В 2 т. / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Пресс-Соло, 2004.
- Продолжаем начатое... / Под ред. Н.В. Багрова. – Симферополь: ТНУ имени В.И. Вернадского, 2011.
- Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. Научно-образовательный форум по международным отношениям / Ред. Л.Б. Вардомский, С.В. Голунов. – М.-Волгоград, 2002.
- Пространственные структуры мирового хозяйства / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Пресс-Соло, 1999.
- Прямые иностранные инвестиции в европейских странах с переходной экономикой / Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой, Н.В. Фейт. – М.: Наука, 2006.
- Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М.: ИД Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011.
- Раковский С.Н.* Геополитика для географов // География. 2001. – № 33.
- Редкоземельные металлы: перспективы мирового рынка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ereport.ru/articles/commod/rareearths.htm>.
- Родионова И.А.* Мировая промышленность: структурные сдвиги и тенденции развития (вторая половина XX – начало XXI вв.). – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2009.
- Родионова И.А.* Мировая экономика: индустриальный сектор. – М.: РУДН, 2010.
- Родионова И.А.* Пространственная динамичность системы мировой промышленности // Глобальная социально-экономическая география. Сб. науч. трудов памяти Н.В. Алисова / Под ред. Н.А. Слуки. – М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. – С.53–72.

- Родионова И.А., Слука Н.А.* О корпоративной географии // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: мат. межд. науч.-практ. конф. – М.: Экон-информ, 2014. – С.54–58.
- Родионова И.А., Шувалова О.В.* Мировая промышленность, международное производство и прямые иностранные инвестиции // Фундаментальные исследования. 2014. – № 12 (Ч. 9). – С.1988–1992.
- Романов М.Т.* Проблемы экономического районирования и административно-территориального устройства России в новых условиях // Известия РАН. Сер. геогр. – 2006. – № 3. – С.57–66.
- Ромодановский К.О.* Выступление директора ФМС России на заседании Правительства РФ. 9 августа 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/meetings/23872/stenograms/>.
- Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / Ред. В.А. Колосов, О.И. Вендина. – М.: Новый хронограф, 2011.
- Россия в цифрах 2008. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
- Россия и страны мира 2012; 2014. Стат. сб. – М.: Росстат, 2012; 2014.
- Россия онлайн. Влияние интернета на российскую экономику. – М.: The Boston Consulting Group, 2011.
- Рыкунова Е.С.* Территориально-организационная структура крупнейших авиакомпаний мира (на примере «Люфтганза Групп») // Автореф. дисс. канд. геогр. наук: спец. 25.00.24. – М., 2011.
- Рынок цветных металлов. 7–24 сентября 2015. Брокерский дом «Открытие», 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://open-broker.ru/upload/iblock/ab1/rynok-tsvetnykh-metallov-_37_39.pdf.
- Самбурова Е.Н., Медведева А.А.* Китай. – М.: Мысль, 1991.
- Самбурова Е.Н., Синогин О.А., Слука Н.А.* Шанхай: Старый лидер нового Китая // География. 2002. – № 20. – С.3–14; 19–20.
- Самбурова Е.Н.* Сохранит ли Китай конкурентные преимущества своей экономики? // Азия и Африка сегодня. 2013. – № 9. – С.16–22.
- Самбурова Е.Н., Ткаченко Т.Х.* Различия в развитии ИКТ-комплексов Индии и Китая // Мат. межд. науч.-практ. конф. «Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания». – М.: Экон-информ, 2014. – С.80–83.
- Самбурова Е.Н., Мироненко К.В.* Китай в мировом хозяйстве: пути взаимодействия // География мирового развития: Вып. 3. Сб. науч. трудов / Под ред. Л.М. Синцера. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. – С.422–434.

- Самсонов Н.Ю., Семягин И.Н.* Обзор мирового и российского рынка редкоземельных металлов // ЭКО. – 2014. – № 2. – С.45–54.
- Самусенко Д.Н.* Транснациональные корпорации в современной географии мирового хозяйства // География в школе. – 2012. – № 2. – С.48–53.
- Самусенко Д.Н.* Географический анализ процессов прямого инвестирования в современном мировом хозяйстве // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. – 2014. – № 1. – С.42–49.
- Сицеров Л.М.* Пульсирующая точка роста мировой экономики // Полюса и центры роста в региональном развитии / Под ред. Ю.Г. Липеца. – М.: Ин-т географии РАН, 1998. – С.58–67.
- Сицеров Л.М.* Проблемы глобальной интеграции // Известия РАН. – Сер. геогр. – 2005. – № 4. – С.5–12.
- Сицеров Л.М.* Транспортно-коммуникационная парадигма мирового развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 5. – С. 122–128.
- Слука А.Е., Слука Н.А.* География населения с основами демографии: Учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
- Слука А.Е., Слука Н.А.* Современная геодемография Большого Парижа // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. – 2002. – № 6. – С.49–55.
- Слука Н.А.* География вынужденных миграций населения // Вопросы структуризации экономики. 1999. – № 5. – С.8–12.
- Слука Н.А.* Урбанистическая панорама мира на пороге XXI века // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. – 2000. – № 2. – С.7–12.
- Слука Н.А., Ткаченко Т.Х.* Франкфурт-на-Майне – деловой центр Европы // География. – 2003. – № 27. – С.19–27.
- Слука Н.А., Сиюгин О.А.* Большой Токио // География. – 2004. – № 19. – С.9–24; – № 20. – С. 11–22.
- Слука Н.А.* Градоцентрическая модель мирового хозяйства. – М.: Пресс-Соло, 2005.
- Слука Н.А.* Градоцентрический вектор в развитии мировой системы // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 5. – Геогр. – 2006. – № 5. – С.1–11.
- Слука Н.А.* Геодемографические феномены глобальных городов. – Смоленск: Ойкумена, 2009.
- Слука Н.А., Ткаченко Т.Х.* Глобальные города: особенности индустриального развития // Изменения в пространственной организации промышленности мира: вторая половина XX в. – начало XXI в. / Под ред. И.А. Родионовой. – М.: Экон-Информ, 2009. – С.239–257.
- Слука Н.А.* Движение населения в глобальных городских регионах // Балтийский регион. – 2010. – № 4 (6). – С.17–28.

- Слука Н.А.* Большой стране большие проекты // Валовой внутренний продукт. – 2015. – № 5 (94). – С.26–31.
- Слука Н.А., Ткаченко Т.Х.* Познание общественного пространства: от рекреации к мировому развитию (памяти профессора Н.С. Мироненко) // Региональные исследования. – 2015. – № 1 (47). – С.160–168.
- Соколова Т.В.* Социокультурные и ментальные срезы евразийской интеграции // Экономическое взаимодействие стран-членов СНГ в контексте евразийского интеграционного проекта / Ред. Л. Вардомский, А. Пылин. – М.: ИЭ РАН, 2015.
- Соликамский магниевый завод [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://смз.рф>.
- Сорокин М.Ю.* Влияние глобальных и региональных кризисов на эволюцию мирового хозяйства. – М.: Пресс-Соло, 2004.
- Справочник по терминологии в области миграции. – Женева: МОМ, 2011.
- Статистические материалы Некоммерческого партнерства «Мир без границ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusroadshow.com/ru/node/2>.
- Статистические материалы Федерального агентства по туризму [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russiatourism.ru>.
- Страны Центрально-Восточной Европы в санкционной войне Запада против России: политические позиции и экономические последствия / Отв. ред. Ю.К. Князев. – М.: ИЭ РАН, 2015.
- Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период подготовки к вступлению и в первые годы членства в Европейском союзе (2000–2005 гг.) / Отв. ред. Н.В. Куликова. – М.: ИЭ РАН, 2006.
- Теория фирмы // Вехи экономической мысли / Под ред. В.М. Гальперина. – Вып. 2. – СПб.: Экономическая школа, 1995.
- Тикунова И.Н.* География мирового туризма // География мирового хозяйства: учебник для студентов вузов / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Трэвэл Медиа Интернэшнл, 2012. – С.267–280.
- Тикунов В.С.* Атласные информационные системы для принятия решений // Основы геоинформатики: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. В.С. Тикунова. – М.: Академия, 2004. – Кн. 2. – С.285–304.
- Ткаченко И.А.* Территориально-организационная структура автомобильной ТНК (на примере корпорации «ДаймлерКрайслер») // Автореф. дисс. канд. геогр. наук: спец. 25.00.24. – М., 2005.
- Ткаченко Т.Х.* Новые технологии – новые пространственные структуры? // Глобальная социально-экономическая география. Сб. науч. трудов памяти Н.В. Алисова / Под ред. Н.А. Слуки. – М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. – С.73–80.

- Ткаченко Т.Х.* Понемногу о разном // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. – М.: Новый Хронограф, 2012. – С.241–235.
- Толкачев С.А.* (а) Две модели неоиндустриализации: Германия – «Индустриализация 4.0», США – «Промышленный Интернет» // *Экономист*. – 2015. – № 9. – С.13–23.
- Толкачев С.А.* (б) Реиндустриализация и импортозамещение: как от слов перейти к делу. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://forum24.fa.ru/blog/?p=152>.
- Томторское месторождение редких металлов. Ч. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yakutiafuture.ru/2015/11/18/tomtorskoe-mestorozhdenie-redkozemelnyx-metallov-1-chast/>.
- Топ-10 событий на рынке РЗМ за 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rareearth.ru/ru/pub/20151228/01885.html>.
- Трифонов И.В.* Роль транснациональных корпораций в глобализации мировой экономики // *Молодой ученый*. – 2013. – № 9. – С.243–245.
- Университетская география в современном мире / Под ред. А.С. Наумова. – М.: ООО Буки Веди, 2016.
- Ушкалов И.Г., Малаха И.А.* Утечка умов: масштабы, причины, последствия. – М.: URSS, 1999.
- Федорченко А.В.* Современные тенденции территориальной организации промышленного производства. Учебное пособие. – М.: Пресс-Соло, 2003.
- Федорченко А.В., Левченко А.В.* Инновационные комплексы в мировом хозяйстве (опыт развитых стран) // *Наука, экономика, промышленность. XXI век*. – 2005. – № 1. – С.19–26.
- Федорченко А.В.* География мировой системы НИОКР и трансферт технологий // *География мирового хозяйства: учебник для студентов вузов* / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Трэвл Медиа Интернэшнл, 2012. – С.254–262.
- Филинов Н.Б.* Управляем ли процесс глобализации? // *Современная теория глобализации: экономические очерки* / Под ред. Б.А. Денисова. – М.: ГУУ, 2002. – С.16–84.
- Фомичев П.Ю.* География мировой финансовой системы. Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
- Фукуяма Ф.* Будущее истории. Сможет ли либеральная демократия пережить упадок среднего класса? // *Россия в глобальной политике*. 2012. – № 1. – С.3–9.
- Хесин Е.С.* Меняющийся глобальный экономический ландшафт // *География мирового развития. Вып. 2.* / Под ред. Л.М. Синцера. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. – С.22–42.
- Хироока М.* Эпохальное открытие Кондратьева: экономические циклы и их значение // *Контурь экономики будущего*. – М.: МФК, 2011. – С.106–132.

- Хохлов А.В.* (а) Мировые товарные рынки: учебное пособие. – М.: Магистр: Инфра-М, 2014.
- Хохлов А.В.* (б) Справочные материалы по географии мирового хозяйства. – М.: ВАВТ, 2014.
- Хохлов А.В.* Справочные материалы по географии мирового хозяйства. – Вып. 2. – 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vlant-consult.ru/projects/materials>.
- Центральная и Восточная Европа перед лицом современных экономических вызовов и угроз / Отв. ред. Н.В. Куликова. – М.: ИЭ РАН, 2012.
- Центрально-Восточная Европа: из кризиса в депрессию? / Отв. ред. Н.В. Куликова. – М.: ИЭ РАН, 2014.
- Центральная и Восточная Европа: последствия долгового кризиса в еврозоне / Отв. ред. Н.В. Куликова. – М.: ИЭ РАН, 2014.
- Центрально-Восточная Европа: развитие в новых геополитических реалиях / Отв. ред. Н.В. Куликова. – М.: ИЭ РАН, 2016.
- Четыркин В.М.* О районообразующих признаках в советском экономическом районировании // Вопросы географии. Сб. 41: Экономическая география. – М., 1957. – С.303.
- Чжунго тунци няньцзянь 2006–2016 (Статистический ежегодник Китая). Пекин, 2007–2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/>.
- Число трудовых мигрантов в Китае выросло до 274 млн человек // Южный Китай. 30.04.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://south-insight.com/node/1578>.
- Шишков Ю.В.* Глобализация экономики – закономерный продукт индустриализации и информатизации социума // Клуб ученых «Глобальный мир». Доклады 2000–2001 гг. – М.: ИД Новый век. Ин-т макроэкономики, 2002. – С.257–280.
- Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. – М.: Наука, 1982.
- Шумпетер Й.А.* Капитализм, социализм и демократия: Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995.
- ЮНКТАД. Доклад о мировых инвестициях. 2001–2002; 2013. Обзор. Н.-Й. и Женева, 2001–2002; 2013.
- Язькова А.А.* Регион Большого Причерноморья: возможности развития сотрудничества и источники противоречий // Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком. – М.: Ин-т Европы РАН; Ин-т стратегических оценок и анализа, 2006.
- 40 процентов мирового богатства контролируют 147 транснациональных корпораций // Центр гуманитарных технологий. – 24.10.2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/corporate/2011/10/24/3685>.

Грчић М., Слука Н. Глобални градови. – Белград, 2006.

Денисенко О.О. Процеси метрополізації: світогосподарський аспект. – Київ: Інститут географії НАН України, 2012.

Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбурова Е.Н., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.О. Хоризонти истраживања у области географије светске привреде (поводом 25-годишњице Катедре за географију светске привреде) // Гласник Herald. – Vol. XX. – Ванја Лука. – 2016. – С.3–23.

Alestalo M., Hort S., Kuhle S. The Nordic Model: Conditions, Origins, Outcomes, Lessons. Hertie School of Governance Working Paper. N 41. June, 2009. *Amin S., Arrighi G., Frank A.G., Wallerstein I.* Transforming the Revolution: Social Movements and the World-System. – Delhi: Aakar, 2006.

A Nation of Immigrants: A Portrait of the 40 Million, Including 11 Million Illegal // Pew Hispanic Center [Електронний ресурс]. Режим доступа: <http://www.pewhispanic.org/2013/01/29/a-nation-of-immigrants/>.

Ankar D. Microstate Democracy: Majority or Consensus; Diffusion or Problem-Solving? // Democratization. – 2008. – Vol. 15. – N 1. – P. 67–85.

APEC. Shaping the Future through an Asia-Pacific Partnership for Urbanization and Sustainable City Development. APEC Policy Support Unit. – October, 2014.

Appleyard R. International Migration Policies: 1950–2000 // International Migration. – 2001. – Vol. 39 (6). – P. 7–20.

Arrighi G., Silver B.J. Chaos and Governance in the Modern World System. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

A Special Report on Globalisation // The Economist. – 2008. – Vol. 388. – N 85 (98). – Sept. 20–26.

A Special Report on the Situation Concerning the Rights of Oralmans, Stateless Persons and Refugees In The Republic of Kazakhstan, Astana, 2012 // United Nations High Commissioner for Refugees [Електронний ресурс]. Режим доступа: <http://unhcr.kz/eng/resources/publicationsandreports/1870/>.

Asylpolitik der Europäischen Union [Електронний ресурс]. Режим доступа: https://de.wikipedia.org/wiki/Asylpolitik_der_Europ%C3%A4ischen_Union.

Asylum in the EU Member States [Електронний ресурс]. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/790eba01-381c-4163-bcd2-a54959b99ed6>.

Atlas géopolitique mondiale. Sous la direction d'Alexis Bautzmann. – P.: Editions du Rocher, 2016.

Bachega H. Migrant Crisis: Have EU Promises Been Kept? // BBC News [Електронний ресурс]. Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-35714715>.

- Bell T.* The 10 Biggest Aluminum Producers 2014 / About.com. Режим доступа: <http://metals.about.com/od/Top-10-Producers/tp/The-10-Biggest-Aluminum-Producers-2014.htm>.
- Bendiek A., Neyer J.* Europäische Solidarität die Flüchtlingskrise als Realitätstest // SWP-Aktuell. 20 März. 2016. S. 1–2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2016A20_bdk_neyer.pdf.
- Benz A., Zimmer Ch.* The EU Competences: The Vertical* Perspective on the Multilevel System // Living Review European Government. – 2010. – N 1. – P. 17.
- BIS Statistics. Раздел статистики на официальном сайте Банка международных расчетов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bis.org/statistics/index.htm>.
- Bloomberg Business. World's 10 Biggest Refined-Copper Producers in 2013. Режим доступа: www.bloomberg.com/news/articles/2014-02-17/world-s-10-biggest-refined-copper-producers-in-2013-table.
- Boniface P., Védrine H.* Atlas du monde global. P.: Armand Colin, 2015.
- BP Statistical Review of World Energy. BP p.l.c. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>.
- Brain Drain or Brain Bank? The Impact of Skilled Migration on Poor-country Innovation // National Bureau of Economic Research working paper series. – 2008. – December.
- Braudel F.* Capitalism and Material Life, 1400–1800. – N.Y.: Harper and Row, 1973.
- British Geological Survey. Rare Earth Elements. – November, 2011.
- British Geological Survey. World Mineral Production 2006–2010; 2012.
- Cantwell B.* Are International Students Cash Cows? Examining the Relationship Between New International Undergraduate Enrollments and Institutional Revenue at Public Colleges and Universities in the US // Journal of International Students. – Vol. 5. – Issue 4. – 2015. – P. 512–525.
- Carling J.* The European Paradox of Unwanted Immigration // A Threat Against Europe? Security, Migration and Integration / J.P. Burgess, S. Gutwirth, eds. Brussels: VUB Press, 2011.
- Caro C.-A., Schramm L.* Die Flüchtlings- und Asylpolitik der EU: Eine Bestandsaufnahme // Flucht und Migration als Herausforderung für Europa. Internationale und nationale Perspektiven aus der Arbeit der Konrad-Adenauer-Stiftung. S. 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kas.de/wf/de/33.42823/>.
- Castells M.* The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process. – Oxford, 1989.
- Castells M.* The Rise of the Network Society. – Oxford, 1996.
- Castles S., Haas H. de, Miller M.J.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 5th ed. N.Y., L.: The Guilford Press, 2014.

- China's Foreign Trade. Beijing, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474983043184.htm.
- Colomer J.* Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. – L.: Routledge, 2007.
- Commerce 3.0 for Development. The Promise of The Global Empowerment Network. An Ebay Report Based on an Empirical Study Conducted by Sidley Austin LLP. – October, 2013.
- Compendium of Recommendations on International Migration and Development: The United Nations Development Agenda and the Global Commission on International Migration Compared. – N.Y.: U.N., 2006.
- Coy M., Schmit T.* Brasilien-Schwellenland der Gegensätze // Geographische Rundschau. – 2007. – N 9. – P. 30–39.
- Czech Demographic Handbook 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.czso.cz/csu/czso/czech-demographic-handbook-2014>.
- Dahl R., Tufte E.* Size and Democracy. – Stanford: Stanford University Press, 1973.
- Democratic Republic of Congo. Country Mining Guide. – KPMG International, 2014.
- Desperate Migrants Plead to Escape 'Hellish' Greek Camp // BBC News [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-europe-35707452>.
- Deutscher Kurs in der Flüchtlingspolitik in Europa umstritten // Die Welt. 16.09.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/thema_nt/article146479319/Deutscher-Kurs-in-der-Fluechtlingspolitik-in-Europa-umstritten.html.
- Devonshire-Ellis Ch.* Wage Comparisons and Trade Flows Between China, ASEAN and India / China Briefing. 04.02.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.china-briefing.com/news/2015/02/04/wage-comparisons-trade-flows-china-asean-india.html>.
- Dicken P.* Global Shift. Mapping the Changing Contours of the World Economy. 6th Ed. – L.: SAGE Publications Ltd., 2011.
- Die EU ist die einzige Antwort. Interview mit Dr. Hans-Gert Pöttering, Präsident des Europäischen Parlaments a.D. und Vorsitzender der Konrad-Adenauer-Stiftung. S. 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kas.de/wf/de/33.43848/>.
- Dubliner Übereinkommen. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://de.wikipedia.org/wiki/Dubliner_%C3%9Cbereinkommen.
- Eccardt M.T.* Secrets of the Seven Smallest States of Europe. N.Y.: Hippocrene Books Inc., 2005.
- Ecclestone C.* Indonesia's Tin Export Ban Success or Failure. Investorintel. 2014.19.08 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://investorintel.com/gold-precious-metals-intel/indonesias-tin-export-ban-success-failure>.
- Emarketer.com. Вебсайт, посвященный развитию Интернет-бизнеса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.emarketer.com>.

- Etzold T.* The Case of the Nordic Councils, Mapping Multilateralism in Transition // International Peace Institute. – 2013. – N 1.
- European Commission [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ec.europa.eu>.
- Eurostat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>.
- EU soll 250000 Flüchtlinge aus Türkei aufnehmen // Die Welt. 10.04.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.welt.de/politik/ausland/article154172876/EU-soll-250-000-Fluechtlinge-aus-Tuerkei-aufnehmen.html>.
- EU-Turkey Migrant Deal: A Herculean Task // BBC News [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-europe-35854413>
- Export of Russian Software Development Industry 2015. 12-th Annual Survey [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russoft.ru/files/RUSSOFT_Survey_12_en.pdf.
- Exports Value by Category of Commodities (SITC) / National Bureau of Statistics of China [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>.
- Factfish. High-Tech Exports for All Countries [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.factfish.com/statistic/high-tech%20exports%2C%20total>.
- Factfish. Patent Applications, Residents for All countries [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.factfish.com/statistic/patent+applications%2C+residents>.
- FAOSTAT [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://faostat3.fao.org/download/Q/*E.
- Filtenborg M.S., Ganzle S., Johanson E.* An Alternative Theoretical Approach to EU Foreign Policy: 'Network Governance' and the Case of the Northern Dimension Initiative // Cooperation & Conflict. – 2002. – N 37 (4).
- Financial Structure Dataset. Статистика Всемирного банка к докладу Global Financial Development Report 2015/16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH/0,,contentMDK:20696167~pagePK:64214825~piPK:64214943~theSitePK:469382,00.html>.
- Firth S.* Sovereignty and Independence in the Contemporary Pacific // The Contemporary Pacific. – Honolulu. – 1989. – N 1.
- Flüchtlingspolitik EU-Quote mit Weitblick? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.delorsinstitut.de/publikationen/fluechtlingspolitik-eu-quote-mit-weitblick/>.
- Forbes. The World's Largest Companies. – May, 2015.
- Frank A.G., Gills B.K.* (eds.) The World System: Five Hundred Years of Five Thousand? – L.: Routledge, 1993.
- Freedman J.* Die Welt ist flach. Eine kurze Geschichte des. 21 Jahrhunderts. Suhrkamp. – N.Y., 2006.
- From Brain Drain to Brain Gain // Russia Direct Quarterly Report. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russia-direct.org/archive/may-quarterly-brain-drain-brain-gain>.

- Frontex Calls on Member States to Deploy More Officers To Greece [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://frontex.europa.eu/news/frontex-calls-on-member-states-to-deploy-more-officers-to-greece-TyXgdX>.
- Frontex: в 2016 году число мигрантов в Европу превысит миллион // Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/news/1700694.html>.
- Futron Releases 2014. Space Competitiveness Index. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.satellitemarkets.com/market-trends/futron-releases-2014-space-competitiveness-index>.
- GCIM. Migration in an Interconnected World. Geneva: Global Commission on International Migration, 2005.
- GDP Real Growth Rate // Country Comparison / CIA [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/rankorder/2003rank.html>.
- Geim A.* Be Afraid, Very Afraid, of the Tech Crises // Financial Times, February 05.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/ad8e9df0-6faa-11e2-956b-00144feab49a.html#axzz419ajUJaw>.
- Gereffi G.* Shifting Governance Structures in Global Commodity Chains, With Special Reference to the Internet // American Behavioral Scientist. Vol. 44. N 10. June, 2001. P. 1616–1637.
- Germany, Italy Call for EU-Wide Migrant Registration System Paper // Reuters Africa [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://af.reuters.com/article/worldNews/idAFKCN0W701M>.
- Global E-Commerce Logistics Market 2016–2020. – Technavio, 2015.
- Global Exchange Derivatives Volumes A Statistical Overview. Обзор мировых рынков производных инструментов до первой половины 2006 г. на сайте Newsbook Limited [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hkex.com.hk/eng/stat/research/rpaper/Documents/GlobalDer_e.pdf.
- Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO Institute of Statistics, 2011.
- Global Migration: Demographic Aspects and Its Relevance for Development // U.N. Department of Economic and Social Affairs. – Technical Paper. – N 2013/6.
- Global Trends 2015 // UNHCR: The UN Refugee Agency [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unhcr.org/en-us/global-trends-2015.html>.
- Grammaticas D.* Europe's Migrant Crisis: Tricky Business to Resolve // BBC News [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-europe-35760115>.
- Hettne B., Söderbaum F.* The orising the Rise of Regionness // New Political Economy. Vol. 5. N 3. 2001. P. 457–473.
- Hirooka M.* Innovative Dinamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective. Cheltenham, UK-Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2006.
- Hispanic Voters and the 2016 Election // Pew Research Center. US Politics and Policy. 7 July 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.people-press.org/2016/07/07/6-hispanic-voters-and-the-2016-election>.

- Hooghe L., Marks G.* Types of Multi-Level Governance // Handbook on Multi-Level Governance. 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unc.edu/~hooghe/assets/docs/papers/Elgar_MLG2.pdf.
- How Is The Migrant Crisis Dividing EU Countries? // BBC News [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-34278886>.
- <http://elibrary.ru> – официальный сайт РИНЦ, «Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU».
- <http://istina.msu.ru> – официальный сайт «Интеллектуальная система тематического исследования научно-технической информации (ИСТИНА) МГУ им. М.В. Ломоносова».
- <http://www.forbes.com> – официальный сайт журнала Forbes.
- <http://www.geogr.msu.ru/about/history> – официальный сайт географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, раздел «Из истории создания географического факультета в Московском университете».
- <http://www.intel.com> – официальный сайт компании «Интел».
- <http://www.msu.ru> – официальный сайт МГУ им. М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра географии мирового хозяйства.
- <http://www.toyota-global.com> – официальный сайт компании «Тойота».
- <http://www-03.ibm.com> – официальный сайт компании «ИБМ».
- Huntington S.P.* Who Are We? The Challenges to America's National Identity. – N.Y.: Simon and Shuster Paperbacks, 2004.
- IATA. Fact Sheet Industry Statistics. – June, 2015.
- IMF. World Economic Outlook [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/01/>.
- Indonesia's Refined Tin Exports Down 7.6% in 2015. Jakarta Globe 2015.07.06 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premium.thejakartaglobe.com/business/indonesias-refined-tin-exports-7-6-2015>.
- INDSTAT4-2015. Industrial Statistics Database [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unido.org/data1/IndStatBrief>.
- Industrie 4.0 Volkswirtschaftliches Potenzial für Deutschland. Studie/BITKOM, Fraunhofer-Institut für Arbeitswirtschaft und Organisation (IAO), 201419.
- Ingebritsen C.* Small States in International relations. – University of Iceland Press, 2006.
- Inglehart–Welzel Cultural Map of the World [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Inglehart–Welzel_cultural_map_of_the_world.
- Inkpen Ch.* 7 Facts About World Migration // Pew Research Center [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/09/02/7-facts-about-world-migration/>.

- International Labour Organization [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ilo.org>.
- International Migration Policies: Government Views and Priorities 2013. – N.Y.: U.N., 2013.
- International Migration Report 2013–2015. – N.Y.: U.N., Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2013–2016.
- International Organization for Migration, ИОМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iom.int>.
- International Organization for Migration. Glossary on Migration. – Geneva, IOM, 2004.
- International Organization for Migration. World Migration Report 2010. The Future of Migration: Building Capacities for Change. – Geneva: IOM, 2010.
- International Telecommunication Union, 2015: Telecommunication/ICT Indicators Yearbook of Statistics, Chronological Time Series 2005–2014. Geneva: ITU, 2015.
- International Trade Eurostat European Commission [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/newxtweb>.
- International Trade Statistics 2014; 2015 / Geneva: WTO, 2014; 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/
- International Yearbook of Industrial Statistics. – Vienna: UNIDO, 2012, 2015.
- Internet Matters: The Net's Sweeping Impact on Growth, Jobs, and Prosperity. McKinsey Global Institute. – May, 2011.
- Investing.com. Indices. Раздел «Индексы» на официальном сайте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.investing.com/indices/>
- Island Studies (Special Issue) // World Development. – 2004. – Vol. 32. – N 2. – P. 327–390.
- Jia X., Yan G.* A Tightening Grip // The Economist. 14.03.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economist.com/news/briefing/21646180-rising-chinese-wages-will-only-strengthen-asias-hold-manufacturing-tightening-grip>.
- Joppke Ch.* Trends in European Immigration Policies // A Threat Against Europe? Security, Migration and Integration / J.P. Burgess, S. Gutwirth, eds. Brussels: VUB Press, 2011.
- Kacowicz A.* Regionalization, Globalization, and Nationalism: Convergent, Divergent, or Overlapping? // Kellogg Institute for International Studies. – Working Paper. – 1998. – N 262.
- Kämpf T.* Die neue Unsicherheit: Folgen der Globalisierung für hochqualifizierte Arbeitnehmer. – Frankfurt am Main, 2008.
- Kempin R.* Flüchtlingspolitik: Frankreichs Abkehr von Deutschland // Stiftung Wissenschaft und Politik. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.swp-berlin.org/de/publikationen/kurz-gesagt/fluechtlingspolitik-frankreichs-abkehr-von-deutschland.html>.
- Kessler G.* Obama's Flip-Flop on Using Executive Action on Illegal Immigration // Washington Post. 2014. November 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

- <http://www.washingtonpost.com/blogs/fact-checker/wp/2014/11/18/obamas-flip-flop-on-using-executive-action-on-illegal-immigration/>.
- Khadria B.* Adversary Analysis and the Quest for Global Development: Optimizing the Dynamic Conflict of Interest in Transnational Migration // Migration, Development, and Transnationalization: A Critical Stance. / N. G. Schiller and T. Faist, eds. – N.Y.: Bergham Books, 2010.
- Kobayashi-Hillary M.* Building a Future with BRICs. – Berlin: Springer, 2008.
- Kohlhep E.* Brasilien Entwicklungsland oder tropische Großmacht des. 21. Jahrhundert? – Tübingen, 2003.
- Kolossov V., Galkina T.* La région méditerranéenne dans le système-monde. Mare Nostrum. Dynamiques et mutations géopolitiques de la Méditerranée Sous la direction de A.-L. Sanguin. – P.: L'Harmattan, 2000. – P. 307–320.
- Kolossov V., Turovsky R.* Russian Geopolitics at the fin-de-siècle // Geopolitics. – 2001. – Vol. 6. – N 1. – P. 141–164.
- Kolosov V.* The Vision of Europe and the World from Large Powers: the Case of BRIC // Geografia Polonica. – 2013. – N 2. – P. 89–98.
- Kolosov V.A., Zotova M.V.* Geopolitical Worldview of Russian Students // Regional Research of Russia. – 2013. – Vol. 3. – N 3. – P. 265–276.
- Krugman P.R.* Increasing Returns and Economic Geography // The Journal of Political Economy. The University of Chicago Press. – 1991. – Vol. 99. – N 3. – P. 483–499.
- Lang K.-O.* Rückzug aus der Solidarität? Die Visegrad-Länder und ihre Reserviertheit in der Flüchtlingspolitik / SWP-Aktuell, 84. Oktober, 2015. S. 1–3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2015A84_Ing.pdf.
- Lannon E., Van Elsuwege P.* The EU's Northern Dimension and the EMP-ENP: Institutional Frameworks and Decision-Making Processes Compared // The European Union and the Mediterranean the Mediterranean's European challenge. Vol. 5. / Ed. P.G. Xuereb. Msida. EDRC, University of Malta, 2004. P. 25.
- Laudon K., Traver C.* E-Commerce: Business, Technology, Society. – Upper Saddle River: Prentice-Hall, 2011.
- LaWell M.* The Future of Manufacturing Technology with Microsoft // Industry Week. 2015. – June 23.
- Lee G.* Bundestag verschärft Asylrecht // Zeit-Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2015-10/angela-merkel-fluechtlinge-horst-seehofer-regierungserklaerung>.
- Liefner I.* Ausländische Direktinvestitionen und internationaler Wissenstransfer nach China. – Berlin, 2006.
- Lipset S. M.* Political Man. Garden City. – N.Y.: Anchor Books, 1960.
- Lobanov M.M.* Industrial Activity in CEE Countries: Post-Crisis Transformation of Spatial and Functional Structure / Collection of Papers, University of Belgrade Faculty of Geography. – 2014. – Vol. LXII. – P. 15–38.

- Maddison A.* Historical Statistics of the World Economy: 1-2008 AD / University of Groningen. 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ggdc.net/maddison/oriindex.htm>.
- Mardell M.* Turkey Has European Union over a Barrel // BBC News [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-35819675>.
- Marks G.* Structural Policy and Multilevel Governance in the EC // The State of the European Community. – 1993. – P. 392.
- Marks G., Nielsen F., Ray L., Salk J. E.* Competencies, Cracks, and Conflicts: Regional Mobilization in the European Union // Comparative Political Studies. – 1996. – Vol. 29. – N 2. – P. 164–92.
- Measuring the Internet Economy: a Contribution to the Research Agenda. – OECD Publishing, 2013.
- Merrifield Ric.* The Internet of Things Is Changing How We Manage Customer Relationships. – HBR, June, 2015.
- Migrant Crisis: Migration to Europe Explained in Seven Charts // BBC News [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-europe-34131911>.
- Migrants and Cities: New Partnerships to Manage Mobility // World Migration Report / IOM, 2015.
- Migrant Workers in Kazakhstan: No Status, No Rights // FIDH: International Federation for Human Rights. N 681a. September, 2016.
- Migration and Migrant Population Statistics // Eurostat Statistics Explained [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics.
- Migration and Remittance Flows in Europe and Central Asia: Recent Trends and Outlook // The World Bank, 2013–2016.
- Migration Policy Institute. Irregular Migration in Europe. Clandestino. Washington, 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://irregular-migration.net/index.php?id=161>.
- Mineral Statistics British Geological Survey [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bgs.ac.uk/mineralsuk/statistics/home.html>.
- Minerals Information U.S. Geological Survey [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minerals.usgs.gov/minerals/>.
- Monthly Average US Dollar per 1 Euro [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.x-rates.com/average/?from=EUR&to=USD&amount=1&year=2015>.
- Mukomel V.* Integration of Migrants: Russian Federation // CARIM-East Research Report 2013/02 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-02.pdf>.
- National Science Board. Science and Engineering Indicators Digest 2016. – Arlington, VA: National Science Foundation, 2016.

- National Science Foundation. Science and Engineering Indicators 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nsf.gov/statistics/seind14/start.htm>.
- Nefiodov L.* Der sechste Kondratieff. Wege zur Produktivität und Vollbeschäftigung im Zeitalter der Information. Rhein-Sieg Verlag, 1996.
- Noten für deutsche Spitzenpolitiker im März 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/1817/umfrage/noten-fuer-spitzenpolitiker/>.
- Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. – N.Y.: Public Affairs, 2004.
- OECD Data [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.oecd.org>.
- OECD. Stat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=BLI&lang=en#>.
- O'Loughlin J., Ó Tuathail G., Kolossov V.* (a) 'A Risky Westward Turn'? Putin's 9/11 Script and Ordinary Russians // *Europe-Asia Studies*. – 2004. – Vol. 56. – N 1. – P. 3–34.
- O'Loughlin J., Ó Tuathail G., Kolossov V.* (b) Russian Geopolitical Storylines and Ordinary Russians in the wake of 9-11 // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2004. – Vol. 37. – N 3. – P. 281–318.
- O'Loughlin J., Ó Tuathail G., Kolossov V.* Russian Geopolitical Culture in the Post 9/11 Era: The Masks of Proteus Revisited // *Transactions. Institute of British Geographers NS*. – 2005. – Vol. 30. – N 3. – P. 322–335.
- O'Loughlin J., Ó Tuathail G., Kolossov V.* The Geopolitical Orientations of Ordinary Russians: A Public Opinion Analysis // *Eurasian Geography and Economics*. – 2006. – Vol. 47. – N 2. – P. 129–152.
- Only Half of Nickel Smelters to Be Built in Indonesia This Yr-Industry. Reuters. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.reuters.com/article/indonesia-nickel-idUSL3N0ZO1FA20150708.
- OPEC: Publications [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.opec.org/opec_web/en/21.htm/.
- Open Doors, Project-Atlas of Student Mobility // Institute of International Education. – N.Y., 2012.
- Open Doors 2009: Report of International Educational Exchange // Institute of International Education. Washington, 2009.
- Oracle Mining Corporation [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.oracleminingcorp.com/copper.
- Ormeling F.* Atlas Information Systems – 17th Int. Cartogr. Conf. and 10th Gen. Assembly ICA. Barcelona, Sept. 3rd - 9th, 1995. Proceedings, Vol. 2. – Barcelona, 1995. – P. 2127–2133.
- Pearce B.* The Shape of Air Travel Markets over the Next 20 Years [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.iata.org.
- Pentland C.* International Theory and European Integration. – L.: Faber and Faber, 1973.

- Preston J.* Mexican Migration to the US May Be Reversing. Report Says // International Herald Tribune. – 2012. – 25 Apr. – P. 2.
- QS World University Rankings [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.topuniversities.com/university-rankings>.
- Reuter M.A., Boin U.M.J., van Schaik A, Verhoef E., Heiskanen K., Yang Y., Georgalli G.* The Metrics of Material and Metal Ecology: Harmonizing the Resource, Technology and Environmental Cycles. – Elsevier, 2005.
- Reyes R.* US Manufacturing Strongest Globally Despite Strengthened Dollar, Weak Energy Sector: Oxford Economics (INDEXDJX: DJI) // Sonoran Weekly Review. 15.03.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sonoranweeklyreview.com/us-manufacturing-strongest-globally-despite-strengthened-dollar-weak-energy-sector-oxford-economics-indexdix-dji/>.
- Riding the Silk Road: China Sees Outbound Investment Boom: Outlook for China's Outward Foreign Direct Investment / Global Markets EY Knowledge. 2015, March [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-china-outbound-investment-report-en/\\$FILE/ey-china-outbound-investment-report-en.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-china-outbound-investment-report-en/$FILE/ey-china-outbound-investment-report-en.pdf).
- RMB Stands Fast as the Second Most Active Currency in Malaysia for Payments with China and Hong Kong [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.swift.com/insights/press-releases/rmb-stands-fast-as-the-second-most-active-currency-in-malaysia-for-payments-with-china-and-hong-kong>.
- Robie D.* Blood on Their Banner: Nationalist Struggles in the South Pacific. – L.: Zed Books, 1989.
- Rodionova I.* World Industry in Post-Industrial Society: Tendencies and Regional Shifts // Miscellanea Geographica Regional Studies on Development. 2014. Vol. 18. N 1. P. 31–36 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.degruyter.com/view/j/mgrsd.2014.18.issue-1/issue-files/mgrsd.2014.18.issue-1.xml>.
- Rokkan S.* Geography, Religion and Social Class: Cross-cutting Cleavages in Norwegian Politics. – N.Y.: Free Press, 1967.
- Russian International Travel Monitor. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://press.hotels.com/en-gb/files/2013/11/ritm_final_web_v3.pdf
- Scharpf F.* Notes toward a Theory of Multilevel Governing in Europe // Scandinavian Political Studies. – 2001. – Vol. 24. – N 1. – P. 2.
- Science and Engineering Indicators 2016. Appendix (tables 6). Two Volumes. Arlington, VA: National Science Foundation, USA, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nsf.gov>.
- Senge K.* Wer hat hier die Verantwortung? // KAS Auslandsinformationen 2/3. 2015. S. 22 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kas.de/wf/de/33.40710/>.
- Simmel G.* Soziologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1908.

- SIPRI Yearbook 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sipri.org/yearbook/2015/10>.
- Situation and Policies of China's Rare Earth Industry // Information Office of the State Council The People's Republic of China. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rareearthassociation.org/Official%20China%20МИТ%20White%20Paper%20on%20Rare%20Earths%20-%20English.pdf>.
- Sluka N.A.* Russia in International Intellectual Migration of Population: Main Features, Tendencies, Problems // *Polish Population Review*. – 2000. – Vol. 17. – P. 45–55.
- Sluka N.A.* Goals, Tasks, and Problems of Corporative Geography // *Гласник Herald. Geographic Society of the Republic of Srpska*. – Vol. XIX. – Banja Luka, 2015. – P. 15–35.
- Smith M.A.* Rare Earth Minerals: The Indispensable Resource for Clean Energy Technologies // *Magnetics*. 2010. – Orlando, Florida. – January 28, 2010.
- Spring J.* *Globalization of Education: An Introduction*. – N.Y.–L.: Taylor & Francis, 2009.
- Stamm A., Altenburg T.* Ankerländer Neue Akteure in der globalen Wissensgesellschaft // *Geographische Rundschau*. – 2007. – N 9. – P. 12–19.
- Statista [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.statista.com/statistics/272832/largest-international-futures-exchanges-by-number-of-contracts-traded/>.
- Statistical Abstracts of the U.S. 2012 // U.S. Bureau of the Census [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.census.gov/library/publications/2011/compendia/statab/131ed.html>.
- Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2014–2016. National Economic and Social Development / National Bureau of Statistics of China. 2015–2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/>.
- Summing up International Student Mobility in 2014 // ICEF Monitor [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://monitor.icef.com/2014/02/summing-up-international-student-mobility-in-2014/>.
- Taylor P.* *World City Network // A Global Urban Analysis*. L. – N.Y.: Routledge, 2004.
- The Random Walk. Mapping the World's Financial Markets 2014. – Hong Kong: Deutsche Bank, 2014.
- The World Bank Data [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.worldbank.org>. The World Bank. World Development Report 2009. Reshaping Economic Geography. – Washington, DC, the World Bank, the IBRD, 2008.
- The World Factbook. Central Intelligence Agency. USA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/index.html>.
- The World in 2007 // *The Economist*. 2006. N 44.
- ThePayers.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.thepayers.com>.

- Tourism Towards 2030. Global Overview. World Tourism Organization (UNWTO). – Madrid, 2011.
- Trade Map [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.trademap.org/Index.aspx>.
- Trauner F.* Wie soll Flüchtlinge in Europa umverteilt werden? Der Streit um einen Paradigmenwechsel in der EU-Asylpolitik // *Integration*. – 2016. – Vol. 2. – S. 93–106.
- Triennial Central Bank Survey. BIS. Basel: Bank of International Settlements, 2013.
- TUI Group [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tuigroup.com>.
- UNCTAD. The World Investment Report. 2002. Transnational Corporations and Export Competitiveness. The Overview. – N.Y. and Geneva, 2002.
- UNCTAD. The World Investment Report. 2007. Transnational Corporations, Extractive Industries and Development. – Geneva: U.N., 2007.
- UNCTAD. The World Investment Report. 2013. Global Value Chains: Investment and Trade for Development. The Overview. – N.Y. and Geneva, 2013.
- UNCTAD. The World Investment Report. 2015. Reforming International Investment Governance. UNCTAD. N.Y. and Geneva, U.N., 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unctad.org/wir>.
- UNCTAD. The World Investment Report. 2016. Web table 24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unctad.org/wir>.
- UNESCO. Institute for Statistics [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uis.unesco.org/Pages/default.aspx>.
- UNESCO. Science Report 1998. The Current Status of Science around the World // P.: UNESCO Publishing, 1998. UNESCO. Science Report 2015. Towards 2030 // P.: UNESCO Publishing, 2015.
- U.N. Commodity Trade Statistics Database UN COMTRADE [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://comtrade.un.org/db/>.
- U.N. Statistics Division [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unstats.un.org/unsd/default.htm>.
- UNWTO. Tourism Highlights 2000–2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mkt.unwto.org/en/publication/unwto-tourism-highlights>.
- UNWTO. World Tourism Barometer [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mkt.unwto.org/en/barometer>.
- UNWTO. Yearbook of Tourism Statistics Data. – 2008–2012, 2014, 2016 edition.
- U.S. Education Reform and National Security. – N.Y.: Council on Foreign Relations, 2012. U.S. Energy Information Administration (EIA) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eia.doe.gov/>.
- U.S. Geological Survey. Mineral Commodity Summaries. 2014; 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/commodity/copper/>.

- U.S. Geological Survey. Minerals Yearbook 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/commodity/myb/>.
- Valdez S., Molineux P.* An Introduction to Global Financial Markets. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010.
- Varghese N.V.* Globalization of Higher Education and Cross-Border Student Mobility. UNESCO: International Institute for Educational Planning, 2008.
- Vitali S., Glattfelder J., Battiston S.* The Network of Global Corporate Control // The OECD Guidelines for Multinational Enterprises. – Zurich, 2011.
- Vysotskaya Guedes Vieira A.* Dimensionalism in the EU External Relations and its Implications for the ENP: the Case of the Northern Dimension // The EU in International Affairs Conference. 24–26 April 2008: Egmont Palace, Brussels. – P. 6.
- Wallerstein I.* World-Systems Analysis. Social Theory Today. – Stanford, California: Stanford University Press, 1987.
- Waltz K.* Man, the State and War. – N.Y.: Columbia University Press, 1986.
- Welzel C., Inglehart R., Klingemann H.-D.* The Theory of Human Development: A Cross-Cultural Analysis // European Journal of Political Research. – 2003. – Vol. 42. – P. 341–379.
- WFE. World Federation of Exchanges. Statistics [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.world-exchanges.org/home/index.php/statistics>.
- What the World's Financial Markets are Worth? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iii.co.uk/articles/223331/what-worlds-financial-markets-are-worth/>.
- Wivel A.* The Integration Spiral: International Security and European Integration. Institute of Political Science, University of Copenhagen, 2000. P. 15.
- World Airline Rankings 2013 // Airline Business. – June, 2014.
- World Bank [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>.
- World Development Indicators [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.worldbank.org>.
- World Economic Outlook Database / International Monetary Fund. 2015–2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/>.
- World Mineral Production. 2001–2013. Keyworth, Nottingham. – British Geological Survey, 2002–2015.
- World Nuclear Association. Nuclear Power in Japan (updated March 2016). [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/japan-nuclear-power.aspx.
- World Steel Association [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.worldsteel.org/>.
- World Travel & Tourism Council [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wttc.org>.

- WTO. International Trade Statistics 2007, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wto.org>.
- Xing Y.Q., Detert N.* How the iPhone Widens the United States Trade Deficit with the People's Republic of China: ADBI Working Paper Series. N 257. Т.: Asian Development Bank Institute, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.adb.org/sites/default/files/publication/156112/adbi-wp257.pdf>.
- Zakaria F.* Broken and Obsolete: An Immigration Deadlock Makes the U.S. a Second-Rate Nation // Time. – 2012. – 18 June. P. 20.
- Zhang B.* Autonomous Cars May Save US a Trillion Dollars Business Insider. May, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.businessinsider.com/morganstanley-autonomous-cars-trillion-dollars-2014-9>.
- Zong J., Batalova J.* Frequently Requested Statistics on Immigrants and Immigration and Immigration in the United States // Migration Policy Institute. 14 April 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.migrationpolicy.org/article/frequently-requested-statistics-immigrants-and-immigration-united-states>.

ОБ АВТОРАХ

Акопян Арарат Артемович — магистрант кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Алешковский Иван Андреевич — канд. экон. наук, доцент, заместитель декана по учебной работе ф-та глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Алисов Николай Васильевич (1921–2001) — д-р экон. наук, профессор, основатель и первый заведующий кафедрой географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Бабурин Вячеслав Леонидович — д-р геогр. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии России Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Бусыгина Ирина Марковна — д-р полит. наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России; директор Центра региональных политических исследований НКСМИ МГИМО.

Вардомский Леонид Борисович — д-р экон. наук, профессор, заведующий Центром постсоветских исследований Института экономики РАН.

Гитер Борис Александрович — инженер первой категории кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Глинкина Светлана Павловна — д-р экон. наук, профессор, научный руководитель направления «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН.

Гречко Елена Александровна — канд. геогр. наук, старший научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Грчич Мирко — д-р геогр. наук, профессор, исполняющий обязанности директора Института географии Белградского университета, Сербия.

Евсеев Василий Александрович — канд. геогр. наук, выпускник кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ерохина Вера Александровна — ведущий инженер кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Зяц Дмитрий Викторович — канд. геогр. наук, научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Иванов Дмитрий Сергеевич — аспирант кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Иванов Павел Николаевич — магистрант кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ионцев Владимир Алексеевич — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ковалев Юрий Юрьевич — канд. геогр. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Колосов Владимир Александрович — д-р геогр. наук, профессор, заместитель директора Института географии РАН, заведующий кафедрой географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Коробков Андрей Владимирович — д-р философии, профессор политологии, Университет штата Теннесси, США.

Куликова Наталия Владимировна — канд. геогр. наук, руководитель Центра восточноевропейских исследований Института экономики РАН.

Лобанов Михаил Михайлович — канд. геогр. наук, старший научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований Института экономики РАН.

Мироненко Ксения Владимировна — научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Мироненко Николай Семенович (1941–2014) — д-р геогр. наук, профессор, заведующий (1991–2014) кафедрой географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Мяльдзин Тимур Нуриевич — аспирант кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Нагирная Анастасия Викторовна — канд. геогр. наук, научный сотрудник лаборатории географии мирового развития Института географии РАН.

Недаев Григорий Викторович — магистрант кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Окунев Игорь Юрьевич — канд. полит. наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, заместитель декана факультета политологии по научной работе.

Перевезенцев Данила Сергеевич — бакалавр кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; магистрант кафедры географии Университета Людвиг-Максимилиана, г. Мюнхен, Германия.

Пилька Мартин Эдуардович — аспирант кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Родионова Ирина Александровна — д-р геогр. наук, профессор кафедры региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), член-корреспондент РАН.

Романова Екатерина Владимировна — канд. экон. наук, доцент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Руднева Яна Алексеевна — студентка кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Рябова Наталия Владимировна — ведущий инженер кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Самбунова Елена Николаевна — канд. геогр. наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Сафонов Сергей Александрович — аспирант кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Слука Николай Александрович — д-р геогр. наук, профессор кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Тикунова Ирина Николаевна — канд. геогр. наук, научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ткаченко Татьяна Хаимовна — канд. геогр. наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Федорченко Александр Викторович — канд. геогр. наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Фомичев Павел Юрьевич — канд. геогр. наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ханукаева Полина Яковлевна — бакалавр кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; магистрант программы «Городские агломерации» Университета прикладных наук, г. Франкфурт-на-Майне, Германия.

Хохлов Антон Владимирович — канд. геогр. наук, доцент кафедры международной торговли и внешней торговли РФ Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ Минэкономразвития России).

Хубулов Сергей Муртазович — магистрант кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Шабалина Наталия Владимировна — канд. геогр. наук, доцент кафедры рекреационной географии и туризма, заместитель декана географического ф-та по дополнительному образованию Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Янгаев Павел Анатольевич — аспирант кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

CONTENTS

INTRODUCTION (V.A. KOLOSOV and N.A. SLUKA)	5
PART 1. RUSSIAN SCHOOL OF GEOGRAPHY OF WORLD ECONOMY	
The Objectives, the Tasks and the Problems of Geography of World Economy (N.V. ALISOV)	11
N.S. Mironenko as the Organizer of the School of Geography of World Economy (N.A. SLUKA, T.Kh. TKACHENKO).....	20
The School of Geography of World Economy: the Stages of Formation (N.A. SLUKA).....	32
The Global Economic Transition in the Early Century: Macro-Technological and Spatial Transformations (N.S. MIRONENKO, B.A. GITER).....	40
The Industrial Vector in the Studies at the Chair of Geography of World Economy, Moscow University (T.Kh. TKACHENKO, S.A. SAFONOV).....	49
Corporate Geography as a Field of Research in Geography of World Economy (N.A. SLUKA).....	59
Management Systems in Contemporary Transnational Companies (E.A. GRECHKO)	70
Geopolitics and World Economy: Traditions and New Interdisciplinary Fields of Research (V.A. KOLOSOV).....	81
Research Horizons in Geography of World Economy (B.A. GITER, E.A. GRECHKO, V.A. YEROKHINA, V.A. KOLOSOV, K.V. MIRONENKO, M.E. PIL'KA, E.N. SAMBUROVA, N.A. SLUKA, N.V. RYABOVA, I.N. TIKUNOVA, T.Kh. TKACHENKO, A.V. FEDORCHENKO, P.Yu. FOMICHEV)	95
PART 2. THE DYNAMICALLY CHANGING GEOGRAPHY OF MATERIAL PRODUCTION	
Macro-Trends in the Development of World Industry in the Era of Globalization (I.A. RODIONOVA, N.A. SLUKA).....	102
Geographical Shifts on the Most Important Goods' Markets in the Early XXI Century (A.V. KHOKHLOV).....	113
Spatial Shifts in the World Nonferrous Metallurgy in the Early XXI Century (D.V. ZAYATS).....	123
Shifts in the Spatial Structure of the World Rare-Earth Metals (T.Kh. TKACHENKO, P.A. YANGAYEV).....	135
The Main Features of the Industrial Development in the Countries of Central-East and South-East Europe in 1990–2015 (M.M. LOBANOV).....	143
PART 3. THE SPATIAL ORGANIZATION OF KEY BRANCHES OF THE NON-MATERIAL SPHERE IN THE XXI CENTURY	
The Most Recent Shifts in the Geography of the World Financial Markets (P.Yu. FOMICHEV)	156
The R&D Geography and the Transfer of Technologies in World Economy (A.V. FEDORCHENKO, E.A. GRECHKO, N.V. RYABOVA).....	170

The Geography of the Air Transportation Transition to a Global Structure (V.A. EVSEEV).....	185
Revolutionary Changes in the Geography of the World Phone Communication (A.V. NAGIRNAYA).....	191
Consumer Internet-Trade as a Subject of Economic Geography (T.N. MYALDZIN).....	202
Contemporary Processes and Phenomena on the World Tourist Market (N.V. SHABALINA, I.N. TIKUNOVA).....	213
PART 4. REGIONS AND COUNTRIES IN THE GLOBALIZING WORLD ECONOMY	
Post-Soviet Space: Outcomes and Perspectives of Transformations (L.B VARDOMSKYI).....	225
Post-Socialist Countries of Europe: Political and Economic Transformations (S.P. GLINKINA, N.V. KULIKOVA).....	238
BRICS Countries in the World Innovation's System (Yu.Yu. KOVALEV)	245
The Change in the Role of China in World Economy during the Post-Reform Period (since 1979) (E.N. SAMBUROVA, K.V. MIRONENKO).....	255
Regionalization "Macro" and Regionalization "Micro": the Stages of Regions' Construction in West Europe (I.M. BUSYGINA).....	268
Micro-States in the Conditions of Globalization (I.Yu. OKUNEV).....	280
Problems of Economic Regionalization in the Conditions of Globalization (V.L. BABURIN).....	291
PART 5. INTERNATIONAL MIGRATIONS OF POPULATION: THE STRENGTHENING OF COUNTRIES' AND REGIONS' INTERDEPENDENCE	
The Main Trends of International Migrations' Development in the Conditions of Globalization (I.A. ALESHKOVSKYI, M. GRCHICH, D.S. IVANOV).....	301
The Largest Migratory Systems of the World: Common Trends and Differences (A.V. KOROBKOV).....	313
The Scale and the Problems of Illegal Migrations in the Global World (I.A. ALESHKOVSKYI, V.A. IONTSEV, Ya.A. RUDNEVA).....	328
Migratory Crisis as a Challenge to European Integration (E.V. ROMANOVA).....	336
Czech Republic in the System of International Student Migrations (B.A GITER, A.A. AKOPYAN, P.N. IVANOV, G.V. NEDAYEV, D.S. PEREVERZENTSEV, P.YA. KHANUKAYEVA, S.M. KHUBULOV).....	347
CONCLUSION (V.A. KOLOSOV).....	355
REFERENCES.....	358
ABOUT THE AUTHORS.....	391
CONTENTS	395
ABSTRACT	397

ABSTRACT

The monograph is devoted to the 25th anniversary of the Department of geography of world economy, Geographical Faculty, Moscow Lomonosov State University, the only research team specializing in this field in Russia. The authors are mainly the staff and external well-known scholars who have graduated from the department, as well as professors and leading experts from other faculties of Moscow Lomonosov State University and academic institutions – Moscow State Institute of International Relations, Institute of Geography and Institute of Economics of Russian Academy of Sciences, etc. The book seeks to address three main objectives: to summarize the experience of the national school of geographical research of world economy along with the development of methodological approaches and scientific traditions of the department; to outline the department's recent findings in the field; to identify research priorities for the near future – a perception of spatial processes coming into view in the global economy and to share the ideas about emerging spatial processes in global economy.

In the heart of the book is an analysis of several cross-cutting themes. Firstly, it is a manifestation of one more period of transformation in various industries and sectors, important and dynamic changes in the conditions of global development. The simultaneous reformatting/restructuring of geopolitical space and "global economic transition" caused a clear destabilization of globalization processes, until recently treated as a stable and uncontested trend. Secondly, revolutionary changes in the regional and sectoral composition of the world economy that took place in an extremely short time. Thirdly, radical changes in the comparative role of driving forces and key actors in the world economy: the further strengthening of TNCs and the relocation of poles of growth to the Asia-Pacific region where the tone is set by China. Fourthly, deepening of the differences in the pace and quality of development trends of national and regional economies. The rapid growth and restructuring of some countries' economy is accompanied by the decline of the others. These and many other phenomena explain why the spatial approach to the study of world economy becomes of major importance.

The book consists of five sections. The first section shows the origin, the stages of development and the traditions of Russian school of geography of world economy, in particular industrial geography. The contribution of different scientists to the elaboration of its basic ideas is traced. The section also reflects new prospective and current trends in geographical research on world economy: patterns of value added chains, spatial asynchrony and asymmetry of globalization, the rates of geopolitical and global economic processes, the emergence of new areas – corporate geography, study of nodal-network structures, the use of GIS and atlas information systems. It is emphasized that due to the growth of transnational corporations and processes of "supranational" regionalization the concept of

the international division of labor, fundamental to human geography and other disciplines, requires substantial revision. The potential of another model, "center-periphery", also critically important for geography of world economy, needs to be reassessed.

The issue of neo-industrialization as the transition to a knowledge-intensive, high-tech, environmentally friendly and labor-replacing industrial production, providing a new, higher level of the material basis of economy, is discussed for the first time for the national geographical literature. This trend is most noticeable in the developed world, in particular in Germany. But the scale of potential changes in the competitiveness of particular countries under the influence of neo-industrialization is not clear yet.

The second section describes the main tendencies in the development of industry which remain a crucial factor of the entire economic mechanism's efficiency. Dramatic changes in many major world commodity markets are traced: of oil and gas, petrochemicals, steel, non-ferrous metals, including aluminum and rare-earth elements, which are important for the production of high-tech products, also plastic, round timber and grain. The rising role of developing countries in the production, consumption and trade of industrial products is one of major trends.

In the third section the shifts in the development of the most important branches of the tertiary sector are evaluated. Particular attention is paid to the world financial markets, R & D and the international tourist market. The chapter on telecommunications, which experience revolutionary changes brought about by the formation of an integrated global digital system, is a pioneer work. The active transfer of both domestic and international traffic from fixed telephony to mobile networks, internet telephony, and new alternative types of communications is shown, in particular. For the first time the geography of consumer Internet trading growing at a rapid pace, is presented. The main factors and mechanisms of cross-national flows of goods purchased via Internet are defined, company strategies and world leaders in the field revealed. A special chapter is devoted to a radical change in the business model of international air transportation associated with the transition to global structures – aviation alliances.

The fourth section deals with the changing role of a number of large and small countries and regions in the world politics and economy provoked by fundamental structural economic changes. An analysis of the scale, composition and geographical distribution of foreign trade and investments shows the rapidly growing influence of China – the main force involving many developing countries in the international division of labor. At the same time, the country is gradually losing its comparative advantages in the production of labor-intensive products with low value-added. It raises the question whether China will remain the "world factory" in the future. Obviously, a critical factor of further changes in economic power of countries and regions is their innovative potential.

Innovative resources, the creation of the most promising sectors of economy, the importance of governmental policy and foreign investments in the development of national innovation systems in BRIC countries are compared. The latter are being developed most successfully in China and India. Russia has failed so far in achieving a breakthrough in the field of innovations. It impacts, in particular, the potential of economic integration in the post-Soviet space. The authors proved that this potential is limited by contradictory interests of partners. The scenarios of the post-Soviet space's development are presented, They are determined by dominant representations in each country about their future, global and regional mission, as reflected in national projects, programs, concepts, development strategies.

A significant part of the section is devoted to regionalization in Europe as one of the most important manifestations of globalization. This process is reflected in the formation of regions of different origin, geographical extent and maturity, including those which comprise entire countries and inter-state territories, i.e. cross-border regions.

Finally, in the concluding fifth section attempts are made to show the growing importance of human capital in the global economic development, as well as the interrelation and interdependence of regions and countries of the world. A chapter is dedicated to complex characteristics of contemporary international migrations at different territorial levels. The growing scale and dynamics of the phenomenon is reviewed. The main trends in international migrations in the context of globalization and changes in the composition of migrants are being discussed in detail. For the first time estimates of illegal migration in different countries are made on the basis of special technique. General trends and features of major migration systems in the world are compared. Much attention is paid to the migration crisis in Europe as a big challenge to European integration. A phenomenon of today's international educational migration is analyzed on the case of Czechia. One of the key findings in this section is that the rapid increase in human resources exchange is combined with the desire of recipient countries and regions to regulate it in a systematic way, preferring particular categories of migrants, firstly those who have a high level of education and skills. It can be interpreted as the transition to a model of purposeful training, selection and concentration of human capital, which is considered as a key element of competitiveness.

Научное издание

**ГЕОГРАФИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА:
ТРАДИЦИИ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Коллективная монография

Под редакцией В.А. Колосова и Н.А. Слуки

Верстка: Касьяненко Е.Н.

Подписано в печать 15.11.2016. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Печ. л. 25. Тираж 500 экз.

**Качество печати соответствует качеству
представленного оригинал-макета**

ООО «Издательство» «Ойкумена»

214030, г. Смоленск,

ул. Нормандия-Неман, 6-77.

Тел./факс: (0812) 64-27-58, 8-903-891-36-88

Отпечатано в типографии «Принт-Экспресс»

214018, г. Смоленск, проспект Гагарина, д. 21.

Тел./факс: (4812) 32-80-70, 62-88-85, 32-71-54, 68-34-70.

E-mail: smolensk@print-express99.ru

ISBN 978-5-93520-088-0

9 785935 200880